МИНЗДРАВ РОССИИ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ЭДУАРД ЛОНК

18+ КНИГА СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ И СЦЕНЫ НАСИЛИЯ

Эдвард Монк
Снег

https://litres.ru/73795536
SelfPub; 2026

Аннотация

2195-й год. Полвека со времён Коллапса. Японское рыболовецкое судно отправляет в Калифорнию юную разведчицу без кошачьих ушей. Кошачьи уши появятся в процессе. На Пути ей в целом повстречается много интересного: оружие с бесконечными патронами, передовой искусственный интеллект, небоскрёб — двухкилометровый памятник тех-натур-модерна, собственная смерть, идеологически подкованные вооружённые группировки, корпоративные акулы и коты, сексуальное насилие, высокохудожественная кровавая резня и прочие повороты сюжета...

Текст оставляю полностью открытым до самого финала.

Содержание

Предисловия.	4
+	11
0. Пролог. «Второй отдел».	12
1. «Tokyo».	55
2. Samūm.	272
3. Uni_versus.	512
4. НЭКО	710
5. Эпилог. Техник.	846

Снег

Предисловия.

Первое.

Каждый из нас полон надежд. Каждый из нас радуется, когда его маленькие и большие фантазии воплощаются в жизнь, и хорошо, когда под этими фантазиями есть твёрдая основа. Мы хорошо научились рассчитывать вероятности и строить долгосрочные планы, мы взвешиваем риски и ищем подводные камни, мы вычисляем оптимальный путь. Уже на уровне размышлений мы получаем отголосок тех чувств, которые ждут нас после того, как расчёты сбудутся. А главное, что наши ожидания могут дарить окружающим положительные эмоции. Вот и мне хочется поделиться одним вдохновляющим и вполне очевидным прогнозом: мы, скорее всего, не одни во Вселенной. Ведь если жизнь в космическом пространстве существует только на Земле, то Вселенная сыграла в лотерею с почти стопроцентным шансом на проигрыш и сорвала джекпот. Посудите сами: при общей массе космоса 10 кг в 53-й степени, Земля весит 10 в 24-й, так что если жизнь существует только на Земле, то она занимает лишь нониллионную часть космоса, а нониллион, как вы уже поняли, – число с тридцатью нулями. Возможно, нам действительно «повезло», но такой маленький шанс всё равно вызы-

вает сомнения. Да и много ли мы знаем объектов, которые существуют в единственном экземпляре? Мы видим множество чёрных дыр, квазаров или чего-то такого, поэтому обнаружение планеты, подобной нашей, – вопрос времени (а ещё финансирования и приоритетов).

Но существует и встречный вопрос, который будоражит умы скептически настроенных учёных: «Почему мы не получаем сигналов извне?» Здесь у учёных стоит спросить, как часто они ходят в лес, садятся у муравейника и разговаривают с муравьями? Шанс того, что жизнь на двух планетах появится одновременно, ничтожно мал, так что между нами и последней появившейся до нас цивилизацией – десятки, если не сотни тысяч лет эволюционного развития. Они давно проникли в иные измерения и научились перемещаться между астрономическими картами, и дружеская болтовня с нами не имеет для них никакой практической ценности. Нет, им не любопытно, не интересно и не необходимо. К тому же нарушать естественный ход эволюции попросту опасно – это может привести к хаосу. Не стоит расшатывать и без того нестабильную систему земного социума. Плюс ко всему, мы наверняка пропустим их советы мимо ушей и всё равно сделаем по-своему. Ну вот прилетит к нам сверхразумная наночастица и предложит, помимо прочего, избавляться от религий. Ещё чего!? Для многих вера – это уютный уголок, в котором всегда можно найти утешение, для других – высокооплачиваемая работа, для третьих – оправдание. А хуже

всего то, что обычный совет способен вызвать разрушительную цепную реакцию, так что нет – они не станут говорить нам, как жить. С нами вообще ни о чём не будут говорить, пока мы не достигнем определённого уровня. Для примера можно взять гориллу Коко, с которой общались люди. Она использовала язык жестов и знала сто с лишним человеческих слов – лишь тогда немногим из нас действительно захотелось с ней поболтать.

Второе.

В этом произведении найдётся много сцен, которые разными людьми будут восприниматься с противоположных углов. Кто-то примется искать революционный подтекст, высмеивание веры или пропаганду «нетрадиционных идей», а их, по факту, нет (просто люди с определённым складом ума предрасположены к сражению с мельницами). Поэтому лучше пояснить заранее, что все персонажи, их характеры и действия созданы моим внутренним рандомайзером, а не попыткой кивнуть в сторону той или иной стороны. Здесь, в предисловии, будет сложно объяснить все нюансы, но вектор мысли можно показать на примере, скажем, однополой любви. Одни апеллируют к Библии и говорят, что гомосексуализм – это содомия, ведущая душу в ад; другие считают, что даже в таком проявлении чувств есть свобода человека и нельзя этого запрещать. Я не буду ссылаться на священные тексты, на законы, конституции, идеологии, мораль

и прочее. Мне ближе другой подход: логический, и работает он, кажется, лучше всего. Представьте две страны, одна из которых пропагандирует однополую любовь, а вторая – нет. Естественно, там, где есть однополая пропаганда, детей станет появляться меньше, то есть страна начнёт проигрывать по демографии (и не только по ней). Так что подталкивать людей к гомосексуализму – глупость. Нет, лезть в спальню двух взрослых людей у нас тоже нет права, но и поощрять такие отношения нельзя. Нельзя, чтобы земная нация вымирала – именно на этой базе строятся мои убеждения. А если кому-то требуется затормозить рост населения, то лучше повышать грамотность среди женщин, чем проталкивать сомнительные идеи.

В целом я выступаю за любую инициативу, которая даёт положительный эффект для нашего развития. По большому счёту, любое действие или бездействие есть корректировка эволюционного импульса, который движется к одному экстремуму: к забвению или утопии. Любой значительный или не очень шаг может дать неожиданный результат. Книга Чернышевского подтолкнула Ленина к идее революции, труд Ницше вложил в голову Гитлера концепцию сверхчеловека. Человечество – это динамическая система, в которой мы все друг друга толкаем. Неправильное действие можно считать зарождением раковой опухоли, правильное – иммунным ответом. Именно поэтому кажется глупым, что какая-нибудь «BlackRock» спонсирует через третьих лиц во-

енные конфликты. Это так же глупо, как сотрудники ЦРУ, которые давали деньги и оружие исламским радикалам, взорвавшим в итоге башни-близнецы. Умный человек умеет думать в долгосрочной перспективе, предвидеть плоды своих трудов спустя десятки лет. Животные не мыслят такими большими категориями, и тут стоит задуматься, а так уж далеко эти влиятельные шишки ушли от обезьян? Неужели им плевать, что будет в недалёком будущем? Неужели накопление капитала – их приоритетная цель? Неужели эти безумные торговцы смертью – лучшее, что есть у нашего мира? Что если ресурсы скапливаются в руках идиотов, которые выигрывают благодаря силе и наглости? Вопросы, естественно, риторические.

Третье.

Местами текст довольно сложный – в нём много терминов (значение некоторых из них мне даже известно), в нём полно длинных слов и попадаются неповоротливые конструкции, типа «потеря абстрактного образа, привносящего гармонию в его мироощущение». Надеюсь, это будет восприниматься так, как и задумано, то есть зарядкой для ума. Впрочем, никогда не бывает так, чтобы сто процентов людей безоговорочно принимали правила игры (чем и прекрасно эволюционное разнообразие). Помимо прочего, многие «технологии будущего» вызовут скепсис, например, токамак размером в половину спичечного коробка, который использует-

ся в качестве элемента питания. Ко времени действия сюжета, без сомнения, придумают более мощные и компактные элементы питания, но это точно будет не миниатюрный токамак. Просто иногда хочется ввернуть интересное научное словечко. Так что здесь будет много концепций: интересных, глупых, сомнительных – каких угодно, хотя главная идея, на мой взгляд, будет описана очень правдоподобно. А вообще, иногда полезно использовать правило «Форсажа»: ради динамичного сюжета можно плюнуть на физику. Что из этого получилось – решать вам.

Стоит также сказать о силе текста. Хороший текст – самый мощный инструмент для влияния на личность. Пропаганда или харизматичный учитель, конечно, тоже имеют сильные стороны, но книга – это сверхоружие. Вы не просто слушаете чужие идеи, вы буквально продумываете их один в один, и ваш разум на какое-то время превращается в разум автора. А ведь это не просто мысли, а их квинтэссенция. Сделанные выводы объясняются максимально лаконично, формулировки избавляются от «воды», долгие рассуждения не ломают динамику повествования. Это почти магия.

Естественно, мне нравится русский язык. С его помощью можно создавать любопытные конструкции и неологизмы. Тем не менее иногда здесь встречаются англицизмы. Например, нарицательное «Скриптрайтер» не получится заменить словом «Сценарист», потому что он именно прописывает скрипты, а какой-нибудь «Прописыватель задач» будет зву-

чать громоздко и глупо. На самом деле мне хочется, чтобы русский язык полюбили чуть сильнее, чем любят сейчас. Ещё больше мне хочется, чтобы читатель полюбил науку. Что ж, посмотрим, справится ли с этим постапокалипсис с элементами исекая, но работа проделана большая. Кстати, данное произведение создано без использования искусственного интеллекта, так что считайте, что перед вами натуральный продукт без примесей. Пожалуй, на этом закончу.

Ах да, и последнее: это лучшее, что я читал.

+

Посвящается, наверное, Ким.

0. Пролог. «Второй отдел».

В безликой пустыне, где верной не видно дороги, сгорая от жажды, я буду искать ориентиры, но каждая новая дюна собьёт меня с толку сильнее. И мыслей моих караваны, которым оазис не виден, потянутся жалко до ржавого вентиля неба, а губы сухие безмолвно взалкают дождя. В минуту той слабости грузной последнюю дань внести приготовлюсь и каждого вспомню, кому утешенья в момент перелома не дал. Тогда остановится всё: поэзия, время и смыслы; сломаются ритмы и символы в прах обратятся… Но мысль о тебе в засыпающем мозге раскатом заветного грома ударит, с которым вернётся надежда.

Свободная невадская пустошь необъятна, как душа кочевника. С высоты трёхъярусной трассы отчётливо виден абрис залитой солнцем песчаной степи: тошнотворная рябь редкой, болезненно-желтой травы, увядающая полынь и коротколистные юкки, запутанные, как молекулы аспарагина. Жаркий пульс пустыни размывает тощие тушки койотов, что вынюхивают по норам пугливых полевых мышек, сливаются с обожжённым камнем юркие ящерки – безобразные кляксы, которые вдруг срываются с места, и только по мелькающему маятнику хвоста можно понять, что это за чудо. Склоны горных цепей наседают друг на друга, вторя океанским

волнам, в асимметричных изгибах плещется утро, щедро заливая нагие низины тягучей плавленой латунью. Цветущие островки кактусов загораются яркими бутонами, набухшими от собранной по крупицам влаги, дремучий сухостой – можжевельник, сосны и ели – наседает на небольшой городишко, безмятежный и почти эфемерный: зеркальные поверхности высоток купаются в безоблачно-синих небесах, а ниже – стройные кварталы в уютной сетке улиц, скопления кампусов, старинные музеи и казино, некогда пестрившие декоративными огнями. Теперь это вылинявший город-призрак, источающий серое, холодное одиночество кладбищенских плит.

Хорошо, что герр Вирц не верил в паранормальное, иначе перед ним разверзлась бы преисподняя с внушительной картотекой разбитых по шаблонам неудачников. Обгорелые в костре ацтеки с вырезанными сердцами возносили бы благодарности владыке тепла и вулканов, мертворожденные младенцы воспарили над землёй пухлозадыми купидончиками, зашевелились целые стада агнцев, ну а сколько бы восстало солдат, брошенных в самое пекло, даже подумать страшно. Окурок безразлично полетел с двадцатиметровой высоты, завихрился от порыва сухого южного ветра и исчез, не оставив никакого материального следа. Во «Втором отделе» не мусорят и пробелы восприятия всякой ерундой не забивают. Некоторым просто необходимо представить какие-нибудь пламенные руны или архаичный бесколёсный остов,

пришедший в движение от вдруг ожившего электрогенератора, а всё-таки уму непостижимо, с какой силой плодят анимистов жажда и скука. Конечно, неопределённо-размытый и предельно неясный силуэт, в котором угадываются знакомые черты, может произвести впечатление, какое производит на ребёнка бабочка, распластавшая крылышки с глазастым узором, только рано или поздно нужно переставать быть детьми.

На его транзитном маршруте повстречалось достаточно миров, чья тонкая настройка действительно предусматривала загробную жизнь, в которой от человека оставался лишь куцый примитивный фантом, приговорённый к повторению привычных ритуалов. Предел мечтаний призрака – разврат и самообожание, и если одни проводят вечность в мастурбации, то наиболее успешные пересчитывают воображаемые миллиарды, важно курят сигары и гордятся коллекциями одинаково неточных наручных часиков, но ни те, ни другие не способны переступить разграничительную линию, где привязанностям суждено наконец разорваться. Сила привычки – страшная вещь, но что возьмёшь с безмозглого духа, которому целую вечность коротать? В этой вселенной всё совсем не так. Погибло, конечно, почти сто процентов населения, из которых каждый чего-то не успел, зато никаких повторов, никакого превращения в отголосок собственной личности. Любая же визуальная иллюзия, возникающая в пути, объяснялась обыкновенным молекулярным хороводом – испарением ядовитого грунта, вьющегося в осевших

воздушных массах.

Пугаться миражей у Вирца не было ни желания, ни времени – его больше беспокоил настоящий хаос, способный менять естественный ход вещей. Эта беспардонная сила завалилась к нему домой, словно пьяный гусар в битком набитый кабак, перевернула фортепиано и переломала мебель, да только кабатчик тоже оказался не лыком шит… Теперь неплохо бы вернуться на место дебоша и забрать Энн – его главную звёздочку, что осталась нетронутой, его наиважнейшее достижение, стоившее каждого колебания атома. Скриптрайтер не добрался до неё, а это главнее всего на свете, ведь пока она жива, у него тоже есть смысл жить. Конечно, безвременное заточение в опустевшем доме – так себе спасение, но он вытащит её, успеет до того, как Энн свихнётся от одиночества, потому что дал клятву. Вернее, две клятвы: сначала ей, а затем самому себе.

Интересно, что скажет Энн, когда попадёт на Землю? Она обожает петь и отлично играет на клавишных, но срезонирует ли в её сердце чужая культура? Поймёт ли она сказочно-невесомые дома Гауди или посчитает их переусложнёнными и избыточными? Увидит ли потенциал сокрытой мощи в статичных картинках Айвазовского, что не способны выплеснуться за рамки? Глупый вопрос. Энн даже в вещах абстрактных способна увидеть красоту.

Занимая правое переднее сиденье космически чёрного «Хаммера», трассирующего по верхнему «этажу» массив-

ного хайвея, Вирц погрузился в полудрёму, блаженно сомкнув веки. Из приёмника доносился мерный шум прибоя, поверх которого синхронно скользила очаровательная песня – дочурка пиратского капитана наконец-то взяла правильные аккорды и тоскливо цитировала «Нирвану». Тронутый её чувственным исполнением Виктор Деф, сидевший слева, подвернул колесо настройки сухопарой рукой, предоставив исполнительницу самой себе. Вирц отметил, что девочка «жжёт», причиной чего было не правильное положение кисти или крепость голосовых связок, а способность концентрировать чувства и пробивать самую крепкую эмоциональную защиту. В эмпатии эта юная гитаристка добилась серьезных успехов: оставалось чуть крепче надавить, чтобы у каждого из пассажиров проступили скупые горькие слёзы. Деф, к слову, совсем кислый стал, будто являлся самым рьяным фанатом Кобейна, а он, между прочим, пережил нагрузки в 20 g, когда осколки спутников сбили его с орбиты, проковыляв затем от Юкатана до Луизианы. Он не из тех, кто ноет.

Сборщик информации, установленный под капотом «Хаммера», считывал мир, как с листа, и Вирц, подключённый к устройству дистанционно, видел фундаментальную структуру бытия, отмечал основополагающие шаблоны и паттерны, разматывал спутанные в узлы данные. Спектрограммы, графики и таблицы уводили его в суборбитали всеохватывающего метаанализа. Сквозь никотиновый туман, практически из другой реальности, его коснулся моло-

дой и весьма самоуверенный бас, вернув на Землю:

– Говорят, что в Неваде, прямо посреди Мохаве, проходил когда-то офигенный фестиваль, на котором отжигали сногсшибательные молоденькие девушки. Без них эта херова пустыня чуть менее живописна. Неужели без геноцида было никак?

Макс. Силовой механизм с почти идеальным КПД. Постоянно ищет то потасовки, то любви без обязательств, потому-то с тренажёров не слезает – сохраняет баланс между подвижностью и массой. Классический трайбл занимает правую сторону шеи, переходя на предплечье и мускулистую грудь – потеха для самолюбия, приманка для «самочек» и предостережение конкурентам. Это как вздыбленная шерсть у хищников: так кажешься больше, опаснее. Взгляд неизменно уничижающий, а двигается на манер заставленного пушками галеона, готового к абордажу – быстро и заметно. Ради нужного результата пришлось сделать ставку на холодныймашинный расчёт – вот Макс и бесится: чувствует себя клубным стероидным дуболомом, неспособным к сложным вычислениям. Славный он малый, за результат в лепёшку расшибётся, только на крайние меры пойти не готов. Ему до сих пор кажется, что Вирц перегнул палку, что имелись более гуманные альтернативы для достижения цели. Factum est factum. Ядерных псов в любом случае спустили бы с цепи, так что пришлось брать процесс за рога и вносить коррективы. Макс, кажется, понимал сложность задумки, а всё-

таки загорался от любой случайной искры. Недавно кто-то пошутил, мол, Вирц вписался в Апокалипсис, потому что у него закончились сигареты, что вполне смахивало на правду, учитывая две увесистые коробки «Marlboro» в багажнике, плюс по пачке у каждого из них, а курил Координатор не переставая. Без расплывчатых образов, сплетаемых жжёным табаком, он становился беспокойным, словно терял нечто родное, обволакивающее его неуловимую душу. Макса нервировал тлеющий аромат «Вирджинии» с липким привкусом смолы, раздражало всё нездоровое, бесили пустые пространства и нехватка подтянутых девчат, коих не заменяла ни искусственная стимуляция, ни виртуальная реальность. Вирц подбирал слова. Ласково щёлкнула крышечка бензиновой посеребрённой «Zippo», пламя, ударив о фабричную папиросу, полыхнуло в левом глазу, проницательном и спокойном. Тяжело прикрываться вероятностями, когда твоему визави плевать на прогнозы. Можно отшутиться, сказать, что законы физики не запрещают истреблять народы, как правила бокса не защищают от перелома челюсти, так что жахнувшие ракеты – закономерные следствия естественных причин… Жаль только смеха не последует. И понимание не придёт, потому что не понимание ему нужно, а всего-навсего выплеснуть излишки тестостерона.

Конечно, Коллапсу предшествовали крайне глупые шаги. Вот Томпсон, например, притащил целый вагон проблем, продвигая вредоносные сайберфлаты и тайно доставляя ору-

жие массового поражения на низкую орбиту. На что только не пойдёшь ради директорского кресла. Теперь он на правильной стороне, хотя стоило бы придумать ему подходящее наказание: например, с месяцок плясать в приёмной в скоморошьем наряде и играть на скрипке за двойной (кстати!) оклад – они же не варвары, и рабства у них нет. Другое дело – Техник, который изначально боролся за человечество. Жаль только, что борьба эта оставляла отпечатки на его одарённых мозгах. Старик начал терять связь с реальностью, плотно подсел на психостимуляторы, притупил инстинкт самосохранения, а в итоге вообще откинул ласты. Знал ведь, чем рискует, чёртов псих. Вот уж кто точно достоин обложки «Time», если уже там не побывал. Жаль, что он погиб под Лос-Анджелесом, но, как гласит одна проверенная веками пословица…

– Клаус! Ведь вижу, что не спишь! Дым один хрен долетает! – Макс саданул в спинку сиденья, и Координатор ощутил теплоту каждого дрогнувшего позвонка. Губы чуть не выпустили фильтр, и пугала здесь не вероятность обжечься или посадить дырку на штанах, а потеря абстрактного образа, привносящего гармонию в его мироощущение.

– Раз видишь, значит, сенсоры в норме.

Имелись в виду органы чувств.

Ёрзая на месте, Вирц пытался успокоить затёкшее тело – этот неповоротливый мясной конструкт, если говорить грубо, ну а если мягче – корявый клеточный симбиоз. Благо,

продуктом этого симбиоза являлся разум, достаточно развитый для того, чтобы вместить бестелесного инопланетного гостя. Мозг, по сути, театр, который часто беспокоится о нехватке актёров, и если успеешь заинтересовать постановщика, станешь частью спектакля. Вот только есть фатальный момент, когда произведение объявляют эталоном и оно становится невосприимчиво к новым идеям. Религия. Тупик эволюции. Мелководная гавань души. В труппу такого театра даже по знакомству попасть проблематично… Вирц смаковал пейзаж, зависнув на какое-то мгновение, и думал о скрытой природе вещей. Ход машины поднимал вредоносную пыль, а фильтры салона пытались доказать, что всюду благоухают сады. Наконец, последовал ответ:

– Ты слышал про правило Антоши Чехонте?..

– Что ещё за Чехонте? – озадаченно перебил Виктор. Его суровое лицо рассекали выразительные линии морщин – следствие кислородного голодания в условиях длительных горных походов.

– Один русский коновал. – В самодовольном голосе Клауса сквозила наиглупейшая ирония, указывающая на спокойствие и, более того, хладнокровие. – Он считал, что висящее на театральной сцене ружьё непременно обязано выстрелить.

– Рационалист, – уважительно прохрипел Деф. – Чехонте мог бы книги писать.

– Дык он и писал, – сзади полусонно просопел забивший-

ся в уголок Хирург.

Клаус продолжал, как ни в чём не бывало:

– Потенциально опасных ружей стало слишком много. Были те, что вели к мелким локальным столкновениям, были другие, чётко вписанные для экономического давления, но когда со стойки потащили огромную ядерную аркебузу, которая ясно выделялась среди других элементов повествования, неизбежность Коллапса стала очевидна. Мне, вообще, сложно понять спокойствие землян: по Тихому океану плавает мусорное пятно размером с Францию, тут и там гремят политические расправы, в коммунальных квартирках старый добрый семейный мордобой, который до последнего терпят, потому что сор из избы выносить не принято. Издалека, наверное, подобные штришки могли сойти за развлекательный контент, а гипотетический нейтронный удар – за идеальное средство защиты от, скажем, печенегов. Когда-то ради яичницы приходилось забираться в птичьи гнёзда, приручать коров и отколупывать соль с пещерных стенок, и личность становилась тем более масштабна, чем дальше могла отойти от насиженного места, однако вместо того, чтобы вырасти до размеров планеты, она скукожилась до рамок личного островка. Нежелание выйти из комнаты угробило стремления, и герои, готовые отправиться в темноту, чтобы ради яичницы сражать демонов, остались только на страницах бездарных романов. А демоны только того и ждали… Производители оружия кооперировались с крупными политическими

игроками, вкладываясь в разжигание военных конфликтов, на которых затем прилично зарабатывали, росли рынки запрещённых веществ и прочего нелегального товара, а авторитарные режимы, прикидываясь демократиями, перерабатывали на удобрения любого впавшего в немилость. А вообще, зачатки демократии похоронили ещё в чудесную эпоху эллинов. Слишком много помешанных на власти идейных импотентов дорвалось до трибуны благодаря превратности судьбы и инертности большинства, заявляя с важным видом, что никакие они не импотенты, а уж когда они стали собираться в стайки, доказывая другим важность собственного бесформенного «я», оставалось только хвататься за голову. В любом случае, кризиса нельзя было миновать: фундаментальные законы толкают людей к взаимному поглощению, исходный код задаёт конфронтацию, так что пришлось катализировать неотвратимый процесс и, более того, брать на контроль последствия.

– Ты мог постараться избежать кризиса, – не унимался Макс. – Возможно, стоило плотнее работать с политической верхушкой…

– Бесполезная трата ресурсов! – с апломбом парировал Координатор, закусив зубами фильтр, продолжая елозить в поиске идеальной позы. – Отдельными политиками управлять нет смысла, а манипулировать всем пулом, играющим в гегемонов, просто невозможно. Государство – целая сеть разношёрстного сброда, прикрывающегося «национальны-

ми интересами» ради собственных выгод; внутри него зреют разногласия, снаружи постоянно нагнетается давление, и такое количество постоянно меняющихся значений физически не поддаётся контролю. Я не бог, – он сбавил обороты, – и даже не сверхразум. Но сколь бы сложна ни была система, одно было ясно точно: если бы сайберы нанесли удар первыми, то получили бы над Землёй тотальный контроль. Психоцифровое внушение, которым они занимались с начала двадцать второго века, увеличивало их паству с невероятной скоростью. «S&C» двигались к монополии на человеческий разум, окучивая в том числе сильных мира сего, так что когда случился первый ядерный инцидент, пришлось играть на опережение, пуская в расход марионеточные правительства вместе со всеми подданными. Король не может сражаться без королевской рати и, будучи открытым со всех сторон, вынужден носиться по доске в поисках безопасного угла. Теперь нашим оппонентам приходится начинать всё заново, покинутыми ростками рвать сухое чрево саванны, а мы целостны, и тень наша внушительнее с каждым оборотом оси. Перелистай документацию, вникни в каждый аналитический блок и поймешь, что своевременная бомбардировка средствами массового поражения – самая действенная панацея из всех мне доступных, а прогнозы вполне себе сбываются. Научишься работать с аналитикой – перестанешь быть скептиком.

– Вопросов нет – прогнозы великолепны, – прозвучало

почти виновато. – И я не скептик, а перфекционист: железно верю, что существовало лучшее решение.

– Если пытаться угодить каждому, ни одно дело не будет начато. – После получаса монотонной езды грех было не отыграть напыщенного философа. – Вопрос ведь не в средствах, а в исходе, контурные линии которого уже очерчиваются в общей перспективе. Не за горами бесконечно прекрасное будущее, в котором индивидуальность не будет мешать совокупности, а понятие личной выгоды станет созвучно выгоде общественной. Раньше человека дрессировали в спешке, получая какой-то неполноценный продукт, за прогрессом же успевали единицы, так же не способные побороть ни неравенства, ни беззакония. Лишь уравняв число обучаемых с числом учителей, полезные свойства человечества взлетят по экспоненте, и именно таким курсом мы быстрее всего научимся управлять физическими законами, перешагнув через барьеры, казавшиеся когда-то непреодолимыми. – Он мечтательно вздохнул. – Так что не гони на расчёты и на меня в частности, будто не замечаешь, какие плоды приносит сделанный выбор. – Напористой струйкой вылетел дым, повисла театральная пауза. – Сосредоточься лучше на задании. Нас могут ожидать крайне неприятные сюрпризы.

Макс разлепил было губы, коснулся языком внутренней стороны щеки, не издав более ни звука, мол, он всё уяснил, но к дискуссии ещё вернётся. В утопическом будущем сомневаться не приходилось, цели постепенно достигались, да

только прошлое имеет свойство бить по вискам, долбит в одну и ту же точку, заставляя вновь и вновь взвешивать то, что осталось на другой чаше весов. Не выкинешь из памяти маленькую сербскую деревушку и русую девчонку с косой до пояса, которую он, наверное, по-настоящему любил. Каждое сокращение сердца высекало искры, только жестокий мир растерзал её прежде, чем случился всепоглощающий пожар, выжав вместо пламени очередную капельку горя. Она стала жертвой бандитского налёта, простым человечком, разбившимся о несовершенство человеческой природы. Если время получится повернуть вспять, Макс обнимет её крепко, как было в тот последний раз, и скажет то, о чём промолчал: что не может забыть вкуса кофе с молоком, принесённого поцелуем, и что её распущенные волосы казались ему рекой, сотканной из лунного света. Одно было хорошо в её жертве: чем меньше оставалось беззащитных, тем меньше делалось зла.

– Испытал что-нибудь новое, когда вынес человечество вперёд ногами? – Холодный скрежет Дефа пробрал бы грешников в адском котле. Клаус важно почесал шею.

– Облегчение. Не удовольствие в прямом смысле этого слова, скорее гроссмейстерское понимание того, что ситуация под относительным контролем. Насколько же проще производить анализ, когда доска пустеет. Удовлетворение наступает сейчас, когда кость повторно сломана и начинает срастаться так, как необходимо.

– Меня в пот бросило от видеоархивов: огненные торнадо, облака транспластового микроволокна, силуэты, радиацией отпечатанные в камне. Неужели за столько лет пребывания в человеческих телах, ты так и не научился сопереживанию? – В грубое шарканье Дефа подмешался научный интерес.

– Снова ты про мораль. Снова надеешься, что я поставлю её выше рационального подхода. Какая разница: дети, собаки, французы?.. У нас есть шанс вернуть каждого, воссоздать утраченные «оригиналы» и привести мир к равновесию. Твоя сестрёнка, Виктор, снова будет объезжать лошадей на семейном ранчо, чем наверняка занимается в других сценариях, а может, где-то всё наоборот, и это ты погиб, а она ищет способ тебя воскресить. В множестве миров допустимы самые разные цепочки событий, но куда бы всё ни двигалось – к руинам или утопии – этому рано или поздно может прийти конец, пока за порогом наших домов беснуется необузданная сила. Я видел, как закипают океаны, в которых заживо варились бессмертные боги, явно ждавшие не такого призывного ритуала, я чувствовал болевую пульсацию переливчатых живых масс, пролетал сквозь непостижимые обители неведомых гигантов, чьи своды, размером с космос, рушились лишь оттого, что перо Скриптрайтера слегка шлифануло несущую балку. Это наша первая цель. Даже не спасение моей дорогой Энн, а победа над сложной, дьявольски расчётливой структурой, которая изо всех сил пытается сорвать нейтрализующую крышку саркофага. Что же до пароч-

ки смертей…

– «Парочки» миллиардов смертей. – Деф ощерился одной стороной рта, по-монгольски ехидно сощурясь.

– Понятие смерти – философский антревольт, беспокоящий тех бедолаг, что не склонны к точным наукам. Любая амёба, по сути, массив данных, всякое вещество, каждый кварк – просто бери и складывай заново. Всё человечество можно собрать, было бы желание.

– Да-да, – громко, но без энтузиазма отчеканил Макс. – Мы ничего не уничтожали, всего лишь внесли коррективы.

– Этой пастве ещё повезло с Мессией. – Хирург входил в окончательную фазу победы над ленью, но до сих пор как будто бредил во сне, упираясь лысой головой в стекло. – Взглянем в святые анналы Завета: зависть толкнула Каина на безжалостное убийство Авеля, и Господь не остановил сей акт омотыживания, хотя мог; далее Хам ухахатывался над наготой Ноя, но Господь снова ничегошеньки не сделал. Что стоило Господу научить человека азам взаимоуважения? Пальцами щёлкнуть. Вот и выходит, что ветхозаветный Бог – какой-то маньяк, наблюдающий из шкафа с пенисом наизготовку, неистово жаждущий, чтобы каждый об этом знал. Если же ты не желаешь потакать его желаниям, то ждёт тебя геенна огненная и десять египетских казней. Клаус же не думал никого наказывать, а на геенну согласился из необходимости. Как бы там ни было, одно ясно точно: человек обожает делать глупости, и без толкового наставника часто ста-

новится опасен для себя самого.

– Свобода воли без педагогики действительно не работает, а за развеянных по ветру детишек всё-таки обидно. – Деф горестно ухмыльнулся, уйдя в загадочное молчание. Когда случился Коллапс, он висел на околоземной орбите, готовясь «прыгнуть» к Луне, и тут – на тебе! По космосу прокатилась ударная волна, отломанные куски летательных аппаратов заполонили стратосферу, цапая его новенький старлайнер, и скоро началось почти бесконечное падение на Юкатан, в котором он то отключался, то возвращался в полуобморок. Оказаться одному в безлюдной части Мексики было не так страшно, как узнать, что Холли погибла. После всех испытаний не таких он ожидал новостей. Виктор запросто отдал бы пару ног за встречу с сестрой, пускай бы потерял их при жестком приземлении тогда, в 2145-м, лишь бы знать, что она ждёт его, живая и здоровая. На руках бы дополз, глотая мелкую, цепкую пыль, благодаря судьбу за каждый преодолённый ярд.

Про Скриптрайтер, якобы уничтожающий миры, известно было лишь со слов Координатора, однако ему верили. Это была безоговорочная, даже фанатичная вера, без которой сама идея борьбы с чем-то настолько непостижимым и масштабным кажется глупой. Последнее, что помнил Клаус из своей запутанной Одиссеи – как сложная вычислительная программа ввинтилась штопором в Млечный Путь и отцепила назойливого клопа, выбросив того в Германию. Теперь

«клоп» надеялся взять реванш, ибо месть – единственная субстанция, способная утолить неугасающую жажду крови.

Хирург окончательно взбодрился и необычайно жизнерадостно, для сорока лет биологического возраста, потянулся, хрустя суставами, повёл крупным носом, потеребил мочку мясистого уха, украшенного золотой серьгой, поймал весёленький блик на лоснящуюся кожу бугристого лба, и могло показаться даже, что над ним возник нимб священного атеизма. Будто рождённый от порочной связи пельменя и тролля, выглядел он чудно, но ничуть не комплексовал: тот, кто способен простоять у лабораторного стола несколько суток к ряду, манипулируя аминокислотами и более сложными соединениями, не парится из-за состояния обложки. Вопросы он задавать стеснялся, разве что добавлял парочку в общую кучу, вот и здесь воспользовался лазейкой.

– Меня инте'есует, что ты чувствуешь, когда покидаешь тело? – с картавым энтузиазмом произнёс док.

– Энтропию. Стремление рассеяться, выпустив себя на простор. Так разлетаются гамма-волны после аварии на атомной станции. В своё первое пришествие я почти ушёл в небытие, погружался в пустоту, потому что ничего не осознавал, даже себя. Обидно найти конец, беспомощно барахтаясь в информационном океане, однако мне удалось вовремя разобраться в устройстве вашего мира. Дальше дело оставалось за малым: занять разум, подходящий под масштаб моей личности. Освоившись в биологической оболочке, я с

ужасом осознал, насколько быстро она распадается и какой неподъемный объём задач нужно решить при столь ничтожном цикле существования. А раз такое дело, и мне посчастливилось выйти в свет в форме бессмертной души, я просто менял тела и продолжал двигаться к цели. До Коллапса моим приоритетом был поиск Скриптрайтера и возвращение домой. Теперь ситуация стала куда сложнее, и передо мной стоит иная задача – как привести вашу славную планетку к катарсису.

– Душа как симбионт, – продекламировал Хирург. – По тебе бы диссе'тацию написать.

– Для начала напиши работу по Дефу. Озаглавь: «Великий аттрактор».

Тончайшая мимика Виктора выражала недоумённый протест.

– Как только, так с'азу, – печально отозвался Хирург. Изучение аномальных способностей напоминало криптографию и требовало огромных трудозатрат, которые не всякий может себе позволить. С другой стороны, всегда полезно знать, с чем имеешь дело. Вот, например, девчонка, исполнявшая «Нирвану» из приемника, не просто касалась эмоциональных струн, а вовсе могла довести до суицида. Деф, в свою очередь, умел чувствовать окружение, видел что-то типа ауры, улавливал суть, менял назначения (что бы это ни значило) и закрывал пробелы, если хватало силы воли. Всего же количество подобных фокусников исчислялось десят-

ками, и чтобы найти истоки их способностей, придётся зарыться гораздо глубже, чем в гены.

Клаус мог часами напролёт описывать новоявленные аномалии и пересказывать свойства иных систем, в одной из которых, например, постоянно менялось наполнение космического пространства. Жили в том нестабильном мире на редких планетах, не подверженных привычным фундаментальным метаморфозам, а в «изнанку» выходили лишь с хорошо обученной командой, способной противостоять неожиданным трансформациям «космического климата». Конечно, описывая структуру иного измерения глупо оперировать земными понятиями, но Клаус позволял упрощения, иначе никогда бы не закончил рассказа. Та вселенная почти не получила урона, за исключением выбитой из авангарда «Атакамы» – флагманского крейсера третьего экспедиционного корпуса. Теперь «Атакама» приписана к порту Бостона. Вирц говорил про сферическое Всё, полное света, в котором можно увидеть музыку, или про субстанцию, в которой рождаются идеи, но которая, по воле коснувшегося её Скриптрайтера, начала пожирать сама себя. Хирург тыльной стороной ладони методично растирал заплывшие веки и переносицу.

– Тебе, знаешь ли, стоит почаще 'ассказывать людям о себе и своём ми'е. Это полезно для выст'аивания но'мальных 'абочих взаимоотношений. Можешь начать с нас, только давай без своих шаблонных фо'мули'овок. На каком фунда-

менте стоит твоя личность? Как уст'оено общество? Хочется побольше деталей.

– Надоели общие фразы, да? Хорошо, постараюсь передать суть более выразительно. Во-первых, мы не можем действовать без пары. В тандеме появляется взаимность, формирующая мировоззрение и дающая толчок к развитию, ну а партнёр становится не просто источником вдохновения, а зеркалом, в котором можно узреть собственную эволюцию. Достигая высшей точки взаимности, пара сгорает, вплетаясь в узор периферической сферы. Помимо этого, нам важно иметь достойных оппонентов, которые также способствуют духовному росту. У людей происходит примерно то же самое: гениальному юристу необходим невероятно цепкий прокурор, а поэту – неутомимый критик. Умерев, они оставляют себя в трудах, хотя, в большинстве своём, труды эти довольно скромны. К тому же, из-за примитивности социального магнетизма земные пары редко сохраняются на всю жизнь: несостоятельных противников или единомышленников обычно сбрасывают, как балласт. Если пара не находится, начинается деградация, как ни крути. Человек начинает двигаться вслепую и гораздо чаще оступается, не замечая ошибок. Каждый неверный шаг разрушает личность, душа же изначально обретает перманентного партнёра, дающего ей перманентный стимул, чтоб держаться верного пути с самого своего рождения. Потому я так переживаю за Энн.

Координатор мало говорил о месте, из которого прибыл,

отчасти из-за искажения памяти, вызванного перестройкой сознания при переходе в другую систему измерений, отчасти из-за нежелания разжёвывать то, что сейчас не имело отношения к делу. Самоидентифицировал он себя не просто как вечную душу, но как фундаментальную идею, направленную на то, чтобы не дать сферическому мировому аквариуму треснуть по швам. Им двигала жажда утопической свободы, желание вывести диапазон человеческих возможностей на пик, чтоб любой мог коснуться звёзд, если будет такая прихоть, или дышать чем угодно, пусть даже вакуумом, или не дышать, но при этом жить.

Мужчины притихли. Макс пустился в раздумья о границах развития, которых можно достичь, да вообще о существовании пределов, Виктор пытался понять иные миры, вместе с тем питал нездоровую надежду ощутить одиночество девушки, коротающей время на опустевшем островке бытия, а Хирург искал ключ к научному обоснованию души, которую не мог взять на анализ, но чьё существование единожды ощутил на собственной шкуре. Клаус Вирц, неофициальный основатель «Второго отдела» и просто странный пришелец из другой системы координат, автоматически открывал свежую пачку «Marlboro», продолжая раскладывать на кирпичики бескрайний информационный массив.

Озеро Тахо, волнующееся, как море, накатывало приливными волнами. Гроздья прибрежных валунов карабкаются по склонам, рассыпаются в каменистый грунт, теряясь в ак-

рах прореженного засухой ельника. На блёклом ватмане равнин расчерчены обнесённые заборчиками ранчо, а на летней веранде одинокого заколоченного придорожного кафе сложенные юбочки настольных зонтов рисуют стремительные клинообразные тени. Лоскутами – акры пустующих полей: ни широких подсолнечных блюдец, которые поклёвывают беспокойные воробушки, ни лёгкой пшеницы, сотканной из золотых нитей. Безжизненное, бесполезное ничто. Запустение распахивало объятья, оставалось бежать ему навстречу и выуживать всё, что завалялось в его худых карманах, а кое-что всё-таки было. Сан-Франциско расстилался в трёх сотнях километрах по курсу. С высоты пущенного вперёд дрона зрелище воистину впечатляющее: небоскрёбы разлетелись вороньими стаями, вместо раскиданных перьев – светлое крошево стен; обломки покрупнее можно мысленно сложить во что-то цельное и даже представить внутренний интерьер. Мягкая мебель в трансластовой, мутновато-белой пыли – всё словно присыпано тальком или первым октябрьским инеем, и везде торчит лом водопроводных труб да обломанные куски арматуры клонятся набок, как штандарты павших легионов. Пластик, алюминий и стекло ловят знойные лучи, мерцая сегментами калейдоскопа, надземная дорога стремится над руинами, разбегается, и короткие съезды её тонут, теряются в свалке, накрытой саваном собственного праха.

Исполинский транспортный узел нависает алмазным ба-

стионом над побоищем неповоротливых големов. За его сверкающими, почти сакральными гранями – иное измерение, слепленное из оптоволокна, мрамора и пластика, ведущее на все уровни пирамиды потребностей. Торговые зоны до сих пор предлагают полный ассортимент – от статусных брендов до дешёвого сувенирного хлама; закутки забегаловок хранят остатки еды, а кинотеатры хвастаются изобретательно исполненными афишами. Неустанный водопроводный конвейер штампует ниспадающие ленты, кое-где скрывая выщерблины от многочисленных пуль. Конструкции водопадов изумительны, а декоративные мраморные акведуки уносят прочь неторопливые потоки. Изящно закрученные струи появляются из ниоткуда срабатывающими пружинами причудливого механизма лишь для того, чтобы быстро угаснуть перед новым пируэтом. Пестрят растущие в клумбах цветы, дышат летней свежестью террасы, зеленеют газоны, орошаемые периодически срабатывающей системой автополива; в гидропонных садах копошатся крысы, шныряют по неглубоким траншейкам, шуршат в листьях мелкого кустарника, а кислородные пузырьки в аквариумах вылетают к поверхности, волнуя жгутики невесомых водорослей. Мягко, без раздражительной частоты, присущей развлекательным кварталам прошлой эпохи, мелькает наружная подсветка, выступают идеально прозрачные посадочные платформы, но серебрятся поручни, и если не держаться за них, то непременно покажется, что вот-вот сорвёшься вниз. Моно-

рельс закручивается вокруг здания серпантином, обрываясь на пути к городу, где на смену амплитудам движения пришло молчаливое гнетущее великолепие.

Тридцатью километрами западнее дрожит льющийся за край океан.

Остаток пути проехали молча. «Хаммер» остановился у парадного входа перед замершим цунами «умного» стекла. Недружно защелкали двери, выпуская четвёрку тёпленьких пассажиров, затем плавно, как лезвия гильотины, опустились. На всех походная форма из армированных синтетических волокон, деформаторы, излучавшие бесцветные поля, рассеивающие электромагнитный спектр и притормаживающие движение частиц, на бёдрах и за спинами висел огнестрел. Деф был безоружен, если можно так выразиться о человеке, способном дезориентировать даже лепрекона. Выросший из аэропорта узел превратился в кладбище, хотя ещё утром здесь крутилась шайка, зовущая себя «Персоналом».

Первое тело распласталось на пороге – бедолаге прострелили спину, задев, по-видимому, позвоночник, потому что в падении он не выкинул вперёд ладоней, въехав лицом в керамическое покрытие эспланады. Из-за слегка раскинутых рук он напоминал указательную стрелку, подсказывающую направление к центру города. Обойдя труп, они вошли в просторный зал с торговыми автоматами, стойкой администратора и кожаными сиденьями-трансформерами. Тени рвались и вытягивались, изламываясь о мебель, кадки с деревьями и

несущие колонны. Впереди маячили лифты и ряд эскалаторов, над головой зияли свободные пространства, будто узел мог позволить себе чуточку расточительности. Датчики заявляли о сотне мертвецов, но четвёрку интересовал всего один убитый паренёк.

Инцидент всплыл чуть более часа назад, когда из узла на приёмники «Отдела» пришло зашифрованное сообщение. Электронное послание требовало личного присутствия Клауса и, в идеале, немедленного. Расклад был такой: если сигнал отправлен, значит, их внедрённому агенту, Курту, удалось взять под контроль техническую часть управляющего узлом кластера. Вот только помимо техчасти он должен был взломать биоцифровой интеллект, а точнее, вмещающий его модуль, но всё указывало на то, что взлом инсайдера провалился.

Виктор уловил ауру и констатировал полное отсутствие выживших. Вирц ощутил то же самое, но немного иначе.

– Надо сжечь. – произнёс Клаус, бегло оглядев холл.

Трупы, внутреннее наполнение которых напоминало бесконечное блуждание в темноте, вызывали у него лишь отрицательные ассоциации. Так действует на нервы однообразие ночного реликтового леса, когда Луна на выходном и беззвёздная личина небесного купола издевательски безучастна. Клауса нервировали угасающие эмоции, как нервируют первобытного человека неведомые звуки и шорохи. Он явственно ощущал, как клокочет в мертвецах скрюченное под-

сознание, потому и последовала команда «сжечь».

Стик-чип в моторной коре Дефа вызвал четыре увесистых полукольцевых дрона со встроенными в корпус несущими винтами и парой реактивных турбин. Бесшумно пронесшись над головами, они сразу взялись за дело, с шипением извергая струи горючей смеси. Пламенные всплески заиграли мягкими отливами на водяных полотнах; многие из убиенных оказались раскромсаны, с выпущенными потрохами или надрезанные по всей длине туловища, раскрытые, точно губы в поцелуе. Тут поработало минимум две разновидности клинков, что являлось довольно экзотичным способом умерщвления для конца двадцать второго века, но не менее действенным, чем гиперзвуковая пуля. Хирург что-то пробормотал, когда из резервуара, над которым вырастали стройные водяные вихри, вытаращился островок лица с печатью предсмертной злобы. Краем восприятия Деф разобрал нечёткое «гильотинизация», поразмыслив, верен ли термин и не правильнее ли сказать «гильотинирование». Хорошо ещё, Хирург не перешёл на латынь.

Четвёрка шагала спокойной экскурсионной группой, бесстрастно изучающей экспозицию. Эскалатор вывел на дугу, к проверяющему билеты терминалу и арке кинотеатра, заволоченной синим декоративным дымом. На широкоформатных медиаэкранах горела пара крайне оригинальных афиш, а рядом, посреди дороги, развалился долговязый уборщик в рабочем комбинезоне и кепке, с таким видом, будто сквозь

пяток этажей изучал страницы звёздного атласа.

– Привет, Ларри, – сухо произнёс Деф. Он был единственным, кто пересекался с ботом лично. Пару раз до Коллапса, если точнее. Остальные знали про Ларри из секретных реестров DHS.

– Как уборщик ты себя не оправдываешь. – Вирц ехидно осклабился, заметив впереди тонкую потемневшую полосу брызнувшей под давлением крови и капельки, которые прыгали всё дальше и дальше, навивая мысли о детской игре в чехарду.

– Взаимный пламенный привет, – вяло ответил Ларри. Зацепив фотоэлементами Макса и считав его идентификатор, пальцы, как по команде, почтенно дёрнули козырёк. – Падаван.

Уборщик тут же уставился наверх, а Макс, вызывающе сложив руки на широкой груди, сверкнул лютой ненавистью. Он не имел понятия, как воспринимать подколы от саркастичного Пьеро с задатками убийцы.

Электронные идентификаторы, которые использовал «Отдел», давали им определённые разрешения и обязывали бота сотрудничать. Клаус решил воспользоваться привилегией и, под учащающиеся огненные хлопки, приказным тоном отчеканил:

– Краткий отчёт по бойне.

– Первый летний полдень расправил золотые пёрышки, – не колеблясь стартанул уборщик, обращаясь к потолку. –

Такие изумительные будни редко проходят без проволочек, но уж точно не включают в список дел спонтанную резню. Рэю зачем-то понадобились те два портлендца, занимавшие местный Чайнатаун, так что за ними вместо зарядки решил смотаться Дуглас. Успел вернуться он как раз перед тем, как Сан-Франциско накрыл самум.

Естественно, бот не мог знать, что самумы накрыли все мегаполисы американского запада и что пираты начали полномасштабное наступление.

Ларри продолжал:

– К всеобщему удивлению, с портлендцами прибыла юная незнакомка, экранированная лучше президента (да будет он жив, здоров, невредим). Они быстро направились в директорский кабинет, пробыли там две минуты, а затем случился скачок напряжения. Вскоре засвистели пули, и началась полнейшая неразбериха. – Ларри опечаленно шмыгнул носом. – Вначале из-под контроля вышло ионизирующее излучение, следом перестроились энергопотоки деформирующего поля, превратившись в скачущие по зеркальному лабиринту световые лучи, и под конец этой нелепой баталии, когда я почти провёл зачистку, трижды сработал ударно-волновой излучатель, при том настолько точно, что мне отрубило моторные функции.

– Взломщик стимулировал центры агрессии, – задумчиво пробурчал Деф, листая логи ментального воздействия и просматривая сохранённые видео с камер. – Для комфорт-

ного отступления следовало подать успокаивающий сигнал на лимбическую систему или блокировать рецепторы глутамата, чего, однако, сделано не было… Так что вряд ли «психотерапевтом» рулил Курт.

– Значит, – подхватил Клаус, – либо кому-то понадобилось устроить хаос, либо хакер не сориентировался в ситуации. Что скажешь о туристке?

– Про умственные способности – ничего, а в целом девчонка выглядела грозно.

– В плане?

– Уверенная походка, меняющая цвет одежда, маска-информер, блейдер и, что странно, культ с барабаном. Возможно, безвылазно сидя здесь, я пропустил возвращение эпохи Дикого Запада.

– В мире существует некоторое количество концептуальных револьверов, – решил просветить кипербота Вирц. – Там высоковольтные генераторы в барабанах, а вместо пуль – пучки энергии, способные пробивать электродинамические защитные поля.

– Звучит многообещающе, – равнодушно произнёс Ларри и без энтузиазма продолжил. – Короче, стрельба началась повсеместно, деформирующее поле превратилось в световую паутину, а психоцифровые модули подталкивали людей к взаимному уничтожению. Было в «Персонале» что-то от раджпутов, идущих в последний бой.

– Что думаешь? – спросил Виктор у Клауса.

– Следует поискать девчонку. Пока что я вижу череду нелогичных действий. Курта нашёл?

– Мёртв, как мы и предполагали. Его тело в соседнем терминале.

– Почему он там? – не понял Макс.

– Потому что короткая автоматная очередь, – с налётом прагматизма произнёс Ларри.

– Если взлом инсайдера провалился, какого чёрта он полез в гущу боя? Вот я о чём. Ему нужно было двигать в другом направлении.

Ларри глубокомысленно вздохнул, но ничего не ответил.

– Что по переговорной? – Клаус пристально смотрел на бота, не моргая.

– Понятия не имею. Там полная звукоизоляция, а если судить чисто по тепловизорам – довольно резвая перестрелка.

– Мог хотя бы попытаться взять кого-нибудь живым. Ты же понимал, что многие из них были не в своём уме.

В словах Вирца ощущалась профессорская критика, однако бот не дрогнул.

– «Каждому своё», как говаривал Цицерон. Я – инструмент, чётко управляемый чётко прописанными алгоритмами. Мне нет дела, какая причина побуждает преступника к общественно-опасным действиям, для меня нет разницы между психопатом и джихадистом, равно как нет дела до генных заболеваний или трудного детства, так что когда начинают стрелять, я не делаю скидок. Мне плевать на причи-

ны. Мне важно исправить следствия. И остаться в стороне у меня тоже нет права, так как в моих цифровых мозгах эта функция предусмотрительно отключена. Если завод-изготовитель отправит меня на доработку, вложив немного больше гуманистических проявлений, я, без сомнения, стану стрелять строго по коленям. Уж извините, мистер Вирц, свобода выбора у ботов отсутствует.

– Аргумент, – сдался Клаус. – Что с автопарком?

– Его угнал некий субъект из Техаса. Я заметил, у него довольно сносный swarm-отражатель, так что схлестнись мы в дуэли, мне, возможно, не выпала бы честь объяснять вам то, что вы отлично видите без брифинга.

– Почему бы не посмаковать эскарго перед тем, как вынесут десерт?

– Понятия не имею, что скрывается за данной метафорой, – безразлично произнёс Ларри.

– Погружение в контекст, – снисходительно ответил Клаус.

– Тогда на всякий случай добавлю, что «горничные» уехали вместе с тем неприятным техасским субъектом.

Макс посмурнел, когда услышал про «горничных». Во «Втором отделе» их бы на руках носили, а что их ждёт в Техасе? Постоянная засуха и потные дикари?

– Хоть кто-то в накладе не остался. – Вирц держал сигарету меж двух пальцев, на уровне подбородка, явно надеясь переплюнуть роденовского «Мыслителя».

– И за что им такое счастье? – сокрушался Макс. – Девчонок лучше бы к нам.

– Не всё коту Масленица. – нахально усмехнулся бот.

– Мне вот интересно, правда ли такому весельчаку вроде тебя протоколы разрешают рубить людей в капусту?

– Да будет вам известно, младший специалист Хаузер, что в случае террористической угрозы у меня полный карт-бланш.

– Благодарю от лица NASA за спасение важного объекта межпланетной инфраструктуры, – одобрительно проговорил Деф, мысленно наблюдая через объективы дронов на заваленный телами первый этаж.

– Пора переходить к финальной фазе, – в торопливом голосе Координатора послышалось несвойственное ему беспокойство.

От обилия причин и следствий мог закипеть котелок, как сказал бы бот – у него были некие предустановки в плане кулинарии. Туристка наверняка появилась здесь не случайно, учитывая все обстоятельства. Капитан Райзен решился на штурм мегаполисов, Луна нагнала бурю, и в этот самый момент в узел прибывает вооружённая одиночка, а Курт трагически погибает… Вся история земной цивилизации – череда микроскопических столкновений, которые образуют незабываемый сюжет, или лабиринт с кучей поворотов, за одним из которых обязательно наткнёшься на минотавра. Вирц перебирал все возможные вероятности, и что-то провернулось,

одна шестерёнка двинула другую, заставив его поспешить, дабы не оказаться тем самым фаршем на витрине бытия, которое всегда пытается тебя перекрутить.

Виктор коротко кивнул Координатору, двинувшись с Максом дальше по этажу. Вирц с Хирургом направились к служебным помещениям, где дроны отработают в последнюю очередь. Запах некогда разумного мяса с нотками керосина становился всё гуще и гуще, но даже сжигаемое топливо не могло перебить горьковатый аромат очевидной завязки.

Четырнадцатилетний подросток сидел, прислонившись к медиаэкрану, забрызганному высохшей губчатой субстанцией; пепельные волосы налипли на лоб кровавыми сталактитами, взгляд осознанный, единственное – Курт не моргает и не дышит. Упёртый индивидуум, одним из первых записавшийся в инновационную программу перепрошивки сознания. Нейронные связи подобны созвездиям и лунам, миллиардам судьбоносных зигзагов, взаимодействие которых само по себе чудо, но следившие за Куртом «астрономы» хотели составить не просто очередной атлас. Им хотелось передвигать звёзды. В основные отделы мозга, содержавшие субстрат характерных черт, внедрялись корректировочные лог-чипы, фиксирующие каждое мгновение жизни и переводящие его на язык алгоритмов. После обработки синапсы получали ответный, точно выверенный сигнал, убирающий

из опыта негативный аспект. Для саморазвития находка бесценная: понаберёшься мастерства в сотне турниров, но не помнишь ни единого поражения – только победы и полезные тактики. Настоящее счастье – это лёгкий самообман, о котором не нужно вспоминать. Лог-чипы (вместе с телом) доставят в лабу, где биоинформатики «Второго отдела» перекинут их на подготовленную органическую матрицу. Ещё через какое-то время стволовые клетки выстроятся в гиппокамп, таламус и прочее, а вместе с тем – в характер и память. Курт вернётся в том же виде, в котором ушёл каких-то два часа назад, неся те же самые постулаты: что личность – это взаимосвязь нервных клеток, ДНК – перечень предрасположенностей, а поступок – чаша весов, которая в определённый момент перевесила остальные. И плевать ему, что какая-то часть биомассы безвозвратно сгинула в узле Сан-Франциско, ведь «тело – просто игровая доска для биохимических реакций». Видеть себя функцией, по сути – плевок в морду забвению. Курт не волнуется, что однажды его не воскресят, потому что он, взяв пример с Вирца, вышел за рамки привязанности к плоти. Разве свод правил боится чего-то? В мир в любой момент может вернуться любая мысль, любой деятель, политический строй или художественная школа, с поправкой на теорию вероятностей. Курт вернётся почти сразу, ведь «Второй отдел» заботится о его сохранении. А после воскрешения всё по новой: поиски, работа, риски. Очередная смерть, если следующая миссия, как и эта, полетит

в тартарары.

Деф уселся рядом с Куртом, как садятся у костра со старым приятелем, пробурчал что-то отечески тёплое, накрыл ладонью его бедро и затих. Макс наблюдал, прислонившись к перегородке, как дроны производят зачистку. В молчании потянулись секунды. Виктор дистанционно подключался к ядрам памяти, считывая зашифрованные потоки данных, способные обрушить дамбу информационного голода, и выглядел крайне сосредоточенным, будто вникал в проклятый шёпот. Вдруг, неожиданно, но чётко, он в два удара произнёс:

– Твою мать.

Напарник схватился за рукоять висящего у бедра полуавтомата. – Виктор? – И машинально, без паники огляделся.

– Он специально полез под пулю, если я правильно расшифровал логи.

– Вот как. – Макс задумчиво провёл языком по крайним зубам. – Мы знаем причину?

– Нет, но это почти наверняка его личная инициатива. И второй хакер действительно был.

– Девчонка?

– Вряд ли. Девчонка в это время истекала кровью. А Курт, быстро взяв под контроль техчасть, со всех ног кинулся её спасать.

Парень издевательски улыбнулся.

– Ты же сказал, он специально подставился под пулю.

– Он понял, что опоздал, так что на полпути сменил приоритеты и спровоцировал одного из людей на выстрел.

– Вообще не въезжаю. – Макс недовольно тряхнул головой.

– Поверь, ты не одинок, но у меня создаётся ощущение, что девчонка – наш клиент.

– Тогда её жизнь на вес золота, разве нет?

– В целом, да, вот только… Секунду назад Клаус нашёл её тело. И пустой ассемблер.

– Хреново. Где, в таком случае, Скриптрайтер?

– Уж точно не на свободе. Но это не всё. На чипах Курта обнаружился один примечательный файл. Насколько могу судить – это данные, снятые с умирающего мозга.

Макс присвистнул.

– Похоже, намечается что-то масштабное. Прям чувствую, как маховик раскручивается.

– Самое время, – прохрипел Деф. – Это уже не просто заварушка с парой сюжетных линий…

– Безумие это, вот что, – хмыкнул Макс и вновь сложил руки, как герой боевиков. – Думаешь, у нас есть шанс на победу?

– Порой мне кажется, мы уже проиграли, – философски вздохнул Виктор и посмотрел в потолок, – но жить от этого только веселее.

Слева от косяка зияла дыра, оставленная ударным картеч-

ным патроном. Перед дверью лежал ботинок, вмещавший кусок ноги. Хирург увидел, запомнил и оставил на потом; войдя в переговорную, вобрал застойный душок, оценил обилие висевших звёздно-полосатых флагов, разглядел залив и руины на противоположной стороне через панорамный кибергласс. На входе распластался толстяк, ещё несколько человек с болезненными минами корабельщиков, наступивших на плотницкие гвозди, лежали по обе стороны длинного конференц-стола. Механическая рука главаря выглядывала из-за кавалькады высоких кресел. Чистые, хладнокровные выстрелы прошили лица, разорвав мягкие ткани, вышибив несколько глаз и уйму зубов. Закоптилась и потемнела кровь на светлом подогреваемом ковролине, напоминая чёрную хлебную плесень.

Начальный ход событий был ясен, потому они вернулись к любопытному шнурованному ботинку со ступнёй внутри и торчащим куском голени. Хирург присел над ним, не выказывая отвращения поднял и изучил со всех ракурсов.

– Под'остковая. Девичья. Д'обь с солью. Пыталась отступить, но выст'ел п'ошиб стену. Нечестно бить сквозь стены. Вон к'овяной след, её, должно быть. Вовсю идёт бой, а кто-то ищет удобное местечко для над'угательства. Это ж как должны тебя заводить уми'ающие малолетки.

– Непостижимый уровень сладострастия…– ехидно заметил Вирц.

– Зап'етный плод: 'азок надкуси – и выметайся из 'ая.

Тёмно-розовая линия повела их вдоль чуть изогнутых анфилад однотипных комнат.

– След густой и 'овный. Она не б'ыкалась, а к'овь те'яла катаст'офически быст'о. Тащили её за волосы, может, за шки'ку, без це'емоний. Глупо было идти сюда без п'ик'ытия. На что она надеялась?

– На удачу, – сухо предположил Клаус. Какой смысл строить догадки на пустом месте? Вирцу ближе точные науки – там он предстаёт пионером в красном галстучке, зато Хирургу только повод дай сыграть в детектива.

Когда истончившийся след привёл их к одному из «номеров», они вошли, не раздумывая. Датчики правда не улавливали никакой девчонки, указывая лишь на один труп средних лет. Как только панель перед ними мягко отъехала, они обнаружили то, что скрывало поле её деформатора. С мятой кровати на них безучастно смотрело свинцово-серое лицо совсем молодой японки. Чёрные радужки завораживали чем-то неуловимым в бездне своей, напоминая омут, у дна которого скользят русалки, мандражные такие, если можно так выразиться, потому что к их скользким, перепончатым и чешуйчатым телам не хотелось прикасаться; в глубинах взгляда до сих пор таилось нечто живое и ясное, какая-то скрытая опасность, перекусывающая пополам. Девушка лежала на боку, приоткрыв мёртвый рот, все пуговицы походного кителя, кроме нижней, были с жадностью расстёгнуты, открывая плотно прилегающую к телу майку – к телу спортс-

менки-юниора, идущей на призовые места. Помимо мелких кровавых брызг на её животе красовался нечёткий след ладони, владелец которой разместился на паркете. Его плешивая голова идеально легла на ножную подставку массажного кресла.

Перешагнув неудовлетворённое тело, Хирург присел перед девушкой, почти совершеннолетней, бегло осмотрев мешанину из мяса и костей, которыми заканчивалась нога. Мелодично промычал. Небрежно сунув палец ей в рот, сдвинул губы, исследуя тёплую и влажную внутреннюю полость. Покосившись на мёртвого извращенца, заметил между пальцев слипшиеся от крови паутинки волос, подтвердив ранее высказанную догадку. На тощей шее не доставало куска мяса, под раной темнело крупное растянутое пятно. Взяв незадачливого любовника за редкие волосики, Хирург повернул рану на свет, сопоставил полученные улики и как-то сдавленно и издевательски рассмеялся.

– Девчонка была в сознании только из-за наноботов, – не замедлил объясниться док, – а когда ста'ый педофил захотел односто'онней любви, она вг'ызлась ему в надключичную область, – он движением кисти как бы рубанул по своей шее, не переставая попыхивать от смешков, – и п'окусила негодяю а'терию.

– Что ж тебя так развеселило? – скептически поинтересовался Клаус.

– Ситуация. Девчонка с отст'еленной ногой напоследок

обламывает кайф. Он ликует, как доисто'ический петикант'оп, п'итащивший самку в неплохую такую пеще'ку с шика'ным ложем, изнывая от дофаминовой истомы. Сегодня его день и вот дело пе'еходит к самому го'ячему, как вд'уг – бац! – он щёлкнул пальцами, – и вместо блаженства жгучая боль и п'иступ гипоксии. Смот'и, как ша'ы выкатил – бесценная физиономия!

Сообразив, что отвлёкся, Хирург поспешил исправиться:

– Меня забавляет абсу'д и пе'еполняет го'дость за эту чокнутую. Возмездие све'шилось, а ведь так бывает далеко не всегда. Конечно, вы'абатываемые т'омбоциты уменьшили к'овотечение, да и обезболивающие пошли в ход, что не умаляет её достоинства и выде'жку перед лицом забвения.

– Я тоже удивлён. Немногие способны на такое яростное сопротивление, особенно, стоя одной ногой в могиле.

Голос показался отстранённым, будто что-то отвлекало Координатора, связывало мысли узлами, пошатнув сосредоточение, к которому приучают сигареты. Обезвоженный мозг девчонки необратимо разложился, навсегда забросив умственную деятельность, а всё-таки нервная система до сих пор пахла чем-то живым. Чем-то идеальным. Вирц почти в трансе затушил сигарету о карманную серебряную пепельницу, захлопнул крышечку и поскрёб зубами верхнюю губу. А затем соединился с тем, что от неё осталось. Целеустремлённость, бесстрашие, рассудительность и готовность выложиться по полной.

– Нужно сохранить всё, что успеем.

– Сделаем, – посмурнев, выдавил доктор.

Последнее предложение Хирурга слегка удивило. Если перед ними обычный хакер, то нет смысла тратить на неё ресурсы. Выходит, всё немного сложнее.

– Чем больше биоматериала сохраним, тем лучше. Мы проморгали момент, мой скальпирующий друг. Кстати, возьми на вооружение слово «проморгали». А перед тобой сейчас не просто взломщица, а универсальный синхронизированный оператор.

– Это я уже понял, – грустно пролепетал Хирург и перекрестился левой рукой. – П'есвятая Дева Ма'ия.

Вот и посмеялись. Если оператор полез в самое пекло, на то должна быть причина, и раз уж она умерла, то куда, чёрт возьми, делся Скриптрайтер? В закодированном сообщении, сохранённом в лог-чипах Курта, должен скрываться ответ, а всё-таки… Вирц начал анализировать, отодвинул Энн на второй план, скрупулёзно перебирая все возможные комбинации.

Хирург инъектором ввёл тормозящие распад вещества в несколько секций мозга и отправил дрону запрос на термический мешок для сохранения тела. Вирц молча вышел, вынул из пачки очередную сигарету, щелкнул бензиновой «Zippo», которая тут же потерлась спинкой пламени о табак, и легко, беззвучно втянул в себя суть своего существования. Всё – туман, в котором не увидишь, пока не упрёшься. Он

глядел через кибергласс на залив, окружённый строительным хаосом, видел силуэт своего статного, надменного отражения. Он расшифровал функцию. Он понял идею. Получите, распишитесь. Переведённая в звуковой формат мысль, в которой не было ни горечи, ни злобы, достигла Макса и Виктора, намекая на то, что обнаруженная проблема вовсе никакая не проблема, а так, неприятность.

«У меня для вас две новости, господа», – сказал Клаус, и сквозь дым блеснула тонкая самоуверенная улыбка.

1. «Tokyo».

Этого перспективного паренька зовут Феликс, он младший лаборант большой фармацевтической корпорации. Его сон не содержит ни статистического анализа, ни органического синтеза, а потому безмятежен, но как только обретет силу предательский рассвет, у нас с вами возникнет резонный вопрос: доставляют ли ему удовольствие другие сферы жизни? Ведь успех зависит от условий. Просыпаясь, Феликс всегда вставал перед выбором: что надеть, чем позавтракать и какую панацею от грусти следует принять. Коль скоро химик не может определиться в таких банальных вещах, то каково обычному гражданину? Поэтому, ради экономии драгоценных мгновений жизни, мы создали «CyberFlat» – умную бытовую систему с функцией высокоточного биометрического анализа. Звучит, конечно, пугающе, но на деле всё по-настоящему сказочно. Эта универсальная платформа выполняет множество рутинных и развлекательных функций. С ней утреннее пробуждение наполняется чувством собственного превосходства: арома-синтезатор тонизирует сонное сознание, терапевтическое поле стимулирует дофаминовые центры, в то время как кухня готовит завтрак, предугадывая ваши желания. Аналитические программы позволяют системе понять, что нужно пользователю, каково его здоровье и настроение. А какая чёткая картинка! Богатый ас-

сортимент устройств поможет воплотить в жизнь любой пейзаж, будь то круговая площадка Эйфелевой башни с невероятным видом на узкие улочки Парижа или девственные леса Аляски, окутанные морозной дымкой. Феликс просыпается в деревянной хижине, кибергласс рисует ему невероятную горную панораму, в подножии которой спит одинокая пастушья деревенька, отчего можно даже забыть, как проносятся снаружи флайт-лайны аэрокаров, а пронзающие нити рассвета вяжут узлы на многослойной паутине города. Но «CyberFlat» не позволит нарушить его скрупулёзно созданный микрокосм, и вот уже инъектор впускает в кровь необходимые витамины, а над кроватью образуется голографический клубок особо важных уведомлений. Феликс раскручивает его, как глобус, сосредоточенный и готовый к действию, проверяет чаты, мельком пробегает по новостям, а система уже составляет наиболее удачную расстановку приоритетов. Сегодня это культурный променад по вечернему Петербургу, участие в кровопролитной средневековой баталии, а на десерт – сеанс массажа от подруги, которой явно надоело быть просто подругой. Модуль полного погружения способен воссоздать любую реальность и максимально точно симулирует физический контакт с собеседником, каким бы далёким ни было расстояние до него. Чума дисконнектов канула в прошлое, так что любая встреча пройдёт как по маслу. Пунктуальность – константа для двадцать второго столетия, тем более, если скорость соединения не уступает Пен-

тагону. Всё ради удобной жизни и продуктивной работы! В стоимость уже включена страховка, а многоступенчатая защита запатентована и выдержала множество испытаний, но не перестает совершенствоваться, ведь мы не можем позволить самым безобидным фактам о вашей жизни оказаться в широком доступе. Вот и наш лаборант, зная это, неторопливо вплывает в ванную, готовый погрузиться в идеальной температуры воду, откуда перенесётся в родную лабу. Гаджеты «S&C» помогут ему окунуться в работу так же легко, как в теплое тропическое море. Им плевать на влажность, они безопасны для органов чувств и дарują полный спектр ощущений. Феликс на рабочем месте – просто точка на красочной системе координат, но он важен, как неповторимый штрих автора в углу картины. Остается лишь дать команду, очутиться в темной, не имеющей горизонтов, комнате, чтоб после звука успешного подключения заиграл красками целый новый мир, в котором правила устанавливаешь ты сам. «CyberFlat»: в любом доступном измерении – уют, удобство и удовлетворение.

Технологии – это детская карусель, на которой чем больше тошнит, тем сильнее хочется. От вращения перехватывает дух, ярмарочный свет сливается в сплошной плазменный поток, утягивающий сознание в иное измерение, а музыка рвётся на клочки, превращаясь во въедливое, очищающее камлание. Экстаз длится долго, зато уходит мгновенно –

в тот самый момент возникает острая необходимость как-то увеличить дозу, вырвать предохранители, приумножив линейную скорость или накренить аттракцион, лишь бы снова оказаться в желанном восторге на пластиковом жеребце. Выбор между скукой и весельем довольно очевиден, так что ради грязного белья, манящего не хуже дорогого сыра, многие не жалели ни совести, ни денег. Рынок следовал за спросом, озвучивая цену самым заплесневелым и самым благородным сортам. Ерунда, если подросток в пубертате желает подсмотреть за одноклассницей в домашней пижамке, не так фатальна покупка краснокнижных чучел с экспресс-доставкой, да даже воровство компрометирующей информации, способной ломать судьбы самых привилегированных из нас, не всегда ведёт к колоссальным сдвигам. Проблема крылась в том, что за опасную черту стало относительно просто зайти. И если одним хватало забористого косяка, то самые амбициозные мечтали закатать в папироску как минимум весь наблюдаемый космос.

Застывшие ориентиры, не добравшиеся до вершины Эвереста, остались в прошлом. На смену им пришла эпоха развивающихся флагов. Даже самых никчемных работников на потогонных фабриках подстёгивали стимуляторы, заставляя целеустремленность бурлить, выплёскиваясь из котелка. Цивилизация облизывала, и чем выше гражданин сидел, тем глубже засовывался язык. Аналитические программы задавали правильный вектор, исходя из привычек, потенциала и

скорости реакции на те или иные триггеры. Тотальное ощущение того, что ты на своём месте, накрывало технологической благодатью, хотя у тепличных условий таки имелся ряд вытекающих недостатков. Дизайнеры, например, генерировали новые модели одежды в виртуальных ателье, даже не касаясь настоящих тканей, водители теряли хватку, отдавая управление автопилоту, а для поиска второй половинки зачастую требовалось всего лишь заполнить анкету. Прогресс законсервировал кругозор, отсортировал тела и разумы, отправляя их на всевозможные прилавки; человек же стал обычным мясом, которому позволили выбирать маринад. Пока еде комфортно в упаковке, мир снаружи идеален.

Потенциал общества оценивался пирамидой Маслоу, и верхней ступени (на которой расположилась утопическая анархия, не несущая в себе хаоса) боялись даже военные диктатуры. Именно подсознательное стремление граждан к равноправию заставляло руководителей надламывать стержни своих подданных, искусственно понижая планку общественного запроса, ампутируя всё, к чему давно не поступал кровоток. Жгутов была уйма – от пропаганды до изменения законодательства – и в своё оправдание правящий класс снова и снова прикрывался тем, что их политика даёт прекрасные результаты: на крестах не так часто распинают мучеников, на кострах практически не сжигают ведьм; вот только ни элегантность стратегических ходов, ни обилие кнутов и пряников не остановили стихию, обрушающую иерархические

башни. Реакционеры бы даже Ганди не пожалели, так что старику повезло не увидеть волны, что дошла, наконец, до берега, заливая самые слепые глаза и глухие уши. В июле сто сорок пятого знамёна новой всемирной революции захлопали даже на непальских вершинах, а отзвуки их достигали и беспечных облаков, и невесомого космического вакуума.

Массовые кибератаки прокатились падающими костяшками домино и вывалили на свет божий данные с восьмидесяти процентов серверов и персональных устройств (к слову, педофилия среди священников и устранение политических конкурентов неполитическими методами никого не удивили вообще). Каждая мордашка оказалась на виду, как на школьном стенде; а самое ужасное, что всплыла правда про новейшие разработки ВПК, отмеченные грифом высочайшей секретности. Только вместо того, чтобы попытаться уладить «недоразумения», начались взаимные претензии и угрозы. Поэтому революционеры сделали новый шаг, которым стала ядерная провокация.

Конечно, мало кто верил, что единичный взрыв вызовет необратимую цепную реакцию – уж слишком подозрительно он выглядел, хотя уже неделю спустя люди поняли, насколько сильно заблуждались. Зазвучавшим уличным динамикам потребовалось несколько попыток, чтобы огорошенное человечество вникло в суть оповещения. Спокойный, не терпящий возражения тон предлагал проследовать по маркерам до ближайшего убежища «в связи с чрезвычайной ситуаци-

ей» без каких-либо уточнений и альтернативных источников информации. А уж если нависающая над тобой система протягивает спасительную соломинку, то значит – дела хуже некуда.

Под открытым небом загудело море гипсовых масок, скопированных по какому-то глуповатому шаблону: за исступлёнными взглядами маячило естественное детское желание взять отцовскую руку перед переходом ревущей автострады. Столпотворения развернулись у каждого подъезда, у самых гаденьких хижин самых диких племён, и в этот момент с растянутой сферы неба упали первые гиперзвуковые. Их тени пролетели стремительно, моргни – и пропустишь, как двадцать пятый кадр, а спустя вздох последовал пронзительный нарастающий свист и грохот от столкновения с землёй. Районы стянуло болевым спазмом, и, с трудом отхаркивая пыль, они буквально заходили ходуном; в тот момент сознание ещё пыталось усмотреть в этом шутку, ошибочное перенаправление симуляции в какой-то банальный неправдоподобный фильм, ведь войны велись дипломатами, наёмниками и СМИ, а оружие массового поражения – самая крайняя мера, не имевшая оправданий. Разинув рты, ввергнутые в шок люди уставились ввысь, с непониманием пялясь на почти статичные точки, которые постепенно обретали фаллические очертания: с высоты стратосферы приближался основной костяк боевых крылатых легионов, вырвавшихся из своих подземных и орбитальных саркофагов. С лёгкостью

дырявящих бумагу игл, они прошивали высотки, выкручивались штопорами, воспламеняясь перед самым приземлением, а иногда просто врезались в землю, вызывая ужасающие сейсмические толчки, кроша фундамент в труху, образовывая разломы и воронки. Под нарастающий инфернальный свист толпа всё-таки ринулась прочь, прорубая путь к спасению всем, что подарила им природа, визжа, рыдая и сбивая друг друга с ног, не желая становиться пеплом в громадной печи развернувшегося всенародного Холокоста. Так рушился карточный домик, не имевший шанса выстоять на козырных тузах. Так менялся привычный формат бытия.

Динозавры в палеогеновом аду животики надрывали: очаги нестабильных изотопов разъедают органику, грунт пропитан синтетическим ядом, а водоёмы более не могут утолить жажды и кишат паразитами. Бутилированные напитки стали вдруг настоящим сокровищем, за которое не зазорно свернуть шею. Неизбежность взрастила безумцев, вроде пустынников, что поклонялись дождю, хотя культам и группировкам не было счёта. От психов отлично спасали пули, но наибольшая проблема крылась в отсутствии коммуникаций: когда спутники связи снесло орбитальными бомбами, лавина белого шума захлестнула эфир, усилив безысходность – последнюю стадию спида надломленной одиночеством души. Новости стали приходить реже, всё равно что отправлять письмо с курьером в начале Средневековья; в довершение всех бед военные использовали ударно-волновые излучате-

ли, расстраивающие и жгущие микросхемы, и вызывающие недомогание даже у «чистых» людей. Целый мир, оставшийся для нескольких миллионов, почти не имел безопасных мест и рабочей аппаратуры, поэтому, когда конфликт утих, неразбериха воцарилась более чем полная. Без стимуляторов, дополненного окружения и интерактивных подсказок не всегда было ясно, кто перед тобой и какие у него намерения, так что доверие выросло в цене, а от обязательств стало гораздо труднее уйти; вернулась болезненная, немного жуткая свобода выбора, способная завести в запутанные лабиринты взаимоотношений. Оживающие социальные связи зазвучали, как старый расстроенный рояль – оставалось подтянуть струны, прислушиваясь к диссонирующему звучанию, но именно благодаря первым композициям, сплетённым из старых аккордов животных инстинктов и человеческой интуиции, не случилось самоубийственного шага в пропасть. Естественный отбор активировал репродуктивное безумие, без которого невозможно миновать критической фазы. Размножение ради жизни и жизнь ради размножения – основные правила целеустремлённого вида.

Интимная близость заиграла новыми красками, даря то ли первобытные, то ли высокие чувства, и лишь единицы задумывались о том, в какой мир придут их чада, что разгребать бардак выпадет на неокрепшие плечи потомков. Родители редко подготавливают почву, чаще всего они просто теряют контроль в высшей точке оргазма, умиляясь спустя

девять месяцев доверчиво-розовой и пока ещё счастливой мордашке. Не строить долгосрочных планов – бич многих не совсем разумных существ, чьи дети беззаветно принимают удар реальности, стараясь не сломаться на первых порах; другое дело, когда на ребёнка изначально возлагают надежду, развивая его с оглядкой на быстро меняющуюся действительность, вкладываясь и временем, и ресурсами. Именно такими предусмотрительными родителями были Харуна и Кэнсин – два упёртых скитальца Страны восходящего солнца. Их главным капиталом стали знания, ставшие универсальной валютой и величайшей суперспособностью, позволявшей регулировать движение рек и перемещать центры масс, а их первенцу предстояло склеить разбитую фарфоровую вазу, при том взяться за это дело добровольно, несмотря на всю сомнительность кампании. Оставалось скорректировать генетический код, довести до идеала обмен веществ и выстроить безупречную нервную систему. Харуна предложила выбрать имя, опуская рисовый пончик в миску с пудрой, и он подумал тогда: «Слишком приторный завтрак для такой жары», а после, весомо помолчав, предложил: «Юки. Давай назовём её Юки. По-моему, символично». Это означало снег – чистый, белый, отражающий и приумножающий беспечные небесные лучи. Пончик замер над миской терпящим крушение НЛО, и Харуна с вопросом посмотрела на округлившийся за девять месяцев живот, тут же наградив мужа взором полного одобрения: «Дочка не против. Мы со-

гласны».

В её первом воспоминании сухой док Яншани и поставленный на кильблоки «Токио» – большой экскурсионный траулер, практически город на воде. Компактные технороботы катаются по корпусу, очищают днище от наслоений соли, затем наносят синтетическую смолу из распылителей. Капитан Маэда держит её на коленях, объясняет про коррозию, про обрастание микроорганизмами, изредка перекидываясь очень серьёзными замечаниями с кем-то из команды. В далёкой дымке плывут призрачные холмы, орущие чайки ныряют в толщу небосвода, а огромный пустующий порт, заставленный грузовыми контейнерами, кажется, целиком в их распоряжении. Потом гавань Шанхая: квадрокоптер доставляет на борт новую приблуду, стоившую мешочка алмазной крошки, невидимое силовое поле траулера рябит, впуская материальный объект, а папа невозмутимо стоит рядом, тыкая в проекцию портативного компа, развёрнутую на уровне груди. Технологической начинке их корабля уже тогда завидовали многие военные крейсера, а такому отношению – большинство из встреченных людей. Когда долго сидишь в собственном доме, начинаешь чувствовать его душу, которой стараешься угодить. Кормовые краны, тянувшие траловые сети, словно бы издавали живые стоны, и скрип каждого металлического сустава настойчиво и тяжело отдавался в сердце команды.

Их трудолюбие не уступало тем техноботам из Яншаня:

заражённая среда бросала вызов, который приходилось принимать. Даже самураи, являвшие собой пример доблестных воинов, не отлынивали от работы, находя достойным и замену воздухофильтров, и разделку морских гадов. Суровый мечник Куро, без единого выстрела пересёкший пять континентов, шутил в присущем себе стиле буси, что распотрошить тунца не сложнее, чем идиота, бросившего ему оскорбление; и действительно, никто больше не умел орудовать кухонным ножом так, будто от этого зависело благополучие всей эпохи Эдо.

Юки упивалась жизнью в плаванье, и даже время, в которое девочке посчастливилось появиться на свет, вполне её устраивало. А до чего она любила штормы: ломкие ветви электрического тока, зашторенные ливнем, инерцию ходящей ходуном палубы, громовые раскаты, простреливающие барабанные перепонки… Даже полуголые берега в войлоке синтетической пыли и заплатках молодого леса приносили неподдельный кайф. Тотальная разруха ощущалась в каждом ненапоенном овраге, в нагих возвышенностях, стыдливо выставляющих себя напоказ, только услышать «конец света» от токийцев было практически невозможно, ведь принимая боль мира, легче ему не станет. Они просто радовались, что имеют возможность излечить природу, которая, вопреки всем катаклизмам, пульсировала в любой точке земного шара и в каждом микроне тела.

Готовили на корабле сами, пускай автоматизирован-

ный камбуз легко заменял конвейер первоклассных шефов. Жизнь без труда: пресная несолёная лепёшка, а подобный рацион непременно ведёт к хандре, за которой на цыпочках следует беззаботная деградация. Счастье – это не только тепло и сытость. Это трудовые мозоли, смягчённые ароматными рыбными маслами, это чувство хорошо проделанной работы, в которой есть смысл. Успех же крылся в отлаженном безотходном производстве, которым мало кто мог похвастаться. «Токио» стал всеяден, не оставляя после себя объедков: панцири с раковинами превращались в чистый кальциевый порошок, требуху перерабатывали в комбикорм, которым на прибрежных фермах кормили скот, а излишки жирного, нежного филе с охотой брали в любом регионе. Конкурентов, поставляющих отменные рыбные полуфабрикаты, «Токио» практически не имел. За работой рождались мимолётные разговоры о бытовых мелочах, вокруг которых взаимодействовал их неприхотливый камерный социум, и всякая светлая мысль овивала живой виноградной лозой холодные столпы повседневности.

После Коллапса «Токио» лежал на свалке истории кораблём-призраком, готовый отдаться первому сборщику рухляди. Его старенькие лампы психопатически моргали, тёмный сырой трюм кишел тараканами и крысами, жестяной настил болезненно скрипел, а бездушные копии кают вгоняли в уныние. Всё равно, что заходить в тюремную камеру, понимая, что бежать больше некуда. Маэда запускал списанный

траулер несколько месяцев, ползая под обшивку с карманным фонариком, а когда затарахтел генератор, на борту уже обосновалось несколько полезных соотечественников, приведённых любопытством на суровые напевы пиратских шанти. Поначалу новоиспечённая команда радовалась простому махровому халату или мелодии, извлекаемой из губной гармошки, и если у берегового костра стрекотали цикады, их принимали как добрых гостей. Оправившись, токийцы взялись за дело основательно: наладили быт, начав с татами для кают, а когда закончили с главным, потащили на борт всё новые и новые реликвии уснувшей цивилизации, наполняя новую жизнь историей и глубочайшими смыслами. Они демонтировали искажённый тепловой волной Храм оленьего сада в Киото, пустив Золотой павильон на провода, а предметы старины – по каютам и континентальным музеям. Рыбак Ло, наделённый коммерческой жилкой, выторговал у столичных сталкеров аппаратуру с государственной медиавышки, а защитница природы Наоми сохранила ростки бамбука из района Арасияма, пересадив их на корейском юге. Будь у неё возможность, она спасла бы весь лес, давно увядший на токсичном болоте, в которое ныне превратилась бывшая столица. Барахло приходило, как рыба, сортировалось, как рыба, но продавалось как сувениры на память. За антикварную фигурку Аматерасу давали мешочек риса, а за милую кошечку, которая на деле была богиней Бастет, и того больше. «Токио» обрастал кусочками Африки, Америки, Австралии

и Евразии, деревянными идолами, матрёшками и прочими этническими интересностями. Можно стать кем угодно, попробовать любую культуру, и для этого не нужно становиться колонизатором. В двадцать втором веке мир напоминал открытую книгу с красивыми иллюстрациями и занимательными статейками, даруя сердцу порывы, а глазам – эстетику; после Коллапса много цветных страниц вырвало, так что приходилось ходить на экскурсии по руинам или на сетевые ресурсы, чего вполне хватало. А чтобы экскурсии проходили чуточку чаще, каждый на траулере создавал собственный неповторимый уголок. У некоторых над кроватями висели ловцы снов, кто-то настраивал карму портретами великих мыслителей вроде Бакунина или Кун-цзы, неся идеалы анархии и верности предкам соответственно, хотя на первом месте стоял твёрдый научный прогресс. Токийцы ощущали себя механизмами в часах, частью общности, при том сохраняли индивидуальность и понимали свободу в самом высоком смысле. Человек – бездонный кладезь предрасположенностей, поэтому чем больше ему открыто дорог, тем выше вероятность, что финишная черта не принесёт разочарований.

С благословения капитана на борту разрешили заводить питомцев. На швартовке им часто встречались тощие волки или олени, но устроить зоопарк не позволяло место: всё-таки «Токио» – не Ковчег. Несколько котов то и дело шныряло между камбузом и рыбацким краном, один пёс служил в до-

зоре наравне с матросами, а сам Маэда завербовал на Мадагаскаре попугая, который быстро оценил все прелести корабельной службы, в особенности медовые палочки с просом и сорго, которыми его баловал кок. Пингвин, конечно, мог улететь на час-другой по ведомым только ему делам, но всегда возвращался, чтоб рвать глотку пронзительными пиратскими кричалками.

Когда рыба, захваченная траловой сетью, оказывалась на борту, ароматы океана полностью забивали голову. Промысловики, одетые в биозащиту, слетались к резервуарам, суетясь, как пчелы, сортируя морепродукты перед отправкой в лабу. Паразиты эволюционировали, нередко кооперируясь с другими опасными видами, и токийским биохимикам приходилось синтезировать подходящие антибиотики, спасавшие от потенциальной диареи, воспаления мозга или чего похуже. Рынок высоко оценивал нелетальные морепродукты, на которые вместе с ростом населения повышался и спрос.

Торговали, в основном, с азиатскими регионами, реже – с Россией и Южной Америкой, но этнические соседи принимали японцев радушнее всего. Корейцы с китайцами больше не вспоминали оккупацию, даже предоставляли неплохие скидки, а порт Шанхая и вовсе встречал их песнями: местный балагур Мин, фургон которого служил мобильной музыкальной станцией в светодиодном безумии, ни разу не пропускал их прибытия и ждал, когда наконец гости, усевшись

с ним у причала, разопьют его фирменную настойку с ядом гадюки (один маленький шот этого прошибающего пойла без труда уносил в языческий Ирий даже христианских святых). Сам Мин пил много – синтетическая печень избавлялась от лишней отравы, а когда, наконец, хмелел, делился информацией из всех сфер, в которые сунул нос. Он ничего не требовал взамен, разве что хорошие истории, которые перепродавал в виде приукрашенных и качественно исполненных аудионовелл. Но недавно Мин, захмелевший до кончика козлиной бородки, ступил на «Токио», едва в причал уперся трап, тыкая в татуировку дракона на полностью расписанной руке, по буквам пытаясь поведать нечто важное, будто запамятовал, что все портативные компьютеры способны синхронно переводить путунхуа – главный китайский диалект: «Господин Укун хочет заключить контракт. Он говорит: «Найди для меня проверенных людей, готовых на авантюру». Так что Мин нашёл». Через семь минут капитан Маэда, с ветерком проехавший на качающемся разноцветном фургоне, прокуренном похлеще индийских кальянных, оказался на аудиенции у одного из крупнейших игроков нового мира. Господин Укун в национальном халате шэньи, помонашески складывая руки, встретил капитана в своих роскошных апартаментах, выглядывающих на полностью разрушенный даунтаун, в котором, не покладая ковшей, шустрили дистанционно управляемые экскаваторы. Маэда обратил внимание, что Укун не использовал золотых цветов в своём

наряде – то было отличительным признаком императорских семей – но выбрал коричневые цвета скромных чиновников, что весьма диссонировало с антуражем его приёмной. Вылизанная до блеска зала сочилась роскошью, переливались подвески фрактальных люстр, играла живая музыка: виолончелистка с полуприкрытыми глазами словно из Неба извлекала первозданный покой. Её модернизированная рука, внешне неотличимая от обычной, в любой момент была готова пустить в Маэду пару подпитанных электричеством игл. Укун коснулся глобуса в тяжёлой кедровой оправе, длинным аристократичным пальцем ткнув в мегаполис, на сторону которого переметнулись разведчики подконтрольной правительству корпорации. Это был быстрый разговор двух занятых людей, причём Маэда ещё до его начала понял, отчего самый влиятельный политик предлагает японским наёмникам решить его проблемы: ему банально не простят очередного провала.

Шань Укун уважал самураев, ведь самурай способен справиться с любой задачей: их готовили квалифицированные учителя, коих на «Токио» сейчас квартировалось больше, чем кильки в банке шпрот. Например, Кэзуки – бывший инженер «БэнКо» – успешно выучил новое поколение специалистов, или разведчик «Ульфхеднара» Сэтоши Син, способный одерживать верх при самом неблагоприятном раскладе. Самурай – не просто слово. Это современный, подготовленный по высочайшим стандартам боец с пачкой высокотехно-

логичных примочек. Стоимость его подготовки не позволяет ему быть одноразовым.

– Мне нужно знать, что происходит в Америке. В какой стадии противостояние востока и запада, кто побеждает, каковы их настоящие мотивы и идеология. Выясните, не использует ли Лос-Анджелес какие-то хитрости, чтобы перетягивать людей на свою сторону, и не замышляют ли бостонские пираты тотальную войну после возможной победы на своём материке. Если найдёте компромат на любую из сторон, обговоренная сумма увеличится вдвое. Также будет неплохо проверить, сидят ли в Чайнатауне преступники, которые ожидают обещанного возмездия, или никого там на самом деле нет. Авансом даю десять упаковок «обфуската». – Укун имел в виду стимуляторы, ускоряющие нейрогенез. – Капитана Маэду устроит моё предложение?

– Устроит, Укун-сама, – отвечал Маэда сдержанно вежливо. – Это хорошая цена.

– Каковой и должна быть плата за результат.

Здесь следует объяснить, как обстояли дела на американском континенте. Вскоре после Коллапса пиратский капитан Джозеф Райзен вызвал на бой все армии мира. Что интересно, вызов был принят, и очень скоро большинство стран потеряло на полях Массачусетса значительную часть солдат. В итоге США разделились на два лагеря: на востоке главенствовали пираты Райзена, перемоловшие целую кучу связанных присягой бедолаг, на западе собрались остатки армий,

по тем или иным причинам до Бостона не дошедшие. Будучи в состоянии войны, обе стороны скрылись за железным занавесом, не отказываясь, тем не менее, от поиска союзников. Дипломаты и тех, и других предлагали вписаться в их войну в том числе Китаю, но Укун имел претензии к обеим сторонам, так что полностью переключился на внутренние дела. К шестидесятым стало понятно, что пираты «Авангарда» и противостоящая им «Вертикаль» находятся в патовой ситуации и, по всей видимости, перевели конфликт в «холодную» фазу. В этот самый момент в Чайнатаун пустующего Сан-Франциско прибывает группа китайских учёных. Вернее, бежит на корабле, полном дорогостоящего оборудования, и вскоре запускает лабораторию по производству медикаментов, в частности седативных препаратов. «Вертикаль» под предводительством Лос-Анджелеса выдала приезжим все необходимые разрешения, предоставила выгодные условия для бизнеса, присвоила статус особой промышленной зоны и пообещала протекцию. Те, в свою очередь, передали Шанхаю официальный отказ от гражданства. Это был чувствительный удар по репутации Укуна, о котором тихо шептались в народе. Элиты шептались чуточку громче. Впрочем, разговор о другом… Долгое время тот особый промышленный Чайнатаун снабжал лекарствами десятую часть мира, но в восемьдесят седьмом, то есть восемь лет назад, Сан-Франциско заняли новые сателлиты Города ангелов, называющие себя «Персоналом». После года мирного сосуще-

ствования «Вертикаль» заявила, что Чайнатаун подвергся нападению, что виноваты северные бандитские группировки и что для безопасности выживших они вместе с производством переезжают вглубь страны и работают отныне лишь на внутренний рынок. Выглядело всё так, будто Лос-Анджелес подстроил нападение, чтобы под шумок перенаправить производственные мощности на своё эгоистичное благо. Вполне себе умная и циничная многоходовка. В любом случае, нападение на граждан Китая (даже если они сожгли паспорта) нельзя оставлять безнаказанным. Для сохранения авторитета Укуну требовалось возмездие, поэтому несколько лет он добивался выдачи налётчиков. Экстрадиция, однако, являлась юридическим тупиком, и спустя годы переговоров «Вертикаль» таки позволила решить судьбу нападавших, но на своей территории. Сами рейдеры избежали тюрьмы, поскольку их вина была «доказана лишь частично», в следствие чего они оставляли за собой право на самооборону, а также, не имея возможности уйти из Калифорнии, словно бы в насмешку заняли тот самый Чайнатаун. Как бы там ни было, в девяносто втором китайцы наконец-то отправили в Калифорнию спецназ. Отряд на бронемашинах был экипирован по высшему разряду, в том числе ракетами и электромагнитным вооружением, квантовыми передатчиками, способными посылать сигналы даже в белом шуме, провиантом на месяц и стимами, вызывающими амок. Однако вместо того, чтобы провести допрос и вынести приговор двум потенциальным

преступникам, группа направилась на аудиенцию в «Персонал», являвшийся, как было сказано выше, частью «Вертикали». Разговор был долгим, а по его окончании бойцы передали, что переходят на сторону Лос-Анджелеса ради помощи в предстоящей войне с мировым злом в лице пиратов. Это следовало из рапорта, доставленного стоявшим у берега транспортным судном, которое и поддерживало связь с десантом. Чуть позднее спецназ передал через делегатов более неформальные видео и аудиозаписи; с отдельными перебежчиками даже удалось пообщаться в гостевой зоне лос-анджелесского порта. Воины Китая приносили извинения, просили не считать их коллаборантами и обещали, что остаются верны Родине, но на кону стоит свобода. Мировая свобода, что бы это ни значило. Плюс ко всему, они буквально умоляли Шанхай встать на сторону американского запада… Нет уж, выбор стороны подождёт. Сначала в ситуации надлежит досконально разобраться. Мудрец должен действовать взвешенно и хладнокровно, хотя, стоит признать, нагромождение всех этих неясностей играло на нервах бессменного руководителя партии даже в окружении молодых и добровольных наложниц, сбросивших ненужные одежды. Что ж, наём самурая не станет для Укуна бесполезным вложением.

Рабочая партия Китая ударными темпами реставрировала и восстанавливала инфраструктуру. Сорокатысячный Шанхай приманивал торговцев со всех концов света и оперативно возрождал старые производства (начиная с сандалий и

заканчивая стволовыми клетками для биопринтеров), а кок Гордон заскакивал в один магазинчик специй, доводивший его до гастрономического экстаза, где затаривался душистыми смесями трав и овощей, без которых невозможно завершить кулинарные шедевры.

Корпорация Поднебесной, отвечавшая за конвоирование грузов, называлась «Ханьдань» и курировалась соответствующим министерством. Потеря опытной разведгруппы стала ощутимым ударом, особенно сейчас, когда на счету буквально каждый человек. Мудрый и опытный Шань Укун руководил правящей Рабочей партией, но его век кончался, а он не хотел преждевременно уйти из-за какого-нибудь молокососа, решившего, что правящая рука уже не так сильна, как раньше. Когда армии КНР перемалывались в пасти враждебных материков, а продовольственные и оружейные склады любезно распростёрлись перед предприимчивыми мародёрами и солдатами-изменниками, Укун объединил вокруг себя силы народного сопротивления, остановив расхищение обожаемой им Отчизны, лично взявшись за оружие (ведь хороший управленец не отдаёт ресурсы в руки идиотов). После «прополки сорняков» он стёр с лезвия кровь, демонстративно повесил отловленных предателей, даже тех, кто, путая его с новым Александром, распластывался в проскинезе, и принял бразды правления, заменив вопросы выживания на вопросы сотрудничества. Под его началом Китай вновь ощутил себя единой нацией.

После показательных массовых казней, Поднебесная вернулась к нормам Конституции, ставящей человеческую жизнь превыше всего. Собственно, любой адекватный госаппарат ценил каждого своего подданного, поэтому вооружённые словом и делом добровольцы бродили по миру, уничтожая в едином гуманистическом порыве невольничьи рынки – эти гнилые кирпичики, обрушающие правительственные башни. Работорговцы уводили, как скот, даже женщин и детей, ибо жадность – зудящая мозоль, натираемая безнаказанностью, так что проблема обещала разбухнуть, если вовремя не проткнуть пузырь. Рабы были ценны, особенно красивые и здоровые: таких часто держали на поводке, как личных питомцев, а для самых немощных уготованная участь была менее приятной, вплоть до тушения, консервации и продажи под видом говядины. Люди добывались проще, чего не скажешь про технологии и материалы, которые приходилось буквально откапывать из-под руин, но покуда мир приходил в норму, варварство двигалось к искоренению.

Уже полвека ресурсы выскребали всеми доступными способами, собрав в мегаполисах уйму высококлассного оборудования; вся рабочая и военная техника, уцелевшая каким-то чудом, незамедлительно пускалась в дело или ждала своего часа, но приоритеты всё же оставались за восстановительными работами, а не за новыми разрушительными конфликтами. Обширные территории вне городов-хабов «пылесосили» отдельные энтузиасты: обносили ювелирные лавки,

пощипывали загородные особняки, хранившие необычайно фактурное старье – в общем, собирали сувениры, возвращая суровому и деятельному настоящему утраченный культурный флёр.

«Токио» получал неплохую прибыль с антиквариата. Они без раздумий продавали греческие амфоры, фехтовальное оружие и украшения, хотя по-настоящему раритетные вещи оставались с ними навсегда, ибо пища, способная насыщать внутренний мир, ценнее рыбы (во всяком случае, до первого урчания желудка).

Юки быстро изучила устройство современного мира, неплохо вникнув в нюансы вроде того, почему на Земле почти не выпадают осадки: погодные дроны притормозили круговорот заражённой воды, сливая конденсирующий пар обратно в водоёмы. Шанс попасть под дождь колебался в районе нуля, но когда заработает достаточно водоочистных сооружений, облака вновь протянутся над всей планетой. Однако вливанием энциклопедических знаний её воспитание не ограничивалось. Учитель боевых искусств, Сэтоши Син, шесть дней в неделю ждал её на носовой палубе или, как сказал бы Маэда, на баке. Ритуал утренней зарядки служил трамплином, с которого легче достигались новые высоты. Молодое тело требовало выпустить пар, а дряхлые косточки ныли без разминки, хотя двигался сенсей с грацией воздушного акробата. Его неуёмная бодрость, не угасающая от рассвета до заката, посоревновалась бы с чувством влюб-

лённости, окрыляющим в начале весны. Пробуждение давалось старику легко, а Юки, в противовес ему, до победного конца куталась в уют одеяла, как в тёплый армянский лаваш. В первые годы приходилось вытаскивать её прямо из кровати, силком волоча на палубу, где девочка зевала, не прикрывая рта, ныряя в карманы любимой толстовки и пряча слипшиеся глаза в затенении сползшего на лоб капюшона. Он говорил ей что-то типа «просыпайся, торчок», каждый раз, когда она дрожала от холода под цепкими ветрами Пацифики, что всегда вызывало отдачу: девочка бросала отрицающий взгляд, заявляя, что никакой она не торчок, или не слизень, или не кто бы то ни был, а потом вливалась в многочасовые тренировки для тела и духа. Чтоб включить ребёнка в «игру», Син запросто ходил на руках по металлическим леерам, за которыми облизывались холодные утренние волны, делал задние сальто, даже отжимался на одном кулаке, подталкивая стремление девочки к своему мастерству. Путь не жалеет слабых, так что от подачи материала зависела не только его репутация, но и её жизнь.

Лист бумаги обретал неповторимую геометрию, сложную и, в какой-то мере, опасную. Этот самолётик мог стать журавлём, а из журавля превратиться в розу. Юки была идеальна (по субъективной оценке Сэтоши-сана, естественно). Вестибулярный аппарат был настроен не хуже гироскопа на авиалайнере, посему никакое непроизвольное вращение не могло сбить доведённое до совершенства чувство простран-

ства. Боевые приемы, почерпнутые мастером из множества школ, научили её наносить фатальные увечья любому громиле, а сконцентрированный ум щёлкал задания на смекалку. Они даже в шахматы играли – это великое изобретение далёкой Индии развивало комбинаторное мышление, остро необходимое при работе с цепочками данных. Сенсей лепил из неё профессионала, способного выбраться даже из переулков Могадишо.

Когда ей исполнилось семь, занятия стали кардинально сложнее. К этому возрасту она уже вставала без тычков мастера, ещё до восхода являясь перед его сверкающим седобровым ликом. В одно непримечательное утречко, привычно зевая так широко, что слёзы наворачивались, сенсей, ничего не поясняя, протянул ей повязку.

– У меня нет насморка, – заметила девочка, надеясь вывести сенсея из себя, и размашистым движением вырвала легко зажатую в кулаке ткань. Тогда-то, как по волшебству, в освободившихся руках Сина возник пластиковый шест, при виде которого ученица удивлённо вскинула бровь:

– Вы решили убить бедную Юки, Сэтоши-сама? – она язвила, предвкушая неизбежную встречу с болью.

– Я хочу научить тебя слышать ветер, – размеренная речь мудреца, подкупающая и ласковая.

– Я уже слышу ветер, – она настороженно покосилась, добавив с нарочитым упрёком. – Вам просто нравится бить детей.

Метко подколола – это в ней от матери, авантюристки и раздолбайки, никак не от тихони-отца, но, вопреки крутому нраву, тренировка вступила в активную фазу. Юки покорно повязала повязку, не смея жульничать, и покорно встала, ожидая первых тумаков. Ослеплённая, девочка ощутила, что звуки – нечто большее, чем динамические колебания, это что-то прекрасное, с очертаниями, фигурностью и подтекстом. Звуки стали буквально всем, главной зацепкой, которая указывает на наличие реальности, отчего ей стало боязно до дрожи в коленках в ту секунду, когда сознание ступило на неизведанную полосу препятствий. Она стиснула зубы, обозлилась за мимолётную слабость, убеждая себя, что арена не изменилась: это всё ещё безлюдная палуба в её родном мире – не хватает лишь одной составляющей, – после чего ненужная оторопь погасла в зародыше.

Сенсей расхаживал дрессировщиком на цирковой арене. Разрезая воздух «поучительным» шестом, он выверял траекторию будущего удара, прикидывая силу и скорость во всём уравнении.

– Чувствуешь движение? – С такой интонацией обычно спрашивают, с чем подавать блинчики на завтрак, с кленовым сиропом или малиновым вареньем.

– Да, сенсей. – Юки делала паузу, вслушиваясь, откуда тянется опасность, в очередной раз укалывая старика едкой детской иронией. – Раз уж я научилась слышать ветер, забирайте назад свою тряпочку.

Укрощая словесную прыть, дарованную молодостью, Син хлёстко саданул её по напряженной голени, взяв своё коронной внезапностью. Синтетическая ткань смягчила удар, но Юки всё равно запрыгала на одной ноге, тараторя «ай-яй-яй» и потирая место «укуса».

– Вы переродитесь в камень, сенсей! – Ругань и возврат в исходное положение. С дисциплиной был кавардак, а всё-таки она присутствовала.

– И из камня высекают Аполлонов, – спокойно парировал старик её неловкий выпад безупречно-спонтанным афоризмом.

Очередной безумный подход. А вдруг он «стебётся» над ней, ставит юного ронина в неудобные ситуации, удовлетворяя внутренних трикстеров? Когда старые методы обучения надоедают, как миссионерская позиция надоедает любовникам, начинаются «запретные практики». Раньше никому глаза не завязывали, зато на ней он решил оттянуться. Смысл подобного развлечения до ужаса банален: Син бьёт, она уворачивается. Пытается увернуться. От такого минимум практической пользы, хотя позже Наоми-сан объяснила, как мозг обрабатывает разные типы информации. Так слух, отточенный до совершенства, откликается на источник звука быстрее, чем зрачок на цвет, что будет весьма кстати в кромешной тьме. Шум легче цвета, сравнить хотя бы музыкальный файл без видеоряда с видеорядом без звука. Разницу поймёт даже дискета.

Старик обходил её хладнокровным волком-одиночкой, что готовится атаковать в предрассветном тумане; она улавливала децибелы его лёгкого, пёсьего шага, различала поступь сквозь фоновые помехи стелящихся волн, рисовала раскачку тонкого эластичного прута, опередив дугу, заранее расчерченную премоторной корой, еле-еле успев увернуться, когда удар, устремлённый ей в плечо, едва не достиг цели.

– Очень недурно, – ставил оценку мастер. – Реакция, как у меня после хорошей попойки.

Опять подколы – и ответ-то с ходу не придумаешь. Насыщенная на события жизнь делала Сина опасным не только в бою, но и в риторике. А скольких самоубийц он отговорил прыгать с крыши своими несуразными предложениями сходить в кино или сыграть в теннис. И ведь срабатывало, подкупало что-то в его добродушной внешности. Этот чудак со взметёнными а-ля Сальвадор Дали усиками вкупе с узкой бородкой в ширину двух пальцев начинал психологом в службе спасения, легко перейдя в «Ульфхеднар». В «волках» сенсей получил набор имплантатов, благодаря которым побывал во многих засекреченных архивах лично и дистанционно. Он знал слишком много, чтоб не контролировать словесный поток, а улучшения организма и природное обаяние позволяли ему менять психотип при первой необходимости, изображая, например, бесчувственного манекена за партией в покер или «мафию». Те же, кто знал Сина с юности, и вовсе уверяли, что на его враньё не реагирует ни один полиграф.

Он замер. Юки, ощутив это, сама затаила дыхание. «Возможно, – пролистывала она варианты, – учитель просто поправляет хвостик волос. Хуже, если приценивается для смачного щелчка». К своему удивлению, она вновь уловила филигранный шаг оголодавшего зверя, обступающего раненую напуганную жертву.

– Уж не думаешь ли ты… – начал он, и девочка машинально отвлеклась на голос, не в силах осознать движения шеста. Хлёсткий удар по шее отпечатался нежно-розовой, разгорающейся линией.

– Как же жжётся! – выкрикнула она, накрывая ладонью больное место. Порыв снять повязку практически взял верх, но девочка умела контролировать желания. Растирая шею, она поворачивалась на возобновившиеся звуки шагов, готовая просто отскочить назад, и когда старик ожидаемо атаковал, она ловко нырнула под палку, просвистевшую над чёлкой, а плотная волна воздуха пробежала по густым волосам, точно кончик медиатора по гитарным струнам, после чего Юки тут же отпрянула.

– Я почувствовала запах пластмассы! – Это было недалеко от правды. Она отшагнула ещё. – Как же вариативность? Вы же не собираетесь лупить меня своей стариковской палочкой несколько часов подряд? Можно перекочевать в ринг и там опробовать ваши чокнутые методики. – Затем она промяукала: – Сенсей?

«Рингами» называли технологичные платформы, воссо-

здающие декорации, ландшафты и физику – самый дорогой вариант симуляции, для которых, порой, перекраивались огромные помещения. Учитель размахивал прутом перед собой, словно отгонял мошкару от стейка, обдумывая доходчивый способ донести всё необходимое.

– Достойное рвение, только смотри, в чём дело: твой разум ещё не окреп для виртуальной реальности, пускай адаптация к форс-мажорам прогрессирует с быстротой черепахи, которая после вылупления из яйца сломя голову несётся к океану. Первые пять минут с закрытыми глазами, а в тебе нет ни страха, ни настоящего гнева. Я восхищаюсь этим, юный ронин, вижу, что энергия ци тебе благоволит. Твой слух остёр, движения точны, пускай ты до невозможного спонтанна и баловлива. Время ринга ещё настанет, так что не спеши, научись управляться в минималистичном окружении и привыкни к физической боли. Можешь жаловаться, но одними желаниями горы не свернуть.

Твёрдо сказано, без тени сомнения. Да, она умела и знала больше, чем учит обычный человек за всю жизнь, но раз мастер убеждён, что для виртуальности необходимо подрасти, то нет смысла стоять на своём. А потом Син стеганул её по предплечью, укоризненно добавив:

– Не расслабляйся, Ю, мы сейчас не на камбузе.

На оттачивание слуха ушла мизерная часть всего тренировочного времени. Учитель всеми доступными способами наступал на хвост её ленивым рефлексам, которые предсто-

яло растормошить. В спарингах она стремилась идеально исполнить боевой танец, радуясь поистине демонической силе, спавшей в глубине; Син не давал девочке поблажек, отчего она становилась гибче, бесстрашнее, вместе с тем с незаурядной охотой перенимала от сенсея шипастые колкости, черпала развесёлые речевые обороты, а порой совсем не детские хохмы.

К девяти годам ученица смирилась с существительным «субординация», так что Син предложил «прикончить кого-нибудь злобного и виртуального», чем вызвал у своей подопечной щенячий восторг, получив уверенное, слегка восторженное «ага».

Проблема виртуальности в том, что она искажает истинную картину. Похожая история с наркотиками: можешь быть бесконечно счастлив, созерцать движение аккорда, текучесть времени, понимать, как устроена каждая мельчайшая деталь громадной божественной конструкции, но это никак не поможет решить насущных проблем. Это просто попытка отгородиться, казаться бóльшим, оставаясь маленьким. К девяти годам Юки доказала сенсею, что будет сдержана, не променяет настоящее ни на какие иллюзии. Сину необходимо, чтоб она поняла смысл Пути ещё до его начала, поэтому ринг, прежде всего – контрольный тест, и только во вторую очередь – обучающая платформа.

Тренажерная комната находилась на уровне матросских кают. Выше матросов располагалась капитанская рубка в ко-

роне обзорной площадки, где капитан Маэда иногда курил «WEST» – Wonderful Electronic Smoking Tube – цилиндрический гаджет со сменными ароматическими картриджами. Порой он считал деревья, если хотел побыстрее заснуть, или от скуки горланил шанти в дуэте с Пингвином. В тот раз он курил молча, хмуро дожидаясь Сина.

– Гони ключ, Оригами. – Серьёзно, без подкола. – Пора сделать из девочки воина.

Маэда поморщился, с отвращением выдохнул сизый виноградный дым, что тут же отдал горечью минувшей молодости, сурово и грузно обернулся к Сину, с неохотой протягивая ему увесистый ключ. «Оригами», – проговорило капитанское подсознание, походившее на эхо жизни другого Маэды, успешного «члена семьи» и человека, лишившего отца чести быть обезглавленным. Оригами – это имя его блейдера и его собственная кличка, привязавшаяся после стольких безжалостных расправ. Он и его оружие изменчивы, подобны бумажным фигуркам – символам в руках неотвратимости – так какой же фигуркой стал Маэда, безжалостно задушивший отца? Эти большие уродливые пакли в пигментных пятнах были созданы для преступления, россыпь коричневых веснушек многое могла поведать даже сейчас, например, что у семьи не было средств на клинику и перед вами выходец из самых низов. Почему-то бедности боялись не меньше проказы или туберкулёза, видели в нехватке денег какой-то штамп, и только в якудза его уважали за дела, за готовность,

которой не было у многих важных шишек. Нет больше того Оригами, что обретал всё более смертоносные грани; не будет больше изменений: уж больно здорово быть капитаном, имея под боком верный экипаж и попугая. «Оригами» уйдёт к Юки, так пусть высшие силы не дадут ей повода использовать блейдер. Пусть он больше никому не пригодится.

Одним маршем ниже девочка зырила в замочную скважину. Тренажёрка оставалась единственной комнатой на корабле, не оснащённой сенсорной панелью: напоминание, что не всё на свете состоит из матрицы, протоколов и кодов; к тому же мало кто умел взламывать механические замки, поэтому они в нынешних реалиях казались наиболее практичными.

Барабанные перепонки определили неслышную поступь Сина. Юки отошла, нетерпеливо раскачиваясь на ступнях взад-вперед, уцепившись большими пальцами за карманы. Син вручил ей дубликат ключа, с помощью которого она в любой момент могла утолить жажду спонтанного эскапизма. Девочка сумбурно приняла презент, сдерживая детское ликование; учитель недолго повозился с замком, отделявшим их от маленькой раздевалки, всего с одной лавкой и кучей камер хранения. Далее – светлое немеблированное помещение с парой платформ четыре на четыре метра. Ринги изготавливались из сверхпрочных материалов и были напичканы датчиками и генераторами полей. Взаимодействовала платформа с любым физическим объектом, не превышающим определённых габаритов, но лучше всего реагиро-

вала на «умную» одежду, которая давала обратную связь на несколько миллисекунд быстрее, что явственней ощущалось под стимуляторами. Форсированная выработка норадреналина, например, изменяет восприятие времени, что подтвердит любой, кто прыгал с парашютом или вылетал по гололёду на полосу встречного движения.

Принцип работы казался до смешного банальным: надеваешь специальную обувь, авторизуешься в системе, и сколь бы быстрым ни был бег, край платформы не пересечь – перипетии гравитационных и магнитных полей удерживали «игрока» в чётко разграниченной зоне. Помимо этого, конструкция включала арома-синтезаторы. Пространственный контроль и имитация чувств – основа мультифункционала ринга, к тому же он мог приглядывать за карапузом или проецировать медиа. Борт платформы украшал фирменный логотип «БэнКо» – два идеально скрещенных знака бесконечности, ровно вписанные в окружность, также в комплекте шёл ИИ-администратор, способный принять любой мыслимый типаж. Сэтоши-сан предпочитал грудастых студенток в бикини, а Юки удовлетворялась разными историческими персонами с присущими им заскоками. Платформа, как любой гаджет, вызывала медиков в случае травм, потерь сознания или других неприятностей – эдаких звоночков из суровой действительности, а имитация физики дарила полный перечень чувств, вплоть до экстремальных условий открытого космоса. Такой подход делал сессию действительно пол-

ной, разве что конечности не вырывало из суставов, ведь залог успеха любой симуляции – в балансе реализма и безопасности.

Доступ в тренажёрку имели бравые ребята из корабельного дозора и самураи, так что большинство ячеек пустовало. Юки двинулась к своей, интерфейсный экран среагировал на знакомые черты, загорелось скупое вводное поле, требующее кодового слова. «Zeppelin» – просто название группы, ставшее паролем разблокировки, её большая тайна и первая любовь. Именно после исполненной ими «The Wall» она и полюбила британский рок.

Ячейка распахнулась, открыв доступ к содержимому. Белые кроссовки, равно как перчатки, были мягкими на вид и такими же мягкими на ощупь, с автоподгонкой размера, автосушкой и прочими бонусами, но гвоздём аттракциона оставались визуализаторы – умные линзы, проникающие в сетчатку и выдающие не просто изображение, а буквально изменяющие восприятие, по-настоящему переплетаясь с хрусталиком. Информация, сгенерированная сверхкомпьютером, становилась для глазного яблока неотличимой от реальности, картинка складывалась из множества планов и ракурсов, оживляя всякий сценарий, затягивая сознание в образный смерч. Многих пользователей фантазии буквально поражали до смерти, заставляя плавать в них сутками напролёт, бродить по вымышленным местам в образе Бога или Дьявола, по чумному Средневековью или толкиновско-

му фэнтези. Истощение наступало резко, после долгих дней восторга сжимая волю к действию до состояния горошины. Безупречно выстроенное искусственное измерение не имело видимых недостатков, а когда не видишь отрицательного, то и подвоха никакого, кажется, нет. Игромания стала болезнью духа, ведь исполняла желания, как бескорыстный джинн, дарила вседозволенность, сравнимую с мифами про сады Саладина, в которых юноши, накурившиеся гашиша и окруженные гаремом полуголых гурий, мнили себя душами, достигшими Джанната; затем их гнали прочь, на утро, похмельных, потерявшихся, отправляя на убийство с ясным пониманием, что блаженство не вернётся, если не прольётся кровь. Спустя века ситуация осталась почти неизменной: просто в качестве абонентской платы корпорациям потребовалась не чужая жизнь, а твоя – желательно долгая и по возможности счастливая.

– Ну давай же, – мягко поторапливал Син замершую девочку. – Ты будто забыла, куда кроссовки напяливать.

И пусть Юки впервые оказалась в тренажёрке, думала она не о ринге и не о красотах Max Definition симуляции. Она увидела вещи её самых родных людей, самых близких, но вместе с тем самых далёких. Мать, отец, дедушка – все они занимались в этой же одежде в этой самой комнате давным-давно, и Син сообразил не сразу, что грусть захлестнула его взбалмошную ученицу. Он замолк, стал эфемерным, не пытаясь более подгонять человечка, которого почти с рож-

дения бросили, если смотреть на всю ситуацию глазами ребёнка. Только бабушка Касуми осталась рядом – одна женщина, которая терпеть не может авантюры.

Син подавил желание прокашляться, увидев жалобное личико с влажной дорожкой на щеке, блестевшей внизу хрусталиком разбитого микроскопа. Костяшки детского кулачка стёрли её, а тонкие губы обидчиво поджались.

– Простите, сенсей, сейчас я буду готова.

Учитель понимающе кивнул, подождал, пока девочка подключит устройства, а затем пройдёт в центр ринга. Она скорчила недовольную гримасу, когда умные линзы присосались к её зрачкам. В первый раз это довольно противно: глаза будто щекочет изнутри, а потом привыкаешь, как привыкают люди к сигаретам или плохим шуткам.

– Твоя платформа сегодня вспомогательная. Командовать парадом буду я.

– Как скажете, сенсей, – послушно произнесла Юки.

«Воспоминания делают тебя расхлябанной», – подумал старик, прекрасно осознавая, как тяжко в пик ностальгии сдержать предательские эмоции.

А затем реальность исчезла. Линзы перенесли их в бескрайность первородного темного пространства, в не пропускающую свет материю, единственным светлым пятном которой для Юки стал учитель, точно сгенерированный сверхкомпьютером, левитирующий со скрещенными по-турецки ногами, беззвучно отстукивающий пальцами по видимому

только ему пульту.

– Есть пожелания? – Его всеобъемлющий голос живым эхом заполнил высокий свод виртуальной арены.

– Хочу единорогов и васильковое поле, – съехидничала Юки, не по-детски борясь с минутной огорчённостью.

«Хороший знак, – решил старик, – чертёнок возвращается в норму».

Введя начальный минимум данных, он шибанул по клавише «Enter». Вокруг запрыгали беспокойные пиксели.

– Если почувствуешь головокружение, не переживай – это нормально в первые разы. Заодно прикинешь, чего стоит пара порций сакэ.

Пейзаж стремительно вырастал из ниоткуда. Синева небесного купола, в которую примешивались молочные струйки облаков и медовый нимб восходящей звезды, просачивалась сквозь непроглядную вуаль пиксельного «мыла». На меже распахнутой бесцветной глади размахнулся толстокорый дуб, испещрённый продолговатыми глубокими желобками, и дал широкую, изорванную просветами, тень. Юки, сфокусировав взгляд, могла отличить каждый волнистый листик, каждый жёлудь в зеленой, пупырчатой чашечке, а учитель всё барабанил по незримым клавишам, добавляя новые элементы, обманчиво живые, но ощущаемые всеми пятью чувствами. Очертились первые холмы, на спуске зажурчал ещё невидимый ручей, густая рябь стебельков задрожала в основании симуляции, взорвавшись распушив-

шимися синими цветками, волной захлестнувшими несуществующее поле под синтетической подошвой. Белый шум трансформировался точно по волшебству. Сенсей правда казался волшебником, не просто управляющим сухим перечнем шаблонов: он наколдовал себе тюрбан и ковёр-самолёт, приветливо мотнул головой в её сторону, мол, «Ну как тебе?», продолжая добавлять переменные. Её подташнивало от смены ландшафта, от смеси оттенков и невероятного контраста, после стольких монотонных лет вызывающего восторг и грозящего довести до истерики. Она глубоко вдохнула, восхищённо выдохнула, представляя, каких ресурсов стоит операционной системе вся эта красота. Син с торжествующим видом подгонял последние детальки паззла. Для ронина она слишком поздно догадалась, что единорогов сенсей тоже не забудет.

– Лошадь сзади, – спокойная подсказка сказочника и весельчака Сина, которого качал левитирующий узорчатый ковёр с широкими кисточками бахромы. Учитель печатал, косясь на заваривающееся действо. – А раньше ты хотела шетлендского пони.

Юки услышала глухой перестук галопа, мгновенно прикинула расстояние до его источника и обернулась. Прямо к ней нёсся здоровенный, ослепительно белый конь, и топот псевдокопыт поглощала псевдоземля. Полностью красные белки глаз – два отшлифованных граната, демонически искрящихся, а над ними – роговая кость, подозрительно похожая на

бур, взвинченная, выкрученная в спираль, созданная лишь затем, чтоб пробить грудную клеть, вышвырнув сердечную мышцу за гряду идеально прорисованных холмов. С кисти белоснежного хвоста, вздыбленного аэродинамическим потоком, слетала радужная пыльца. В последний момент отступив, её едва не задело крупом и чуть не пришибло громадным копытом, после чего волна воздуха – имитация волны от пронёсшегося зверя – заставила девочку оступиться, только вместо падения на зад она ловко сделала обратный кувырок, приняла боевой полуприсед, вытянув ногу, и, готовясь к новому кувырку, пыталась переварить то, что сенсей зовёт тренировкой. Она набрала полные лёгкие, неожиданно учуяв что-то до мурашек приятное, узнав в глупой радужной пыльце, повисшей шлейфом, аромат свежепойманного лосося, самого бесподобного в целом свете. Син довёл градус абсурда до крайних значений, а всё-таки подарил ей бесценную детскую радость.

Со стороны реального мира её противостояние выглядело пируэтами и акробатическими этюдами на небольшой площадке с последовательным возвратом на её центр. Физические волны управляли всем её телом, незаметные, невероятно быстрые – переплетённые в канат верёвки магнетизма, компрессии – самых разных воздействий, доведённых подразделением «Бэнко-активити» до уровня «Вау»; но в виртуальной реальности к ней летел могучий жеребец, от которого девочка вновь исхитрилась увернуться, заехав бешеному

зверю ногой по морде. Конь только отмахнулся, и инерция – совокупность расчётов и воздействий симулятора – кубарем отшвырнула Ю на несколько виртуальных метров. Она шмякнулась в пахнущий васильками ковёр васильков. Символический удар тока пронзил ступню, а нереальность поплыла от вращения. Ей немного не хватило до двух полных оборотов.

– В настоящем бою сломала бы позвоночник, – отметил Син.

– В настоящем бою нет трёхсоткилограммовых единорогов! – кричала Ю, упираясь локтями в пушистый луг, спешно возвращаясь в вертикальное положение. То была не истерика, но перелив эмоций. – Я вешу всего двадцать пять! В двенадцать раз меньше, сенсей! В двенадцать! Это всё равно что поставить вас против лёгкого «джаггера».

И как она прикинула его вес?

Син заговорщицки провёл по усу, вспоминая одну колумбийскую операцию:

– Однажды я без оружия колонну танков захватил, – Он гордо распрямился, затем кивнул в сторону идущего на разгон жеребца. – «Джагги» вообще не противники, а с лошадкой любая принцесска справится. Совершенство требует сопротивления, а необдуманные капризы имеют цену, – напоминал Син, будто ронин не усвоил это с первого раза.

– Так поставьте мне адреналиновый имплантат – это же облегчит обучение!

Досадливое молчание ненадолго превратило Сина в мудрого Ламу. В его груди стоял адреналиновый стержень: подобные «девайсы» порядочно изнашивали коронарные сосуды даже тем, кто пичкался электроникой, синтетическими волокнами и искусственными органами под завязку. Были имплантаты гражданские, полезные в быту, были военные, часто не жалеющие реципиента, но каждый мог вызвать необратимые патологии. Нельзя было допустить, чтоб Юки под действием технологий вскакивала среди ночи в холодном поту или мучилась мигренями; в наихудшем же случае присутствовала вероятность атаки электромагнитным импульсом. Алчный работорговец ради хорошего товара без угрызений совести попытается вызвать сбой в работе биомодулей, поэтому Син изначально выбрал для Юки безопасный, но долгий путь, будто готовя к соревнованиям, запрещающим улучшения и чипы. Искусственную силу в ней он развивать не станет ни за какие коврижки.

– Имплантаты слишком расшатывают здоровье. Настоящий воин приходит к могуществу без помощи хирургии, – торжественно произнес старик, но девочка уже не слушала.

Конь ускорялся, пригнув голову, метя буром в солнечное сплетение. Уворачиваться не сложно – на скорости зверюга была не очень маневренной; сложнее ударить в нужное место. Правда мастера – это не танк, а самый обычный сказочный конь, и идея родилась на подсознательном уровне: «Лошадь не может двигаться на трёх ногах. Не может, и всё тут».

Резко отскочив, она вынесла ногу из согнутого коленного сустава с мастерством заправского тайского боксёра, пробив голенью чуть выше копыта, туда, где нет мышц. Псевдожеребец (псевдо вдвойне, если начистоту) заржал от боли, толстая кость переломилась в самом тонком месте, и порядок смены копыт нарушился. Он споткнулся на болтающейся конечности, с неистовым ржанием вошёл мордой в землю, а затем, собственным весом переломив шейные позвонки, полетел крупом вперёд. Снова дёрнул электроразряд, но Ю уже поднималась, заведённая донельзя – готовая взорваться водородная бомба с таймером.

– Занятный удар, – оценивал её мастер, пока единорожий хвост рисовал радугу над потревоженными васильками, – хотя теоретически у тебя треснула малоберцовая кость.

– Что-то я не видела другого решения, разве что разогнаться навстречу и вломить ему лбом! Вы этого ждали, да? – Она надулась, уперла кулачки в бока и нарочито пробурчала: – Давайте-давайте, издевайтесь над беззащитной ученицей.

Повисла комичная пауза. Они чувствовали всю несерьёзность этой перепалки, но держались твёрдо. Симуляция – не то, из-за чего стоит по-настоящему обижаться, а удар тока менее унизителен, чем удар шестом. Домик из рустованного серого валуна слегка косился, голубая ленточка ручья, огибающая его, живенько бурлила. Наперебой стрекотали кузнечики, чирикали условные птицы. Безумие на время отошло.

Син снова печатал на невидимом экране. Невесомый цветочный ковёр и окрестные декорации расплетались в изначальную бесцветную мозаику. Старик готовился воссоздавать новую невероятную арену.

– Ты проявила незаурядную смекалку, Леголас. – Труп животного исчез, а учитель внимательно изучил Юки, не находя признаков шока от её первого виртуального убийства. – У меня родилась парочка новых идей: бой на Звезде Смерти с джедайскими мечами или потасовка с пьяными грузчиками в британском порту. Подумай насчёт Британии: вряд ли ты появишься там вживую, если только не собираешься нырять с аквалангом.

«Ну да, Англию же залило ядовитой пеной по второй этаж». – Она, всё ещё упираясь кулачками в бока, артистично закатила глаза, выбрав, естественно, световые мечи.

Так умножался её боевой опыт: за спокойной зарядкой на баке следовало безумие тренажёрки. Син обучал её таким несуразностям, что порой выворачивало от смеха; девочка даже виртуальных мух ловила виртуальными палочками для еды, за неимением насекомых на «Токио», и каждый раз, снимая визуализаторы, возвращалась к повседневным делам и упражнениям для ума, чуть-чуть другая, но с твёрдым намерением выпорхнуть в реальность лежащего среди руин мира.

Полёт не начинается в воздухе, и её точкой отрыва ока-

зались «Pink Floyd», ведущие за собой весь Туманный Альбион. Раскаченная касба, желтые субмарины и тёмные стороны Луны впечатались так сильно, будто всегда существовали где-то на периферии, в интимной глубине разума затерянной Атлантидой, звучавшей для неё одной. Британцы опередили Йоко Канно, Дзё Хисаиси и ещё кучу прекрасных композиторов, так что японки с японским мышлением не получилось. Бирочка «Made in» зачастую навешивается дилетантами, мыслящими категорией наделов и вотчин; современный же человек мобилен – он меняет дислокации, ныряет в иные эпохи, проживает десятки жизней, чтоб стать чем-то интернациональным и, может даже, безупречным. Юки ныряла глубоко, окрылённая азартом исследователя, но вкусами своими делилась осторожно, первым делом подкинув своему любимому инженеру Ёдзи, который ничего не смыслил в кинематографе, артхаусный «Контроль». «Молодые поэты так часто кончают с собой», – грустно констатировал он, но похвалил её внутреннего эстета; он даже «Joy Division» пытался слушать вместе со своей бригадой, пока они ковырялись в электросхемах. Полиграф подтвердил, что Ёдзи в самом деле высоко оценил её вкус, хотя Юки видела это без полиграфа. Так приходило нужное ребёнку понимание.

Кино она любила разное, в том числе беззвучное чёрно-белое, в былой простоте которого так легко определялись акценты. Прошлое было очаровательным, а очарова-

тельное, как известно, раскрывается более полно, если повсюду грязь. Кинополотна Юки пробовала по кусочкам: распорядок был плотный, друзья нетерпеливыми, а ещё хотелось срезать очередную главу романа или просто лежать пингвином, таращась в потолок. Шаг за шагом ребёнок вырастал в нечто большее, черпал любопытные идеи, находящиеся даже в маскулинных боевиках, что уж говорить о вечной классике. Не устаревший к двадцать второму веку «День Сурка», где Фила Коллинза занесло на островок самоповторов, окончательно показал, что мир не обязан развлекать того, кто смотрит на него под одним и тем же углом, но стоит повертеть его, как кубик Рубика, и интерес непременно проснётся.

Медиафайлы хранились в памяти ПМК – портативного мультизадачного комплекса в виде умной перчатки. При необходимости микроскопический коннектор, расположенный в безымянном пальце, соединял компьютер с нервной системой, позволяя анализировать самочувствие владелицы или производить более сложные манипуляции. Её ПМК можно было назвать полугловелеттом из-за отсутствия указательного и среднего пальцев, за счёт чего очень эффектно получалось показывать жест «peace». Покрытие перчатки напоминало кладку красных и белых ригельных кирпичиков, которые довольно просто отсоединялись, открывая матрицу стандартных разъёмов для подключения различных модулей, в том числе элементов питания, сканеров, кванто-

вых ловушек и прочей полезной всячины. Рабочий стол вызывался определённым жестом или голосовой командой в виде проекции или висящей в воздухе голограммы. Раньше чипировали мозг, добавляя возможность заходить в сеть силой мысли, однако сейчас привязка синтетики к живой ткани несла гораздо больше рисков.

В любом случае, для противостояния Голиафу нужна хитрость, а хитрости не бывает без достаточного количества инфы. Учёба – та самая праща, в которую помещается камень, сражающий великанов. Умница и красавица Аяко, знавшая английский с малых лет, общалась с Юки на языке Шекспира, так что тот превратился в снаряд быстрее всего остального. Аяко не была учителем в привычном понимании – из-за слишком маленькой разницы в возрасте – зато стала отличным заменителем старшей сестренки, предметом обожания и вместилищем той любви, что не доставалась ни одному парню на корабле. Стройняшка Аяко по-подростковому зажималась, была совершенно плюшевой и родной, общаясь на любые темы, самые сложные и самые запретные (разумеется, ради полноты образования). Генетические модификации поддерживали в ней внешность старшеклассницы, но главное скрывалось в деталях: в локонах цвета спелой малины, в вампирских тёмно-бордовых зрачках, холодящих кровь и утягивающих в бездонный омут, в певческом голосе, чище, чем у большинства диснеевских принцесс. Скромная умница, тихий вампирчик, который, возможно, по ночам

прикладывается к её шее, посасывая кровь, как нектар. Юки покрывалась мурашками, когда фантазировала над её подногтной, с нетерпением ожидая момента соприкосновения, наступавшего с банального «What's up, beauty?». Мать Аяко, Наоми, в молодости где-то прочитала, что красный цвет – символ вечной спелости, посему переписала себе биокод, продлив репродукцию «вампиров» на добрый десяток поколений. Помимо внешности, в них зашили отменный метаболизм и непреодолимое стремление к карьерному росту, из-за чего Наоми немного тосковала по старому миру, полному достойных конкурентов в педагогическом ремесле. Эта самоуверенная женщина с необычайно крутым нравом преподавала в ведущем университете Японии, назубок зная постулаты точных и естественных наук. Наоми занималась с Юки отдельно, бомбардируя девочку энциклопедическими знаниями, так что до того, как выработалась привычка, она с необычайным трудом удерживала падающие на голову скалы. Теперь глыбы, казавшиеся когда-то неподъёмными, раскрошились в аккуратные горочки щебня.

Бабушка разбавляла учебные будни, уводя Юки в мир таинственного фольклора: к живым зонтикам и говорящим тануки с большими «причиндалами», вспоминала истории из далёкой молодости, со времён которой практически не изменилась внешне, или беззастенчиво секретничала про членов команды. Но особой гордостью Касуми были бумажные деньги, которые ещё в середине двадцать первого отмирали

бесполезными рудиментами. Доставая из алькова расписной ларчик, как лепрекон достаёт сундучок с конца радуги, бабуля по очереди показывала греющие душу йены, коммунистически-красные юани, евро всех цветов радуги и токсично-зелёные «баксы». Бумажки с монетками были красивыми, даже занятными, но в голове внучки никак не укладывалось, что резаная бумага имела свойство развязывать межконтинентальные конфликты.

– Это редкие экземпляры, – с упоением объясняла Касуми, – их было модно держать в рамочке на самом виду.

– Значит, дедушка спасал тебя, а ты спасала денежки? – спрашивала внучка, хитро на неё поглядывая.

– Угу, – поучительно кивала бабуля, заворожённая купюрами, словно распознала в них новый вид живописи. – Зуки тогда многих спас.

И Юки несколько лет готовилась, донеся мысль до пубертата, чтоб узнать самое важное:

– А почему дедушка ушел? Ты ведь была его любимым подарочком, который он нашёл в банковском сейфе.

На это бабуля, спрятавшая под макияжем лишний десяток лет, отвечала с пламенем в груди:

– Просто он втюрился в одного пухлого толстосума, разъезжавшего с гастролями задолго до моего появления в его беспокойной жизни. Феликс Томпсон – знаешь такого? Конечно, знаешь, вон как глазки заблестели. Небось, всю историю «S&C» заучила. Творческий тандем, в который вля-

пался твой дед, следовал за голубой мечтой – эдакой страной Эльдорадо, великой идеей, способной затмить страсть мужчины к женщине. Конечно, где я, а где «воплощенное в жизнь чудо» … – Касуми морщила лобик, вспоминая умные фразочки. – Он твердил что-то про неунитарную эволюцию в какой-то там схеме и антигравитацию со всеми остальными «анти». – Пробуя на вкус горькие корешки латинских слов, Касуми закипала ещё больше. – Звучало, как графоманская чушь. Ах да, к терминологической оргии присовокуплялись индексы местоположения – без них как-то слишком понятно. Я всего-навсего хотела Басё. Хотя бы хайку, которые он когда-то читал мне наизусть, только вышло так, что сальный американский Купидон ранил твоего дедушку в голову. Общая у них цель, видите ли! Зуки ночами спать не мог, а лучше б лишил сна меня, как это было в наш медовый месяц. Он очень изменился в последние годы, – бабуля томно вздохнула, – а я всё ещё его люблю.

В сорок пятом, когда всплыли тёмные делишки сайберов, общественное мнение относительно Томпсона разделилось. Одни считали, что он продался правительству и помогал выводить боеголовки в ближний космос, другие верили, что из него сделали козла отпущения. Зато ни у кого не было сомнений, что Томпсон в научном сообществе слыл рок-звездой, поражавшей энергией и без очереди занимающей медийное поле. Неугомонный харизматичный Томпсон, имевший доступ ко всей фарме, от псилоцибина до синтетики, ассоции-

ровался с тем, кто победил сон, потеряв способность к бездействию. Юки изучила его работы – высококачественные, но без взрывающих концепций, вроде «антигравитаций» или «осей мира». Даже вскрытые архивы высочайшей секретности не несли деталей того самого исследования, которое оправдает исчезновение дедушки на тринадцать лет… Мама ушла в скитания чуть позже Техника, но тоже из-за этих «идиотских фантазий», поэтому захватившая их идея горела путеводным, но голодным до звёзд, квазаром.

Время шло, и Касуми всё реже видела внучку: кому нужны старые сказки, когда жизнь вырвалась за пределы одной планеты, а широкий ассортимент наук доставляет гораздо больше кайфа? Девочка двигалась вперёд, пытаясь расколоть непонятный орешек, вот только никто не мог объяснить, как. Даже Син, бывалый разведчик-всезнайка, не имел тайничка с нужными конспектами, но всё-таки поделился крупицами сокровенного.

Завеса приоткрылась, когда подросток, управляемый взрывной смесью гормонов, возжелал задокументированных объяснений. В то беспокойное время она сверкала резкими интонациями, невротически подгонявшими разговор. Траулер заходил на китайский рынок пиротехники, ощетинившийся флажками на деревянных разрисованных стендах и шатрах, аромат выгодной закупки усиливался предновогодней суетой, а сенсей ожидаемо стоял на носу в «Аляске», умиротворённо разглядывая импровизированную ярмарку

из-под отороченного мехом капюшона. Чайки то ли приветственно орали, то ли гнали «Токио» прочь, но Сину не было до них дела. Её приближение он уловил десять шагов назад, даже не подумав отвлечься. Он знал, что она пыталась нарыть информацию о деде, оттого ожидал неотвратимых вопросов, на которые не имел ответов. Ю заняла место рядом, навалившись на ограждение. Ветер мягко потрепал её по голове, оставив наедине с сенсеем. Злобно сдув холодный волосок, назойливо щекотавший веко, она прервала молчание, невероятным образом заставив Сина судорожно, словно от внезапно сработавшей хлопушки, дёрнуть плечом.

– Спокойный денёк. – Никакого недовольства в голосе, а ведь стоял её нелюбимый штиль. Претензии отправились по другой траектории. – Что там за история с Томпсоном, сенсей?

– С каким из них? – петлял старик, возвращая самообладание.

– Ну с тем, которого бабушка хочет заживо сварить в котле; дедушкин знакомый, продвигающий загадочные теории, возможно, поехавший инженер преступной мегакорпорации, и не исключено, что поехавший от мухоморов. Вообще-то, его может не существовать, а всё окружение – ваша дурацкая симуляция, ну и прочее бла-бла-бла.

Син высоко оценил уровень самоконтроля – таким ровным тоном обсуждают утреннюю прессу; вот только внутри она чувствовала пробелы, разрывающие её целостность, бе-

силась из-за недостатка деталей, без которых не выстраивается схема. Осознание того, что мир нельзя собрать воедино, просто заглянув в учебник, вот-вот вступало в «фазу принятия».

– Раскопанный пергамент, который хрен расшифруешь. – Син начал медленно, не глядя на Юки. – Томпсон, значит? О нём только ленивый не слышал. Куратор космической ветки «Stea(i)m and Cyber», ведущий проектировщик лунной инфраструктурной программы, тусовщик, трудоголик, короче, всегда свой парень и везде желанный гость, отдающий предпочтение дешёвым забегаловкам и праздной публике. Будучи отличным переговорщиком и высококлассным учёным, Томпсон заигрывал с конкурентами, и этому рубахе-парню действительно открывались как другу, с которым каждые выходные зависаешь в сауне. На пике «дружбы» он перетягивал специалистов, предлагая лучшие условия труда за маленькие корпоративные тайны и за опыт, с самыми же достойными он углублял отношения ещё сильнее, допуская к секретным разработкам подконтрольного себе подразделения. Конкретно с Техником он познакомился за год до Коллапса: завалился с двумя эскортницами и провёл переговоры. Это не было вербовкой. Кэзуки использовал термин «консультация», которая, насколько мне известно, касалась квантовой телепортации и разделения кварков.

– Как-то слишком расплывчато… – вредно заметила Юки, стараясь не думать, с какой стати в рассказе появились эс-

кортницы.

– Проект был засекречен, и даже спустя полвека о нём минимум инфы. Для меня интереснее другое: почему Томпсон попросил помощи за пределами «Стим энд Сайбер»? Какая задача заставила его лично лететь в Японию? Даже представить страшно, зато вполне понятно, почему в проект вписался Кэзуки. Он отлично понимал ценность самых бредовых концептов Томпсона – многие из них поначалу напоминали навешивание лапши на наивные уши, а в итоге реализовывались, вызывая фурор. Томпсону верили, и если бы он не обладал репутацией смелого практика, стал бы середнячковым писателем-фантастом. – Син упивался широтой небесного купола, повсеместной и необъятной синевой. – Техник обмолвился однажды, что сам не до конца осознаёт, во что ввязался, но отступить не может… «Потому что великие задумки, будь то цифровое бессмертие или выделение души из биоматериала, затягивают, как зыбучий песок».

Из открытых источников Юки знала, что перед самым Коллапсом Томпсон улетел на лунную базу, под крылышко американского правительства; а когда президента сместили, благополучно пережил чистку и остался в совете директоров «S&C». Стоит также добавить, что на естественном спутнике Земли находилось около тридцати научно-исследовательских баз под двенадцатью флагами, каждая из которых объявила независимость от Земли вскоре после того, как планету захлестнул хаос. Также Юки было известно, что Томпсон

с Техником общались по закрытому каналу через австралийскую сайберовскую лабу и что дедушка успел поработать на несколько мегаполисов, получив в качестве оплаты дорогостоящие материалы. Но о том загадочном проекте ей не было известно ровным счётом ничего.

Син с теплотой взглянул на Юки:

– Короче, если в детали не посвятили даже Маэду, то это явно что-то сенсационное, какая-нибудь безумная в своей фундаментальности идея. Но если есть хотя бы одно «за», то какой учёный за неё не схватится? Вот Кэзуки и не может отступиться от расплывчатого шанса сделать величайшее научное открытие. Идёт к цели, которая уже мелькнула, только ухватить не может. – Взор его опустился к самому дну. Слова шли тяжело, исповедью в одиночной кабинке для замаливания грехов. – Высшие материи, вера в невероятное… У Кэзуки одна мечта – спасти всё. Если «Токио» потащит водоворот, о своей безопасности он вспомнит в последнюю очередь, но примет командование, попытается выжить сам, не потеряв при этом людей с кораблём, да только и этого ему будет мало. Он мечтает избавиться от всех водоворотов. – Син замолчал, глядя уже не на холодный монолит океана, но в такое же застывшее прошлое. – «Мы в шаге от новой ступени развития, – сказал он мне однажды, – но для её достижения нам придётся выложиться по полной».

– Квантовые скачки́ и разделение кварков… – вредным голоском прочирикала Юки. – Ясно-ясно. Нужна конкрети-

ка, сенсей. Касуми тоже ничего не объяснила. Попахивает предельно дурацким «разводом».

– То, что известна общая канва исследований – уже большое счастье. Будь я или Касуми дипломированными специалистами, может, Технику вообще не пришлось бы уходить с «Токио», вот только мы профаны в науке, а метафизика вызывает у нас лёгкую сонливость. Храм рукотворной эволюции складывается из глины, обожжённой огнём знаний, и это явно не наш ва-банк. – Син усмехнулся, как-то горестно даже. – Зато у меня нет сомнений, что ты ещё успеешь поучаствовать в исследованиях: Техник наверняка забронировал для тебя местечко. Миру нужны новые люди, такие, что способны нырнуть в информационный туман и рассеять его изнутри. – Печаль вырвалась последним клубком слов. – А ведь правда, вопросов больше, чем ответов, и даже такой офигенный информатор, как я, мало что может прояснить. В чём я уверен на все сто: наука – бездонная дыра. Тысячи лет исследований, множество безумных предположений… Какая часть из них подтвердилась? Уж точно не каждая. Но чтоб Техник плюнул на семью, нужна цель покруче, чем мировое признание.

Убедившись, что сенсей закончил, она повернулась к нему с раздосадованным видом бронзового призёра.

– Сплошные невнятные отрывки. А если дедушка сбрендил и зря пустился во все тяжкие?

– Нет уж, слетать с катушек – это не про него, – сдержан-

но хохотнул Син. Безупречно гладкая мембрана океана усиливала каждый вылетающий слог. – Чем бы сейчас Техник ни занимался, я уверен, что он гордится тобой и ждёт. И что вы непременно встретитесь. А после того, как он даст тебе развёрнутое интервью, не забудь как следует ему наподдать – лично от меня и от Касуми.

Они загорелись двумя ослепительными сигнальными кострами на противоположных скальных мысах.

Сенсей поделился с ней больше не инфой, но концепциями, прикормил любопытство, и у него отлегло от сердца, разогнанного адреналиновым имплантатом. В ветре чувствовался порох – рынок находился в трёхстах метрах: три китайских теплохода и яхта со сложенной мачтой стояли у дощатого причала. Сотни гуляющих, заприметив «Токио», тут же возвращались к выбору ракет и хлопушек.

– Сейчас есть дела поважнее прорывных теорий, – сказал Син. – Давай выберем что-нибудь посолиднее, а после разыграем партейку в шахматы.

– Сойдёт, – принимала Юки заманчивую альтернативу.

А потом залитый людьми рынок затянул её в себя, неуловимо и так мягко вжал в фоновый гам, в бурлящий, переливающийся на многие голоса гомон. И засидевшиеся на месте токийцы вклинились в этот поток, и друзья держались совсем рядом, словно упали в точку Лагранжа. Мальчишки нелепо хвалили её взрывной характер, то и дело сравнивая с какой-нибудь бомбочкой, извращенка Мика нашла салюты

особо провокационного размера, проведя несколько вызывающих параллелей, а инженер Ёдзи подолгу изучал технические характеристики, скрупулёзно перебирая реестры сертификатов. К удивлению Сина, его подопечная не забыла про шахматы, и поздно вечером они ушли в математическое сосредоточение, заполняя перерывы между партиями безмятежной предновогодней болтовнёй.

Тем вечером она решила выжимать себя на полную, отдаваясь занятиям с готовностью буддийского монаха, заглядывая в любые доступные и абсолютно разнообразные научные ниши. Юки отмела бездействие ради встречи с безжалостностью суши, поиска загулявшей родни и ради открытий, без которых не может обойтись ни один поход.

На камбузе она социализировалась, работая как самый обычный член экипажа: нарезала осьминожьи щупальца, варила рамэн, жарила рис с овощами на чесночном масле… С осьминогами возни было поменьше, с крабами – побольше, но в разговорах и песнях работа спорилась, а щепотки лени сгорали в почти осязаемой ауре трудолюбия.

Её репертуар расширялся пропорционально получаемым знаниям. Обычно петь начинала заядлая меломанка Рина, открывая концерт, по обыкновению, с шанти, превращая привычное сопрано в какой-то пещерный, горный и немного королевский бас. «Что мы сделаем с пьяным матросом?» – и так три раза, как угрюмый великан. Это была покладистая

девочка с синим каре, которая терпеть не могла быть на виду (за исключением сцены), а вместо слов предпочитала садануть в плечо или хвалебно похлопать по голове. Вторая подружка, Мика, петь первой не начинала никогда, потому что была уверена, что её сольное исполнение непременно вызовет у некоторых мужчин приступ неконтролируемой эрекции, в чём имелось определённое зерно истины. Мика умела выглядеть потрясно, жонглируя стилями одежды и образами, но болела неуёмной страстью к лозунгам, истоков которой никто не понимал. Виделись они редко, зато пели, как настоящий ансамбль. Казалось даже, что явные различия делали девушек только ближе. Когда их трио достигало мощности упавшего метеорита, кок Гордон тихонько приговаривал, шинкуя овощи, не глядя на разделочную доску: «Ну кто ж поёт с ножами в руках?», а потом они заканчивали, хохоча уже своими милыми, лучезарными голосками, а взрослые рассказывали бородатые шутки или рассуждали о полезных свойствах тунца, приближая тем самым любимый вечер пятницы.

Выходные превращали траулер в ситком с закадровым смехом. Под радостный гул лился алкоголь, а экипаж становился сплошным, бесконечно тёплым Гольфстримом. Толстушка Сора по привычке надиралась малиновым вином (однажды она забралась на стол, опрокинув посудину с морсом и отправившись следом, тайфуном накрыв несколько спешащих на выручку мужчин). Рыбаки и инженеры, живо жести-

кулируя, травили байки; немолодой уже самурай Куро в сотый раз повторял, как наткнулся в сельве на ягуара, и ему пришлось сильно постараться, чтоб не укокошить пятнистого засранца. А парни лезли к девушкам, привлекая внимание глуповатыми (и оттого очень милыми) выходками, от которых Юки часто ловила легкое, ничем не выдаваемое возбуждение.

При любой схваченной возможности рядом с Юки появлялся сохнущий по ней Ник. В целом, парень был довольно безобидным, за исключением самоотверженных попыток ущипнуть её за самые удобные места. Он был сыном кока Гордона, француз на четверть и на всю голову, так что не было на камбузе ни дня, чтоб он не прижался к ней и не оставил на молочном шёлке кожи пламенные отметины на память.

Мстила Юки весьма изощрённо. Она то окатывала своего преследователя водой из холодильника (Ник при этом верещал, как раненый суслик), то увесисто шлепала его по спине слизкой рыбной тушей, часто ещё живой и словно от удивления разевающей рот. А всё же Ник прицепился намертво, отвлекая девушку от далёких, прекрасных мечт и размышлений о высоких материях. Любовь ещё не входила в пантеон её божеств.

– Что с ним, бабушка? – спрашивала она, когда ей только стукнуло двенадцать, и нервно добавляла. – Он меня достал.

– Так Ник проявляет внимание, – смеялась Касуми, вспоминая себя в их возрасте, но, будучи не совсем уверена, по-

правлялась. – А может, он просто идиот.

В любом случае, Ник стал очень близким другом. Страннее, если мальчишка в период полового созревания ведёт себя слишком тихо. Такие вырастают извращенцами, то есть ещё большими извращенцами, чем обычно. Она стойко выносила его болезненные знаки внимания, он охотно принимал её зеркальные меры. Парень с всклокоченными густыми карамельными волосами трепетал от того, что занятой ронин тратит на него своё драгоценное время. С другими девушками он просто дружил, вёл себя, как с парнями, не поддаваясь никаким чарам, зато живо представлял, как обвенчается с предметом своего обожания к восемнадцати годам, а потом откроет забегаловку в новом Токио, не уставая проигрывать эту мысль раз за разом, поражаясь, как же здорово всё складывается в его фантазиях.

Любимым соревнованием, к которому Ник подходил с абсурдной серьезностью, стала игра в «Чужих и хищников». Единственный «хищник» получал информер, по датчикам которого видел каждого «ксеноморфа», плюс меняющую цвет одежду и возможность на несколько секунд «слиться с окружением». Ксеноморфы, в свою очередь, должны были его поймать и не дать обойти себя со спины. Это порядочно щекотало нервы и весьма развивало тактическую гибкость. Подобные прятки особенно любила малышня, не упуская случая затянуть в забаву неповоротливых взрослых, которых было ужасно весело обыгрывать. Даже столетний Ло

принимал вызов, оставляя горячо любимые траловые сети. Ник от игры только разочаровывался, ведь каждый раз упускал Юки. В игре, как и в жизни, его желания разбивались о непреодолимую прозрачную стену…

Капитана девушка расспрашивала про якудза, от принадлежности к которым морской волк вначале отнекивался, затем отмазывался, мол, ничего интересного у них не происходило: после двадцатого века группировки переоделись в деловые костюмы, потонув в гигабайтах бухгалтерии да на скучных собраниях с высокопоставленными чинушами. Однако, Юки всё равно настаивала, потому что капитан молчал, но молчал гордо и явно принимал участие в какой-нибудь эффектной разборке. В итоге кэп сдался, поведав, как группа наёмников в экзоскелетах решила навести шороху в их штаб-квартире, и как он убегал от матерящихся полицейских дронов, когда украл свой первый приз. А вообще, Маэда старался не касаться подобных тем, не желая романтизировать опасное и не совсем честное дело, ведь там приходилось запугивать, реже – убивать, а это не тот путь, который приносит счастье; адреналин – да, но счастье – только если преданность оябуну твой главный моральный компас.

В прикроватной тумбочке хранился оставшийся от отца револьвер, что так и просился в ладонь. Кэнсина забрала неизвестная патология, но каждый выстрел напоминал о его жизни. Серебристый длинноствольный электрокольт с удобной, утончённой рукоятью, обитой коричневатой ясене-

вой древесиной, имел несколько режимов: взведённый курок приводил в движение барабан-генератор, позволяя выпускать парализующие пучки энергии, сгруппированные в затейливых механизмах; возвращаешь курок на место – барабан останавливается. Система высоковольтного уплотнённого заряда была разработана «БэнКо», а данный электрокольт, насколько девушка могла знать, являлся одним из немногочисленных прототипов, созданных американцами по купленной лицензии. При удержании курка в отведённом положении мощность нарастала, давая шанс замкнуть генераторы защитных полей, которые, впрочем, являлись в мире предметом роскоши. При попадании «пуля» фатально перегружала нервные волокна, при промахе – рассыпалась блёсткими крапинами искр. Ток составлял неплохую конкуренцию гиперзвуковым бронебойным пулям, а смерть от него наступала мгновенно, что, по мнению многих государственных палачей, являлось самым гуманным способом «задёрнуть шторы».

Маэда проецировал мишени над палубным ограждением с помощью небольшого дрона, испускавшего высокочастотные лучи. Гаджет, размерами со стручковую горошину, летал с оперативностью стрекозы. Экран управления горел на ладони кэпа, и тот, будто стирая защитный слой с лотерейного билета, пробегался по пунктикам интерфейса, воссоздавая цели на любой вкус и цвет: одни напоминали человеческие силуэты, другие – баночки из-под газированной воды.

Юки попадала «между глаз» или сбивала «имбирную колу», не оставляя никакого мусора, случайно улетевшего за борт. Нет, не могла она плевать в кастрюлю, из которой ела.

В «молоко» заряды уходили редко, к радости Маэды, что высоко ценил твёрдость рук и внутренние стержни. Ранг бывшего высокопоставленного якудза оставил определённый отпечаток, хотя чудить капитан тоже умел: у него команда научилась шанти, а ещё он цапался со штормом и посылал в пучину морскую всё, что действовало ему на нервы. Наверное, морской дух присутствовал в нём даже когда кэп был частью мафиозного клана. Теперь он обрёл законную профессию в комплекте с законопослушной командой, пускай улыбался всё так же редко, словно поныне жил под пристальным надзором, и всегда муштровал матросов в ожидании спонтанной заварушки.

Сегодня Ю не стреляла. Наступали её последние выходные – райский островок свободы, который начнется с душа. Судно шло на восток, Штаты неотвратимо приближались; у берега шеренги ветряков синхронно работали лопастями. День прошёл своим чередом, начался диагностикой бортовых систем, закончился очисткой креветок. Воду ласкала только мелкая зыбь, и никаких тебе развесёлых дельфинчиков, увязавшихся за кораблём, и никаких намёков на малюсенький шторм. Немного огорчала забронированная кем-то сауна, а влезать в очередь, пользуясь статусом, ей не позволяла совесть. Она редко расслаблялась в парилке, довольству-

ясь скромным душем, который принимала после тренировки перед «школой», и вообще при любой возможности, ведь преподаватели хотели видеть её опрятной и благоухающей, чему девушка не противилась. Чистюлям легче покинуть колесо, как сказал бы сенсей.

Звёздный час под струями приветливо-тёплой воды – во всех отношениях положительный момент дня. Она дожидалась его в плотной поварской форме и красной кепке с надписью «time is time»; волосы, которые она терпеть не могла собирать в пучок, блестели от жирного кухонного пара. Близился закат, и прохлада разнеживала напряжённые мышцы. Тогда-то заявился Ник и опять испортил всю идиллию.

– Шикарно выглядишь! – Вторя ей, он разболтанно встал спиной к бортику, облокотившись на поручень, игриво поглядывая на замечтавшуюся подругу вполглаза. Парень был хорош собой: с привлекательными чертами лица, раскосый европеец, выше неё на голову, но Ю лишь вознесла к небу прелестную мордашку, безмолвно вопрошая у высших сил: ну почему именно она?

– Ник, давай не сейчас, – с ленивой обречённостью произнесла Юки, ещё взирая наверх, а потом насмешливо оттянула веко и высунула язык. Ник-то ожидал, как минимум, ахэгао.

– По-моему, ты со мной заигрываешь, – беззаботно заметил он.

– Ага, я из-за тебя спать не могу. Отстань, – уже октавой

ниже, на этот раз артистично закатив глаза – она любила напускную обречённость чёрно-белых фильмов про любовь.

Волосы в небольшом беспорядке касались плеч, отдельные паутинки вздымались легчайшими порывами, вызываемыми ходом корабля. Нику нравилось, когда от работы она была растрёпана – немного неряшливости добавляло ей ту самую изюминку, необходимую самому идеальному образу.

– Тебе бы с Бостона начать – там наверняка знают о судьбе Кэзуки-сама. Старик точно вляпался во что-то липкое.

– Есть дела поважнее, чем искать Кэзуки, – фыркнула Юки, и протянула нараспев: – Ба-а-албес. У него наверняка имеется веская причина не отсвечивать.

– Меня напрягает эта ситуация. Тебе вот не кажется странным, что Маэда «из принципа» не идёт на контакт с Бостоном? Вдруг они опасные ребята и взяли твоего старика в рабство? Или планируют мировой заговор?

– Если тебе так хочется устроить за пиратами слежку, могу посоветовать капитану твою кандидатуру. – В этот раз последовала коронная улыбка дьяволёнка, обнажённые клыки и хищный, голодный взгляд. Беднягу Ника переполнила целая смесь химических реакций, смущение переплюнуло их все.

Парень наждачкой прошёлся по больной мозоли, не специально вернул её к мыслям о дедушке, который вполне мог помогать пиратам дожимать западные штаты. Но почему было не рассказать об этом сразу и почему Маэда держит «То-

кио» как можно дальше от Бостона? Пищи для размышлений хватало, что вызывало у Юки гложущее беспокойство.

Пираты, как следует из названия, иногда плавали и за половину столетия породили о себе множество мифов. Отдельные сказочники уверяли с твёрдостью наковальни, что в сорок пятом их капитан в одиночку захватил Луну, другие, с тяжестью кузнечного молота громогласно нарекали его проектом теневого правительства, наделённого способностью телепатического доминирования. Про телепатию гипотеза весьма шаткая, а вот то, что пиратский флот властвовал на море – это да. Их военные корабли часто нанимали в качестве конвоя, а в некоторых мегаполисах даже открывались посольства. Стоит добавить, что и пираты, и противостоявшие им западные штаты запрещали выезд, но к ним всё равно прибывали новые люди, надеясь найти там приключения или начать новую жизнь.

Дорожка золотого заката тянулась к намытой до блеска палубе; лёгкая рябь воды лишь иногда, в редкий ветер, искажала шаги засыпающего светила. В штормы бывало гораздо веселее, только сейчас океан молчал. Замолк и Ник, с которого ещё не сошло смущение. Весь траулер закутался в тишину, как в дождевик. Беззвучие таило глубокую задумчивость, лишало сопутствующих ощущений, и насколько бы девушке ни надоедали повадки Ника – любое действие, любое спонтанное происшествие вдыхали в неё то, что зовётся настроением.

«И всё равно, – думала Юки, – океан круче парней, и когда спит, и когда хочет опрокинуть корабль. Он не врёт, не навязывается и не чешет языком без повода».

Гордон вышел на корму в повязке хатимаки, потирая жилистые, работящие руки белым вафельным полотенцем, на котором, как посеребрённые конфетти, блестели рыбьи чешуйки. Высокое лицо, резкие губы и умные, спокойные глаза знатока. Ему радовались на всех палубах и в любой каюте. Он был волшебником в готовке, наполнял желудки и сердца, мог разобрать фугу, оставив нужное количество тетродотоксина – парализующего яда, от которого балдеют многие гурманы. Да вообще любой продукт Гордон разделывал на раз-два. Магистр тушения и варки, мечтающий о трёх мишленовских звёздах.

Гордон заметил молодых людей не сразу, любуясь закатным блином Солнца, едва обмакнутым в горизонт. Повернувшись, встретился с ласковой мордашкой Юки, что ещё мгновение назад смотрела на его сына, как на кусок томлёного пряного лосося, завёрнутого в обжаренный бекон.

– Ужин будет, что надо! – молодо прозвенел шеф.

– С чешуёй? – уточнил Ник, изучая полотенце.

– Давай-ка на камбуз, лентяй, рыба сама себя не напластует! – Гордон усилил натиск, вливаясь в густые закатные лучи с той же вызывающей доверие физиономией; его сын дёрнулся из расхлябанной стойки, по обыкновению подмигнув любимой на прощание, зардевшись пуще прежнего. Статный

мужчина, будто сошедший с обложки кулинарного журнала, тепло обнял Ника одной рукой, прижал к себе и пятернёй закопался в его пышную шевелюру. Похлопав сына по спине, махнул девушке не глядя, панибратски растопырив пальцы, а спустя секунду исчез за углом корабельной башни.

Тишина давила промышленным прессом. Киберглассовые иллюминаторы, выстроившиеся в единую матричную таблицу, были отключены, обретя естественный оттенок дымчатого хрусталя. Юки, увлекаемая всеобъемлющим покоем, настроилась на созерцание, как вдруг с «макушки» раздался грозный капитанский рык, и молодой дозорный, точно спасаясь от «Цуруги», идущего на таран, самоотверженно сиганул через бортик головой вниз. Она спокойно досчитала в уме до единицы, как в то же мгновение сегментарный ранец за спиной матроса технично разложился в дельтаплан, превратив его в супергероя, укушенного Древней Грецией. Он с грацией альбатроса вписался в поворот, немного кренясь на бок под весом закинутого на грудь ружья из линейки специализированных «Ремингтонов». Это произведение маниакальной мысли, запрещённое для массового производства отдельной федеральной резолюцией, пробивало тонкие бронированные пластины и могло сломать стрелку плечо… К счастью, в конструкции подобных зверюг всегда присутствовали хорошие компенсаторы отдачи. Тысяча экземпляров, закупленных разными элитными структурами, теперь ходили по миру в поиске новых жертв. Маэда стоял на

верхней площадке, гремел, неистовствовал, размахивая руками в светло-коричневой пигментации.

– Выгибай спину на вираже, лови поток… Давай, рухни в воду, как Икар, или как там его звали!? Небось, пираньи уже встали кружком и приготовили столовые приборы! А, нервничаешь, салага!? Рейдеры не посмотрят, что ты ещё зелёный!

В отдалении вспыхнула проекция летуна на четырёх несущих винтах. Дозорный уверенно извернулся и, активировав тонкие турбины, с ускорением взмыл к цели. Маэда радостно выпалил нечто непечатное, заворожённо наблюдая, как Солнце затмевает уже не Икар, а архангел с несгораемыми крыльями, несущий на них возмездие, прославляющее незримых технологичных богов.

– Атакуй! – скомандовал кэп, а матрос, тут же отрубив форсаж, дал по тормозам, уперев приклад «Ремингтона» в плечо. Оглушительный залп постучал по черепу, распугал всю рыбу и отбросил матроса с лёгкостью уносимой сквозняком ресторанной салфетки. По голограмме боевого летуна пробежала картечная рябь. Крутанувшись змейкой, молодой человек спикировал к башне. ПМК Маэды отметил нанесённые «повреждения», оценил лётный навык и даже угол, под которым отлетел стрелок после исполинской отдачи. Переключив турбины на реверс, матрос, аки ангел, выровнялся и мягко опустился на обзорную площадку. Результат был «В-» по придуманной Маэдой системе. Весьма недурно для пято-

го полёта в реальности.

Юки следила за вылетевшей дробью – её мысли последовали за траекторией залпа, свинцовым роем полетели к Калифорнии, ко всем мегаполисам, городам и деревням, которым полвека назад отстрелили лица, и теперь клепали новые из кусочков кожи, хрящей и мышечной ткани. В противоположность Микеланджело, который создавал законченное произведение из бесформенной глыбы, отсекая лишнее, люди выбирали самые лучшие куски из отходов. Это новая попытка создать шедевр, используя разбросанный по мастерской хлам. Останется вписать в гены, какой большой ценой им удалось восстановить подобие цивилизации, или всё вернётся к Салему, а то вовсе – к Карфагену, который засыпали солью, предварительно обрушив до фундамента.

За кораблём тихо плыли воспоминания.

Однажды, в пору Хэллоуина, нетающая свечка горела внутри небольшой керамической тыквы, зловеще ощерившейся на бабушкиных коленках. Касуми сидела рядом, на втором ярусе кровати, худенькая, хрупкая, почти без морщинок, да и те скрывались под белым макияжем гейши. На губах – полоска алой помады; кимоно, такое синее, ледяное, с пёстрыми цветочными узорами – привычный её наряд на День всех святых. Касуми помолодела ещё больше, стала веселее на несколько поколений, не позволяя себе охать и ахать в период праздника. Журчащий ручеёк слов в эти странные октябрьские деньки уносил девочку в мистические дали.

«История движется по спирали, – грустно вздыхала Касуми, – и мы снова откатились на сотни лет назад. Многие города лишь сейчас возвращаются к принципам гуманизма, хотя кое-где предпочитают зарабатывать на невольничьих рынках, а фашистскую диктатуру считают наиболее рациональной политической силой. Но хуже всего дела обстоят в пустошах. За пределами мегаполисов встретить варваров – обычное дело, и от того, как они живут, порой волосы встают дыбом. Варвары поклоняются извращённым идолам или придумывают безумные фетиши, так что прогрессивному обществу приходится с этим бороться. Цивилизованные города часто вступают с дикарями в вооружённые конфликты, но мне кажется, что самый правильный способ бороться с ними – это конструктивный диалог. Конечно, сложно разговаривать с тем, кто не желает тебя понимать, поэтому требуется проявлять смекалку; ведь каким бы плохим человек ни был, его всегда можно перетянуть на свою сторону. Найти правильное слово – всё равно что достать слона из шляпы, и чем больше ты знаешь о мире, тем больше у тебя в запасе будет фокусов. Так что если хочешь побеждать без боя, учись завоёвывать внимание».

Трактаты о добре и зле занимали почётное место на верхних полочках ментальной библиотеки, до которых часто приходилось карабкаться, чтобы напомнить себе, что есть что. В некоторых случаях эти понятия можно перепутать, особенно если даёшь по рукам, цапающим тебя за выпираю-

щие места. К четырнадцати годам она чётко научилась считывать эмоциональный подтекст, а бьющее фонтаном либидо, идущее от Ника, списывала на неотвратимость, превращающую подростка в мужчину.

После нравоучений бабуля задувала свечу, и Юки сию же секунду отрубалась: установка, наподобие ввода в транс – гаснущий, как по хлопку, свет, за которым следовал провал в сон – вот только никаких колдовских способностей у бабули больше не было. Син, конечно, однажды в шутку назвал её ведьмой, и то лишь потому, что припомнил ей работу в банке. Мастер вообще не любил финансовых посредников, а банки ассоциировались у него с серыми кардиналами, орудующими таким громадным количеством чужих ресурсов, что способно вывернуть наизнанку само мироздание.

Всплывшая голограмма показала «20:00 SF» и «12:00 JP», а значит, привычного расписания для неё больше не существует. Подготовка закончена – осталось пройти экзамен в страждущих краях Северной Америки. Её личный J-note – так назывались ПМК на японских процессорах – носил шоркающее имя j-J, отличался почти человеческим характером и находился с хозяйкой на одной волне. Он проигрывал девушке джаз, соул и рок-н-ролл, но обходил стороной советские хиты, так ценимые её дедом. Про Союз Ю знала самое основное, особо не жалуя их странные мотивчики. Ближе по духу оставался бритиш-рок со стыка двух прошлых веков – времён одного из бесчисленных взлётов.

Одним из главных неудобств за пределами городов оставался «фонящий» металл, превращающий эфир в непроходимые разночастотные дебри. j-J считался передовой разработкой «БэнКо» – информационный сор он обходил с завидной ловкостью, как космический челнок, пролетающий через астероидные пояса. Вообще, вся техника на траулере неплохо отфильтровывала помехи, за что год от года благодарили Кэзуки. Ещё тридцать лет назад планета казалась кладбищем коммуникаций, но теперь мировая паутина восстанавливалась: возводились вышки, прошивались персональные устройства, прокладывался кабель – и если радиус дистанционной связи ограничивался плотностью помех или особенностями ландшафта, то провода работали безотказно.

Юки качнулась метрономом, сцепив руки за поясницей и сведя лопатки. Ей казалось, что она готова к любой опасности, но ровно до того момента, как очутилась в узких коридорах корабля. Тучная Сора, ощущая себя, по всей видимости, Пакманом, слопавшим заветный энерджайзер, радостно заметила жертву и неслучайно припёрла девушку к стене. Ю, обтерев виниловую обшивку всем своим существом, ощутила утраченное за годы тренировок чувство уязвимости и неотвратимость судьбы.

– Хотите сделать из меня лепёшку и скушать, Сора-сан? – укоризненно заметила Юки, когда снова смогла дышать.

– Такую аппетитную лепёшечку грех не слопать, – с озор-

ством ответила женщина, похлопывая себя по знатных размеров животу.

Довольные качеством озвученных экспромтов, они расстались с чувством выполненного долга. Между тем в каюте стоял задорный гвалт: соседки спорили о тенденциях, Касуми заявляла, что «косолапость выглядела глупо», на что Наоми глубоко вздыхала, отвечая ей доминантным профессорским тоном:

– Европеизация плохо на тебя влияет. Было время, когда специально тренировались косолапить. Сия особенность как бы намекала, что девушку нужно чаще носить на руках.

– И тем, что она далеко не убежит, – хохотнула Касуми. – А ты что думаешь, Юки?

– Если девушка домашняя, косолапость смотрится довольно мило.

Женщины выслушали мнение, учли его и снова пустились в полемику.

В этих задушевных спорах Юки узнавала себя – эдакий маятник, который вставал в правильное положение под властью фиксирующей руки, вот только она, в отличие от соседок, чуточку быстрее находила верный ответ в возникающих дилеммах. В абсолютно женской комнате главой «круглого стола» уже полвека оставалась Касуми, чьё слово часто вставало во главе угла. Прачка Хэнэко вела себя тише всех, трепетно следя за тем, чтоб никто в одно прекрасное утро не оказался без чистых штанов, а Наоми и Аяко про-

хлаждались тут, пока не было занятий. Тесная каморка, заставленная складными двухъярусными кроватями, едва вмещала пятерых женщин. Общий альков хранил горы одежды. В тумбочках прятались самые личные вещи. Подряд висело несколько картин из высшей художественной школы в Сиднее: классические виды Рима, созданные из тысячи оттенков белого, в которые нужно было вглядываться, и они раскрывались, как хорошее вино; была одна рекурсия, сотканная из пиктохромной нити, превращающая любой загруженный медиафайл в сюрреалистическое искусство, ещё несколько пасторальных итальянских пейзажей под стеклом, написанных настоящим маслом. Аяко, совершенно не вслушиваясь в разговоры, отмечала на графике последовательность предстоящих уроков: будто пялясь в дно верхней кровати, она водила пальцем по развёрнутой проекции – её ПМК выглядел как резной костяной браслет. Токийская классная комната состояла из парт с цифровой начинкой, а голопроекторы отлично заменяли классные доски. Уроки проходили пять дней в неделю, и Аяко готовилась к каждому, ища новые способы захватить детское внимание. Поначалу ученикам хватало гипнотического вампирского взгляда, усиленного антуражем дополненной реальности, но занятия оставались занятиями, которые приходилось подслащивать интересными фактами, объясняя сложные моменты доступным языком. Попробуй рассказать, «для чего вообще нужен синус», не получив гнилым помидором в лоб, но Аяко выкру-

чивалась с ловкостью йога. Живое общение привносило ту особую химию, которой не давало дистанционное обучение. Наоми, в отличие от дочери, была строгой и требовательной, зато мгновенно находила правильные ответы на любые вопросы, а ещё обсуждала внеклассные вещи, не брезгуя даже историей синематографа: от «Прибытия поезда» до фестивальных программ 2145-го, в исключительных случаях снисходя до развлекательных видеохостингов.

Кинопоказы проходили в столовой, давая новый предмет обсуждений. Токийцы хвалили и ругали всех, вплоть до Куросавы с Кубриком, получая в процессе новые, подмеченные оппонирующей стороной, детали. Рождённая в спорах истина закрывала пробелы, которых ни за что не увидишь в одиночку. В остальном они просто кайфовали: дорогущее покрытие сплетало детализированную до микрона картинку, идеальный звук разливался из сотен встроенных микродинамиков, и за целую жизнь было невозможно пересмотреть всё, что создавалось неумолимыми творцами два с лишним века.

Из литературы токийцы отдавали предпочтение неустаревающей манге и классике двадцать первого века. При всём удобстве и объёме электронных библиотек, Юки обожала щупать настоящие бумажные книги, пропитанные застойным теплом типографии с едва уловимым чернильным послевкусием, хрустящими листками и бархатом пыли на переплёте. «Их точно используют не по назначению, – дума-

ла она, вспоминая бабушкины причитания, – варвары, которые не могут уяснить ценность непонятного для них текста». Искусство во всех проявлениях должно расширять кругозор, освежать интерьер сознания, делиться тайнами, которые обязательно оставляет автор, только не идти на растопку, ведь с самой невероятной симуляцией запросто поборется испытанный столетиями хлёсткий афоризм из зачитанного до дыр томика.

Тумбочка распахнулась по нажатию пальца. В верхней секции – электрокольт в биометрической кобуре, что не всякой руке позволяла отцепить застёжку, внизу – тканевая сумочка с полотенцем и прочими мелочами. На кровати конвертом лежала подготовленная прачкой домашняя одежда и белье с её иероглифами, источающая лёгкий аромат мяты, что бесцеремонно отправилась под мышку. Мыло и шампунь ждали в душевой. Гигиенические средства обычно хранились в картриджах, вставляемых в любые подходящие разъёмы. К средствам личной гигиены токийцы относились очень бережно, хотя зубную пасту не экономили, поэтому у большинства из них были ровные белые зубы. Не менее значимую роль, естественно, сыграли дефицит сигарет, генетическое вмешательство и профессиональный стоматологический кабинет.

В примыкающей к каюте ванной комнате она поместила вещи на образовавшийся транспластовый выступ, тут же раздевшись до резиновых тапочек. Девушка была невинна, как

первый утренний луч, и красива, как северное сияние, но не было ещё того счастливчика, что увидел бы её такой изначальной, даже беззащитной. Однако мало кто сомневался, что ниже ресниц у неё нет ни единого волоска: генетические модификации с кератином во все времена занимали первые строчки рейтингов.

Грязную форму Юки вывалила в роботизированную корзинку, которая скоро уедет в прачечную. Хэнэко не сортировала белье – это делали умные гаджеты; в её обязанностях – профилактика устройств и корректировка программ. Стиральные машины на «Токио» напоминали невесомые, как бы лежащие на боку капли дождя с короткими ножками и по высоте доходили до бёдер. После Коллапса корабль зашел в Сендай, и прачечная вместе с прачкой переместилась на борт. Хэнэко встретила конец эпохи в путешествии, пережидая бомбёжки в соляных пещерах на западных взгорьях префектуры Ниигата, где сталактиты со сталагмитами, сверкающие в слякотном полумраке чудовищными зубами, чуть не свели её с ума, а вернувшись в опустевшую деревню, она уселась горевать в окружении странных каплевидных машин, которые, пройди чуть больше времени, заговорили бы с ней на человеческом языке.

В душевой настраивалась температура и антураж. По щелчку пальцев над головой зажёгся Млечный Путь в россыпях и скоплениях не совсем хаотичных созвездий, а пол стал статично чёрен, оттого с ним сливались её простые ре-

зиновые тапки. На уровне груди – проекция управляющего экрана, футом выше – плоская база для круглого шара, который сидел в неглубокой заряжающей выемке, как надутый тетерев в гнезде. Шар состоял из множества сегментов, каждый из которых имел определённое назначение, и как только Юки выбрала режим экономного расхода воды, шар поднялся над базой, став в этом интерьере почти копией первого искусственного спутника, тут же любознательно закружив вокруг её обнажённого тела, меняя функциональные секции местами, сканируя белесым глазком уровень загрязнения, выстреливая лосьонами и ароматным мылом, извергая струи приемлемой температуры и выводя на табло «гигиеническую таблицу». Дрон имел даже лазер для удаления шрамов, который Ю пару раз использовала после неудачной разделки водоплавающих тушек. Она тёрла за ушами, между пальцев, увеличивая «процент чистоты тела», вода закручивалась пружиной, била с нажимом, как из брандспойта, а сероватая пена уносила с собой накопившуюся за день грязь, становясь всё белее и белее в стыдливом свете декоративного космоса. Пальчики любовно закутывались в густых и чёрных волосах – её самой трепетной гордостью. Массаж головы приносил очистку разума, как обретшая физическую оболочку мантра. Она растирала спину, шею, всё остальное, а шар осматривал её точнейшими датчиками, вертелся, словно папарацци, в поисках нужного ракурса, не забывая обновлять на экране гигиенические показатели. Когда шкала

чистоты достигла ста процентов, дрон вернулся на базу. Запах рыбы был сбит, каждая клеточка кожи получила новую жизнь, и довольная, она вытерлась полотенцем, специальный ворс которого мгновенно впитал нательную влагу. Юки перебралась в чистую спортивную форму.

На траулере, помимо дешёвой одежды из синтетики или хлопка, иногда попадались модные вещички. Швейных фабрик до сих пор не хватало, так что одежду носили до последнего, а самое ценное берегли для действительно важного повода. Но главной редкостью оставались сладости, ведь весь сахар производили и тут же съедали мегаполисы, хотя для Гордона в Шанхае всегда держали заначку. Конечно, ассортимент десертов на «Токио» был весьма ограничен, так что Юки была не прочь наткнуться однажды на корабль-кондитерскую. И пускай плавучие кондитерские – полнейший нонсенс, никто не запрещал ей раскатывать губу.

Отточенные движения гребешка вернули причёску – идеально-строгую – к давно забытым школьным нормативам.

– Завтра поэтический вечер, – толсто намекнула Аяко, пока Юки возвращала сумку на место.

– И конкурс косплея, – с упоением добавила Касуми.

– О нет, если Ник увидит меня в костюме, у него крыша уедет. А насчёт стихов мы с Джеем подумаем.

ПМК выстрелил звуковой дорожкой из стереодинамиков по периметру комнаты:

«Вот, наконец, приходит пониманье,

Глядит, что называется, в упор,

Что я во всей картине мирозданья…»

– Джей, стоп! – закричала Ю, поймав на себе взгляды женщин.

– А что там дальше? – спросила Аяко.

– Ничего, – отбарабанила девушка. – Про то, что мы пыль на ветру. Джей, не смей!

Свои стихи Юки считала глупостью, а зачитывать их вслух – глупостью вдвойне. Максимум, что она себе позволит – пару песенок в караоке. Больше всего ей хотелось просто поболтать с друзьями, мимоходом устроив маленький дебош. Под разочарованные взгляды, с видом потирающего руки иллюзиониста, не раскрывшего секрет номера, она устремилась набивать желудок, строя коварные планы. На сей раз ей встретился дядюшка Ло, одетый в плотную норвежскую куртку, насвистывающий простенький мотивчик; их пара идеально разминулась магнитами с одинаковыми полюсами. За стариком, ведомый стойким рыбным духом, важно семенил беспардонный корабельный кот.

Несмотря на довольно европейский разрез глаз, особенно если сравнивать с японками на исторических слайдах, Юки попадала в «этническую норму», а вот Ло обладал самыми нестандартными для востока, более славянскими, наверное. Ю догадывалась, почему Ло сделал операцию на глазах, и связано это было отнюдь не с бывшими жёнами или недовольными кредиторами. Многие шутили, что его подменили

русским шпионом, но старик молчал как рыба об лёд, не желая акцентировать внимание на приключившейся с ним метаморфозе.

«Почему у Вас такие необычные глазки, Ло-тян?» – каркали вокруг него детишки одним погожим летним деньком, пока тот рулил кормовым краном. Старый рыбак только улыбался да пожимал плечами. Говорить он не любил, как океан в штиль, или как рыба, которую он ловит при любом удобном случае. Бартер он согласовывал практически без слов, вроде могучего телепата из липового шоу, а малышню обожал, обучая простейшей механике и инженерному делу. Нередко старик одерживал победу в «прятках», проворно перемещаясь по кораблю, чем заработал репутацию тихого омута из той самой пословицы. Играя, дети часто находили его спящим в отделении главного управляющего ядра, пытаясь растормошить в безудержном желании продолжить забаву, но рыбак лишь бормотал что-то себе под нос, видя, похоже, тот же самый сон, что и его любимый траулер.

– Неплохо мы запаслись! – звонко бросила девушка прошедшему мимо рыбаку. Тот хлопнул в ладоши, подарив естественную сдержанную улыбку. Жест означал большую радость от проделанной работы: генеральная уборка двигалась к завершению, а завтра «Токио» ждут веселые проводы новоиспечённого самурая. Ло позволит себе забыть о клёве и снастях, а Син напьется, заработав новый круг в Сансаре, зато без стеснения пойдёт веселить всех, на кого падёт его слу-

чайнейший выбор. Если подвернётся случай, старики сойдутся в турнире по го, пытаясь разорвать цепь преследовавших обоих неудач.

В ужимистом помещении кают-компании нестройными, щербатыми рядами сидело полсотни человек, оживлённо обсуждая насущное. Дневная смена оканчивалась постепенно, и работники наконец-то меняли окружение: биолог мог общаться с технарём, ребёнок впервые за день внимал мудрости отца.

Треть токийцев видело мир до Коллапса. Маэда собирал их по всему японскому архипелагу, обратившись к спискам якудза, в которых значилось множество полезных кадров, потенциально подходящих для взятия в разработку. Легавых он обходил стороной, кроме «репейника Сина Сэтоши», перед которым у него имелся должок. К тому же, капитан старался не брать семейных, но семьи всё равно появлялись, а с ними – дети, которые пошатнули суровость капитана каких-то полвека назад.

Юки была в числе восьмидесяти женщин, имея приоритет в обучении над большинством видов работ. Прекрасный пол чаще всего зависал на кухне или в лабораториях, но, что главнее, дарил «Токио» уют. Наиболее расторопные девушки разбирались в сложных механизмах, разбавляя мужские инженерные бригады, а орава детей, не старше шестнадцати, обучалась у Наоми, Аяко и дядюшки Ло азам не только науки, но жизни.

Когда народ рассыпался по спальным местам, казалось, не так уж их много, зато во время приёма пищи по столовой проносилась какофония из смеха, колкостей и серьёзных заявлений – зачатков долгих утомительных речей. Шаткий, как пьяная волна, гам радовал её во всех отношениях, ведь молчали, когда кто-то уходил навсегда. Заходишь в чей-то маленький мирок и ощущаешь нагромождение чужой печали. Ощущаешь груз, падающий с плеч атланта на твои, за которым следует опустошающий гнёт заразной боли. Именно так она узнала о смерти отца: немая тишина, пустые, ничего не выражающие взгляды, чёрная энергетика, подавляющая нейронную активность. Юки трёх лет не было, а понимание пришло с первых же секунд. Папа нормально ходил, быстро думал, трудился как все, а потом просто выключился по нажатию какого-то внутреннего рубильника. Странный недуг забрал мужчину, которого девочка не смогла запомнить, а конспирация, которой следовали токийские самураи, не терпела медиадокументирования, разве что у дедушки могли остаться какие-то амбулаторные отчёты, закрытые семью криптопечатями. Кэнсин был только в её памяти, в головах других, живущих на «Токио» – его тень, силуэт, тембр голоса, звучащий в зацикленных токах мозга. Высокий, но немного сутулый, рассеянный, но продуктивный, с быстрой речью и всегда готовый к мозговому штурму, если дело касалось экспериментов. После окончания его земного пути Юки почти не плакала, только молча лежала на его кровати це-

лый день, полностью отстранившись от происходящего. Какой-то кадр балансировал на парапете сознания, не исчезая и не выплывая на поверхность. Что-то про болезнь, про неё, про Хоккайдо, которого папа никогда не видел. Это воспоминание предательски ускользало, но не растворялось полностью.

Мама сошла севернее Хабаровска вскоре после кончины мужа. Встав на колено, Харуна поцеловала её в лоб и кончик славного носика, прижала покрепче, пообещав напоследок, что будет очень-очень скучать, и быстро ушла на встречу с голодными холмами китайского Дальнего Востока, ни разу не обернувшись. Она отпечаталась в памяти гордой авантюристкой, уверенной в успехе. Ю смотрела вслед, ухватывая детали: чёрные волосы тонкой, как берёзка, женщины спадали до лопаток, походный костюм-хамелеон уже подстроился под окружение, за спиной механический рюкзак – и вот она забирается на холм, становясь такой отчетливой на фоне монохромного неба, а потом заходит за край, чтоб пропасть на тринадцать лет. Тогда Юки даже не хныкала, просто думала, каково там маме и встретят ли её друзья. Кэзуки примерно в то же время пересел на самоходную баржу «Cemetery», заполненную разноцветными грузовыми контейнерами, направлявшуюся в Бостон. Даже по прошествии стольких лет, он с Харуной оставались символами светлой неугасающей надежды.

Кэзуки спасал Японию после Коллапса, когда большин-

ство морально и физически сломалось, привёл в порядок аквафильтры на судне, реинкарнировал сдохшие энергоблоки, усовершенствовал лазарет и исследовательскую лабу. Сделал так много, чтоб никому не хватило смелости усмотреть в нём эгоиста, но, по итогу, совершил самый эгоистичный поступок, уйдя и оборвав связь. Пойми этих учёных, опьянённых идеей – летят, как мотыльки на лампу накаливания, ценой жизни понимая свет.

Гордон поставил перед ней тарелку чесночного риса с водорослями и луком. Кусок тушёного лосося на горочке гарнира напоминал сомбреро на пьяном мексиканце. Девушка поблагодарила Гордона, поклонившись, насколько этого требовала минимальная учтивость, увидев в продолговатом окошке, через которое с камбуза подавали еду, пританцовывающую в короткой юбке Мику. Она запускала в блендер лук, нажимала пуск и пела: «Девчонки, девчонки, девчонки! Девчонки не любят лук! Девчонки не любят плакать! Но любят хороший секс!» Ник стоял рядом, покатываясь со смеху, и после куплета поддавал: «Хей, детка!», на что Мика снова бралась за какую-то спонтанную околесицу.

– Она сегодня в ударе, – заметил Гордон.

– Добралась до морковки? – Ю выжидающе глянула на кока, и тот, на полном серьёзе задумавшись, хватит ли у Мики ума удовлетворять себя в кладовой, неуверенно замотал головой.

Мысленно угорая над подругой, Юки отошла от линии

раздачи, заметив две машущие руки и один пристальный, сверлящий взгляд. Мужчины не старше тридцати пяти энергично салютовали в такт. Она села супротив них, поприветствовав всех разом. Эти трое внешне отличались, как печатная книга, мясной стейк и норадреналиновый инъектор, но извилинами шевелили более-менее одинаково.

– Привет, маковка. – Стройный интеллигентный мужчина с редкими усиками – бригадир, цифроман и любитель умственного допинга Ёдзи поправлял ботанские очки-информеры в строгой прямоугольной оправе.

– Как ты, красавица? – радостно подхватывал Сато, с пухлыми пальцами и выпирающим пузиком. Он ювелирную механическую работу терпеть не мог, зато обладал глубокими знаниями в области машинных алгоритмов.

– Обследуй Даллас. Там наверняка можно неслабо поживиться. – Асидо, как всегда не выспавшийся, ковырялся в тарелке с рисом, упирая коротко стриженую голову в разжатую руку, как в подставку, исподлобья устремляя на девушку красные белки утомлённых, чуть выпученных глаз.

Куда же без обсуждений Штатов, когда туда направляется ронин? Юки положила локти на стол, просверлила советчика чернотой своих опустошающих радужек и гипнотически подалась вперёд. Сато даже рот раскрыл, а Асидо, сообразив, какую сморозил глупость, приготовился терпеть заслуженный укол.

– Я помню географию лучше, чем дурацкие привычки лю-

бого из вас. – Она холодно моргнула, более ни одна лицевая мышца не дёрнулась. Привычка Асидо ковыряться в носу и не мыть руки, оставшаяся с детства, являлась не самым большим компроматом, а вот БДСМ-практики Сато или пристрастие к психостимуляторам Ёдзи – дело другое. За нахальным взглядом последовала не улыбка – кровожадный оскал. – Если где-то и искать полезный хлам, то в Детройте. Ты перепутал Хоккайдо с Окинавой. – Губы кайфовали от каждого слога собираемого по частям упрёка. Непутёвого советчика подавило энергетикой, заставив замяться.

– Да ладно тебе, Ю, – выдавил он после неловкой заминки. – Естественно, я имел в виду Детройт – город, превращённый в один огромный завод. Забудь, что я предложил тебе отправиться в Техас.

– Сенсей тебя сожрёт, если я пропаду из-за твоих советов, – хихикнула девушка, с аппетитом принимаясь за еду.

Схему главных трасс и больших поселений самураи запоминали с фотографической точностью. «Кто не ведает дороги, тот идёт в никуда» – простая истина, понятная с самых ранних лет.

О пустошах ходили разные слухи: болтали о шатающихся тут и там мутантах, секретных организациях, тайно наблюдающих за тенью человечества, даже о пришельцах, в которых она, естественно, не верила ни на йоту, равно как в то, что Луной завладели пираты. Но и к мутантам, и к пришельцам её качественно подготовил ринг, ещё к единорогам, Ктулху,

съехавшим с катушек «Rolling Stones», клоунессе Пеннивайз и тысячам, тысячам других противников, при встрече с которыми она обещала изобразить искреннейшее удивление.

Юки смаковала набухшие водоросли, неспешно пережёвывала рис. Лосось проникал в каждый вкусовой рецептор, вызывая ту самую «гастрономическую негу», к которой «шеф-повар ресторана на воде» Игараси Гордон раньше или позже приводил всех и каждого.

– Будь осторожнее с кластерными системами, – строго дал совет бригадир, многозначительно направив на собеседницу палочки для еды. – Они снаряжаются различными доставщиками неудобств, вроде гамма-пушек.

– Чтоб в меня попасть, нужно сначала засечь, – задумчиво процедила она, со значением добавив: – На камерах постараюсь не светиться, шуметь тоже не буду, вооружённых головорезов постараюсь обходить стороной. Остальное – на аппаратуре.

– Уважай сухопутных инженеров, – угрюмо ответил тот и продолжил есть.

– Если параметрическая локация американцев вышла на должный уровень… – осторожно промямлил Сато.

– Они просто определят твоё местоположение по вызванному тобой колебанию воздуха, – нервно озвучил Асидо невысказанный подтекст. – Деформатор, конечно, может рассеять часть электромагнитного спектра и обмануть большинство датчиков, но он не всесилен. Любое неосторож-

ное движение может дорого обойтись, да даже пыль, которая будет вылетать из-под твоей подошвы, – вполне себе зацепка для хорошего сканера. Сенсоры всё лучше чувствуют контрасты между объектом поиска и естественным фоном, усложняются, и в Америке они могут опережать наши на несколько поколений. – Беспокойные глаза Асидо слегка подугасли. – Прости, что нагнетаю. Китайская группа была велика, потому их «тихая» миссия ещё на моменте высадки была обречена на провал. У тебя шансов на сотню тонн побольше.

– Это обнадёживает, – пробубнил толстячок. – Только обнаружение – ещё не фиаско. Вдруг тебе придётся вступить в бой против того, что не оставляет шансов на победу? Всё чаще доходят слухи про использование антиматерии. Сколько-то сохранилось в НИИ, но что, если её кустарно синтезируют? Если в тебя ударят достаточным количеством античастиц, ты просто сколлапсируешь.

Юки взглянула на него со скепсисом.

– Аннигиляторами не бьют по одиночкам. Максимум, пустят кумулятивный снарядик с вертушки… В ближайшее время узнаем, насколько продвинуты американские сканеры и способны ли они найти иголку в стоге сена. – Ю ненавязчиво глушила опасения Сато, но тот не унимался.

– Та группировка в транспортном узле… У них в файлах наверняка хранится много полезной инфы. Ты ведь не думаешь их взламывать?

– Думает. – Асидо угрюмо цеплял комок риса, которым, похоже, был весьма недоволен. – Сначала разведка, потом проникновение. К этому её и готовили.

Ю, с серьёзностью адвоката из крупной уважаемой конторы, кивнула, отправив ломтик лосося в рот. Какое-то время ели молча, иногда заглядывая в экраны J-note. Девушка налила себе чая из керамического чайника и с легкой неуверенностью спросила, обращаясь к бригадиру:

– Думаешь, стоит ждать от континента чего-то экстраординарного?

– Сначала Чайнатаун подвергается нападению и перенаправляет производство на внутренний рынок «Вертикали», между тем туристы, которые заезжают в их «гостевые зоны», поголовно остаются там жить, а «кобры», – он имел в виду шанхайский спецотряд, – дезертируют ради борьбы за какую-то абстрактную идею. Это наводит на определённые мысли…

– Людей зомбируют гипнотическими лучами, – тоном жуликоватого провидца, вещающего над волшебным шаром, подстёгивал Асидо.

– Ионная корректировка действительно может доставить хлопот. – Ёдзи не видел в зомби ничего смешного. – Сигналы определённой интенсивности запросто нарушают ход мыслей, забирают приоритет выбора, заставляя мозг действовать по навязываемым шаблонам. Хотя ты сама понимаешь алгоритм, по которому естественные мысли можно подменить

искусственными. Ментальные излучения способны блокировать мозговые импульсы или регулировать выработку нейромедиаторов, точечно вскрывая везикулы, хотя при хреновой настройке приводят к патологиям, в частности, онкологического характера. Чтобы психомодуль максимально эффективно вкладывал нужные установки, ему нужен хороший управляющий ИИ с колоссальными вычислительными мощностями. Проникать в разум – не косяк забивать.

– Кажется, я пропустил новинки нейробиологии. – произнёс Асидо. – Много появилось способов считывать мозг после позитронно-эмиссионной томографии?

– Принцип всё равно один. Там главное – создать поле высокоточных частиц.

– Или понавтыкать чипов, – добавила Юки.

Ёдзи мысленно поблагодарил её за дельное замечание и, хлебнув чая, продолжил:

– Similar-кванты «хазма», кстати, годятся для сканирования лучше всего. Короче, при должном уровне технологий инсайдер сможет получить схему человеческого коннектома, а затем бомбордировать частицами нужные участки, перестраивая нейросетку по своему усмотрению. Главное – ничего в человеке не поломать. Психоцифровой модуль должен действовать как пропагандист тоталитарного режима, в котором чем дольше ты жив и лоялен, тем выше его выгода. Нужно, конечно, чтоб испытуемый получал необходимое количество микроэлементов, таких как кальций – знаешь ведь,

что без него возникают проблемы с межклеточной сигнализацией, поэтому есть свои нюансы. Бедолаги, сидящие на одном рисе, долгих воздействий не выдержат – просто шлёпнутся от стресса, а вот население сытых мегаполисов таким способом намного легче держать в узде. Могут ли жителей западных Штатов превращать в покорных сектантов? Вполне. Здесь важно не занизить ожиданий.

– Чувствую себя такой беззащитной, – поддразнила Юки бригадира, проводя пальцем по цепочке на шее – подвеске цуба – части древнего украшения японского меча, вроде гарды. Лично её цуба была выплавлена в виде лосося на фоне колышущихся водорослей, и именно в ней находился эмиттер деформатора, защищающий в том числе от ионизирующего воздействия. – Может, мне стоит зайти в «Вертикаль» под видом переселенки?

Сато пожал плечами, Асидо сосредоточился на еде, а Ёдзи, удерживая дужку очков, с самым умным видом ответил:

– Уверен, Маэда предоставит тебе полную свободу действий. Поступай, как знаешь, просто помни, что в «Вертикали» сидят потомки военных, которым только повод дай записать в свои ряды новых бойцов, и дети корпоративных акул, чьё главное оружие – мелкий шрифт. Без веских причин от контакта лучше воздержаться.

– А что нам известно про биокибернетические ИИ? – тихо интересовался Асидо, адресуя вопрос ронину.

– Мегаполисы пытаются возродить старые проекты, – со

знанием предмета ответила та. – Санкт-Петербург собирает генно-кубитный компьютер, по типу того, что стоял в Силиконовой долине. Он шифровал данные в виде хитрых эмерджентных систем, порождающих новые подсистемы, выстраивая из них запутанную последовательность тёмных лабиринтоподобных подвалов. Честный математический взлом почти невозможен, но мы с Джеем придумали несколько обходных маневров. Есть там парочка забавных уязвимостей.

– А ведь где-то наверняка пытаются интегрировать в машину сознание, – задумчиво пробурчал бригадир. – Или уже интегрировали… Интересно посмотреть на взлом личности.

Джей, который ни на секунду не упустил нити разговора, образовался звуком, исходящим из умных очков Ёдзи:

– Начнем с того, что ваша хвалёная биология, по сути, художественное ответвление математики, и ты, Ёдзиро, тоже чистейший набор формул, – ПМК не скрывал ехидства. – Слабость сознания, подобного вашему, кроется во внутреннем противоборстве, во множестве констант, из-за которых весь процесс взлома сводится к сеянию сомнений. Знаешь, почему человек на самом деле пытается засунуть себя в искусственную обёртку? – Все умолкли, боясь пропустить ответ. – Чтобы приступать к половому акту без разогрева и, в идеале, остаться в нём навечно. Я уж молчу о комплексе неполноценности из-за того, что вы справляете нужду и развлекаетесь одним и тем же местом.

Ёдзи снял балабольские очки, положив их рядом с тарел-

кой. Все, кроме него, поплыли ухмылочками.

– Размышляешь, как ранний Фрейд, – произнёс Асидо. Ёдзи подумал ровно о том же и поспешил выразить ПМК своё несогласие:

– Даже предаваясь мастурбациям и оргиям, ИИ с человеческим сознанием будет готов отразить любую внешнюю опасность. К тому же, вряд ли его получится так просто закидать сомнениями. Машинный интеллект будет гораздо устойчивее во всех отношениях, а потому именно он, скорее всего, первым вгонит взломщика в депрессию. Так что если наткнётесь на подобный софт, действуйте взвешенно, ведь вместо игры в шахматы вас, вероятно, будет ждать долгий сеанс психоанализа.

– Мы с Юки отлично друг друга дополним, если придётся расколупывать нечто эдакое, – вновь заговорили лежащие на столе очки. – Даже демона Лапласа разделаем, как миленького.

– Как давно ты дорабатывала ПМК? – вмешался Сато.

– Позавчера увеличила тактовую частоту. – От неё повеяло гордостью. – В том месяце расширила объём квантовых ловушек. Токамак с того года не трогала, но он нормальный.

– Развлекайся, пока сбрендившие искины не разогнали торговые лавчонки, – продолжал по-чёрному глумиться Асидо, отделываясь от антиутопических пророчеств Ёдзи.

– А хорошее мы состояние на деформаторах сколотили, – ностальгировал Сато, мимоходом удивляясь, какое хорошее

прикрытие – рыбный промысел. – Ставишь манипулятор в автоматический режим, и без лишних заморочек получаешь чудо инженерной мысли.

– Но иногда ведь хочется вручную всё скомпоновать, от и до. – Асидо не переставал кривить довольный рот. – У меня пять с половиной часов ушло на сборку базовой модели.

– У меня семь, – грустно промычал Сато.

– Три двадцать, – механическим тоном часовщика произнёс Ёдзи. – А у тебя, Ю?

– Девять.

– Долго что-то. – Асидо сей факт мгновенно и полностью вернул к жизни.

Ю с удовлетворением вспомнила, как нашла при сборке несколько удачных конструкторских решений, а потом забыла про таймер.

– Я самую малость отвлеклась. Вот бы каждого ими снабдить.

– В пересчёте на 2145-й, – начал Джей прямо из нескольких источников, окружавших обедающих, – деформатор стоит, как апартаменты на Гиндза. Вряд ли получится раздавать их просто так.

– «Апартаменты на Гиндза» больше ничего не стоят, – саркастично парировал Асидо. – Зато работа в цене поднялась.

– Ага, умственная, – добавил Сато.

– Любая, – уверенно постулировал Ёдзи.

Они понимающе переглянулись. Эта троица действительно осознавала собственную необходимость, правильное положение в пространстве-времени. Отладчики плавали в своей стихии, покуда всё кругом приходило в негодность.

– Интересно, кто победит – пираты или Калифорния? – размышлял толстячок. – У каждой стороны должен быть козырь в рукаве. И что, если это правда война зомби против анархистов? – Он попытался перейти на шёпот, чавкая с набитым ртом.

– Хочется заглянуть за железный занавес, да?.. – Асидо равнодушно собирал рис в комок. – Сначала стоит решить собственные проблемы.

Жующийся Сато махом проглотил еду и провозгласил:

– Полезно держать руку на мировом пульсе! В Германии сражаются с национал-социалистами, в Каталонии орудуют коммунистические ячейки. Чёрт, да они листовки раздают, словно на дворе двадцатый век. А на площадях Франции…

– Долго они всё равно не протянут, – перебил Асидо. – По-моему, речь идёт о дилетантских «кружках», у которых нет шансов стать чем-то большим. А львиная их доля, на деле, вовсе обычные бандиты – пусть хоть фашистами назовутся, хоть большевиками. Просто когда за тобой «идеология», у тебя гораздо больше шансов собрать людей, и плевать, что из манифестов вырвали самые удобные слова. Настоящие политики не такие. Они заложники древних манускриптов, знающие наизусть все постулаты и готовые принять мучения за

свою «веру», от которой даже на смертном одре не отступятся. Когда случился Коллапс, прокатилась волна гражданских войн, по окончании которых мы получили по-настоящему сильные и идейные правительства. Новые выскочки слишком мелкие и, как по мне, недостойны внимания. Многие работорговцы называют себя капиталистами, потому что где-то услышали, что его суть в накоплении капитала. А как расчитывается прибавочная стоимость и почему из рабов получаются посредственные работники, они понятия не имеют. Либералы прикрываются свободой, которую путают со вседозволенностью, и пробивают себе дорогу оружием, монархисты вообще неотличимы от сектантов, уверовавших в живого бога… Смех, да и только. Главное – это помнить, что самый правильный путь – наш, и пока новые гегемоны сражаются с выскочками, мы влияем на эту мировую силу, меняя её в лучшую сторону. Научное сообщество расправляет плечи, и вот увидите, однажды именно прогресс закатает архаичные режимы в асфальт, открыв путь чему-то новому и совершенному.

– Долго придётся катиться, – неутешительно поддел коллегу бригадир.

Асидо смерил Ёдзи взглядом, ловко налил чай и поднял пиалу.

– На хрен этих коммунистов и нацистов! На хрен заплесневелые идеологии и неповоротливую бюрократию! И неадекватную цензуру тоже в задницу! Прогрессивному бу-

дущему гибкие и комплексные общественные взгляды!

Прозвучало, как тост.

Раздался возглас одобрения, кто-то из рыбаков, валяя дурака, крикнул: «Анархию в массы!», тут же получив несколько дружественных комментариев. Сато поднял чашку, набрал полные лёгкие и выдал задорное, неумолимое: «Кампай!». Через мгновение радостный ответный залп сотряс столовую и камбуз. Вмиг опустевшие кружки звонко опустились на столы, и этот синхронный щелчок отозвался в сердечке тем самым единством, воспетым в «Imagine» Джоном Ленноном.

– Не хочешь сыграть в го? – спросил Ёдзи, едва стихло звучное эхо. Он надеялся попрактиковаться перед завтрашним турниром.

– Не успеваю, Ёдзиро-сан, – улыбнулась Юки.

– Ты просто боишься проиграть, – без тени смущения провоцировал её Асидо.

– Ага, испытываю неистовый ужас, – спокойно парировала девушка, неспешно допивая сенчу. Неважно эти трое играли в настольные игры, а как говорили в одном средненьком британском кино: «Чтоб стать сильнее, играй против сильных».

Опустошённая миска отправилась на стол с грязной посудой. Тарелки вырастали в аккуратные стопочки, как фишки в казино – на них не оставалось и крошки еды. Ник салютовал с камбуза, Мика шлепнула его в спину, когда тот пропустил мимо ушей её новую кричалку, а потом-таки замети-

ла Юки, безотчётно разглядывая её пару секунд, и, наконец, послала воздушный поцелуй.

Страсти в каюте улеглись. Женщины уткнулись в цветастые голографические экраны, за настроенным на прозрачность киберглассом неторопливо тащилась дряхлая тучка. Юки поздоровалась с прачкой Хэнэко, благодаря которой корабль овеял лёгкий мятный бриз, и, ловко заскочив на верхний ярус, вызвала сплошной книжный текст случайного рассказа. Большой мир продолжал есть маленьких, а она продолжала расти над собой, ловя момент. Аяко смотрела развивающий фильм на английском, уперев беленькие ступни в изножье кровати, мимоходом подкинув пару слэнговых выражений. «TGIF – спасибо Богу, что сегодня пятница». Звучало неплохо. Завязалась отрывистая болтовня, перепасовка интересностями. Юки шутила про Тарантино, уверяя, что он был армянином по женской линии и на самом деле носил фамилию Тарантян. Аяко почти в это поверила, но, зная характер своей соседки, на блеф не купилась. Девушки, мелкими дозами подливая абсурда, повышали градус эмоционального раздолбайства, а текст Лавкрафта, за который Юки так и не взялась, исчез, как джинн в волшебной лампе.

Лежать на месте и читать перед выходом на континент было крайне трудно; разговоры отвлекали более действенно.

– Ты решила преодолеть Штаты на одних шуточках? – умилялась Аяко.

– Знаешь ведь, что они бьют наповал, – выглянула Юки,

крепко вцепившись в край матраса, и с беличьим любопытством поинтересовалась:

– Что ты там смотришь?

Молодая учительница упивалась научным фильмом Королевского Литературного Общества.

– Хочу понимать «Гамлета» в оригинале. Не желаешь ли окунуться в филологию?

– Шекспир – сплошная скука.

– Его постановки опережали своё время, – железно вписалась в диалог Наоми.

– И остались в истории средневековой чернухой. Кстати, о вкусах не спорят, так что я выбираю «Beatles».

Наоми надменно фыркнула, а Аяко, не отрываясь от проекции, нагло показала язык. Говорить с Юки о классиках литературы было всё равно, что будить медведя посреди зимы.

– Сколько ты прошляешься там? – срулила Аяко.

Касуми заострила внимание.

– Пока не соберу все необходимые данные. Буду наблюдать из тени и делать короткие вылазки. Кэп хочет побольше разузнать о делах на континенте. Для бывшего якудза он слишком переживает.

– Кэп переживает, потому что тебе нет восемнадцати, потому что «юность нужна для любви». – Голос Аяко стал необыкновенно романтичным. – У Маэды она закончилась в четырнадцать, когда его втянули в «бизнес», а теперь на кону твоя юность… Ты не боишься кого-нибудь грохнуть?

Ответ вышел незамедлительным, потому что был известен очень давно:

– Мне нельзя бояться или сомневаться. – А потом она изобразила спокойную, стариковскую речь мастера. Пародия вышла на славу: – «Путь требует цену, так что решай сразу, сколько готова дать. Если не готова жертвовать, то будешь идти тихо и долго, но останешься чиста. И если чистота важнее цели, то подумай, нужен ли тебе вообще Путь».

Касуми насупилась, Аяко по-мальчишески коротко хохотнула.

– Сэтоши-сама мудро завернул. Тебе бы серьезнее к этому отнестись.

– Я серьезна. Да и нет в моих планах никакой стрельбы.

– А если это будет необходимо? – не унималась Аяко.

– По инженерам-каннибалам, ставящим электрокапканы, я всегда готова разрядить барабан. Но если без шуток, то нужно лишь представить, что запущена симуляция, а все противники – просто сгенерированные модели, – объяснила Юки, возвращая голову на подушку, набитую множеством эластичных пузырьков.

– Интересно, чем сейчас занят Кэзуки? Может, его секретная лаборатория как раз в Штатах?

– Была такая мысль, – призналась Юки.

– Думаешь, он тебя правда ждёт? Вдруг вся твоя «операция» – просто удобный предлог вытащить тебя с «Токио»?

– Я этому даже не удивлюсь! – взорвалась Касуми, отбра-

сывая проекцию ПМК быстрым разгоряченным жестом. Чем ближе был выход Юки в мир, тем больше пара выпускала бабуля. – Если Зуки и её втянет в свою авантюру, я самолично достану его из-под земли и выбью всю его мальчишескую дурь!

– Если мы правда встретимся, я доставлю его домой, – Ю поймала себя на мысли, что слова эти прозвучали фальшиво. – Дедушка перед многими должен объясниться, а потом, может быть, он расскажет, чем занимается мама.

– Вот у матери-то характер вообще непробиваемый, – не унималась бабуля, – ради острых ощущений в печку с головой залезет. Повезло же тебе стать точной её копией! Если не вернёшься в срок, даю слово, я заставлю Маэду лично за вами отправиться!

– Для этого придётся его охмурить, Касуми-тян, – ухмыльнулась Ю, не прогибаясь под бабулин гнев. – Тебе не нужно волноваться – я просто займусь сбором данных.

– Давай побольше лапши! – ругалась бабушка. – Анализом почвы займёшься, как настоящий агроном. Твой отец так же говорил, а потом оказалось, что его нанял «Ханьдань» … Будто у Шанхая собственных агентов нет.

– Главное, благополучно доберись до Филадельфии, – тихонько ластилась Аяко. – Выходи на связь, если получится.

– Если капитан выдаст дрон, обязательно буду посылать его на «Токио» каждый день. Ради твоего сладкого голоса я забью на любые правила секретности.

– Сейчас раскраснеюсь и лопну. – Томный лепет и прихлынувшая к щекам кровь. – Но ведь правда, вы уходите непонятно куда, чтоб раствориться, будто…

– Призраки, – опередила её Юки. – Порой кажется, что Кэзуки и Харуна – плод нашего воображения, которых никогда не существовало.

– Со стороны звучит довольно пугающе.

– Это фишка нашей семьи. Смирись, красотка, – по-иствудски закончила Ю.

Прежде чем Аяко озвучила новую мысль, в дверях зажегся молодой дозорный, извинился, прочистил горло и бросил ей немного озабоченно:

– Пока я в патруле, ты заигрываешь с молоденькими девушками?

Её замешательство было недолгим: веки невинно захлопали, вампирские глаза замерли на мужчине, потом дёрнулись в сторону соседки, мол, это всё она. Дозорный понимающе улыбнулся – даже после двенадцати часов в карауле, у него осталось достаточно сил на свою любимую, а в его диковатом квадратном лице отражалось обожание, превратившее женщин в трепетных и любопытных старшеклассниц. Никто не влезал в сценку, пытаясь не выдать банальной зависти. Аяко легко скользнула в объятия, повиснув на плечах, и, поджав ноги, уже покрытые мелкими мурашками, вдохнула своего мужчину полной грудью.

– Я заберу её ненадолго, Наоми-сан, – извиняющимся то-

ном произнёс матрос, ретируясь. Прекрасный груз на его шее, кажется, невольно попискивал, а спустя мгновение в каюте стало заметно тише. Женщины замерли, словно упёрлись в тупик, при том что секунду назад мчались по скоростной автостраде.

– Как-то подозрительно быстро они смылись, – констатировала Наоми.

– Она его, похоже, ждала, – обидчиво добавила Хэнэко.

– Эх, вот не знал бы он, что мне больше семидесяти… – закончила с досадой Касуми.

Юки спрыгнула с койки, буркнув под нос что-то нечленораздельное. Ощутив резкую потребность чем-то себя занять, она отправилась на бак, к любимому месту для медитации, предоставив женщин воспоминаниям о бурных деньках.

Солнце почти расплавилось в горизонте, разлилось медью, подкрашивая борта. Син, как всегда, стоял у ограждения и, почувствовав её приближение, как всегда, не спешил начинать.

Девушка присела, делая растяжку, перевалилась с ноги на ногу. Матрос с автоматом философски курил у борта, пускал ленивый экзистенциальный дым, размышляя о вечном. Немецкая овчарка, сидевшая рядом, свесив язык, рассматривала рваное облачко. Полдюжины рыбаков латали сети и мыли кормовой кран – самый проблемный сектор генеральной уборки.

В приседе она переводила центр тяжести с левой ноги на

правую и обратно, пружинила, разогревая мышцы, задеревеневшие после уютной кровати, дотягиваясь до носочков лёгких кедов. Юки всё ещё была в повседневной, «последушевой» одежде.

– Значит, решила размяться в реальности? – с запозданием прозвучал вопрос, по-буддистски размеренно, как и всегда. Он так и не обернулся, просто почувствовал движение за спиной. Ветер треплет спортивную куртку, пулер молнии вызванивает о металл ограждения. – Это вредно после еды, но раз реке необходимо выйти из русла, да будет так…

Поворот, стойка лицом к лицу и жест, предлагающий ей нападать. Ю вскочила, выверенно зашагала боком в ожидании ответного выхода. Мастер двинулся в противоход, зеркально, довольно быстро дождавшись «бандероли». Её стопа у головы мастера, хлесткий выпад – это уже не ноги – стебли бамбука, но Син качнулся назад, оказавшись в безопасной зоне – в безопасной для разведчика, проведшего в боях и тренировках шестьдесят семь лет. Куда этой соплячке до него? Потом ещё серия пинков: на старика падали пушечные ядра, которые тот играючи отражал.

– Это хуже, чем обычно, – старик подстёгивал, одной рукой парировал, второй вытягивал кончик взметённого уса. – Контролируй равновесие, кабачок!

Юки лупила, что есть мочи, а Син, качаясь ясенем на ветру, отказывался от всего, что ему выписывали. Удар пяткой с разворота – скорость идущего на разгон «Кадиллака» – и

мысль, что вот она, победа! Но старик лишь шагнул, как в очередь за хлебом встал, крепко схватив её голень железными тисками пальцев. Он смотрел на восток, держал её, балансирующую на одной ноге, почти в шпагате. Горизонт стал для девушки вертикален, нестатичное пятнышко дрожало над болезненным полумесяцем прибрежных клифов.

– Чайка? – она различила птицу, ничуть не удивляясь своему положению, а потом насчитала ещё несколько и восторженно произнесла. – Монтерей! Я помню этот залив.

– Почти в Сан-Франциско – в городе Золотой Лихорадки, – благоговейно подтвердил Син. – Какая славная возможность углубиться в мерное созерцание.

Наставник направился к носу траулера, не выпуская её ноги, а она прыгала за ним, ощущая себя куском пенопласта. Когда рука разжалась, Юки, исполнив идеальный пируэт, встала слева от старика. Они смотрели на безлюдный берег, на чаек, занятых своими повседневными делами, а вдалеке, разбежавшиеся по холмам, темнели первые невзрачные постройки.

Над кораблём промычал гудок.

Чайки заголосили следом.

Патрульный катер уснул на ладони пляжа. Мелкий строительный сор сброшенной с холмов инфраструктуры серым штриховал прибрежную зону. К горизонту тянулись неисчислимые километры мятых, пересохших и жалких пусто-

шей…

После заката Маэда нашёл их в симуляции: один сидел, скрестив ноги, отбивая по невидимой клавиатуре, другая выполняла неслыханные кульбиты, непроизвольно возвращаясь на центр тренажёра. «Таких ловких девчонок нам в своё время очень не хватало», – подумал кэп и произнёс:

– Амакуса, – кодовое слово для принудительной остановки симуляции.

Ю закончила ударом пятки с разворота. «Тренировочная» перчатка сняла визуализаторы с радужек, просто примагнитив; колоссальное возбуждение полей утихло.

– Кто на этот раз? Кинг-Конг? – сурово рубанул кэп.

– Решили закрепить бой с превосходящим числом противников, – уведомил Син. – Отработали перестрелку в небоскрёбе и захват линкора без оружия.

– Интересно, – скептически процедил Маэда.

– Ещё отстрел вампиров в замке Дракулы, – поддразнивала Юки обоих.

– Ну что ты смотришь на меня так, Хиро? – изумлялся Син, ловя испытующий взор капитана. – Вампиры нечеловечески быстры, так что от такого сценария – сплошная польза.

– Кажется, под Юки спит один вампир – как бы ему не досталось на орехи. – Маэда подмигнул без тени иронии и сухо закончил:

– Что ж, я благодарен уже тому, что ты чередуешь дурачества и настоящие испытания – это поддерживает интерес.

Син только развёл руками, изобразив глуповатую гримасу. Юки поклонилась мастеру, вернула гаджеты в ячейку и направилась за Маэдой, предвкушая целый ворох советов, как перед выходом на боксёрский поединок.

У капитанской рубки вооружённый винтовкой часовой с копчёным загаром отдал им воинское приветствие, вытянувшись по струнке. Корабельный дозор для самых дисциплинированных – залог успеха любой команды. Её, как ни крути, готовили для сольных заходов в тыл, с попутным сеянием неразберихи.

От капитанской веяло свободой, а за каскадом наклонных стёкол лежал до безобразия тихий, готовый отходить ко сну, океан; приборные панели расположились по периметру рубки, замерший штурвал ждал властную, лишённую мизинца, руку. На жерди важно восседал явно не пальцем деланный попугай Пингвин. Встроенные устройства назойливо жужжали, обновлялись информативные уведомления на россыпи плоских экранчиков. Юки взглянула вдаль: волны точили косу берега, врастающую южнее в костлявую скалу, облизывали подножье каменистого склона. Посреди помещения расположился «навигатор» – рабочий стол, транслирующий карту, центрированную на корабле. Без связи со спутником присутствовала небольшая расчётная погрешность, игравшая роль только при швартовке. На «навигаторе» лежали вещи, выдаваемые ронину перед долгим походом. Мягкая, комфортная иллюминация раскрывала в крепком капитан-

ском загаре медные полутона. Маэда зорким ястребом уставился на девушку: не смотреть на неё он не мог, ведь отправлял в мир, рискуя потерять навсегда. Отпускать своих – задача невероятно сложная, особенно, когда ты главный на корабле.

– Ты для меня больше, чем дочь, Юки, – начал он настолько серьёзно, что она невольно расправила плечи, и её лицевые мышцы, вторя кэпу, окаменели. – Так что постарайся не нагулять спиногрыза, ладно?

Уголок её губ едва заметно дрогнул; на щеках предательски вспыхнул багрянец.

– А теперь перескажи мне легенду, – в Маэде чувствовался напор, – и базовый план действий.

– Я – гражданка Гонолулу Саманта Уильямс, которая ищет работу и знакомится с местными. Восемь лет назад капитан «Мурены», в штате которого я числюсь инженером, купил у Чайнатауна байк, по причине нападения переехавший в «Персонал» на длительное хранение. Мне поручено его забрать. Любой город «Вертикали» обещает безопасность всем новоприбывшим, однако на контакт я не выйду, пока не удостоверюсь, что им можно доверять. Первые несколько недель я занимаюсь наблюдением и при лучшем раскладе захожу через парадные двери, требуя оплаченный товар. Между делом пытаюсь понять, какого Койпера на сторону «Вертикали» перебежали «кобры». В наихудшем случае, если окажется, что западные мегаполисы используют

опасные технологии или удерживают людей силой, продолжаю слежку и лезу во все возможные системы, собирая инфу. Сделав дело, доезжаю до независимой Филадельфии, нахожу там агента китайцев, передаю ему разведданные и дожидаюсь «Токио».

– Велика вероятность, что «Вертикаль» использует психотерапевтические модули, а ты в курсе, что влияние на разум осуждает большинство мегаполисов. Если уловишь излучение, проведи нужные замеры. К населению тоже присмотрись. Если наткнёшься на что-нибудь странное, типа полуголых шрамированных безумцев или укреплённых форпостов – обязательно фиксируй. В целом, ты не ограничена ничем, кроме морали, так что поступай, как сочтёшь нужным. Ёдзиро научил тебя работать со всей криптографией? Вот и славно. Сможешь продавить ПО – похвалю, конечно, однако заранее продумывай следующий шаг, вплоть до мелочей. И ещё момент. Понимаю, что тебе все уши прожужжали, но если с тобой свяжется Техник, передай ему, что «Токио» полностью его поддержит, чем бы он ни занимался. Мы будем рады поучаствовать в крупном деле, так что пускай заканчивает играть в конспирацию…

Она серьёзно кивнула.

– Слабоумие и отвага! – проорал попугай, топорща крылья.

Кэп бросил уважительный взгляд на Пингвина, который, похоже, только что произнёс новую фразочку, а потом спо-

койно подвинул к Юки рюкзак, смахивающий на нечто среднее между колчаном для стрел и тубусом для чертежей. Текстура материала – заменитель дублёной кожи, несколько кармашков располагались друг над другом, основной ремень перекидывался через плечо, ещё несколько вспомогательных лямок по бокам. Где-то внутри прятались механизмы, движимые микропроцессорами.

– Ин-баг. Кстати, последний на корабле, так что постарайся отыскать ещё или, хотя бы, не посеять этот.

Там, где секунду назад лежал рюкзак, открылась метка «Сан-Франциско»; набор остальных вещей занимал ничтожную часть смоделированного берега и городских руин.

– «Шаман», – Маэда двинул вперёд что-то похожее на стёкла от очков сноубордиста, без оправ и держателей. Информер выполнял множество функций, в частности создавал дополненную реальность и фильтровал вдыхаемый воздух. Он мог вытянуться до подбородка, полностью скрывая лицо, не позволяя, соответственно, составить фоторобот. Девайс стоил целое состояние, но в данном случае о цене не заботились – ронин, бредущий по Пути в одиночестве, не должен становиться мучеником, преодолевающим себя.

Маэда придвинул к ней стопку одежды и белья.

– Два комплекта камуфляжа. – Ткань практически мгновенно меняла цвет, подстраиваясь под окружение. – Умная сентетическая ткань, армейское стелс-волокно. Способна остановить нож.

Она поморщилась на последней фразе, представив, как в её нежное тело входит острый металл, но что возьмёшь с прямолинейного Маэды, которому поножовщина что британцу – пятичасовой чай.

– Нательное бельё. – Он клал два пальца на вещи, которые перечислял, будто сверяясь с расходными бланками, его укороченный на две фаланги мизинец, скромно оттопыривался в сторонке, перетягивая всё внимание: уйдя из якудза, кэп сделал юбицумэ, пускай такие традиции давно отошли в анналы истории. – Трусы и майки – три комплекта. – Ни капли смущения. Только он, похоже, вспомнил, что перед ним молодая девушка, которая обязательно вызовет у местных некоторые эмоции. – Держись подальше от извращенцев – воздержание делает мужиков неуправляемыми. С женщинами тоже не расслабляйся. Если незнакомец шутит про грудь или белье – он болен, если тянет руки – опасен.

Ю поспешила успокоить старого морского волка:

– Буду держать ушки на макушке. Постараюсь обходить сексуальных маньяков за километр.

Кэп сурово, утвердительно кивнул. Он услышал желаемое.

– Аптечка, Ю. – Цилиндр с красным крестом на круглой крышке. – Никаких боёв без необходимости, но если влезешь в драку, найди способ победить без крови и пота. Надеюсь, медикаменты останутся в заводской упаковке. Там есть всякие полезные штуки, вроде тех, что выдавались пер-

вым поселенцам на Луне, ну, знаешь, чтоб притуплять чувство голода или сберечь от радиации щитовидную железу. Есть вызывающие привыкание стимы, есть то, что угнетает всякие трудновыговариваемые биологические механизмы, а ещё витаминки, на тот случай, если не найдёшь здоровой пищи.

– Покушать я всегда найду, – Ю обескураживающе взглянула на кэпа, дала команду жестом, и механическое щупальце, появившееся из рюкзака, уволокло аптечку в своё чрево.

Следом клешня ин-бага приняла десятиграммовые бутылочки с дозаторами: мыло, крем для кожи, шампунь – хватит одной капли для хорошего мытья. Маэда знал, что как бы много работы ни ожидало Юки, для душа у неё всегда найдётся время.

Спустя секунду по навигатору двинулся металлический диск.

– Кружка на одну имперскую пинту с молекулярной центрифугой. Две тысячи оборотов в секунду… А вот одно из лучших изобретений человечества, – он постучал пальцем рядом со следующим предметом и отправил в сторону графического океана, – антибактериальная ложка, чтобы хлебать харчи, как истинная леди. Могу упаковкой палочек снабдить.

– Настрогаю из секвойи, – отшутилась Ю, чем всегда вызывала у Маэды глубокое уважение, – будет из Америки трофей на память.

– Только не вздумай охотиться за оригиналом Конституции, – ответно отшутился кэп и протянул ей песчаного цвета ремень – такой же «хамелеон», как форма. Пояс был новенький, из ристринга, на который легко крепилась магнитная кобура или ножны. Ремень дохлой змеёй повис на её плече, а Маэда вытянул перед собой предпоследний, личный и самый необычный подарок.

– Блейдер. – Шершавая полимерная рукоять в простом ромбовидном орнаменте. Он потянул гаджет в разные стороны, разложив его в длинный посох. – Помнишь, как пользоваться?

– Нет оружия, с которым я не умею обращаться. – В ней взыграло искреннее подростковое самодовольство.

– Никто не уйдёт обиженным! – пробил Пингвин, принимаясь чистить пёрышки.

– Занимательная штучка. Из ада вытащит, если поднапрячься. – Капитан сложил блейдер в изначальный размер, дав пас ленивой теннисной «свечкой». Юки поймала его на лету, повертела меж пальцев, прощупывая тактильную рукоять.

– «Оригами».

– Так сказал умирающий вор. Потом имечко само прицепилось. Обычно жертва вообще ничего не успевала сказать.

– Часто пускали его в дело? – Ей правда было интересно.

– Разок-другой. Помнится, под нас копал один клан из Тибы. Искали компромат, чтобы подставить в том числе уважа-

емых людей из парламента, которые с нами работали. А когда мы их раскусили, меня отправили выразить ноту. Дальше слово за слово, пламенная речь и дуэль под диско-шаром. Короче, зарубил я тибовского оябуна прямо в его клубе под «Stayin alive», – он прокашлялся, – но лучше не будем об этом. Просто знай, что оружие с историей и ни разу меня не подвело. Сделано по индивидуальному заказу Хирано-сама, моего названого отца и начальника.

В груболицем Маэде проклёвывалась печаль. Лишённый мизинца, он уже не мог уверенно держать рукояти оружия. Взор потупился, скрывая набегающие чувства, скованная тяжестью надвигающейся развязки грудь еле осилила беззвучный, принимающий судьбу, выдох. Из-под навигационного стола он достал обувь.

– Походные ботинки, made in Italy. Удобно ходить, бегать, танцевать и плавать. – Это он взял из рекламы. – Высокие, с толстой подошвой, язычки, словно плюшевые; шнурки круизный лайнер на буксир возьмут. – Маэда считал, что обувь в походе важнее, чем оружие. – Береги эти вездеходы.

Она кивнула. Капитан уважительно смотрел на Ю с высоты своего роста. Ему больше нечего было дать, даже совета. Между ними оставалась дюжину лет не обновлявшаяся карта: несколько пляжей, «Золотые ворота» и абрис городской топографии. Когда в космос вновь взлетят спутники, карта будет изменяться в режиме онлайн. А сейчас это обычная фотография пятнадцатилетней давности…

Ю повесила сумку за спину, прикинув, что в ней наберётся от силы килограммов пять.

– Тяжеловат? – Отеческий бас прогремел над капитанской. Смоляные волосы за последнее время выцвели, широкое лицо исхудало, подчеркнув острые скулы и желваки, однако характер с возрастом только закалился.

– Лишь бы лёгкость разума не прогнулась под тяжестью поступков, – воспрянув, отчеканила Юки.

– Снова цитируешь Сэтоши. Что ж, спину всё равно береги.

Больше он не смел её задерживать, только машинально обнял и мято проговорил:

– Устрой себе отвальную, ронин.

Она прильнула в ответ, стоически дожидаясь, когда кэпа отпустит приступ спонтанной заботы. Отстранившись, Маэда подошёл к штурвалу, ухватившись за фигуристую ручку, точно собирался уводить судно с линии огня, но не произвёл более никаких действий.

– Ручное управление, – приказал он управляющим системам. Странная команда, с учётом того, что траулер стоял на месте.

– Спасибо за подарочки, капитан, – мелодичный голосок прочирикал без толики баловства. Юки оставила его наедине с кораблём. Пингвин бросил ей вдогонку что-то пиратское: что-то про пиастры, талеры и полундру.

В родной каюте, кипевшая от беспокойства, внучку ожи-

дала бабуля. Юки предстала перед Касуми с рюкзаком, точно собиралась уходить сейчас же, и женщина обняла её крепче капитана, отдавшись захлёстывающим эмоциям. Отступив, она просканировала Ю с головы до ног, как делают знатоки искусства перед картинами подающих надежды авангардистов.

– Хиро снабдил тебя всем необходимым? Вот и славно. Ты очень похожа на мать. – За усталостью чувствовалась гордость. – Такая же спокойная, словно за покупками собираешься. Когда ты успела так повзрослеть? Постарайся не забыть про обещания, которые дала.

– Не забуду, ба, – заботливые слова теплотой вкрались в расстроенное сердечко.

Бабуля сжала кулачки, готовая прогреметь отзвуком молнии в летний полдень, но не выпалила, а спокойно, дипломатично сказала заранее заготовленное:

– Если найдёшь Кэзуки, спроси у него, вспоминает ли он обо мне хоть иногда. Я ведь любила его работу, верила его обещаниям, а теперь не могу отделаться от чувства, что наши отношения состояли из сплошного вранья. Мне стыдно за это: порядочная женщина должна верить в мужа беспрекословно, только долгие разрывы не дают ничего, кроме боли и пустоты, а будни, которые были когда-то необыкновенными, сереют и рвут тебя похуже любой болезни. Мне достаточно будет услышать, что он хотя бы изредка произносит моё имя, ложась спать, или видит в снах нашу молодость.

И если ты поймёшь все его теории, и если найдёшь их глупыми, то верни его в действительность, от которой Зуки так старательно бежит. – И она села на кровать, уткнувшись в ладони, готовая собрать в них накопившиеся за тринадцать лет слёзы. В то, что Техник мог отправиться в мир иной, у неё и в мыслях не было.

– Он ведь пообещал тебе, что вы увидитесь. Я тоже пообещала. – Юки присела на корточки, притянула к себе бабушкины руки и посмотрела с такой любовью, что Касуми стала чуточку солнечнее.

– Сначала мне нравились те фантазии, которыми он бредил – эта увлечённость делала его моложе. А потом фантазии стали слишком навязчивыми… Это всё вредное влияние Томпсона. Может, он террорист, может, наркоман, но идею подать умеет… А может, я просто ревную к человеку, который создавал будущее. Я-то не живу будущем. Я живу сейчас. Неужели так сложно это понять?.. Если Кэзуки хочет менять мир, пусть сначала приберётся у себя дома – скажи ему это, когда увидишь.

Юки примостилась рядышком, накрыв дрожащие бабушкины руки.

– Что бы там ни было, я разберусь, ты только потерпи немного, Касуми-тян. Зря ты так расстраиваешься.

– Как тут не расстраиваться? Вы бредите эпическими сагами, а я – обычный оператор банка, лишённый любимой работы и крепкого мужского плеча. Знаешь, Юки, некоторым

для счастья достаточно самых банальных вещей.

Касуми немного успокоилась, вытерла ладошками мокрые щёки, собираясь с духом, и потихоньку превращалась обратно в ту добрую бабушку, читающую на ночь славные сказки.

Аяко, пробывшая со своим матросиком в комнате для свиданий целых три часа, вернулась ровно к окончанию семейной драмы. Учительница нервно наглаживала перекинутую на грудь длинную косу, робко переводя взгляд на притихшую Касуми.

– В эти дни она всех доводит, – надулся самый милый и самый ненастоящий на свете вампир. – Даже Хиро-сан пару раз всхлипнул. Или у него простуда…

– Чем мы старше, тем сентиментальнее, – спокойно ответила бабушка. – Жалко, на Кэзуки правило не действует.

Громко сморкаясь в носовой платок, бабуля удалилась в уборную, а Аяко, продолжая дуться и положив руки на талию, обратила на Юки праведное возмущение:

– Что это мы делаем на моей кровати?

– Мы ждём тёплых объятий и прощальных поцелуев. – Составление подходящего ответа было мгновенным.

Аяко тут же обмякла, подалась вперёд и обхватила сидящую соседку:

– Для этого у меня всегда найдется время.

Юки рухнула на подушку, увлекая училку за собой. Дезориентированный вампирчик оказался на ней, краснея, как

стакан свеженькой артериальной крови.

– Will you say something goodbye to me? – Дурачась, Юки обвивала хрупкую спину ещё сильнее, едва прильнув губами к впадинкам уха.

– Скажу, что твой английский идеален.

– Do you like my tongue?

Использование «tongue» вместо «language» чуть не заставило скромницу Аяко потерять сознание, но она устояла и чмокнула Юки в щёку, неловко выпутываясь из её плена.

– Я не понимаю, что ты имеешь ввиду, Юки-тян. – Смущенный ответ, поправленное платье, и она села рядышком. – Чем займёшься завтра? – Учительница всё ещё надеялась получить заветное согласие.

– Медитация.

– Может быть, лучше… – не сдавалась Аяко.

– Нет, я не буду участвовать в конкурсе стихов. Тебя тоже в караоке не затащишь. – Сфокусированные зрачки расширились, любвеобильно сложенные губки довершили образ.

– Я пою, как конь. А ты просто вредина.

– Самая большая вредина на корабле. – Чертёнок вернулся на сцену, стараясь как можно скорее прогнать навеянную бабулей тоску.

Конечно, Аяко могла косу поставить на отсечение, что юный ронин припас для них мешочек первосортного абсурда, и не прогадала бы: всё-таки у Ю был последний шанс оставить незабываемое воспоминание, а упустить его – всё

равно что уйти, не прощаясь. И какие бы Аяко ни задавала наводящие вопросы, Юки молчала как рыба об лёд.

Полосы ночного коридорного освещения источали терпкую сливочную дымку. Скрипели борта, жужжали генерирующие фотоны устройства, едва ощутимая вибрация от мужского храпа да тяжелая поступь матросских патрулей разбавляли абсолютное беззвучие.

Безопасность оставалась на высоте, будто кто-то мог устроить саботаж на этом старом безобидном корыте. Юки не сомневалась в боеготовности корабля, но в эту ночь она нарушила целый ряд правил, ставящих под удар компетентность команды и Маэды в частности.

Во-первых, она перенастроила сканеры, нарисовав в каюте собственную сигнатуру, при том что её самой в каюте не было. Юки покинула свою кровать, вышла за дверь в чём спала, волнуясь не столько за то, что её обнаружат, сколько за свой откровенный видок: короткая футболка едва скрывала чёрные хлопковые трусы. Она ступала тихо, босыми ногами, едва не на цыпочках, лёгкая лазутчица и расхитительница винных погребов. Пара бутылок красного сухого были необходимы не только ей, но её подруге Мике, а она не могла отшить девушку, с которой видится раз в лунный цикл.

Во-вторых, она закинулась стимуляторами – положила на язык пластинку усиливающего концентрацию препарата – дождалась, когда наступит просветление, направившись за-

хватывать приз буквально с закрытыми глазами. Щелчок пальцами вызвал эхолокационную дрожь, прошёлся по микроскопическим стенным трещинам, как по шрифту Брайля, затем картина возникла на подсознательном уровне. План этажа она помнила во всех деталях, зато теперь чувствовала каждый закуток, каждого человека, будто сорвало потолок, и она с высоты птичьего полёта взирала на подземные тоннели гномов. Такие стимуляторы не принимают без рецепта врача – от них можно потерять сознание. Кто-то лечит ими дефицит внимания, кто-то использует во время апатии, возвращая себе весёлость (а пессимизм, как известно, – виновник многих болячек). Её неугасающий позитив и без того выглядел в постапокалипсисе чем-то феноменальным, а под стимами она готова была заржать просто от показанного пальца. Сейчас Юки хотела развлекаться, танцевать ирландские танцы, возможно даже сигануть за борт и присоединиться к стае дельфинов, но на карнизе самоконтроля её удержала важность исполняемой миссии.

Третье, за что ей могло влететь – это, как уже понятно, небольшая кража вина. Само собой, Гордон поделился бы с ней парой бутылок, но вежливые просьбы ужасно скучны и обламывают дух приключения. Пусть её запомнят подростком, в конце концов. Это её последний день на корабле, и, возможно, ей больше не удастся подурачиться в подобном ключе.

Голые стопы буквально ощутили приближающиеся ша-

ги. Ничего непредсказуемого, минутная игра в прятки, даже нервишки не пощекотать. И глаза всё ещё закрыты, и все артерии корабля, как на ангиограмме. Матрос шмыгнул носом, вскрывая начавшуюся простуду, тяжело выдохнул громадное количество микробов и углекислого газа. Завтра в лазарете ему прочистят всё, приведут в порядок каждую лёгочную альвеолу, но сегодня из него получается до ужаса заметный патрульный. Факт этот безмерно её огорчал. Войдя в ближайшую каюту, Юки затаилась. Тут спало шестеро стареющих мужчин, один из которых храпел, как моторная лодка, и теперь, под стимулятором, стрёкот старого дизельного мотора резал извилины. Она стоически терпела, дожидаясь, пока караульный пройдёт мимо, неистово оппонируя забитому носу. Полнота ощущений её удовлетворяла, невзирая на все неприятные вытекающие – именно из-за этого на такой допинг подсаживались, в итоге теряя возможность чувствовать что-либо без его помощи. Наверное, счастья без побочных эффектов природой просто не предусмотрено.

После патруля эксцессы закончились. Весь путь до камбуза «Токио» притворялся кораблём-призраком, поскрипывая от едва заметной качки.

Через столовую девушка вошла на камбуз, любезно открытый ПМК. Расположение каждого прозрачного шкафчика с посудой или холодильного агрегата она помнила наизусть, знала место каждому ножу, каждой электрической плите и духовке. Открыв глаза, всё оказалось точь-в-точь,

как рисовало воображение; предсказуемо, изменилось только одно: на широкой плоскости холодильника Гордон записал меню, заглавие которого её умилило: «Очень важный обед». Блестящая панель слегка светилась, иероглифы расположились на небесном фоне. Списком – целая череда деликатесов: классический ризотто со сливками, пармезаном и курицей, утка в яблоках, соус терияки и т.д. Щурясь от болезненной подсветки, она вошла на склад.

Свежие фрукты и овощи, охлажденное мясо и рыба – изобилие в чистом виде, результат налаженной торговли и совместной работы. Главную цель она заметила у дальней стены, но, даже покрывшись мурашками, ни капельки не спешила. Юки изучала тары с виноградным квасом (именно так она однажды назвала вино, дабы ужаснуть Гордона), читая странные названия. «Мерло-ля-Ботэ», «Пино-Нуар-Руж». В алкоголе она смыслила мало, потому, бесцельно повертев бутылками и подняв одну над головой, задала J-note вполне закономерный вопрос.

– Что скажешь?

– Гран-при на выставке в Будапеште. В целом, отличное вино 1972-го, несмотря на скудный урожай и некоторые…

– Хорошо. А это?

– Высокие оценки среди покупателей, но дегустаторы были не очень…

– Джей, нет смысла вдаваться в исторические детали. Можешь провести химический анализ и пропустить данные че-

рез какой-нибудь алгоритм?

– Не существует формулы, которая вычислит идеальный вкус для конкретных вкусовых рецепторов. К счастью, её можно придумать. Задай приоритет.

– Она хочет что-нибудь недешёвое, красное, желательно французское и желательно сухое.

– Возьми эту. – Он подсветил подходящую бутылку, выстрелив ниточкой света из мизинца перчатки. – Ещё эту можно. И нам приятно, и Гордон ничего не скажет.

Юки кивнула: чем судить о вине по оценкам и наградам, пусть лучше ПМК рассчитает оптимальный вариант, отталкиваясь от химии и биологии. В конце концов, j-J ни разу её не подвёл.

На шершавой этикетке с волнистыми краями французские буквы, год выпуска и рисунок старой винодельни. На второй – нечто подобное: портал в девятнадцатый век, который ещё не знал, куда катится мир…

Корабль не почувствовал, как в рассеянном свечении она вернулась назад, бесшумно спрятав в тумбочку два драгоценных сосуда. До того всё прошло гладко, что её ненадолго одолела тоска. А потом она вырубилась, уносимая спиралевидным течением ничем не связанных кадров.

Ниточка, за которую держится отступающий сон, порвалась. За легчайшей вибрацией в ухе последовала пищащая электронная трель – уведомление о новом голосовом сооб-

щении. Её сладенькая энергичная Мика, похотливо прикусывающая губки и одновременно с тем сжимающая сильные бёдра, стонущая на междометиях и спящая с мягкими игрушками, только чтобы прижать их к соскам, проснулась. А ведь до четырёх ещё оставалась бесценная толика времени. Юки томно потянулась, неохотно разлепила глаза и жестом дала ПМК команду «зачитывай».

– Слушаюсь, – исполнительно произнес j-J, и трепетный, как всегда смущенный голосок Юкиной ровесницы зазвучал переливчато, нетерпеливо, словно она в один присест уничтожила пять чашек кофе, а потом залезла под одеяло, тыкаясь подруге в щёку, моля сделать с ней что угодно, лишь бы утолить жажду молодого, стройного и податливого тела.

«Ты добыла вино? Спрятала? Как глубоко, если «да»? Почему, если «нет»? Может, пора начать прямо сейчас? Не думаешь об этом, а?»

– Заходи, – полушёпотом прохрипела Ю, жестом отправляя ответ.

Если Мика чего-то хотела, то остановить её не могла даже монгольская орда, а если не пригласить её в каюту, то она всё равно завалится без приглашения. Главное делать вид, что условия ставишь ты, или получится как в той сказке про Винни-Пуха, только в их случае мишка не только сожрет мёд и варенье, а ещё и кролика изнасилует.

Юки доползла до смешных пушистых тапочек и прошла в уборную. Шарообразный дрон в углу спокойно дремал.

На уровне лица появилась зеркальная поверхность, разложилась раковина вроде уличного питьевого фонтанчика, а ниша со средствами личной гигиены переместилась точно под правую руку. Не успела Ю коснуться бутылочки с бальзамом, как назойливый, но такой обезоруживающий голосок зажурчал в самой интимной близости:

«Я собираюсь войти».

Капля медицинского раствора шлепнулась на дно стеклянного стакана с логотипом «Otsuka», в который тут же хлынул поток чистейшей воды. Как только пенная субстанция достигла краёв, началась важная процедура полоскания. Перед зеркалом она себе умилялась: вся такая боевая и серьезная, а раздувает щеки, как фугу в аквариуме, и издает такое смешное бульканье, что кажется даже – в отражении девочка, которая собирается в школу. Сплюнув, она провела языком по обновленному дентину и дёснам, одарила себя чеширской приветливостью, сверкнула клыками в пастельном энергосберегающем освещении. Как же она стеснялась выходить; как же собиралась с духом. Эти разговоры такие сложные: про парней и секс, девушек и секс, обязательно про моду, искусство и, как ни странно, кулинарию, а ещё про секс. Она уже там, сидит и ждет, зашла неслышно, только сердечко стучит, как у хомячка. Не обнимешь – и разорвётся. А потом закутает в сети, и хомячком становишься ты, готовый в лепешку раскататься, лишь бы угодить длинноногой грудастой милашке.

Закончив умывание, Юки обнаружила ровно то, чего ожидала: озабоченная очаровашка Мика сияла в звездах, сочащихся через тонкую полосу иллюминатора. Русые волосы с огненным отливом, в уголках игривых глаз сангиновая тушь, реснички вспархивают, как воробушки в земляничном поле… Она восседала на тумбочке, качая ровными ножками, в шерстяном худи на несколько размеров больше, значительно закрывающем бёдра, босая, с разноцветным педикюром. Выступала упругая грудь, а в безгрешном личике угадывалась какая-то животная похоть. Девушки мгновение изучали внешний вид друг друга, пробежали по оголенным и выпирающим частям тел. Смакуя ронина в одной только футболке, едва прикрывавшей зад, Мика вылетела в астрал и безотчетно произнесла первое, что выпало из генератора фраз.

– Переодевайся быстрее, – мягко прошептали полные губки. Им было все равно, кого торопить, и в ровном выражении ронина отразился яснейший укор. Мика посмотрела в ответ с невинностью ангела, а потом, через шерсть толстовки, уперлась цветным ноготком в тумбочку, с надеждой спросив:

– Всё там?

– Тс-с-с. – Поперек рта встал указательный палец. Пустой трёп явно не способствовал продвижению по сюжету, так что Юки быстро зарылась в гардероб. Футболка и трусы отлично подходят для пьянки в обществе извращенки, но для светского раута у неё припасено кое-что посолиднее. Она быстро

скинула верх и так же быстро влезла в черную платье-майку, приобретя заметный контур песочных часов. Уже стоя перед тумбочкой, она вобрала в себя ворох феромонов, которые исходили то ли от духов подруги, то ли от ее кожи; Ю спокойно относилась к «нюансам» физиологического развития, а всё-таки от этого тела она кайфовала. Присев на корточки, оказавшись на уровне едва прикрытых бёдер, нежный Микин голосок снова прочирикал.

– Мешаю? Нет?

– Нет.

– А без одежды мешала бы?

Теперь Ю всем видом говорила, мол, «на количество одежды обращают внимание парни, и я не парень, так что заткни, пожалуйста, свой сладенький ротик».

Мика хохотнула.

– Ну да, ты и правда не пацан.

Словно мысли читает. Видит, что в голове и под одеждой. Во времена инквизиции её б точно сожгли на костре.

Юки демонстративно потрясла перед подругой бутылками, затем мотнула головой на выход. Мика слетела с лёгкостью рыси, поправила низ и двинулась первой, зная, что ронин не отстанет ни на шаг.

Аяко, выпавшая из середины сна, не могла сообразить, грезит она или нет, но на автомате, не отлипая от подушки, умоляюще просипела:

– Чтоб оставили порядок в классе.

– И пятнышка не оставим, – заверила Мика, не особо задумываясь, как двусмысленно сие прозвучало, с чем беззаботно выпорхнула из каюты.

Когда люди становятся ближе всего? После какой-то интимной мелочи, которую знают только двое, чего-то согревающего, что не нуждается в огласке, просто угадывается в повисшем вдруг молчании, во взгляде, брошенном вскользь. Мика, довольная и лёгкая, выдавала кричалки, изредка оборачиваясь, чтоб понять, какое она производит впечатление. Ю покорно шла за ней, поражаясь такому задорному чирлидерскому настрою. На Кубе было так же – три года назад, когда они впервые позволили себе раскрепоститься. Над замшелой крепостью Гаваны высился обшарпанный маяк, всё ещё притягивающий к себе редкие корабли, а грубые приземистые строения, от которых веяло склепным холодком, не растеряли со временем былой эстетики. Каменный лабиринт отвечал радостным эхом, через залив виднелась безлюдная Гавана, и целый бастион распростёр объятия.

«Куба – равно Свобода! Свобода – равняется Куба! Эрнесто целую в щёку! Фиделя целую в губы!»

На вскинутых руках не хватало помпонов, да и вместо юбки с университетской кофтой на ней сидела облегающая теннисная майка и шорты.

– Ты стала бы целовать Фиделя? – спросила Юки на полном серьёзе.

– Может, и стала бы. Только дружески, как принято у коммунистов.

– Ты не коммунистка…

– Ради дружбы народов я готова на многое! Дайте мне партийный билет, товарисчи!

– Чокнутая Ми не годится в коммунисты… – иронично промямлила Юки, трезво оценивая требования партии.

Взобравшись на куртину, под пристальный взор стоящего у обрыва маяка, им открылся вид на океан. Пушки на деревянных лафетах держались строем, следя за проливом, за которым нежилась от безделья кубинская столица. Мика, как заправский артиллерист, расположилась около одного из орудий, а компактный дрон запечатлел её для потомков. Фотосессия, по мере увеличения хронометража, теряла изначальную невинность: девушка изгибала спину, наваливаясь на дуло, делала вид, что поправляет девственного цвета носочки, упирая натренированную ногу в заскорузлый чугун. Наконец, оседлав орудие, она предложила сняться с ней на память. Юки бросила ей тёплый отказ.

– Всё равно Джей сотрёт меня с носителя. Толку-то?

– Ну и что. – Она накренилась набок, вытягиваясь к подруге. – Главное знать, что ты была рядышком со мной.

– Я могу оставить одежду, – предложил ПМК. – И овцы сыты, и волки целы.

Мика поразмыслила о перспективе оказаться на фотографии в компании с левитирующей одеждой.

– Это будет смотреться жутковато. О-ох. – Она поёжилась. – Постой-ка, что ещё за «овцы сыты»? Эй, Ю, он что, шуточки шутит?

– Оговорился. – Интонация Джея намекала ровно на обратное.

– Не хочу быть просто одеждой! – протестовала Юки. – Вообще, конспирация самураев выходит за рамки.

– Поддерживаю! – Мика соскользнула с пушки. – Я знаю, что сделаю. Нарисую тебя.

«В образе помидора, полагаю», – приватно заключил Джей, вызвав в голове хозяйки маленький приступ истерики. Они оба помнили первый Микин «шедевр», на котором вся её семья подозрительно смахивала на три спелых огурца.

Стены, покрытые мхом, источали сырость, и прохладное дыхание залива пробирало насквозь, хотя Солнце раскочегарилось докрасна. Мика обхватила себя руками.

– Тогда можешь оставить что-нибудь на память.

– Трусы, например? Прости, у меня нет лишних.

– Да зачем мне твои… Слушай, как насчет чего-нибудь, хм-м, нерукотворного?

– Джей, можешь сочинить кричалку про Мику?

– Уже сделано. В библиотеке две тысячи пятьсот шестьдесят две штуки, могу продекламировать самые безобидные.

– Ну не-ет, – протестовала подруга. – Что-нибудь памятное, осязаемое и влажное. Ты целовалась когда-нибудь?

– Да.

– Ну, то есть, не с рукой. С целым человеком.

– Возможно.

Мика вздохнула, скептически уставившись на Юки.

– Не с родственниками или друзьями. По-настоящему, в губы и с языком.

– Кажется, что-то такое припоминаю.

– Врёшь и не краснеешь! Просто, слушай, я тоже никогда не целовалась, но это ведь коммуникационный навык, правда?

– Скорее, коммунистический.

– Точняк! – Её взгляд заискрился. – Так давай не будем откладывать на завтра то, что можно делать каждый день! Подари мне глубокий страстный поцелуй.

Юки долго изучала ожидающий ответа взгляд, раздумывая, вестись на это или нет, но подруга явно была не полностью серьезна, скорее, видела в этом какую-то безобидную шалость, так что легко могла провернуть нечто эдакое. Её пухленькие губки блестели от слюны, похотливое личико замерло, пока ещё маленькая грудь приподнялась на вдохе, но сердечко в ней билось со скоростью пинбольного шарика, скачущего в полном ловушек лабиринте.

– Хорошо, давай, – наконец сказала Ю. – Сенсей говорит, всякий опыт важен.

Мика с нескрываемым облегчением положила руки на плечи подруги и прижала её к холодной каменной стене.

– Не упоминай Сэтоши-сана в такой интимный момент.

– Выразительная мордаха пылала счастьем. Девушки коснулись кончиками носов, и Мика на секунду замешкалась. – Как же там делается?

– Доверься чувствам, – припомнила Ю шаблонную мотивирующую фразочку, но, к всеобщему удивлению, это подействовало. Их носы разминулись, налитые похотью губки прилипли к строгому ротику ронина, и в этот момент Мика была на седьмом небе от счастья. Нырок в воду после прыжка со скалы. Сопротивление, которое преодолеваешь без усилий – набранная скорость всё сделает за тебя. Их языки сладко заскользили, извиваясь почти синхронно, а реальность поплыла, откинув наполнение, её создающее. И не стало больше колониальной Испании, исчезли берега Кубы, вывернулись, точно на картинах Пикассо, понятные геометрические фигуры. Всё переиначилось, осталось за горизонтом событий, и важны стали только эти простые взаимные движения. Тогда Мика была в шаге, чтоб выйти на пик возбуждения, и была готова поклясться, что влюбилась бы, стала бисексуалкой в тот самый момент, если бы Ю вдруг, с холодной расчетливостью, не закусила зубами кончик её языка. Тогда-то одурманенные глазки широко раскрылись, секундный шок перешел в писк, и, имейся такая возможность, визг вылетел бы из девичьей груди, разносясь по затхлым каменным закоулкам. Мика замахала руками, точно курица, бегающая по курятнику от городского пацана, чувствуя, как глаза её наливаются слезами.

– Ни-ни-ни. Мофь явык.

– М-м?

– Апуфти.

Её обидчица расцвела от удовлетворения. Мика была буквально в ней, робкий запах кожи заполонил пространство, а нежное беспомощное тело мгновенно бросило в жар; Ю чувствовала, наблюдала, как перемешивается всё в её новоиспечённой пленнице, наслаждаясь моментом.

– Явык… Он не вафлувыл такого обващеня. Ко-за.

Её губы легонько тёрлись о кожу, щекоча под носом. Тогда-то Юки не сдержала смеха, разжала хватку, и бедненькая Ми, отойдя на безопасное расстояние, принялась ощупывать угодивший в капкан орган.

– Дува! Я теперь до конца жизни целоваться не буду. О-ох, кто бы мог подумать?

– Понравилось?

– Первая половина. А к самоистязаниям я ещё не готова. – Она снова высунула язык, осторожно нажимая на него пальцем. – Следы есть, значит, ты не призрак. Идеальный сувенир на память – я его на фсю жись запомню.

– Какая милота, – расчувствовалась Ю. – Ну как не пожалеть такого зайчонка?

Мика с недоверием покосилась на неё, а потом ответила согласием на приглашающий поближе жест. В тот вечер многое изменилось, и они долго простояли в обнимку, чувствуя какую-ту новую связь. Стеснение улетучилось, и смысл хра-

нить друг от друга какие-то тайны испарился вместе с ним. Тропический лес шумел вместе с океаном, перенося их на страницы манги, которые так редко пересказывают реальные события. Мика боялась, что время сотрёт краску, и воспоминания превратятся в дурацкую стенограмму, потому до следующего восхода не вылезала из графического редактора, рисуя в мельчайших подробностях их небольшое путешествие. И даже утром, полностью измотанная, она отчего-то никак не могла уснуть.

Томное утро казалось совершенно нереальным. Убаюкивающее освещение закутало мысли, пытаясь унести их в иное измерение с тёплой постелью, сном до обеда и мягкими кошачьими лапками, шагающими прямо по душе, вот только двух готовых к попойке подружек усталость покинула с того самого момента, как голые ступни коснулись подогреваемого пола. А всё-таки Мика зевала, но больше по привычке делать это спозаранку.

– Что заставило тебя так рано встать? – Юки легонько пихнула её бедром.

– Ты, естественно. – Щёки подруги вспыхнули. – Мы ведь долго не увидимся, так что надо навёрстывать.

– В сутках слишком мало часов – вряд ли за сегодня наверстаешь. – Юки осторожно её поддразнивала, уже забыв про алкоголь в руке. – Как у тебя с Хаси?

– Достаточно непредсказуемо. Как только я говорю ему,

чего хочу, он начинает сильно суетиться. Когда уже у него появится уверенность? – она пренебрежительно фыркнула. – Хаси рассеянный и очень боится облажаться.

– Ну а ты не боишься, что он облажается? – Сквознуло вредненькое ехидство.

– Без риска мы топчемся на месте, – заявила Мика, и была права, – а ещё мне хочется поскорее осуществить мои маленькие желания.

– Это те, что с наручниками и электрошокером?

– Э-э-эй, о таком речи никогда не шло!

– Но Хаси думает, что ты повёрнута на чём-то таком. Ты слишком рьяная для этого скромняги.

– Тогда чего он от меня до сих пор не сбежал?

В смущении она целомудренно, почти виновато выглянула из-под идеально подведённых ресниц.

– Потому что твоя красота перевешивает специфические наклонности.

– Само собой. Ради этого божественного тела Хаси выполняет все мои поручения.

– То, что ты заставляешь его работать над собой, не плохо, только не превращай его в игрушку.

– Я из него а́йдола делаю! И кстати, он реально считает меня извращенкой?

– Если точнее, – Юки стала ещё довольнее, – мазохисткой, бисексуалкой, нимфоманкой и доминанткой. Репутация зажигательной Ми опережает её поступки. Ты ни с кем ещё не

спала?

Мика снова фыркнула, заливаясь от стыда. Сейчас она размышляла, не ёрничает ли подруга и действительно ли Хаси навыдумывал о ней такие несуразные глупости.

В учебном классе стояла вакуумная тишина. Генеральная уборка довела до идеала и без того гладенькое помещение. Мика подошла к одной из одноместных парт – к наклонённому интерфейсному столу с эргономичным настраиваемым креслом – сдвинула его, со скрипом нарушив линейность ряда, и шлепнулась на пружинистое сиденье, не пожалев ягодиц.

– Это было моё место. – Она попыталась активировать учебный экран, но код доступа уже два года как сменился. – Я всегда пыталась спрятаться за Риной, а получала прямо противоположный эффект: Наоми находила меня за её спиной и спрашивала о всякой ерунде.

– Ты как-то ляпнула, что третье агрегатное состояние воды – это газировка. По-моему, Наоми спрашивала тебя чисто ради хохмы.

– Агась, я тоже так думаю. – Она приняла бутылку вина, стянула обёртку, деловито высунув язык, и приложила к горлышку маленький перстень на пальце: сработал встроенный штопор, и, ввинтившись в пробку, вытащил её без усилий, затем вернулся на место. Незаменимая штучка, сродни швейцарскому ножу. В шутку их называли «Чез» (по имени одного любителя отравленных перстней из рода Борджиа),

но настоящее название звучало менее лаконично: Circletool.

– Когда Наоми уходила, мы с Риной могли весь урок проболтать. Она умная, всё схватывала на лету, не только заумные параграфы с теоремами и формулами. – Мика закинула ноги на столешницу, сверкнув из-под съехавшего худи преступно-короткими бэтти-райдерз, отхлебнула вина из горлышка и, поморщившись, протянула бутыль подруге. – Кислятина.

– Серьёзно? – забеспокоилась Юки, делая недоверчивый глоток. – Вино как вино, – она поцокала, концентрируясь на вкусовой палитре. – Ягодные тона… Самое то, чтоб потерять почву под ногами.

– У нас никогда не было почвы под ногами, – хохотнула Мика, – только беспорядочно шагающие волны. Попробовала? Возвращай.

– Нужно дать «подышать».

– Подышит в процессе! Возвращай уже. – На оголенных ногах, тренированных и загорелых, напряглись безупречные икры. – А тебе не обидно уходить в мир, ни с кем не занявшись сексом?

– Тебя только это интересует?

– Вопросом на вопрос – не уровень ронина.

– Ну конечно, знаешь, за какие рычажки дёргать. – Юки искала, как уйти от темы. – Я слишком хороша для наших корабельных мальчиков.

– Ах ты тщеславная жопень! – Мика даже прикрыла рот ладонью, показывая, насколько она ошарашена. – Завтра

мальчики станут мужчинами, заведут семьи, а ты рискуешь распрощаться с нормальной жизнью. Станешь чёрствым мстителем из легенд. Бр-р-р.

– Мне не нужна эта ваша «люпоффь», – сгримасничала Ю, – и в сексе я не вижу особой необходимости. В общем-то, в шестнадцать должно быть наоборот, хотя на деле выходит, что мне плевать.

– Наверняка у подобной аномалии есть какой-нибудь специальный термин.

– Ага, свободолюбие. – Она бросила укоризненный взгляд. – Хочешь подискутировать о моём взгляде на отношения?

Вместо ответа Мика выдала психологический портрет:

– Тебе нравятся красивые совпадения и нестандартные ситуации; ты ищешь необычного человека, который не будет навязываться, но идеально впишется в твою жизнь; тебе хочется резонанса. Но я вела к тому, что меня поражает уровень твоего самоконтроля.

– Лучше потерпеть, чем кидаться на первого встречного.

– Согласна. Выбора вообще нет.

– Хорошо, Хаси не слышит. – Ю, расположившаяся на полу, осуждающе помотала головой.

– Он классный, просто мне хочется ощутить уровень, понимаешь? Будут ли на меня пускать слюнки красавчики из корейских бойз-бэндов, молодые актёры и спортсмены. Пока что счёт «сто деревенщин из ста».

– К тебе подкатывал сын мэра Сеула.

– Мне было четырнадцать, ему девятнадцать. К тому же ходили слухи, что он жарит свою малолетнюю сестру.

– Инцест – вполне себе способ сохранить популяцию, – улыбнулась Ю.

– Габсбурги одобряют, – подхватила Мика. – Нет уж, избавьте меня от молодых феодалов, которые требуют права первой ночи. Дайте людей с нормальными интересами.

– Ждёшь новых BTS?

– Чисто для разнообразия. Хаси – мой Чонгук.

– Скажи ему об этом.

– Обойдётся, – отмахнулась Мика. – Интересно, когда запустят спутник связи? Локальный интернет вымораживает.

– Сначала нужно сбить остатки орбитальных истребителей.

– Скорее бы. Верните хотя бы Starlink. Я тут о модном канале задумалась. В Милане есть крутой дизайнер одежды. Предлагал совместно поработать. Будет здорово задавать тренды и дарить людям чувство прекрасного.

– Даже деревенщинам?

– Если руки не распускают, то да.

– Метишь в новую богему?

– Конечно. Ты только представь: за окном особняка, прямо на лужайке, целое море поклонников, которые безудержно тебя хотят, а ты только показываешь пальцем на того, кто тебе приглянулся, и он тут же ложится к твоим ногам, гото-

вый облизывать пяточки. – Мика невинно взглянула на Ю. – Да шучу я! Изобилие обесценивает вкус. На самом деле, мне хочется расти для единственного, пусть даже не самого лучшего, но преданного. Постоянно подогревать страсть – настоящий вызов. Представляешь, как повысится самооценка, если мужчина останется с тобой и даже не подумает о побеге? Я всем покажу, какой хорошей любовницей, женой и подругой можно быть; даже на синхронизацию желаний подпишусь, если её снова разрешат.

Процедура синхронизации включала установку чипов в кортекс, которые считывали и дублировали в сознание эмоции любимого, но не до конца понятного человека. Юки была против искусственного усиления эмпатии и возбуждения нервной системы по сигналу. Конечно, понимание партнёра выходило на уровень интуиции, но это часто отвлекало от важных, не связанных с отношениями, забот.

– Заставлять организм постоянно реагировать на чужие чувства психологически выматывает.

– Всё равно штука прикольная. Знаешь, чего хочет мужчина.

– Если синхронизация показывала, что партнёр не счастлив в постели, у многих начиналась паранойя. Никому не охота жить с предчувствием измены.

– Так хотя бы есть шанс превратить неминуемое в минуемое. – Мика откинулась на кресле, приняв почти лежащее положение, как на приёме психолога. – С другой стороны, за-

висимость от технологий действительно может сыграть злую шутку.

– В эпоху соцсетей людей перебирали, как коллекционные карточки, а отношения напоминали парк развлечений, где ты переходил от одного аттракциона к другому. Это вело к куче ментальных проблем.

– Кажется, в то время личный психолог был у каждого психолога. – Мика злорадно улыбнулась. – И всё равно семьи как-то появлялись.

– Наступает возраст, когда аттракционы надоедают, и начинаешь радоваться простому домашнему уюту, а партнёр становится чем-то вроде любимой кофточки.

– Обожаю свои старые кофточки, – обворожительные глазки невольно заискрились. – Не удивительно, что в итоге тренды изменились. В какой-то момент лидеры мнений стали топить за взаимоуважение, скромность и самоотдачу. Впрочем, даже без чужого мнения было понятно, что обществу пора меняться. Ты ведь помнишь, что творилось в модной индустрии в нулевых?

– О да, – протянула Ю. – Хакерская атака на борт «DNA Models», локальный джихад конкурсу красоты в Йемене и прочие акты устрашения. Прайд шоу-бизнеса умирал под напором браконьеров.

– А акции «защитников природы» поползли вверх. – Мика уже окосела и, закинув руки за голову, вспоминала давно минувшую историю. – Кто-то считает, что террористов спон-

сировали именно корпорации, которые занимались обеспечением безопасности, логистикой и прочими вещами, чтобы дискредитировать менее опытных конкурентов и набрать себе очков. Сколько же мелких перспективных фирмочек не выдержало массовой истерики… Банкротов тогда кушали вместо орешков.

– Пищевая цепь в реалиях бизнеса недалеко ушла от африканской степи.

– Механизмы рынка в лучших своих проявлениях… Зато как сработал естественный отбор, ведь индустрии потребовались не только самые красивые, умные или богатые, но самые…

– Смелые.

– С языка сняла. Деньги не всегда спасали, особенно от попадания в мешок, так что, не имея характера, ждёт тебя бессонная ночь, стопка хреновых фото и разгромное интервью. Короче, побеждали те, кто умел сохранять хладнокровие. Мужики рисковали только финансами, женщины ставили на кон всё.

Ю закатила глаза, поражаясь, как ловко подружка свернула к женскому превосходству. Мика, поймав волну, продолжала:

– Мы показывали, что мы не просто игрушки. Мы научились проявлять характер, выстраивать надёжное окружение и идти напролом. Недостаточно иметь только красивую мордашку. Нужен комплекс.

– Ага. Ракетный.

– Давай без бородатых шуток. – Она устремила на ронина полный обожания взгляд. – Красота всегда была многогранной, и если пользуешься только одной её стороной, то быстро вылетишь из инфополя. Шлюхам приходилось изучать Иеронима Босха, а тихоням – как правильно прикусывать дужки очков. В обоих случаях результат был сравним с извержением Везувия.

Юки удивилась такому ходу мыслей. Очень недурно для семнадцатилетней извращенки.

– Мне всегда хотелось попробовать себя в шоу-бизнесе, – мечтательно проговорила Мика. – Я бы задала жару. С таким широким кругозором, харизмой и внешностью – это вообще не проблема.

– Если так судить, у меня тоже неплохие шансы.

Мика одобрительно кивнула, приложилась к дорогому пойлу и, мечтательно взглянув на потолок, исполнила три безупречных глотка.

– Ты стала бы шикарным примером женского потенциала: выходила бы к жадной толпе, пускающей слюни, с гордо поднятой головой, держала бы под юбкой заряженный «кольт», играючи отражала бы каверзные вопросы и вставляла конкуренткам палки в колёса. Красота, смелость и мозги – всё в комплексе, как и должно быть в каждой из нас. Не слишком идеализирую? Нет? Не представляю, что может вывести тебя из равновесия. – Она задумалась. – Тогда ведь победила де-

вушка из Израиля – сколько под неё ни копали, она оставалась на высоте. Знали бы плохие парни, с кем имеют дело…

– Никто не думал, что манекенщица окажется агентом «Моссада». Приманка, которую прикрывают военные спутники и лучшие контрразведчики – это серьёзно.

– Жаль, что заказчики вышли сухими из воды. Вбросы голосов, кибератаки, шантаж и физические воздействия… Слишком много криминала вокруг бриллиантовой короны и ленточки «Мисс мира».

– Люди – слишком прибыльный товар.

– К счастью, этот «товар» способен накостылять, – улыбнулась Мика. – Если бы каждый из нас в душе был агентом «Моссада», то в мире царило полное взаимоуважение.

– Мысль интересная, – произнесла Ю.

– Но всё равно не понимаю, как можно ради прибыли сбить пассажирский лайнер?

– Возможно, дело не только в деньгах, но и в новых ощущениях. Люди любят то, отчего разгоняется их сердечко.

– Ничего не сравнится с сексуальным оргазмом. Мои пальчики так и тянет куда не попадя, хоть на стены лезь. – Повисла глубокая пауза. – А знаешь, я вообще могла родиться с другим набором хромосом. Передо мной родилось трое парней, так что ещё один был попросту не нужен.

– Никто никому пол не менял. Мы таким не занимаемся.

– Вот откуда тебе знать? В лазарете умеют заметать следы.

– В этом просто нет смысла.

– Уверена? Посмотри, как удачно на «Токио» появляются новые семьи. Ни разу не слышала, чтобы подряд родилось четыре ребёнка одного пола. Тебе вот повезло, перед тобой были шашечки из девочек и мальчиков, так что ты родилась той, кем планировала светлейшая богиня Аматэрасу. Но что, если шашечки были созданы искусственно в преддверии внучки старшего инженера?

– Это догадки, – протестовала Юки.

– То есть тебе не кажется странным, что мы полвека прожили на воде, да ещё в относительном комфорте? Наш корабль, наверное, совершеннее большинства мегаполисов. Не удивлюсь, если «Токио» – какой-то проект автономного общества.

– Даже если так, изменение пола запрещено во всём цивилизованном мире. Ты же не пытаешься обвинить Кэзуки в том, за что обычно платят репутацией?

– Я просто… – Мика поёжилась, точно оказалась в водах Антарктики, стоя голышом на палубе. – Мне кажется, что вся эта повёрнутость на сексе осталась от плохо подчищенного генетического кода, а родители мне чего-то недоговаривают.

В её чувственном, безобидном взгляде ощущалась тревога. Она отвела глаза, безучастно рассматривая рукава мешковатого худи.

– Ты переоцениваешь влияние генов на личность, а вообще, сейчас у тебя стандартный период полового созревания:

ты хочешь секса не потому, что у тебя покопались в хромосомах, а потому что эволюция зовёт тебя продолжать род. Тебе хочется крепких отношений, детей…

– Вот детей-то я как раз не хочу, – отрезала Мика, – это же мгновенная потеря свободного времени, и удар по фигуре, и гормональные всплески… Нет, я просто хочу секса, круглыми днями, как обычный парень с вечными прыщами и стояком.

– Тут я бессильна. Впрочем, меня ни капли не удивляют девушки, которые хотят трахаться сутками напролёт. Так что ты явно преувеличиваешь проблему.

Мика, серьёзно кивнув, ненадолго умолкла, жалея, что выплеснула свои переживания. Допив остатки вина, перевернула бутыль, всматриваясь в горлышко, как в подзорную трубу. На нём набухла сочная красная капля. Девушка позволила ей упасть на парту, чтоб бесследно раствориться на киберглассовой поверхности.

– Серьёзно, если встретишь Кэзуки-сана, спроси у него про моё рождение.

– Если вспомнит. Некоторые аспекты своей работы ему нет смысла держать в уме. – Затем Юки, словно про себя, добавила: – Или если жив…

– Да что с ним сделается? – Мика, легко вынув вторую пробку, отъехала в кресле, локтем уперевшись в заднюю парту. – Кэзуки-сан работал в Китае, Европе и вот теперь шагает через Штаты. Уверена, ему хватит опыта, чтоб выйти сухим

из воды.

– Он стареет.

– В сто пятьдесят его можно будет назвать стариком, только не сейчас. Беспокойся лучше за свою задницу – на неё будут слюнки пускать.

– Ага, пускай.

Мика пристально на неё посмотрела:

– Почему ты такая спокойная?

– Потому что привыкла решать проблемы по мере их поступления. Если мой поход ограничится обычной слежкой, буду только рада.

– Тебя ведь Чайнатаун попросили проверить?

– В том числе.

– А кто заказал разведку?

– Укун.

– Долго дедок терпел.

– Ему нужно усилить позиции перед выборами. – Будничный тон безжалостно ломал драматизм. – На Укуна давят приемники.

– Получается, ты орудие правительства?

– Походу, да, – хищно улыбнулась Ю. – Вообще, будь твой папа моложе, он бы снова вышел на Путь. К счастью, наступила эпоха новых самураев… А ещё мне хочется узнать, что стало с Флинтом. Когда я маленькая была, он меня фокусам учил.

– Я его помню. На Гавайях было весело. Мне говорили,

что Флинт тайно передавал информацию Шанхаю.

– Ага, только ничего важного о континенте так и не узнал. Просто сидел в Чайнатауне и работал на производстве медикаментов. А за год до нападения им всем запретили выезд.

– Подозрительно.

– Вот и в Шанхае думают так же. – вполголоса произнесла Юки. – Надеюсь, Флинт выжил. Интересно, узнаю ли я его спустя столько лет?

– Мне кажется, взрослые не меняются, только пузики отращивают. – Она вздохнула, думая об отце. – Куро-сан тоже. Ушел с головой в бонсай… Нечего ему шастать по чужим дворам. Никуда его больше не отпущу. – Мика с нежностью обхватила собственные плечи. Она хотела, чтоб все мужчины были похожи на ее папу: он никогда не запрещал ей делать глупости или задавать неудобные вопросы.

Повисла органичная пауза. Юки сидела на полу, вытянув ноги, Мика бесцельно шевелила ступнями, не стараясь прикрыть голые бёдра, упирая дно бутылки в тренированный, твердый, как кирпич, живот.

– Почему его нет десять лет? – неожиданно спросила она. – И Харуны-тян, кстати, тоже.

– Тринадцать, – тихо поправила Ю. – Дедушка трудился над чем-то масштабным, и ты даже не представляешь, насколько сильно я хочу увидеть материалы работы.

– О чём там? – спросила Мика для галочки, надеясь не захлебнуться в научных тезисах.

– Какая-то манипуляция с метафизикой. Сенсация, вроде бозона Хиггса или гравитационных волн. Короче, научный прорыв.

Мика отметила, что звучало это действительно как идея, достойная борьбы.

– Инопланетян ищут? – дурачилась подруга.

– Ага, тех самых, что глазеют на твои голые бёдра через кротовые норы.

Мика подтянула кофту.

– А если твой дед изобретает средство для мужчин и пробует его на себе? – она снизошла до шёпота. – А к Касуми не возвращается, потому что средство действует?

– Я даже представлять этого не хочу. – Ю покачала головой, принимая из протянутой руки подруги почти добитую бутыль. – Знаешь что?

– А?

– Мне необходимо спеть.

– Облизнёшь микрофон на память? Пожалуйста!

– Поехавшая Ми не понимает, что несёт. – Ю, слегка зажавшись, уставилась на неё, в совершенно счастливую, родную мордашку, но ничего облизывать, естественно, не собиралась.

Чем меньше оставалось вина, тем прямее Мика намекала, что хочет заполучить из похода. В конце концов, она перешла на обсуждения пирожных и бисквитов, и того, что высшее благо – это генная инженерия, которая позволяет ей

сколько угодно кушать, не набирая лишних килограммов. Юки внимала ей, улавливала все ее восторги и совсем не хотела останавливать, но когда бутылка опустела, Мика лишь огорчённо ею потрясла и, спрятав под худи, потащилась с подругой до бака переработки.

При их появлении оживлённость скакнула на максимум. На небольшом подиуме дожимал вторую октаву пятнадцатилетний Тошиэки и, завидев вошедших подружек, качнулся вбок треснувшей в ураган грот-мачтой. Любимый исполнитель желаний Мики, Ичиро «Хаси», крепенький скромный парень, подскочил, чтоб не дать упасть другу с микрофоном, но тот устоял, скорчив самую приветливую рожицу, трубя из всех динамиков, отыгрывая шоумена:

– Богини этого корабля! Сирены Тихого океана! Валькирии… Вы что, нахреначились?

Оболтус Тошиэки мог тараторить без умолку, особенно, если видел особь женского пола. Забыв про песню и микрофон, по комнате проплывала финальная партия популярного в Японии рок-мотива. Помимо двух парней, присутствие скрашивала двенадцатилетняя Нэоко, настолько обожавшая караоке, что могла затесаться в абсолютно неканоничную компанию.

– Мика, походу, нарезалась, – укоризненно заметил Хаси, – а Юки, походу, никогда не пьянеет.

– В чём твой секрет, о прекраснейшая из муз? У тебя же

все органы биологические, а «битлы», насколько я знаю, этанол не блокируют, – оболтус продолжал вещать с подиума, намереваясь, похоже, поднять на уши весь «Токио». Мелкая миловидная Нэоко протягивала к нему руку, требуя микрофон.

– Хрен знает, – спокойно ответила Ю, – метаболизм, укрепление белковой структуры. У меня отличные медицинские данные. Давай лучше не будем об этом – гораздо веселее, когда от субстанций тебя как следует накрывает.

– Точняк, подруга. – Мика приобняла её одной рукой и упёрлась носом в щёку. Юки спокойно ожидала, когда её отпустят. После хмельного чмока, Мика, без церемоний, пристроилась на диване, опустив голову на колени Хаси. В турмалиновом освещении её мутило, потому она прикрылась локтем, выказывая великие страдания.

– Тебе идёт платье. – Тоши оперативно подсел к Ю. Он не прижимался вплотную, чтоб не схлопотать крепкий тычок под дых, или куда-нибудь пониже. – В нём ты выглядишь… Непривычно.

– Предпочитаешь меня в поварском кителе?

– В любом наряде, лишь бы видеть на расстоянии касания.

– Осади мелкого прилипалу! – не глядя заявила Мика, поражаясь её стойкости.

– А что, мне нравится. Я пью комплименты, как молочко.

Табло возникло перед Нэоко, появился перечень песен, и маленькие пальчики начали листать его с клочковатой нер-

вознostью. Любимых композиций была уйма, но как же девочка жалела, что не могла исполнить все их разом. Когда её хрустальный голосок разлился по стенам, то все некоторое время сидели, заворожённые безупречным дискантом, а затем Тоши, дождавшись «окошка» между куплетом и припевом, наклонился к Ю, чтоб сказать прямо в ухо:

– Что ты задумала?

– Приготовила самодельные открыточки, – последовал уклончивый ответ. Юки наклонялась ближе, что заставило Мику посмотреть на них с нарисовавшимся вопросом. Как и положено в таких случаях, приватную болтовню приняли за любовные перешёптывания, и в меньшей степени за желание сохранить тайну. Тоши задорно тараторил, отлавливая паузы в исполняемой песенке.

– Что ты имеешь в виду под «открыточками»? Корабль останется на плаву?

– Во всяком случае, до моего отбытия.

– Очень надеюсь на пенную вечеринку.

– Мог бы раньше подкинуть идею.

– Я просто хочу угадать. Давай же, колись.

– Это сюрприз.

– Юки-сан, не рви мне сердце интригами.

Девушка лишь бросила в него взор издевательской жалости.

– Тебе придётся спеть, чтобы заглушить мою душевную боль! – сокрушался парень, провозгласив требование на по-

теху толпе.

Девчушка с бархатным голосом, не отрываясь от куплета, взглянула на ронина, с неохотой готовясь к отстыковке микрофона.

– Спою, – пообещала Юки, – если Нэоко разрешит.

Нэоко жестом показала «О'кей».

Тошиэки шаркнул рукой по спинке дивана, с трудом останавливая себя от решительных действий.

– Давай-давай, обними её и получишь по яйчишкам! – возмущалась Мика, сбив пение и вызвав всеобщий хохот.

– Нагата, это жестоко! – воскликнул парень, во всех красках вообразив вышеупомянутый удар.

Мика, как потянувшаяся на коленях хозяина кошка, открывающая живот для почёсывания, вызывающе глядела с коленок Хаси на перевёрнутого Тошиэки. Ей не нравилось, когда её называли по фамилии. Нагата Мика. Такое грубое звучание приходилось компенсировать по полной.

Наконец, музыка смолкла, и Нэоко рассталась с микрофоном. Сделав простой жест, ронин вызвал список.

– Так-с, что я буду петь?

– Давай этих… «Pillows», только веселое, – предложил Хаси.

– Нет, их приберегу для важного момента. Начну, пожалуй, с классики.

– Двухтысячные, зуб даю, – предположил Тошиэки, практически попав в точку.

Зазвучала минорная гитара, на экране высветился «Wonderwall». Мика елозила на коленях Хаси, настраивая ушки, остальные беззаботно наблюдали, как Ю прочищает горло, напрягается перед вступлением и отдаёт, наконец, частичку себя.

С упоением они слушали, как в мир возвращается старая добрая Англия. Это была песня мужчины, который грустил. Мужчины часто поют, когда грустят, Юки же пела по-другому, без грусти, подталкивая своего лирического героя к самой хорошей развязке. Её друзья обратились в слух и, не отдавая себе отчёта, делали предположения, кому же всё-таки адресован сей интимный текст. Всем понемногу – это без вопросов, но всегда имеется главный получатель.

– Можешь ведь, когда захочешь! – хвалила её Мика, едва смолк финальный аккорд.

– Юки-сан поёт, как соловей, – протянула с любовной завистью Нэоко.

– Генетика, – лаконично предположил Хаси.

– Да это её Аяко научила. Или Син, – усмехнулся Тошиэки по самые уши.

– Талантливый человек хреново не поёт, – хвасталась Юки, заслуженно откидываясь на диване. – Какие планы на день?

Нэоко, которая уже готовилась исполнять что-то медленное из прогрессивного африканского блюза, деловито потрясла перед собой микрофоном, чем всё объяснила.

– Сначала обожрусь, а потом прикоснусь к прекрасному. – Рука Тошиэки оставалась на месте. Юки была невероятно близка.

– А мы что будем делать? – прижимаясь щекой к животу Хаси, спросила Мика.

– Всё, что захочешь…

– Ничего себе! – воскликнул оболтус. – Ты научила его правильно отвечать!

Мика расцвела от понимания того, какая же она всё-таки умница.

– Давай в кино сходим, – предложила она. – Там темно.

– Я не против, – поддержал Хаси, поглаживая любимую по лбу. – С полудня марафон вестернов.

Когда Нэоко закончила, Хаси принялся искать по тегам очередную песню о любви, чем тронул Мику до глубины её развратной души, и она наслаждалась заслуженным вниманием, довольная, как слон.

Они пели, разбиваясь на дуэты, совершенно забыв о времени. Сменялись эпохи, надрывались голоса, барьеры рушились, и разговор встал на рельсы. Наконец, всем им пришло напоминание, что скоро будет банкет. Кто не успеет пообедать, сможет забрать с собой бэнто, потому что после двенадцати столовая станет кинотеатром, где хрустеть разрешают только попкорном.

– Пойдёмте, поедим, – предлагала Юки, мечтавшая после вина о лёгком перекусе.

– Гордон нас накрывать заставит. – Тошиэки быстрее всех предсказал будущее.

– Ну и сидите тут без нас, – в шутку бурчала Мика, обещавшая быть с подругой «пока не приспичит».

– Тогда до вечера, – помахала на прощание Ю. Ей хотелось побыстрее поймать третьего мушкетёра.

Выйдя, Мика оперлась рукой на стену и, возвращая равновесие, волнительно произнесла:

– Ичиро-кун для меня спел, ты видела? «Оазис» ведь тоже для меня был?

– Мечтай, – рассмеялась Ю. – Для Рины. За то, что старается ради нас на камбузе.

– Она оценит. Кажется, у Рины развивается депрессия: она считает, что ни на что не способна, и тут виновата ты.

– С чего вдруг?

– С того, что ты образец для подражания. За что не берёшься, всё у тебя получается.

– Не всё.

– Ну да, с половой жизнью у тебя правда проблемы.

– Э-эй.

– Зато в остальном ты лучшая.

– Рина лучше играет на гитаре.

– Она потратила на инструмент всю жизнь, чтобы хоть чем-то превзойти нашего любимчика, но в общем медальном зачёте ты её затмеваешь. Обязательно поговори с ней с глазу на глаз. На камбуз нас не пустят, наверное.

– Сто пудов, – согласился Джей. – Гордон не любит, когда виновники торжества работают.

– Я вообще ни разу не виновница. К тому же, мы не работать идём. – Мика искала будущие доводы. – И я бы не отказалась хлебнуть морса прямо из кастрюльки.

– А я не против схавать дюжину дайфуку. Прощальная вечеринка без них никуда не годится.

Гордон расставлял в витрине разную выпечку, сверяясь с показаниями температуры и влажности. Его жена Шарлиз, романтичная француженка по отцу и сногсшибательная кореянка по матери, маячила в кухонном окне, суетясь с салатами, попутно заглядывая в жарочный шкаф. Шеф задорно бубнил под нос шанти, что было для него несвойственно: видимо, мелодия прицепилась, как это обычно бывает с любым повторяющимся мотивчиком. Заняв себя этим, он абстрагировался от происходящего вокруг, отвлекаемый лишь внешним видом свежего печенья, молочных булочек да мельтешением на кухне.

Что мы сделаем с пьяным матросом,

Что мы сделаем с пьяным матросом,

Что мы сделаем с пьяным матросом…

Девушки подошли к нему, затенив витрину.

– С утренней зарё-ёю? – с мальчишеским воодушевлением закончил кок первый куплет. Набирая в плетеную корзинку паровые булки, он педантично укрыл их салфеткой и

живенько оглядел двоих подружек.

– Вот и нашлись бурдюки с моим не самым лучшим винишком. Мне даже малость обидно, что ни одна из вас не разбирается в алкоголе. Застань вы моего папу, он бы лекцию задвинул. Первое в жизни, что я от него услышал, было: «подавай белое вино к белому мясу, а красное…»

– К красному, – Мика сыграла на опережение.

– В яблочко, – Гордон уважительно рассматривал девушку. Было в его похвале что-то по-настоящему бесценное. – Так что без хорошей закуски ваши алкогольные посиделки можно считать кощунством.

– Простите нас, боги вина и разврата! – Мика посмотрела наверх, посылая молитвенный сигнал.

– Аминь, – подхватила эстафету Юки, уставившись туда же. Гордон тоже воздел очи горе. Подождав секунду-другую, он, наконец, изрёк:

– Нас не поразил ни ливень из кипящего прогорклого масла, ни ожирение третьей степени, значит, ваш грех прощён.

Шеф изобразил серьёзность, но лучики морщинок в уголках неустающих глаз выдавали обратное. Вручив Мике две корзинки воздушных булок, он кивком указал на обеденный зал.

– Поставь, где свободно. Потом с этими то же самое, – теперь он кивнул на витрину, трещащую от сладостей.

– Мы к Рине вообще-то, – сказала Мика, унося еду в зал.

– Она просила не отвлекать, – строго заявил Гордон и

дождался, когда его новоиспечённая работница вернется, – Рина сосредоточена на «Шарлотках». Это, кстати, отличный способ самовыражения.

– Говорю же, она преисполнена стремлений, – громко шепнула Мика.

Гордон, бросив взор на запястье, в очередной раз сверился с таймерами.

– Расставляйте, лучше, еду – у нас десять минут, а потом начнётся. Персональное меню, между прочим. Кому-то подавай рамэн с говядиной, кому-то сладкую курицу. Что там у вас? – Он зажег экран над раздачей, сверяясь со списком. – Развратной Ми полагается угорь в пряном соусе, а Юки заказала… хм… Лосось, маринованный в песто с веточками тимьяна. Знала, как тяжело достать свежую зелень? – Снова притворный укор: Гордон кайфовал от подготовки банкета.

– Терияки! – крикнула с кухни Шарлиз и в нише появилась пятилитровая кастрюлька с соусом, по каёмке которой шаркнул утопленный черпачок. Гордон поставил её перед Микой, затем пододвинул разнос с кучкой пиал: «Наполни и убери под витрину».

По консистенции и цвету терияки напоминал клубничный топпинг, но аромат он издавал самый что ни на есть овощной: морковка, лук, имбирь – всё опалялось до тёмной, горелой корки и закидывалось в закипающую винно-соево-мириновую жидкость. Мика брала соусники и наполняла их, покуда Гордон всеми правдами и неправдами отговаривал ро-

нина появляться на кухне. Когда Мика хлебнула соус прямо из черпака, он издал полный изумления возглас:

– Что дальше? Яблочный уксус?!

– Только если всё остальное закончится. У нас же вечеринка, Игараси-сан. Напиться сегодня – наша священная обязанность. – Язык девушки заплетался, но мысль она родила правильную. Между тем в столовую подтягивались первые токийцы в очень эффектных нарядах – они не только подчёркивали характер, но и значительно сбивали возраст. Юки в платье-майке тоже было не узнать: она становилась слишком женственной, а это совсем не то чувство, которое она вызывала с самого своего рождения.

– Салат из свежих овощей готов! – кричала Шарлиз, выдав французское воспитание ударением на последние гласные.

– Как аппетитно выглядит – остаётся только заправить, – подытожил Гордон. – Мне стоит опасаться за своего сына сегодня?

– Приличные девушки не способны творить неприличные вещи. – Мика хлопала сангиновыми ресничками, не давая повода усомниться в чистоте своих помыслов.

– А я собиралась прятаться, – сказала Ю.

– Видимо, не только от Ника. Я тоже не люблю находиться в центре внимания. – Кок передал паре подошедших рыбаков два фарфоровых блюда, полных еды, затем вернулся к разговору: – Как думаешь, почему парней тянет на таких вредин?

– Потому что они готовят вкуснее всех на свете.

– Чёрта с два, – спокойно ответил кок. – Просто с тобой не соскучишься. Эдакий маленький баламут.

– Баламут… – повторила Мика, включив словечко в обиход.

– Просто пытаюсь разбавить однообразие. Даже сенсей меньше стал шутить – постоянно торчит на носу, да смотрит вдаль. Я за дежурными беседами натурально могу свихнуться. – Она посмотрела за плечо Гордона. Его сын молнией вспыхнул в окне. – Ник что-то носится, как угорелый.

– Украшает пирожные. Малина, брусника, взбитые сливки. А всё из-за того, что одна девчонка, сама того не желая, вскружила ему голову.

– Просто парни очень влюбчивые. – Мика продолжила череду безошибочных выводов.

– И в голове у них только клубничка и взбитые сливки. – Юки расхохоталась, как дурында, и снова собрала серьёзность в кулак. Гордон сдвинул хатимаки, почёсывая лоб.

– Ты производишь впечатление, особенно без рабочей формы.

– В смысле, «без»? – втиснулась Мика. – Вы её голой представляете, Игараси-сан?

Гордон только отмахнулся, а Юки разгладила складочки ткани на животе.

– Кэтсеро-сан говорит, что я в платье – к дождю.

– К чистому дождю, – подмигнул Гордон. – Тебе стоит

почаще надевать что-нибудь особенное. За этой работой мы не успеваем покрасоваться, а уж тебе вообще не везёт: то на тренировке, то на камбузе – как тут почувствуешь себя девушкой?

– Меня всё устраивает, – искренне ответила она, – и меня прёт от такой жизни. Не думаю, что окажись в прошлом, смогла бы жить как-то по-другому.

– Тогда жизнь была довольно странной. Они даже еду фотографировали… – с лёгким отвращением припомнила подруга. – Серьёзно, там столько снимков переваренных макарон…

– Я бы не хотела быть одной из таких, – снова обращалась Юки к Гордону. – Мне нравится самовыражаться в движении. Хвастаться тем, что ты ешь – это убого.

– Девушка не должна фотографировать жрачку, – напирала Мика, строго кивая. – Еду можно снимать в единственном случае – если сама её готовишь. Тогда претензий нет.

Гордон, поражённый смышлёностью двух подружек, хотел парировать, что фотография в целом довольно сложна, и что плохой снимок – это шаг к снимку идеальному, но промолчал. Сам он запечатлял для потомков свои кулинарные изыскания, педантично выбирая правильный ракурс и выставляя идеальную экспозицию, заполняя бездонные склады памяти своего ПМК.

Как подошел Син, они не слышали. Гордон видел, но вида не подал. Сенсей пророкотал в присущей ему буддистской

манере:

– Какого нам сегодня ждать подвоха?

Юки повернулась, безудержно радуясь сенсею.

– Конечно же, никакого. Сегодня я настроилась отдыхать.

– Целая неделя труда ради парочки выходных. Вот что действительно со временем не меняется. – Сенсей облокотился на раздачу, оценил аппетитный ассортимент и обратился к шефу:

– Ты участвуешь в «мероприятии»?

– Пожалуй, нет. Мы с Шарлиз задумали романтический ужин.

– Я даже знаю, чем всё закончится, – шепнула Мика с придыханием.

– Ну дык я ещё не совсем старый, – Гордон явно скромничал: на правильном питании и препаратах до старости ему оставалось как до Андромеды.

Син повернулся к Ю.

– А ты идешь?

– Да. У меня созрел один каверзный вопрос.

– Всего один? – Син прям напрашивался. – Он поставит сенсея в щекотливое положение?

– Поставит, – твердо ответила девушка. – Нужно отыграться за тот раз.

– А что было в тот раз? – спросил кок.

– Была уйма неудобств, – сказал сенсей. – А Ю вылетела четвёртой из… Сколько нас было? Из девяти человек. Еле

свалилась с трёх литров сакэ.

– О тебе узнали что-то интересное? – Гордон наклонился к ней, не ожидая ответа, но она всё же ответила:

– Про воровство стимуляторов и взлом корабельных систем.

– Серьезное дело, – задумчивым тенором протянул кок. – Мы в юности в «правду или действие играли», там хоть можно не выкладывать всю подноготную.

– Там и не напьешься, – заметил Син, – а у нас всё по-взрослому.

И прежде чем Юки успела вставить свои пять копеек, её окликнули, оборвав на полуслове. «Вот конвейер пожеланий и заработал», – возникла отложенная с утра мысль. В ближайшие часы ей нагрузят целые самосвалы «скорейшего возвращения» и «всяческих благ», а она не посмеет ответить сарказмом. Сегодня она превратится в ронина, который умеет держать эмоции на коротком поводке и который будет, обязательно будет, скучать. Сегодня все это увидят.

Мика ушла вздремнуть, пристроившись рядом с пуншем и, уперевшись лбом в скатерть, как будто задремала. Раз уж всё внимание отдавалось не ей, то не было особой нужды показывать свой безупречный характер. Знакомые голоса набегали приливами, пахло свежей выпечкой и чесночным рисом, приправами и овощами, косметикой, эфирными маслами, теплотой людских тел и постиранной одеждой. Син, обойдя раздачу, болтал через окошко с Шарлиз, изредка по-

глядывая на Юки. Её напутствовали быстро, потому что знали, как ей неловко от такого количества внимания. Это был очень душевный блиц. Маэда подошел немного позже, когда виновница торжества, наконец усевшись, взялась за пряный лосось, рядом с которым возвышалась пирамидка жареного риса, и обыкновенно ее поприветствовал. Ю уколола Мику локтем. Та неохотно разлепила глаза, распрямляя свой гордый стан.

– Ура капитану, – умирающе просипела девушка.

– Экипаж хвали – я просто задаю курс. – Маэда, выдержав эффектную паузу, переключился на ронина. – Как настрой?

– Оптимистично. Что бы ни творилось на суше, мне хочется во всём разобраться.

– Уверен, ты идеально впишешься в роль разведчика.

Токийцы заметно притихли, надеясь выловить из этой беседы какие-нибудь новые факты.

– Там опасно? – спросила Мика сонно.

– Помехи, вертушки, технокультисты. В восемьдесят седьмом засекли мощную взрывную волну, – Маэда невольно представил ядерный гриб, морща лоб, – так что без дела «Вертикаль» явно не сидит. Одному Богу известно, какие у них производственные мощности и планы на будущее, но с энергоснабжением проблем точно быть не должно. Не удивлюсь, если пустыня близ Лас-Вегаса утыкана солнечными батареями – и дёшево, и можно не особо заморачиваться с обслуживанием. Чего-чего, а солнца там навалом. Ещё бы

оно рак не вызывало.

– Вот поэтому Ю не любит загорать, – отметила подруга. – Хорошо, что барьеры нашего кораблика фильтруют ультрафиолет.

– Ага, – согласился ронин.

– Что означает твоё «ага»? – спросил подсаживающийся Син. На его тарелке громоздилась двойная порция греческого салата. Мяса учитель не ел.

– «Ага» означает согласие.

– Надеюсь, Хиро уговорил тебя дождаться совершеннолетия, – сыронизировал сенсей. – Всё-таки между шестнадцатью и восемнадцатью – целая жизнь.

Син не то чтобы беспокоился, но в последнее время он много думал о Пути. Возможно, Ю не до конца научилась взвешивать риски, даром что готовилась тринадцать лет. Однажды в симуляции она сказала ему: «Поставьте против меня сотню таких же бойцов, как вы», и Син послушался. Естественно, её «пристрелили» на двадцатой секунде. Тогда она надулась и не разговаривала с ним три часа. Сказать, что после того случая она усилила тренировки – ничего не сказать. Сгенерированных противников Юки начала уважать, увидев, что навыки, продиктованные программным кодом, ненамного хуже человеческой интуиции. Она стала серьезнее относиться к советам сенсея, начала больше акцентироваться на своих слабых местах, а он закидывал в её операционную систему запредельно наглые многоходовки. Год на-

зад она снова попросила поставить против неё сотню высококлассных бойцов, на что мастер снова дал согласие. Тогда она уложила двадцать две модели, прежде чем её «застрелили» в затылок. Двадцать два виртуальных болванчика, действующих на уровне бойцов спецназа, безошибочных и сплочённых. В любом случае, Юки показала зубы. Та кровавая баня могла ужаснуть последнего маньяка, самолично свежевавшего плоть, а она жила в том бою, плавала в своей среде, разделываясь с цифровыми противниками так, что аплодировать хотелось. Вот эта самоуверенность и волновала старого мастера. Это желание доказать самой себе, что пределы преодолимы. В реальности не будет перезагрузки, как не будет хлесткого удара прутом или электрического разряда, и захватывать конечности в парализующие тиски будет отнюдь не силовое поле. Будет настоящая физическая боль, и если за ней последует переосмысление, значит, учитель из него получился неважный. «Пусть её минует пуля, – молился Син. – Пусть ей не придётся по-настоящему переживать то, что уже было пройдено в симуляциях».

– Зря вы так за меня переживаете, – сказал ронин.

– Вообще, перед выходом лучше не пить, – нравоучительно произнёс Син, хотя закатывал попойки с каждым, кто отправлялся на Путь.

– Так вы с утра пораньше начали? – сообразил вдруг Маэда, увидев в Мике ответ на собственный вопрос.

– Мы же чуть-чуть. К тому же, этанол отлично выводит-

ся детоксикаторами… Меня ничего не остановит. Я алгоритмична в любом состоянии, Хиро-сама.

– Всё со своими умными словечками, – сказал кэп. – Просто постарайся пить в меру. Это полезнее любых оберегов.

– Талисманы тоже способны защитить. – подошедший Куро в кимоно блистал полуоткрытой грудью. – Вера в высшие силы может придать уверенности. Помню, в детстве, дождь неделю хлестал по нашему городку, и решил я смастерить тэру-тэру-бодзу…

Мика, которая уже сто раз слышала эту историю, не отрываясь щекой от стола, под шумок взяла у Юки палочки для еды и с каким-то воодушевлением воткнула их в горочку риса. Они встали, как клинок в могильную насыпь. Куро поперхнулся слюной. Весь стол, кроме Юки, уставился на Мику.

– Чокнутая, – сказал Маэда.

– Серьезное заявление! – добавил один из рыбаков.

– Проверим, сработает ли суеверие, – донеслось от Ёдзи с другого конца лавки.

Юки взяла палочки как ни в чём не бывало, подцепила комок риса и с удовольствием проглотила:

– Ну не ругайте глупенькую Ми, я ведь верю только в судьбу.

– Я не глупенькая, я дерзкая! – крикнула Мика и взялась за голову. – О-ох, лучше налейте падшему ангелу чего-нибудь освежающего.

Куро поставил перед дочкой стакан пунша, строго погрозив пальцем. Она ответила жалостливым взглядом подстреленной лани.

Шарлиз поставила на стол кувшин сакэ, словно точку в написанном диктанте.

– Приходи на игру, Маэда. – Син тут же поймал на себе нравоучительный взгляд капитана.

– Чего я там не видел? Якудза по-другому развлекаются.

– Есть что скрывать, да? – лениво пролепетала Мика, не отрываясь от скатерти. – Я тоже поэтому не играю.

– Там будет твой папа, – заметил Син. – Можешь многое о нём узнать.

Куро надменно пил пунш.

– Я всё о нем знаю, мы же живем в одной комнате. У нас очень традиционная семья.

– Знаем мы эти антипуританские традиции, – повёл бровью Син.

Мика поспешила спрятаться за стаканчиком пунша: до восьми лет она спокойно принимала сауну вместе с папой. Куро, однако, ничему не смутился, даже вида не подал, что слушает. «Это обычные вещи, – думал самурай, – которые только гайдзину могут показаться странностью, но это, как водится, проблема гайдзина».

А потом Мика отлипла от стола, разделалась с угрём и забрала у всех посуду.

Кабуки существовал в собственном кабучном пространстве. Цветовой контраст разделил пространство сцены на два мира: под концентрированным искусственным светом – декорации затерянного в глуши рёкана, выглядывающего на ухоженный сад, на тёмной стороне – непролазный голографический лес в эктоплазматическом тумане, тянущий уродливые скрюченные ветви к одинокой ночлежке. Вместо специальных ячеек, в которых несколько столетий назад рассаживались зрители, пол застилал обычный татами, зато актеры и инструменты были самые настоящие. Мужчины, переодетые бродячими музыкантами, бренчали на сямисэнах, приглашая зрителей отдохнуть под одной крышей и отринуть заботы. За подмостками рядком стояли женщины в цветастых кимоно и белоснежном гриме с красной подводкой, подчеркивающим губы и глаза. В стародавние времена хорошенькие актрисы захватывали политическое влияние, охмуряя именитых поклонников, потому однажды им просто запретили играть. Вот так всегда, приходишь на представление, чтоб проникнуться колоритом семнадцатого века, а потом гендерное равноправие возвращает тебя в двадцать второй, и всё – машина времени сломалась. «Традиции меняются, – подумала Ю на безупречном английском, – и следуют за здравым смыслом. Теперь даже фосфор в макияж не подмешивают». Всё равно этот вид искусства оставался волшебным, соединёнными половинками инь и янь, в которых скрывалась душа востока. Актёры напоминали пластмассо-

вые фигурки в натуральную величину, оживающие лишь ради того, чтоб показать семейные сценки или притчи про борьбу с классовым неравенством, которыми так восхищалась Мика. Сейчас была сказочная постановка – случай исключительный – о прекрасной женщине, приглашавшей путников под уютный свод, а когда восходила Луна – добрая хозяюшка превращалась в паука, укутывая гостей в шёлковые коконы. Монах-сохэй в широкой конусовидной шляпе каса, почуяв неладное, окуривал помещение; кадило выкидывало пласты пара, сладкий запах ладана дурманил, отчего казалось, что в курительную смесь подмешали травку. Музыканты, перестав играть, громко интересовались, с какой стати он так дымит, на что монах нравоучительно называл их дураками, не забывая громко топать ногой, отгоняя тем самым бестелесную нечисть. Хозяйка подносила усыпляющий чай, а находчивый и наблюдательный монах, стоило ей отвернуться, выплёскивал снотворное зелье через плечо, раз за разом спрашивая добавки. Бродячие музыканты, осознав наконец, в какую попали передрягу, повторяли за ним то же самое, вызывая в зале вспышки повального хохота. Недоумевающая хозяйка потихоньку выходила из себя, и туман из жуткого леса начал заползать на сторону света. В момент страшной кульминации монах принялся декламировать отрывок из древней сутры, спеша отринуть низменные желания и страх, а затем резким, пронзительным, глубоким голосом призывал дэвов прийти ему на помощь. Белые духи,

среди которых была и Касуми, вспархивая веерами вышли на сцену, рисуя в дыму зигзаги и серпантины, исполняя не то песню, не то молитву, лавируя так, что превращались в текучий, видоизменяющийся узор. Главный герой, подхватываемый фрактальным потоком, вступал в борьбу со злом: пара десятков рук окружили антагонистку, и актриса, игравшая паука-оборотня, показывала, что теряет силы. Из зала, в знак уважения, выкрикнули: «Furaingu Kuren!» – название труппы, к которой принадлежало несколько актёров. Сюжет стремительно двигался к хэппи-энду.

Расслабленные токийцы хлебали чай, засматриваясь на полёт вееров – их волнистые крылышки двигались с грацией карандашной стружки, танцующей на сквозняке, и танец этот умиротворял, ловко брал внимание за ниточку, распуская его до тонкой шёлковой паутинки, до такой степени, что ты переставал ощущать себя скоплением мышц и костей. Театр являлся, по сути, трансом, передающимся невидимым излучением из самого сердца Искусства.

Девушек подхватила энергия ожившей на сцене сказки. Под каждым движением актера скрывалось значение, ценность которого росла ближе к эпилогу. Довольная мордаха Тошиэки возникла на периферии зрения, вплыв между ними откуда-то сзади. По этой влюбчивой рожице становилось ясно, какие титанические он прилагал усилия, чтоб не овить их прекрасные талии.

– Ни разу не видел вас в театре, – притворным шёпотом

заметил парень.

– Чья бы корова мычала, – ответила Мика, спонтанно пихнув его плечом.

– Слушай, Нагата, – он снова обращался официально, – как насчёт сыграть в пинг-понг или дартс?

– Мне показалось, или я услышала: «Пойдем в постель»? Не могу я так сразу…

– Она любит Хаси, – подтрунивала Ю. – Ты же уважаешь выбор зайчонка?

– Я люблю… – Мика осеклась, – зелёный чай с жасмином люблю. Увлажняющий крем для кожи. Удобную обувь на каблуке.

– Секс. – Юки посмотрела на обоих друзей разом. – Только Ичиро-кун не готов отдаться её желаниям. – В полумраке довольно сверкнули клыки.

– А я, – Тошиэки выждал паузу и разлепил губы, точно касался ими голого женского тела, – даже не собираюсь вставать между вами.

– Как же стыдно! – Мика шлёпнулась лицом в ладонь.

– Нет, Нагата, серьёзно, – продолжал парень, – давай повеселимся. Просто… Ну ты помнишь, как в той песне… «I need an easy friend», вроде тебя. Это же кайф.

– Кайф, – тихо повторила она. Отказать позитивному Тошиэки – дело крайне трудное. Свободное время он спускал на самбо и каратэ, готовясь к караульной службе, так что расслаблялся от души, без стеснения подкатывая к девушкам

своего возраста. Его старания не заходили дальше флирта, только теперь, видимо, ему захотелось чего-то более интимного. Мика понимала, что друзьями редко остаются наедине.

– Божет мыть… – она на секунду зависла. – Может быть, мы когда-нибудь отдохнём вдвоем, – и, пытаясь придать несерьезности, добавила, – извращенец.

На сцене повеселевший монах благодарил Будду за присланных ему помощниц. Сонм женщин, олицетворявших небесных покровительниц, любовно опахивал храброго героя веерами.

Парень обнял девушек за плечи.

– И вовсе я не извращенец, – сказал он, виновато убирая руки за спину. – Спектакль очень необычный. Касуми исполнит отдельную партию?

– Ага, – ответила Юки. – У неё монолог, состоящий из наставлений и предупреждений. Всё как в жизни.

– Настоящий женский характер.

– Э-эй! – очнулась Мика. – Все женщины уникальны!

– Ох, прости, не хотел задеть твои чувства, – извинялся Тошиэки, непроизвольно прикрыв пах. – Так что насчёт твистера?

– Тагаяси, – теперь Ю обратилась к нему по фамилии, – не ставь Мику в неудобное положение.

– Мне нужен опытный наставник. Я познакомился с девчонкой из Владивостока. Думаю, Мика может подкинуть пару советов.

– Так значит, дело только в этом? – огрызнулась Мика.

– Не только, – Тоши поспешил исправиться. – Ты классная.

– Ты играешь в опасную игру, – усмехнулась Ю и посмотрела на выход. – Кстати, насчёт игр: тебя Син не звал?

– А, ты про вашу попойку? Я не пью. Мне дороги мои страшные тайны.

– Да она и так всё знает, – вставила подруга. – Забирается в личные переписки, как таракашка.

– Ага, – дурачилась Ю. – Не забывай про скрытую камеру в твоей душевой.

– Папа этого не одобрит, – Мика умилительно сморщила носик. – Так ты правда собираешься к своему взбалмошному учителю?

– Он только что вылетел из турнира по го. Выходит, начнём пораньше. Присоединяйтесь. Неприкосновенность личной жизни – такая тоска.

– Я тебе бесплатно всё расскажу, – просиял Тошиэки, получив от Мики дружеский тычок в живот.

– Извращенец. Как вообще можно так нагло подкатывать? – по девушке прошёлся разряд раздражения, вызванного пресловутой ревностью.

– Просто хочу завоевать доверие Юки-сан.

– Хочешь завоевать моё доверие – идём на пьянку.

– Завтра тренировка, – сказал он, поколебавшись. – Но когда ты разберешься с технокультистами, мы обязательно

напьемся.

С недавних пор про технокультистов только ленивый не шутил.

Мика спохватилась, повернувшись к Ю:

– Я позже скину пожелания на ПМК, только не смотри их, пока не окажешься на берегу.

– Как скажешь, – ответила Юки. – Оставлю их на сладкое. Вот буду пережидать кислотный дождь в хибаре среди пустыни, и усядусь за просмотр.

– Рина вечером звала на «макушку», – вспомнил Тоши. – Маэда нас выгонит, наверное.

– Обязательно выгонит. Я всё равно там ненадолго – мне вставать перед рассветом. Приходите на бак в четыре утра – люблю смотреть на сонные мордашки.

– Я буду, – сказал Тошиэки. – У меня как раз в это время подъём.

– Как в Средние века, – отметила Мика, вспоминая параграфы истории.

Юки посмотрела на ладонь, где высветилось сообщение от мастера. Она показала его друзьям, в надежде, что они составят ей компанию. Мика только вздохнула и, обняв Юки на прощание, поцеловала в щёку, а Тоши шлёпнул по её кулачку своим, тут же получив ответку, и с нежностью произнёс: «До вечера, Юки-сан».

Она удалилась под звуки струн, оставив друзей досматривать представление.

Небольшой гэнкан затромбовался обувью. Юки, не надевшая даже носков, переступила гору кроссовок и кедов. С раздвижных ширм из рисовой бумаги перетекали в реальность репродукции Тэнсё Сюбуна, погружавшего её в ускользающую, недосягаемую безмятежность.

Гости расселись перед низким массивным столиком, на котором стояли кувшины сакэ и квадратные деревянные масу. На подставках лежали палочки для еды, плоские тарелки были пусты, но закуски – маринованные грибы эноки, морская капуста и вяленые кольца кальмара – ждали своей незавидной участи. Толстяк Сато, обожавший свою древнюю фамилию, придававшую ему объема, обсуждал с Ёдзиро рабочие моменты, самурай Куро почти не двигался, надеясь скрыть до поры свое присутствие, писатель Харуки, которого назвали в честь Мураками, вбивал в собеседника мысль, что его дочери пора бы уже замуж. Дозорный Норайо, с лихвой удовлетворявший Аяко, если верить её учащающемуся сердцебиению, отнекивался, не желая передавать непорочные светлые чувства в хваткие щупальца бюрократической машины. Киберкалибровщик Тетсуя просматривал логи корабельных систем и, кажется, не заметил никаких манипуляций. Син, занявший место напротив входа, при виде Юки жуликовато разгладил ус. Сев напротив учителя в сэйдзу, выпрямив спину и поправив короткое платье, девушка поприветствовала присутствующих.

– Будет весело, – серьезно сказал Ёдзи. Улыбаться он не умел, но по резкости губ читалось, что ему не терпится начать.

– Меня безмерно радует, – говорил сенсей, – что все вы, как работяги из далёкого прошлого, выбрали совместную попойку. Особенная честь видеть юного ронина, уходящего на Путь.

Куро удостоил её холодным кивком. Величественный самурай источал цепную сдержанность и силу, от которой кровь стыла в жилах. Он не делал лишних движений, не любил праздной болтовни и всё время то медитировал, то упражнялся, а то выращивал бонсай под ультрафиолетовыми лампами. Его ненаглядная Мика отличалась от него практически по всем параметрам.

– Честь видеть всех вас, особенно Куро-сана. – Ю еле сдержалась, чтоб не назвать его «круассаном».

– Лестью легко урезонить слабого, онна, – взрослый самурай подал голос, хрипловатый, трескучий. – Оставь формальности, ведь ты собираешься перепить меня и тем самым унизить. Этому не бывать.

Он решил давить психологически. Для Куро любое соревнование – настоящая борьба, в которой лучше сложить голову, нежели потерять честь.

– Правила не нужно напоминать? – добродушно уточнил Син. – Отлично. Можете закинуться детоксикаторами, пока не начали. Чем дольше вы не отключаетесь, тем больше о

себе расскажете. За враньё – позорная дисквалификация на одну игру. Если сомневаетесь в своей правдивости, предупреждайте сразу.

– Память иногда накрывает туманом лет, – проворчал Куро.

– Десятилетий, – мгновенно согласился Син.

– Мне вставать рано, давайте уже начнём, – бодрым басом подгонял Норайо, спеша, естественно, провести время со своей любимой.

Ю среагировала на пожелание, разлив, как самая младшая, сакэ по чашкам. Син смотрел на поток алкоголя, на обретение им формы сосуда, и подумал, что вся человеческая жизнь – это поток, сформированный гранями непостижимых сил.

И сенсей, на правах старшего, начал:

– Хотите верьте, хотите нет – мне редко доводилось по-настоящему оттянуться. – Он внимательно пробежал по лицам. – Я никогда не нюхал кокаин.

Ёдзи и Тетсуя выпили, в смущении вспоминая тот опыт. На шанхайской вечеринке Мина, которая казалась теперь глуповатым молодёжным фильмом, они так ушли в отрыв, что чуть не свалились в волчью яму абстинентного синдрома. Спасались, как водится, сильнодействующими ноотропами.

– Это половина Шанхая видело, – улыбнулся киберкалибровщик. – Кто там дальше?

Юки как раз наполнила два опустевших масу.

– Я, на ваше счастье, никогда не предавался мастурбации в сауне, – сказал Куро, методично почёсывая грудь. Выпили все, кроме него и Юки.

– Сенсей, – неловко начала девушка, – это ведь не на корабле? Это было до Коллапса?

– Ты никогда этого не узнаешь. – Син с той же хитрецой во взгляде разгладил тот же ус. Народ повеселел.

– Я никогда не… – начал было Харуки, но его перебил Сато.

– Помнится, давеча ты обещал афоризм, достойный Пулитцеровской премии. Выкладывай, раз обещал.

Все с интересом уставились на горе-писателя.

– Ну, даже не знаю…– Он глубокомысленно закопался в густую копну волос. Будучи писателем-любителем, этому Мураками приходилось отдавать на суд множество написанных строк, что неплохо отточило его навык. Харуки посмотрел на Сато со смесью благодарности и испуга. – Ладно, уговорил. «Удивительно, что ничего так не сближает нас, как бедствие. Если занимаются огнём гектары сибирского леса, то от чада, стоящего над тайгой, задыхается вместе с тем безбрежная пустыня, и одинокий кочевник, задремавший между верблюжьих горбов, немного лучше понимает далёкого чукотского оленевода. Так можно ли хоть что-то считать абсолютным злом в мире, в котором даже катастрофа ведёт нас к единению?»

– Неплохо. – Тэтсуя мысленно разбил сказанное на блоки. – Спартанцы сократили бы до «нет худа без добра». Хвала Зевсу, мы не спартанцы.

– Это смахивает на эпиграф из «Колокола», – заметил Ёдзи.

– «Пулитцера» за такое вряд ли дадут, но под сакэ самое то, – одобрительно произнёс суровый самурай.

Писатель так и не понял, похвалили его или нет.

– В общем, я никогда не составлял бонсай, – признался он, и выпил уже Куро на пару с Сином. Сенсей подумал, что его решили выдавливать из процесса.

Игра продолжилась, как ни в чём не бывало.

– Я никогда не был в устройстве полной симуляции, – взгрустнул Сато, и токийские воины опрокинули в себя сакэ.

Син, выпивший три раза подряд, понимающе закачал головой:

– Командная игра – отличный тактический ход.

– В трусоватом нападении толпой правда есть резон, – согласился Куро.

Юки поражалась, с каким невозмутимым видом этот человек уничижал противников. Даже сенсей мог бы взять у него несколько уроков.

– Я никогда не пользовался металлическими ключами, – сказал Тэтсуя, продолжая кампанию против всех, кто имел доступ к «додзё» с рингами.

Куро смурно оглядел инженеров. Ёдзи потирал руки, по-

тому что наступал его черёд, а он уже четко уловил лейтмотив командной игры.

– У меня не было интима в виртуальной реальности.

Инженеры не жаловали виртуальных подруг, и Ёдзиро, до того, как женился, использовал только возбуждающие стимуляторы. Из всех, кто пользовался рингами, не выпила только Юки.

– Ничего себе, – удивлялся бригадир отладчиков, – представить не мог, какие страсти происходят за закрытыми дверями. Заниматься этим в общем ринге всё равно что в одном футоне по очереди.

– За кого ты нас принимаешь? – улыбнулся Норайо. – Я чисто ради интереса стриптиз глянул разок. Ну, может два, только безо всяких грязных делишек. Ты ведь не думаешь, что мы там штаны снимаем?

– Кто знает, – засомневался Ёдзиро. – Камер там нет.

Дозорный качал головой, не собираясь оправдываться. За десять минут он выпил больше, чем за месяц, так что затрачивать силы на полемику казалось весьма бесполезной затеей, зато стратегический ум, всё ещё надеявшийся на победу, ударил конницей с фланга:

– Я никогда не устранял замыкание, – тут уже отладчикам пришлось хлебать до дна, а крепкий дозорный пристально глядел на Юки, от которой ждал выбора правильной стороны в развернувшейся схватке.

– Я никогда не чистила траловые сети. – Это был достой-

ный ответ. Самураи не касались физических сетей.

И после первого круга их понесло.

Син отнекивался от использования некоторых языков программирования, Куро – от рыбалки. Потом было что-то про мат, прыжки за борт и позирование голышом на камеру.

– Никогда не целовался с женщинами, – скромно сказал Сато, и выпила вся компания. Куро уставился на Юки:

– Могу я узнать, с кем ты, прошу прощения, сосалась?

– Ну, с девушкой, ясно же из контекста, – увиливала она, подкупающе поблёскивая глазками.

Когда дошла очередь до Куро, он таки спросил, без шансов завуалировать правду:

– Я никогда не целовал Мику по-французски. – Потом, на всякий случай, поправился. – То есть, вообще никак не целовал, только в щёку. Это самое большее.

Юки выпила в одиночестве, а Куро округлил взгляд.

– Нужно быть глупцом, чтоб не понять, что разбалованная Микки не видит стоп-линий.

– Да ладно Вам, Кэтсеро-сама, – примирительно произнёс Сато, – девушки часто тренируются целоваться на подругах. Парням сложнее.

Сато, с детства варившийся в «сообществе со специфическими интересами», изнутри знал про взаимоотношения в мужских и женских однополых парах. Первых, к его жалости, было меньшинство.

После этого командная игра канула в лету – ей на смену

пришли дуэли. Писатель Харуки допытывался у Норайо, как он обращается с его «девочкой», Сато и Тетсуя валили сенсея с Куро, а Юки и Ёдзи, как опытные туги, просто отошли в тень, ожидая удобного момента для финального шага. После семи кругов порядочно окосевший Син и Кэтсеро «Куро» Нагата уставились на эту тихую парочку, начиная подозревать о сговоре. Остальные уже лежали в отключке, переваривая услышанное.

Ёдзи и Юки заводили шарманку про то, что никогда не служили в разведке, не бывали в столице Японии и ни разу не выходили на Путь.

– Славно вы спелись, – улыбался сенсей, трамбуя новые порции сакэ. Хмелел он долго: всё-таки искусственная печень и, естественно, сила привычки.

Куро и Син вспомнили про синтез опиоидных анальгетиков, которым бригадир отладчиков занимался с ронином, и про совместную игру в домино, очень любимую Юки в детстве.

Её вставило не меньше – мысли с трудом собирались во что-то цельное. Заметно поплывшие мужчины повернулись на нее, как на экран. Нужно было спросить что-то новое, узнать их сомнительную подноготную. Грязные вопросы – это неотвратимая часть игры, так что сейчас в её голове пролистывались самые нелицеприятные сценки.

Пьяная рулетка остановилась на Японии конца двадцатого века, в которой хватало извращенцев. Специально для них в

закоулках стояли автоматы, продающие ношенные женские трусики в картонных упаковках, с которых смотрели миловидные школьницы и студентки, иногда скрытые черными кирпичиками цензуры. Тот бизнес приносил немалую копеечку в карман якудза.

– Я никогда не нюхала использованные женские трусы. – Ю не была уверена, что подобный фетишизм дожил до двадцать второго века, но, к её удивлению, оставшиеся мужчины выпили как один. Выбывшие незамедлительно приняли отстранённый вид.

– Самурай не стыдится сексуальных экспериментов, – ворочая тугим языком, парировал Куро.

– Теперь она знает больше, – продекламировал Ёдзи, а Син только развел руками:

– Я был мальчишкой, и меня тянуло к неизведанному.

– Как там говорят, «не нюхал женщины»? – Юки довольно изогнула губки, подарив сенсею двойную порцию ехидства. Тот быстро переключился на маринованные грибочки.

Теперь настал черёд напаивать Ёдзиро, посему она очень быстро сменила сторону. Юки никогда не была бригадиром ремонтной группы, никогда не принимала морфин и никогда не носила очков. В итоге Ёдзи свалился, держась за живот.

– Самое время закинуться детокс-с-сикаторами…

Он слопал пластинку, заранее издав вздох облегчения. Выбывшие лежали вокруг, продолжая впитывать весьма бесполезные знания.

Куро добивали написанием хайку, выбриванием головы и прочими самурайскими штучками.

– Я больше не хочу пить, – твердо сказал он, выставив вперед раскрытую ладонь, – потому воздержусь от дальнейшего участия.

– Как всегда величественен, – отметил Син. – Даже проигрывает, не теряя лица.

Сенсей гипнотически покачивался. Он стал инертен, излучая неизмеримую безобидность.

– Ты играешь уже третий раз, – обращался Син к девушке. – Тебе нравится выпивать или сам процесс от игры?

– М-не нравится держать себя в руках, – с заплетающегося языка слетала самая суть. – Я вообще не теряю голову и в этот раз надеюсь победить.

– Метаболизм у тебя ускорен на генном уровне. Ты опасный противник.

– Я никогда не была простым противником, – гордо заявила Юки, – а ещё я никогда не сражалась с бронетехникой в реальной жизни.

Так началось их противоборство. Мастер опустошил масу и подался вперёд.

– Я никогда не тискал себя за соски.

Юки выпила, не дрогнув, ничуть не удивляясь распущенности сенсея.

Они словно обменивались высокими волейбольными подачами – выражения были всё развязнее и прямее. В их же-

лудках было по два кувшина тёплого сакэ, но соперники, зорко друг на друга пялясь, продолжали довольно равную баталию.

– Я никогда не целовал Кэзуки.

Стандартная линия вопросов. Юки выпила. Дедулю она любила и чмокала его, пока тот не ушел. Дедушка многое оставил в её памяти… Мастер, между тем, был почти готов. У неё была одна мыслишка, которая давно не давала покоя – догадка, о которой стоило спросить.

– Я никогда не… – Юки прищурилась, надеясь увидеть, как пошатнётся его преспокойная аура. – Я никогда не пыталась арестовать Хиро Маэду.

Син вскинул выразительные брови, нервозно пожимая ус.

– Даже в шутку? Попробуй на досуге – это весело. – И, заправившись рисовой настойкой, он развёл руками. – Я сдаюсь. Сегодня твой день.

– Эй, подождите-ка. Что там с капитаном?

– Всё с ним в порядке, – пожал плечами Син. – Разведка следила за якудза, обычное дело.

– И вы пытались его арестовать? Схватить на месте преступления?

– Игра окончена, юный ронин. Мне надо по делам.

Вставая, он закинулся детоксикаторами, а затем удалился в примыкающую уборную. Достаточно протрезвевший Куро озадаченно посмотрел на девушку.

– А любишь ты ворошить прошлое, – произнёс он уже без

той строгости, когда старик вышел. – В Токио такие дела творились – врагу не пожелаешь.

– Я читала про клановые войны. – Тон Юки стал уважительным, даже просящим. – Взорванные склады с нелегальным товаром, куча трупов… Информацию основательно подтёрли.

– Та бойня носила какое-то красивое название. – Куро невольно зарылся в память. – «Дорога к новому сёгунату». Хорошо, что кланы вовремя одумались.

– Японское правительство очень своевременно попросило помощи у «Ульфхеднара». С учётом того, что «волки» боролись с террористами и нелегальными армиями, я представляю масштаб заварушки, которую им пришлось расхлёбывать…

Куро кивнул:

– Если бы обстоятельства имели запах, Токио пах бы метаном. Однажды они расскажут. Не заставляй стариков вспоминать то, что сгорело дотла.

Юки кивнула. По сенсею было видно, что вопрос не доставил ему ни капли ностальгического удовольствия.

– Давай я лучше расскажу, как наткнулся в сельве на ягуара…

– Так я пять раз слышала, Куро-сан, – детские нотки, отрицающие неотвратимое, сами собой вылетели из уст.

– А я не слышал, – отозвался Норайо. Он редко пересекался с замкнутым в себе самураем. – Наверняка очень по-

учительная история.

– Как же иначе? – Куро не думал скромничать. – Дело было в Венесуэле, где мне предстояло найти небольшой отряд обезумивших партизан, взявших пример с Оноды. На солнцепёке тропики превратились в королевство кривых зеркал, оттого за каждым кустом мерещилась опасность. Спустя неделю у меня закончились пайки, и пришлось налегать на какао с грибочками. Грибы, стоит заметить, были знатные, но вот желудок мой, явно понимая, что в родословной доблестного клана Нагата не могло быть ни одного грибника, отказывался их переваривать. Присев посреди всей этой красоты, я, совершенно слившийся с природой, размышлял о том, что со стороны практически не отличим от первых охотников-собирателей, пришедших с материка на равнины Хонсю, и в фантазиях этих совершенно забыл, где нахожусь. Лишь благодаря цепкому чувству опытного воина я уловил в лишайнике грациозное, плавное движение горящих голодом огоньков. Готов поспорить, что крупные кошки, подобно акуле, чующей кровь за многие километры, так же чувствует беззащитность человека, предавшегося размышлениям. Всё могло закончиться быстро, однако я, не будь дураком, опережая смертельный прыжок, даже штаны натягивать не стал – без раздумий схватил мачете и давай бегать от злобного кошака вокруг дерева с голой задницей. Тут и грибочки поджимают, и ревущий ягуар своими огромными когтищами пытается вцепиться в мои пленительные ягодицы, однако

мальчишка Кэтсеро оказался ловчее. Конечно, шерстяного болвана пришлось пожалеть, потому костылял я его строго ребром клинка, пока он не бросился наутёк, сверкая косматыми пятками… А мораль этой истории проста: настоящий воин остаётся воином даже во сне. Такова его основа.

– Не могу поверить, что вас чуть не съели за справлением нужды, Кэтсеро-сама.

– Да разве мог я позволить такому случиться? – строго сказал самурай. – Вот у медведя шанс бы был.

– Медведей там не водится, – умничала Ю, а потом адресовала требование вернувшемуся Сину. – Где там мой приз?

Син, не мешкая, вызвал проекцию подарочного сертификата с изображением просветлённой буддистской сущности и в одно движение отправил закодированное сообщение Джею.

– Депозит в массажном салоне, – сказал мастер, – акупунктура, эфирные масла и прогретые камни.

– Самое расслабляющее место на Тайвани, – добавил Куро. – Отличный повод туда сплавать.

– После похода хороший отдых мне точно не повредит, – сказала Ю, принимая на язык две пластинки детоксикаторов.

«Макушка» дышит атмосферой предстоящего концерта. С космических софитов текут беспорядочные сумбурные созвездия, несущие вместо имён координаты, и нет им конца,

как нету предела её ожиданиям. Вечер балует, закутывает приветливой темнотой, такой спасительной после яркой каморки учителя, а на краю, на жёрдочке лееров, подсунув ногу в стык металлического ограждения, сидит Рина, в рваных джинсах, распахнутом кардигане и длинной рокерской майке; встряхивая синим каре, чуть не касающимся плеч, нагибает голову к грифу, перебирая струны дерзкого вида электрогитары. Резко посмотрев на Юки, приглушив несложное баррэ, нарисовала немое, робкое приветствие, потому что настроилась петь или философствовать, но боялась, что голос сорвётся на первой произнесённой фразе.

Рина была племянницей Ёдзи и во многом напоминала своего дядю: умная, сосредоточенная и до неприличия рациональная. Именно Ёдзиро превратил её в отличницу, показав между делом три гитарных аккорда, которые повели Рину по дорожке ненасытного меломана.

Юки взглянула сквозь неё туда, где берег сливался с бесшумным океаном и, сопоставив эмпирические данные, переключилась на рок-звёздочку. Для этой девушки, несущей верность постапокалипсису, пустые пространства казались невероятно родными; люди её не пугали, но отталкивали, а гитара заменяла ей собеседника, любовника и советчика.

– Добрый вечер, – тихо поприветствовала Юки.

– Здрас-сьте, – ответил за Рину внутренний интроверт. – Довольна проводами?

– Ага. Сора-сан поставила забавную сказку в кабуки. Обя-

зательно посмотри запись. «Шарлотка» получилась – пальчики оближешь.

Рина переживала за нераскрытые таланты, так что похвала подействовала сродни уколу в ягодицу. Приосанившись, девушка сказала очень самокритично:

– По-моему, корицы слишком много – она перебивает вкус яблок. Надо приучить себя взвешивать.

Рина умела быть занудой. Ей требовалась основательная разгоночная полоса и постоянные эмоциональные вливания. Сорвавшись со страховочных тросов, Рина становилась другой, энергичной, крутой и даже весёлой, а вообще считала, что лёгкая меланхолия – очень правильное состояние души. И действительно, если представить домик на альпийском склоне, кресло у камина и распахнутую книгу, то такая грусть многим придётся по вкусу.

– Я стихи сочиняла, – коснувшись гитарного грифа, она извлекла басовый звук. – Получилось как всегда нелепо: нечем вдохновляться. Ну, почти нечем.

– Валяй. Послушаем, что ты там натворила.

Рина всем видом призывала не бросать ей едких подкольчиков. Удостоверившись, что Юки хватило эмпатии понять её бессловесный посыл, она переключила гитару в акустический режим и пропела под минорный перебор:

Давно затёртые слова опять мне голову морочат,
Мне их никак не выставить за дверь.

Они повсюду просто так и между прочим:
Люби, танцуй, цени что есть и верь.
Так давит эта неземная атмосфера
И плющит мысли словно пластилин –
Я уменьшаюсь до никчёмного размера,
Зато мой мир пока ещё един.
А мне твердят, чтоб думала о лете,
Что от моей зимы одна тоска,
Но я люблю прохладу, вьюгу, ветер
И легкую пульсацию в висках.
Люблю, когда на стылом небосводе,
Горят огни и льют холодный свет
На мой мирок, что будто на исходе.
И так боюсь, что не увижу снег.

Как всегда грустненько. Что ж, греки тоже ставили трагедию выше комедии.

– Долго писала?

– Весь вчерашний день. Только с сумерками закончила. Час назад прибралась на кухне, потом двинула сюда. – Рина обернулась. – Корабль меняет курс.

Траулер пришёл в заметное движение. Если один куплет назад Юки почти не улавливала смену направления, то теперь j-J внаглую рулил кораблём.

– У тебя какой-то план. – Рина прикидывала: это могло быть что угодно, но только не желание сорвать собственный

выход на берег.

– Маэду отвлекает дядюшка Ло; с матросами я договорилась, – буднично говорила Юки. – А мы идём искать рыбное место.

– Только не метафоры, прошу тебя. Из-за них у меня развивается паранойя. Мы ведь не будем ничего взрывать? – умоляющий акцент утяжеляла пара крылатых ракет, которыми был снаряжён траулер.

– Долой деструктив. Мы просто сменим дислокацию и врубим диско… Никаких внештатных апокалипсисов.

– Поклянись, что никто больше не вывалится за борт. – Рина выставила перед собой заветный мизинец.

– Это вышло случайно.

– Оправдывалась ходячая катастрофа…

Взведённый мизинец ждал взаимности. Юки сдалась. Детский ритуал клятвенных обещаний до сих пор имел силу, и его невыполнение запросто гробило самую крепкую дружбу.

– Клянусь, никаких страшных голограмм и сигналов тревоги.

Рина прислонила гитару к бортику, Ю встала рядом, провожая истончающийся силуэт берега. Корабль, между тем, набрал порядочную скорость и выходил на простор. Они молчали, пока мысль не родилась из сплетения созвездий.

– Прекрасный вечер, – сказала Юки. – Геометрия образов располагает к непринуждённой беседе.

– Романтика, – поддержала Рина. – Жалко только, что

ты променяла мою задорную компашку на полудохлый материк. Вот бы завтрашний день проявил новую фотографию, где ты привычно будешь шляться по кораблю, только у меня нет суперспособности дорисовывать кадры. Да и как остановишь ронина с шилом в жопе…

Юки бережно впитывала все её мыслишки.

– Мне кажется, что утром всё пойдет как обычно, что естественный ход вещей не нарушится. Вот поэтому так сложно принять, что на ближайшие полгода моего выверенного существования коснётся пустота, которую невозможно будет заполнить ничем, кроме тебя. А ведь придётся чем-то заполнять, и это самое страшное. Что если я ошибусь с выбором?

– Ты слишком избирательна.

– И всё равно не могу найти того, кто меня полностью поймёт. Многих отпугивает моя немногословность, даже Мика с ребятами постоянно ругают меня за то, что я слишком часто остаюсь одна. Наверное, я кажусь им очень высокомерной.

– Вовсе нет. Ты кажешься им слегка депрессивной рокершей, которая терпеть не может находиться в толпе. Им хочется, чтоб ты почаще вылезала из андерграунда.

– Я не хочу, чтоб меня меняли, я хочу, чтоб мне протянули руку, но мне протягивают конец каната и говорят: «Давай, Рина, перетягивай». А я не хочу отстаивать своё одиночество и тем более не хочу затягивать других в свой тоскливый микрокосмос. Это же форменное свинство. Вот что будет, если на концах каната не два подростка, а совершен-

но разные народы со своими религиями и традициями? Такие игры слишком часто превращаются в полномасштабную войну. Эти противостояния везде: в семьях, в коллективах, всюду, а я хочу мира, взаимопонимания и торжества личной неприкосновенности. Я просто недоверчивый интроверт, который иногда не прочь зажечь на всю катушку.

– Вряд ли тебя когда-нибудь оставят в покое. Люди набивают шишки, чтоб научиться жить по правилам, которые, в общем-то, работают, и непроизвольно становятся частью системы, в которой канат – примитивный и действенный способ её укрепить. Одиночки, которые держатся обособленно, кажутся свободным ресурсом, а всё, что не приколочено, так и тянет прибрать к рукам, чтоб использовать на своё усмотрение. Наверное, ещё не время для счастливых одиночек.

– Это как в истории с конкистадорами, – скромно улыбнулась Рина. – Там было такое же столкновение мнений. Кортес втирал Монтесуме про таинство Евхаристии, про то, что в церквях едят плоть Иисуса и пьют его кровь, а вождь ацтеков со значением отмечал, насколько это схоже с жертвоприношениями Шиутекутли. В итоге, кулинарные предпочтения стали камнем преткновения, из-за которого мигрировал целый народ.

– А Теночтитлан сравняли с землёй. – добавила Юки. – И именно в это кровавое время в Мексике зарождается культ мёртвых. У Брэдберри, кстати, о нём рассказик есть.

– С другой стороны, испанцы совершенно случайно иско-

ренили многовековое зверство.

– Так ты боишься, что вместо меня наткнешься на дикаря? Или на очередного конкистадора?

– Я думаю, что вообще не буду искать новых знакомств, просто буду считать дни до твоего возвращения, отдавая свободное время музыке. Мой пряничный домик слишком неустойчив, и если кто-то попытается слопать хотя бы один кирпичик, то он рухнет, а я, наверное, не смогу этого простить. Мне нужны аккуратные люди в моей берложке, вот в чём проблема. Я не хочу стать солнцем в парной системе, я не хочу поглощать или быть поглощённой. Мне не приносят удовольствия частые прикосновения, нервирует жизнь по расписанию, а сексизм и ксенофобия просто бесят, но пока этой грязью не пытаются запачкать чистенькие сахарные стекла, через которые я выглядываю наружу, мне плевать. Тех, кто не понимает этого, я просто посылаю куда подальше. Хватит с меня подарочных коробочек с дохлыми котами Шрёдингера.

– Много разочарований в последнее время?

– Не очень, – мягко ответила Рина. – Если тихонько сидеть в углу, то всё происходящее похоже на фильм. Мне нравятся фильмы, особенно те, в которых я много пою. Просто с недавних пор от меня хотят чего-то иного. Меня пытаются впутать в отношения, но я не верю в их необходимость. Если отдаться порыву, то всё может закончиться, как у Харуки с Наоми, или как у Кэзуки с Касуми, а я не хочу отдаляться

после нескольких счастливых лет. Мне страшно испытывать кирпичики на прочность. Когда родители не вернулись из навигации, всё рухнуло. Смешно, что в моей деревне потеря единственного корабля стала бóльшим ударом, чем исчезновение дюжины опытных рыбаков. Если бы не пришел «Токио», и дядя Ёдзи не взял меня под опеку, малышку Рину просто выбросили бы в ремонтную группу на север Китая. Восьмилетним сиротам не дают права выбора.

– Как тебе жизнь на корабле?

– Неплохо. Мне нравится химия. Кулинарию тоже люблю. На гитару времени навалом, хотя капитан часто меня подначивает. Он думает, что от музыкантов сейчас мало пользы, но ты ведь помнишь, как я завела толпу в Гонконге. Площадь статуй давно не видела такого столпотворения. До сих пор чувствую, как руки дрожали. До первой ноты…

– Не думала в тот момент, что тянешь на себя канат?

– Не-а. Не перетягивала я никаких канатов. Я просто поделилась правдой, о которой стоит подумать на досуге. Всего лишь намекнула, что кольца Сатурна только издалека кажутся кольцами.

– Концерт вышел потрясный, – согласилась Ю. – Ты для многих стала кумиром.

– Просто у меня есть мечта. Я ведь идеалистка, хочу утопать в утопии, и чтобы каждому по собственному городу. Понятия не имею, как этого добиться, и чувствую, что одной музыкой тут не обойтись.

– Хороший трек-лист – это топливо, без которого с места не сдвинешься.

– А Ницше видел в музыке хаос.

– Ещё он видел хаос в женщинах, – парировала Юки. – А в итоге сошёл с ума, потому что испытал жалость к лошади. Подумаешь, немец, который не разбирается в творчестве. Беспорядок начинается с головы.

– Возможно, глобально смысла нет вообще ни в чём, – робко улыбнулась Рина, – ни в искусстве, ни в науке… Ну, знаешь, фатум, детерминизм…

– Главное, что имеет смысл лично для тебя. Вселенной четырнадцать миллиардов лет, а нам – несколько миллионов… Мы совсем недавно отвыкли ползать, и теперь делаем первые неуверенные шаги. Чтоб понять электродинамику, недостаточно засунуть пальцы в розетку, а чтоб свернуть горы, нужно стать, как минимум, Альфредом Нобелем. – Юки в звездном свете казалась апостолом какой-то молодой взрывоопасной церкви. – Через нас проходит громадный поток информации, и попытаться переварить его – наше предназначение, даже если финал предначертан. В любом случае, музыку я научилась понимать во многом благодаря тебе.

– Мне стоит стать позитивнее. Не хочу фан-базу, состоящую из одних интровертов. Мне хочется объединить всех. Вообще всех. – Рина облокотилась на леера, пытаясь разглядеть в ночном небе что-то невидимое, скрытое расстоянием. – Почему люди так любят себя обманывать?

– Потому что «кольца» звучат поэтичнее, чем «осколки льда и пыли, летящие по орбите…»

– Что-то в этом есть. Ну тогда звёзды – это миллиарды восходов, сияющих для нас каждую ночь. – Она поплыла за созвездием Ориона. Ей стало легко, а потом Юки обняла её и прижала к себе. Рина положила голову ей на плечо. – Не попадай в передряги.

– Я же ходячая катастрофа…

– Что есть, то есть. – Голос Рины стал очень далёким. В такие моменты она любила представлять себя со стороны. Рука задела гитарный гриф, и сорвавшееся созвучие рассеялось в темноте. – Через полгода, когда мы пришвартуемся в Филадельфии и заберём тебя, я надеюсь, для нас уже выделят участок в Новом Токио.

– Тебе ведь не хочется жить на фоне разрушений.

– Деваться всё равно особо некуда. На самом деле, мне всегда хотелось побывать в Аргентине, у подножия гор, играть песни под скальное эхо, слушать, как катятся камушки по сухим склонам, на которых селятся саланганы. Но далеко от вас я жить не смогу. Потому что бродяга лучше всех понимает, где его настоящий дом.

А потом корабль остановился, и Рина, не убирая головы с плеча подруги, спросила: «Что сейчас будет?»

– Сейчас токийцы выйдут на палубу. Им всем пришли уведомления. Потом начнётся фейерверк, и на последнем залпе, когда никто не будет ждать удара в спину, их обольет

пеной по самую макушку, а в небе загорится «Я буду очень скучать».

– Ну ты змеюка, – смеялась Рина. – А откуда пена и фейерверки?

Юки выполнила несложный знак рукой и над «макушкой» завис вылетевший откуда-то снизу дрон – огромный шмель с множеством телескопических глазков на вытянутой голове. Он грузно сел на леер, ухватив его шестью магнитными ножками, и деактивировал крылья.

– Где ты его достала? – восхищённо спросила Рина.

– У того парня из Кореи, – ответила Ю, отстукивая пальцами по ладошке.

– Они наконец-то раскопали завод в Сувоне? Это круто.

Рина посмотрела вниз: токийцы выходили на воздух, добавляя в общий чат много встречных вопросов. Нежданные сюрпризы интриговали их и немного пугали. Наконец, когда набралось достаточное количество людей, Ю активировала программу, и из спины механического насекомого появилась небольшая пусковая установка. Ракета взмыла почти бесшумно, затерялась на тёмном фоне во вкраплениях света, чтоб неожиданно разорваться высоко над палубами, но не простым радиальным цветком, а целым полотном, с горами, водопадами и одинокими крестьянскими домиками. Картина эта вызывала добрую ностальгию по прошлому. Следующая ракета вспыхнула излучиной реки, вдоль которой рыбаки в закатанных по колено штанах ловили рыбу. Потом ещё

несколько пейзажей, но все они гасли не сразу, словно какой-то отрезок истории пытался ожить прямо на их глазах. Это были потерянные пейзажи Японии, прямо в небе, в невероятной, живой гамме, и Юки, наконец, дождалась последнего снаряда, в который пирокинетическая программа поместила прощальные слова. Но когда надпись вспыхнула, Рина слегка нахмурилась и уставилась на ронина с плохо скрываемым недоумением.

– «Люблю сенсея и сасими»? Это мило и глупо.

Юки сжала губы.

– Ну что за… Нет… Это фиаско… Сенсей наверняка знал обо всём с момента покупки… Нужно было лучше прятать дрон.

– Тебе теперь с этим жить, – заключила Рина, глядя на тающую надпись. Вот так бы простоять с тобой до конца времен. Сверху – звёзды, а мы – посреди океана, и никто ничего от нас не требует… – Она тихонько шмыгнула носом.

– Идеальное мгновение, – согласилась Юки.

– Пена отменяется?

На этих словах шмель сложил ракетницу, развернулся на поручне и уставился на девушек. В его телескопических глазках задвигались диафрагмы. Он явно производил какой-то расчёт. Прежде чем Юки успела что-то сообразить, робот без предупреждения выстрелил в неё могучим потоком пены, прямо из расположенного на кончике «клюва» распылителя. Пожарные с брандспойтом рядом не стояли.

Долгое и значительное «пш-ш-ш» последовало за подружками, как за распуганной кошачьей стаей. Рина, приняв на грудь и шею бурлящий поток пузырей, с весёлым визгом отпрыгнула в сторону. Юки, залитая почти полностью, уже отряхивалась, убежав на противоположный конец площадки.

– Сэтоши-сама тоже та ещё змеюка, – смеялась Рина, разбрызгивая пену во все стороны. – Надо же, банановая! Спасибо, что не абрикосовая.

– Просто слов нет… – причитала Юки, отсылая дрон на базу. Гитара осталась абсолютно сухой.

Рина стряхнула с головы Юки белую шапочку и еле сдерживалась, чтоб не залиться хохотом. Тающие искорки затерялись среди звёзд, снизу доносились обрывки слов. Девушки уставились на последние дождинки фейерверка, на живую навигационную карту и ненадолго затихли. Клочки пены переливались, медленно оседали и неуловимо лопались. Рина вернула голову на плечо Юки и потёрлась, как трутся о подушку, чтоб побыстрее уснуть. Её голос почти не дрожал.

– Прощание – это очень больно.

Утром Юки неслышно прошла в уборную, быстро приведя себя в порядок; наспех расчёсанные волосы собрала в длинный, доходящий до тринадцатого позвонка, хвост. Чмокнула бабушку, стараясь не разбудить, потом залезла под одеяло к Аяко, щекоча рёбрышки через легкий шелк куп-

ленной в Барселоне ночной рубашки.

– Пообещайте вести себя хорошо на континенте, юная мисс, – лениво и сладко промычала молодая учительница, не раскрывая глаз.

– Не-е-ет, – шептала Ю, прижимаясь губами к изгибам уха. – Я не могу тебе врать. – И уже крепче чмокнула Аяко, передав учительнице греющее ощущение сестринской любви. После этого нехитрого ритуала принялась надевать походную форму и закатывать рукава. Вдоль расстегнутых пуговиц белела ткань майки, подчеркивающая доведенный до совершенства живот, от упражнений и правильного питания не несущего ни грамма лишнего жира. Продев в поясные петли штанов гибкий ристринговый ремень, тут же прицепила блейдер. Ремешок с кобурой обвил бедро, а рукоять револьвера оказалась точно под правой рукой. Сложенный и пока ещё деактивированный «шаман» занял место на лбу.

Как только она войдет в поле помех, связь с кораблём придётся оборвать, а окружение, в котором она росла столько лет, превратится в воспоминания. Эти ранние минуты были глотком свежего сельского воздуха перед выходом в смог промышленного центра, великое счастье, которое ей ещё предстоит понять. И, может быть, не будет в мире больше друзей, кроме тех, что шли в комплекте с «Токио», и ей придётся сломать на Пути каждого встречного. А вообще, на чей счёт записываются отобранные жизни? На счёт убийцы или на счёт судьбы? Или эти понятия сливаются воедино под

планетарной гравитацией совершённого поступка?

Юки перекинула рюкзак через плечо и оставила каюту досматривать сны. Заскочив на камбуз, застала только Ника с Гордоном, и кок, опережая назревающий запрос, выставил перед девушкой тарелку с лососевым сасими в травах, сбрызнутым лимоном. Но она не взяла завтрак, а обняла сначала Гордона, а потом опешившего Ника, который изо всех сил старался не извозить её испачканными руками. Наконец, после дежурных нежностей Юки принялась уплетать кусочки рыбы, предварительно их скручивая.

– Не спеши так, – заботливо произнёс кок. – Пережёвывать пищу нужно тщательнее.

– Искушение активирует во мне глотательный рефлекс, – отвечала Юки, не отрываясь от свёртывания ломтиков.

Дождавшись, когда она вытрет исполнившие работу пальчики о висящую салфетку, кок подал ей последний презент – отварную лапшу с мясом и водорослями, завёрнутую в пергаментную бумагу. Рюкзак по жесту выпустил механическое щупальце, принял пакет и улизнул с ним за её плечо.

– Можешь помочь нам с супом, – шутливо предложил кок, доставая из холодильника головастого осьминога. – Ло не постареет за полчаса.

– Там ещё сенсей ждёт.

– Я тебя тоже жду, – опустошённо выдавил Ник. – Прямо сейчас.

Вчера у них так и не вышло приватного разговора, а те-

перь он поверить не мог, что девушка, которая так восхитительна в платье, стоит перед ним в полном вооружении и совсем не думает остаться.

Гордон, ощутив себя третьим лишним, отошёл настраивать духовку, боясь испортить момент, а Юки, нисколько не колеблясь, поцеловала друга в щеку.

– Полгода потерпишь. Чем грустнее расставания, тем радостнее встречи. – Она не хотела философствовать – всё вышло само собой. – Я не собираюсь пропадать. Мне нравится мой дом.

– В Мито наладили производство риса, – слегка повеселев, он снова мечтал о будущем. – Скоро люди начнут возвращаться в Токио.

– Мито – идеальное место для рисовых полей, – уверенно ответила Ю, – потому что далеко от вулканов.

А затем обернулась на выход и всем видом показала, что пора. Ещё раз трогательно обняв Ника с отцом, она тихо попрощалась и вышла, оставив парня с ощущением своих тёплых, чуть влажных губ на расцветшем лице, которое не оставляло его очень-очень долго.

Норайо курил у борта. Сидящая рядом овчарка исполнила лапой просящий жест.

– Динго говорит «до свидания», – перевёл он.

Юки, присев, потрепала пса по загривку.

– Он обычно такой кусачий.

– Не кусачее тебя, – со смешком поддразнил её матрос,

отправляя окурок за борт. – Лёгкой дороги, Юки.

Компашка на баке вела ленивые утренние беседы. Обернувшись на ронина, они тут же переключили канал. Маэда подошёл первым и поправил ей воротничок.

– Форма сидит как влитая.

– И пахнет замечательно, – заметил Син, пошевелив, кажется, носом.

– Лучше б ты ночью отправилась, – буркнул Куро. – Пешком, да по жаре… Не наткнись на засаду. И аккуратнее с грибами.

Мика перегородила своего папу и обняла подругу, под шумок потёршись о её маленькую грудь.

– Притащи мне нормальную юбку, – отцепившись, сказала она. – И пока «Токио» не выйдет из поля зрения, не смотри пожелания.

Тошиэки вставил что-то про «надирание задниц» и аккуратно обнял её одной рукой, Ёдзи, стоя в сторонке, лишь серьёзно поправлял очки. Такое вот было правило – если ты можешь поделиться хорошим настроением, то просто обязан проводить ронина в дорогу.

Наконец, разведчик «Ульфхеднара» Син Сэтоши мягко сказал:

– Пора в путь. Не заставляй Ло ждать – у него вся жизнь по расписанию.

Ло ждал в лодке, глазея в то место на воде, где в тело океана врезалась траловая сеть. Вблизи Калифорнии рыбы бы-

ло мало, но то, что она тут водится – уже хорошо. Юки спустилась по верёвочной лестнице быстрее обычного, подгоняемая весом рюкзака. Ударивший боковой ветер пробрал до костей.

Девушка грохнулась на свободную лавчонку. Лодка спружинила, передав Ло пробуждающий импульс. Вёсла ковырнули воду. Почти непотопляемая трёхслойная посудина паком откололась от траулера. Син, навалившись на ограждение, наблюдал, как его воспитанница уплывает всё дальше и дальше, осознав вдруг с новой невероятной силой, что она повзрослела, стала самостоятельнее многих из них, превратилась в символ ещё до выхода на берег. Маэда стоял рядом, махнув на прощание беспалой рукой, той самой огромной рукой, которая держала Оригами. Блейдер ушёл к Юки, а значит, она для Маэды больше, чем друг или член экипажа. Он позовёт её в якудза, если придётся.

Дядюшка Ло молча налегал на вёсла. Кайма берега нарастала томно и лениво, хотя рыбак достаточно быстро разогнал лодку, невзирая на сотню прожитых лет. Далеко южнее серел в беспорядке район прибрежных домиков. Ло, не меняя вектора движения, упорно приближал Юки к пляжу Маршалла.

Прохладный бриз заставил девушку поёжиться. Лодка шла по ровному океану без рывков, не качаясь. Разорванный пополам мост с приближением утра обретал свой истинный, ржавенький цвет. Юки не хотела думать о сломанных мостах.

– Дадите совет, Такеши-сама? – учтиво спросила она.

Старый рыбак бил о воду, взирал на мелкие ячейки уже неразличимой сети, но будто бы отчетливо их воспринимал. Его модернизированные глаза видели намного больше, чем нужно обычному человеку. Наставление он выучил назубок ещё месяц назад и проигрывал в уме на повторе, пересказывая даже сейчас, не сомневаясь, что облёк мысль в безупречный конструкт.

– Ты ещё помнишь, что я говорил про важность линии? – губы чиркнули спичкой в тёмной комнате. – Когда ладья занимает свободный ряд, то обычно не совершает ошибки. Это относится и к когорте гоплитов, удерживающих Фермапильское ущелье. Самый лучший размен – это размен на твоих условиях. Разумеется, демоны, которые сидят на каждом плече, попытаются увести тебя от истины. Демоны делают нас слабее, обзывают жалкими, мелочными, бесполезными, и если слушать одних только демонов, тебе покажется, что линия, которую ты обороняешь, слишком широка. Когда Бэнкэй встретил на мосту врагов, пришедших за его господином, у него был выбор: попытаться спастись либо остаться на месте и принять бой. И он выбрал бессмертие. Правда в том, что если ты готова сложить голову за то, во что веришь, ты в любом случае удержишь линию.

В 2145-м Ло увидел своих собственных демонов, после встречи с которыми едва не потерял себя. Казалось, Ло отдал девять жизней, и с тех пор прекратил разменяться на

слова. Он скажет, если его спросят, но как много – зависит от ситуации. Советы его били в яблочко, что болты Вильгельма Телля, сбивающего яблоки с макушки сына. Девушка осмыслила напутствие, представляя орду варваров, вышедших против неё на равнине, и черные стрелы, поглощающие небо, пустое синее небо, которое и так лишено позитива. Она не побежит от страха, но будет лезть напролом, хватаясь за шансы, за возможности и надежду. Она останется собой даже умирая, если на то пойдёт.

И лодка вцепилась в отмель. Мокрый песок мягко принял гостей. Юки с ловкостью эквилибриста обступила лавочки, уверенно удерживая равновесие. Ло поддержал её за бедро, не позволяя оступиться – он боялся увидеть в этом зловещий знак, однако знаки пока что были добрыми: темнота разбавлялась, редела, и рассвет обещал быть очень живым. Юки сдвинула информер на лицо – непроницаемая маска вмиг стёрла все отличительные признаки. Ло с любопытством осмотрел первые следы, оставленные ботинками на мокром песке, невольно вспомнив Нила Армстронга, и провожающе похлопал её по спине. Он всем видом как бы говорил, что его ждёт рыба и нерасторопная молодежь ни за что с ней не справится. Девушка обняла любимого молчаливого рыбака последним в очереди и понимающе кивнула, отступая на шаг. Тот вернул лодку на воду, одним прыжком занял сиденье и с уважением кивнул и ей, и лежащей впереди неизвестности, прикидывая шансы юного ронина на бла-

гополучный исход.

Руины мегаполиса лежали за подъемом. Многоуровневая трасса, устоявшая не из-за какого-то чуда, а из-за точно рассчитанных ракетных ударов, перечёркивала небо. Дороги и транспортные узлы бомбардировки не тронули, зато пустили в расход всё остальное.

Вихрь размышлений грозил унести её в бездонное прошлое, но стоило приливу коснуться подошвы, Юки очнулась, глотнула свежего, фильтрованного воздуха и бесстрашно шагнула навстречу умирающему в коме городу.

2. Samūm.

Осклизлые базальтовые глыбы, укрытые тенью пляжного кармашка, лежат отпавшей чешуёй захворавшего гигантского дракона. Клочья травы, пробившие серый береговой грунт в надежде на могучий прилив или способный на чудо воскрешения дождь, жадно допивают утреннюю прохладу, тающую в душном восточном ветерке. Неохотно разливается лазурью серое, угрюмое небо.

Внутренний экран «шамана» отобразил аккуратный перечень стандартизированных обозначений, выученных назубок. Поле деформаций в транспортном узле отметилось практически сразу: Джей засёк его по едва уловимой интерференции на стенках прозрачного барьера – распознал по лёгкому рассеиванию солнечного света на поверхности трёхсотметровой полусферы, являвшейся, по сути, буреломом из дифракционных, поляризующих и прочих волн, создаваемых специальным модулем. Любой несанкционированный сигнал, попавший в это поле, мог выдать отправителя (или, в лучшем случае, попросту рассеяться), так что у Джея не было возможности подключиться к инфраструктуре узла, во всяком случае, «по старинке». Можно прощупать систему через квантовый коммутатор, но для этого придётся приблизиться на расстояние выстрела. В остальном, никаких сюрпризов. В зоне охвата сканеров отсутствовали ловушки

и кровожадные хищники, воздух, пускай сильно грязный и разреженный, оставался в пределах допустимой нормы, помехи по плотности напоминали снежную лавину, а над руинами шныряло несколько наблюдательных дронов, которых, с большой вероятностью, получится взломать.

«Так-с», – ПМК явно хотел поработать. – «Я как будто на сеансе иглоукалывания: DDoS-атака за атакой. Хотя не всё так плохо в королевстве датском…» – его алгоритмичное сознание, перешедшее вдруг на поэтический слог, выдержало победоносную паузу. – «Нам бандероль с шифровкою изящной».

Юки переборола удивление.

– Звучит слишком хорошо.

«Думаешь, вирус?» – данные о подозрительном файле уже четверть минуты висели на «шамане». – «Вон цифровая подпись Техника, его метки и номер моего порта. Всё закодировано самым абсурдным образом. Это точно от старика. Ты же знаешь, как щепетильно он относится к информационной безопасности».

– Специально заехал во Фриско, чтоб оставить лазейку в системе? В каком году, интересно? Если всё так, то плату за мотоцикл он вполне мог передать китайцам лично. Но откуда дедушка знал, что мне пригодится доступ к узлу?

«Потому что твой выход в США имел высокую вероятность, полагаю, а пустой узел выглядел как потенциальный форпост потенциального противника, который раньше или

позже был бы занят. Техник умеет думать на несколько ходов вперёд».

Юки оценивала «бандероль». Почерк действительно указывал на Кэзуки: криптография способна довести до истерики, но если пользоваться рядом правил и понимать, как их реализовывать, заминок практически не возникает. Всего-то требовалось использовать в качестве ключа шифрования какую-нибудь четырёхмерную модель зебры или что-то в этом духе.

– Его бэкдоры провисели в системе с восьмидесятых? – от девушки исходил здоровый скепсис.

«Чему ты удивляешься? Техник на «троянских конях» собаку съел».

– Кстати, о собаках…

«Ни одной не наблюдаю, зато крыс в изобилии. Не боишься их?» – сдержанный тон маскирует стереотипную издёвку.

– Заразных. Ещё тех, что размером с фургон.

«Здоровенные грызуны-мутанты, заменяющие боевых псов, вполне допустимы – они в определённой степени даже полезнее коров, дающих человеческое молоко. Интересно, какой в пустошах основной рацион?»

– Крысы, исходя из беглого анализа. – Юки сосредоточилась, изучая спектральную карту, прошитую белым шумом. – Кластер, кажется, мощный, зато от Чайнатауна никаких сигналов. Интересно, нападавшие действительно сидят там?

«Подключимся к системе узла – начну копать. Как гово-

рится, бэкдор в помощь».

Она взвешивала вероятности. «Бандероль» казалась чистой и вполне увязывалась с предусмотрительностью Техника.

– Файлы, похоже, правда от дедушки. Перепроверь и подключайся.

Пляж хранил несколько пивных бутылок, шоколадную обёртку и рваный башмак. В подножии склона чернел гофрированный стебель, вьющийся из центра косого металлического колеса. Листовидные пластинки, идущие внахлёст по ободу, позволяли не увязнуть даже в мокром песке, тяжёлый с виду бутон лёгок, но служит балансиром. «Изысканное инженерное исполнение», – подумала Ю, сканируя «визажиста», укомплектованного давно перегоревшими гаджетами, от вычистителей пор до пиктохромной иглы. Бесплатные мобильные услуги – стандартная практика корпораций для привлечения новых клиентов, эдакая пассивная реклама и повод похвастаться. Активной рекламой тоже не брезговали, и этот робот, судя по угрюмому молчанию, либо объявил бойкот, либо окончательно накрылся. Девушка подошла ближе, с любопытством наклонила голову и, ожидая какой-то реакции, рискнула проверить защиту от вандалов.

– А-а-активация! – скомандовала она, отвешивая железяке нахальный пинок. Автоматика не среагировала. Ю протянула по-японски: «Yasuraka ni nemuru», с сожалением добавив:

– Сборщики наверняка растащили всё, что работало, – и от огорчения снова саданула по вездеходному колесу. Придавив его ботинком, смерила некрутую горку, за которой начиналось самое интересное.

Аккуратные деревянные ступени, врезанные в береговой склон, выходили на линию обороны. Упившиеся рассветом бетонные бункера соседствовали с пустующей парковкой. Из-под слоя транспласта высовывался древний дренажный жёлоб. На расстоянии полёта стрелы – шестиполосная дорога, влетающая в старинный мост, что отлично просматривался с берега. «Золотые ворота» матовели обрубленными культями, вырастающими из противоположных берегов, недосягаемо тянулись к воображаемой точке соприкосновения. Концы подвесных тросов лакают воду, болезненно скрипит на ветру умирающий металл. Город принял несколько различных по наполнению ударов, буквально сдувших инфраструктуру: вначале точечно зарядили по переправам, затем приправили залив конской дозой яда, а довершили дело сейсмическими и ядерными, чтоб не чувствовалось недосказанности. В своё время «Малыш» с «Толстяком» вынудили Хирохито принять капитуляцию и популярно донесли до засевших на Филиппинах партизан, что пора кончать с сопротивлением. А вообще, только ли ради быстрой победы уничтожают города? Не для того ли ещё, чтоб посмаковать последствия, ведь если есть «законный» способ попробовать сладкое, то кто упустит шанс, и плевать, что пахнет человечиной.

Враги недостойны сожаления, они – просто сопутствующий урон, обречённый гнить в архивах среди бездушных чисел, зато ощущение собственного превосходства – бесценно.

Трёхъярусная дорожная сеть возвышалась атлантом, держащим небесную твердь. Кристальная инженерная скульптура – огромная ледовая глыба, обретшая предназначение в руках резчика – приковывала внимание за неимением других уцелевших достопримечательностей. Трассу лепили из органических битумов, смешанных с песком, а обесцвечивалась она за счёт фотохимии и сложной структуры материала. Сотней метров ниже находился вакуумный коридор – «Нурег» – на котором транспортное средство достигало скорости в один чих, и путь от Калифорнии до, скажем, Мэна укладывался в полтора часа. Очередной способ сэкономить время, конвертируя его во что-то не менее значимое. Все машины имели автопилот, так что пассажиры зачастую сидели в VR и скучные поездки превращались в приключения или экскурсии. Один клик – и вот ты уже плывёшь через воды Индийского океана по маршруту «Наутилуса», или мчишь по саванне какой-нибудь невыдуманной экзопланеты, населенной причудливыми микроорганизмами, о возможной эволюции которой с три короба наплетёт виртуальный гид. Сценарии борделя или пыточного кабинета выбирали чуть реже, хотя также имели крепкую фан-базу. Автоматика тотально следила за безопасностью и самочувствием, своевременно уводила машины на полосы торможения, а стоило такое удоволь-

ствие не дороже платных магистралей двухтысячных. Раз в год раскошеливались на медосмотр, зато никаких инфарктов в замкнутом жерле циркулирующего движения. Сейчас под завалами куча расплющенных мумий с безупречными медицинскими картами.

Стремительно преодолев склон, миновав зарытые в землю бункера, она попала на узенькое авеню. Магнолии, в пурпурном эфире дрожащей от бриза листвы, шептались на несуществующем языке, а старинные казармы, как и в тот раз на Кубе, приглашали её в эпоху Конкисты. В 1769-м на этом берегу закрепились испанцы и досидели до того, что их форт (Пойнт, если кому интересно) начал рушиться под проливными дождями; позже территорию заняли мексиканцы, являвшие в самое жадное своё время довольно крупную империю; напоследок шарма добавили американцы, непринуждённо взорвав кусок утёса и возведя рядом уйму фортификаций на любой вкус. На изломе тысячелетий укрепления превратились в музеи, а теперь и вовсе в памятники архитектуры. История будоражила, а незанятые площади, истосковавшиеся по безудержным атакам, манили на жаркий приступ, на захват, который воспоют менестрели. Юки отгоняла ураган событий, вызванный одним лишь названием минувших эпох, боясь даже на секунду оторваться от реальности: всего один мельчайший просчёт, один беглый взгляд часового, скрытого за деформатором в какой-нибудь казарме – и её смелый поход накроется, едва начавшись. По шуршаще-

му от транспластовой пыли тротуару, мимо запорошённого бейсбольного поля, она шагала к Пресидио-Паркуэй, наслаждаясь обилием места и количеству домиков, в перспективе пригодных для жилья.

Деформатор, встроенный в её цубу, подстраивал Юки под общий фон, корректировал амплитуды и длины, пропуская через себя спектр излучений таким образом, чтобы окружные сканеры её не засекли, так что она пользовалась привилегией – неприкосновенностью личного пространства – в то же время наплевав на неприкосновенность других. Джей получил определённый уровень доступа и потихоньку взламывал запароленные переписки, выделяя для ронина самое примечательное. В «Вертикаль» входило пять основных городов, с которыми сотрудничало около тридцати форпостов и населённых пунктов поменьше. Рэй, руководивший узлом Сан-Франциско, скромно именовал себя «Боссом». Жившие здесь китайцы упоминались вскользь, и в некоторых заметках чувствовалась лёгкая неприязнь. В основном местные занимались сбором техники и расчисткой завалов, но, судя по логам, особо не спешили, предаваясь праздному времяпрепровождению. Естественно, «Персонал» соблюдал законы «Вертикали», но с небольшими изменениями вроде верховенства Второй поправки, так что любой из них имел право носить оружие и отвечать на угрозы превентивными ударами. Юридические нормы в целом были прописаны довольно детально, и даже термин «угроза» был разложен по пунк-

там. К счастью, ни агрессивная стойка, ни ствол на бедре не давали «Персоналу» права стрелять. С другой стороны, законы нередко оказываются фикцией. Юки непроизвольно проверила рукоять револьвера и с энтузиазмом продолжила чтение. Запрещалось растлять детей младше шестнадцати, запрещался секс без обоюдного согласия. Возраст документировали: «Вертикаль» выдавала гражданам паспорта, а сателлитам – временные удостоверения. Особо порадовал запрет на смертную казнь, и это в условиях военного положения. Уголовный кодекс, несомненно, фундамент, но чтоб полностью понять общество, придётся войти в парадную дверь. Либо понаблюдать через окно.

Трансляции с веб-камер показали праздно шатающихся молодчиков, в большинстве вооруженных мелким калибром. Джей выставил точную цифру: сто пять человек плюс один бот-уборщик; ниже, дополнением, инфа про Чайнатаун. Там, исходя из чатов, действительно сидело двое «портлендцев». В большом здании ресторана, если точнее.

– Хочу заскочить в Квартал.

«Займёшься прослушкой?»

– Судя по всему, нападавшие реально дожидаются там возмездия. В этом плане «Вертикаль» не соврала, да и на приманку это мало похоже. Я бы с ними поговорила.

«Разнесли они Квартал неслабо. Кадров нападения нет, зато последствия задокументированы. Лови видео».

Юки развернула его на весь экран.

– Ага, вижу. Выбитые стёкла, сожжённая мебель. Рейдерский набег или конфликт на национальной почве?

«Поставлю в карманную книжечку детектива дополнительный знак вопроса».

– Будь любезен, – улыбнулась Юки, переключаясь обратно на узел. Движением пальцев она расширила прямые трансляции из ангаров. Одинокий механик ковырялся в капоте пикапа. Насчиталось несколько бронемашин, танк со снятыми гусеницами и пара лёгких гусеничных джаггернаутов. Гражданских «колёс» скопилось просто тьма. Среди всего калифорнийского скарба она неожиданно обнаружила нечто знакомое.

– Вот и мой байк. – Она села в агуру между пустырём и прогулочной дорожкой. – Его правда оставили на хранении и, походу, даже не заводили.

«Вероятно, его даже взломать не смогли».

– Это решается заменой бортового компьютера. Сделай ещё пометку.

Внимание быстро перескочило на семантический анализ чатов, констатирующий неутешительные результаты: частотность слов «война», «победа», «свобода» и «Америка» подбиралась к нездоровому уровню. Разница между патриотом и нацистом довольно очевидна: одни не терпят чужой устав в своём монастыре, вторые не терпят чужих уставов во всех монастырях, мекках, синагогах и далее по убывающей. Вот только кем, интересно, является «Персонал»? Как бы там

ни было, пока что весь их гнев был нацелен на пиратов, чего только стоили многочисленные дефиниции: захватчики, коммунисты, дьяволы… Обрывочные видео пиратских атак показывали экспансию во всей красе, но ничего дьявольского в тактике «Авангарда» она не заметила. Да и коммунистической атрибутики ни разу не попалось. А всё-таки неплохо бы понять, за что борется каждая из сторон. За идею? За территорию? За свободу? И что за непреодолимое разногласие мешает им договориться?

– Мясорубка зверская, – сказала Юки, пробежав по кадрам боёв за Чикаго. – Надо взглянуть на последнее видео… Кажется, это. Мемфис, датировано шестьдесят восьмым годом. Разверни его. Хм-м. Реактивные установки, летуны… А это что? У пиратов техника глохла? Кайф… В логах есть что-то про перемирие?

«Официально – нет, но, судя по разговорам, семидесятые прошли относительно тихо».

– А в восьмидесятых «Вертикаль» начала терять форпосты. Подозрительно мало подробностей.

«Вероятно, тема табуирована, вот записи боёв и потёрли. Зато есть панорамы пустых городов».

– Пираты уводили население после налёта? Монгольская тактика. Есть инфа о беженцах?

«Только о тех, что ушли заранее».

– То есть после семидесятых о боевых столкновениях мы можем судить лишь постфактум? Мне интересно, почему

подбитой техники не видно? И даже не смей шутить про аннигиляторы.

«К слову, жертва надеется поменяться с охотником местами. – Джей развернул нужные переписки. – «Вертикаль» готовится к «крестовому походу» до атлантического побережья. Если учесть, что главные святыни США располагаются именно там – метафора просто шикарная.

– Патриотизм так и сочится. Похоже, они действительно сражаются за идею.

И вся эта готовность сокрушить врага могла выглядеть естественным желанием оживить белоголового орла-гегемона, если б спустя секунду Джей не получил новые данные: базу «Персонала» с настойчивой периодичностью прошивали тонкие пучки ионизации. Это не просто дополнительная инфа, а эдакая пробуждающая пощёчина шестнадцатикилограммовой гирей. Тысячи паутинок, которые ловят «лишние» мысли. Юки сосредоточилась на спектрограмме, на пролетающих сквозь стенки черепов атомах, отмечаемых внутренними сенсорами узла. Нейрокоррекция – дорогостоящая методика лечения и профилактики ментальных расстройств, но если злоупотреблять ею, можно потерять часть себя, а то и вовсе заразиться навязчивыми идеями. К тому же, при неточной настройке выжигались «лишние» синапсы, что по сути своей являлось искусственной, постепенно прогрессирующей деменцией. Оставалось надеяться, что «Персонал» не превратился в фанатиков.

– Психотерапевтический модуль, – хмыкнула Юки. – Вполне себе источник патриотизма.

«Даже спорить не стану».

– С первым контактом могут возникнуть проблемы…

«Главное, маску перед ними не снимай. Судя по всему, у тебя есть право на анонимность».

– Интересно, как они отнесутся к тому, что я японка?

«Им может показаться, что ты агент Шанхая».

– И будут правы, – неутешительно заметила Ю. Джей безошибочно уловил интонацию.

«Тогда тем более, будь осторожна. В теории мы можем только догадываться, на какие триггеры среагируют «пациенты», но то, что с зомби-вышкой вероятность конфликта возрастает кратно – априорный факт. Поклонников звёздно-полосатого может раззадорить даже британский акцент. Если окажется, что кластер ещё и антиматерией стреляет, я стоя поаплодирую тому, кто его собирал».

– Аналогично, коллега. Что по боту?

«Спайдер», если реестры не врут. Засекреченный проект дочерней сайберовской лабы и шишек из Пентагона. Со времён Коллапса служит правительству».

– Теперь мне точно туда не хочется. И трансгуманистов в узле навалом. Укреплённые кости, телескопические зрачки… Техническому уровню «Вертикали» можно позавидовать. Получится оценить уровень интеллекта?

«Средний член «Персонала» потерял от пяти до пятна-

дцати миллиардов нервных клеток за восемь лет, судя по деградации речи».

Девушка поморщилась, представив, как много знаний утекает с потерей пятнадцати процентов сознания. В дураков превращаются, а даже не догадываются, наверное. К горлу подступил ком.

– В переговорной только тепловизоры. – Юки наблюдала два близких горячих силуэта. – Босс трахает «горничную»?

«Инфа бесполезная. Но ты поспекулируй, раз хочется».

Она вздохнула.

– Взлом кластера отложим до лучших времён. Неохота с утра-пораньше бегать от Четвёртого Рейха. Поищи системную конфигурацию.

«Могу спросить в чате киберкалибровщиков».

– Смейся, балбес. Предрекаю нам долгое наблюдение. – Юки всё ещё сидела в агуре. – Перехватывай дрон. Отправим на «Токио» щепотку инфы. «Персонал» ведь не заметит пропажу?

«Им придёт уведомление о сбое и потере сигнала где-то в районе Алькатраса. – невозмутимо ответил Джей. – «Персонал» решит, что дрон упал в залив. Отправлю Маэде минут через десять».

Холодный и могучий океан, обласканный восходом, урчал под боком, точно карманный ручной зверёк; лодочка с дядюшкой Ло давно исчезла за линией горизонта. Ю кивнула безмятежной водной глади и зашагала по тротуару в

вакууме налетевшего вдруг одиночества. Границы перестали измеряться размерами корабля – ей открылся неимоверный, но безжизненный простор. Друзья, понятные и понимающие, остаются позади, а где-то там, куда ещё топать и топать, непонятно какие встречи. Странно всё-таки, что неизвестность так нервирует, даже если прикинуты все варианты развития сюжета. Огнеупорные референсы, отпечатанные на подкорке животного начала, неистребимы. И так с каждым шагом, чем ближе чужаки, тем больше фатальных предчувствий, что всё пойдёт наперекосяк. Но ведь шансы наткнуться на психопата ничтожны; ведь бедственные условия научили людей взаимовыручке и кооперации. До Коллапса в мире чаще слетали с катушек: клали шпили на фундамент, расстреливали школы… Слабое субъективное сознание не выдерживало давления и отвечало самыми изощрёнными способами, пытаясь уничтожить источник агрессии, а усугублялось дело именно потому, что доведённый до крайности человек не всегда понимал, с какой силой ему отвечать. Адекватное большинство также не сидело сложа руки, стараясь менять социум в лучшую сторону, и исправить бунтарей и маньяков до того, как сработает триггер. Развивалась профилактика душевных расстройств, шла борьба с незаконным оборотом наркотиков, учителя избавлялись от невежества, погружавшего во тьму целые цивилизации, но всё равно низвергся ракетный дождь, которого никто не ждал. Но если следить надо было не только за маньяками, а за гениями?..

Что, если мир уничтожен не из-за отчаяния, а из-за некоего высокого замысла? Чья-то одержимость встала во главе угла и вуаля – коды запусков активированы, а правительства попраны. И какая идея вообще даёт повод пустить государства под откос? Анархизм? Любопытство? Банальная проверка собственных возможностей? Деструктивных шаек народилась уйма, но для свержения иерархий нужна безупречная организованность и высочайшие компетенции.

Преодолев около километра, Ю вышла к будкам со шлагбаумами, оберегающим знаменитый мост. У гаража экстренной службы вскрыты ворота, выставлены напоказ голые выпотрошенные стены с вывороченной обивкой в заусенцах микроволокна. Снаружи облупившаяся эмблема частной охранной фирмы: подобие звезды шерифа с гербом, под которой размахнулась стандартная бравадная надпись. Тонконогие столбы протянулись вдоль дороги согбенными монахами, отпускающими заупокойные молитвы; в брусчатых тротуарах встроены прямоугольники мусороприёмников, соединенных системой пневматических туннелей, по которым разного вида нечистоты отправлялись до местной перерабатывающей станции. Судя по редкому мерцанию датчиков, отходники до сих пор выполняли долг, невзирая на тотальную разруху.

Термометр показывал двадцать шесть по Цельсию, так что Юки заторопилась к трассе. Неподалёку виднелся ведущий ко всем трём ярусам въезд, разложенный веером. Верхний

служил для приземления дэшей, но лично для неё он послужит потолком, дающим спасительную тень, и укроет от авиации, если таковая присутствовала в радиусе лёта. Потянет ли Ю поединок с летуном – вопрос открытый, и решать его на практике у девушки не было ни малейшего желания.

Она с подозрением вглядывалась в эклектичную конструкцию Чайнатауна, выглядывающую из мусорного моря тонущим островом, а потом сделала жест, дословно означавший «Джей, музычку».

«Секунду». – Он задумался, перебирая варианты от «California dreaming» до «Smooth operator», но, не желая погружать свою компаньонку в меланхолию, включил «Dani California». Песня про девушку, которую пристрелили.

– Издеваешься? – изумлённо спросила она, ловя мажорный ритм ударных, а потом поскребла ногтем большого пальца по безымянному, готовая ласково придушить ПМК. Жаль, что у микроскопического сборника алгоритмов не предусматривалась шея.

Районы разбиты, измельчены и перемешаны; толстый слой архитектурного сюрреализма уходил за пределы видимости, так что обойти его было попросту невозможно. В ринге полосы препятствий, даже самые сложные, не вызывали затруднений, здесь же вовсе намечалась лёгкая прогулка, проверявшая азы эквилибристики. Юки ловко забралась на выступ, перепрыгнула на кусок стены, пробежала, балансируя раскинутыми руками, и в несколько скачков до-

бралась до подъёма. Ощутив стабильную поверхность, побрела наверх, к нужному уровню. Вид открывался шикарный: белёсая пыль осела на громадных конструкциях, а ломаные фрагменты архитектоники торчали трамплинами на триал-шоу. Всё будто тальком припорошило, словно колоссальных размеров Тони Монтана чихнул на горно-кокаиновые цепи. Над кромкой горизонта мерцательно дрожал желтовато-гипсовый шлейф могучей песчаной бури. Дальномер отчитался по расстоянию, Джей прикинул скорость: через час нулевая видимость сотрёт унылые, но, всё-таки, пейзажи. Не самый плохой расклад для того, кто должен оставаться необнаруженным.

Ленты дорог разбегались на десятки направлений, проходили сквозь зубцы не до конца обрушенных зданий, стягиваясь, как смотанные в охапку кабели у сияющего фасада узла. Над застеклённым скелетом волнообразная крыша, всюду цветущая зелень и потоки воды… Блеснула рассветом оборванная стремнина воздушного монорельса. Кольцо терминалов отливало платиной на фоне серых лент ВПП.

Над завалами Ричмонда болталась кабина грузовика, перескочившего ограждение второго яруса, и, надо отдать должное, механизмы продержали кабину полвека. Большинство авто просто отключилось, а дэши, скользящие над улицами, попадали чудовищными осадками, превратившись в грустное напоминание о Коллапсе. Мир рухнул в одно мгновение, разделив судьбу глиняной башни Вавилона. Всё – гли-

на: языки, взгляды на вещи и полная уверенность, что подстраиваться должны под тебя… Вот такой он, мир самовлюблённых олухов, лежащий теперь у ног истории. Сенсей говорил, что на Пути не стоит горевать о прошлом, ибо печаль при движении вперед подобна дождю, размывающему грунтовую дорогу, так что Юки пригасила эмоции, уверенно двигаясь к Чайнатауну, урбанистические мощи которого желтели под открытым небом. На крыше сверкнула пристройка чайного домика с верандой над самой улицей. Фоном ползла буря, отдавливая вихрящимися лапами ярд за ярдом.

Даже без дорожного трафика и миллионов прохожих разрушенные мегаполисы не теряли великолепия. Человек априори восхищался левиафанами, рукотворными или же созданными природой, только природа, в отличие от человека, ни перед кем не выделывалась. Драконьи ворота под пологом зелёной черепицы стояли, припорошённые мутной синтетической пылью. Ю спускалась к Кварталу, разглядывая арку, сложенную из квадратных узорчатых блоков. Рычащие каменные драконы, больше похожие на толстеньких собак-рокеров из семидесятых, восседали на выступах бетонного основания, вывеска «Небеса открыты для всех» на паре цепей зияла тремя пулевыми отверстиями. Улица уносилась вперед, некруто взлетала, вонзаясь в аквамариновое небо.

Девушка прошла через центральную арку как настоящий воин из легенд, только вместо торжественных барабанов её встретила дремучая безысходность. Многоквартирные дома,

украшенные очаровательными рельефами кирпичной кладки, стояли на фундаменте частных заведений, изрешечённые киберглассовые витрины посвистывали сквозняком, посеревшие вывески складывались в подобие эдакого апатичного супрематизма. Террасы из китайского кедра, а может, из японской сосны, висели высоко над улицей, соединённые мостиками. Вверху спал второй город, с самостроем, площадками для медитации и читальными залами. Сотни озарённых окон плывут медленной вулканической лавой, на верёвках давно высушенная одежда, постельное белье занавешивает пустые квартирки, а в нескольких просторных пентхаусах ультразвуковое сканирование указывает на сады камней. Камни для Китая – не просто элемент ландшафтного дизайна. Они являли собой вместилище добрых духов, оберегающих от всяческой чертовщины и неудач. Энергетика тут точно была, но не добрая: добрые духи давно покинули это место, впустив взамен чёрную ауру, идущую из каждой пулевой выщерблины. Сами здания напоминали многоглазых, искажённых незримым демиургом, пауков. Юки настигло странное ощущение, что по дороге можно бесконечно бежать и никогда не найти отсюда выхода. Девушка развернулась, удостоверилась в наличии ворот и поймала себя на мысли, что на секунду поверила в перерождение и неупокоенных фантомов, оттого усмехнулась сама себе и перешла дорогу, ни капли не волнуясь угодить под колёса. В чем плюс постапокалипсиса – людей сбивают обычно нарочно, зато ка-

тастрофически редко: транспорт слишком ценен, чтобы использовать его в качестве тарана. Судя по следам шин, автомобиля не было около месяца. Висели гирлянды бумажных фонариков, и самые яркие из них – оранжевые – оставляли на вкусовых рецепторах иллюзорное ощущение горьковатой апельсиновой цедры. Перед входом в кафе расположился информационный стенд. «Эспрессо – доллар, макиато – полтора», – размашистая надпись мелом на грамотном английском. Реальных посетителей у дешёвых забегаловок хватало даже в эпоху цифрового туризма.

Масштаб перестрелки вызывал тревогу. Сканер отмечал следы шрапнели, скопления дроби, осколки сдетонировавших гранат и царапины от срикошетивших разнокалиберных пуль, местами не отличавшихся от когтистых следов крупного хищного кота. Отметин локальных пожаров тоже хватало – похоже, кто-то поработал огнемётом. Общая картинка указывала на паническое ведение боя: боезапас, казалось, уходил впустую, просто ради шума, а в некоторых квартирках следы крови долетали до потолка.

Впереди возвышался огромный ресторан-пагода. Величественный, он мог переплюнуть резиденцию если не императора, то гуна: на трёх резных дверях оттенка спелой вишни изображены взлетающие из болота цапли, тронувшие камыш поднятым ветром, навьюченные мулы, бредущие в благостном смирении, раскинувшие ветви деревья с редкими, изящными листьями, оживающие на языке привкусом насто-

ящего лета. Вместо ручек – звериные хищные морды, сжимающие медные кольца-молотки. Этажи уменьшаются к вершине, поднимаются как бы ступенями, опоясанные галереями в ажурных перегородках. Всё такое невесомое, в череде выставляющихся свесов из аккуратной глиняной черепицы, обыкновенно присыпанной транспластом. Волокна умного пластика повсюду, матово-бледные, шелушащиеся и сухие. На замыленных окнах нездоровый слой пыли. Юки стремительно и бесшумно проскочила во дворик, затаившись на углу. Козырьки проецируют волнистые тени на миниатюрный водопад и вполне живую растительность, рваные бумажные фонари обрамляют фасад – невесомые плоды инженерной мысли в единой цепи. Тропинки из многогранного плитняка проходят вдоль и поперёк совершенно чудесного двора, в котором не стыдно даже сейчас закатить пикник. Водопад – миниатюрная копия китайско-вьетнамского Дэтянь: под сенью декоративных хлопковых деревьев бегут к обрыву широкие потоки, спускаются по порогам и бросаются в безмятежную гладь искусственного озера. Ю бывала там несколько раз – училась плавать и пускала кораблики с друзьями… Волна воспоминаний ударила чистым кислородом и почти довела до ностальгического кораблекрушения. Сдержав тоскливый спазм, она встрепенулась и тенью скользнула ко входу, у которого с чистой совестью выпрямилась, уложив уверенную руку на массивное кольцо, зажатое лисьей пастью. Лишнее отсеялось, только ток воды фонил, да при-

тихшее сердце едва отдавало в рёбра.

Стоило ей приоткрыть створку, шёлковая вуаль света легла на растяжку. Такую мелочь сложно заметить из конца зала, тем более мгновенно отреагировать, так что Ю готовилась победоносно ступить на чужое поле, используя все преимущества внезапного появления. Вопреки ожиданиям, за момент до решающего шага, усталый, вязкий, но при том торопливый голос бросился из глубины запутанного помещения, немного сбив с неё спесь. Он словно прилагал усилия, чтобы не запнуться.

– Планк? Сильвия? Брайтон? Нет, в этот раз не баньши. Назовись, я не кусаюсь!

– Саманта. – Ответ вышел незамедлительным, похожим на испуг, а он для вооруженного мужчины что вишенка на торте.

– Саманта, – повторил тот задумчиво, перебирая пожелтевшие карточки выцветшего альбома. Его друзьям подобного тавро не выжигали. Он штамповал слова тоном давно повзрослевшего подростка. – Баньши не зовутся Самантами, правда? Выходит, турист.

– Ага.

– Тут голяк. Из Квартала вывезли всё ценное, а у меня только ружьё, и я за него голову отгрызу, Богом клянусь! Мой глаз цепок, – он спёрто икнул, – так что не пренебрегай гостеприимством. Не надо кормить смерть, ибо она насытилась на долгие лета. Ты буквально стоишь на могилах. – Воз-

никла необходимая для одного глотка пауза. – Зато им больше не больно. Не тревожь усопших, проходи внутрь и чувствуй себя как дома. Только о растяжку не споткнись, умоляю, – снова икота, – она помогает мне видеть мертвецов.

– Делать мертвецов она помогает не хуже, – подкол прошуршал шёпотом Японского моря в розовых листьях сакуры.

Посчитав, что реабилитировалась, Юки уверенно шагнула в помещение, переступив смертельную проволочку. Шаги с пятки на носок, беззвучные, выверенные, словно первые поцелуи суккуба, а напротив, в обволакивающем ламповом свете сидит за барной стойкой измождённый человечек с тонкой шеей, в расстёгнутом джинсовом жилете на голое тело, с нелепым стогом сухих растрёпанных волос. Слегка напоминает глупое огородное пугало, ожившее и едва освободившееся от хомутов. В изгибах мышц, недожжённых алкоголем, таится концентрированная чернота. Местами бледный, местами тёмный, наполовину реальный и наполовину живой. Склеры пьяных глаз пропитаны желтизной – явная проблема с печенью – гнойный болезненный оттенок и ощущение того, что глазные яблоки вот-вот лопнут, как обжаренное яйцо, выпуская слизистую массу на скулы, щёки и подбородок, после чего бедолага изрыгнёт последнюю конвульсию и замрет навеки. При внешней обречённости держался он молодцом, старался расправить плечи и не сводил любопытствующих лисьих зрачков с «шамана». На баре,

близ чашки с арахисом, расположился помповый дробовик, между ними – его правая, совсем расслабленная кисть. Подушки пальцев поблескивали кристаллами соли, в левой замер стакан с субстанцией пшеничного цвета. Сканеры мельком отметили бренд: дешёвый «Jameson» – достойная пара к солёному арахису. Показная бравада давалась мужчине нелегко: подрагивали веки, тяжело раздувалась грудь, резко опадала. «Сколько ему осталось? – мелькнула мысль. – Пара лет на препаратах, если тут были препараты. Таким нечего терять». Не ослабляя внимания, Юки подцепила ближайший стул, рванула к себе и уселась напротив, вытянув вперёд ногу с кобурой. Алкоголик не успеет схватить ружьё, тем более, умирающий. У него появится ничтожный шанс на победу, если он резко уйдёт за бар, тогда её ждёт короткий спринт, а его – непродолжительный мордобой. Всё, как по учебнику.

Рассредоточенные ширмы перекрывали обзор с улицы и добавляли месту действия художественной целостности. На рисовой бумаге сменялись исторические темы: идущие в бой колесницы, пешие воины в длинном бронзовом доспехе, бытовые сценки, в основном черно-белые, поражающие минимализмом и глубиной. Человечек хлопал мелкими, вкрадчивыми глазками, раз за разом возвращал на вертикаль съезжающую вбок голову, придавая себе вид вежливого слушателя. Он дарил ей право первого хода, чем девушка не преминула воспользоваться.

– Странно видеть белого бармена в азиатском районе.

Тот хохотнул и брызнул слюной, в смущении подмяв зубами нижнюю губу.

– Хороший же из меня выходит работяга: сам себе наливай, сам себе пей. Позволь и тебе налить, как водится, за знакомство.

Юки покачала головой, заставив его безразлично пожать плечами:

– Воля твоя. По-моему, пинта эля никому не повредит. Будь всякий хоть немножечко пьян, жить бы стало гораздо проще. Посуди сама: чем человек взрослее, тем сильнее в нём первобытное, а от этого сплошные заботы; алкоголь, в свою очередь, гасит животное начало, стирая присущее дикой природе недоверие, – незнакомец поучительно взглянул на Юки так и не получив ответа, без шансов увидеть из-за «шамана», что-таки поднял ей настроение своей нелепой попыткой оправдать пьянство. – Будь у меня власть, я бы любого недовольного через воронку напаивал, утапливая заботы в хмеле, – он осушил стакан, тут же указав им на алкогольный иконостас позади себя. Дождавшись одобрительного кивка, снял полупустую бутылку виски, из которой, не пролив мимо ни капли, на три четверти заполнил гранёный рокс.

– Предпочитаешь оставаться анонимным? – мягкими мазками нарисовался вопрос.

– Где твои манеры, пьяная ты скотина? – наигранно съязвил мужчина, адресуя вопрос своей этичной стороне. Его речь зазвучала живее, немного отдавая мотивами далёкой

Ирландии. – Матушка звала меня Лео. Я из Орегона, из Портленда, в котором уже не так зелено, как раньше. – Эта мысль вызвала у него кривенькое удивление. – А было ли вообще это раньше? Все эти разговоры про торжество знания, равноправие и прочую галиматью… И Судный день за все старания! Где-то кто-то врёт, потому что победили в итоге кровожадные ушлёпки, а гуманисты и интеллигенты жидко обделались, поразбежавшись по норкам. Нам бы хороводы водить на ячменных полях, но музыку, как водится, заказывают вооружённые дяди, за которых говорят, – он икнул, – пули.

Веки упали, оставив желтоватые просветы, взъерошенная голова Леонарда поникла, зависнув на крепенькой груди. Юки, вырывая его из пьяных объятий насылающего сны Гипноса, дёрнулась на стуле, противно скрипнув на ламинате. Ещё чуть-чуть, и она бы его потеряла.

– За океаном живётся относительно спокойно, – обнадёживала Ю, – на конфликты банально нет времени. Полисы пытаются создать благоприятный образ, вкладываются в науку и искусство. Видел бы ты, как преобразились Шанхай и Сеул.

– Хватит с меня азиатов. Последние, с которыми я столкнулся, оказались долбанными вооружёнными наркошами. Ты ведь здесь из-за них? – он еле заметно проворачивал стакан, намереваясь отрубиться снова.

– Я тут сама по себе. У меня инициация, как сказал бы

дядюшка Пропп. Ищу полезный хлам, предлагаю услуги за символическое пожертвование, знакомлюсь с местными. Если всё пойдёт как надо, наймусь куда-нибудь ремонтником, а потом перетащу в Штаты своих знакомых, – она продавливала мужскую настороженность: доверительный тон отлично развязывает язык. – Я из Гонолулу, числюсь механиком на торговом судне. В конце года вызвалась добровольцем, прошла скаутскую подготовку и двинула сюда.

Мужчина почесал сухие волосы, добавив новый смешной клок. Пустые жёлтые стекляшки дернулись, проверили дробовик, рука медленно упала между ним и орешками. Шутить с девчонкой Лео не собирался. Та замерла, как замирает каракал в высокой траве перед прыжком.

– Мне бы пригодился телохранитель, – печально улыбнулся портлендец.

– Предложи цену – обсудим, – приятным кашемиром стелила Юки. – Но я привыкла чинить, а не ломать.

– Полезное качество. Рабочие руки нынче в дефиците. Я бы посоветовал наняться в «Вертикаль», но чувствую, что ты человек другого формата.

– Какого? – В её голосе угадывался неподдельный интерес.

– Тебе свобода дороже комфорта. Те, кому нравится шариться по руинам, вряд ли захотят жить под пристальным надзором.

– Возможно, побывав в «гостевой зоне», я изменю соб-

ственным принципам.

– Это чёртово яблоко. Искушают человека земными благами, а затем накидывают поводок. Один мой знакомый в Вегас переехал – видимо, важным городским шишкам понадобились лучшие жарщики барбекю; даже весточку присылал. Весь такой позитивный, прям из штанов выпрыгивает. Шкура продажная. Нет ничего плохого в том, чтобы работать на более опытного наставника, но «Вертикалью» управляют военные и корпораты. Эти превратят тебя в тягловую лошадь, а ты им ещё спасибо скажешь.

– Сейчас любому приходится вкалывать.

– Только пока другие пытаются не умереть от голода и инфекций, «Вертикаль» запускает в небо летуны и собирает кластерные системы. Даже на экспорт кое-что отгружает. Поверь, Эл-Эй работает ударными темпами. Шанхай и Сеул рядом не стояли. И, как потомки корпоратов, они знают, что самая продуктивная лошадка – это зашоренная лошадка под стимуляторами. Заметила помехи? Тоже их рук дело. Десять штатов в «снегах». Вот и прикинь масштаб производства.

– Это не значит, что люди работают в рабских условиях, – пожимала плечами Юки, – хотя, признаю, технический уровень на высоте. «Шумы» здесь дичайшие.

– Это называется защитой интеллектуальной собственности, – серьёзно произнёс Леонард. – «Вертикаль» опасается утечки информации, поэтому старается глушить любые несанкционированные передачи. К тому же, «шумы» спо-

собны сбивать ракетонаведение и перегружать электронику.

– Завидная осведомлённость.

– Иногда сюда заезжают парни из узла. Оказывают любезность душевной беседе и стаканчику доброго стаута. Заодно проверяют, не свалил ли я или не наложил на себя руки. Приятно, когда о тебе помнят.

– Почему ты вообще тут сидишь?

– Зарабатываю на билет до Эквадора. Сейчас допью – и сразу за отбойный молоток. – Лео скорчил язвительную гримасу. – Разве на Гавайях не слышали, что Квартал вынесли какие-то психи? Один из них сейчас перед тобой.

– Семь лет прошло. Мы думали, Квартал давно пуст.

– Скоро опустеет, – мрачно произнёс портлендец. – Но китайцы сами виноваты. Никто им зла не хотел.

– Что-то слабо верится. Квартал решето напоминает.

«Нотации мне читать собираешься?», – мысленно огрызнулся Лео и, изображая невиновного на допросе, заговорил скомкано, с ржавым налётом сожаления:

– Китайцы подсели на опиум. Поставили производство на автомат и развернули в Квартале притон. Видела бы ты их гидропонные сады – они весь мир накуривали и себя любимых не обижали. Дорожка шаткая: сам не понимаешь, как оказываешься «на измене». Наркотики – неуправляемая телега, которая несётся по серпантину над пропастью. Пекинские садоводы разучились держать себя в руках, так что устроили нам пламенную встречу, а мы просто-напросто хо-

тели пополнить запасы и свалить на юг. – На последних словах он виновато уставился на барную стойку.

– Вы уезжали по какой-то конкретной причине?

Лео вопросительно выглянул исподлобья.

– Ты слышала про самумы?

– Это какие-то бомбы… Или бури.

– Правильно, бури. Огромные пустынные бури, которые, как голодный москитный рой, накрывают города и выпивают их досуха. Чума с доставкой на дом…

– Ты драматизируешь.

– На континенте происходила реальная чертовщина, будь уверена. Началось это лет тринадцать назад. Над центральными широтами Америки замечают страшные песчаные ветра, как те, что случаются в арабских пустынях, а ещё спустя какое-то время доходят слухи, что Мемфис пал. Грозный форпост, в своё время остановивший пиратов. Никаких трупов, никаких разрушений. Чертовски стерильная работа, без шума, но с пылью. Затем бури двинулись на запад, и многие видели, как байки становятся явью; как зыбится горизонт, возвещая о неизбежном. До нас вести долетели одними из последних. Вначале мы не обращали внимания, потом не верили, но в конце концов поняли, что друзей-соседушек становится всё меньше, а зло цепной молнией прыгает от города к городу. А самое страшное, что накрывает оно не только подконтрольные «Вертикали» территории, но в том числе независимые поселения. Будто судьбоносный рок шагает по

карте и выключает жизнь.

– Что говорит Лос-Анджелес?

– Толкает официальные отмазки: типа в восьмидесятые произошла новая волна экспансии, только на этот раз Бостон поддерживала недобитая корпорация «S&C». Вроде как сайберы до сих пор рулят с Луны погодным куполом. Не спорю, объяснение складное, но разве бурю можно создать искусственно?

– При достаточном количестве дронов – да. Нагнетаешь холодный воздух, прибавляешь боковой ветер… Долго объяснять.

– Как, в таком случае, взять город, не причинив ему видимого вреда? Без крови, без искорёженного металла, без беженцев, которые могли бы вырваться из окружения? Можете сколько угодно искать логику, но от правды не убежишь: самум накатывает, как прибой, и уносит тебя в пучину, ласково и тихо.

– Как на западе устроена оборона? – Юки даже бровью не повела. Леонард пристально всмотрелся в информер.

– Самонаводящиеся пушки, видеонаблюдение, минные поля… Кое-где стояли кластеры, что, впрочем, особой роли не сыграло.

– Кластеры сложно вырубить с расстояния…

– Ударно-волновые излучатели, – мужчина равнодушно пожал плечами.

– Громадная должна быть бандура, – ей представился раз-

мер приспособления, способного пробить поле деформаций и перегрузить блок питания. Не очень-то мобильное получается устройство. Проще взломать кластер через «хазм» – через те же самые кванты, что сидели в ловушках её ПМК. Но что, чёрт возьми, происходит на континенте? Пираты, которые пачками выкашивали армейские части и угоняли целые военные конвои, при поддержке то ли террористов, то ли правительственных шавок в лице Томпсона и оставшихся на Луне учёных, ведут борьбу с высокоразвитыми мегаполисами запада, при этом каждая из сторон соблюдает почти полную изоляцию; одновременно с началом экспансии на континент высаживается Техник, и оборона «Вертикали» начинает трещать по швам. Стоп…

– Ты сказал: «Произошла волна экспансии». Она закончилась?

– Видимо, да. Мы тогда ныкались подальше от крупных поселений. Молились по подвалам, чтоб самум обошёл нас стороной. Кстати, вовремя уехали – Портленд потом несколько раз накрывало. А когда бури прекратились, мы сразу же рванули на юг, подальше от, – он икнул, – будущих сюрпризов. Дальше тебе известно. Бежали от одних хищников, наткнулись на других. Как знать, возможно, сейчас передо мной очередной хищник, который любит поболтать с ягнёнком прежде, чем сожрать, – мужчина ласково поглаживал стакан, будто щёку любимой женщины, с надеждой ожидая опровержения. Юки покачала головой.

– Я обычный турист, который кушает информацию.

Лео умудрился кивнуть веками. На лице отразилось пьяное принятие.

– Много поселений обзаводилось кластерами?

– Прости, статистику не вёл, но можешь поверить, в Америке не экономят на собственной безопасности. Точно знаю, что Сейлем обзавёлся вышкой. Начинка – полный фарш.

– Сейлем считался богатым городом?

– Самым обычным, человек на двести. Всё, что производили, сразу же съедали.

– Откуда у них ресурсы на покупку кластерной системы?

– Эл-Эй продаёт их в рассрочку. Наши южные соседи отдавали часть урожая и найденный хлам. Ещё донорскую кровь, кому здоровье позволяло, или спинномозговую жидкость. «Вертикаль» перед войной запасается, как пить дать.

– Почему пираты вообще нападают? – поинтересовалась Ю.

– Будто для этого требуется повод. Территория, амбиции, злость… Некоторые не умеют давать по тормозам. Прут напролом и несут страдания. – Лео встряхнул растрёпанной гривой, отгоняя минувшее. – За океаном слышали об их зверствах?

– Имеешь в виду массовые облавы на бандитов?

– На всех, кто держал у себя оружие: на наёмников, партизан, охотников, караванщиков и ковбоев. Браконьерам неплохо досталось, да и поделом. Пираты белый фосфор ис-

пользовали, представляешь? – Леонард глядел решительно, не моргая. – Тогда зацепило всех, даже ни в чём неповинных скотоводов и хлебопашцев, зарабатывающих честным трудом. Раньше, когда пираты нападали в открытую, это не так пугало – там хоть имелся какой-никакой шанс унести ноги. А сейчас, если они научились растворяться в бурях… Не поздоровится нам, если «Авангард» возьмётся за старое… Я устал бояться, устал жить в неведении, и вот ещё ты добавилась, а мне снова непонятно, чего от меня хотят.

– Помочь одному гавайскому кораблю выбрать место для переезда. Не уходи от сути, Лео. Выкладывай по порядку. О'кей, вы убегали. Зачем Квартал разнесли?

– Они первые начали. Говорю же – опиумные наркоманы. Когда бури подутихли, мы двинули сюда. Собирались только воды набрать, переночевать и свалить в Эквадор, на транспорт до Португалии. У нас было тринадцать машин: один броневичок с шестиствольником и несколько прицепов честно заработанных пожитков. Вряд ли это тянет на грозную силу, с которой кто-то осмелится штурмовать целый район, тем более, когда прилетает автоматическое оповещение, что территория под защитой «Вертикали». Для такого нужно быть круглым идиотом, – он гневно сжал стакан. – Разве я похож на идиота?! На неуравновешенного? Зато китайцы вели себя, как настоящие психи. Кричали что-то о свободной Азии и грозили «захватчикам» расправой. Зуб даю, они и в инопланетян верили. Под веществами рождаются причудливые

постулаты, противные логике. Если дать им настояться, получится гремучая смесь. Китайцы могли принять нас за кого угодно, но жребий сделал из нас врагов. Мне жаль, что так вышло.

– Они вели себя, как националисты?

– Как наркоманы-националисты.

– Какие модули работали, можешь сказать?

– Деформатор точно был. Ударно-волновые излучатели ещё.

– Анализ крови проводили?

– По всем стандартам, – деловито ответил Лео. – Расследованием занимались агенты из Эл-Эй, так что ищи данные там; или спрашивай в узле. Насколько мне известно, большинство анализов чистые, как стёклышко, только это не показатель. Готов поспорить, они там все покуривали время от времени. Мы поверить не могли, что опиаты вызывают настолько мощные сдвиги.

– Выходит, наркоманы получили по заслугам… – Юки сыграла в «доброго полицейского», намереваясь подстегнуть портлендца на откровение, однако тот с ходу раскусил, к чему она клонит.

– Мы не хотели кровопролитья. Торчки, политиканы, сексуальные меньшинства… Отец небесный заботится о каждом. Мне нравятся китайцы, нравятся индусы, нравятся все, ну, кроме бриташек: они – напыщенные уроды. – Лео раскрутил виски в стакане и, не став пить, нервно поставил на ме-

сто. – Как же хочется на пятнадцать лет назад… Я ведь потерял больше, чем многие приобретали за всю жизнь, – и начал загибать пальцы. – Пять акров чернозёма, засеянного фасолью, раскопанный завод удобрений, огромный укрепленный периметр с электрокапканами, арсенал, технику и систему колодцев. Я беззаветно помогал обустраиваться таким же отщепенцам, до последних дней заботился о собратьях и матушке, которую забрал туберкулёз. Она никогда не учила меня присваивать чужое – каждый в Портленде этого чурался, но самозащиту считала поступком доброго христианина. Без борьбы не наступит справедливости, как без выпивки не придёт облегчение, – он заговорщицки подался на локте вперёд. – Всего три раза в жизни я давал отпор, так пусть будут прокляты узкоглазые, ведь третий раз пришелся именно на них.

«Узкоглазые, – Ю взвесила презрение, – после потери друзей он наверняка выписал себе безлимит на крепкие расистские выражения».

– Расскажи о перестрелке подробнее. Отчётность для истории, если возражений нет.

– История пишется на допросах, – съязвил мужчина, гипнотически проворачивая рокс. – Что тут скажешь? Всем скопом мы сюда не ломились, наоборот, следуя общепринятым, мать их, нормам, отправили делегацию на бронированной колымаге. Брайтон заменял нам отдел по связям с общественностью, поэтому выбор пал на него. Начиналось-то всё

так, – Леонарда прервал расстроившийся желудок, – чудненько. Перетерев по рации, они пропустили Брайтона и за полчаса обговорили детали. С них – чистая вода и соблюдение правил гостеприимства, с нас – уважение к законам «Вертикали» и главам Конституции. Кто ж знал, что китаёзы положат болт на главное – на заповеди Господни. Брайтон успел обмолвиться, что азиаты были какими-то возбуждёнными, чересчур весёлыми, а мы-то приняли это за искреннее радушие. У северных ворот колонну встретили конвойные – сверкали своими лживыми, размашистыми улыбочками, совали носы в транспорт, шутили и здоровались, спрашивали, как доехали, не нужно ли чего. Тогда я впервые в жизни испытал детский трепет. Вот, думаю, вежливость, достойная королей. Идиот, блин. А затем караван заходит в каменное ущелье, на главную червоточину Квартала… Представь, как мы себя чувствовали в тот миг: уличные шавки, взятые на передержку в приют. Нет глупости губительнее безоговорочного доверия, – он тенью смотрел исподлобья, безрадостно переставляя кадры диафильма. – Мы не заметили нависших туч, потому что отводили душу, рассуждали о планах на прекрасное далёко… В какой-то момент китаёза дает знак головной машине остановиться – наши без страха выходят на полупустую улицу, вдохновленные неприступностью рукотворного ущелья, а затем против нас используют «святое сияние». – Леонард изучил дуговой отсвет на кромке стакана. – Банальный трюк. Настолько же банальный, насколько

действенный.

Прожекторы озарили вечернюю сцену, но даже дезориентированный я понял, что нас собираются отыметь. Кто крепко кусает, впустую не треплется. Машина впереди подскочила, раскрывшись, как огненный бутон… Меня окатило настоящим дыханием русской бани. Брайтон рассказывал, что у русских существовала народная забава: приглашать попариться иноверцев, запирать двери и сжигать заживо. Это дикое знание пронзило меня, напомнив, что безумие – неотрывная часть реальности. Не иначе как чудом я устоял на ногах и наобум дал дёру, лишь бы подальше от машин. Будь уверена, в таком свете чёртовы китайцы тоже нихрена не видели. Потом переулок, передышка и дыхательные упражнения – уж слишком неестественно переворачивалось и сжималось всё моё нутро, зато руки вели себя как положено, намертво вцепившись в то, чего я не снимал всю дорогу. Мой безотказный огнемёт висел за спиной, что твой рюкзачок, а пальцы уже искали на трубке распылителя предохранитель. Помню незапертую дверь, ведущую в технические помещения. Помню, как сердце на рёбрах отбивало жигу. Помню узкие переходы и низкие потолки, в которых эхом размывался звонкий металлический лязг, пересвист очередей и людские крики. Это были вопли агонии, ужасающие, пронзительные и надрывные, но именно они багром выдернули меня из оцепенения. Непонимание сменилось праведным гневом. Шагая по галерее расписанных иероглифами стен, я закинулся

огромным количеством «Штази» – ну знаешь, стимы, повышающие слуховое и зрительное восприятие, – отчего поле брани стало понятным, как Священное писание. Понимание собственного места в плане Всевышнего убивает страх, и я стал храбрым, хотя слышал, как разрывает на куски моих закадычных товарищей. На выходе в переулок до меня долетел железный дух раскуроченной автоколонны. Двое чинков из-за угла осыпали моих братьев и сестёр градом пуль. Я вышел им в спину, без прелюдий сделав то, что предоставил мне длинный обходной манёвр. Как же мерзко воняет зажаренная человеческая шкура, и хорошо, что «Штази» не усиливает обоняние. Этот дерзкий фланговый заход сыграл нашим на руку: китайцы переполошились, отправили в мою сторону людей, но под «Штази» ты читаешь любое действие наперёд. Дальше была какая-то суматоха во дворах, не помню во всех подробностях – я просто предвосхищал события, извергая пламя, благо, огнемет бьет на добрые тридцать метров; затем начал выкуривать их из помещений, всех понемногу, одного мерзавца за другим, стараясь не зацепить женщин и детей. Знаешь, для человека верующего любая смерть – это трагедия, даже смерть убийцы. Порой я вскакиваю среди ночи, вспоминая, как пузырится кожа, а потом расплывается восковым слепком и остаётся свисать клочками, как опалённая бумага. К финалу я почти свихнулся, стоял совершенно измотанный в пустой квартире, окруженный нефритовыми статуэтками – мерзкими безликими божками, глумящихся

над моей наивностью. А потом внезапная и родная тишина приняла меня в своё лоно… Лишь на краю рассудка зудели прожектора, освещавшие изрешеченные авто, и обезображенные тела дымились потухшими костерками. Какая-то старая маленькая китаянка с автоматом наперевес дико завопила и залилась плачем, выцеливая оставшихся в живых. Она повторяла «Арзы, арзы», готовая, кажется, в любой момент плюхнуться на землю от горя. Я затаился, выглядывая в окошко, и молился, чтоб хватило напалма, если ударит второй гонг. Узкие пространства играли мне на руку, только никто, кроме той бедной обезумевшей женщины внизу, не шумел. Маркус – он спит этажом выше – тоже не высовывался. И когда та бедная женщина выпустила очередь в никуда, раздался голос Рэя, главного в транспортном узле, он что-то рявкнул в мегафон на китайском, а потом на чистом американском приказал нам выходить. Сидел он в джаггернауте, потому был чрезвычайно спокоен. С ним на военных колёсах прибыла самая лютая часть его шайки. Маркус вышел первым, а потом и я. Оказалось, китайцы не только торговлей занимались, но помогали «Персоналу» расчищать завалы, а мы нарушили их взаимный такт.

За время всего рассказа Джей пытался понять по выражению лица и тембру голоса, где Леонард честен, а где нет. К своему стыду, у ПМК не было стопроцентной уверенности ни в чём. Психопаты, к слову, легко обманывают детекторы лжи. Ю, недовольно махнув кистью, закрыла окно аналити-

ки.

– Перестрелку засняли?

– Нет, – безучастно ответил портлендец. – Наши камеры сразу вышли из строя. Ударно-волновой излучатель. Самый лютый из всех, что мне попадались. У Рэя есть видео от китайцев, но там тоже неразбериха.

– Чем дальше, тем запутанней, – вздохнула Юки. – Неплохо бы взглянуть на материалы расследования.

– «Вертикаль» их засекретила. Сраные корпораты сшили дело так, чтоб вынести нам максимально несправедливый приговор. Лишили нас права иметь оружие в собственности, не считая пары стволов, один из которых тебе выпала честь лицезреть, и конфисковали транспорт. Вот мы и копаем, чтоб накопить хоть на какие-нибудь колёса и свалить отсюда подальше.

«Кот Шрёдингера, – подумала Ю, – одновременно свободный и несвободный, – и начала составлять паззл. – Интересно, работал ли в Чайнатауне «терапевт»? И не связана ли его установка с тем, что Флинту и остальным китайцам запретили выезд? С другой стороны, запрету могла поспособствовать вторая волна экспансии. Или всё в сумме. «Вертикаль» явно не желала распространяться ни о своих поражениях, ни об использовании условно опасных технологий. О'кей. Дальше. Если «терапевт» стоял, то надо бы узнать, какие паттерны поведения он закреплял. Модуль «Персонала» также под подозрением, хотя переформатировать сознание с расстоя-

ния в двадцать километров – всё равно что попадать верблюдом в игольное ушко. Но неужели стрелять начали именно китайцы, зомбированные ментальным излучением?» – Ю пристально смотрела на Леонарда, читая в измождённом лице сожаление о содеянном. Её дедуктивную игру прервала пьяная словесная отбивка.

– Ты, наверное, думаешь, что мы на голову больные рейдеры…

– Нет. Была мысль про нервный срыв, вызванный психотерапевтическим модулем.

– В смысле? – искренне изумился Лео. – Психо… Псипевти… Нет, не сходится. Они ведь не способны настолько сильно менять поведение.

– Теоретически, способны, – ответила Ю, массируя ногу под кобурой. – Как себя «Персонал» ведёт? Не замечал у них странности в поведении?

– Разве что поклоняются дяде Сэму… – Лео в прозрении раскрыл рот. – Боже праведный! Хочешь сказать, национализм может быть выработан набором транзисторов?

– В принципе, да. Главное – выставить точные настройки. Иону необходимо преодолеть какое-то расстояние, пролететь сквозь череп, а затем попасть в нужную клетку в нужный момент, тогда спустя время можно получить хоть убеждённого патриота, хоть наркоционал-социалиста.

«Ю, – вставил Джей, – не грузи его каламбурами».

Однако Лео понял, что ронин имеет в виду.

– Чушь, – отрезал мужчина. – «Психотерапевты» успокаивают или мотивируют.

– Или превращают в фанатичных защитников территории. Перед войной с Бостоном – самое то.

– «Персонал» правда слегка фанатичен… Только безумцами не кажутся. Китайцы были совсем отбитые.

– Ситуацию могли усугубить наркотики. Нужно понять, что стало триггером. Вы точно не ляпнули лишнего? Может слишком навязчиво светили стволами?

– Мы просто хотели набрать воды, – жалобно ответил Леонард, красноречиво отодвигая руку от дробовика.

– Хорошо, – вздохнул ронин. – Предположим, злые корпораты воздействуют на сознание. Смысл есть, вопросов нет. Что-нибудь конкретное про руководство «Вертикали» знаешь?

– Слышал только об их генерале, – помялся Лео. – Хоффман. Габен Доннелл-Хоффман, если тебя волнуют детали. Это вроде как псевдоним, переделанный из крылатой фразы какой-то комедии. У некоторых стояк на глубинные смыслы… Ходит с повязкой на глазу, а сидит в двухкилометровом небоскрёбе под самой крышей. Даже для такого циника, как я, эта башня – символ.

– Двухкилометровый небоскрёб «Лос-Фелиз»? Шикарный должен быть вид.

Лео добавил к пьяненькой интонации торжественности:

– Хоффман обещал освободить Америку от пиратов, а я

поклялся завязать с выпивкой, если Бостон падёт, – на этих словах Леонард, как ни в чём не бывало, снова пригубил виски.

За грязными окнами заскребла буря. Её приближение совершенно вылетело у Юки из головы. Портлендец прислушался.

– Самум? Боже мой, самум, спустя восемь лет… А я ещё не исчез… Ты точно не предвестник конца?

– Нет. Я с континентом знакомлюсь, говорю же. Непогода меня тоже не радует. Из чисто практических соображений.

Леонард продолжал ловить шуршание песка за окнами.

– Словно мёртвые друзья шепчут, а я никак не разберу, чего им нужно.

В полных сожаления словах Джей наконец-то распознал правду.

– Наверное, я много грешил в своей жизни.

Юки скептически вздохнула.

– Буря – не самая плохая божья кара… – и спросила уже серьёзнее: – Китайская лаба сильно пострадала?

– Уцелела. Всё уцелело, до последнего шприца, вот только из химиков никто не выжил… Мы лично грузили лабу на фуры – помогали с переездом в Эл-Эй. Оборудование, семена, седативы, настойки… Наши уцелевшие тачки тоже туда укатили, вместе с оружием. Нам только два ружья оставили и гранату.

– Которая помогает тебе видеть мертвецов. – Ю всё боль-

ше склонялась к мысли, что Лео тронулся умом. Примерно так это и оказалось.

– Граната защищает от живых – мне оставили право на самооборону. А видеть мертвецов помогает натянутая леска. Иногда мои братья и сёстры возвращаются с того света, зовут пойти с ними, но я не уверен, что не попаду в один из Кругов; чаще забегают ополоумевшие чинки, только обязательно цепляются за растяжку… Само собой, она остаётся цела: так я распознаю галлюцинации. Ты, на своё счастье, осторожно заглянула внутрь, а фантомы внаглую ломятся через парадный вход и исчезают на середине зала. Если вдохнуть поглубже, отстраниться и прочитать молитву – наваждения растворяются. Духи не терпят пренебрежения. – Лео всё ещё безучастно проворачивал стакан.

«Он наверняка знает, – рассудила Ю, – что его отдали на откуп Шанхаю, так что ловушка на входе вполне оправдана, но действительно ли ему мерещатся духи? Если нет, то стоит отдать ему должное: шизофреника Лео прям по Станиславскому отыгрывает».

– Что теперь? – тихо поинтересовался портлендец. – У тебя только два пути, верно? Либо в «Персонал», либо обратно на свою лодочку.

То, что Юки идёт с пляжа, догадаться было несложно. С севера и востока городская черта отрезана заливом, а с юга ей пришлось бы проезжать бывший аэропорт практически вплотную.

– Планы остаются прежними, – ответил ронин. – Завожу новые знакомства и ищу наиболее выгодные вакансии.

– Почему не Европа?

– Больше налогов, меньше свободы. «Вертикаль» обещает лучшие условия, во всяком случае, на словах.

– Значит, направишься в узел?

– Ага. Куплю тачку, уточню насчёт Чайнатауна, обсужу нейрокоррекцию. В «терапевтах» я кое-что понимаю. Нельзя упускать возможности набить себе цену.

– Про зомбирование тоже скажешь?

– Поинтересуюсь, не злоупотребляет ли «Персонал» профилактикой, – голоском молодой аспирантки прощебетала Юки. – Я дотошная в этом плане.

– В уверенности тебе не откажешь. А кто тебя прикрывает?

– Законы «Вертикали», – усмехнулась Ю.

Леонард болезненно поморщился.

– Нам они не помогли. Порой единственное неосторожное слово способно привести к печальному финалу. Боже, вдруг Брайтон действительно ляпнул что-то не то?..

Ю промолчала. В наступившей тишине Леонард обдумал новый вопрос и нерешительно его озвучил:

– А как называется корабль, который тебя доставил, если не секрет?

– «Мурена».

«Мурена» не вызвала у Лео ассоциаций – просто одно на-

звание из тысячи дряхлых судёнышек. «Токио» ему бы тоже ничего не сказало, а вот услышь портлендец «Cemetery», то пришел бы в сверхъестественный ужас, потому что молва донесла, что именно этот корабль доставил на материк того самого хакера, с которым бок о бок шагало опустошение.

– «Мурена», – пробормотал мужчина, изучая кромку стекла, – нет, не слышал. Больше подходит для субмарины. Каково это, жить на корабле?

– Места мало.

– И от скуки маешься, верно?

– Веселимся мы точно скромнее, чем в Америке.

– Так себе подкол, – в его тоне не ощущалось обиды, только сожаление. – Если пьяница Леонард тебя не убедил – пускай Рэй подтвердит: автоколонну расстреляли практически в упор. Спецы всё задокументировали, каждый след, каждую гильзу. Анализ крови у живых и мёртвых брали. Чья вина – до сих пор непонятно, но мы же не под замком, так что делай выводы.

– Какой у тебя статус?

– Обнищавший плебей, связанный обстоятельствами. – На лице Лео вдруг явственно отразилось рождение идеи. – А ведь ты сказала, что тачку собираешься покупать. Если поможешь мне уехать, в долгу не останусь. Не желаешь ли услышать о самом выгодном в мире предложении? Каждый останется в выигрыше.

Портлендец приоткрыл рот, и его исхудалая ребристая

грудь насытилась воздухом. Он пристально смотрел на ронина, превратившись в натянутую на скелет мембрану, как вдруг сила и осознанность заиграли в каждой лицевой мышце. Из-под шкуры пьяницы выглядывал жулик, которому тяготы жизни не мешали схватить журавля за хвост.

– Если заберёшь нас с собой, – фитилёк хитрости в пьяных глазках добрался до бочки с порохом, – станешь самым богатым таксистом Калифорнии. В лучшее своё время я бы не стал открываться первой попавшейся девчонке, лица которой даже не могу рассмотреть, а теперь… В пяти часах езды у меня припрятан неиспользованный арсенал – половину готов отдать. Мы сгоняем за оружием, выкопаем, а затем ты довезёшь нас до Эквадора. У нас в тайнике полный фарш: ракетные установки, крупнокалиберные пулемёты, лазеры высокой фокусировки… Гавайские анархисты тебя на руках носить будут.

Естественно, Леонард отдал Рэю не всё – предусмотрительно припрятав самое ценное на полпути из Портленда. Открываясь Юки, он действительно рисковал. Должна ли юная странница в припадке спонтанного альтруизма оказать содействие умирающему бедолаге, что от безнадёжности кинулся ей в ноги? Хороший вопрос. Ю оценивающе смотрела на маску пьяного простачка, за которой прятался кто-то иной, рассудительный и цепкий.

– Нет, ты меня в это не втянешь. Я не настолько отчаянна, чтоб помогать вероятному преступнику за сомнительное

вознаграждение.

– Ну какой мне смысл врать? Я бедный, сломленный и раскаявшийся грешник. В таком положении глупо ломать первую и единственную соломинку.

– В этой истории что-то нечисто. Если выяснится, что перестрелка случилась ввиду искусственных причин, у тебя появится шанс обжаловать приговор, и твой тайник останется при тебе. Есть у меня опасения, что не все в «Вертикали» до конца понимают, какую опасность могут нести «терапевты».

Зависнув, мужчина долго размышлял и неожиданно, с каким-то диким воодушевлением, ударил по стойке, заставив миску арахиса зайтись танцем.

– Вот это разговор! Сила духа города берёт, верно? Пора раскрыть Рэю глаза на тех, под кем он ходит.

– Пока что рано делать выводы. Но побеседовать стоит.

– До чего же приятно иметь дело с целеустремлённой девушкой! О внешних данных я вообще молчу, – он выжидающе посмотрел на Юки, и его изможденные глаза по-мальчишески заблестели. – Не подумай, я не подкатываю. Ты мне в дочери годишься.

– Разве это кого-то останавливает?

– Того, кто высшей ценностью считает семью! – Лео произнёс это с философским надрывом. – Кому мало мимолётных отношений. Меня привлекают взрослые женщины, полные светлых материнских чувств. Вряд ли неопытные девочки типа тебя способны любить с той же самоотдачей.

Если он брал Юки на «слабо», то довольно нелепо. Не тот типаж, не та обстановка. Между тем, «шаман» уловил движение: проснувшийся Маркус неуклюже плелся в их сторону. Информер отметил неторопливость, глубочайшее спокойствие и аритмию. Мужчина спускался по ступеням, методично потирая глаза: загорелый вышибала с комплекцией завсегдатая фастфуда и заспанной бесконфликтной физиономией. С разметки клетчатой рубашки улыбалась увесистая парабола золотой цепи. На поясном ремне, под сальным брюхом, томился пистолет в кожаной кобуре с электромагнитной застёжкой.

– Афина, – оценив фигуру, Марк мгновенно провёл параллель. Его тяжёлая, неспешная речь привлекала более, чем пьяная скороговорка Леонарда. – Не ожидал таких очаровашек.

– Приплыла с Гавайев. «Саманта», —произнёс его напарник.

– Я всё слышал по рации, – Маркус, продолжая лицевой массаж, прибоченился к стойке бара. Леонард подвинул ему миску арахиса. – Много удивительного узнал. Медицинский модуль-пропагандист – натурально геббельсовская мечта… Фармкомпаниям за такое могло неслабо влететь.

– Под сайберов много копали, только безуспешно. Скандалы, – просветила его Юки, – быстро заминались деньгами или юристами, а изменения когнитивных функций чаще всего списывали на неправильную эксплуатацию.

– Какого рода изменения?

– Изредка пробуждалась склонность к насилию – это происходило при чрезмерной стимуляции амигдалы. Гораздо чаще чувство злости, наоборот, атрофировалось.

– Это ведь хорошо? – настороженно хмыкнул толстяк.

– Как сказать… Инстинкт самосохранения теряется.

– Интересно, – озвучил мысль Лео, – как вкладывается патриотизм?

– Закрепляя положительные ассоциации с государством и стимулируя зеркальные нейроны.

– Вроде бы, – неуверенно произнёс Маркус, – «Персонал» за восемь лет почти не изменился.

– Дьявол кроется в деталях, – сказала Юки. – Без полноценного медицинского осмотра рано давать оценку.

– А насколько может быть велик вред здоровью?

– Могут возникнуть проблемы с принятием самостоятельных решений, биполярка и, в редких случаях, шизофрения.

– По моему скромному мнению, ионизацию следовало приравнять к лоботомии. Не удивлюсь, если Коллапс – следствие душевных расстройств.

– И теперь дети несут ответ за глупость отцов своих, – вздохнул Лео. – Какой бы судьбоносный рок не довёл нас до края, нам необходимо быть сильными. Принеси воды – мне нужно привести себя в порядок.

Маркус, обозрев кольт на бедре, неспешно прошёл в кухню за баром. Тяжёлая портьера дёрнулась, скрыв тучный си-

луэт.

Будучи нацеленной на выживание, Юки осознавала, какую опасность несёт здоровяк, которому не составляло труда открыть огонь из-за плотной шторы. Пара удачных выстрелов – и все её вещички достанутся им. Просьба попить тянула на сигнальную фразу из их собственного списка кодов. Тем не менее, j-J молчал, тепловизор не наблюдал отклонений, а звук открывшегося водопроводного крана окончательно её успокоил.

Когда Маркус вернулся, она подметила его профиль: нос с горбинкой, завитки волос и густые брови выдавали в нём средиземноморскую кровь порядочно раздобревшего грека, хотя выговор намекал, что жил он среди американцев с самого детства.

Толстяк отправил в рот ковш арахиса. Лео молчал. У Юки, сколько она ни пыталась, не получалось разглядеть в них психопатов, устроивших рейдерский набег.

– Мне следует знать про Рэя что-то ещё?

– Одно слово, – загорелся Маркус. – Он патриот.

– Патриот и милитарист, – поучительно поправил Лео. – Всё детство в бомбоубежище провёл. Его солдаты вырастили. Иисусья пехота.

– Это потому, что морпехи ходят по воде, – широко и открыто улыбнулся толстяк.

Шутка ей зашла. Между тем, Джей засёк в буре приближающийся объект – примерные габариты и скорость. Граж-

данский автомобиль. По нервам пробежал разряд. Никто не выезжает в непогоду без веской причины. Юки, решив не подавать вида, заговорила на отвлечённые темы.

– Как вы тут время проводите?

– Я уток периодически подкармливаю, – промямлил Леонард. Допив воду, жестом попросил налить ещё. Толстяк скрылся за занавеской. – Терпеть не могу пешие прогулки, но ради птичек приходится перебирать лапками. Если твоя затея выгорит и нам вернут отнятое, постараюсь добраться до клиники. Выживу – каждый день буду сколачивать по скворечнику. Как же мне хочется ещё разок увидеть дом. Посевная земля там отменная.

– В Портленд не поеду, – толстяк краснел, преодолевая все трудности челночной ходьбы. – Воспоминания затрахают…

И тогда просигналила машина. Маркус едва не выронил оптимистично-полный стакан, издав искреннее «Кого там черти принесли?», а Леонард продекламировал с явным облегчением:

– Я ведь говорил, что у нас бывают гости. Пускай мы взошли на Голгофу, никто не видит в нас убийц, даже Рэй. Пойдёмте наружу.

Леонард выпил залпом и выверенным, молниеносным движением отправил за спину дробовик. Он стал неостановимым, пускай на какой-то неуловимый миг, покуда неустойчивые ноги не повели выжатое тело к выходу. Маркус, про-

верив пистолет в магнитной кобуре, двинулся следом. Юки перешагнула растяжку последней, гадая, кем из ста пяти человек окажется гость.

Силовое поле «Chevrolet» зудело над двориком, пульсируя под натиском ветра, не пропуская поблёскивающий песок в высокочастотную юрту. Солнце расползлось по зерну бури. Водитель неотрывно смотрел на маленький Дэтянь, любовно касаясь губами горлышка алюминиевой фляжки, с ободка которой взвивалась ниточка пара. Лицо его оправляли ухоженные рыжие бакенбарды, а гладкие волосы, будто в бриолине, были зализаны назад. И всё было бы обыденно, не заявись гость в махровом домашнем халате.

– Дуглас! – Лео выпалил радушно и громко, вырвав мужчину из пут единения с природой. Силовое поле, упёршееся в фасад ресторана, немного противясь, впустило портлендца внутрь.

– Радости-то сколько. – Мужчина сверкнул золотым зубом с выгравированной подковой, но тут же сменил добродушный настрой, заметив Юки. Уткнув козырёк ладони в анемичный лоб, Дуглас мотнул острым подбородком на информер и тоном бывалого бандита без вихляний спросил:

– Кого имею честь?..

– Туристка с Гавайев, – ответил за неё Лео. – Саманта. Высадилась утром на нудистском пляже.

– Aloha. – Дуглас оглядел новую знакомую с нескрывае-

мым недоверием. – Смотри-ка, как совпало: самум и девчонка в навороченном информере. А тут ещё тарелка пропала. – Подозрительные тона усиливались: – Тебе случайно не попадался такой дрон в форме диска?

Заданный вопрос едва не застал её врасплох.

– Нет, – спокойно произнесла Юки, обманывая его обострённое чутьё.

Дуглас поставил фляжку, в которой Джей распознал кофе, на каменный уступ.

– Выходит, появилась здесь одновременно с бурей. Случайны ли такого рода случайности? Вопро-о-ос. На кой, собственно, ляд, ты высадилась в Калифорнии?

– Собираюсь транспорт купить. Хочу поколесить по западу.

– Смотри, какая деловая. В Америке бывает опасно.

– Наслышана, – ответила Юки. – Знаю про канадских работорговцев и про техасских кочевников.

– Что про нас знаешь?

– То же, что и все. Вы сборщики и торговцы – покупаете за калифорнийские доллары, продаёте по бартеру. Ещё во Фриско действует Вторая поправка, так что разрешено свободное ношение оружия.

– Ты забыла добавить «железный занавес», – сделал ремарку Дуглас. – С каких пор гавайцы отправляют в поход одиночек?

– Со вчера, видимо.

– Как бы там ни было, расклад интересный. – Дуглас с вызовом на неё пялился, не выказывая страха. – Обычно гости заплывают в залив и швартуются прямо в доках. Впрочем, я понимаю, почему Гавайи прислали одинокую разведчицу вместо нормального посольского корабля. К нам существует определённое недоверие. Слишком много людей присоединяется к «Вертикали», а вы там, за океаном, выдумываете, типа их насильно хватают и принуждают вкалывать. Я же тебе отвечу, что мы охренеть какие гостеприимные, а люди не возвращаются потому, что чувствуют, где койка мягче. Может ты тоже с нами останешься, кто знает? В разных уголках мира о нас должно накопиться достаточно положительных отзывов. Конечно, после того, как Чайнатаун разнесли вдребезги некие портлендские иммигранты, отзывы могли стать чутка хуже, но поверь, мы всеми руками за порядок. Без причины морды не бьём.

– Мне жаль, – причитал Лео, ковыряя носком ботинка плиту дорожки. – Нас всех тогда бес попутал.

– Хорош сопли распускать! – гортанно воскликнул Дуглас. – Зато влетели эффектно и с размахом, в отличие от некоторых. Те, кто подкрадывается незаметно, гораздо опаснее. – Он, не отводя с девушки испепеляющего взгляда, испустил полный напряжения вздох. – Как бы из-за тебя не пришлось возвращать патрули. Разведчики с лицевым интерфейсом, которых скрывает буря – веский повод занервничать, знаешь ли. Пообещай, что не испаришь меня какой-ни-

будь кельтской магией. У меня есть золото, если что.

– От меня не будет проблем.

– Они уже появились. Но вернёмся к основному вопросу. Пока что, основному. Рэю на кой-то ляд понадобились вы двое, к тому же он просил максимально вежливо отлавливать по округе всех подозрительных бродяг, а затем доставлять в узел. Я где-то читал, что люди – это товар, и конкретно вы – товар в категории «три по цене двух». Улавливаешь намёк, турист с Гавайев? – Дуглас сунул пальцы за пазуху и свирепо покосился на рукоять кольта. Он глупо блефовал и зверски жалел, что не взял хотя бы сигнального пистолета, оставленного в бардачке.

– Улавливаю, – успокоила его Юки, а ему оставалось только поверить. Медленно вынув руку, персоналец осторожно поправил махровый борт.

– Славненько. Рэй любит туристов – ты не бойся. У нас это… Цивилизация. Когда появится связь, я уточню на твой счёт, а до того момента веди себя как на приёме королевы. Если я не вернусь через десять минут, за мной отправят весь бронированный автопарк. Просто предупреждаю. Рассаживайтесь. Время не ждёт.

Похоже, портлендцы правда не имели к «Вертикали» никакого отношения, – рассудила Ю. Обнадёживало и то, что Дуглас не стал допытываться про её национальность. Но она не хотела ехать в узел так скоро. Ей хотелось тщательнее обдумать план. С другой стороны, данные, которые вскрылись,

давали кучу вариантов для импровизации. Когда она вступит на территорию «Персонала» станет ясно, к чему движется дело. Босс поставит все точки над и. Это будет кульминация и развязка.

– Утро какое-то замороченное, – сетовал Дуглас, пока пассажиры занимали места. – Сначала пожарная сигнализация сработала без причины, потом электронные замки поотключались. Благо, Рэй, вопреки всему, пушисто-белый. Даже непогода его не расстроила.

– Он вдоволь ест, пьёт и спит, – мелкими толчками пробуксовывал Маркус. – Умиротворение – главный атрибут комфорта.

– Что есть, то есть, – продолжал ворчать персоналец, – любые невзгоды нипочём, когда под рукой девки и жареные ростбифы. Завидую я ему.

Локоть, скрытый длинным рукавом халата, высунулся в открытое окно, свободная рука легла на баранку. Машину повёл автопилот. В боковом зеркале отражалось вкрадчивое лицо оценщика и спекулянта, с тонким чутьём на правильные ставки и верные решения. Опрятностью Дуглас не уступал английскому денди и каждое утро церемониально подравнивал бакенбарды. За Chevrolet следил ещё прилежнее. С «Camaro» сто двадцатого года выпуска он буквально сдувал пылинки, наносил полироль, мыл салон с пеной и катал товарищей, даже лично гонял за «горничными», выкупая их из притонов. Живого товара на неподконтрольных

территориях хватало, а хороших хозяев – по пальцам пересчитать. В узле девчонок холили и лелеяли, ибо им каждый день предстояло возбуждать духовные струны и прилежно исполнять работу. Дуглас вдавился в подголовник, вдыхая натуральную кожу сидений. По экрану БК ползла карта, исколотая предупредительными значками.

– Раньше ездить было невозможно, – твёрдо заявил персоналец. – Заторы были – моё почтение, зато теперь восемь полос на выбор.

– Властелины мира, – поддакнул Лео.

– Калифорнии, – последовал менее прозаичный ответ.

Стереосистема ритмично отбивала не самое древнее техно. Леонард мучился приступом тошноты, Юки поглядывала на попутчиков, уложив пальцы на блейдер. Когда машину бросило на колдобине, Дуглас свирепо выругался, сетуя на наплевательское отношение автомобиля к своим пассажирам, и, немного остыв, спросил, обращаясь к своему отражению:

– Интересно, зачем Рэй за вами послал? Хоть тотализатор устраивай.

– Снова ищешь способы развлечь толпу. – Тон Маркуса выражал абсолютное понимание. – На что бы ты поставил свой счастливый золотой зуб?

– Рэй явно придумал нечто фантасмагоричное на ваш счёт. Есть у меня догадка. Три к десяти, что сыграет.

– Ну так озвучь предполагаемое.

– Нет уж. Напрасная болтовня укорачивает жизнь. Знаю только, что он постоянно гонял небольшую команду на север, а неделю назад перестал. Это тебе о чём-то говорит?

На лицо Леонарда наползла тень.

– Вряд ли.

– Какую бы карту Рэй ни разыграл, это должно быть интересно. – На БК загорелся новый значок. – Аллилуйя. Связь появилась.

Дуглас набрал Босса, надменно ожидая ответа. Спустя три гудка, вместо твёрдого начальствующего тона, послышался женский, хотя не менее твёрдый: «Рэй занят. Плуты с тобой?».

– Естественно. С ними какая-то малолетка с лицевым интерфейсом. Гавайская разведчица. Назвалась Самантой.

Шоркающий шёпот сочился из динамика. За естественным женским смехом последовало ворчание мужчины. Незнакомка заговорила вновь:

– Саманта, да? Какими судьбами во Фриско?

– Работу ищу, – навалившись на водительское сиденье, чётко проговаривала Юки. – Я отличный механик и неплохой киберкалибровщик.

Девушка на том конце быстро переварила услышанное.

– О'кей, принято. Ты вооружена? Естественно, вооружена. Наши законы знаешь?

– В общих чертах.

– Тебе должна прилететь памятка начинающего гражда-

нина. Не игнорируй автоматическую рассылку. И не доверяй этой сладкой парочке. Конец связи.

– Ну что за женщина, – помотал головой Дуглас. – Не чета нам, холопам.

– Это Лина, – пояснил Лео. – Они там тройничок устроили?

– Лина неприкасаемая. Босс с неё пылинки сдувает. Пока он пялит Нэт, она ему напитки подносит. Сучка точно получает от этого удовольствие. Отыгрывает роль чёрствой стервы, а сама посматривает на это дело, трётся бедрами и истомой исходит. Знаем мы таких…

– Не слушай Лину, – обращался Леонард к Юки. – Нам можно доверять. У неё стиль общения такой… Мнительный.

Юки не ответила. Её заботило, а вернее радовало то, что в узле есть девушка, которую никто не «пялит». Значит, «Персонал» достаточно дисциплинирован, а «Босс» – действительно Босс. «Если эта рыба и сходит с ума, – подумала Ю, – то точно не с головы».

Стоя у парадного входа, Леонард печально провожал уходящий к ангарам «Chevrolet». Полусфера силового поля, висящая над узлом беспанцирной медузой, водянисто дрожала от тычков назойливого песчаного ветра.

Миновав пустой холл и поднявшись по эскалаторам, троица быстро двигалась по часовой стрелке к западным терминалам, не встречая почти никого. В террариумах пестри-

ла растительность, разваливались широкие листья, тянулись кверху сильные стебли. Кое-где копошились крысы – бойцовые, если судить по многочисленным ранам. Из закутков выползали зеваки. Похоже, они оперативно реагируют на любое событие, особенно на прибывающих девушек. Троице вслед присвистнули, вызвав у Юки некоторое смятение: на «Токио» внимание привлекали совершенно иначе. Лео, безапелляционно отмахнувшись, заявил, что очень торопится, и на болтовню совсем нет времени. Тут и там горели медиаэкраны, за киберглассовой панорамой ширилось тусклое «яблочко» парковки. Маркус навис над акведуком, зачерпывая воду в лодочку ладоней. В этот момент его, вернее, их, окрикнули настолько резко, что толстяк резко подпрыгнул, расплёскивая под ноги всю воду, тут же комично попятившись от брызг. Испуганно взглянув на источник бравурного приветствия, его перекосило и даже слегка подкрасило в лавандово-синий, потому что голос был знаком ему с далёких семидесятых.

Высокий, поджарый и голый по пояс блондин в бриджах-карго приближался с грацией фехтовальщика. На перекинутом через шею ремне висело отхлопывающее по бедру мачете с тактильными датчиками на рукояти. На левой руке сидела умная перчатка с явно широким функционалом. Неряшливые волосы сёрфингиста лезли в глаза, под бровью тонкая полоска металла – скорее всего, информер, – а медный наруч-ПМК плотно охватывает запястье. Атле-

тичен, следовательно, опасен. На груди, над лесенкой рёбер, татуировка ангела – миловидная, до основ чистая девушка в шелковом небесном балахоне, за спиной крылья, расправленные несильно, словно вот-вот ими взмахнёт. Она виновато склоняла голову в жесте извинения за нахальное поведение того, кто нёс её на себе.

– Вот так встреча! – протягивая гласные, восклицал блондин. – Жадные торгаши пришли нагреть Рэймонда. Слышал, вы дали бой в маленьком Китае. Нападение исподтишка уже не в цене?

– Натаниэль, – мрачно процедил Лео. – Ты не видел, что там случилось. Не приписывай мне жестокости, свойственной, в основном, кровожадным степным бедуинам.

– В Техасе оазис дружелюбия, старина. Нас сплачивает пустыня, ибо в одиночку с ней биться мало у кого хватит силёнок. Даже твой любимый Иисус не продержался там больше сорока дней. – Над ангелом тут же возник лучащийся нимб: пиктохром сработал на святое имя. – Ты всё ещё вытираешь ноги о моральные принципы?

– Не неси чепухи.

– Когда по всему Орегону стали обносить склепы, о «Плутах» поползли страшные слухи. Когда на тебя наехали за продажу весьма подозрительного антиквариата, слухи распухли, аки утопленники, которых не встретишь в Техасе. Тебе ли не знать, как нехорошо осквернять погосты и торговать спорным товаром… Впрочем, откуда у работорговца взять-

ся чести?..

Ю покосилась на портлендцев. Лео поспешил ответить:

– Решил посочувствовать кучке налётчиков? Ублюдков всё равно ждала смертная казнь, так чего же не продать их в трудовые лагеря?

– Или каннибалам. Или не налётчиков. Там разное говорят, к тому же количество «кучек» явно превышает одну. Да брось, я не осуждаю тебя за коммерческую жилку. Хочешь жить хорошо, умей вертеться. – Блондин кивнул на Юки: – Парнишка в курсе ваших грязных делишек?

– Если побудешь моей сучкой, я согласна притвориться парнем. – Юки среагировала на наглость автоматически. Небрежно оглядев свой торс, Натаниэль раздулся от самодовольства, словно павлин.

– Дико извиняюсь, я не заметил грудь, – небрежное спокойствие упало к её ногам. – Мне без разницы, с кем спать, лишь бы партнёр напоминал моего ангела-хранителя. Я про верность и непорочность. Не про внешность. Если мир ещё не стёр нимба над твоей головой, можем отлично провести время. – И, не дав Юки ответить, он переключился на портлендцев. – Притащили Рэю добычу?

Похоже, Натаниэль специально злил её, попутно заставляя нервничать Лео с Маркусом. Двумя словами, бесячий тип. А прямое мачете с интерфейсной рукоятью и зубцами встроенной электропилы на обухе выдавало в нём техасского резака. Что он забыл в узле? Догадки бегали безумцем по

запертой палате. Леонард подал голос.

– Постоянные драки в грязи окончательно тебя испоганили. Эта девушка сама по себе, блондинчик. Мы просто оказались рядом волей судеб. Не надо пускать ей пыль в глаза. Мы не обязаны перед тобой оправдываться, веселить тебя или терпеть твоё довольное рыло.

– Просто в толк не возьму, на кой чёрт гладколицый паренёк затесался в вашу тусовку.

– А можешь ты дотянуться своим длиннющим языком до задницы? – спросила Юки, поглаживая рукоять кольта.

На это Натаниэль ничего не ответил, однако, по «довольному рылу» угадывалось, что тот получает желаемое.

– Приятно знать, что не только у меня столь тонкое чувство юмора, а то с этими пугливыми патриотиками особо не повеселишься. Ты им шутку про их дальнее родство со спартанцами, так они булки поджимают и пытаются зарыть голову в песок. Не моё, конечно, дело, а всё-таки держись от плутов подальше. Гробокопатели, мошенники и торговцы людьми… Следи за ними в оба.

– Мы не сделали ничего противозаконного, – отбивался маленький плут. – Разве плохо в тёмные времена извлекать из судьбоносных милостей максимальную выгоду?

– Коммерческая жилка, – усмехнулся Натаниэль. – Всё делал для того, чтобы стать частью Канады – и почти преуспел. Жалеешь, наверно, что невольничьи рынки Ванкувера так невовремя закрылись?

– Вы сотрудничали с канадцами? – Юки взглядом пилила портлендцев сквозь «шаман».

– Боже, нет! – восклицал Лео, а Джей снова не смог распознать вранья.

– Никто так и не поймал их за руку, – почти с уважением произнёс резак. – Впрочем, там одних только подозрений наберётся на смертную казнь.

– Отвали, провокатор, – резко рявкнул Лео, подступая на шаг. – Мы жили честной христианской общиной. Расскажи лучше о своих грешках.

Юки взяла услышанное на заметку, но решила, что спонтанную словесную дуэль пора прекращать.

– Что резак делает в Сан-Франциско? – поинтересовалась девушка.

– Провожу торговую сделку, – ответил тот со спокойствием ящерицы. – Рэй уж больно несговорчив, когда дело касается его личных «вещей». – Резак изобразил пальцами кавычки. – Он такой собственник, что диву даёшься. Плющит меня от этого места. Кругом долбаные янки, но вот нарисовывается мой любимый дублинский «праведник», по которому, ни капли не совру, я скучал все эти годы. Какой-то ты хилый стал.

– Пил, – с ухмылкой ответил тот.

В Натаниэле мелькнуло болезненное разочарование.

– Карму алкоголем не отполируешь; грехи сам себе тоже не отпустишь. Ты ведь не причинишь вреда этой случайно

оказавшейся рядом досочке, правда, старина?

– Боже мой, ну чего ты докопался? За нарушение Заповедей я отвечу перед Высшим судом. Твои дружки ведь из-за другого взъелись: они решили, что мы цены загибаем. Уж извини, Техас – пустыня, к тому же очень далёкая. Нужно же чем-то отбивать логистику.

Мужчины впились друг в друга, один с азартом, другой – с гневом.

– «Резаков» разводили на деньги, как школьников? – мстительно интересовалась Юки.

– Обдирали как липку, – согласно кивнул Натаниэль. – Продавали третьесортный товар по полной цене. Впрочем, это самый маленький их грешок. Про большие спрашивай сама. Познакомься, раз крутишься рядом. Лео из тех, кто плюёт на принципы. Дельный засранец, спекулирующий на всём, что подвернётся под руку. Не думал, что увижу его вновь. Поговаривали, их давно кончили, но, видимо, кончат сегодня, – усмехнувшись одной стороной лица, Натаниэль вразвалочку прошел мимо и звонко бросил, не оборачиваясь:

– Не полагайся на них слишком сильно, парнишка.

Маркус, проследив уход резака, наконец-то смог попить, после чего стёр обильно выступивший пот.

– Оружие, топливо, еда и удобрения, – считалочкой продекламировал Лео, – вот что мы продавали Техасу. Дешевле, чем где бы то ни было, и качество уж точно не третий

сорт… Признаю, подмешивали в удобрения костяной прах – так это, говорят, полезно для почвы. Могильные драгоценности тоже продавали. Один раз сплавили людей Ванкуверу – или, правильней сказать, никчёмных отморозков, которые пришли к нам с огнём и мечом. Сука. Обойдусь без нравоучений. Я готов принять любую эпитимию. – Леонард, строго глядя на Ю, пытался унять гнев. – Пусть с чужим уставом в мой монастырь не лезет. Урод конченный. Много ты слышала про «Резаков»?

– Только то, что они устраивают стычки с мексиканцами.

– Ещё берут плату за проезд, отжимают тачки, устраивают показные дуэли со своими жертвами. Побеждённых, кстати, по кусочкам скармливают псам. У них фетиш на псарни. И арсенал отмороженный: трубы, гвоздодёры, мотыги… Раскалённый докрасна металл, ядовитая смазка. Всё ради шоу. А уж сколько по пустыне разбросано обезглавленных трупов… Такой вот акт устрашения.

– Интересно, – рассуждал Марк, – реально ли пришить голову?

– Мне кажется, никто на такое не способен. Руки-ноги ещё можно, но позвоночник…

Юки усилием воли заставила себя промолчать, хотя понимала, что Лео ошибается. Уже в двадцатом веке существовали двухголовые собачки Демихова, которые даже пожить успели после трансплантации.

– У Рэя, к слову, железная рука. – Маркус, тяжело дыша,

говорил с широкими паузами. – Натурально железная. Такого старья ещё поискать.

– В Лос-Анджелесе ставили? – спросила Ю.

– Вряд ли, – ответил Лео, почёсывая грудь под жилетом. Желтые глаза устало искали нужный указатель. – «Вертикаль» не вживляет антиквариат.

У входа в служебные терминалы отсутствовали часовые, если не считать двух операторов за мониторами видеонаблюдения, спавших в комнате охраны. Зато уборщика в синем комбинезоне она при всём желании не смогла бы пропустить. Бот вставлял новый фильтр в тонкую раму кибергласса. Мочку его уха украшала татуировка «Detroit, S&C, Carry-Factory, 295127». Завод-изготовитель и личный идентификатор. Тот самый «спайдер»; на тыльной стороне ладони матовел причудливый логотип «Stea(i)m and Cyber». Передовая модель, которая до сих пор могла быть на караульной службе, если его не перепрограммировали после Коллапса. Бота можно попытаться взломать, в идеале – издалека. Если Джей не управится за пять минут, «мусорщик» найдет её в любой точке узла. Но Юки не собиралась взламывать бота, а вот прошерстить кластер, который почти наверняка переформатировал сознание – очень даже.

Киперботы, притворяющиеся обычными работниками, безлико шныряли в толпе, готовые отразить всевозможные опасности, вплоть до террористического акта. «Спайдер» нарежет быстрее Гордона – тот случай, когда Ю могла не спра-

виться, даже имея в распоряжении блейдер и кольт. Утерянное чувство уязвимости пробежало мурашками по хребту. Судя по перепискам, «Персонал» понятия не имел, кто снуёт у них под боком. Бегло взглянув на портлендцев со стандартным безразличием, бот вернулся к замене фильтров. Он не распознал в троице ничего достойного внимания, разве что отметил плотность деформирующего поля, окружавшего Юки.

Троица шла по служебным коридорам, мимо одинаковых дверей и вдоль сплошной оконной киноленты, транслирующей ненастье. Чем дальше шли, тем сильнее перехватывало дыхание, развивалась на подсознательном уровне клаустрофобия, и коридор давил, как путаный лабиринт Великой пирамиды. К большому облегчению Лео, лабиринт закончился на втором повороте.

Просторная приёмная залита светом. Аккуратно расставленная мебель подталкивала прочесть бумажную газету с чашечкой лучшего кенийского кофе. Юки ощутила важность места и непредсказуемость предстоящего разговора, более опасного и делового, чем разглагольствования об инвестициях и инновациях в космических перелётах. Лео взглянул на попутчиков со святой обречённостью, сокрушённо вздохнул и широким движением ладони отворил графено-пластиковую панель.

Девять пар глаз взяли их в фокус. Обладатели Y-хромосом автоматически приосанились, завидев точёную девичью

фигурку. Юки успела оценить неимоверное количество флагов, висевших всюду – точь-в-точь гобелены, сплетённые из гордости. Далеко за окнами песчаный вихрь нахлёстывал по стенкам силового поля. Снайпер, с десятикратными зрачками-объективами, держал на коленях сбивающую самолеты винтовку. Джей готовился дать команду, если почует неладное. ПМК улавливал пульс, температуру тел и даже натяжение мышечных волокон. Половина мужчин закинулась неслабой дозой стимуляторов, но наверняка лишь затем, чтоб не струхнуть в самый неподходящий момент.

Босс сидел в респектабельном кожаном кресле, обрамлённый очаровывающей красотой двух молодых женщин. Первая, лучезарная блондинка с сапфировыми, большими эльфьими глазами, пристроилась на краю стола, укрытая, как шалью, плотным хлопковым флагом. Из-под небрежного маллета поднимался тоненький плавничок уха. Другая, в строгой блузке и классической юбке, с черным прямым каре, любопытно разглядывала троицу из-под тонкой прямоугольной оправы умных очков.

– Зачем ты нас вытащил, Рэймонд? – начал Лео, не стараясь проявлять напускного уважения, и Босс, с посеревшими тёмными волосами, окладистой бородой в седых мазках состаривающей кисти, коренастый, не слишком мускулистый и до безумия синеглазый, положил тяжелую металлическую руку – левую – на стол, обращая ее ладонью на портлендца.

– Погоди, плут.

Ю могла поклясться жизнью, что рядом с Рэем лежала «Ли-Энфилд» времен Второй мировой, модернизированная на современный лад, а затем переключила внимание на железный каркас, заменяющий Боссу часть конечности, начиная от локтя – почти копия того обрубка из «Терминатора», только напичканная проводами. Протез – воистину антиквариат, что не умаляло его качеств, к тому же она разглядела шланг пневматического кнута, по ТТХ нагнетавшего сотни атмосфер за несколько секунд. Воздух выстреливал под давлением, способный разрубить нетолстую бронепластину. «Персонал» выражал полную боеготовность – руки лежали на рукоятях автоматических винтовок, висевших на ремнях кому как удобно. И тогда в её сознании щёлкнули пальцы холодного фатума…

Через тридцать ударов сердца ударный картечный патрон отнимет от её ноги половину берцовой кости. Спонтанное и злое дежавю ввинтилось в бедненькую головушку ржавым штопором, сделав помещение шершавым и сухим, словно обезвоженный мозг Лео; за спиной Босса зациклившийся кадр скребущей о барьер бури напоминал неупокоенный сонм вопящих грешников. Освещение вот-вот поймает секундный сбой – лампы заморгают быстрыми ударами век умирающего на электрическом стуле осуждённого, что и будет воспринято за начало большой беды. Переговорная превратится в неровный пульс, начнутся вопросы, которые быстро перейдут в действие. Режущие кромки надвигаю-

щихся событий врезались в подсознание, а ощущение неизбежности проносилось бестелесными тенями судьбоносного вращающегося маховика. Мир поплыл, и Юки поплыла вместе с ним, не исключая, что прямо сейчас шлёпнется в обморок. Глубоко вдохнув, она заворожённо смотрела, как меняется контраст, как замирает время и как она перестаёт быть трёхмерным объектом в трёхмерном пространстве. Она словно перетекала в четвёртое измерение, и если так начиналась шизофрения, то очень не вовремя. Сейчас один из них скажет, что «мелкая бестия» привела бурю, что их ждёт бесславная кончина, а Рэй только усмехнётся, как усмехается прошедший через несколько войн ветеран суеверному отшельнику, что носит на шее кроличью лапку вместо армейских жетонов. И это только усугубит страх. Часть мужчин поверит, что Юки – инструмент Жатвы, что она намерена взять узел под контроль и пожрать их души… Люди испугаются замигавшего света и самума, кипящего далеко за окнами, как первобытные люди испугались бы молнии, поджёгшей сухой ствол. Это произойдёт через секунду. Край, через две. Мужчина с дробовиком перетирал зубную эмаль, с трепетом разглядывая её тело, прекрасно подчёркнутое формой. Она слышала скрежет зубов, видела, как сходят с ума датчики сердцебиения. «Персонал» боялся девушки, прибывшей на крыльях самума. Всё их сознание готовилось обратиться поломанным ловцом снов, который пропускает сквозь свою паутину только кошмары. Это пробудилось в ней ниспослан-

ным свыше откровением, туда-сюда катающимся по мозгам, пришло как реликтовое излучение, превращающее серое вещество в крупные белые хлопья то ли пепла, то ли телевизионных помех, заполняя сознание роем, безумным, хаотичным и нервным. Белый шум прополоскал её, выжал и вылетел вон, оставив после себя лишь знание. Знание предстоящей неотвратимой смерти. Паника захлестнёт «Персонал» быстрее, чем иллюминация вернётся в нормальный режим работы, и напуганная свора вскинет оружие, а она отшагнёт в приёмную, отстреливаясь хладнокровно, как бывало тысячи раз в симуляциях, только на этот раз удача её прокатит. Дробь пробьёт стену, разворотит нижнюю часть ноги, выписав билет в долину боли на высокоскоростном рейсе, а потом… У неё найдутся силы на последний фокус, когда её оттащат подальше, чтобы изнасиловать. Она знает, что шею довольно просто прокусить до артерии. Это будет отчаянно и смешно. И вдруг наваждение испарилось… Помутнение исчезло так же быстро, как и возникло. Вернулся понятный трёхмерный мир, выровнялись удары сердца, а свет светил спокойно и гладко. Юки медитативно выдохнула…

И тогда случился скачок напряжения. Над головами заморгали лампы. Раз, два, три, четыре, пять… Тьма клацала зубами, заставив одного из наблюдателей завопить, рискуя сорвать голос:

– Рэй, не к добру это всё. Мелкая бестия привела самум!..

Но Рэй не стал молчать и ухмыляться – нет. Он посмотрел

с твёрдостью ветерана и ровно ответил:

– Электрика сегодня с ума сходит. Проводку пятьдесят лет не меняли – чего ты хочешь от такой ветоши? Скажи спасибо, что вообще работает.

Паника захлебнулась в гордом спокойствии вожака, а спустя миг иллюминация стабилизировалась. На этот раз, точно. Холодные пальцы фатума разжались, а разговор вернулся к тому, с чего начался.

Босс что-то шепнул блондинке, не упустив возможности поцеловать торчащее ушко; девушка встала с изяществом фотомодели, демонстрируя всем, что под флагом нет ничего, кроме упругого манящего тела. Длинноногая, босая и счастливая, она пролетела через зал летним ветерком. Юки заметила сдавленный след от металлического ошейника – памятный штамп рабства – визитную карточку самых непубличных публичных домов. Блондинку, в свою очередь, заинтересовал «шаман» – такие устройства оставались редкими реликвиями, а владеющий ими вызывал уважение. Вторая, брюнетка, поднявшись так резко, что откатила кресло, серьёзно обратилась к Рэю.

– Чёрт возьми, ей правда меньше восемнадцати. Мы должны соблюдать регламент…

Он сжал здоровую руку в кулак, заставив секретаршу замолкнуть.

– Лина, девочка вооружена, так что разговор пойдёт как со взрослой. – Босс твёрдо уставился на информер. – Саманта,

значит… Что ты забыла в Квартале?

– Обстановочку проверяла. Меня байк прислали забрать. Я механик с гавайского судна. «Мурена».

– Бинго, – удовлетворенно сказал Рэй с таким видом, будто разглядел в Ю нечто особенное, но быстро совладал с собой, став чистым, как белый китайский кокаин. – Сделки порешаем позже.

– Ещё нужно обсудить работу медицинского модуля, – твёрдо добавила Юки.

– Она сказала, что «терапевт» способен сводить с ума, – с готовностью оловянного солдатика встрял Леонард. – Наверняка из-за него та перестрелка и началась!

– А ты никак не бросишь попыток оправдаться… Нет уж, сколько не выкручивайся, кровь с рук тебе не смыть… Jesus Christ, дайте мне буквально пару минут решить главный вопрос, – он дождался согласного молчания. – Я принял решение, Лео, что ты со своим пухлым трахарем сегодня же свалишь в закат.

– С какого перепоя? – опешив, вопрошал портлендец.

– Ты же нас надул. Договаривались как: за свой неудавшийся налёт вы отдаёте в пользу «Вертикали» всё имеющееся у вас вооружение.

– Дык мы всё и отдали.

– Не хитри, святоша.

– Я честен.

– Ну, я же говорил, – обратился Рэй одновременно ко

всем и никому. – Тот ящик на станции водоочистки в Раунд-Прейри – подарок судьбы.

У побледневшего, как мел, Леонарда заметно задёргался глаз.

– Ты что-то в лице изменился. Неужели знакомое название? Если наша удачная находка принадлежит тебе, ты скажи, не стесняйся.

– Это не наше. Могу только поздравить с приобретением.

– Слушай, мы ведь скоро найдём остальное. Просто признайся, что ты хренов хомяк и покайся. Сэкономь нам время на поиски, и я выделю тебе средство передвижения. Обещаю.

– Это не наше, – повторил Лео. – Мы бедны, как первые христианские монахи.

Босс недоверчиво накренил голову.

– Хорошо, святоша, тогда сегодня остатки твоей шайки выселятся из Калифорнии.

– Всё, что из земли выкопаешь, на нас повесишь? Так я могу тебе про сотню «кладов» рассказать. Под кустами камелии, позади ресторана, их целая гора. Семь лет готовил, аж прослезился. Забирай, не жалко.

Ю подавила предательский смешок.

– Не груби, глиномес, – произнёс Рэй в злом полуоскале. Его люди отреагировали на подначку каменным равнодушием.

– Довольно с меня голословных обвинений, – возмущался

маленький плут. – Предъяви нормальные доказательства.

– Как же ты виляешь. Ты в курсе, что существует всего две неотвратимые вещи?

– Объясни, к чему ты ведёшь.

– К тому, что смерть и налоги рано или поздно добираются до каждого. Успей внести вклад в дело Свободы. У нас на носу величайший в истории блицкриг.

– Мне нечего дать. Нет у меня схронов. Я беден, как церковная мышь.

– Хорошо, тогда даю тебе время собраться до вечера. Потом пеняй на себя.

– Отправишь нас пешком из-за нелепых домыслов? Ты превратился в автократа. Хуже – в тирана.

– На ящиках канадские маркировки. Есть следы колёс и ботинок. – Рэй победоносно взглянул на портлендца. – О'кей, я же не заставляю тебя идти на своих двоих. Можешь купить что-нибудь из моего автопарка. Любое гражданское авто, на которое хватит денег.

– Да мы ж ничего не выкопаем за сутки. Чем мне платить?!

– За семь лет ты мог хотя бы попытаться нарыть что-нибудь стоящее. Давай же, плут. Я приму в уплату всё, что позволяет рынок: элементы питания, чипы, химию. Слушай, ты остался на свободе, да ещё под шикарной крышей, за которую, кстати, мы даже аренду не брали. От тебя требовалось всего лишь сдать лишние стволы, но ты решил вытереть о

закон свои лживые ноги. Мне ничего не запрещает выпнуть тебя вон.

– Как же хочется выпить. – Лео сглотнул точно водяной насос, и многие даже без стимуляторов услышали хлюпающий звук. – До вечера, значит? А потом всё?

– А потом гуляй до Эквадора или куда ты там ехал. Можешь отдать ПМК и одежду – это вполне тянет на велосипед.

– Что, в таком случае, тянет на тачку? Я не помню расценок.

Босс откинулся в кресле.

– Смотря какая тачка. Вот, например, информер, как у Саманты, эквивалентен тому трейлеру для семейных путешествий. У тебя столько возможностей было раздобыть что-нибудь, не полагаясь на милость судьбы. Не такие уж у меня высокие цены. Они, собственно, лучшие на всех пяти континентах.

– Мне недостаточно суток. Дай хотя бы неделю.

– Держи карман шире. А знаешь что? Хрен с ним. Продай мне Марка. Разнообразим ассортимент «горничных».

– В Калифорнии нельзя…

– Разрешаю забить болт на наши законы. Действуй так, как действовал у себя дома. Меняю изящного четырёхколёсного «немца» на жирного боевого пиндоса. Покажи мне гостеприимство рабовладельческих штатов. Давай, святоша. Я никогда не видел цирка.

Взгляды плутов встретились. Они источали тонкие эмана-

ции понимания и принятия.

– Если это поможет тебе… – тихой готовностью ответил Маркус.

– Гостеприимство по-орегонски, значит? – повторил его соратник, заметно теряя голос, и, сглотнув уже тише, потянул ремень дробовика. Намётанный глаз зацепился за информер. – О'кей, будет тебе цирк.

Глупо было надеяться, что всё пройдет без выкрутасов. Лёд оставшейся жизни, по которой скользил Лео, стал совсем тонок, и нужно было действовать, чтоб не уйти под воду. Большой палец влез под натянутый ремень, а руки и ноги превратились противовесы, настроенные таким образом, чтобы вынести дуло туда, куда нужно. Юки предвидела этот отчаянный бросок наудачу, так что не мешкая дёрнула из кобуры Марка пистолет, единовременно взводя кольт. Револьвер уставился на снайпера с кибернетическими зрачками, а 177-й «Glock» уперся в мокрый висок толстяка, угрожая пробить две черепные стенки и достать его медлительного напарничка, едва снявшего дробовик с плеча.

Никто не понял этого молниеносного асинхронного движения рук. Какие-то неимоверные рефлексы превратили смирную девочку в вооруженную бандитку, всем видом своим выказывающую только одно желание – убивать.

Прежде чем «Персонал» перешёл к действиям, было слово.

– Не улавливаю всех юридических тонкостей, – теперь за-

мерло всё, и только её уверенный голос, неоспоримый, как парадигма, вписывался в спёртый воздух, – но есть подозрение, что нельзя торговать чужими вещичками. Будете выделываться – всех упакую.

Значение глагола «упаковать» вырисовывалось из контекста, вызывая перед мысленным взором пачку мешков для трупов.

– Кто ж знал, что пьяный олух начнёт глупить. Можешь направить револьвер на меня. – Рэй бесстрашно, даже вызывающе прогудел. – Если идти ва-банк, то держа на мушке главного перца.

– От «перца» сейчас меньше всего проблем.

Ю ждала, попытается ли Рэй привести в действие протез, вот тогда-то станет ясно – друг он или враг. Но Босс лишь раздраженно выдохнул, чувствуя открытое пренебрежение, а затем обратился к маленькому портлендцу.

– Ну ты и мудак, – процедил Рэй сквозь сжатые от ярости зубы, ударил пятками об пол и выкатился в кресле, к большому облегчению всех присутствующих, одетый в джинсы. Это были фирменные синие «Levi's», обшарпанные, но, естественно, качественные. – Неужели тебе померещилось, что я намекнул на её информер? С чего ты вообще поверил, что окажешься ловчее? Эта не какая-то вялая китаёза, а потомок гавайских сепаратистов, что с пелёнок учатся стрелять и не жалуются на реакцию и силу воли.

– При всём уважении, Рэй, – виновато провякал Маркус,

– ты подтолкнул моего товарища на глупость.

– Ничего подобного, – отнекивался Босс. – Мне хотелось узнать, тебя святоша выберет или пушки. Так ведь хитрющий засранец нашёл третий вариант. Зато как эффектно она осадила ваши хитрые жопы! Нет уж, братцы, как бы вы ни трактовали мои слова, они не отменяют законов «Вертикали». Мы не грабим туристов, даже если я открытым текстом вас на это благословляю. Мы же не обезьяны дикие. У нас тут цивилизация.

Босс направился к портлендцам с очевидным намерением отвесить смачную оплеуху – вот тогда-то твёрдая рука ронина перевела на него кольт несгибаемой стрелкой часов.

– Стой там, Рэй. Я сейчас крайне отрицательно настроена на сближение.

Он ничего не ответил, но встал, едва не сделав новый шаг. Все остальные недоверчиво косились на пистолеты, получив дозу адреналинового опьянения, грозившего довести до греха.

– Успокойся. Ты уже осадила единственную хитрую жопу. «Персонал» таких вольностей себе не позволяет. Следовало сразу высадиться в доках. Время бы сэкономила, да и для плутов ситуация разрешилась бы чуточку лучше.

– Прежде чем зайти в порт, Гонолулу посылает делегатов. А так как мне не давали досье на большого дядю в узле, пришлось осторожничать.

– Какая параноидальная пошла молодёжь, – покачал го-

ловой Рэй. – И какая хладнокровная. На нашем счету один труп за восемь лет, а ты, пяти минут в узле не пробыв, уже пообещала всех похоронить. – Рэй кивнул на её правую руку. – Занятный револьвер. Энергетический?

– Ага.

– Бинго, – храбро попугайничал Босс. – Первый раз встречаю такой.

– Ловко ты догадался о зарядах.

– Ну, если не свинец, то огонь, плазма или ток, – с бесстрастностью оружейного эксперта прояснил он. – На «зажигалку» не похож – габариты маловаты, да и бака не вижу; для плазмы конструкция слишком примитивная, а вот барабан-электрогенератор – это зачёт. Значит, механик с «Мурены»?

– Самый лучший механик, – она непроизвольно осклабилась, обнажив ряд ровных зубов, благодарная «шаману», что никто не видит её бравады. Рэй, однако, почувствовал эту вольготность, посмурнел и грозно смерил её с головы до ног.

– Самый лучший механик может забрать оплаченный товар и валить на все четыре стороны. Если хочешь отдохнуть, в секторе пилотов есть свободные комнаты. А голубков ждет долгая разъяснительная беседа.

– Сначала про кластеры спроси! – проорал Лео. – Она что-то знает. Клянусь, та бойня началась на ровном месте!

– Как по мне, причина в том, что ты все мозги пропил.

– В тот день я был абсолютно трезв. Не потешайся над

моей зависимостью.

– Почему же не поиздеваться над лжецом и убийцей? А может, вместо издёвок, кончать таких вот буйных сразу?

– Нашей вины там нет! – Леонард дрожал всем телом, почти скуля. – В Квартале всем башню сорвало, я даже не помню, с чего всё началось. Это всё хреновы модули «Вертикали» – они превращают в нацистов всех, до кого дотянутся.

– Это старая шарманка. – Рэй уставился на Юки. – Бостон ведёт информационную войну и вкидывает дезу про перестройку сознания. В пику их пропаганде, я вижу лишь преданных людей, соблюдающих закон.

– Я всё объясню, – хладнокровно произнесла Ю, – когда станет спокойнее.

– Принято. Парни, – Босс окинул взглядом своих людей, – уведите голубков в «Монро». Сегодня я примерю роль отца. Поясню провинившимся сынкам за жизнь. А ты, Марк, мог бы действовать практичнее – например, действительно отдать мне вооружение. Что стоит гомосеку уйти от своего никчемного главаря? Или ты настолько сильно привязался к члену Его святейшества?

Маркус безразлично посмотрел на Рэя. Ему ужасно захотелось спать.

– Пошевеливайтесь. Оставьте нас наедине с самым лучшим механиком.

«Персонал» услужливо закопошился. Третий выходящий принял от ронина трофейный «Glock». Стрелок с искус-

ственными зрачками поместил винтовку на плечо и, не отходя от Босса, дожидался, когда конвой выведет плутов наружу. Спокойно последовав за арьергардом, он, судя по едва различимому скрипу мебели, расположился в приёмной. Юки опустила кольт в район бёдер. Лина протирала платком запотевшие линзы. Рэй, вернувшийся в директорское кресло, дипломатично уложил ладонь на металлические пальцы.

– Меня уже пугали тем, что мозгоправ вызывает психические расстройства. Если ты купилась на вбросы восточных ушлёпков, могу лишь посочувствовать.

– В Квартале стоял модуль?

– Нет. Так что гипотеза, которую ты выдумала после разговора с пьяным прохвостом, не выдерживает критики. И вообще, слишком глубоко ты суёшь нос для простого туриста.

– На Гавайях становится тесно. Мы ищем подходящие места для переезда. Приходится взвешивать риски.

– Многие из китайцев носили деформаторы, так что влияние извне отпадает. Не в излучениях дело, а в том, что пройдоха Леонард решил прихватить по дороге в Эквадор забористое ширево. Алкоголик много чешет языком: про друзей, что являются фантомами, про то, как он любит свою матушку и как китайцы нападают, потому что им померещились захватчики. Но захватчики – гуманоидные и немного зелёные – правда были. Плуты пришли в сумерках под видом беженцев и начали сафари без прелюдий, на что верные мужья и отцы, как положено защитникам рода, среагировали

молниеносно. Равноценно. Это была бойня за наркоту. Тупая попытка обманом захапать чужое добро. «Терапевт» тут ни при чём. Не в нашем кластере проблема. И вину ты на нас не повесишь.

– У меня нет цели кого-то обвинить. Просто хочу удостовериться, что у моих потенциальных соседей нет проблем с психикой.

– Себя проверяй. Ты ведь нам оружием угрожала. – Рэй смиренно вздохнул. – Слушай, мне известно, что «терапевты» повышают риск ранней деменции, так ведь и мотивация растёт. Отдать несколько лет жизни за будущую победу – приемлемая цена.

– Мои датчики фиксируют ненормально высокую интенсивность излучения. Твоим людям это может обойтись дороже, чем в несколько лет.

– Мои люди здоровы, как астронавты, – ровно произнёс Рэй. – Инженеры заверили меня, что негативный эффект будет минимальным. Мы с Лос-Анджелесом в одной лодке, так что у них нет причин нам врать. Западная коалиция, как никак. «Персонал» сплочён, боеспособен и прекрасно себя чувствует. Если ионизация правда опасна, то покажи мне человека, с которым что-то не так.

– Никаких провалов в памяти или нарушений координации? Может, у кого-то возникало маниакальное желание завесить кабинет флагами?

– Флаги – это моя фишка, – слегка смущённо пояснил Рэй.

– Я с них лёгкий экстаз ловлю. С азиатами я дружил, даже на подмогу спешил со всех ног, а патриотизм «Персонала» объясняется требованиями работодателя. Хорошо, какие бы ты дала рекомендации?

– Первым делом провела бы медицинский осмотр. Проанализировать переписки тоже не помешает.

– Что ж вы такие приставучие, – уже остывая, произнёс Рэй и мягко приказал секретарше:

– О'кей, Лина, открой ей логи.

Секретарша подчинилась. Естественно, она дала доступ к общим внутренним чатам, большая часть которых была изучена ещё на подходе. Выдержав десять секунд, Юки поделилась давно сделанными выводами:

– Судя по логам, в «Персонале» довольно высокий уровень ксенофобии.

– American, please.

– Типа недоверия к чужой культуре и национальности, – перевела Ю. – Однажды они могут докопаться до твоей английской «Ли-Энфилд».

– В таком случае, мне добавкой можно за любовь к чёрному чаю предъявить. Поверь, «Персонал» адекватен и подчиняется мне беспрекословно. И разве ксенофобия – это диагноз?

– Нет, но это негативный паттерн поведения, который может привести к плачевным результатам.

– То есть ты считаешь, что нейрокоррекция прививает

ненависть?

– Возможно. В идеале, следует посмотреть настройки «терапевта» и провести психологические тесты типа Айзенка.

Рэй адресовал Лине безмолвный вопрос.

– Запросто, – оживилась секретарша. – Можно и Айзенка, и Люшера, и Бека с Сонди.

– У неё медицинское самообразование, – разъяснил Рэй.

– Родители, – гордо ответила секретарша. – С детства практиковалась на деревенской скотине. Так-то я больше ветеринар, но знаю всё понемногу. И зовут меня Алина – это же так сложно произнести, – она отчитывающе посмотрела на Рэя поверх очков. – Я тут вроде советника, секретаря и медика. Лучшая работница каждого месяца.

– Ты не заметила, что интеллект падает? – спросила Ю.

– Они не читают книжки. Я вот читаю, поэтому со мной всё хорошо.

– Судя по лингвистическому анализу, – добавила Юки, – с женской половиной всё более-менее в порядке. Зато у мужчин деградация усиливается с каждым годом. Секунду…

Юки жестом отправила аналитику. Приняв от ронина файл, Алина зажгла над ладонью группу таблиц. Настроенные на чтение глаза жадно перерабатывали инфу. Рэй пристроился сбоку, пытаясь вникнуть в суть.

– Похоже, выводы верные, – с незначительной долей скепсиса произнесла секретарша. – Словарный запас действительно поредел, да и пассажи стали проще. Тем не менее,

ничего фатального.

Рэй подался вперёд, разглядывая таблицы и расшифровки.

– Что такое «ложные кванторы»? «Шовинизм» что значит? Инопланетному меня не учили.

– Проверка мальчикам правда не повредит, – деликатно сказала Лина.

– Хрен с вами. Давайте убедимся, что мои парни не превращаются в даунов. – Босс искоса глянул на секретаршу, затем мягко, даже игриво добавил:

– Меня потом тоже обследуешь.

– Посмотрим на твоё поведение, – шпилькой ответила Лина. Рэймонд недовольно раздул ноздри.

– Приступай к работе. Обо всех странностях, которые найдёшь, сообщай немедленно, – и дал отмашку здоровой рукой.

Лина, приняв план работ, удалилась. Ей предстояло провести осмотр сотни членов вооружённой группировки, не вызывая ненужных волнений. Рэй жадно проводил виляющие бёдра и привалился к краю стола, разглядывая неотражающую поверхность информера.

– Если Лина выявит проблемы, будем разбираться, – железные пальцы волнами перестукивали по столу, тяжёлый взор намекал на желание поскорей сменить тему. В воздухе висел зуд электрических ламп.

– Вообще, было видно, что Лео тебя побаивается, – ди-

пломатично продолжил Босс. – Не знаю, с чего ему взбрело в голову напасть. Была мысль, что он просто убежит, поджав хвост, а через время вернётся и кинется в ноги. Гордость он давно потерял. Лжец и содомит.

– Что с плутами будет теперь?

– Посидят взаперти, подумают… Потом выделю им по самокату, на которых отправлю в "Tour de USA". Гонка века: толстый против бухого.

– Сурово.

– Обычная депортация, – развёл руками Рэй. – Давай с тобой уладим… Ты пришла за байком, верно?

– Ага. Мотоцикл мой отец для себя покупал, но теперь решил отдать мне.

– Долго он на сохранении пролежал.

– Много слухов ходило. Пришлось как следует подготовиться.

Рэй понимающе кивнул.

– Куда потом направишься?

– Поищу пригодное место для поселения, – коротко ответила Юки. – Пособираю полезный хлам, отмечу интересные места, измерю уровень загрязнения. Одиночкам ведь разрешено свободное передвижение?

– Да, эта привилегия до сих пор действует. Используй наши карты местности – по ним поймёшь, куда лучше не соваться. А вообще, я бы посоветовал сразу ехать в Лос-Анджелес – там предложат несколько хороших участков. Или

заселяйтесь прямо в городе. Эл-Эй нужны ценные кадры. В мегаполисах таких, как ты, с руками оторвут…

– Мои друзья хотят заняться фермерством, желательно за городской чертой. Но я не против пожить в городе. Чисто из интереса.

– Киберкалибровщики сейчас нарасхват. После бури отправлю о тебе весточку.

– Прямой связи нет?

– Вроде бы нет. Впрочем, не исключаю, что прямо сейчас нас прослушивает главный офис. Пускай. Пусть делают, что должны. Меня заботят мои обязанности, которых, поверь, хватает, и дружеское общение с туристами в непринуждённой обстановке – одна из главных.

– Ты производишь хорошее впечатление.

– Стараюсь держать планку. «Вертикаль» ежегодно привлекает тысячи человек извне, и не просто так. Пока люди по всему земному шару сидят без средств на существование и умирают на бесконечных раскопках, у нас ты будешь жить в превосходных условиях и сможешь выбирать развлечения на свой вкус. Конечно, работать придётся не меньше, зато на технологичном производстве. Чего только теплицы стоят – овощи и фрукты круглый год. К тому же, после победы границы откроются – во всяком случае, мест для посещения точно станет больше. В «гостевой зоне» сможешь лично убедиться, каких мы достигли успехов и к чему стремимся.

– В самом городе ты бывал?

– И не раз. Я туда периодически заезжаю.

– Тебе разрешён выезд?

– Репутация позволяет, – с ложной скромностью произнёс Босс. – И как резиденту, мне известно достаточно о внутренней кухне «Вертикали». Я и про быт знаю, и про устройство армии, и со многими управленцами знаком лично. Таких толковых директоров ещё поискать. Они не скупятся на усиление личного состава – у них там полный калейдоскоп специалистов, и каждому находится дело. Система поощрений сложноватая, но суть простая: чем ты полезнее, тем лучше живёшь… Тем больше получаешь благ. Уж такая придирчивая девчонка вроде тебя точно проявит себя с лучшей стороны. Как говорил кто-то из великих деятелей Америки: «критикуешь – предлагай».

– Интенсивность излучения точно стоит уменьшить. Работать с таким количеством сигналов без ошибок практически невозможно. Даже с передовым ПО.

– Чувствуется профессионализм, – уважительно проворчал Рэй. – Такие, как ты, в старые времена занимали пентхаусы, нежились в молочных ваннах и пили из золотой посуды. И, стоит заметить, по праву. Любой из наших мегаполисов обеспечит тебе похожие условия.

– Личный коттедж?

– Если окажешься достаточно полезной. Мальчика себе найдёшь по статусу. Семью заведёшь. Или к моим парням присмотрись. Есть у меня механик – Курт – как раз по тебе.

Чудом выжил после нападения рейдеров. Байк у него заберёшь «под роспись» и его забирай. Нечего ему в глуши прозябать.

– В Гонолулу беспокоятся ещё об одном. Что за взрыв произошёл в Штатах в восемьдесят седьмом?

– Смотри-ка, любую мелочь фиксируют, – Рэй важно откинулся в кресле. – Хоффман испытал прототип нового оружия.

– Слишком близко к Лос-Анджелесу.

– В точности измерений вам не откажешь, – спокойно произнёс Босс. – Всему виной загадочный мужик на фуре.

– Мужик на фуре? – автоматически переспросила Юки.

– Джимми Пейдж – так он представился. В информере-противогазе. Умный странный мужик. Чёрные волосы, походная форма. А ещё он мне руку оттяпал, чтобы гангрену остановить. Слышала о нём?

Юки молчала. Она не хотела раскрывать своей связи с Техником. «И вообще, – подумала Ю, – по легенде он Джимбо Пейдж».

– Ничего не знаю ни о каком Джимми Пейдже.

– Неплохой был мужик. И хакер отменный. Взрыв предназначался ему.

У Юки ёкнуло в груди.

– Хоффман использовал сверхоружие против одиночки?

– А что тебя удивляет? Хорошего хакера легче пристрелить, чем пересчитать. История с ним, конечно, удивитель-

ная. Встретились мы на пустой дороге. Пообщались о том, о сём, пока я в себя приходил. О корпорациях, о мировых заговорах. Расстались на хорошей ноте, хоть я и понимал, что он агент Бостона. А потом рвануло. В тот день взрыв даже здесь почувствовали, а на карте пригорода образовалось несколько кварталов выжженого пустыря. Сравнимого масштаба было моё смятение, когда Хоффман поведал, что убиенный Джимми Пейдж оказался Мао Цзэдуном. Ещё больше я удивился, прочитав в древней статье, что настоящий Джимми Пейдж играл на гитаре в «Led Zeppelin» и восемь минут пел про лесенку в Небеса. Как Хоффман вычислил национальность, если тело обратилось в пыль, ума не приложу. А экспансия действительно закончилась.

– Ты назвал агента Бостона неплохим мужиком. Это потому, что он тебе помог?

– Здесь что-то большее. В нём чувствовались яйца, – Рэй выдал совершенно нелепую фразочку с совершенно серьёзным видом. – Пейдж, он… будто бы за идею боролся. Не за «Авангард» и не против «Вертикали», а за высшую цель.

– Может, пираты тоже борются за идею?

– Дезертиры они, которые признают лишь право сильного. Бостон действует преступными методами и готов идти на крайние меры. Именно это остановило меня от вступления в их шоблу. Ты слышала про резню семьдесят восьмого, когда «Авангард» начал жестить? Тогда они показали истинное нутро – устроили охоту на ведьм. Убивали всех, кто носил

оружие. Искали меня, слепошарые бешеные хаунды. А ведь ещё с сороковых было ясно, какие они кровожадные.

– Умеешь ты интриговать, – с поддразнивающей нетерпеливостью сказала Юки. – Встреча с Джимми Пейджем, резня семьдесят восьмого… К нам глобальная инфа месяцами идёт, а с новостями из Штатов вообще беда. Давай по порядку, если можно.

– О'кей. Ну хоть про свалку техники на востоке вы в курсе?

– Ага. По слухам.

– Странная ты девушка, Саманта. Слишком самоуверенная, слишком ровная и уж больно хорошо у тебя язык подвешен. Механик, значит?

– Учёная, можно сказать, просто у меня за плечами курс интенсивной скаутской подготовки.

– Даже так… – в его голосе угадывалось уважение и лёгкое безразличие человека с другим набором интересов. – Когда я узнавал о мире из фильмов, учёные представлялись мне занудами-очкариками, мямлящими себе под нос. Теперь-то я вижу, что суровая действительность отсеивает скромников, превращая в Джеймсов Бондов даже тех, кто меньше всего подходит на эту роль.

Рэй вертел между металлических пальцев висящие армейские жетоны. Кабинет темнел. Буря становилась плотнее и злее, и на фоне роящейся песчаной массы Босс всё более походил на уставшего британского офицера, застрявшего в ка-

раван-сарае среди дюн.

– С чего бы начать… – пальцы здоровой руки методично щёлкали, настраивая сознание на нужную частоту.

– Со своей любви к флагам. Или с того, чем тебе пираты насолили.

– Мы ещё дойдём до их моральных качеств, – огрызнулся Босс. – Пираты – скопище предателей, умудрившихся угнать во время Коллапса так много техники и оружия, что к середине шестидесятых успели с их помощью оттяпать от Америки порядочный кусок. Ты хоть представляешь, что я чувствую? Однажды моя великая страна уже разлетелась осколками славы, но больше мы никому не позволим её топтать. Я клянусь тебе: знамёна былого величия разовьются вновь, потому что в конце концов всегда побеждает тот, кто сражается за правое дело. Это намертво вписано в нашей ДНК. Да, Иуд сложно исправить, но наполнить воодушевляющим символизмом кусок ткани – проще простого. Правильные символы возвращают к основам, раньше или позже, служат напоминанием о временах, когда люди знали, куда стрелять. В сорок пятом нам не хватало реинкарнации Пола Ревира, предупреждающего о пуске ракет, или Джозефа Уоррена, что самоотверженно выносил бы раненых из-под Х-лучей. Лучше всего, чтоб пришёл новый генерал Вашингтон со своим громадным везением, но, видит Бог, погасли искорки, способные зажечь фитиль пробуждающих пушек. Политики оказались ничтожны, а мои соотечественники, едва пережившие

ядерный блицкриг, больше не искали борьбы. Им хотелось просто сидеть под землёй и притворяться, что жизнь, даже такая убогая – уже счастье. Самообман – это сила, которую лучше не принимать. Мне «посчастливилось» расти среди кучки обездоленных бедолаг, потерявших надежду на светлое будущее, и чтоб хоть как-то вернуть их в строй, пришлось переступать через собственную натуру. Не поверишь, я ради них жонглировать научился, так что даже сейчас, будучи суровым Боссом, мне удаётся рассмешить девчонок. Но для поднятия Нации недостаточно циркачеств. Весельчаки, избалованные благами рукотворной эволюции, никогда мне не импонировали. Они не способны выстоять ни в тяготах, ни в лишениях. Кабинетные генералы, офисный планктон или homo ludens – никто из них не сияет, даже не тлеет. В час лишений нам нужны колоссы, удерживающие фронт. Те, кто из Ада земного ступают в Ад вечный. Однажды я нашел неоспоримый ориентир, понятный, как звёздно-полосатый флаг. Капрал Лиам Джефферсон заменил мне погибшего при эвакуации отца и с малых лет вкладывал в меня догматы самоотверженного защитника, которому зазорно врать или бежать от драки. А когда мимо проходили дружественные части, капрал брал меня на поверхность, где через стёкла противогаза передо мной оживало кино о самых бесстрашных людях этой планеты. Пятидесятые прошли в постоянном наблюдении за развязками. Американские военные гордо сидели на броне, белозубые, величественные и,

в какой-то мере, святые. Даже скованные военной рутиной, они источали ауру настоящей жизни. Удивительно, что когда на волоске висит судьба человечества, обычные дети шахтёров и кухарок способны превратить тоненький волосок в крепкую металлическую леску.

Боевые махины неумолимо проносились мимо, вздымая пылевые шлейфы; эскадрильи истребителей пролетали стремительно, как детство. Уверенные в победе, они спешили к атлантическому побережью, где, по слухам, окопались интервенты, замыслившие марш на запад. Казалось, союзные части перекидывают силы со всех уголков страны, год за годом, дивизию за дивизией, пока вместо дивизий не пошли полки, а вместо полков – роты и взводы. Так сыпется песок в допотопных часах, только там, если он заканчивается, стекляшку достаточно перевернуть. Мы ждали, что военные триумфально пойдут обратно, взрываясь грохотом победоносного «ура», ждали, что Господь перевернёт часы… Нация ждала героев. Джефферсон редко получал фронтовые сводки, потому не врал о ситуации на полях сражений, но строил догадки, в которых не находил покоя. И я обещал ему уйти на разведку, когда повзрослею. Мы все совершенствовались, пополняя ряды защитников – отбивали мелкие набеги сумасшедших, вставая в ружьё, как один. Нас заражало бесстрашие солдат, крепость их духа, но время закладывало непонимание: на восток стали проходить прореженные тактические группы из разных стран, и никого с направления Атланти-

ки. Щупленькие азиаты понуро брели навстречу бою, арабы читали молитвы, европейцы напевали унылые песенки. Иногда вновь появлялись американские части, какие-то огрызки, но фундаментально непоколебимые. Последнего армейского «джаггера» я видел в 2152-м с колонной потрёпанного спецназа, последний танк – двумя годами позже, без какого-либо сопровождения. В 2157-м – корейских снайперов в изношенной форме, обмотанных пропитанными кровью бинтами. После Кимов пошли оборванцы без опознавательных знаков. Радиочастоты окончательно загнулись, военные перестали выходить на связь. Новостные каналы потеряли последних диджеев. Мы стали тянуть скорбную изоляционную лямку. Капрал уходил за провиантом, приносил какие-то слухи, приводил беженцев и руководил нами не хуже президента. Мы стали дисциплинированы и боеспособны. А однажды он не вернулся, и я во второй раз потерял отца… Нас из миномётов обстреливали – и ничего, а тут – обычная ночная вылазка…

В двенадцать я вышел на рынок бродяжьей занятости. У меня усики только отросли, но своих от чужих я уже отличал. Американцы по природе своей – ковбои, готовые жизнь положить на защиту дома, а главная наша беда – неусидчивые соседи. Взять хотя бы Техас, на который то и дело набегали мексикашки. Вот тебе и истоки того, почему земледельцы поголовно обзаводились огнестрелом. Нельзя вламываться туда, где тебя не ждут; нужно вежливо стучаться и сначала

предлагать, а потом просить. С такими вот установками тот паренёк с дурацкими усиками отправился на вольные хлеба, помогая всем, до кого доходили его работящие руки. Оплачивали едой и ночлегом, но, что важнее – у меня появлялись друзья, многие из которых сейчас в «Персонале». Jesus, как же я тогда фруктам радовался – почва без удобрений не плодоносила, полей не хватало. Чаще всего встречалась кукуруза, чуть реже – фасоль. Кое-кто рис засеивал. Рис в Америке! Представляешь?! – Седоватые брови Рэя весело округлились. – Домашний скот тоже держали, так что времена ковбоев вернулись, а я берёг ковбоям силы, чем становился известен. Да, грешил, нарушая христианские заповеди, но будем считать, что действовали законы военного времени. Вообще, убийство – не всегда преступление, даже в период мира, но всегда грех, и тут встаёт вопрос, что главнее: христианская мораль или твое законное право защищаться и защищать? Не забуду первый заказ… После долгой дороги ужасно хотел есть, пить и провести время с какой-нибудь легкомысленной мисс. Было мне как Курту, а без женщин я уже жизни не представлял. Впрочем, о моих любовных похождениях поговорим в другой раз… Короче, в большой захолустной общине на берегу Теннеси, один дородный плотник в вязаной шапке предлагает разобраться с цыганами. Увели, говорит, детишек, пока те рыбачили, а отца их так отделали, что тот неделю кровью ссался и стал косить на один глаз. Цыгане, – поморщился Рэй, – грязное ворьё без дома

и достоинства. Пришлось все объездные дороги обшарить. Благо, их золотые серьги отлично отсвечивают на солнце. А верещат цыгане, как истеричные макаки, все поголовно, даже вспоминать мерзко. Короче, молокососов я вернул, и после этого в округе никто не чудил. Меня тогда героем назвали. Приезжал я проведать того плотника – лежит у камина в самодельном кресле, качается себе да попивает брусничный сок. Хорошее у них хозяйство. Там пятнадцать семей, садики и бетонная стена с автоматическими турелями. – Рэй снова защёлкал пальцами здоровой руки, словно азбукой Морзе напоминая себе, на чём остановился. – Тебе же про Бостон хочется услышать, верно? Короче, в районе семнадцати лет, одна бойкая ковбойша, самая натуральная, в шляпе с полями и варёном жилете, попросила перебить каннибалов, с чем я покончил к следующему утру. Девчонка впечатлилась, сказала, что я не лыком шит, а потом добавила с понтом: «Ты прирождённый воин, благородный и бесстрашный, тебе прямая дорога в Бостон». «Авангарду», – говорит, – нужны крепкие юнги». Она была старше лет на десять, но мне ужасно захотелось взять её прямо на крупе её кобылы. Девочка-веточка, аккуратная такая, самоуверенная и в меру безбашенная. Спрашиваю, что ей известно о Бостоне, а она завела старую песенку про неприступную крепость, перед которой сложили знамёна все армии мира, и про то, что «Авангард» установил новые порядки от Мэна до обеих Вирджиний и скоро возьмёт Огайо. Мол, у них высокоразвитое общество, все сы-

ты и здоровы, и каждый имеет крышу над головой. Подмигнула ещё, а я зарделся, как девственник, до сих пор неловко. Она общалась естественно, словно и не с наёмником, а с пастушком со своего ранчо. Откуда в той девице было столько смелости на пустой дороге – тайна похлеще Стоунхэнджа. У неё только двустволка да перчатка навроде твоей с какими-то примочками; ещё харизмы через край, – так могла на уши подсесть, что внимал ей, как гипнотизёру, и голос – чисто завораживающий маятник на индейском шнурке из бизоньего волоса. Как же её звали? – Рэй с мольбой посмотрел на Ю, будто та знала ответ, и его синие глаза вспыхнули, подсветив, вопреки всему, нужный фрагмент памяти. – Фамилия у нее была Деф. Деф, как смерть. А имя какое-то светлое и глуповатое. Имей имена значение – непременно бы запомнил. В общем, о Бостоне разное говорили, так что рискнуть стоило. Ходили разговоры, что там собрались счастливчики, пережившие общемировой кризис. Мол, прореженные американские части собрались вместе и построили в Бостоне крайнюю линию обороны, после того как в лучших традициях Паттона, смазывая вражескими кишками гусеницы танков, выбили интервентов вон и теперь отражали редкие атаки с другой стороны океана. Хотелось бы, чтоб те надежды не разбились о новую действительность и Бостон действительно стал главным оплотом Америки, костяшкой огромного железного кулака. Во мне гормоны трубили в рог. Я гнал через Штаты, встречая кучу сожжённой техники – распластавши-

еся дивизии под флагами чужих государств. От обилия бесхозной брони башка кружилась. Я был готов сорвать педаль и вылететь в кювет, я был готов пуститься бегом, преодолеть последние мили с марафонским запалом, чтоб служить в пиратской шайке, только капрал научил меня трезво оценивать ситуацию, невзирая на масштабность произошедшего. В полях перед Бостоном, на дорогах и развилках, разломанные, точно гнилые зубы, выбитые в драке бейсбольным битком, распластались военные машины разного предназначения. Многотонное железное море – подбитая артиллерия и самоходки, не долетевшие до цели дредноуты, пробороздившие километры полей… Огромная экспозиция неудачного наступления. Гордость – вот что я почувствовал вначале, когда мне встречались флаги – от китайских до бразильских. Всё географическое многообразие лежало перед одним маленьким прибрежным городком. Ассорти из знаков различия на плавленой броне. А затем пелена слепого воодушевления спала. Я вдруг понял, что среди иноземной техники появляется всё больше нашей. Тьма пушек, направленных на Бостон и только на него. Не на запад, а именно в сторону Атлантического океана. Меня словно запустили в полёт из пращи. Всё стало стремительно-ясным. Пираты каким-то чудом отбивали волну за волной многие годы, отбрасывая любого, кто шёл на штурм. Моё сердце упало на каждую полосу и каждую звезду. «На востоке не прекращаются столкновения», – говорил Джефферсон своим парням, но что это

были за столкновения, выяснилось только тогда. Противоречия рвали меня. С одной стороны, бостонцы могли защищать суверенную территорию, с другой – они в порошок стирали боевые соединения моей страны. Я не понимал, за что они ведут борьбу. Я должен был задать им вопросы, понять мотивы, выяснить, на каком основании они сгубили стольких верных долгу мужчин и женщин; зачем они подминают под себя всё новые и новые города. Но я испугался. Подумал, что Бостон и меня сотрёт в пыль, если им что-то не понравится. Возможно, воины со всего света пошли на него, как на Иерусалим, ведомые ужасом того, что там угнетают праведников. Меня остановил страх наткнуться там на новую нацию, извращенную в моральном плане и презирающую старые порядки. Меня пугали перспективы поверить им, добровольно присягнуть губительным постулатам. Капрал научил меня выбирать друзей, но тут не пахло дружбой. Я решил, что найду информацию про Бостон как-нибудь позже, узнаю у оставшихся ветеранов, зачем они пытались его взять. Скажу заранее, – Рэй сломал интригу на моменте её рождения, – ветеранов не осталось. Короче, развернув тачку, я двинул подальше от Атлантики, и чем сильнее отдалялся, тем легче мне дышалось. Только на границе штата меня отпустило, а спустя время мы с друзьями сколотили фирму. И нас уважали везде, куда б не заносила нелёгкая, а моё имя защищало лучше двухметровых баррикад, минных полей и рвов.

– Какие повреждения у техники?

– Самые разные. Пираты жирно разматывали системами залпового огня. Где-то сдетонировал боекомплект, где-то сгорели электрогенераторы. Похоже, не обошлось без зверских габаритов пушки Теслы. Арсенал там явно передовой. На чём я?.. На фирме. Мы «Легавыми» назвались – специализировались на частной охране. Работали чаще с мелкими доставщиками – помогали перевозить лёгкие посылки. Помню, привезли партию «суккубов» наркошам из Флориды, а потом закрылись с ними на месяц и творили такие непотребства, что хиппи с «Лета любви» позавидуют. Лучшие годы, что сказать! Потом обустроили базу близ Орлеана: по будням прореживали популяцию диких собак, в выходные ездили отжигать на побережье вместе с местными чудаками. Сейчас они в каком-нибудь чистилище, наверное, курят вместе с Джа и слушают рэгги, мечтая о бескрайних равнинах Эфиопии. Под наркотой забываешь, как предохраняться. В общем, мой продолжительный трип закончился очень даже вовремя. Заскочил к нам на огонёк одинокий байкер. Заливал про зацветшие равнины в Миннесоте, про поднявшийся уровень воды на Аляске. Дорожная романтика, все дела. А потом завёл разговор про «Вертикаль»: мол, учёные скооперировались с военными и снабжают города кластерами нового поколения. Благодаря им, говорит, ополчение Мемфиса отбилось от пиратов. Там какая-то квантовая технология, способная в обход защитных полей соединяться с БК или замыкать электроцепи. Не помню, как называется, но в нашем

кластере такая есть.

– «Хазм». Сверхсекретная сайберовская разработка. Его производство требует огромных ресурсов, в том числе умственных.

– В Лос-Анджелесе хватает спецов. Многие из них занимали высокие посты до Коллапса, так что в опыте и знаниях недостатка нет. Проблема в том, как наладить производство в условиях тотальной разрухи, но Эл-Эй каким-то чудом справился. Короче, появление Wunderwaffe на поле боя остановило пиратское наступление, а я получил неплохой стимул присоединиться к западным мегаполисам. Тот байкер, Олкас, служил у Хоффмана вербовщиком и предложил вступить в их ряды, на что я без особых раздумий подписался.

– Что входило в твои обязанности?

– Сопровождение грузов, охрана инженерных бригад. Самое интересное было в начале. Вступительный экзамен заключался в том, чтобы вернуть семье девчонку, которая сбежала с пиратским капитаном и поселилась на Бэк-Бэй в милом браунстоуне.

– Откуда в «Вертикали» знали, где она живёт? В Бостоне сидели шпионы?

– Заказчик дал наводку. Отчаявшийся отец. Знаешь ведь, как подростки спорят с родителями. Вот и та девчонка постоянно повторяла, что «Джозеф поселит ее в викторианском доме». А там такие только на Бэк-Бэй.

– Девчонка из Эл-Эй тайно встречалась с капитаном «Авангарда»?

– Не из Эл-Эй. Их поселение было на востоке, на неподконтрольных территориях. Суть в том, что она была несовершеннолетней и сбегать из дома не имела права, поэтому её отец обратился с проблемой к Хоффману. Тот, немного подумав, вызвал меня и предложил невероятный по своей дерзости план. Как ты понимаешь, я согласился. Выдали мне передовой ПМК и деформатор, подсказали безопасный маршрут… Лазутчик из меня превосходный, так что спустя неделю пробрался я в Бостон на мягких лапах, занял обзорную точку и принялся выискивать цель. Прохожих там хватает, но нужный скандинав со сбежавшей девчонкой нашлись быстро. Патрулей тоже – мама не горюй! По уровню жизни с Эл-Эй не сравнить, но движуха знатная. В общем, дожидаюсь я ночи, проскальзываю в спальню – спустя час как погас свет – и натыкаюсь прямо на него. Отлить он пошёл. Короче, пришлось утихомирить засранца, хоть это и не входило в заказ.

«Скажи, что ты его просто оглушил», – подумала Ю, но вместо этого озвучила короткое: «Убил?»

– Как куропатку. Траншейный нож в горло. Девчонка, учуяв шум, проснулась, так что пришлось успокаивать и её. Припёр я малявку к стенке, да только она каким-то чудом вырвалась и кинулась в атаку, что дикая пантера. Пыталась нож выхватить, рвалась к окну. На моё счастье, голос у неё

пропал то ли от ужаса, то ли спросонья, так что позвать помощь у неё не вышло. Её Глорией звали. На вид лет семнадцать, щупленькая совсем, вот только связать её оказалось потяжелее, чем бешеного пса усыпить. Короче, сработал не очень чисто, зато оперативно. Взломал местную колымагу через специальную программку, закинул девчонку на заднее сиденье и поехал через поля, надеясь, что пронесёт. И меня действительно пронесло, вернее, спас деформатор и небольшой отвлекающий взрыв. От погони хрен бы оторвался. А малявка чисто умом тронулась: пыталась мне машину расхреначить и рычала сквозь кляп, будто выросла в стае. Около Мемфиса передал её в руки отца и братьев. Их семейка потом с конвоем отправилась на запад. Плохо с её любовничком вышло, но враг – он всегда враг, даже в койке. – Рэй хмуро посмотрел на ронина. – Я позже справлялся у Олкаса о её судьбе. Тот ответил, что Глория съехала из дома на совершеннолетие и зажила в каком-то пригороде. Её право. В восемнадцать мы перестаем принадлежать своим родителям… Так вот, провернув то дельце, я сразу помчался к своим парням, но нашёл лишь воронку от взрыва, всклокоченную землю и щепки того, что служило нам временной базой. Зед, самый близкий мой друг, ещё цеплялся за жизнь, – подкоптил оторванную культю промышленной горелкой, дожидаясь меня под конской дозой обезболивающих, чтоб попрощаться и умереть. Вкратце описал атаку: летуны, огонь, ракеты и «Вилли Питт». Да, пусть пираты и взбесились, за-

то я прикончил их тогдашнего капитана. Есть в них что-то цыганское, грязное такое. И корабли у них простаивают, что табуны ворованных лошадей. Кочевники сраные. Они тогда многих, кто носил оружие, в расход пустили. Оставили после себя химикаты и горе. Напалмом и фосфором гасили. А в восемьдесят втором их набеги продолжились, но уже под покровом песчаных бурь и при поддержке первоклассного хакера. Джимми, мать его, Пейдж, великий и ужасный.

– Выходит, ты убил Райзена?

– По-видимому, да. Замочил человека, раскатавшего все армии мира, по дороге в туалет. Пираты, конечно, о его смерти предусмотрительно умолчали, и их можно понять – удар по репутации непоправимый.

– Каким тебе запомнился Бостон?

– Крепким. Рвы, минные поля, куча брони и военный флот до горизонта. После десяти вечера комендантский час, а люди… Какие-то тихие, что ли. На производство экскурсию мне не проводили.

– Заметил советские флаги? Или то, что пираты растворяются в песке?

– Деревенские склонны фантазировать. Дурью маются, вот и выдумывают всякую ересь. Большинство придерживается официальной версии: сайберы вместе с «Авангардом» отжимают территорию. Луна хочет вернуться на Землю. – Рэй презрительно ухмыльнулся. – Хрен террористы получат хоть кусочек Америки. Дезертиры тоже за всё ответят. Мы

помним, какой ценой нашим предкам досталась эта страна, и так же готовы жизнь положить за Свободу.

– Ага, – кивнула Юки. – У тебя полный узел рабынь. Это охренеть как свободно.

– Рабыни – слишком грубо. Я предпочитаю «боевые подруги». Главный офис разрешает форпостам держать девочек, чтобы напряжение сбрасывать. Будь уверена, их положение строго регламентировано, и прав у них чуть ли не больше, чем у меня.

– Откуда берёте «горничных»?

– Покупаем в публичных домах. Ездим на неподконтрольные территории, где плюют на конституцию.

– Я заметила у Нэт след от ошейника. Где её держали?

– В Алабаме. В том доме наслаждений знают толк в развлечениях. Удавки, горячий воск, резиновые дубинки в полный контакт. Это ей ещё повезло. Над девочками порой гораздо хуже измываются, особенно в Канаде. Мы, кстати, время от времени туда катаемся – включаем в штат самых отчаявшихся. Им тут послаще живётся, да и многим парням нравятся заматеревшие. Нэт меня заставляет ездить за девчатами чаще, она ведь та первая, которую я выкупил в борделе за несколько лет безупречной службы и непредвиденные потери. Она на цепи сидела – ты не поверишь – потому что очень любила сбегать, и сладу с ней никакого не было. Понравилась она мне – шибко умная. Каждый день из ПМК не вылезает: то читает, то слушает. Она с малолетства в

«бизнесе», а до этого жила во вполне приличной семье. Меня тоже злит, что где-то торгуют людьми, как охотничьими трофеями, но сейчас нам не до войны с отдельными мудаками… В общем, Нэт прыгнула в мой «Dodge», показала прошлому средний палец, и мы ещё долго колесили туда-сюда, играясь в медовый месяц. Однажды, после объединения земель, мы избавимся от недобросовестных сутенёров, а девчата… Многие из них только это и умеют. Ни одна утопия не искоренит проституцию. Самый лучший выход – создавать свои районы Красных фонарей, как в Амстердаме, с надзорными органами и электронным учётом. Верховенство закона, основанного на справедливости – ключ к Раю на Земле. На чём я остановился?

– Спас Нэт из рабства.

– Пожалуй, правда спас. Тогда я уже десятый год работал на «Вертикаль». Всегда через Олкаса задания получал, ну он и решил, что пора мне двигаться по карьерной лестнице и лично встретиться с генералом. Сейчас «Лос-Фелиз» не вызывает оторопи, а тогда у меня глаза на лоб полезли. Невероятный обелиск, достигающий облаков. Памятник тех-натур-модерна – там раньше звёзды жили. Хоффман попросил занять этот узел, чтоб следить за береговой линией и делать вылазки на север, а ещё выделил мне кластерную систему и два джаггернаута. От меня требовалось собрать вокруг себя самых преданных соратников и приносить Калифорнии пользу. Иногда мои парни сдают кровь для разных медицин-

ских нужд. Обновление организма, мать его. А по пути из Эл-Эй через сраную пустыню я потерял руку.

– Которую забрала гангрена, – вспомнила Юки, видя в Рэе болезненный гнев.

– Так точно. Одно хорошо – там мне встретился Джимми Пейдж. Я взял в дорогу всё – от провианта до медикаментов, только о запасном генераторе не позаботился, так что заглох посередь пустоши. Паниковать не было смысла – мы с Нэт вставали у бортов и катили тачку до Сан-Франциско, но глупость моя была в том, что я решил не терпеть до нормальной мастерской, а полез под капот сам. Проводка расплавилась, катушки замкнуло, и, разбирая высокотехнологичную херню, я неудачно порезал палец. Воспаления, заражения крови – мне всю жизнь казалось, меня ничего подобного не коснется, а в итоге от единственного мелкого пореза получил прогрессирующую деградацию тканей из-за какой-то мутировавшей мути. Никогда не любил химию.

«Не считая трипы во Флориде», – подумала Юки, машинально кивнув. Он сделал в ответ то же самое, видимо, в благодарность за понимание.

– Я жрал антибиотики без разбора, глотал противоядия, втирал обеззараживающие мази – всё напрасно: вечером уже слёг с жаром и почерневшими пальцами. Нэт пришлось кусачками ампутировать безымянный и средний – только не помогло. Меня трясло и бросало в пот, а она продолжала катить машину, пока не валилась без сил. Нэт упёртая. Вот

только вдобавок ко всем бедам налетела буря, такая сильная, что пришлось раскладывать крышу и ждать, когда распогодится. Я сквозь бред просил не отнимать руку, а Нэт говорила, что в любом случае не смогла бы – не было топора или тесака. Отстреливать руку по кусочку – авантюра в высшей степени сомнительная. Наконец, я стал отрубаться, проваливаться в никуда, где принимал смерть, потому что в ней было спокойно. Казалось, во тьме нужно только сказать «да» и закончится мучение, и не будет жара, ломки костей, пересохшего от лихорадки рта. Сквозь смертную пелену я слышал её, красотку Нэт, что говорила со мной, повторяя про свободу, которую я ей подарил, про то, что Сан-Франциско совсем близко, и обидно будет не разорвать финишную ленточку, которая колышется от одного нашего приближения. Жаль, думалось мне, что нет сил ещё разок посмотреть на неё. Три дня меня трясло и жевало, инфекция расползалась, заглатывала меня вместе с крючком и леской, за которую некому было потянуть. Надежда не умирает только потому, что удача – та ещё интриганка, вот Нэт и повторяла мне сквозь сон: «Шанс есть, дорогой. Пока ты дышишь – всё может измениться». И я дышал, проваливаясь в никуда, где видел сверху звёзды, как сны, и сны, как звёзды. Так было, пока я умирал, но на четвёртый день… Понимаешь, Джимми Пейдж появился в испепеляющем сиянии, как архангел.

«Как бог из «Zeppelin», – издевательски вертелось на языке, но, захваченная повествованием, она не смела перебить

его.

– Бездна изрыгнула меня на берег, залитый умиротворяющим светом. Когда глаза привыкли, я сообразил, что лежу в палатке, а под головой у меня не абы что, а ортопедическая подушка, повторяющая изгиб шеи. Будто плывёшь на облаках – до того приятное ощущение. Почти как эротический массаж. Радость, впрочем, длилась недолго. Вспомнив про неудачный ремонт, я поднял руку и сердце моё ушло в пятки: перед глазами была культя, замотанная бинтами, а к горлу подкатило, только я ничего не ел несколько суток, потому и не выблевался. Мне захотелось снова выпасть из реального мира, закрыть глаза и очнуться с целой рукой во флоридском притоне, чтоб всё произошедшее оказалось кислотным «приходом». Самообман – неисчерпаемый источник пустых надежд: сначала ты утоляешь жажду, а спустя время тебя рвёт кровью. Не стану врать, в тот момент меня накрыла паническая атака, и какой-то жалкий, слёзный стон вырвался от накрывшего меня отчаянья. Вот тогда-то вместо прекрасной и верной девушки зашёл мужчина в противогазе, сквозь который слова прозвучали толсто и безжизненно, как набитые ватой зверьки таксидермиста.

«Нэт купается», – сказал он на чистом английском, скормил мне какой-то препарат и посоветовал глубоко дышать. Потом на ощупь измерил пульс.

Тогда я успокоился: пластинка оказала седативный эффект. Рука, – подумал я, – мелкая плата за спасение. А раз

Нэт купается, значит, у неё всё хорошо. Потом мы разговорились, и Псевдопейдж долго рассказывал про «терапевтов»: мол, они перекраивают сознание и помогают держать людей под контролем, а человеческая кровь нужна «Вертикали» для экспериментов над геномом. Чушь собачья. Очередная теория заговора… Тут-то мне стало очевидно, что если человек так рьяно выступает против «Вертикали», то он наверняка работает на «Авангард». Тогда я спросил его прямо в лоб, на чьей он стороне, а Пейдж ответил, что он на стороне человечества. И что как бы людям не нравилось одиночество, пора выходить из комнаты, потому что мир больше, чем кажется. Что-то про предназначение, про борьбу с неотвратимостью и про то, что смерть, если верить Бенджамину Франклину, – одна из двух неотвратимых вещей. Он показался мне нормальным мужиком с принципами, пускай уходил от понятных формулировок. Одним словом, Джимми, мать его, Пейдж.

– Ты видел, что он вёз в фуре?

– Как минимум пилу, – печально улыбнулся Рэй. – Если серьёзно, какая-то мобильная лаба. Разный софт, сервера, рабочее кресло, душевая кабина. Не особо всматривался, да и в кузов при мне он влезал всего раз. Короче, старик дал мне слово, что не делал зла невиновным, а я пообещал подумать обо всём, что он мне рассказал. Вот, собственно, вся история. – Босс представительно сцепил руки. – Короче, располагайся, обкатывай байк и езжай куда хочешь. Только ствол

в кобуре держи, – и добавил извиняющимся тоном:

– Я рад, что ты повела себя так твёрдо.

– Это высечено в моей ДНК, – нагленько ощерилась Юки.

– Ты показала коготки, и меня это восхитило – просто рванула у Марка пистолет, я даже моргнуть не успел. Словно его кобура была на твоем ремне. Достойная скорость реакции – побыстрее меня в лучшие годы.

– Спасибо тренировкам в виртуальности. У вас был ринг в бункере?

– Только шлемы. Уже довольно жирно. Рингами гражданские убежища не комплектовали. В узле имеется рабочая VR-комната, а в мегаполисах они чуть ли не в каждом доме. Один хрен, живые спарринги ничем не заменить.

– Слишком маленькая вариативность. Я как-то самолёт президента защищала.

«Императора», – мысленно поправилась она.

– А какой с этого прок в реальном бою?

– Делает тактическое мышление гибче. Кто умеет перестраиваться, у того больше шансов выжить. С твоими ребятами я неплохо сориентировалась.

– Они смирные, как ты могла заметить.

– Дисциплина идеальная, – согласилась Ю. – Тебе есть, чем гордиться.

– Положение обязывает.

– Как происходит набор в «Персонал»?

– Через отдел кадров. Медосмотр, анкетирование, собесе-

дование – всё формальнее некуда. А после получения документов людей распределяют по форпостам и мегаполисам. Совет директоров сделал мне одолжение и позволил набирать в штат только этнических американцев. Нет, не подумай, я не расист, – это оправдание было приправлено обидой, – просто знаю, что у культуры есть особенности. Я протекционист, если будет угодно. Расовед, на худой конец. Во время кровавого дождя в Египте, только евреям Бог даровал чистую воду, и как они ей распорядились? Они стали продавать её египтянам, которые умирали от жажды. Евреи торговали тем, у чего не было добавочной стоимости, а это уже чистой воды геноцид. Нельзя наживаться на чужих жизнях, даже по божественному повелению. В каждой нации заложено что-то мерзкое, но контролировать себя умеют немногие. Негр обязательно постарается тебя съесть, если это, конечно, не французский негр – такой сначала тебя оттрахает, а уже потом скушает. Америка погибла из-за своей толерантности, из-за трансформации в идейную и культурную химеру. Именно когда появились афроамериканцы, латиносы и иже с ними, фундамент страны заходил ходуном. Знаешь, ковбои в девятнадцатом веке почти не стреляли. Они пасли скот и перегоняли стада от пастбища к пастбищу. Стрелять начали чёрные в Гарлеме и итальяшки, которые бежали от Муссолини. В китайцах я видел ремесленников, которые не начали ни одной внешней войны, но, расселяясь всюду, от Гренландии до Кейптауна, тащили за собой фарфор и лапшу, де-

шёвые гаджеты и духовные практики, демонстрируя так называемое «превосходство» своей культуры. Это называлось ассимиляцией изнутри. Чем не захватническая война? Бескровная, но захватническая. Завербуй я в «Персонал» хоть одного желтого, у меня в кабинете появится фигурка Будды, а вместо чёрного чая мне начнут подавать молочный улун – и узел сам собой превратится в китайский квартал, шумный, как громадный базар! Приезжая в гости, они быстро расползаются всюду, подобно плесени – одно пятнышко и вся буханка покрыта мицелием.

– Совету директоров ты то же самое сказал?

– Конечно. Пришлых нужно держать под контролем, учить их уважать наши законы и традиции. Возьми хотя бы народную китайскую медицину: из-за её культа Азию сотрясали самые страшные эпидемии. Зато обёртка красивая. Китайцы умеют себя подать и легко находят точки соприкосновения. Однажды уболтали мою Нэт на занятие йогой, и меня затащили за компанию. На чайную церемонию тоже частенько приглашали. Занимательное времяпрепровождение. Потом подсовывают тебе миленькую китаянку, и ты неволей задумываешься, а почему бы и нет. Их женщины такие обходительные… Но меня так просто не купишь.

– Это похоже на навязчивые мысли. Без обид, Рэй.

– Культура – это либо особенность интерьера, либо оружие. Возьми, например, две Кореи. Сверху коммунисты, снизу капиталисты, и всё – нация разделена, и каждый счи-

тает свой кусок пирога самым вкусным. Но если посмотреть со стороны, то Южная Корея выглядела гораздо счастливее. Красивые жители в роскошных городах, с передовой хирургией, поп-культурой и образованием. Да, пускай женщины выглядели как шлюховатые школьницы, и мужчины выглядели как шлюховатые школьницы, но они не навязывались. Они выставляли себя в витрину, как американцы. Хочешь – бери, не хочешь – проходи мимо. Южная Корея умела продавать образ жизни и образ мышления, уважая чужое пространство и время, а их северные соседи не знали ничего, кроме культа ядерных ракет и политического террора. «Пускай мы грязные оборванцы, но если не будешь нас уважать, мы тебя разнесём к херам!» Даже мы, первыми создав атомные бомбы, не бряцали ими. Испробовали на япошках – да, но кто ж знал, что выйдет настолько страшно? Потом мы тихо их штамповали, а ведь ещё до того, как у СССР появился первый рабочий прототип, мы могли превратить советскую империю в прах с примесью обогащённого полония, да только вместо угроз пытались выстроить диалог. Мы от начала государственности исполняли функции воспитателя, уча детишек не проказничать, но как бы плохо дети себя ни вели, мы никогда не грозили им полным уничтожением или захватом суверенных территорий.

Юки заметила в его монологе некоторые неточности и логические пробелы, но чтоб втереться в доверие, придётся побыть паинькой.

– А за плутов ты зря заступалась. Куча невинных жертв, слишком крупный сопутствующий урон. Там даже дети погибли. – Рэй загорелся праведным гневом: – Они тут вообще второй Вьетнам устроили! Ещё бы – под таким количеством стимуляторов. От них у Леонарда начались проблемы с печенью, а у Марка сдали нервы, из-за чего он начал безостановочно жрать. С их третьим дружком вышло совсем дико: когда мы примчались на подмогу, тот чудак начал лупить по нам с верхних балконов. Ох, как же это было неожиданно. Вынесли его ответным огнём, затем заговорили более… цивилизованно, – Рэй сделал нарочито важный акцент. – Сошлись на том, что, если наскребут товара на десять тысяч калифорнийских долларов, продам им свой старый пикап и отпущу с миром.

Возникла неловкая пауза. Ронин указал на «шаман».

– Ты сказал, что мой информер стоит как транспорт.

– Прости за это. Не думал, что Лео воспримет случайно брошенную фразу за намёк.

– Я интересуюсь из практических соображений. Прикидываю, где закупаться дешевле.

– А что, гавайцам надоело ездить на танках? Пусть приплывают – скидку им сделаю. А ещё лучше, пусть присоединяются к нам. Будут в составе победителей.

– Ты ведь понимаешь, что большая часть мира присоединится к победителю постфактум? Если победитель вообще будет. Так что по ценам?

Рэй замолчал, складывая в уме несложные числа.

– Информер за десятку взял бы. Револьвер с ходу не оценю…

– А девочек из борделей дорого выкупать?

– Очень. За таких, как ты, тысяч тридцать попросят.

– Я-то считала себя бесценной…

– Мы все таковыми себя считаем. И мы правда бесценны, пока свободны. – Рэй опустил железную руку под стол. – Держись подконтрольных территорий. В глубине континента найдутся подонки, которые отнесутся к твоей поимке со всей серьёзностью. Один раз оступишься – окажешься на цепи в каком-нибудь подвале. Дожил – учу жизни маньячку, которая едва не устроила македонскую стрельбу. Ты точно не работаешь ни на Шанхай, ни на Бостон?

– Только на своего капитана.

– Тогда ступай. Поговорим позднее. Познакомься с Куртом, обкатай байк. Когда Лина принесёт результаты обследования, обсудим их. Если продолжишь гнать на нейрокоррекцию, вместе направимся в главный офис – там наверняка с интересом тебя выслушают. Понадобится что-то срочное, пиши. Ближайший час буду в «Монро» – попытаюсь разговорить «фруктов». Давненько я не проводил допросов.

Беснующийся самум почти не просачивался сквозь полусферу силового поля и сыпался отдельными пылинками тут и там. Юки представила, что узел, да и она сама, находятся

внутри сувенирного стеклянного шара, только снежинки какие-то дурацкие. И там, за барьером, не тёплая праздничная гостиная, битком набитая гостями и подарками, а парализованный ниже седьмого позвонка город.

Девушка залпом просматривала чаты. «Персонал» беспокоила её выходка в переговорной, не оставляли в покое размышления о её сексуальном опыте, к тому же никуда не делся страх раствориться в небытии. Нормальные разговоры взрослых мужиков на лёгком взводе – вряд ли за несколько часов произойдёт фатальное обрушение плотины.

Визуализатор настроил изображение на солнечную погоду; Джей, в свою очередь, просканировал ангар, в котором работал Курт.

– Чем он там занимается? – спросила Ю.

«Проверяет рекуперативные тормоза».

– О да, я понимаю, о чём ты. Гаражная романтика.

«Откуда это?» – поинтересовался Джей.

– Из «энциклопедии историзмов и культурных феноменов», – ностальгически улыбнулась Ю.

Любопытство подгоняло шаг. Ей не терпелось проверить БК мотоцикла. Обойдя ангар с торца, Юки открыла скрипучую металлическую дверь, тихонько зашла и обнаружила Курта стоящим под подъёмником, на котором расположился неуклюжий минивэн со снятым колесом. Из-под брюха автомобиля к диагностической системе тянулись толстые кабели, а на экране отображались результаты тестового прогона.

– Привет, – объёмным эхом разлетелись слова, и паренёк подумал, а стоит ли здороваться с тем, кто входит без стука. Курт имел поразительное сходство с молодым Бобом Диланом или Ноэлем Галахером. Ю не хотела отдавать голос за какой-то из представившихся вариантов, так что решила, что правильный ответ где-то посередине. Только волосы пепельно-серые и вместо рокерской одежды – рабочий комбинезон, набитый блестящими хромом комбоинструментами. Из нагрудного кармана любопытным сурикатом выглядывал батончик «Mars». Молодой механик цепко всматривался в тормоза и, не меняя фокуса, спросил:

– Песочек в ушки не набился?

– Не только в ушки, – Ю обезоруживающе-невинно заморгала, будто это имело смысл. – Ты, похоже, весь в работе.

– Типа того. Последние полвека меня беспокоит нехватка проводников. Если раздобудешь мне медь или золото – мы подружимся.

– Как легко завоевать твоё доверие.

– Говоришь так, словно уже наткнулась на залежи цветных металлов, – издав вредный смешок, Курт наконец-то повернулся к ней.

– Дуглас заикался про золото, – сказала Юки, продолжая рассматривать странного сероволосого паренька.

– Там мало – мне не хватит. Впрочем, если ты его обчистишь, слова не скажу.

Они оба просияли и посмотрели на череду машин, от-

сортированных по типу. Пробежав по ряду мотоциклов, её взгляд остановился на «Ямахе». Курт ощутил себя почтальоном, хранящим бандероль «до востребования», но прежде, чем получатель распишется, нужно соблюсти любезности.

– Рабочая лошадка Курт, – протягивая измазанную прозрачным маслом руку, наконец представился он.

– Саманта, турист с «Мурены». – Ю приняла рукопожатие со всем уважением.

– Мне хотелось бы кое-что прояснить. – Курт смотрел прямо в выпуклое стекло «шамана». – Я работаю на «Второй отдел». Провожу операцию под прикрытием.

Юки подумала, что не расслышала, и когда его хватка ослабла, она не сразу уронила руку.

– Эта организация искала инвесторов в программу заселения Марса, если мне не изменяет память. О них с сорок пятого никакой информации.

– Нам разнесло несколько штаб-квартир, но сотрудники живее всех живых. Не пойми меня неправильно… – Курт всем видом просил снисхождения. – Это по вине «Отдела» запустили большинство ракет.

– Разведданные указывают на прямые приказы сверху, – скептически промямлила Ю. Ей показалось, что она упустила пару страниц предшествующего диалога. – Это какой-то розыгрыш?

– Боюсь, что нет.

– Какой вообще смысл начинать разговор с чистосердеч-

ного признания?

– Этого требует протокол. Ты должна знать, с кем тебе предстоит работать.

– Ты меня с кем-то путаешь, – предусмотрительно отмазалась Ю.

– Исключено. Мы оба выполняем миссию по поиску компромата. Полгода назад «Отдел» провёл довольно сложную операцию по моему внедрению в «Вертикаль», и вот я здесь – чинил машины и готовил диверсию. Однако, в связи с твоим прибытием, план «А» превратился в план «Б», и, судя по твоему осторожному молчанию, тебя следует ввести в курс дела.

– Ничего не понимаю, но продолжай.

– Позволь начать издалека. Тебе известна история «S&C»?

Юки решила сыграть по правилам Курта:

– Кое-что знаю. Сначала они занимались саунами со встроенной электроникой и назывались «CyberSteam», а потом поглотили одну мелкую фармкомпанию, после чего наладили производство стимуляторов. «Steam and stim turned into stea(i)m» – кажется, именно такой слоган они использовали, когда меняли логотип.

Курт уселся на отполированный капот «Aston Martin» со спойлерными линиями вдоль бортов. Именно его он выбрал для побега.

– Сайберы долгие годы зарабатывали репутацию, потому

что знали: репутация – это рынок. И когда по всему земному шару случился бум на умные квартиры, их продукция попала в лист самых желанных приобретений, а в начале двадцать второго века в каталогах появились первые психотерапевтические модули. Люди хотели гармонии – люди получили гармонию. Еда, сон и секс – это замечательно, но душевное равновесие – ступень более благородная. Все прослойки земного населения торчали под «терапевтами», вплоть до олигархов, президентов и генералов, даже невзирая на побочные эффекты. Нейрокоррекцией долгое время занимался Феликс Томпсон, однако это не было его профильной специальностью, поэтому он перешёл на космические проекты. Вернее, его сдвинули. На место Томпсона поставили молодого специалиста Оливера Яффе, в следствие чего эффективность внушения стала неумолимо повышаться. Доказать то, что «терапевты» прививают определённые пристрастия, было крайне трудно, так что корпорация спокойно продолжала воздействовать на сознание, закрепляя в умах пользователей главную мысль: «Stea(i)m and Cyber» – неисчерпаемый источник мотивации и удовольствия». Порой процесс прививания привязанности не отличался от дедовских методов павловской собачьей психологии. Например, умная кухня наливает хозяину утренний кофе, а в следующую секунду ионный пучок провоцирует выброс дофамина. И человек не получал такого удовольствия от кофе нигде, кроме собственного жилища. Подобное происходило с любым аспек-

том повседневной жизни, так что к сорок пятому в кармашке одной мегакорпорации оказались очень крупные фантики. Двадцать пять процентов от двух процентов тех, кто держал девяносто восемь процентов мирового капитала. Про количество простых работяг, подсевших на ионизацию, я вообще молчу.

– Доверие к сайберам выросло до того, что военные с их помощью доставляли ракеты на малую орбиту, – вспомнила Юки. – Это выяснилось только в Коллапс.

– Десятки лет скрывать настолько масштабные проекты… – Курт покачал головой. – Так уметь оставаться чистенькими нужно ещё уметь. А сколько страшных боеголовок они разработали, даже вспоминать страшно.

– Кажется, я начинаю понимать, – неуверенно произнесла Ю.

– Всё верно, Оливер и Томпсон конкурировали между собой и сотрудничали с американским правительством – ради корпоративной и политической карьеры. Сейчас их противостояние вышло на новый этап. Но вернёмся к промывке мозгов. Успехи в когнитивном контроле были налицо, однако, «S&C» хотели большего. Вот здесь-то и пригодилась технология «хазм». Догадываешься, зачем?

– У неё широкий спектр применений.

– Расскажи самое основное, если не сложно.

– О'кей, – отчеканила Юки. – «Хазм» – это специальная технология, в основе которой лежит особый вид управ-

ляемых коррелирующих частиц, названных «similar-квантами», способных собираться в коммутатор, который игнорирует поле деформаций, беспрепятственно подключая хакера к объекту взлома. Ещё он способен мешать работе передатчиков и в целом вызывать перебои в электронных схемах. Потенциально «хазм» имеет неограниченную дальность действия, хотя кванты могут отвязаться от ловушек, если расстояние до цели превышает расчётное число. Плюс ко всему, одни similar-кванты могут блокировать другие. А главный минус – что после использования им требуется порядочное время для стабилизации.

– Максимально краткое изложение, – Его голос, однако, прозвучал восторженно. – А волнует нас конкретно то, что «S&C» научились соединять через квантовый коммутатор два интеллекта.

– Гипотетически это возможно, – кивнула Юки. – В конце концов, уже существовали простенькие технологии, типа «синхронизации желаний».

– Дела обстоят серьёзнее. «Вертикаль» научилась кодировать сознание целиком и напрямую транслировать его образ в живой разум.

– Биологический мозг может принять оцифрованную мысль, – соглашалась Ю, – только не факт, что он её поймёт. Модель искусственного интеллекта должна соблюдать кучу условий, а в идеале работать на биологической базе.

– Ты ведь слышала, что «Вертикаль» собирает кровь и

спинномозговую жидкость? Как думаешь, зачем?

– Хочешь сказать, они создают полноценную нейросеть из живых клеток?

– Вероятно, всё гораздо сложнее. Есть основания полагать, что инсайдеры, которые управляют кластерами, работают не просто на биологической основе, а на её модернизированной версии, и с помощью «хазм» они способны в любой момент начать с тобой диалог. Или молча тебя изучать. Когда ты начала размахивать револьвером, по цепочкам твоих синапсов побежали электрические сигналы, которые инсайдер вполне мог уловить.

– Квантами нас не прощупывали, – заверил Джей, – иначе я бы заметил.

– В любом случае, собирать информацию он начал – каждое твоё действие подвергается анализу. Инсайдер рассматривает человека как математическую модель, вычисляемую и изменяемую посредством внесения правок. Скажу проще: чем больше он знает, тем быстрее сможет на тебя повлиять, чтобы, например, в критический момент остудить твой пыл. И если не найдёшь, чем парировать, рискуешь потерять контроль. Сначала частично, затем полностью.

– Получается, «Вертикаль» производит модули, способные взломать человека?

– Всё так, – кивнул Курт. – У них маркировка «A2» – сокращение от Artificialis Anima. Искусственная душа. Как только сканеры модуля получают биометрические данные,

совокупность, из которой состоит личность человека, начинает разбиваться на составляющие. Нуклеотиды, аминокислоты, электрические импульсы… Любая мысль и эмоция попадает на матрицы «А2» и получает комплексную оценку. Затем инсайдер бомбардирует расшифрованную часть коннектома аргументами и контраргументами: начинает дёргать за ниточки, простукивать слабые места, вселять страхи или сомнения, давить на чувство вины и тому подобное. Ты сжимаешь руку в кулак, готовая броситься в драку, но вместо этого инсайдер заставляет тебя выкинуть белый флаг, при том тебе кажется, что решение было полностью оправданным и полностью твоим. Так что перед нами не просто новая ступень технологической эволюции, – Курт выдержал эффектную паузу, – перед нами пугающе изящная химера, способная перестраиваться в идеального манипулятора.

– Ты ведь шутишь, да? Откуда у тебя столько инфы?

– От хакера, который работал в Штатах до тебя. Ты должна о нём знать.

– Допустим.

– Вот он с инсайдерами и общался – подключался к ним с помощью квантового коммутатора. В его ПМК стоял ассемблер, так что старик записывал общение с психоцифровым интеллектом в понятном формате. К сожалению, все инсайдеры либо самоустранились, либо были уничтожены перераспределением нагрузок.

– Обидно, – с досадой произнесла Юки. – Тебе известно,

где сейчас этот хакер?

– Скорее всего, убит. Героически отдал жизнь в борьбе с оцифрованным сознанием. Мы, если что, практически с ним не пересекались. Перед ним стояли свои задачи, перед нами свои, но главная цель была общей – не позволить рухнувшему атланту расправить плечи.

– Отлично, – сокрушалась Юки, – США на пороге Первой корпоративной войны. Можно было раньше догадаться, что под брендом «Вертикали» скрываются сайберы во главе с Оливером.

– Не делать поспешных выводов – полезное качество, – глазом не моргнув похвалил её Курт. – Улавливаешь масштаб проблемы? Не случись Коллапса, искусственную душу внедрили бы во все «умные квартиры», а сайберы получили бы безграничную власть над массами, но, к счастью, производство «А2» не успели поставить на поток. Оливер, однако, не отступился от первоначального плана, так что даже сейчас тратит кучу ресурсов на создание и внедрение своих мозговыворачивающих модулей в кластерные системы.

– Выходит, моё сознание в любой момент могут атаковать?

– Маловероятно, если мы правильно поняли логику. Инсайдер старается экономить ресурсы, так что если ты окажешься проблемой, проще будет дать импульс «Персоналу», который ионизация подготовила к выполнению приказов. «Терапевт» дрессирует, «А2» подаёт команды – безотказно

работающая связка. Тебе ещё повезло, что тут нет аннигилятора. А если инсайдер всё же решит к тебе подключиться, твой ПМК выставит защиту.

– Если нет форс-мажоров, «А2» бездействует?

– Судя по всему, инсайдер время от времени вступает с людьми в диалог, но со мной он не связывался. Здесь стоит отдать «Вертикали» должное – несовершеннолетних, по их собственному законодательству, нельзя подвергать ментальным воздействиям без предписания врачей. Или без иной необходимости.

– Мне нужно переварить услышанное, – её голос был наполнен непониманием. – Пока что всё звучит слишком невероятно. И что за история с пуском ракет?

– Здесь тоже следует начать с предыстории. Понимаешь, генно-кубитные сверхкомпьютеры «Отдела» неплохо считали вероятности и давали довольно точные рекомендации. До того злополучного июля вероятность ядерной войны колебалась в районе процента. Никто не хотел кризиса, ни Оливер, ни Томпсон, даже политики дважды взвешивали то, что собирались произнести. К несчастью, в игру вступили новые силы, по вине которых всё пошло наперекосяк.

– Кого ты имеешь в виду?

– Без понятия. Хакеры-самоучки, радикалы с военным образованием… Кто-то с необходимыми навыками и крепкими нервами. Вначале они сливают в открытый доступ личные данные практически всей земной популяции. Следом

обнародуются секретные документы: расположение ракетных шахт, характеристики новейшего вооружения, тайные договоры. Чего только стоила коллаборация «S&C» и американского правительства. Начались взаимные претензии, дипломатам пришлось работать в режиме нон-стоп, слова стали в тысячу раз весомее. И, возможно, ситуацию удалось бы стабилизировать, если бы спустя неделю радикалы не санкционировали «ядерный инцидент».

– На тридцать восьмой параллели.

– Верно, – кивнул Курт. – Бардак начался феерический. Задвигались армии, под шумок бахнули по нескольким крупным американским базам гиперзвуковыми. Десятки диверсионных групп без знаков различия устроили «волну приграничных инцидентов». Делать было нечего: раз уж наши старые расчёты не подходили под новый сюжет, мы оперативно внесли в калькуляторы правки. Естественно, вероятность тотальной войны возросла на порядок, и спровоцировать её могла любая случайность. Алгоритмы же почти всегда отдавали победу сайберам, и чем скорее будет нанесён первый удар, тем лучше будет их итоговый счёт. Единственный способ не допустить триумфа мегакорпорации заключался в том, чтоб подтолкнуть мир к единовременной разрядке всех возможных барабанов. – Курт вдруг понял, что смотрит на кольт, которого касались её пальцы.

– Это слишком радикально, – протестовала Юки.

– Там множество нюансов. Просто пойми, что не мы до-

ставляли оружие массового поражения в стратосферу, и пилотный инцидент тоже спровоцировали не мы.

– Да и всей оставшейся ядеркой, если так посмотреть, тоже ударил не «Отдел», а мировые лидеры и их прихвостни. Как вообще возможно подбить десятки государств на взаимные удары?

– Мы их ещё и цели заставили скорректировать. Могу лишь сказать, что это было несложно. Смотри на ситуацию с позитивной стороны: мы помешали встать на ноги новому гегемону и предотвратили эпоху партизанских войн. Многие из «Второго отдела» были настроены скептически, но против расчётов особо не попрёшь. Если группа австралопитеков с копьями приближается к мамонту, ты наверняка знаешь, зачем. И чтоб понять это, тебе достаточно обладать логическим мышлением и понимать мышление приматов. Наши сверхкомпьютеры понимали всё происходящее примерно так же, как ты понимаешь ситуацию с мамонтом и голодными австралопитеками. Тем более, мы спасли лучших.

– А кто здесь мамонт вообще?

– Свобода, – безапелляционно ответил Курт.

– В голове не укладывается. Я… Мне необходимо поговорить с твоим начальством.

– У нас есть база в Канаде – наши агенты отбили у работорговцев Ванкувер. Могу скинуть адрес штаб-квартиры.

– Кидай. И объясни, какого Койпера мировые армии направились умирать под Бостон? Это вы тоже спрогнозирова-

ли?

– Отчасти. Мы знали, что капитан «Авангарда» начнёт захватывать военные корабли и оружейные склады (не спрашивай, как, это сейчас не имеет отношения к истории), а когда накопит достаточно (в том числе наземной техники, перевозимой на морских транспортниках), то пойдёт нести пиратократию по всему миру. Однако Райзен поступил умнее и решил играть от обороны. По открытым частотам он связался с военными, объявил, что в его распоряжении их люди, техника и оружие, и дал обещание, что сломает любого, кто «будет выпендриваться». Последний абзац стоит процитировать, – Курт прочистил горло и прочитал по памяти:

«Пора вам становиться чем-то большим, чем тупыми дрессированными шавками. Предлагаю направить лишнюю дурь в правильное русло и приглашаю в Бостон под пиратский флаг. Моё имя Джозеф Райзен, и пора вам сражаться за людей, а не за своих господ…» На самом деле, там вместо «господ» нецензурная брань. Райзен никогда не любил эвфемизмы.

– Странный способ вербовки.

– Как посмотреть. Этой записи почти ни у кого не сохранилось – и как думаешь, почему? Потому что она звучит крайне убедительно. Государственные деятели всех мастей тогда не на шутку переполошились. Хотя мне понятны твои сомнения: вербовка людей по открытым каналам выглядит как фарс. Несмотря на твой скепсис, к Райзену примкнуло

около пяти бронетанковых дивизий и тысячи пехотинцев.

– Невозможно с помощью пяти дивизий остановить все армии мира.

– «Приказ 227». Пираты просто не отступали. К тому же корабельная артиллерия палила без перерывов, а редкие выжившие часто переходили на сторону «Авангарда». Поверь, Райзен умеет воевать. А в шестидесятых, наткнувшись на «хазм» и частные корпоративные армии Оливера Яффе, капитан пиратов понял, что наступление увязло. К тому же, костяк «Авангарда» поддерживал порядок на уже захваченных территориях. Дальше бостонцы могли наступать лишь малыми силами. Но вот, спустя какое-то время, у «Авангарда» появляется хакер, которого австралийская лаба под завязку пичкала similar-квантами. И пираты снова ринулись в бой, пытаясь загарпунить одного из последних китов, но уже при поддержке первоклассного взломщика с позывным «Техник».

– На его стороне были погодные дроны, верно?

– Всё так, – кивнул Курт. – Техник появлялся под покровом самумов то тут, то там, простукивал «лёд» (спасибо Гибсону за удобный термин), выявлял слабые места, собирая данные и пытаясь закинуть вирусы в недружественные ядра. По итогу, на один кластер у него уходило от недели до нескольких месяцев. Суть в том, что старик не просто отрубал вышки. Ему нужно было провернуть несколько фокусов: вывести из строя инсайдера, использовать вражеский «хазм»

против вражеской техники и перенастроить ионизацию так, чтоб немного сбить воякам градус мотивации, а ещё лучше – демотивировать на ближайшие несколько часов. Это сводило жертвы практически к нулю. И, естественно, Техник не всегда передвигался на грузовике, – Курт снова оформил самодовольную улыбочку, – а пересаживался на то, что вёз в кузове. На самом деле, он брал эту самую «Ямаху», проводил разведку и отступал. Когда ему удавалось взять техчасть под полный контроль, старик давал отмашку «Авангарду», и их войско, пока обороняющиеся глотали анальгин, заходило в город с четырёх сторон посредством воздушного десанта. Подавляющее большинство вояк сдавалось сразу, ведь Райзен, как я уже заметил, умеет воевать. Затем капитан собирал население на площади, объяснял про тонкости мироустройства и конвоировал людей на подконтрольные «Авангарду» территории. Дальше оставалось объяснить пленным, кем на самом деле является «Вертикаль» и конкретно Оливер Яффе.

– Он никогда не казался злодеем, – Юки пролистала в памяти его биографию: этот учёный казался по-настоящему вовлечённым в дело науки, и остался одним из немногих, кто уберёг данные своих пользователей от попадания в общий доступ.

– Тем не менее, – продолжал Курт, – Оливер метил в большую политику, захватывал человеческие умы и стремительно приближал свою корпорацию к мировому господству. Он

превосходный шахматист, который сместил Томпсона, втёрся в доверие к президенту и подмял под себя совет директоров. Будь уверена, даже сейчас он строит козни против нелояльных правителей и наверняка готовит череду переворотов.

– В Китае даже без Оливера хватает реакционеров, – неутешительно произнесла Юки.

– Вот и представь, насколько возрастут риски, если «S&C» тайно их спонсирует.

– Мне даже думать не хочется о мировых заговорах.

– Можешь спросить о чём-нибудь другом. Только сразу предупреждаю, что знаю я немногим больше твоего.

– Я слышала, что Райзена зарезали. У пиратов сейчас новый капитан?

– Не, Райзен выжил. Везучий сукин сын. Продолжает руководить Бостоном и готовить людей к финальной схватке.

– Как там живётся?

– Довольно скромно, – честно признался Курт. – Ресурсы уходят на науку и армию. Меньше развлечений, больше спортивных секций. Ещё там мощные отряды милиции, что немного отдаёт ГДР, но к этому привели обстоятельства.

– Похищение Глории? – высказала Юки очевидную догадку.

– Об этом мало кто знает. От кого ты услышала про похищение?

– Рэй рассказал.

– Чёрт, – Курта мгновенно осенило, – неужели это он был

тем лазутчиком?

Юки кивнула и добавила:

– Ещё он сказал, что Глория переехала в какой-то пригород.

– Либо Рэй врёт, либо «Вертикаль» предпочла утаить от него концовку. К сожалению, Глория не доехала до Лос-Анджелеса. На полпути ей удалось сбежать, но до Бостона дойти она уже не смогла.

– Такой себе финал.

– Это не самое печальное. Глория была беременна.

– Теперь совсем мрачняк, – пустым голосом произнесла Ю. – Ребёнок тоже умер?

– С девочкой всё хорошо. Живёт себе в Бостоне и бряцает на гитаре время от времени.

Юки добавила стопочку вопросов в папку «спросить позднее».

– Может, ты и о том, что случилось с Техником, знаешь?

– Несмотря на то, что инфы у меня на несколько Александрийских библиотек, здесь мы можем только предполагать. Вероятно, Техник вновь попытался взломать «А2», но в этот раз инсайдер нашёл его слабое место, получив доступ к гиппокампу. После этого значительная часть краткосрочной памяти попала на вычислительные матрицы, и инсайдер определил местоположение Техника с безупречной точностью. Понятия не имею, чем по Технику выстрелили, но после того взрыва в моём лексиконе прочно засело слово «ан-

нигилятор».

– Вовремя я высадилась на материк…

– Более того, совсем не случайно.

Юки молча ждала продолжения.

– Недавно мне передали, что в Сан-Франциско прибудет отменный хакер, заточенный ровно под взлом «А2».

– Кто передал? – непонимание примешивалось в речь всё больше и больше.

– Начальство, – максимально размыто ответил Курт.

– Что нужно, помимо квантового коммутатора?

– Необходим передовой ПМК с нейроконнектором, способный быстро подстраиваться под нестандартные языки программирования. Он должен помогать тебе искать слабые места в логике противника и подсказывать, какую тактику лучше использовать. Ещё нужны специальные чипы. Без них будет сложно сконцентрироваться.

– Что за чипы?

– Помогают немного точнее передавать мысли через «хазм». Наша разработка, больше дорогая, чем сложная. Если у тебя таких нет, лучше подключаться напрямую. Твой ПМК должен быть калиброван под твою нервную систему, так что он введёт тебя в нужное состояние и сработает в качестве прокси. Ты обкатывала эту технологию?

– Иногда использовала, когда хотела побыстрее уснуть.

– Еслиты засыпала мгновенно, то настройка точная. Через несколько часов проверим. Я скинул тебе характеристи-

ки старых кластеров и расшифрованные логи. Изучи в ближайшее время. Из материалов понятно, что взлом ИИ возможен, так как имеется ответная реакция на критику и подобие сомнений. Главное – подготовить железные контраргументы. Ещё не повредит выспаться.

– То есть ты на полном серьёзе считаешь, что человеку под силу переиграть машинный интеллект?

– Человеческий мозг – тот же психоцифровой компьютер, даже более совершенный в каком-то роде. Просмотри логи – Техник справлялся с задачей всё лучше и лучше.

– Но так и не добился успеха, – отрезала Юки. – О'кей. Мы взламываем «А2» только ради компромата на «Вертикаль»?

– В том числе. Нам нужно определить потенциальную степень влияния этих модулей на мозг, проще говоря – «потолок» возможностей по внушению. Если «потолка» нет, Оливера тем более нужно остановить. К тому же, понимание устройства «А2» поможет Луне завершить проект, который стартовал ещё в Коллапс. Я бы с удовольствием посвятил тебя в детали, но у меня нет полномочий.

– Может, он всё расскажет, если ему уши выкрутить? Ой, прости, мысли вслух. – Юки картинно развела руками.

– После того, как мы отсюда смоемся, обещаю рассказать больше. Пока что отвечу тебе так: мы работаем на всеобщее благо и создаём в том числе ментальную защиту. Нет, если ты отказываешься от участия в нашей небольшой авантюре, оставь всю работу мне – уж я-то постараюсь довести дело до

конца. Но ты выглядишь идеально. И не только для выполнения стоящей перед нами задачи.

Наглая лесть отдалась теплом в самых неожиданных местах.

– Возможно, ты прав, – нехотя соглашалась Юки. – Думаешь, буря тоже началась неслучайно?

– Наоборот, мне кажется, что она имеет естественную природу. Нервировать «Персонал» в день прибытия хакера крайне чревато. Впрочем, мы всего лишь действующие лица и можем только догадываться, насколько сложен сценарий.

Юки сложила руки на груди. Курт поспешил объясниться.

– Прости. Привычка с книжного клуба. Фразочки для своих.

– Если всё так, как ты говоришь, почему меня не снабдили теми же чипами?

– Потому что прямое подключение более эффективно.

– Ладно, звучит логично. Хоть что-то о проекте Техника ты можешь рассказать?

Его большой и указательный пальцы сложились губками штангенциркуля, настроенного на сантиметровую толщину.

– Крайне мало, – прокомментировал Курт показанный жест. – Лабораторный комплекс расположен либо под Землёй, либо под Луной, но для полной укомплектовки не хватает нескольких важных деталей. Официальных названий пока что нет, а рабочие – это просто реестровые номера.

– У меня от количества интриг подгорает уже, – сардони-

чески произнесла Юки. – Зачем держать проект в тайне от хакера?

– Чтобы ты не проболталась, если тебя поймают.

– Можно было хотя бы предупредить, с чем мне предстоит бороться.

– Тем не менее, тебя подготовили по высшему разряду. Это уже говорит о многом. Да и я здесь не просто так – если что, помогу.

Юки хотела чем-нибудь парировать, но все её контраргументы рушились о саму возможность «миссии вслепую». Неужели сенсей знал, с чем ей на самом деле придётся столкнуться? Или Маэда? Или Ёдзи? Наверняка они получали распоряжения через австралийскую лабу. Но от кого?

– Сначала нужно связаться с кораблём, – сказала Ю.

– Ты подобралась к кластеру и втёрлась в доверие к Рэю. По-моему, сейчас идеальный момент для взлома. Иначе рискуешь потерять преимущество.

– Спешка приводит к плачевным последствиям.

– Это говорит девушка, которая носит револьвер, блейдер и маску-информер. Думаю, тот, кто отправлял тебя на задание, был уверен, что ты без чужих советов примешь правильное решение. Максимально быстро примешь.

– Поддерживаю, – добавил Джей, – если есть шанс вывести «Вертикаль» на чистую воду, то времени терять нельзя.

– Риски? – спросила Ю.

– Максимум, придётся уходить от погони, – расчётливо

произнёс Курт. – У нас в любом случае будет фора. Главное, помешать кластеру подать сигнал тревоги. А если стрельба всё же начнётся, на нашей стороне будет «спайдер».

– «Вертикаль» его не перепрошивала?

– Нет. По реестрам Ларри числится уборщиком.

– А по документам спецслужб он – контртеррорист…

– И в узле об этом даже не догадываются, – хитро улыбнулся Курт. – Решайся уже. «А2» стоит выкрасть как можно быстрее. Есть вероятность, что именно из-за него группа «кобр» примкнула к «Вертикали», да и перестрелка в Чайнатауне тоже может лежать на его «совести». Пора прикрыть ментальную лавочку Оливера.

– Как же всё сложно, – вздыхала Ю, пытаясь сложить пазл. – Хорошо, что меня ждёт при подключении?

– Столкновение с многогранной и детально прописанной личностью. Скорее всего, инсайдер мыслит в одном с «Персоналом» ключе. Я досконально изучил их поведение. Патриотизм, единство, прошлые победы, реваншизм… В документах есть развёрнутая аналитика. Плюс ко всему, нагрузки должны быть запредельные. Представь, что ты столкнёшься с идеологией, вернее, с её демиургом. Минуты времени будут выматывать мозг как часы, но, как было сказано выше, роль дополнительных вычислительных матриц исполнит твой ПМК – будет готовить контраргументы и искать ошибки в алгоритмах. Короче, облегчит тебе работу.

– Всё так, – подтвердил Джей. – У меня широкий инстру-

ментарий и огромные вычислительные мощности.

– Рекомендации по взлому я тоже скинул, – финальным аккордом добавил Курт.

Любопытство постепенно перевешивало. Было интересно вскрыть невиданную ранее операционку, тем более в такое непростое время. Юки смотрела на Курта и думала: как же всё-таки странно, что даже сейчас корпоративная борьба за первое место не прекратилась. И её внутренний дьяволёнок хотел принять в этой борьбе участие.

– О'кей, можно рискнуть. Интересно, что «A2» за зверь и с чем его едят.

– Со стимуляторами, – решительно произнёс Курт. – Также от лица «Отдела» приношу извинения за вмешательство в мировые процессы. Мы не плохие и не хорошие. Просто считаем вероятности и выбираем лучшее.

– Предпочитаю извинения от тех, кто сыграл главные роли. Так какой у нас план?

– Кражу века провернём после заката, когда все уснут, – уверенно заявил он. – Я как раз подготовлю машину, а ты крепко выспишься. Около двух часов ночи ты войдёшь через «точку», а я заблокирую двери, вырублю системы оповещения и помогу заглушить эмиттеры. Дальше дело за малым – пересчитать искусственный интеллект и доехать до Ванкувера.

– Кластер охраняют?

– Обычно, нет. Если что, охрану я вырублю. Твоё дело

– взлом. Придётся изловчиться, чтобы выбить инсайдера из колеи, – Курт поднял пристальный взгляд на «шамана». – У вас всё получится.

– Джей? – Юки ждала согласия.

– Мы справимся, – поддержал ПМК.

– Рэй знает про «А2»? – вопрос был адресован, естественно, Курту.

– По всей видимости, о них знает только верхушка «Вертикали». Сайберам нужна послушная армия, а если всплывёт инфа про искусственную душу – возникнут волнения и начнутся ненужные вопросы.

– Стоит рассказать Рэю по-тихому.

– Он взбесится или банально не поверит. Да и нам лучше не открываться… Здесь необходимо действовать максимально тихо. Нельзя терять фактор внезапности.

– Хорошо, – согласился ронин. – Только не забудь, что пообещал.

– Если взлом пройдёт удачно, – убедительно произнёс Курт, – выложу всё, что знаю. Осмотри байк до того, как начнётся веселье. Обидно будет, если не заведётся. Всё-таки «Ямаха» – не «Сузуки».

– Не гони на «Ямаху», – укоризненно пробурчала Ю.

Совет Курта, однако, был дельным. Девушка подошла к мотоциклу и, ловко перекинув ногу, уселась. Табло БК загорелось от касания правильного отпечатка.

– Ты не пробовал войти?

– Только техосмотр провёл. Найдешь в папочках что-то важное – поделись, если не жадина.

Юки ввела пароль. Zeppelin. Джей, покопавшись в системе, активировал основное меню.

– А какой был пароль? – бросил ей в спину механик.

Она обернулась на Курта с самым сытым самодовольством, сочившимся, как небесная благодать.

– Антананариву, шпион мелкий.

Курт ковырялся в тормозах, пока Юки нарезала широченные круги по ангару. Парень щурился, как снайпер перед выстрелом или как фотограф при съёмке, а когда байк проносился мимо, мелькая на периферии зрения, отвлекался и провожал её плавный ход до ближайшего поворота. Этот мотоцикл достоин хорошего хозяина – настоящий зверь с асинхронным термоядерным двигателем и почти неиссякаемым запасом хода. Курт видел Юки, как видят время атомные часы: новый круг она проезжала чуть быстрее предыдущего и выглядела так, словно не было за взлетной полосой боевой орды, а кластер был не страшнее первого «Макинтоша».

Бортовой журнал оказался пуст. Если Техник оставил что-то важное, то зашифровал так, что даже Джей найдёт записи не сразу. На третьем круге Юки включила песню из списка «недавно воспроизводимых» и в ушах завибрировал лёгкий гитарный рифф, слишком мелодичный и известный, чтоб его не узнать. «Оказывается, дедушка был романтиком», –

подумала Ю, и Эрик Клэптон разглаживающим тембром задал вопрос, адресованный как будто ей: «What will you do when you get lonely?»

«Что ты будешь делать, когда останешься одна?»

Странный вопрос для человека, который даже смерти не боится. Да и так уж страшно одиночество? Конечно, всё зависит от характера, и оставшийся без поддержки либо начинает выживать и выжимать себя на полную, либо прокисает и постепенно превращается в растение. Лишь оставаясь в одиночестве, мы понимаем, на что способны по-настоящему.

Курт с тем же сосредоточением подкручивал механизмы, когда Ю наконец-то остановилась. Он не отвлекался от работы.

– Ты прирожденная гонщица.

– Можешь называть меня «босодзоку», – сказала девушка, сдвинув информер на лоб.

– Мне с первых секунд было любопытно, кто окажется под маской, – признался Курт, заглянув ей прямо в глаза. – Вы с Техником родственники?

– Все азиаты – родственники, и все на одно лицо, – нагленько усмехнулась Юки.

– Вот сейчас обидно было. Азиатов я отлично различаю.

– А я неплохо различаю европеоидов. Ты, кстати, похож на одного рокера.

– Догадываюсь, о ком ты, – не без удовольствия ответил Курт. – Пожалуй, этим не грех воспользоваться. Можно?

Юки поняла по жесту руки и повороту головы, чего Курт хочет, и, ощутив колкую зыбь мурашек, кивнула. Паренёк наклонился ближе, вдыхая её аромат.

– Всегда думал, что японки пахнут апельсинками и Новым Годом.

– Вот оно как, – игриво сказала Ю. – Надеюсь, ожидания оправдались.

– Да, всё как я предполагал: апельсинки и Новый Год.

– Не похож ты на члена радикальной организации.

– Мы разноплановая организация. Логистическая, строительная и аналитическая.

– И немного озабоченная.

– Я просто сделал то, о чём сто лет мечтал. А у тебя остаётся всё меньше времени на сон.

– Не хочу спать. Сколько тебе лет на самом деле?

– Четырнадцать.

– Четырнадцатилетний шпион. Слабо верится.

– Ну хорошо. Что, если я скажу, что мне почти двести лет и я живу третью жизнь?

– Смотря в каком виде.

– В виде характера, который записывается на идентичный носитель. Основу носителя составляет, естественно, ДНК – она, считай, как киль у парусника. А поверх неё строится всё остальное. «Второй отдел» старается сохранить полное собрание сочинений.

– Интересно посмотреть, как формируется тело.

– Из стволовых клеток. Доберёшься до главного научного комплекса – посмотришь. Мы по технологиям в первых рядах. И, предвкушая твой вопрос: да, со второй жизни я замедлил старение примерно в пять раз.

– Один год за пять лет… Неплохо. А машинами ты занимаешься чисто для прикрытия?

Курт помотал головой.

– Машины – моя страсть. Они ведь рассыпаются понемногу, а мне хочется вернуть их к изначальному виду. Вроде как вдыхая в машинки новую жизнь, я оживляю прошлое.

– Это парадокс корабля Тесея. Ты не оживляешь прошлое, заменяя детали.

– Разве?

– Естественно. Важна не обёртка, а наполнение. Корабль Тесея, собранный по образу и подобию своего предшественника, не спасался от Посейдона и не видел Крит, на котором жил Минотавр. Не он создавал миф. Потому это два разных корабля.

– Мы слишком зациклены на классификации. Ищем оригиналы, отбрасываем копии. Нами управляет страх быть обманутыми, но, по сути, если две одинаковые вещи несут для будущего одинаковый смысл, какая разница?

Юки наполовину вынула кольт из кобуры.

– Этот револьвер остался у меня от папы. Его не заменит копия.

– Его наличие всего лишь дарит тебе тёплые воспомина-

ния. Но так ли ты уверена, что держишь именно отцовский пистолет? Может, ты тоже убеждаешь себя, что копия – это оригинал?

– Может быть. Может, мне просто нужна точка опоры в окружающем беспорядке, какое-то напоминание о том, за что следует бороться. Чтобы не делать ошибок. Мне нужны артефакты, потому что мне нужны ориентиры. Потому что я человек, а не робот.

– Вот и решение парадокса. Чтобы копия перестала быть копией, её достаточно наполнить символизмом оригинала.

Юки слезла с мотоцикла и спокойно поинтересовалась:

– Чем сейчас занимается «Второй отдел»?

– Доводим до ума концепцию кибернетического анархо-утилитаризма. Автоматизируем быт и всё такое. На словах довольно просто, а вот реализация…

– Мне хочется послушать.

– На это страниц двадцать уйдёт… – Курт со значением взирал на приветливое выжидающее личико. – Если кратко, мы взяли некоторые идеи Роберта Оуэна и поделили сутки на три части: восемь часов на сон, восемь на общественную работу и восемь на себя. Самое сложное – приучить людей спать столько, сколько положено. Ещё у нас тотальная система слежения, управляемая сверхкомпьютерами. Когда-нибудь я проведу тебе экскурсию по базе.

– Какие результаты показывает ваш социальный эксперимент?

– Сугубо положительные. Депрессий, к примеру, у нас вообще не бывает. Людям в целом не на что жаловаться.

– Ваши подопечные знают, что вы поучаствовали в Армагеддоне?

– Будь уверена, об этом известно всем, кто с нами работает. На нашей стороне алгоритмы, так что оправдываться есть чем.

– А если бы вы отдали инициативу Оливеру, что тогда?

– Выжило бы на триста миллионов больше, но подавляющее большинство попало бы в лапы «S&C». А их немногочисленные противники по всей планете начали бы партизанскую войну.

– Я бы не смогла загубить триста миллионов жизней, – печально усмехнулась Юки, растягивая стекло информера до подбородка. – Ни ради свободы, ни ради победы. Хотя даже ежу было ясно, к чему приведёт массовая утечка данных.

В умных глазах Курта что-то изменилось. На них наползла загадочная мутная пелена, как на ливийском стекле. Он снова стал очень серьёзен:

– Здорово, что мне встретился такой умный ёжик.

Завалившись в комнату отдыха, Юки первым делом приняла душ. За это время дешёвая стиральная машинка, не отличавшаяся по форме и габаритам от машин 21-го века, вернула её мятой походной форме товарный вид. Настроив стену на прозрачность, девушка созерцала сонную полосу ко-

ридора и череду киберглассовых окон. Клубящаяся желтизна, казалось, подступила ближе, крепче сдавливая защитный купол, и от одной мысли, что самум может иметь естественную природу, ей стало не по себе. Природе нет дела до твоей миссии, ей плевать на статусы и вероисповедания. Природа действует спонтанно и несёт хаос, а сам этот узел, в котором устраивали крысиные бои и тискали девушек, выглядел очередной попыткой от хаоса отгородиться. Человек тысячелетиями учился выживанию, так что даже жирок на животе – просто запасной аккумулятор, занимающий место в стандартном корпусе. Размышляя об этом, Юки принялась за лапшу, которую дал ей в дорогу Гордон. Антибактериальная «ложка» по мановению пальца трансформировалась в вилку.

Информер расположился на кровати, и сейчас перед лицом висела голопроекция, в которую Ю погрузилась, важно и задумчиво жуясь.

– Так уж необходимо было вмешиваться?

«Скорее да, чем нет, – незамедлительно ответил Джей. – Вопрос в том, верными ли числами оперировал «Второй отдел». Наверняка их база данных не охватывала многих мелочей. Получили бы сайберы тотальный контроль? Вероятно. Наступила бы эпоха партизанских войн? Возможно. Здесь бы пригодилась контрольная вселенная.

– Очень смешно. Что будем делать после кражи модуля?

«Попробуем отключить самый главный».

– Стоп, – глухо сказала Юки. – Во-первых, Эл-Эй должен охраняться, как яйца Фаберже, а во-вторых… Ты сейчас серьёзно?

«Всё указывает на то, что до конца лета Оливер начнёт контрнаступление. Нам нельзя терять времени. Мы можем спасти кучу жизней и завершить Первую корпоративную ещё до её начала. Во всяком случае, оттянуть».

– Если справлюсь с местным инсайдером, обещаю подумать насчёт Лос-Анджелеса. Понятия не имею, во что я вляпалась, но чувствую, что нужно действовать. Скажи честно, тебе дали какие-нибудь секретные инструкции?

«Выкрасть модули и любой ценой вернуть тебя живой».

– Маэда?

«Кэзуки».

– Супер. Расскажи какой-нибудь необычный факт из жизни лемуров.

«Зачем?» – искренне не понял ПМК.

– Хочу, чтоб мозг взорвался. А то уже почти, но всё никак.

Доев, Юки отключила проекцию. По минимуму обставленная комнатка выглядела гораздо беднее, чем токийские каюты. Похоже на медицинскую палату – просто чисто и просто скромно. А ведь когда-то люди платили за них хорошие деньги, чтоб вживую увидеть, как взлетают в небо старлайнеры. И ещё больше платили, чтобы переселиться на Луну. Интересно, какое там сейчас население? И что с марсианской программой? Неужели «Отдел» всё-таки отстроил на

Марсе базу?

– Джей… – прошелестела Юки, укладываясь на кровать. – В переговорной меня накрыло. Какое-то секундное помутнение.

«Спиши на переутомление».

– Я чувствовала собственную смерть; видела всё, как наяву. Выстрелы, оторванные конечности… Меня изнасиловать хотели, пока я ласты склеивала.

«Приступ дежавю».

– Мог инсайдер что-то сделать?

«Твоя нервная система под моим постоянным наблюдением. Как только инсайдер попытается прощупать тебя через коммутатор – я это замечу и сразу приму контрмеры. Это во-первых. А во-вторых, зачем внедрять ложные воспоминания?»

– Чтоб дестабилизировать психику. Выглядело так, будто у меня крыша поехала.

«Показатели оставались в норме, – прагматично отвечал Джей. – Сосредоточься лучше на задании: постарайся успокоиться, рассуждай с рациональной сухостью. Нам многое предстоит сделать. Помешаться всегда успеешь».

Ронину пришлось дать молчаливое согласие. Спустя секунду, по жесту руки, ин-баг вручил ей диспенсер «нитро». Ю убрала его в нагрудный кармашек, растянулась на кровати, уложила на живот револьвер…

И уломала себя на долгий сон. Управление комнатой на-

рисовало на потолке схематичных баранов – слепки с кроманьонских пещер – и те прыгали через геометрически правильный жёрдочный забор. Счёт перед сном был ей в новинку, но это прекрасно сработало, ведь отключилась Юки где-то на двадцатом барашке. Она отцепилась от реальности, срываясь в тёмный колодец, который неуловимо перешёл в горизонтальную плоскость тоннеля, в конце которого отблёскивала нетающая свечка. Свет моргал, как чёрно-белая боль в отсечённых нервах; как раскрутившееся колесо Сансары, предвещающее тысячи лет страданий. Ю окунулась в память, пропуская через себя затерянный в глубине тьмы огонь, ощущая присутствие будущего, которое уже не наступит.

Свет хлестал по темноте, ударяя быстро и звонко, забил крылом, как пойманный в силки ворон. Юки вспомнила, что там, в переговорной, ей удалось зацепить практически всех. Они боялись её, и боялись не зря. Потом разлетевшаяся вдребезги стена и болевой шок. Несколько секунд перед глазами стояла пелена сплошной режущей боли, которую не могли загасить даже «битлы». Единственный уцелевший человечек согнулся над ней, разоружил, намотал на руку волосы и куда-то поволок. Едкий коридорный свет выворачивал наизнанку… Проигрывать всегда обидно, а ещё обиднее чувствовать настолько скотское отношение. Наконец, Юки вдохнула едкий запах того, кто дотащил её до кровати, поймала хлёсткую и звонкую пощёчину, удержавшую гаснущее

сознание в рамках реального мира, и поняла по жадным прикосновениям, что ей расстёгивают пуговицы. Явственное ощущение поражения ядом просачивалось в увядающий стебелёк эмоций. А затем, приложив последние силы, Ю прокусила толстый слой эпидермиса, вырвав сочный кусок человеческого мяса. Вкус артериальной крови раскрылся, как хорошее вампирское вино, а спустя миг сознание покинуло её, без боли, страданий и сожалений. От таких снов становишься шизофреником. Некая репетиция смерти, недоступная никому в здравом уме, кружила над ней расплывчатой и непонятной мурмурацией. Образы, символы, силуэты. Погасшая свечка. И тьма. Тьма, в которой не было смерти. Тьма, из которой она выйдет после того, как в ухе заговорит Джей. И когда в её комнату постучится Курт.

Кто бы мог подумать, что «Цезарь» – американский салат? Прочитав неклассический рецепт, Рэй не без удовольствия отметил, что и в Штатах придумывались утончённые блюда. Первым делом взбивались яйца, потом в дело шли каперсы, анчоусы и ещё куча всего, и масло вливалось тонкой струйкой в благородное месиво. Проекция горела перед его лицом, и он, изучая наименование каждого ингредиента, только диву давался да причмокивал. Вопреки рекомендациям, Рэй безо всяких изяществ варварски набросал продукты в блендер, а затем влил масло толстенной струёй. Железный палец нажал «пуск». Плуты, опекаемые четвёркой во-

оруженных бойцов, сидели на пустых пластиковых ящиках из-под бутылочного пива. Марк, притворившись контрфорсом, держал стену, его верный соратник и любовник жался к белому кубу посудомоечной машины.

– Ты обманщик до мозга костей, Лео, – произнёс Рэй, доведя соус до кондиции, – и ни к кому не испытываешь жалости. Что тебе дружба? Просто предлог, чтоб забраться в чей-то дом или чьи-то трусы. Я вот думаю взять на вооружение этот метод. Притворюсь другом. Как считаешь?

Тот с пренебрежением посмотрел на Босса, а Маркус равнодушно спросил:

– В чём подвох-то?

– В том, что моего дружеского расположения хватит на один приём пищи. Буду ли я притворяться другом после того, как мы побеседуем, – вопрос более деликатный. Так что сейчас вы покушаете, потом попьете, а потом постараетесь сделать так, чтобы я не уличил вас во лжи. Я не изверг, просто не терплю обмана.

– Презумпция невиновности, – устало произнёс маленький плут. – Хочешь что-то доказать – используй законные методы. Или мнишь себя великим инквизитором? Ну так растяни нас на дыбе, чего мелочиться?

Сильные плечи Рэя горестно рухнули. Нож уверенно кромсал кочан пекинской капусты. Крупно порезанные листья посыпались в чашку, следом полетели гренки в прованских травах и помидоры черри. Залив всё это только что

взбитым соусом, Босс принялся нарезать жареную курицу, ожидавшую своего часа в «вечной упаковке» более полувека.

– Голод развязывает язык. Это вопрос времени, ребятишки, так не лучше ли пропустить самый неприятный этап? Вам ничего не угрожает, но сложные времена требуют крутых решений. Когда на кону стоит победа, каждый патрон на счету.

– Мне вашего триумфа всё равно не увидеть, – усмехнулся Леонард.

– А я с этого дня пацифист, – добавил Марк. – Так что в свои разборки меня не впутывайте. Стану странствующим монахом и буду пропагандировать мир.

– Благородная цель, – поддержал Рэй, поставив тарелки на металлические табуреты. Желудок толстяка объёмно заурчал. Босс позаботился о вилках, хотя забыл про пармезан, отсутствие которого, впрочем, никого не возмутило. – Ешьте. Есть у индейцев трубка мира, а у меня – тарелки мира. Старая добрая дипломатия под новым соусом.

Портлендцы, обменявшись взглядами, подозрительно уставились на еду. Рэй был в хорошем настроении, и когда реакции на его жест не последовало, он ногой придвинул табуреты к плутам; из холодильника достал два «доктора Пеппера», разместив их рядом с салатами.

– Можете потерпеть, посидеть и подумать, но чем быстрее вы справитесь с этим, тем раньше мы начнем обсуждать

человеческую жадность. Вот вы прямо убеждаете меня, что чисты, что скоро помрёте и начнёте новую жизнь. Пусть так, но не пропадать же из-за этого доброму арсеналу. По моим наводкам, то, что мы нашли в Раунд-Прейри – одна десятая часть всего, что вам удалось скопить. Мне нужна хотя бы половина в качестве сатисфакции. Что если кто-то найдёт пушки раньше? Что, если они тупо сгниют? Давайте искать компромиссы.

– Какие же? – спросил Марк.

– Взаимовыгодные. Заключим новый уговор. Или вы отвергнете мою соседскую доброту?

– Нет, конечно, – вяло сказал толстяк, взявшись за тарелку. – За нормальную жратву на всё подпишусь. Ты зла нам точно не сделаешь?

– Вы останетесь живы и невредимы, слово даю.

Очень расплывчатое обещание: как долго они будут невредимы, Босс не уточнил. Маркус поковырялся в довольно аппетитной массе, залитой кремовым соусом, Леонард осторожно присоединился – попробовал кусочек курицы, обмакнув его в «цезарь», чем остался доволен. «Ну, – пронеслось в его тяжёлой голове, – даже если помрём, то хоть поедим по-царски».

Рэй смиренно ждал. Его гвардия замерла истуканами. Одни смотрели на портлендцев с жалостью, другие с завистью. Босс никогда никому не готовил, только Нэт.

Леонард ел без аппетита, грустно уставившись в пол. Марк

потянулся за «Пеппером». Ключ щелкнул, банка издала ровное шипение, соединившись с красивыми балканскими губами. Запах засохшего пота потихоньку занимал всё пространство кухни.

– Повеселел, Маркус? – душевно спросил Рэй.

– Меня всё устраивает. Ещё денёк-другой, и начну смеяться, как раньше.

– Небось, куча весёлых воспоминаний о былых деньках?

– Конечно. Как-то Сильвия обожралась фасоли, а потом пердела целый день, – щёки толстяка вспыхнули, губы растянулись. – Ходила ещё, как ни в чем не бывало, вся такая деловая из себя, а мы ржали до колик. Ей тогда четвертак исполнился. А Брайтон однажды переоделся в Бората и приставал ко всем с интервью.

Леонард тоже отворил душу воспоминаниям, солнечными вспышками, идущими прямо из сердца. Давно это было, даже не верится. Портлендец отставил тарелку в сторону, взял баночку газированной воды; умудрившись бесшумно её открыть и бесшумно отпить, снова окунулся в тихую ностальгию. – Ну как, дружище, вкусно?

– Сносно, – ёрничал Лео, хотя это была самая достойная еда за всю его непутёвую жизнь.

– Скажи честно, как твоё настоящее имя? – вкрадчиво поинтересовался Босс.

– Матушка звала меня Лео.

– А кем была твоя матушка?

– Она, – плут задумался, – в Красном кресте работала, ездила с благотворительными миссиями, куда пошлют. Её машина подорвалась на фугасе по дороге в Айдахо.

– Неужели это она научила тебя врать? – резкая, зубоскалящая злоба качнула помещение.

– Жизнь научила, – грустно ответил Лео. – Ты ведь расистом тоже стал из-за стечения обстоятельств? Цыгане-воры, евреи-процентщики. Ловко ты по паре засранцев сделал выводы о целых народностях.

– История прекрасно показала, кто есть кто; данные моей статистики лишь подтверждают общеизвестные факты. Чтоб скорректировать ветхие догмы, которыми я оперирую, мне нужен всего один незначительный повод. Вот как мне доказать самому себе, глядя в твоё опухающее рыло, что ирландцы не дураки прибухнуть? И должен ли я поверить в то, что честные, безобидные трудяги-китайцы по накурке на вас напали?

– Верь во что хочешь, – отмахнулся Леонард.

Маркус нервозно потряс головой и исподлобья взглянул на Босса. Разговор пошёл бодрее, стал слишком отчётливым, да и вся кухня «Монро» преобразилась. Толстяк мог распознать действие веществ, вот только вещества распознали его быстрее. Марка удовлетворил эффект: его накрыло пламенное желание рассказать землянам о красоте, про существование которой они, глупые плебеи, даже не подозревают. И он тащился от того, что земля вылетела у него из-под ног, по-

дарив самоубийственное ощущение падения в калейдоскоп радужного безумия.

– Ты знал, что цветов больше, чем мы видим? – Марк упивался этим знанием, произнося каждый звук свысока.

– Сколько их, дружище? – Босс наблюдал озарение, снизошедшее с небес.

– Дофига. – Толстяк как будто объяснял простую истину. – Штукатурка реальности пропитана ими. Нельзя замазать хронологию бытия, ибо она всегда протекает сквозь серость. Я снова узрел мандалу. Чёрт побери, почему всё движется так неестественно?..

– Отлично сработано. Что ты подсыпал в еду? – Лео хлебнул «Пеппера», осуждающе уставившись на Босса.

– Опиаты всякие, синтетику. Использовал полный ассортимент.

– Классика, – одобрительно протянул Леонард, чувствуя, что в его внутренние двери стучат, а маленький аквариум с рыбками расширяется до целого моря. – Не любишь, когда тебе врут, да? Без проблем. Правду я говорить умею, так что зря ты не ценил моё враньё.

– Даже святые лгут во благо, – высокопарно подхватил Марк, разглядывая расходящиеся по глыбам бытовой техники арабески.

Леонарда накрыло недостаточно сильно, но афористичное замечание Марка вернуло его испоганенную душонку за кафедру церкви, с которой ему довелось ораторствовать. Пре-

красная обитель с коринфскими колоннами, состряпанная из литого камня, мрамора и бронзы, появилась перед мысленным взором, разбудив в нём проповедника.

– Проще увидеть соринку в чужом глазу, чем заметить бревно в собственном, – раздувал ноздри Лео. – Тебе прекрасно известно, что дело против нас сфабриковано.

– Ты сжигал детей и женщин!

– Случайно, Рэймонд! Кругом творился хаос, а на кону стояли наши жизни! Думаешь, под наркотой я выложу какие-то новые детали?

– Меня не волнует прошлое. Я хочу услышать, где ты закопал стволы.

– А мне вот интересно, знают ли за пределами Штатов, как «Вертикаль» проводит дознание?

– Это моя личная инициатива, – осклабился Босс. – Хоффман разрешил мне выходить за рамки дозволенного, если это поможет в предстоящей войне. Вот я и действую. На благо Родины.

– Ставишь себя выше Конституции? Что ж, испытание медными трубами ты провалил.

– Наоборот, я умерил свои аппетиты. Будь моя воля, ты давно бы висел на портовом кране.

– За мнимое сотрудничество с Канадой? За то, что воспользовался правом на самооборону? Не так страшен чёрт, как его малюют – слышал о таком? На нас вероломно напала кучка патриотичных фанатиков, чтобы обобрать до нитки.

Я долго думал – почему? Но теперь-то ясно. «Вертикаль» готовит отморозков, готовых отдать жизнь за территорию, использует сомнительные технологии, которые один раз уже подвели нас к краю. Твоя голова перестала быть твоей в тот момент, когда ты продался корпоратам, и, видит Бог, тебе уже не соскочить. Как знать, может уже завтра желание сокрушить Бостон станет столь велико, что ты начнёшь вооружать «горничных». Какая завидная покорность. Вы же сдохнете на восточном берегу… С радостью сдохнете. Ту мясорубку регулярные части не вынесли, так с какого перепоя «Персоналу» получится одержать верх? Кому-то ведь придётся прощупывать бостонскую оборону, так что нет сомнений, что Эл-Эй отправит самое патриотичное пушечное мясо в первых рядах. Нравится быть шестёркой? Дело твоё. Но ещё не поздно понять, в какой мы попали абсурд. Грядёт Апокалипсис, и простые люди, как обычно, пострадают больше остальных. Мы пешки, Рэймонд, и мы не видим всё поле целиком. Тебе стоит начать задавать правильные вопросы правильным людям, а не выбивать последнее у того, кто находится на грани.

Никто из эскорта Рэя даже бровью не повел. Наркотический трёп – это наркотический трёп.

– Перестань скулить, – презрительно произнёс Босс.

– Нет уж – я выскажусь! Ты подохнешь, Рэймонд, потому что готов броситься на ветряные мельницы по первому приказу. Потому что ты солдат, который согласен быть слепым

орудием. На вершине для таких, как ты, нет места. Вершина – удел тех, кто дёргает за ниточки. Тех, у кого в руках ресурсы, у кого летуны и реактивные системы. Тех, чьи установки копят термоядерную энергию и лупят направленным зарядом. Тех, кто растворяется в буре и за кем на бледном коне следует Ад. Дьяволы двигают нас по доске. Прозрей, наконец! Нам не нужна эта война. Мы слишком мелкие для неё.

– Никто не заставляет тебя воевать. Вали в Эквадор, трусливый сукин сын. Я отпущу вас на все четыре стороны, и лишь от тебя зависит – когда и на каких условиях.

– Давай тот пикап и «чистую» жратву – тогда будут тебе пушки.

– Бинго, – кивнул Босс. – Договорились. Получишь свободу, как только сгоняю до места. Выкладывай координаты.

Уголок рта нервно дёрнулся, но Лео, пусть с явной неохотой, начал диктовать числовые значения.

– Езжай, проверяй, – жирно добавил он в конце.

– После бури, братец. А всё-таки интересно, патологическое ли ты трепло?

– Я лгу, когда чувствую опасность, так уж я устроен. Вот скажи, если мне без обмана никак, можно ли закрыть на это глаза?

– Есть тонкости. Необходимо понимать последствия твоего вранья, и если из-за него пострадает много хороших людей, то и прощения тебе не будет. Ты можешь лгать о прошлом или о своих сексуальных предпочтениях, но у тебя

нет права утаивать арсенал. Грядёт масштабная битва, и чем полнее будет наша обойма, тем больше жизней будет спасено.

– Звучишь, как безумец.

– Нет, Леонард, это у тебя капитальные проблемы с башкой. Официально поставленный диагноз. Скажи, почему ты отказался от лечения? Неужели тебе настолько нравится быть психом?

– Мне важно оставаться собой.

– Изолированный от мира, шизанутый и слабый – достойный набор достойного гражданина. Что ж, будь собой где-нибудь ещё. Хватит проедать наш хлеб. Но как бы мне ни хотелось оторваться на тебе, я пообещал, что ты уедешь, как белый человек, и обещание сдержу. Благодари судьбу, что твоей крови не будет на моих руках.

«На моих руках», без задней мысли произнёс Рэй, потому что железная чувствовалась даже лучше биологической.

Босс изучал координаты с внутренним ликованием. В его голубых глазах горящим метаном вспыхнула молодость. Лео не мог знать, что помимо Раунд-Прейри «Персонал» нашёл ещё один схрон, местоположение которого только что было озвучено. Оставалось проверить три точки, в релевантности которых Рэй практически не сомневался.

– Лично скатаешься?

– Первым делом отправим зонды. Так как тебя зовут по-настоящему?

– Никак, – огрызнулся портлендец. – Я вырос среди алкашей, которые блевали там, где спали, и дрались друг с другом за выпивку. Из пятнадцати детей до совершеннолетия дожил только я, так что мне несказанно повезёт, если я помру в тишине и покое.

– Не дави на жалость, – резко громыхнул Босс. – Строй из себя мученика сколько душе угодно, один хрен святым не станешь. Ты всегда переступал мораль без зазрения совести.

– Больше доверяй слухам.

– Сегодня мы увидели это воочию.

– Да ладно… Думаешь, я пытался прищучить Саманту ради добычи? О нет, мне хотелось узнать, кто скрывается под маской. Я, скажем так, хотел вскрыть троянского коня. Ты не думал, что девчонка может оказаться разведчицей? Может, бостонской, может, шанхайской.

– Она тебе помочь пыталась, а ты делаешь из неё крысу. Что с тобой не так, парень?

– Чутьё, старик. Девка явно знает больше, чем говорит. Сними маску и проверь, действительно ли она гавайский сепаратист. Мне вот кажется, что китаёза, и очень непростая.

– Рэй, – сказал кто-то из его свиты, – если девка вправду узкоглазая…

– Никогда не видел, чтобы кошка ломилась на псарню, – отмахнулся Рэй. – Она одиночка, которая пришла за транспортом, и которая подозрительно быстро засветилась для разведчика. Ей можно доверять.

– Нет большей слабости, – зубоскалил маленький плут, – чем вера в честных людей. До чего же легко втереться в доверие к императору.

На этот выпад Рэй лишь властно обвёл взглядом свою гвардию, и команда достигла каждого:

– Пора закругляться. Закройте кухню и включите сигналку. Голубки посидят здесь до амнистии. Я сыт их нытьём по горло.

Маленькие, дикие и пронырливые переносчики заразы, острозубые убийцы и любители инцеста захватили человеческое внимание. Их мерзкая подноготная перебивала запах собственных недостатков. «Персонал» надеялся на зрелище, окружив крысиный загончик – миниатюрную копию восьмиугольной клетки в боях без правил, а в двух клетушках-переносках пищали и бесновались тощие и злющие крысы. Кортез был молод, но с рождения усёк, что ради сохранения жизни надо накидываться первым, валить на лопатки и со скоростью степлера щёлкать клыкастыми челюстями у жизненно важных органов. Когда он попадал – а попадал он часто – сквозь мех, на потеху улюлюкающей толпе, вылетали брызги поганой крови.

Когда-то здесь был живой уголок, в котором обитали еноты-полоскуны, попугаи и даже кайман. Ещё тут разводили кроликов и иногда отдавали зверюшек бесплатно. В конце концов, кролики были только ужином для крокодила, а де-

лать меховую фабрику из зоопарка не позволяли скромные масштабы. Теперь в террариумах и клетках жили целые полчища некормленных крыс – редким шансом поесть у грызунов являлась победа на ринге, стоит ли говорить, что большинство из них стало каннибалами. Кортез был едва оцарапан – один шрам на ноге и незаросшая плешь на пузе. И молодая крыса обещала стать будущим чемпионом. То ли дело действующий чемпион, лишённый двух пальцев, глаза и половины хвоста. Раны пахли мерзко, и с прошлого боя существовала вероятность, что чемпион сгниет заживо. Вопреки всему, старый крыс в очередной раз пошёл на поправку. Чемпиона назвали Стейком – в честь того, что однажды он свалился с потолочной вентиляции прямо на шкворчащую от сливочного масла сковороду, на которой был молниеносно накрыт крышкой. Успев хорошенько прожариться, его перекинули в пустую кастрюлю. Шерсть на обожжённом боку до сих пор не отросла, пестря катышками и нарывами, и иссечённая неприятными, будто бы шагреневыми складками.

– Ставки ещё будут? – спрашивал Дуглас, водрузив руку на переноску со Стейком. Теперь, одетый в косуху, тёмную майку и джинсы, он выглядел как настоящий бриолинщик.

– Все, кто хотел, вписались, – сказали из толпы. – Давай крыс в партер.

– Ставки сделаны, – блаженно произнёс букмекер. – Да начнётся грызня.

Крысы, осторожно присматриваясь друг к другу, выходи-

ли на арену. Тощие, взъерошенные, едва стоящие на лапах, животные подчинились инстинкту самосохранения, кинувшись в бой с осоловелым писком. Они налетели друг на друга и покатились кубарем, стараясь вцепиться в самые уязвимые места. Мужчины затаили дыхание, и все, как один, охнули, когда Кортез отцепился от Стейка пружинными ударами задних лап. Звери зашипели, молодая крыса снова ринулась на потёртого чемпиона, прыгнула и, едва оцарапав, пролетела мимо. Лапы и полтора хвоста мелькали, как напёрстки, позволяя лишь счастливым обладателям механических глаз разглядеть и понять каждый эпизод схватки. Дуглас не имел технических примочек, однако прекрасно видел каждое движение: доза ферментов-катализаторов, доставленная в серое вещество легальными препаратами, стимулировала все доли мозга, особенно таламус, который принимал визуальную составляющую мира с быстротой Бога, что создал Землю за какие-то сутки.

Когда пролилась кровь, Дуглас с отвращением понял, что мерзавец Кортез открыл чемпиону старую рану – содрал когтем коросту, а затем снова соединился с соперником в один бесформенный клубок. Всё-таки смешно, подумал букмекер, что чемпион на обрубке хвоста вертел чемпионское звание, ведь эти херовы звания имеют значение только для людей. Людям хочется, чтоб бык на корриде уделал парочку матадоров, а лошадь на скачках обошла соперников на несколько корпусов. А что важно животному? Жить? Просто жить,

не ведая, что всё их существование принадлежит прямоходящим лысым обезьянам? Соль в том, думал Дуглас, что, посчитав себя вершиной творения, мы стали проецировать на братьев наших меньших свои стремления. Мы слишком изощрённо соревнуемся, слишком многое готовы ставить, рискуя не только собой, но и теми, кто рядом. Мы до сих пор вызываем природу на бой и используем её для победы в боях. И смеёмся, когда заставляем природу сражаться против себя же. Уморительная расточительность. И это чувство превосходства Дугласу нравилось. Силён не тот, кто сражается, а кто заработал право не сражаться. Кортез или Стейк, как древние гладиаторы, имеют шанс поравняться с людьми – однажды, если переживут достаточно схваток: один из них войдёт в пантеон и будет почивать на лаврах, как венец творения. Дуглас верил в необходимость насилия – оно разделяет на ведомого и ведущего. У него было настоящее животное чутьё на победителей, на мощные тектонические сдвиги, которые изменяют иерархический ландшафт. Именно в этом скрывалась его сила.

Стейк истекал кровью, что лишь добавляло бешеного ожесточения каждому его движению. От боли чемпион безумел, прыгал почти наудачу, угрожая снести клетку мощными рывками – до того он хотел существовать и, может быть, тоже мечтал поселиться где-нибудь в горах, рядом со складами овса, где почти нет кошек, и ласковый холод притупляет постоянную боль в каждом нерве. Только ни о чём таком

Стейк не думал – ему просто хотелось есть и жить для того, чтобы есть. Волей случая Кортез оказался под более массивным чемпионом, который с непередаваемой злобой сомкнул челюсти на мордочке молодого крыса. Кортез оцепенел, понимая, что захвачен, и что в такой ситуации надежда на спасение в одном – если чемпион расслабит челюсти. Но Стейк перехватился слишком быстро, вцепившись в горло. Мягкие ткани поддались, на грудку ярко брызнуло из артерии, затем пятно медленно, радиально начало распухать. Вскоре чемпион принялся трапезничать, а Дуглас с присущей ему коммерческой ноткой поздравил выигравших.

– Чемпион ещё на что-то способен, – сказал кто-то.

Дуглас уже нацелился в «Монро». Ему хотелось прикончить баночку «Пеппера».

– Опыт сильнее боли, – немного погодя ответил букмекер, глядя, как жадно Стейк разбирается с недавним визави. – Поэтому сильные едят слабых, а не иначе.

«И до чего же это всё банально», – думал он, покидая живой уголок.

Под вывеской «Монро» Дугласа приветливо притормозил поджарый и патлатый Зум. Его губы неохотно отлипли от баночки с энергетиком.

– Кухня закрыта. Орегонцы там.

– Да кого это волнует? У меня заначка в холодильнике.

Зрачки-объективы Зума сузились на несколько милли-

метров.

– Содовую выпили, – с нажимом ответил он, важно отхлебнув, – так что извиняй.

– С гвардией спорить не собираюсь, – ёрничал Дуглас. – Пишут, Босс их расколол.

– Подмешал в салат сыворотку правды. Лео прям за троих замолотил, – паники нагнал, аки безумный пророк. Какая-то чушь про розовых пони, за которыми следуют ветряные мельницы. Из святоши получился бы отменный скальд.

– А если серьёзно?

– Затирал, что туристка может оказаться азиатской разведчицей.

– А то, – согласился Дуглас. – Тоже мне, открыл Америку.

Проходивший мимо человечек с обезьяньим лицом спонтанно вклинился в разговор, отплёвываясь слюной.

– Что там про азиатов?

– Забей, Дарвин, – резанул Зум. – Это пьяный бред.

– Который может оказаться п-правдой. С полудня самум не п-прекращается, Лина какие-то странные тесты проводит с чёрными кляксами, математические задачки заставляет решать… Кто она такая, чтоб мы для неё в уме циферки считали? На кой хрен тогда п-придумали калькулятор? Мы к наступлению готовимся или к университету? Выкладывай давай, о чём толковал святоша.

Зум решил, что в этом нет особой тайны.

– Лео сказал, что хотел снять с девчонки маску. Ему

взбрело в голову, что она разведчица Шанхая.

– Кстати, похожа, – поддержал Дуглас. – Мелкая, черноволосая, прошаренная. Шесть к десяти, что под информером китаёза или япошка. За океаном их сейчас как собак расплодилось.

– Тот упырь, что нам вышки сжигал, тоже был из этих, – недовольно поддакивал Дарвин. Затем подытожил:

– От узкоглазых одни проблемы – они слишком изворотливые. А если девчонка работает на Бостон – точно быть беде. Я вот думаю, хороший человек лица скрывать не будет. Может прижать её, пока не случилось чего?..

– Нельзя кидаться на гостей без повода, – с предостерегающей расстановкой произнёс Зум. – Она прибыла в узел, чтоб забрать товар, а сейчас спокойно сидит в секторе пилотов. Тот хакер действовал издалека. Может, она тебе понравилась просто? Так тут её многие «прижать» хотят. Пойди, познакомься, раз такое дело, только руки не распускай. Я видел её в действии – сорвиголова та ещё.

– То-то и подозрительно. Слишком опасный она субъект, так ещё появилась аккурат п-посреди бури. Мы тут не дураки, верно я говорю? Если продолжим сидеть сложа руки, нам точно аукнется…

– Говорят, милашка о чём-то беседовала с Куртом почти час, – заговорщицки накидывал Дуглас. – У меня с самого начала не было к нему доверия, а теперь и подавно. Нужно держать ухо востро.

Его расчётливая душонка почувствовала изменение иерархического ландшафта. «Персонал» боялся, что Акелла промахнётся именно сегодня, да и каскад не самых приятных случайностей валился на них, как стопка блинов для штанги, которую какой-то идиот закинул на антресоль. Рэй стал слишком неосмотрительным. Хоффман ведь позволил ему переступать черту, особенно если дело касается безопасности, так какой смысл играть в благородство? Куда подевалась та железная рука, которая когда-то давно управляла «Легавыми»? Теряешь хватку, теряешь власть. Нужно проверить, не восточная ли под маской мордочка. Восточная мордочка точно сбросит Босса с пьедестала. Идеальное чувство момента приятно согрело низ живота и чудесной эманацией разлилось до кончиков пальцев.

– Существует регламент, – с неохотой напоминал гвардеец.

– Промедление смерти подобно. – Дарвин старался не шлёпать губами, чтоб не забрызгать личного и очень опасного рэймондова пса. – Я говорил со своими. Мы считаем, Рэй слишком любезно себя п-повёл. Пора брать инициативу за яйца.

– Какую к чёрту инициативу?

– Следует прижать туристочку прямо сейчас. Три десятка человек уже на ножах.

– Давай без истерик. Нарушать правила ой-как чревато.

– Плевать, – закипал Дарвин. – Поставим Рэя перед фак-

том.

Дуглас загорелся этой идеей и уже не мог отпустить.

– Предлагаешь предъявить ему ультиматум?

– Просто скажем, что п-парни нервничают. Объясним ситуацию. Скажем, что так решил этот…

– Кворум, – подсказал Дуглас.

– Если ошибётесь, главный офис вас с потрохами сожрёт. – объективы Зума сузились ещё сильнее. – Я в любом случае на стороне Рэя, так что угомонись, пока нам всем из-за тебя не влетело.

– Нет, Зум, – Дарвин решительно указал на него пальцем. – Нам нужно удостовериться, что узел в безопасности. Тебе вот не страшно за собственную шкуру? Шкура раз в жизни даётся. Давай так: ты либо с нами, либо делай, что должен. Я тебя не боюсь.

– Будь по-вашему, – сдался Зум. – Хотите испытать удачу – милости прошу, только учтите, если Босс психанёт, я постараюсь нашпиговать вас свинцом быстрее, чем ваши туловища развалит воздушный кнут. Ты ведь в курсе, что разорванный пополам человек может метаться в агонии больше получаса?

– Не нагоняй ужаса. Мы тут не из пугливых. Это ведь не бунт. Мы подчеркнём, что это не бунт, просто у нас есть право знать, что под овчинкой не прячется волк. Слишком злая буря. Слишком много совпадений. Дуглас, ты с нами?

– Пожалуй. Это будет любопытно.

Дарвин нервно закивал.

– Она быстрая, так что придётся быть начеку. Кто за ней сходит – ты или я?

– Загадывай.

– Решка.

Дуглас порылся в карманах, выставил вперёд бледную руку и ловко подкинул Портлендский пенни, выигранный однажды у Лео в спонтанном споре. Монетка, давшая название целому городу… И букмекер, как положено, подкидывал её до трёх побед и, как всегда, выиграл право на выбор.

– За милахой схожу я. Возьму пару человек на подхват и какой-нибудь забористый ствол.

– Я п-передам остальным, что всё решено. Пора действовать.

– Зарядим резиновые пули?

– Нет времени, Дуг, – быстро ответил Дарвин. – Вообще нет времени.

– Нэт нечего здесь делать, – серьёзно сказал Натаниэль. Ангельский нимб на его груди залился светлой аурой. – Отпусти её со мной.

– Слушай, – ответил Босс, – я не держу Нэт силой. Можешь гостить у нас, видеться с ней хоть каждый день, но в Техас она уедет только через мой труп.

Они сидели на соседствующих креслах, общаясь без особенного напряжения. У резака, однако, закончились доводы,

и его указательный палец недовольно натирал металлическую пластинку информера, окаймляющую бровь. Ему нужна была Нэт, и он не верил, что она действительно влюбилась в мужика, старше себя в два раза. Более того, резак отказывался верить, что здесь сестре ничего не угрожает. Снайпер с кибернетическими глазами – Юлий – молча следил с другого конца стола, чтоб техасец не выкинул чего-нибудь неосмотрительного. Винтовка, способная решетить металлические опоры мостов, пристроилась на бедрах. Указательный палец телохранителя, вторя резаку, поглаживал полированную дужку спускового крючка. Кибергласс транслировал уцелевший Сан-Франциско, достающий до белоснежных кучевых облаков.

Когда вошли Зум, Дарвин и ещё семеро человек, разговор прекратился сам собой, и все кресла крутанулись на нужный азимут. Уверенные позы и бесстрашные выражения лиц говорили, что вошедшие закинулись чем-то «сногсшибательным».

– Что-то случилось? – устало спросил Рэй.

– Народное негодование, – небрежно бросил Зум, присаживаясь на край стола. – Я их отговаривал, честное слово.

– Похоже, на корабле назревает мятеж, – усмехнулся Натаниэль.

– Объяснись, – обратился Босс к Дарвину, пропустив подкол резака мимо ушей.

– Дело в незваной гостье, – твёрдо произнёс тот. – Нужно

проверить, не азиатка ли она.

– Какого чёрта, Дарвин, ты отвлекаешь меня по таким мелочам?

– Это не мелочи, – тяжеловесно выступил вперёд увалень из толпы, – перестраховка никому ещё не мешала.

– Да, Босс, – осторожно подхватывал Дарвин. – Нужно разоружить её и взять под стражу, иначе рискуем до утра не дожить.

– Не многого ли ты просишь?! У нас нет оснований её задерживать.

– Многие поддерживают это решение.

– Не вам решать…

– В качестве жеста доброй воли, пусть просто снимет информер. Никакого насилия, просто п-проверим, кто она на самом деле. Если азиатка – доставим к Хоффману. Происходит что-то странное, и ты ещё… Чёрный чай любишь, винтовка у тебя английской сборки. Рэй, мы беспокоимся за «Персонал». За тебя, за людей, за будущее страны.

– Кто конкретно решил пойти против моего слова?

– Кворум, – пошевелив извилинами, ответил Дарвин.

– Как в профсоюзе коммуняк?

– Не надо уловок. Тридцать человек хотят знать п-правду. Остальные воздержались, потому что вякнуть против тебя боятся. Не волнуйся, Босс, с Самантой просто вежливо побеседуют. Наши уже идут к ней.

– Да вы охренели… Если в Эл-Эй узнают, что мы наехали

на туриста без повода…

Освещение снова захлопало вороньими крыльями, а кибергласс по мановению ока стал обычным стеклом, открыв сплошной бурлящий поток песка. Силовое поле больше не сдерживало самум, а частицы транспласта мерцали в нём, словно золотая шёлковая сеть, сплетённая мадагаскарскими паучками. Кластер вёл себя совершенно нетипично, бесконтрольно выплёскивая энергию, способную, кажется, впустить в мир нового монстра Франкенштейна. Присутствующие замолкли, кто-то в ужасе, кто-то в непонимании, и только Рэй злобно выдавил:

– Бинго, сука.

– Вот тебе п-повод, – сказал Дарвин. – Или этого тебе тоже мало?

– Взлом не должен сопровождаться светопреставлением. Не знаю, что тут происходит, но я иду к Саманте. Урок дисциплины проведём позже. Этого так оставлять нельзя.

На этих словах Рэй встал, но Дарвин и остальные направили на Босса пистолеты и автоматы. Гвардия не успела отреагировать и теперь замерла, ожидая нового шанса.

– Дуглас скоро будет у неё. Теп-перь никаких сомнений, что проблема в девке.

Рэй, потерявший остатки самоконтроля, сложил железную кисть в кулак. Металлические персты начали двигаться, будто выжимая эспандер – вот тогда увалень из толпы дал короткую очередь. Пули, просвистев над головами, прошили

кибергласс, заставив Юлия и Зума встать наизготовку, отыграв упущенные полсекунды.

– Не заряжай кнут, Рэй, – твёрдо предостерёг его Дарвин. – Мы не хотим крови.

Рэй сурово всматривался в обезьянье лицо: беспорядочная мелкая щетина и выпяченные вперед губы. Слишком несуразно для того, кто может стать альфа-самцом. К своей чести, Дарвин имел яйца и умел говорить прямо, то ли из-за отсутствия инстинкта самосохранения, то ли из-за принципиальности. Вот только таким принципиальным он стал в последние годы, а до этого волновался за собственную шкуру пуще остальных. Неужели именно «терапевт» придал ему смелости? И неужели Саманта правда решилась на диверсию? Окаменевшее от злобы горло перетерало в крошку любые звуки. Рэй мог прорычать, но не сказать.

Юлий и Зум заметят, если чьи-то пальцы начнут давить на спуск. Но четверо против восьмерых, да и у Натаниэля всего лишь мачете с защитной перчаткой. А вообще, чью сторону займёт резак, которому труп Босса придётся очень кстати?

Когда вошёл Ларри, Рэя чуть не обуял смех. Какая-то всенародная ассамблея, вот о чём он подумал. Но бот не сказал своё обычное «уборка помещения», более того – уборщик изменился в лице: черты услужливого простачка огрубели, добавили серьёзности, если не сказать угрозы. Мерцающий транспласт ни капли его не занимал.

– Так-так-так, что у нас тут? Стрельба по государствен-

ной собственности и покушение на жизнь, – бот снизошел до нежного, почти интимного полушёпота: – Департамент внутренней безопасности. Всем немедленно сложить оружие.

Никто не шелохнулся. Лишь Дарвин с группой недовольных слегка повернули на бота свои навострённые уши. Мужчины затылком чувствовали злой металл, который, без сомнения, имел намерение напасть.

Ларри не боролся против безбилетников, пьяниц или тех, кто таскал огнестрел у всех на виду. Ему требовалась команда от начальства или оповещение от автоматической системы слежения узла. К сожалению, ни то, ни другое не давало ему никаких команд, и действовать «мусорщик» мог только если начнётся стрельба. Впервые за многие годы ему дали законный повод использовать весь имеющийся у него в распоряжении инструментарий.

«Персонал» плохо знал устройство боевых киперботов. Юлий читал, что в запястьях у них вмонтированы пулемёты с довольно скромным боезапасом, а Дарвин слышал, что отключаются железяки от попадания в голову. Вот только ему было невдомёк, что процессоры и энергоблоки находились у центра массы, то есть в районе таза, под слоем останавливающего пули и ножи геля.

Шестьдесят килограммов металла давили на людей как тонна. «Сложите оружие», – повторил бот, а «Персонал» искал, чем ответить. Такое замешательство бывает, когда неожиданно получаешь по лицу – и ответная реакция зави-

сит от многих факторов.

Искусственно привитая храбрость, усиленная верой в собственную компетентность, заставили Дарвина развернуться, попытавшись одним точным выстрелом снести «мусорщику» башку. Несколько человек сделали то же самое, в том числе Юлий, так что в следующий миг выстрел уничтожающей бронетехнику бандуры качнул висевшие на стенах флаги и крепко хлестанул по ушам. Зум, зацепив одного из людей, на другого переключиться уже не успел…

Уборщик чутко среагировал на атаку. Манжеты комбинезона расстегнулись: встроенные пулемёты вытаращились на людей, тут же отсыпав горсть одиночных выстрелов. На беду всех присутствующих, Ларри не был примитивным стреляющим ботом, а являлся агрегатом последнего довоенного поколения – «спайдером», собранным для нужд правительства по секретному заказу, о функционале которого имели представление лишь единицы.

Из-за титановой спины взметнулись четыре тени – узкие гофрированные змейки, которые заканчивались, вернее, продолжались узкими обоюдоострыми клинками. Ларри начал единовременно стрелять и резать, крутанулся вихрем и рассёк воздух. Рассёк вместе с людьми. Пули зацепили Юлия, который промазал по боту во второй раз, хотя видел и понимал каждое его движение. Увалень с автоматом полетел в разные стороны, ещё чьи-то руки и куски туловища рассыпались по ковролину. Зум, отступая на шаг, получил тычок в

грудную клетку и, плеснув коктейлем из крови и энергетика, нокаутировался на ковёр. Раненый Юлий скрылся за столом, заполняясь прожигающим нутро огнём.

Шальные пули полетели в резака. Своевременно вынесенная вперёд перчатка высвободила рой микроскопических дронов, которые, активировав энергодинамическое поле, отправили свинцовых мошек по экспоненте. Босс с ужасом смотрел, как кромсают на части его людей, повернув к «мусорщику» раскрытые ладони.

Одному из «делегатов» удалось спастись – выбежав наружу, тот вопил во всю глотку, что уборщик сошёл с ума. Чьё-то тело без верхней части пробежало несколько шагов, прежде чем рухнуть на пол. Юлий собирался с последними силами, чтобы выстрелить как можно точнее.

– Ларри, – срываясь на хрип, сказал Рэй, – не трожь моих людей.

На это Ларри с самым безразличным видом пригвоздил голову Зума к полу и небрежно направился к затаившемуся Юлию. Резак наблюдал за происходящим, готовясь сближаться с боевым ботом, за спиной которого качались клинки-щупальца. Ларри, однако, заботил только огнестрел.

– Рэймонд Чарльз, – произнёс, наконец, «мусорщик», медленно обступая кресла, – рекомендую вам укрыться в безопасном месте до прибытия спецслужб. К тебе это тоже относится, весельчак херов, – максимально дипломатично обратился он к Натаниэлю.

Если бы мачете не относилось к хозяйственно-бытовым инструментам, то резаку, без сомнения, пришлось бы сию секунду разоружиться.

Юлий ждал, когда бот войдёт в поле зрения. Прислушиваясь к неторопливым шагам, он готовился к выстрелу. Приклад упёрся под мышку, угрожая переломать там все кости и суставы. Один точный выстрел того стоил. Поседевший ещё на сотню волосков Рэй крабом подбирался к выходу. Натаниэль обогнал его, гаркнул «валим» и, не оборачиваясь, вышел вон. Ему требовалось убедиться, что Нэт в безопасности.

«Осталось три шага, – прикидывал Юлий, вспоминая собственную жизнь. – Забавно, что меня снова пытаются порезать на куски. Однажды мой язык уже приравняли к деликатесу, а теперь просто покрошат вместо салата». Снайпер чувствовал, что ему задело какой-то важный орган и, вероятно, какой-то канал, идущий к сердцу. Жар в голове, резкий озноб в груди и холодный пот, льющийся, как майский ливень. Не такой он желал смерти.

В воспоминаниях вспыхнуло холодное прикосновение хирургических щипцов и резкое движение кухонного ножа, за которым последовали долгие годы молчания. После того опыта его стало буквально выворачивать при виде субпродуктов. Зато он понял, чего ждёт на бойне подвешенная скотина, из которой выпускают кровь: освобождения, в самом плохом смысле этого слова. А самое смешное, что канниба-

лы ели людей не потому, что у них не было обычного мяса – его как раз было в достатке. Кушая человечину, они преступали запретную черту, расширяя наскучившие горизонты. За край всегда заходят либо безумцы, либо слепые.

«А всё-таки здорово, – думал Юлий, – что я умираю как боец, а не как провиант».

Босс остановился на выходе, глядя, как вчерашний уборщик по безумной прихоти решил расправиться со всеми источниками беспорядка. «Смерть и налоги», – словно мантру повторил про себя Рэй и решил, что Юлий заслужил от него компенсацию за долгое время верной службы. Разве не должны мужчины приходить друг другу на выручку? Ведь именно так зарабатывается преданность, из которой слагается братство. Так что Рэй начал сжимать металлический кулак.

Серп воздуха раскидал ошмётки тел, подбросил парочку кресел, высек на ковровом покрытии широкую борозду, финальным штрихом припечатав бота в спину. Два щупальца вырвало с корнем, а новенькая вмятина приблизила лопаточную пластину к рёберной решётке. Ларри в падении воткнулся оставшимися клинками в пол и, используя их в качестве точки опоры, развернулся ко входу. Пулемёты отбили дробь, но Рэя уже и след простыл.

«Будешь знать, чёрт бешеный, как трогать моих людей», – выругался про себя Рэй, не соображая толком, в какую сторону бежит.

«Просыпайся, Ю, – сказал Джей после короткого писка, заставив её машинально принять сидячее положение, – у нас проблема».

В наэлектризованном воздухе пахло озоном. Ночное освещение в потолке, трижды моргнув, погасло. Стало хмуро и пасмурно, точь-в-точь раздулась над летней равниной грозовая туча. Юки протирала глаза, пока Джей вводил её в суть происходящего:

«Персонал» начал вооружаться. Группа из трёх человек идёт к тебе, ещё семеро направляются в конференц-зал. Я начал взлом техчасти и блокировал инсайдера, но мне не помешает помощь. Так что двигай к точке – если захватишь «А2», «Персонал», возможно, получится успокоить».

– Возможно, – тихо повторила Юки и встала, готовя себя к чему-то плохому. Когда в комнату неожиданно постучали, рука ронина автоматически направила револьвер на вход.

– Это Курт, – раздалось с той стороны, и дверная панель исчезла в стенной нише.

Спокойно рассмотрев ствол, он с тёплым бесстрашием встретил её чудесный опустошающий взгляд.

– Кругом полнейшая суматоха. «Персонал» предъявил Рэю ультиматум – им взбрело в голову взять тебя под стражу. Он отказался выполнять требование, так что намечается локальная междоусобица.

– Всё слишком не вовремя. Нужно добраться до «точки». Если прикроешь, будет просто шикарно.

Юки заметила на ремне пистолетную кобуру и то, что рабочий комбинезон сменился на «повседневное».

– Видишь ли, – неуверенно сказал Курт, – задачи в очередной раз изменились. Я не смогу помочь добраться до кластера. Тебе придётся действовать в одиночку.

– Зачем в одиночку? Перестань нагнетать. Объясни, в чём дело.

На это Курт лишь резко помотал головой.

– Нельзя облегчать тебе жизнь. В преодолении себя мы обретаем бессмертие.

– Мне сейчас вообще не до шуток.

– Никаких шуток, – мрачно улыбнулся Курт и внимательно рассмотрел прекрасную девушку напротив.

«Как бы мне ни хотелось встать с тобой плечом к плечу, – подумал он, – придётся всё-таки умереть за идею».

Паренёк всмотрелся в перспективу коридора. За стеклом бесновалась буря, и частички транспласта в ней сияли, как алмазы. Солнечные лучи сплетались в хаотичную сеть, золотую, бессистемную, изящную и непостижимую. В поле зрения всплыл Дуглас, вдавливая приклад дробовика в плечо. За ним тенями тащились двое людей. Курт положил левую руку на пистолет, готовясь вытащить его из кобуры со скоростью хорошего ковбоя из «Долларовой трилогии».

– Курт! – лихо пронеслось по изогнутому коридору. – Милашка там? У нас тут технические неполадки: скажи ей, чтоб прекратила маяться дурью и выходила к нам с поднятыми

ручонками. Её жизни ничего не угрожает.

Механик молчал. Единственная мысль, которая его сейчас занимала, являла собой весьма простенькую одноходовку: получить от Дугласа пулю или, если повезёт, сыграть вничью.

– Иди-ка ты на хер, морячок, – огрызнулся Курт, вскидывая пистолет.

Ферменты-катализаторы в голове Дугласа разогнали самые важные биохимические реакции, так что его напряжённый палец среагировал на движение безупречно. Дробовик ударил громом до того, как странный сероволосый подросток спустил курок.

Едва Курта швырнуло на пол, золотые нити, прошивающие бурю, изменили вектора, словно разрезая мышцы песка. У Юки бешено забилось сердце, и чувство удушья упало на грудь мраморным надгробным монолитом… Секунда шла долго, дольше всех пережитых ранее секунд, а потом она вернулась из бездны, которое дарует фатальное мгновение.

Злость. Она была на самом дне её эмоционального моря, моргая фонарём-отростком, угрожающим всплыть, показав страшное, отталкивающее обличье. Это свечение из глубины затухало после единичных мерцаний, часто затухало, но не теперь, и удильщик поднимался на поверхность, чтоб утянуть всякого встречного в глубоководную тьму. Язык узнал железный привкус гемоглобина, тёплые красные крапинки облепили всё её личико, оставшись страшным поцелуем на

тонких подростковых губах. Мужчина гоготал, ликовал при мысли о том, что за это убийство ему не придётся расплачиваться; вытянутая кишка коридора гулко разносила эхо, наэлектризованный самум стучал в киберстёкла, перенося узел в какую-то отдельную реальность, из которой не было выхода. И Юки правда потеряла привычные понятия расстояния и времени, потому что изменилось и само время, и сама ткань пространства, оставив куб клаустрофобии, сжимающий стенки, выдавливающий из неё самые яростные порывы, пытаясь оставить только страх жертвы. Нет, страх никогда не занимал её надолго, особенно теперь. Вместо этого лёгкий шок высвободил адреналин, достаточный, чтоб потерять всякое сострадание к роду людскому. Блейдер был пристёгнут к ремню – можно было не проверять: её память прояснилась настолько, что Ю сходу вспомнила бы цвет глаз любого из токийцев или перечислила номера всех китайских шоссе. И тело заработало, точно без её ведома, чем ронин был весьма и весьма доволен.

Рука, вцепившаяся в косяк, вытолкнула Юки навстречу приближающейся троице. Дуглас, не передёрнувший ещё затвор, успел лишь удивиться девчонке, которая, с грацией выскочившего из засады гепарда, в несколько резвых скачков сблизилась с ним, полетела на пол и прокатилась по нему не хуже, чем по разлитому маслу, с чётким намерением оказаться за их незащищенными спинами.

Проскользив мимо оцепеневшей братии, пружинно под-

скочив и встав на колено, Ю привела в действие трансформенную рукоять блейдера. Микроскопические металлические пластинки со сверхпрочной и невероятно сложной в производстве кристаллической решёткой умели собираться во множество вариаций клинков. Лезвие, толщиной в микрон, с усиленными валентными связями, легко прошивало защитные волокна, более того – даже металлические листы, если мечник приложит достаточное усилие. Лысоватый мужик в арьергарде рефлекторно оборачивался, придерживая пистолет-пулемёт, висевший сбоку на портупее, и тут же его ступни отделились от тела. Юки наискось рубанула «Оригами», принявшим безупречную форму катаны, снеся неприятеля с опор. Между вакидзаси и длинным мечом для максимального ущерба сподручнее брать второе. Кровь последовала за инерцией удара, окропила неактивные стёкла, а подкошенный персоналец заорал попавшимся в капкан зверем, тяжело падая, напрочь позабыв про снятое с предохранителя, готовое дать случайную очередь, оружие. Уже стоя на полусогнутых ногах, Юки вывернула клинок, развалив следующего на очереди от таза до ключицы, проскальпировав печень, рёбра и сердце, ровно промеж желудочков. Человек остекленел, сделал какие-то невнятные движения руками, и его непропорциональные половинки поплыли в разные стороны. Девушка удержала равновесие, рванув, наконец, к обладателю самых шикарных в Америке бакенбард – Дуглас только-только заметил её краем глаза, готовясь превратить

ронина в решето. Выстрел случился левее задуманного градусов на двадцать, как раз в тот момент, когда острие нырнуло под нижние рёбра. Раздался хлюпающий звук рвущегося желудка, прогрохотало пробитое стекло, прошелестело сыпучее приветствие влетающего внутрь песка. Ю стояла вплотную, могла полюбоваться собой в его ошеломительно удивлённых глазах, повременив с последним движением. В косухе он выглядел невероятно стильно. Бандит, лишённый ступней, бился в истерике, вопил, выл, мычал и умолял, чтобы кто-нибудь пришёл на помощь. Вместо того, чтобы браться за автомат, он согнулся беспомощным эмбрионом, зажимая кровоточащие обрубки непослушными ладонями, расставшись, похоже, с рассудком. Юки чувствовала его затылком, словно радиопередачу из иной реальности.

«Она япошка! – в изумлении думал Дуглас, не обращая внимания ни на дырявый желудок, ни на вопли плещущего кровью дружка. – Настоящая азиатская япошка! Мы были правы! Правы во имя Фортуны!»

– Сейчас всё закончится, – не моргнув произнесла она с холодным презрением, отшагивая назад. Меч вспорол букмекера Дугласа до мошонки, выпуская наружу килограммы кишок; тот простонал, потерял дар членораздельно говорить и рухнул вниз, дёргаясь в агонии, готовый смешаться с вечностью. Его руки мёртвой хваткой держали дробовик. Юки предусмотрительно прихватила трофей, уверенным движением отправив его за спину, и невольно оценила в три с по-

ловиной килограмма.

Безногий оказался мимолётным знакомым – тем самым счастливчиком, которому в том сне хватило везения взять её живой. Ему хотелось чего-то новенького, кого-нибудь моложе восемнадцати, но то было раньше – когда он ещё мог ходить. Теперь его мыслительные процессы зациклились на трёх словах: помощь, друзья и мамочка. Катана хлестнула шею, перерезала артерии и хрящи, и Юки рванула вдоль окон, растягивая информер в рабочий размер.

«Если ковбои хотят крови, имею ли я право отказать?»

j-J тратил все вычислительные ресурсы на кластер. Он пытался понять искусственный разум, в который влетел, как в исполинскую скалу, забурился насколько мог и теперь с осторожностью выставлял подпорки, прокладывал рельсы, вывешивал фонари, простукивая цифровой киркой неизвестную горную породу. Он готовил для Юки рабочее место. Вопрос в том, как она этим воспользуется. С данным противником нужно действовать осторожно, дважды взвешивая каждый аргумент, иначе рискуешь оказаться под завалами. Аккуратность доходна, она отличает творца от халтурщика, возводит в статус гения, если работа безупречна на всех этапах. В гениальности этого «шахтёра» Джей практически не сомневался.

Тело вспомнило всё, чему было научено: поставьте спарринг-партнёра, и остальное произойдёт на автомате. Юки пылала, кайфуя от сокращения мышечных волокон, от кро-

вяного метрополитена, гоняющего по венозно-артериальным тоннелям саму суть её существа, складывала мысли в тактические приёмы – ну что ей до обезумевшего сброда, до размышлений о морали убийства, когда хождение по натянутой леске захватывает, как первый в жизни оргазм.

Блейдер в правой руке вновь стал обычной рукоятью; в левой раскрученным барабаном тихонько пощёлкивал револьвер. Одно запястье на другом, симбиоз ближнего и дальнего боя, а где-то издалека доносятся звуки, достигающие образа силуэтов. Доносился мат, крики и мат, хлопки и мат, мат и пересвист гиперзвуковых очередей. Разыгрывалась маленькая позиционная война, в которой никто не лез на рожон.

У выхода к пассажирским терминалам среднестатистический персоналец пытался ввести на пульте пароль. Её шаги привлекли его внимание.

– Ларри спятил, – лепетал он. – Перерезал всех и даже не почесался. Почему она не открывается? Ну же. Ну же, дерьмо собачье…

Одной рукой человек опирался о стену, клоня голову к табло, пытаясь набрать нужную комбинацию. К его жалости, устройство клавиш требовало приложения силы, а ему прикладывать силу было нечем. Бедняге было невдомёк, что от левой его руки осталось только плечо, и кровь выплёскивалась с каждым ударом сердца, струясь и морося по полу, напоминая ужасающую вариацию художественного стиля Джейсона Поллока. Бледные сухие губы еле двигались, рав-

но как сам их обладатель.

Ю машинально, без жалости, отпихнула калеку, свалив его на пол; спешно ввела нужную команду. Поток впущенного прохладного воздуха рванул в служебные коридоры.

«Ты просчитался, Рэй! Мы обречены!» – кричал кто-то с нижнего этажа; за криком последовал визг пуль. Спустя секунду Юки чётко услышала «Chill out!», а затем звонкий хлопок, в котором распознала воздушный кнут.

Двое человек смотрели вниз, выискивая цель, но, доверившись шестому чувству, синхронно повернулись на ронина. Однорукий скулящий человечек, измазавшийся в лужице собственной крови, попытался схватить её за ботинок, но Ю уже бежала в сторону неосмотрительной парочки, молниеносно сокращая дистанцию. Тот, что постарше, вскидывал дробовик, второй, на одно поколение моложе, мешкал, встав на месте, как вкопанный. За момент до выстрела блейдер разложился в широкий круглый щит. Дробь ударила в поглощающий энергодинамический барьер, часть кинетического импульса пришлась на кристаллическую структуру металла, отдавшись крепким толчком в костях. Сорвавшаяся с поводка ненависть проглотила новую порцию боли.

Приложив стрелка к ограждению, Ю хорошенько засандалила его напарнику ребром ботинка точно в мочевой пузырь, и пока тот принимал позу молящегося мусульманина, обернувшийся вакидзаси блейдер снёс первому голову с плеч. Злая хэллоуинская тыковка улетела вниз – кто-то на первом

этаже завопил до того истерично, что в других обстоятельствах могло бы вызвать приступ такого же истеричного смеха. Обезвреженный мальчишка стонал, согнувшись в три погибели, и, по всей видимости, обмочил штаны. Ему, похоже, восемнадцати не было, потому она и не кончила его на месте.

Ларри выходил из служебных терминалов. Хлестнув хнычущее однорукое тело, бот прекратил земные страдания со спокойствием палача. Заметив ронина, уборщик отпечатал стандартное: «Оружие на землю», но, плюнув на возможно законные требования, Ю перескочила ограждение, мягко приземлившись неподалеку от свеженькой головы. Уже через минуту она была в соседнем зале ожидания. Скользнув за декоративную перегородку, на которой горел медиаэкран с рекламой корейской косметики, Юки оценивала обстановку, выглядывая из-за угла. Рэй опережал её на пятьдесят шагов и, судя по отдельным словам в груде мата, спешил на выход. На плече расположилась «Ли-Энфилд». С эскалаторов торопливо спускалась пара его бойцов.

– Что дальше, Босс?! – бравурно пробасил человек, обросший, аки викинг.

– Нужно занять «джагги».

– Кто нас взламывает? Девчонка?

– Даже если так, проблемы начались раньше. Дарвин-сволочь решил сыграть в лотерею. Нужно любой ценой остановить бота. С девчонкой побеседуем позже, если от неё что-нибудь останется.

– Со мной всё в порядке! – крикнула Ю в спину Боссу, покидая тень.

– Кто бы сомневался, – пробурчал Рэй себе под нос. – Почему кластер так себя ведёт?

«Это было необходимо, – приватно уведомил J-note, – чтоб деморализовать нападавших».

– Твои люди едва меня не пристрелили, – ответила Юки. – Пришлось импровизировать.

– Сейчас ты в безопасности. Отключай световое шоу и выходи из системы.

– Стабилизирую энергопотоки через минуту, – подал голос Джей, – но кластер покинуть не могу. Его необходимо держать под контролем.

Босс перекинулся быстрыми взглядами со своими людьми.

– Слушай, Рэй, – поспешила объясниться Юки, – похоже, в кластере стоит новейший модуль, способный управлять сознанием.

– Чушь.

– Просто поверь. Твоих людей годами готовили к войне, и я очень невовремя подвернулась им под руку.

– Твоё счастье, что я не вижу приближения пиратской орды. Хер с тобой, что ты предлагаешь?

– Мне нужно к «точке». Чем быстрее я справлюсь с инсайдером, тем быстрее мой ПМК получит полный доступ. Тогда мы вырубим бота и успокоим «Персонал».

– Гори всё синим пламенем! – выругался Босс. – Хуже всё равно не будет.

Викинг вскинул пулемёт, утяжелённый барабанным магазином, прицениваясь к верхним галереям. «Рэй, хватай девку! – раздалось оттуда. – Чего ты перед ней распинаешься?!»

– Девка за нас, – викингский рык сотряс пространство. – Спускайся, лучше, и помогай.

– Чёрта с два, – надрывался персоналец. – Китаёза нас всех угробит!

Человек на галереях сделал нервное и очень опрометчивое движение. Над перилами показалась мушка, ствол и подствольник. Не успев встать в стойку, стрелка подкосила пулемётная очередь; ещё одна тут же ударила следом, прошив лёгкий металл ограждения.

– Решили пойти ва-банк и поплатились! – ревел Рэй. – Я снова теряю людей невесть из-за чего, сука! Бегом к диспетчерской. В темпе.

Следующий холл миновали почти без эксцессов. Западный выход уже маячил рядком неработающих металлоискателей и клацающими челюстями двустворчатых дверей, извергавших приходящий снаружи песок. Трассеры транспласта вспыхивали сгорающими в атмосфере болидами. Под широкий потолок волнами, налетающими на корабельный волнорез, поднимались крики нечеловеческого ужаса.

Юки держалась тени нависающей над ней галереи, оборачиваясь на нестройный ритм затухающего боя. Ей остава-

лось надеяться, что в этом хаосе уцелеют хотя бы «горничные».

За пятнадцать шагов до выхода она заметила позади опасность и, крикнув «В укрытие!», изящно скользнула за футуристичную колонну сорванным ветром лепестком сакуры. Вместо того, чтобы уходить из центра зала, викинг развернулся с чётким намерением подавить угрозу. Ювелирный выстрел промеж глаз свалил его на месте, и веер пулемётных пуль полоснул воздух. Рэй машинально пригнулся, тут же получив свинцовым дублетом в предплечье и бок. Плюхнувшись на пол, он быстро проскакал к пустому автомату с содовой. Второй его боец истекал кровью, лёжа на спине, кряхтя от боли и пытаясь ползти, извиваясь, точно гусеница. Юки обдумывала следующий ход, прикидывая шансы на успех.

– Рэймонд Чарльз! – торжественно провозгласил Ларри. – Нападение на полицейского кипербота расценивается как нападение на Соединённые Штаты Америки. Это измена! Настоятельно рекомендую потратить последние земные секунды на приятные воспоминания!

– Иди в пень, козлина! – свирепо кричал Рэй, не чувствуя от протеза обратной связи. Если ему повредили нерв, значит отстреливаться придётся одной рукой.

Юки выжидала момент, чувствуя, как бот сокращает расстояние. Её деформатор гасил его спектрографы, так что если она пойдёт в атаку, Ларри придётся довольствоваться оптическими устройствами захвата цели и реагировать на звук.

Ю представляла его как схематичный рисунок: метр семьдесят в высоту, вытянутые вперёд руки-пулеметы, повсюду тормозящий гель. Только несколько мест получится перерубить с первого раза. В идеале, для победы хватит двух движений. Всего два взмаха, между которыми придётся уйти в оборону. Ларри приблизился достаточно. Выстрелы полетели по автомату, за которым укрылся Босс.

– Я лично нейтрализовал тридцать три террориста, – громко бахвалился уборщик. – Остальные справились с этим без меня. Они больше не стреляют – слышишь?! В наших рабочих кругах это называется генеральной уборкой.

Юки идеально поймала момент: полуоборотом вышла из укрытия, рубанув нагинатой ниже локтей. Не успели обрубки стреляющих конечностей рухнуть на светлый мраморный пол, как ножки-клинки затанцевали добрым десятком чёрных мамб, бросившихся на добычу. Уйдя вольтом и кувырком, Ю разжатой пружинкой подскочила на ноги, похоронив малейшие надежды на передышку. Ларри, подчиняясь протоколам боя, кинулся на неё без предварительных раскланиваний, пытаясь ужалить, и старался сократить расстояние, нахлёстывая обоюдоострыми «усиками» по выставленной вперёд нагинате. Заскрежетавший металл высекал искры. Юки парировала, уличая шанс выйти из поля зрения бота.

– Мясные мешки рано или поздно ошибаются, – глумливо потешался Ларри, продолжая выпады. – На сколько тебя

хватит? На полминуты? Когда ты выдохнешься, обещаю тебе быструю и безболезненную экзекуцию под пение святого ватиканского хора. Богоугоднее только в Соборе Святого Петра.

Ю молчала, пытаясь не сбиться с ритма. Шаг назад, ещё шаг, ещё… У Ларри не хватало двух клинков, так что шансы одержать верх выросли на порядок. К тому же, бот хуже неё владел корпусом (слегка помятым, по счастливой случайности), в чём и крылся ключ к победе.

Ей удалось поймать бота «на противоходе». Ларри снова выбросил клинки вперёд, но Юки, вместо того, чтоб отступить, исполнила нагинатой батман – то есть отвела удар, – тут же траверсом двинувшись в сторону, и из полусидячего положения рубанула Ларри почти у основания. Бритвенно-острые лезвия кипербота просвистели в нескольких дюймах, и то, что «мусорщик» смог выполнить защитный удар в падении, её вообще не удивило. Ларри подвёл итоги не сразу: после падения на пол ещё раз дежурно взмахнул отростками, а уже спустя секунду спокойно уставился в потолок.

– Touche, – с изысканным французским безразличием произнёс уборщик. – Поздравляю с победой. Ты объявлена в международный розыск. – Затем добавил, как бы про себя:

– Дальнейшие меры по установлению порядка прошу считать малоэффективными.

Без конечностей уборщик выглядел, как Энакин Скайуокер, которого благородный Оби-Ван безжалостно оставил

умирать у лавовой реки, или как паук, которому любопытные детишки поотрывали ножки.

– Отлично справилась! – крикнул Рэй. – Мне как раз не помешает помощь.

– Время уходит, – ответила Ю. – Постарайся остановить кровь и поищи медикаменты. Я вернусь.

– Умеешь ты подбодрить, – хрипло засмеялся он, но когда взгляд упал на тело второго гвардейца, остатки боевого духа разлетелись вдребезги. Весь бой его соратник корчился на полу, а теперь замер в неестественной позе. Рэй проводил «Саманту» взглядом, после чего смиренно закрыл глаза, вдавившись затылком в неработающий торговый автомат.

«Она вышла в бурю, даже не обернувшись», – подумал он, переполняясь гордостью. А спустя секунду его захлестнуло предательское чувство беспомощности.

Буря усилилась и превратилась в падающую с неба Сахару, поглотившую всех своих верблюдов и бедуинов. Накопивший энергию транспласт остаточно мерцал в песчаных клубах. Сканеры «шамана» очертили контуры диспетчерской: здание в два этажа на три стены и башня, с которой открывается панорамный вид. Юки шла вперёд, будто к созданному неопытной рукой карандашному наброску.

Войдя внутрь, девушка столкнулась с вакуумной тишиной, тем не менее, ожидая засады, целилась из ружья в пустоту. Спустя половину коридора и несколько лестничных

площадок она влетела в помещение, глядевшее на все стороны света. В полном беззвучии лишь мелкие электрические колебания сотрясали ленивое движение молекулярного океана. В центре ощетинилась кластерная система – стандартизированные кубические блоки с различным содержимым и рукоятками, за которые их можно было вытянуть из гнёзд-коннекторов. Кластеры часто отличались по внешнему виду, но все были схожи в одном: способностью управлять огромным количеством устройств, обеспечивая их бесперебойную и безупречную работу.

Табло «точки входа» горело на терминале, аккуратно встроенному в ствол кластера. Рядом любезно ожидало жёсткое рабочее кресло. Юки крутанулась на нём, оказавшись лицом к экрану.

«Неконтактная» рука вынула диспенсер «нитро» из нагрудного кармашка. Пластинка упала на язык и растворилась, оставив колкий привкус мяты. Разум по мановению ока обрёл чистоту лабораторного стекла. Уложив ПМК на «точку», Ю глубоко вдохнула и произнесла заветные: «Джей, вход».

И сразу же узнала этот декабрь. Узнала вечнозелёные кедры, кипарисовики, пожелтевшие медовые деревья, которые иначе назывались тетрадиумы Даниэля, абрикосы и клёны. Узнала бесхозные лодки на обмелевшей речушке и старенький деревянный мост. Да даже без медовых деревьев и ки-

парисовиков, даже без речек и прочей географии, пусть бы исчезло всё, Юки всегда узнает Нанкин.

На берегу грудились тела. Дальше, вдоль глиняной дороги, ещё и ещё. Им некуда было бежать. Их не выпускали, но обещали сражаться за них насмерть.

Если бы японская армия не обезумела после кровопролитной битвы за Шанхай… Если бы китайское ополчение трусливо не смоталось из города… Если бы всё было известно заранее… Жаль, что история не терпит сослагательных наклонений.

– Сколько там погибло? – спросил Джефферсон. Сидя на бочке для засолки рыбы, он сложил ноги «четвёркой», начищая кожу армейского полуботинка промасленным клочком ветоши.

– После капитуляции документы сожгли, – ответила Юки. – Десятки тысяч, может, сотни. Тогда врагов редко считали за людей.

Капралу было под сорок полных неугасающего энтузиазма лет. А такой загар возможно получить лишь в солярии или долгое время поколесив по Африке.

– Большой мы путь проделали: пьяному русскому учёному снятся пронумерованные группки и периоды, а в них – всё неорганическое многообразие, из которой состоит всё органическое многообразие. Поразительно, как неживые элементы выстраиваются в аминокислоты. Если есть на свете Бог, имя ему – гидролиз.

Сидя в тени барака, капрал, не обращая внимания на трупы, полировал обувь. Юки тоже не смотрела в сторону берега, но не из страха или неприязни. Её злило, что историю невозможно исправить.

– Решил пофилософствовать про ценность жизни?

– Мы высоко оцениваем собственную жизнь, в то время как чужая не стоит выеденного яйца. Ты лучше меня это понимаешь, – капрал спрыгнул в вязкий грунт. Над свалкой тел жужжали первые мухи. – Пока африканец выбирает, из какой лужи лучше утолить жажду, городской неженка разрывается между капучино и латте. И чего проще – взять излишки у богатых и раздать бедным, но наше стремление к накопительству не позволяет нам отрезать от себя, пускай даже лишний кусок в горло не будет лезть. Людям важно ощущать превосходство, иметь доступ к чистой воде. Проблема в том, что у любого водоёма есть дно: может, из него хватит напиться и твоим друзьям, и семье, а может случиться так, что тебе самому хватит на один глоток. Страх исчерпания заставляет нас глотать за десятерых, а счастливее оказывается тот, кто пьёт чаще остальных. Превосходство, сечёшь? Дорогое шампанское, круизное путешествие или статуэтка вшивой американской киноакадемии. За возможность пополнить собственный резервуар мы платим чужими судьбами. Пускай косвенно, но платим.

Джефферсон моргнул, и сцена сменилась. Узкая улица, голые кроны, плотно вбитая в пригорок жилая застройка и

японское отделение, долбящее в тонкие крестьянские двери кулаками и ногами. Раздался треск, с лязгом вылетели нижние петли, и из распахнувшегося дома донёсся пронзительный женский крик, будто её уже начали убивать. Молчащие улицы, зовущие на помощь дома и повидавший дерьма американский капрал, воссоздавший Нанкин из документов и видеохроники. Он не смаковал этот ужас. Он думал.

– Ради чего сражалась императорская армия? Безнаказанное насилие и убийства? Достойный приз, ничего не скажешь. Поинтереснее медальки «за китайский инцидент». Японцам интересно, какие звуки будет издавать плод, поднятый на штыки из вспоротого брюха матери, верно? Умрёт ли он сразу или заплачет от боли. Будет ли отец совокупляться с дочерью или предпочтёт этому выстрел в висок. Скольких выстроенных в ряд крестьян пробьёт пуля «Арисаки». Есть у вас странная тяга к неестественному. Демоны рокурокуби, мёртвые девочки, вылезающие из колодцев…

– Чего ты пытаешься добиться? Хочешь пробудить во мне чувство коллективной ответственности?

– Нанкин – это отрезок мировой плоскости, искривлённый человеческими ошибками. По гладкой реке истории скачет брошенный Евой голыш, оставляя за собой круги. Мы наивно думали, что кругов становится меньше, потому что импульс обязан гаснуть, а он не гас, и прыгающий камешек только ускорялся. Знаешь, чем отличается свобода от вседозволенности? У свободы есть рамки. Иисус учил

апостолов поститься именно поэтому. Улавливаешь связь? Улавливаешь, я чувствую. Мы готовы перерабатывать себе подобных ради комфорта, менять человечность на ощущение значимости, оправдывать зверства высокими целями. Дошло до того, что ради чистоты арийской расы немцы начали усыплять инвалидов и искали наиболее выгодные способы истребления еврейских унтерменшей, которые все как один, естественно, замышляли мировой заговор. Хуже убийства ради идеи, только убийство из любопытства. К японцам это относится лучше всего. Но нет, я не буду рассказывать про «отряд 731». Я не стану напоминать про резню в Дейр-Ясине, которую устроили израильтяне, я не покажу, как англичане довели Ирландию до массового голода, или как они поставляли в Гуанчжоу высококлассный индийский опиум. Мы часто сворачиваем не туда, но, кажется, делаем это так естественно. Будто клеточный уровень раз за разом берёт верх над уровнем человеческим. Клетки не оперируют категориями хорошего и плохого, они просто пытаются любой ценой выжить; и даже когда клетки собираются в сознание, они не способны воспротивиться примитивным базовым установкам…

Джефферсон пошёл мимо ужимистой одноэтажной улочки, оставаясь в центре картинки. В дверном проёме огнём полыхнул наган, заскулили дети, и мольбы напуганной матери исступлением оборвались в зачатке. На застланной листьями и тусклым декабрьским солнцем дороге подрагивали

путанные тени вековых клёнов.

– Удивительно работает эволюция, – поучительно продолжал капрал. – Зайцы зимой поменяли цвет меха не потому, что они так решили, а потому, что выжить повезло белым зайцам на белом снегу. Так же человек получился ровно из необходимости, из борьбы заложенных эволюцией шаблонов против пяти ледниковых вымираний, против вулканов, землетрясений, вирусов и диких зверей. И вот подсознательно человечество приходит к естественно вытекающему выводу: хочешь стабильности и счастья – перережь всех, кто является потенциальным источником проблемы. Накапливай ресурс, подчиняй и требуй проценты. Плюнь на африканских детей и думай о себе, иначе обернёшься прахом. Хрен возразишь, не так ли?

Посыл Artificialis Anima бешено вспыхивал на уровне интуиции. Всё его подсознание переплеталось с её собственным: Африка, волонтёрские миссии, сражение за Гавайи, эвакуация населения, бесконечный поток боевых подразделений, перемолотых на востоке, страх, что остатки его страны падут под натиском «Авангарда». А показывал капрал не просто Нанкин. Он делился с Юки болью, понятную им обоим, раскатывал её чувствами, пустившими корни в самую его суть. В её суть. «Больше мы не отступим», – как бы говорило всё его существо, психоцифровое или духовное – неважно. Несмотря на давление, Юки видела в логике слабые места.

– Ты считаешь меня врагом?

– Уж точно не другом и тем более не потомком кого-то из моих гавайских друзей. Скажи честно, кто тебя прислал? Нужно отдать им должное: подготовили тебя по высшему разряду.

– Меня прислал мой капитан. До сегодняшнего дня мне почти ничего не было известно ни о «Вертикали», ни о пиратах.

– В таком случае, тебе следует знать, что Райзен – захватчик, который сделает всё, чтобы расширить границы своей империи, и после нас он непременно примется за остальных. Сначала заблокирует порты и высадит десант, забирая себе всё новые и новые территории, и в конце концов приземлит даже Поднебесную. Но это только начало. Захватив Землю, пираты продолжат экспансию за её пределами, истребляя любое инакомыслие.

– Во-первых, не записывай победу на счёт пиратов раньше времени, а во-вторых, я, как и ты, готова сражаться за свободу. Только свобода «Вертикали» какая-то сомнительная.

– Нейрокоррекция не даёт негативных эффектов, – отрезал Джефферсон, – и не забирает свободу воли. Она усиливает мотивацию и развивает критическое мышление.

– «Персонал» превратился в параноиков, – защитники и патриоты из них получились посредственные. Меня пытались застать врасплох, пока я спала, а потом застрелили на моих глазах ни в чём не повинного человека. Так что у меня

было право ответить. Вторая поправка, Лиам.

– Какая жалкая манипуляция.

– Это говорит тот, кто вкладывает в людей ошибочные установки. «Персонал» параноидален и ищет вымышленных врагов.

Джефферсон посмотрел с любопытством.

– Что-то не похожа ты на вымышленного врага. Устраиваешь лазерное шоу, стимулируешь центры агрессии… Зачем привносить в хаос ещё больше хаоса?

– Это необходимо, – ответил Джей, – чтобы выбить врагов из колеи и заставить сражаться друг с другом. У меня чёткая задача защищать оператора. Когда «Персонал» полез в оружейную, пришлось действовать по ситуации.

– Никто не имел права на превентивный удар. Но вы нанесли его первыми.

– Чего, в таком случае, ты от меня ожидал? – грозно спросила Ю. – Сдаться суду фанатиков? И что потом? Меня бы взяли под стражу или «депортировали» в пустыню без аппаратуры? А может отправили на исправительные работы? Нет уж, Лиам, мне дорога моя свобода.

– Тебя бы доставили в Лос-Анджелес. Оливер поставил чёткую задачу: брать хакеров живыми. В частности, азиатских хакеров.

– Спасибо, конечно, – Юки укоризненно улыбнулась, – но в Эл-Эй я поеду, когда сама решу.

Капрал вздохнул и посмотрел на переполненный бессили-

ем город. Безумие, летящее по навигатору через пространство-время, остановилось здесь на несколько долгих месяцев.

За мрачной вуалью Нанкина Юки различала что-то ещё – состоящее из разноцветных лоскутков полотно другой жизни: гуманитарные конвои, прокладка ирригационных сооружений, москиты размером с кулак, несчастливая любовь, год запоя, последние дни человечества, попытка начать всё заново… Ю видела контекстные подсказки – Джей постепенно расшифровывал цифровой массив – те самые кирпичики логики, на базе которых инсайдер выстраивал полемику. Джей бесстрашно, подобно вошедшему в раж берсеркеру, раз за разом прорывал строй линейной пехоты, дающей залп. Прописанных скриптов, кажется, было больше, чем нейронов в человеческом мозгу, а обилие аргументов зыбилось, как рой взбесившихся пчёл. Если не найти слабое место, спор обещал порядочно затянуться… Параллельно с этим ПМК копался в техчасти: налетал на мнимые цифровые хранилища, в которых поджидали вирусы, на сверхмассивные шифры, ведущие в пустоту, на программы, которые пытались его «отзеркалить», в попытке добраться до исходного кода.

Солнце катилось к горизонту слишком быстро – минута в реальности стоила ронину суточной дозы калорий… Ночной Нанкин разре́зал крик. Знакомый язык зазвучал злобой, которую Ю не могла не понять. Японская речь двухвековой давности не сильно отличается от современной, осо-

бенно при достаточном словарном запасе. Под усыпляющим лунным светом в сторону оврага метнулась тень. Металлический хлопок «Арисаки» качнул мир взад-вперёд. Бегущая тень легла мгновенно, схлопнулась, как автоматическая мишень в тире.

– Что случилось с шанхайским десантом? – с ледяным спокойствием спросила Юки.

– Командир «кобр» хотел подвига. Я доставил ему короткое сообщение и предложил заехать сначала в узел, а затем к Хоффману. Никаких обещаний, никакого перехвата контроля. Просто дружеское приглашение.

Юки вглядывалась в данные, которые перерабатывал Джей: в цифровом потоке несколько раз мелькнуло знакомое имя: Флинт, который когда-то учил её фокусам, погиб от рук «Плутов».

– Перестрелка в Чайнатауне – тоже твоих рук дело?

– Прости, здесь немного не рассчитал. Несколько человек из Квартала баловались наркотиками, так что я периодически стимулировал им зеркальные нейроны, – решил, что если сделать их более социальными, это поможет постепенно слезть с опиума. Эффект, к сожалению, оказался обратным: та неблагонадёжная группа лишь сильнее сплотилась вокруг своей зависимости. Финальным аккордом подъехали орегонцы, а дальше ситуация окончательно пошла под откос… Причину перестрелки хранит моя память. Это помогает осознать последствия.

– Из-за чего началась бойня?

– Стечение обстоятельств. Брайтон – он ведь казах. У них разрез глаз даже поуже, чем у тебя. Вот обкуренные китайцы и решили, что за ними прислали группу захвата из-за океана. Брайтон ещё улыбался так издевательски-приветливо. Портлендцам позволили въехать, взяли в клещи и атаковали. Если бы не канабиоиды… – капрал осуждающе поцокал. – Всё-таки опиум – это зло. В уравнении оказалось слишком много переменных. Мой косяк. Но заметь, виноват я только отчасти, а кто не ошибается, когда пытается исправить общество? Знай я, что Лео привезёт свою шайку именно в тот день, выбрал бы другую дату профилактики. Оливер не хочет ничьей смерти. У него каждый человек на счету. Единство, понимаешь? Для достижения общей цели.

Нанкин ходил ходуном. Солдаты выходили из домов, перекуривали, рутинно общались и посмеивались, а затем шли к следующему жилищу. И кто-то снова молил о пощаде, забиваясь в угол. Ю чувствовала, что как ни отгораживайся от ошибок истории, от бессчётного множества убийц и насильников, принадлежащих твоей нации, ей всё равно больно, а сожаление гложет, как стая гиен.

– Нам нужны храбрецы, готовые пойти на жертвы, – продолжал Лиам. – Клин клином вышибают. Пираты не умеют отступать, а модули «А2», скажем так, способны уравнять шансы, мотивируя друзей и растаптывая врагов, – в утреннем сумраке злым огоньком вспыхнули цепляющие прони-

цательные глаза. – Будь уверена, мы на правильной стороне доски. Райзен в клочья разнесёт любого, кто ему не подчинится. Он живёт ради победы. Его пьянит вид поверженных врагов. Если ты не знаешь его истинной натуры, то у тебя будет шанс узнать. Война – его кровь, тот же инструмент объединения, только более жестокий.

Капрала переполнял праведный гнев. Понимание силы, с которой ему предстояло бороться, ударяло в него огненным звездопадом, ужасом склонившихся перед Богом планетарных систем. Следующие слова прозвучали издевательски:

– Неужели тебе ничего не рассказывали про человека, с которым сотрудничал твой предшественник?

– Я не…

– Вы родственники, это видно. Есть схожие черты – в движениях, в голосе, в манере держаться. Жаль, что Хоффман с ним расправился.

– Поверь, я не занимаю ничьей стороны. Просто решаю проблемы по мере их поступления.

– Пора делать выбор. Идёт не просто противостояние, но борьба за существование. Прошло время белых зайцев на белом снегу. Наступает эра сверххищников.

– А что, если мне не нужна стая? – Юки показала зубки и осознала, что внутри симуляции на ней нет маски, а форма сменилась на фасон императорской армии.

– Тогда ты обычная выскочка, которую загрызёт толпа, – ответно усмехнулся капрал. – Скажи, для чего ты охотишься

за модулем?

– Мной движет банальное любопытство. Всегда хотелось пообщаться с оцифрованным сознанием.

– Больше причин нет?

– Хочу понять, что из себя представляет «А2» на самом деле.

– Сама как думаешь?

– Душу, заточённую в клетку, ключ к сердцу, навязчивый внутренний голос, таблетку от страха… Чем бы ни была Artificialis Anima, мне хочется узнать.

– А если скрытая в модуле технология даст тебе безграничную власть?

– Тогда можно будет использовать его ради собственных алчных целей, – её издевательский тон в очередной раз зацепил инсайдера.

– В каких, например? – вопрос оформился аналогичными язвительными тональностями.

– Создам гарем готовых на всё парней и заживу, как Клеопатра.

– Первая ступень, – задумчиво произнёс капрал, разглядывая солдат на обочине. Молодая девушка в разорванном до груди платье сидела в грязи, растерянно уставившись на девственный холст неба.

– Если наши технологии попадут к Райзену, все существующие миры окажутся в опасности… – Джефферсон вынул пачку «Portsman», прикрылся от ветра и закурил. Ухмыля-

ясь во вспыхнувшую сигарету, он продолжал:

– Но ты, чёрт побери, кажешься достойной. Если выберешь нашу сторону, Оливер объяснит тебе, что к чему.

– Объясни ты. Сейчас.

– Одних слов недостаточно. Если хочешь увидеть правду – поезжай на юг. В Лос-Анджелесе тебе откроют глаза.

– Я не доверяю «Вертикали».

– И очень зря. Мы всего лишь учим людей действовать заодно. Сплочённость повышает шансы преодолеть безумие естественного отбора. Африканские дети, которым приходится самостоятельно добывать еду, изгои из неблагополучных семей… Побеждают те, кто наступает единым фронтом – сильные и слабые, умные и не очень, безумцы и святые. Без единства не бывает победы.

– В «Персонале» не было единства. Ты облажался, капрал.

– Может, и не было. А может, дело в том, что свобода воли оказалась сильнее. Подумай об этом.

Во дворах послышались шорохи. Молодой солдат, отколовшийся от группы, крикнул в сторону шума: «Эй, кто там?! Выходи, не то выстрелю!»

Неподалёку начиналась демилитаризованная зона, и жители столицы пробирались к ней, как могли. Китаец, годившийся солдату в отцы, заковылял на трясущихся ногах, подняв к небу ладони.

– Го мэ, – молил он на японском.

– Заткнись, китайская собака. Подойди ближе. Ну же, по-

дойди.

– Го мэ, са, – повторял трясущийся мужчина. Он бледнел на глазах, еле выдавливая короткие слоги.

– Чего ты мямлишь, старый хрыч? В твоём возрасте стыдно бояться. Отбегал своё, так прими судьбу. Ну же, ползи быстрее.

Китаец упал на дорогу, подполз на четвереньках, едва не касаясь армейских сапог. Повторяя «го мэ, го мэ», он молился дорожной пыли, не смея поднять головы.

– Пусть старый извинится как подобает! – крикнули сослуживцы, курившие неподалёку. – Дай ему попробовать свой стручок, Марико. Пусть сделает твоё утро добрым.

Последовал смех, несколько затяжек, секунды ожидания.

– Чего ты тут снуёшь?! – ругался Марико, подтягивая винтовку. – Задумал напасть, бешеная собака? Встань и посмотри мне в глаза. Ну же, деревенская сволочь!

Солдат, подняв мужчину за шиворот, с силой отпихнул его в сторону.

– Катись отсюда. Чтоб носа не показывал. Вон, я сказал. Бегом.

После злых толчков китаец пошёл обратно. Шагая по обочине, он испуганно обернулся – точь-в-точь пёс, которому свистнули вслед хулиганы. Марико вскинул винтовку.

– Что-то ты не торопишься, деревенщина. Пшёл вон. Быстрее.

Человек ускорил шаг. «Арисака» поймала выдох, стала

спокойна. Выстрелила. Раздался дружный смех.

– Марико, он как женщина! Как завизжал.

– Кому сказать – не поверят.

– Старый в штаны наделал. Смотри, как улепётывает. Посмотри куда идёт, может у него найдётся под половицами чего-нибудь съестного.

– Может он дочек в погребе прячет? Сходи за ним, Марико.

Солдат убрал винтовку за спину, смешался с толпой, взял папиросу из протянутого портсигара, закурил и выдохнул носом. Он делал свою работу. И ещё ни разу не убил безоружного.

– Так в чём же твоя сущность? – спрашивал Джефферсон, рассматривая солдат.

– В поиске компромиссов, – ответила Юки. – Как мне принять вашу сторону, если ты ничего не объясняешь? Говоришь загадками, делаешь из меня врага. Со мной стоит сотрудничать. Поверь, мне всё равно, с кем бороться: с межпланетными корпорациями или с остатками армий. Этот узел мне проблем вообще не доставил, так что у Оливера прибавится проблем, если вместо вас я выберу Бостон.

– Как самоуверенно, – сардонически произнёс Джефферсон.

– Я классный инженер и охренеть какой выгодный компаньон. А может, стоит предупредить Китай? В своей борьбе вы забыли, что сторон больше, чем две. Это может сыграть

против вас.

– И всё-таки, потенциально ты на стороне Техника. Даже не понимая его мотивы, ты выбираешь его сторону. Хорошо. Хочешь модуль – убеди меня его отдать. Пообещай, поклянись, скажи пламенную речь.

– Никаких клятв и пламенных речей. Тут тебе решать: либо ты веришь, либо нет. Я в любом случае постараюсь уничтожить вышки, и если пираты окажутся военными преступниками – их тоже не пожалею. «А2» мне нужен только в качестве бонуса. Полсекунды морпеху должно хватить. Джей, выход.

– Дублируй, – произнёс ПМК.

– Джей, вых…

Нанкин растворился в зерне белого шума. Команда прервалась, потому что оборона психоцифрового интеллекта рухнула. Капрал оценил жест – более глубокий, чем может показаться на первый взгляд. Он стоял на нечёткой трёхмерной модели, слепленной из хроники военного времени, и смотрел на ронина.

– Готова в одиночку пойти против всех? Чушь. Но крупицы логики я вижу. Хочешь избавиться от всех водоворотов? Посмотрим. После дисконнекта забирай «А2». Я передам в Лос-Анджелес, что ситуация в узле под контролем. Считай, что ты завоевала моё доверие. Дальше поступай, как знаешь.

– Постой, каким образом ты свяжешься с Эл-Эй?

Но инсайдер не стал тратить силы на объяснение. Цифро-

вые синапсы один за другим уходили в режим сна.

Ей становилось легче. Образы становились размытее и размытее. Ощущение принятого компромисса отдалось в сознании. Напоследок Юки хотела спросить, чем ощущает себя разум, сформированный невиданным ранее способом. Но вопрос не обрёл форму. Впрочем, ответ был практически в её руках. Этот очевидный факт наполнил её с естественностью вдоха.

Город таял, как туман, превращающийся в росу на утренней заре. Мёртвые старики, женщины и дети сплетались узелками на сердце. Смелые и трусливые мужчины отдались в его коротком сокращении. Всё было здесь и не здесь, внутри неё и на обочине прошлого. Что-то, к чему нужно и не нужно возвращаться. История – как маятник, которому не суждено остановиться.

– У меня много друзей в Нанкине, – сказала Юки в пустоту. – Город быстро восстанавливается.

И тогда её выкинуло в реальность.

Пахло сгоревшей проводкой, а голова гудела пасхальными колоколами. Юки подняла информер до уровня глаз и провела под носом костяшками пальцев. Кровь немного подсохла, а на форме остался багровый вьюнок. Звуки и цвета постепенно обретали привычную структуру.

«Ю, – строго приказал Джей, – бегом вниз».

Пошатываясь, она встала и, почти не видя, ухватилась за

ручку нужного модуля.

– Ю, прямо сейчас, на выход.

Её окатило волной тепла. Разлетевшийся вдребезги потолок исчез в буре. В круговое помещение ворвалось что-то злое и крылатое. Ю не упала. Встала на колено, держась за пол.

«Какого Койпера?» – подумала она, вспоминая, в какой стороне лестница.

Шахту лифта разворотило напрочь. Лестничную площадку устлала каменистая крошка.

– Бегом, Ю, сейчас прилетит вторая.

«Кто-то додумался влупить по кластеру? – подумала Юки. – Или это лупят по мне?»

Ноги заработали с отточенной быстротой. Пролёты пролетели логичной чередой поворотов, на выходе встретил песчаный шквал. Юки услышала хлопок немного раньше, чем покинула вышку. Взрыв под стимуляторами возбуждает. Она почувствовала это каждым миллиметром тела, невольно обернувшись на источник звука.

Вторая ракета попала точно в кластер, и модули, как монетки, брошенные бедноте, полетели в её направлении. Преобразователи деформирующего поля, молекулярные центрифуги-фильтры, конденсаторы и много чего ещё. Она увернулась от тяжёлого металлического пикселя, свалившись на зад. На землю сыпался град металлических шестигранников. Куски стены прогрохотали где-то слева. Схема-

тичная видимость, отчётливые звуки… Как в те дурацкие тренировки с сенсеем, только в тысячу раз опаснее.

Третий взрыв разломил диспетчерскую пополам. Останки венчающего её «барабана» приближались огромной тенью. Ю проскребла землю пятками, подскочила и рванула так быстро, как могла. Пульсирующие виски вторили бешено колотившемуся сердцу. Грохот разлетающейся на куски конструкции коснулся её, щёлкнул по уху великанскими пальцами и вновь заставил упасть. Она смотрела через информер на переломанную тень рухнувшей постройки, опёршись на локоть.

– Джей, что с «А2»?

«Уничтожен. Инсайдер перебросил часть информации. Алгоритмы, кодировки эмоций, логи ментальных воздействий, произошедших за последние восемь лет… Портлендцы на взлётной полосе. Это по их вине нас перенесло в маленький Багдад. Похоже, твоя лекция про вред вышек отлично им зашла».

– Оба в «джаггерах»?

«Yep».

В буре послышались выстрелы крупнокалиберных пулемётов. Заработал громкоговоритель:

– Рэй, выходи! Обсудим приговор. Посмотрим, за кем теперь «закон»!

То был ядовитый голос Леонарда. Его джаггернаут стоял в двухстах метрах по курсу. Пули летели нечасто, но всё-таки

летели. И ракет на «джаггерах» было приличное количество.

– Отключи их.

«Машины в ручном режиме. Когда стабилизируется «хазм», попытаюсь устроить замыкание».

Юки сдёрнула дробовик, шагая навстречу бахающему барабанному лаю. Портлендцы разминались, неспешно расколупывая стеклянный фасад.

– Давай, Рэй, один на один. Только чур, теперь я на гусеницах! Можешь отдать нам пушки, тогда, может быть, мы не выебем тебя в жопу! Урод! Давай, выйди, пошути, посмеёмся вместе!

Его напарник присоединился к пулемётной отбивке.

– Как же мне хреново… – вяло мычал Маркус в рацию и тянул рукояти гашеток, – Кругом снова серая штукатурка. Давай просто свалим.

До «джаггера» Марка оставалось десять шагов: скошенная кабина на коротком гусеничном шасси, подвески с ракетами и пулемётными стволами по обе стороны на уровне человеческой головы. Передняя бронепластина прозрачна изнутри, непроницаема снаружи, но так же крепка, как лобовая броня последних лёгких танков. Небольшое силовое поле мерцает в волнах песка. Придётся бить почти в упор.

Боевой мех вслепую решетил западный терминал. Юки, слегка пригнув голову, хладнокровно миновала правый орудийный блок, встав точно напротив кабины управления.

«Ю, – взволнованно произнёс Джей, – нельзя вставать…»

Дробовик уставился на Маркуса, не имевшего средств видеть сквозь бурю. Подмешанный в песок транспласт мешал работе спектрографов. Из всех интерактивных подсказок внимание Марка занимала лишь карта с компасом. Сенсоры звука не отметили неслышного шага ронина. Помпа-ускоритель нагнала давление. Если «передержать», ствол может взорваться в руках, поэтому Юки выстрелила сразу. Несколько дробин, миновав энергодинамический щит и сорок миллиметров брони, вошли в плотное тело толстяка. Марк подскочил, отцепился от гашеток и замер, словно путешественник, вживую увидевший, как извергается островной вулкан.

Леонард продолжал стрелять, потому что перестал быть плутом, – он стал прямолинеен, правдив, а к этому все когда-нибудь приходят. Доведи человека до точки, и он покажет истинную личину, да только хорошего мало. Хитрые политиканы, бедные медсестры и летчики на межпланетных кораблях в крайней ипостаси приобретают одно свойство – свойство выговариваться, ибо не бывает колодца без дна и невозможно плевать в него бесконечно. Так что если окажешься рядом, будь готов измазаться в брызгах грязи.

– Ле… – произнёс Марк, отплёвываясь кровью, и во второй раз поймал дробь. Он не почувствовал боли – лишь явственно осознал, что совершает безвозвратный шаг в пропасть.

Делай, что должен: предотвращай смерти ценой чужих

смертей, уничтожай, но дари жизнь. «Почему всё устроено так нелепо?» – думала Ю, приближаясь к силуэту второй гусеничной машины.

Она вновь прошла под орудийным блоком, встав лицом к лицу с драйвером. Лео просто орал и выбивал из бедного здания остаток живого, воодушевленный амфетаминами и перераспределением сил.

«Нельзя вставать перед джаггернаутом», – повторил Джей, ни на что не надеясь.

Бронепластина треснула в двенадцати местах, и портлендец вздрогнул, точно перед провалом под тонкий лед. Секундное замешательство сменилось наркотической ясностью, рука автоматически дёрнула ручку аварийного выхода. Лео без среагировавших датчиков понял, что стрелок близко, не более чем в нескольких шагах. Или попросту верил.

Стокилограммовый лобовой лист вылетел вперёд, крепко приложив Юки плашмя. Она отлетела, наполовину оказавшись под ним.

– Шайзе Scheiße, – вслух произнесла Ю, выкарабкиваясь из-под массивной пластины. Лео отреагировал прежде, чем дождался контрольного выстрела. Если на его стороне Бог, шансы на победу у неё нулевые.

Юки пыталась предугадать следующее действие: портлендец либо попытается наехать, либо сдаст назад и начнёт наугад решетить местность. Выбор пал на вариант «Б».

Крылатая ракета стрижом проскользила над ВПП, едва

оцарапала отброшенный металлический лист и отправилась дальше, точно в верхний этаж. Разметались осколки фасада, загрохотала изрядно расшатанная крыша. Наудачу полетели пули. Песок заглатывал звуки, спектрограф еле очерчивал силуэт боевой машины; Ю, отбежав по безупречной дуге циркуля, остановилась и прицелилась. Пулемётные трассеры вспыхивали в песке, устремляясь к тому месту, в котором ронин находился десять секунд назад. В открытую кабину налетал самум. Лео щурился.

– Где ты, сука?! Ну же, покажись.

Орегонец не догадывался, кто идёт по его душу. Это было неважно. Леонард звал Рэя, но готов был перебить всю его группировку. «Праведники не пострадают, – думал он, – а если пострадают, то всё равно окажутся в Раю».

– Марк! – орал он в рацию. – У меня здесь проблема. Маркус, отвечай!

Помпа-ускоритель нагнала давление. Ю сблизилась достаточно, подошла под покровом песка как кочевой воин из племён туарегов и выстрелила. С перебитого плеча Леонарда откололась рука. Неуверенным прыжком он покинул кабину, скрылся за гусеницами. Болевой шок перекрыл наркотическое опьянение. Трясущиеся пальцы сжимали сигнальный пистолет. Портлендец ничего не различал в плотной пыли – каждый всполох бесформенной материи казался ему тенью врага.

– Эй ты, – плут вдруг понял, что Марк не стреляет, – по-

дойди ближе, посмотрим, кто кого. Будьте вы все прокляты, хреновы нацисты, – слова становились кашлем, обезвоженным хрипом, чистейшей жалостью, но, вопреки всему, Леонард пытался переломить бессилие. Его губы быстро облепляла сухая плёнка.

Юки внезапно появилась рядом, обезоружив противника двумя быстрыми движениями. Лео свалился навзничь, держась за болтающуюся на сухожилиях руку. Как будто в святом сиянии она стояла в подрагивающем поле деформаций, касаясь остриём катаны его шеи. Ю не чувствовала ни радости, ни злости, потому что есть только Путь, а на нем нет места сентиментам. Маленькой добродушной девчонке на нём тоже нет места.

– О'кей, я сдаюсь, – прохрипел Лео, тут же замолкнув. В нем не было страха, потому что он вымотался, не за сегодня, но за всё время болезни, и теперь жёлтые белки его безразличных глаз отпустили надежду. Будто бы сидя перед сверхъестественным существом, Лео поверил, что всё это происходит не с ним, и смерть, нависшая над его умирающим телом, тоже будет не его. Подобно сну пришла она в песчаном облаке и перевернула реальность, что казалась ему более благосклонной. А ведь плуты почти спаслись, и нужно было просто-напросто гнать во весь опор до Эквадора.

Лео зашевелился. Как мученик встал на оба колена, закряхтел, как страдающий радикулитом старик, и, распрямив спину, провел по губам языком. Сухой, горьковатый

песок отдавал йодом и фосфором – тем, чем травили эту часть суши. Качаясь на стихающем ветру, портлендец смотрел сквозь неё на небо. Погодные дроны прекращали нагнетать пыль.

Спустя одно короткое движение голова портлендского плута исчезла в волнах песка. Тело мягко опустилось на песчаный бархат.

Буря редела. Под барабанную дробь сердца атмосфера полностью очистилась от её ряби. По закатному небу над прибрежной зоной гнались друг за другом несколько облачков, словно стайка дельфинов, обтекаемых встречным подводным потоком. Закатные лучи пригасили унылую желтизну, обожгли её до мягкого карамельного оттенка. И даже обезглавленный человек, лежащий у её ног, не выглядел чем-то ужасным.

Меч равнодушно замер над мертвецом. Горизонт прояснился, как память.

«Надо же, – подумала Юки, переводя «Оригами» в режим «zero», – это мой первый калифорнийский закат».

По сравнению с Сан-Франциско, узел всё ещё выглядел дворцом, хотя не дотягивал до сингапурского Чанги. Из перебитой вены акведука на каменный пол мерно текла вода, а трижды простреленный медиаэкран расхваливал уютные лунные квартирки. Ларри разлёгся в пустом зале, глазея в потолочный свод.

– Чем больше людей, тем больше бардак… Эй, нарушительница? Я тебя слышу.

– Отстань, жестянка безумная.

– В комнате охраны лежат наручники. Нацепи на себя и жди маршала.

– Ага. Мечтай.

Джей компоновал данные. Ю прошла мимо нескольких тел, присела перед Рэем на корточки и посмотрела в гипсовую лицевую маску, запечатлевшую последнюю эмоцию. Судя по посмертному выражению, Босс ушёл без страха.

«Ю, – сказал Джей, – Рэй оставил сообщение. Винтовку он отдаёт тебе».

– Зачем мне такое старьё? – искренне удивилась Юки, но винтовку всё-таки подняла. Повертев оружие в руках, встала в стойку. На коллиматорном прицеле горели циферки: скорость ветра и дистанция до цели… Тактильные датчики на ложе активировали несколько полезных режимов: переход в инфракрасный спектр, лазерный целеуказатель и тому подобное. В принципе, для прощального презента довольно недурно.

«Прослушай аудиофайл, – настаивал ПМК. – Там интересно».

Предложение немного заинтриговало, однако, прежде чем Джей проиграл завещание, свист глубочайшего изумления пролетел через пассажирский терминал (именно так свистят мужчины при виде спустившегося с небес ангела).

Натаниэль шагал неспешно, внимательно изучая поле битвы.

– Бардак феерический! – громогласно заметил резак и через весь зал обратился к Юки. – Не думал, что ты выживешь. Выходит, все девочки целы.

– Я же «парнишка», если мне память не изменяет.

– Никогда не шути с тем, кто вышел из заварушки невредимым – вот моё правило. Неслабо ты покромсала работничков космопорта.

– Это всё бот. На моём счету шестеро.

– В моей копилке ноль, – развёл руками Натаниэль. – Я всё это время вместе с сестрой в молчанку играл. Проиграл, походу. Обидно.

Юки встала, рассмотрела светящийся нимб, изучила бесстрашную, высушенную техасским солнцем физиономию. К наглости примешалось уважение.

– Что дальше?

– Техас. Не возражаешь, если местный автопарк переедет туда?

– Только «Ямаху» оставь.

– Без проблем, – кивнул резак, рассматривая ВПП за стёклами. – Клянусь душами кочевников, по нам «джаггеры» молотили. Опущу ненужные вопросы… Они ещё на ходу?

– Ага.

– Великолепно. Вроде обычный понедельник, а подарков как на именины.

«Шаман» отметил сигнатуру на плане этажа. Девушка.

Привлекательная. Высокая. Одетая. Наполовину заправленная рубашка-пэчворк, узкие джинсы, синие брендовые кеды. Растрёпанный маллет, прорезанный плавничком уха. Нэт сквозь щёлочку пальцев разглядывала мёртвых. Когда до брата осталось пять шагов, она исступленно произнесла:

– Это какое-то безумие. Рэй… Я его не вижу. Где он?

Исполосованный свинцом автомат стоял совсем рядом. Биологическая рука и ноги вывалились на всеобщее обозрение. Это точно был Рэй. Нэт сокрушенно рухнула на колени.

– Ну и зачем? Для чего это всё?

Нэт безвольно уронила руки вдоль туловища, с пустой надеждой ожидая чего-то невероятного. Вот сейчас Рэй встанет и скажет, что его не так-то просто убить парой пуль… Злая была бы шутка. Нет, малыш, шутки кончились. Тебе понадобятся секунды, чтобы понять.

Натаниэль накрыл ладонью плечо сестры.

– Ну чего ты? Вставай, нам надо ехать.

– Я не поеду…

– Тут опасно, – тихо произнёс техасец, мягко натирая её плечо. – Вставай, Нэт, теперь я смогу тебя защитить.

Она подскочила резким ударом сердца на кардиограмме, судорожно обернулась и толкнула брата кулаком в грудь. Резак отшагнул.

– Защитить?! Меня не надо защищать. Своих техасских девок защищай, а я… Семью захотел, да? Думаешь, можно вот так вернуться неизвестно откуда и сказать, что осознал

ошибки? А это вернёт, ну… Прошлое? Они всех тогда перебили. Морских, сука, свинок не пожалели, – под её глазами загорался алый рассвет. – Приключения уехал искать? Ну так вали дальше за приключениями. Езжай со своими девками и трахай их сколько влезет, – она ударила его снова. – Я остаюсь здесь. Мне только здесь было по-настоящему хорошо.

Они замолчали. Натаниэль рассматривал тело Рэя и искал, что ответить. Юки сдвинула информер на лоб.

– Нэт, – осторожно сказал ронин. – Рэй не хотел бы, чтоб ты оставалась в узле. Здесь правда очень опасно.

Невидящие глаза пробежали по лицам.

– Его надо похоронить.

– У нас нет на это времени…

– Есть, – простонала Нэт. – Мы увезём его в Техас и похороним там. Хочешь искупить вину, так начинай сейчас. Давай.

Слёзы подрагивали в её больших эльфьих глазах, скатываясь по щекам серебряными тропками. Натаниэль долго смотрел в них, а потом взял сестру за плечи.

– Хорошо, – примирительно произнёс техасец. – Принеси покрывало и пару ремней. Я подгоню машину. Довольна?

– Да, – тихо сказала Нэт. – Только не в багажник.

– Ты совсем не изменилась.

На обратном пути, возвращаясь за ин-багом, с Юки разминулось несколько «горничных». Девушки беззвучными

тенями скользили мимо, стараясь не встречаться с ней глазами.

Сектор коридора с порезанными вдоль и поперёк мертвецами чётко указывал на близость к её бывшему номеру. «А ведь могла их просто перестрелять», – ретроспектировала Ю, отметив мимоходом, насколько же много грязи она развела. За Курта было особенно обидно, но ей отчего-то казалось, что всё произошло именно так, как было нужно. Умывшись, слопав витамины и другие нужные препараты, девушка направилась обратно. У эскалаторов её притормозила Лина.

– Тебе ещё нужны результаты тестов? – судя по твёрдому тону секретарши, чёрный юмор практически отсутствовал.

– Давай.

Лина отбила по умной перчатке.

– Держи. Тесты, кстати, не выявили никаких патологий, разве что уровень IQ действительно просел… – и добавила со вздохом:

– Кто бы знал, какие ты принесёшь проблемы.

– Моей вины тут минимум, – спокойно ответила Ю.

– Ладно, забей. В конце концов, всё могло быть гораздо хуже.

– Ты доложишь о том, что здесь произошло?

– Я тут на правах гостя. На «Вертикаль» не работаю. Просто однажды решила для себя, что буду приносить пользу, и неважно, где. Жаль, что здесь помогать уже некому. Удачи,

механик с «Мурены».

Лина поправила очки и пошла прочь. Где-то в глубине секретаршу перетряхивало, и до нервного срыва оставалась какая-то случайная капелька, но её внутренний психолог предусмотрительно снимал пенку с этого закипающего чувства. Пожалуй, именно это и означает «выезжать за счёт характера».

Внизу происходила странная картина: Нэт с одной из «горничных» заворачивали Рэя в покрывало, а Натаниэль с присущей ему непосредственностью влетел на машине в стеклянный фасад, прокатившись по залу. Дребезг стекла пролился следом, как самый короткий на свете дождь. Нэт заругалась, грозно топнула ножкой и снова заревела. А когда техасец вышел, громко назвала его идиотом, разревелась ещё сильнее и в конце концов обняла. Даже в таком антураже обнимашки выглядели довольно мило, пускай на порядок страннее. Наконец, погрузив тело Рэймонда на заднее сиденье, Натаниэль пешком отправил девушек к ангарам. Бегунок яркости за окнами торопился к нулю. Навалившись спиной на старенький «Dodge», со скрещенными на груди руками, техасец дожидался ронина.

– Слушай, – уверенно произнёс резак, – у тебя превосходная выдержка. Видал я разных крутышей, да только они в сравнении с тобой – мамочкины сосунки. Заезжай в Даллас – нам нужны такие люди. Ну и если на то пошло, моя койка всегда в твоём распоряжении, – ему сейчас только жвачки не

хватало – до того он выглядел беззаботным.

– Старенький ты уже, – колкостью ответила Ю. – Оставь песок для пустыни.

– Выделываешься, значит… Согласен, заслужила.

– С тебя пример взяла, – вредно прочирикала Юки.

– На самом деле, я сама скромность. Это вообще отличительная черта любого техасца.

– Как же дуэли с холодным оружием?

– Выживают те, кто сеет страх – заруби себе на носу. – Сев за руль, Натаниэль начал сдавать назад. Через опущенное стекло вылетели его прощальные слова:

– Возможно, мы действительно самые большие психи на планете, а может – обычные балаболы, чьи предки вскрывали склады снабжения лазерными резаками. Во что верить, решай сама, но если доберёшься до Далласа – точно не прогадаешь. До встречи, парнишка.

Проредив остеклённый фасад ещё на одну витрину, машина выкатилась наружу. Остальной автопарк, следуя настройкам маршрута, караваном двинулся в Техас.

Байк ждал на прежнем месте. Она уселась за руль, завела асинхронный ядерный двигатель и выехала под холодное закатное небо. А затем вспомнила про «Ли-Энфилд», качавшуюся за спиной, и подгоняющим тоном произнесла:

– Что за сообщение?

«Секунду», – исполнительно произнёс j-J, позволив слабеющему голосу Рэя напутственно завибрировать в ухе.

«Отменяется, похоже, Бостон. С утра проснулся, думал, день пройдёт по обычному распорядку. Кто ж знал, да? Good times, bad times… Переключатель всегда у кого-то другого. Правила игры не от человека зависят, и мир добавляет новые, когда ему вздумается. Чёртов мир наполнен безумием. Оно во всех потихоньку проникает. Чем дольше живёшь, тем невероятнее крышу сносит. Иногда всё таким нелепым кажется, как… симуляция. Ну абсурд же – глянь хотя бы на «Персонал». Утром казалось, поживём ещё… Не выдержали одной внештатной ситуации, раздолбаи никчёмные… Тебе-то полегче будет, наверное. Тебя явно получше готовили. Вдруг под свежим взглядом симуляция расступится? Давай проверим… «Ли-Энфилд» должна достаться тебе… Её характеристики… убийственны. Смысл не в этом. – Рэй сглотнул, собираясь с силами. – Там бесконечная обойма. Jesus. Нет, я не брежу, маньячка малолетняя. Сейчас каждую мысль в моей башке можно в монолите выжигать. Нахер нытьё… Удачи, Саманта».

– Ага. Что? – Юки взяла винтовку, отсоединила магазин и пересчитала патроны. – Десять. Что Рэй сказал?

«Бесконечная обойма», – бесстрастно повторил ПМК.

Юки прицелилась в стену ангара. Выстрелила. Передёрнула затвор. Гильза не вылетела.

«Прошила насквозь две стены», – отметил Джей.

– Что всё это значит?

«Что деньги на патроны можно не тратить, – с акцентом

британского дворецкого выдал J-note. – Ещё что-то про безумие всплывало».

Юки снова вынула магазин, пересчитала патроны и непонимающе произнесла:

– Десять.

Выстрелила снова. Пересчитала. Бросила на ПМК озадаченный взор.

– В принципе, можешь отключать симуляцию.

«Нет уж, Ю, привыкай к новой реальности».

А что ей ещё, собственно, остаётся? Симуляция или нет – придётся разбираться, что к чему.

Что имеем в итоге? Компромат так и не найден, модуль разорван на части, а жители «Вертикали» живут под надзором биоцифровых машин. Ещё есть винтовка с бесконечными патронами и план, в котором она участвует, но в который её не посвятили. Слишком много пробелов на один текст, и только ради того, чтоб их заполнить, стоит двигаться вперёд. Неотступно. Твёрдо. Бесстрашно.

Когда байк тронулся с места, на неё накатила волна облегчения. Теперь в Лос-Анжелес к самой высокой из оставшихся на планете башен. Если она справилась с одним инсайдером, справится и с другим. Нужно понять основу «А2». Нужно разобрать его до винтика. Нужно удостовериться, что она на правильной стороне. И вдруг загорелось табло БК. Японские иероглифы вылезли навязчивой контекстной рекламой. Не звук, не видео. Ряд знаков, оформившихся в сознании го-

лосом Техника, записанного на катушку памяти пластичным и цепким детским мозгом. «Если Сэтоши подготовил тебя, как следует, ты справишься. Не облажайся, Ю».

«И это всё, на что его хватило?» – подумал ронин. Сухо и прагматично, как настоящий учёный. В любом случае, Юки готова была шагать по его стопам, потому что верила Технику больше, чем себе. И молилась судьбе, чтобы он так же верил в неё.

Уютные сумерки бережно закутали Калифорнию в тёплые объятья.

В безбрежном небе неохотно просыпалась новая ночь.

3. Uni_versus.

Напрочь перекопанный Сан-Франциско плавно перетёк в вычищенный нейтронами Сан-Матео. Лодочки встроились в длинную парковку дощатого пирса, как лиганды в белки. Встык с набережной проходила тяжёлая линия каменного волнолома. Информер изучал состояние окружающей среды: рыба потихоньку возвращалась в залив, бессонные птички щебетали в кипарисах, будто возвещая о начале лета. Далеко, на юго-западе, лежали затемнённые сумраком травянистые холмы, казавшиеся неровным дном небесно-лазурного океана.

Байк нёсся по одноимённой с городом улице чёрной тенью, информер очерчивал очертания. Попадались штаб-квартиры крупных или не очень фирм со стелами и широкими пустыми эспланадами, заведения общественного питания встречали погасшими дверными табло; вектор прямого пути перечеркнула стена парка. Сквозь овальные прорези полосатых дверей виднелись раскинутые кроны декоративного леса. Ю дала по тормозам.

– Японский сад.

«Хочешь проверить на аутентичность?»

– Я плохо разбираюсь в природе Японии. Из меня так себе эксперт.

Сад встретил её прохладой и шорохом листвы. Парковые

деревья разрослись до размеров сказочного дремучего леса. Склонившиеся к земле ивы, точно перенесённые в реальность с оживших пейзажей импрессионистов, мельтешили в лунном свете, сакуры расцветали огнём под сенью клёнов, мелкие кустарники разноцветной каймой обводили небольшой пересохший прудик. Несколько деревьев зачахло, жутковатыми штрихами вплетаясь в общий фон. Под ногами затрещал деревянный мостик. Ю прошла к алтарю Будды, выполненному в виде пагоды в полтора человеческих роста, усевшись рядом с ним в агуру. ПМК по жесту развернул проекцию.

– Итак, что у нас?

«Оцени алгоритмы, на которых работает искусственный интеллект».

Загорелись формулы. Многие знаки, вроде плюсов и интегралов, были понятны, но попадались совершенно нестандартные, придуманные специально под новый машинный язык.

– Вычисления комплексные, – заключила девушка. – Выведи лог нашего разговора и дай расшифровку. Ага. Ясненько. Непривычно до ужаса. Интересно, Ёдзи понравится?

«У него специфические вкусы…»

– Покажи, как инсайдер считывает биохимию. – Юки пристально сосредоточилась на массивных блоках кода. – Какой-то необъятный набор параметров… Ферменты гликолиза, инсулин, потенциалы действия… Неплохая попытка све-

сти человеческое мышление к математике.

«Давно пора», – заметил Джей.

Изучив новую программу внимательнее, Юки осознала, насколько скрупулёзную работу вёл ИИ. Человеческое сознание буквально разбиралось на кирпичики, а оценке подвергалась самая незначительная деталь. Регистрировались затраты энергии, скорость ответного сигнала и даже пропускная способность синапсов. Её тирада про «борьбу против «Авангарда» на семнадцать процентов оценивалась как блеф и подлежала «более тщательной проверке».

Параллельно с изучением алгоритмов, Юки просматривала карты мозговой активности.

– Речевые центры работали так, словно я вправду разговаривала. Словно инсайдер перенёс меня в настоящий Нанкин. Я даже запах чувствовала. – Ю задумалась. – Как возможно создать настолько живую фантазию?

«Не забывай, что «S&C» специалисты по виртуальной реальности. Они всего лишь шагнули на новую ступень».

– Как тебе программный код?

«Избыточный, но… удобоваримый. В соло с инсайдером я бы не справился, зато теперь, когда мне более-менее понятна криптография, шансы пересчитать ИИ выросли кратно. Если Эл-Эй оперирует теми же формулами, я захвачу модуль даже без твоей поддержки. – А затем уточнил: «Но это не точно».

Юки ушла в аналитику с головой. На определённых участ-

ках интенсивность умственной работы возрастала в десять раз. Температура тела на пике поднималась до тридцати восьми с половиной. Активность гиппокампа была запредельная. Джей скомпоновал данные в сферическую модель. Юки, разворачивая сегмент за сегментом, долго изучала таблицы, просматривала логи пережитого диалога, разбиралась в принципах, которые задавали искусственной душе… Что? Мораль? Суть?

«И действительно ли человеческий разум всего лишь набор формул?»

– Взлом сознания напоминает амидокуджи… – отметила Ю. – Потяни за правильный нейрон – получи необходимый эффект. Прощупывали меня мощно. Крутая технология.

«Даже изящная, в какой-то мере».

– В каком виде, интересно, существует инсайдер?

«Возможно, эктоплазма».

– Даже не удивлюсь, если это так. Что по психическим показателям?

«Беспокойство в момент взлома точно имело место. Сейчас ты тоже какая-то дёрганая».

– Почему Нанкин? Это низко и подло. А ведь у меня правда возникло сомнение, что я поступаю неверно, вступая в конфронтацию с «Вертикалью».

«Значит, инсайдер копал в правильном направлении. Догадываешься, почему он пошёл на мировое соглашение?»

– Ага. Мне показалось, я разгадала паттерн поведения.

Вроде как любой, кто хотел стырить модуль, получал от искусственного интеллекта клеймо стопроцентного врага. Подав запрос на выход, я заставила его засомневаться. Но какие же мерзкие мысли прокручивались в голове. Хорошо, что всё получилось. Сосредоточиться становилось труднее. Чувство вины до костей обгладывало. Моих предков тоже ведь занесло в Нанкин.

«Через недельку пройдет. Просто думай о хорошем».

На словах всё просто, вот только инсайдер заставлял думать о плохом чертовски умело. Если в течение часа смотреть на ужасы войны, то тебе гарантированы бессонные ночи и панические атаки, если смотреть месяц, сереет самая светлая мысль, а если год, то нормальное восприятие мира захлебнётся в фотографических вспышках пережитого ужаса. Юки видела Нанкин пять грёбаных минут, которые ощутила, как полутора суток. И течение дней внутри «А2» только ускорялось. Зациклившиеся чувства заставляют нервные клетки выстраиваться в память, потому-то к концу жизни остаётся именно то, о чём ты рефлексировал чаще всего.

По итогу, калорий за пять минут Юки тоже потеряла, как за полтора дня.

– Джей, надо похомячить.

«В Сан-Хосе все рестораны открыты, как, впрочем, в любом месте, куда ещё не добрался трудовой кодекс».

– Всего-то двадцать километров на юго-восток, – со сладким предвкушением произнесла Юки.

«Ради сытного ужина сапиенс даже больше проходил», – заумно заметил Джей.

Отряхнув с коленей полувековую пыль и поправив ремешки, Ю поспешила к припаркованному у входа байку.

Неприметная забегаловка китайской кухни ещё держалась на резервном питании. Ассортимент ингредиентов, благодаря наличию «вечной упаковки», радовал качеством и свежестью, однако неоспоримым продлевателем срока годности всё ещё оставалась морозильная камера. Юки, как многорукий Шива, разложила продукты перед собой и принялась готовить. Стук ножа сменился шкварчанием масла и шипением жарящихся овощей. Спустя двадцать минут Ю уже сидела в коробочке света перед полной тарелкой пшеничной лапши, разглядывая ночную улицу. Привычную тишину потревожил собачий лай. Она прислушалась. Затем взглядом пробежала по стенам, ища тараканов или, хотя бы, мух, но не обнаружила на насекомых даже намёка.

Голопроекция мелькала данными. Джей давал новые рекомендации по общению с искусственным интеллектом и постепенно расставлял точки над и. Исходя из психометрических показателей, контакт с инсайдером напоминал спор с самим собой, во всяком случае, в некоторых моментах. Похоже на шизофрению? Даже близко нет. Выглядел ли «А2» как паразит? Отчасти. Можно сравнить с токсоплазмой – это такой червячок, который, забираясь в мозг, вызывает выброс

гормона счастья. Потерявшая страх жертва вместе с паразитом попадает в чей-то желудок, где оба находят новый дом. И цикл продолжается. «Эктоплазматическая токсоплазма?» По лицу ронина скользнула удовлетворённая улыбка: каламбур получился отличный. Ещё существует старый добрый кардицепс, захватывающий мозги мух, муравьёв и прочей мелкой фауны. В случае грибка жертву необходимо умертвить в правильном месте, чтобы споры разлетелись над ещё не заражённой популяцией. Максимальный охват аудитории – точь-в-точь рекламный бизнес. Впрочем, хватит посредственных аналогий. Искусственная душа выглядела именно так, как заявляло название.

Под полудиском Луны расцветала улица.

Глаз зацепился за опиравшуюся на спинку стула «Ли-Энфилд». Ю погасила проекцию. Задумалась.

– Дадим название новому виду патронов?

«Реверсивные», – предложил Джей.

– Зацикленные тоже подходит. Предположения о принципе работы?

«Конденсат Бозе-Эйнштейна».

– Хватит дурачиться. Во-первых, для этого нужно охладить пулю до абсолютного нуля. Во-вторых…

«Пуля возвращается в обойму через кротовую нору, которая образуется там, где гаснет импульс выстрела».

– Мы учёные или кто? Предложи что-нибудь нормальное.

«Соскучилась по научным концептам? Я прошерстил все

доступные источники, но ничего подходящего не обнаружил».

– Показывай всё, что нарыл. Заодно повторю университетский курс физики.

Джей подчинился.

Терабайты информации поглотили её. Теории, гипотезы, несбыточные мечты… Статейки казались ей волшебными сказками перед сном, которые хочется дослушать до конца. За чередой параграфов незаметно наступило утро. Лапшу с овощами Юки доела уже холодной. Улица неохотно разлепляла глаза.

«Вот теперь можно поискать койку, – подумал ронин, отрубая информативный экран, – иначе у меня кровь из носу пойдёт».

Летом сорок пятого, теряя высоту между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско, орбитальный истребитель до последнего пытался уйти за пределы жилой застройки. Бороздя кровельные шапочки низеньких и милых домишек (почти как у хоббитов, если б те поселились в Калифорнии), летательный аппарат рухнул на пересечении Луи-Авеню и Флоренс-Корта, и теперь из неприметного таунхауса, окончательно загасившего дьявольский импульс движения околокосмического тела, торчали турбины и крылья, вызывая ассоциацию с монументальным видом эклектичного искусства. На заднем дворе Джей отсканировал бассейн с бульо-

ном из прелых листьев.

Юки, придерживая руль «ямахи», разглядывала пса, словно охранявшего упавшую с неба машину. Немецкая овчарка навострила треугольные ушки и произвела один короткий лай.

Псину (вернее – питбота) скрывал деформатор, но начавшуюся на зубах коррозию было видно даже невооружённым глазом. Джей был готов начать взлом, если робот решит атаковать.

– Можно взять его на «Токио», – в полушутку предложила Ю, тут же подумав: «а чего бы, собственно, и нет?» – Будет друг для Динго.

«Его хозяйка должна быть во дворе, – серьёзно предположил ПМК. – Предлагаю познакомиться».

– И потратить драгоценное время на болтовню?

«Ага».

Юки, оперативно взвесив все «за» и «против», крикнула в направлении двора:

– Есть кто живой?!

– Возможно! – отозвался женский, энергичный и непугливый голос.

Ю прошла через калитку, обогнув домик с торца, и вышла к бассейну. У края, лёжа на деревянном шезлонге, потягивала лимонад через соломинку худенькая ковбойша в стетсоновской шляпе. Потягивала, стоит заметить, прямо из графина. Короткие джинсовые шорты удерживал ремень-па-

тронташ с украшенной вензелями бляшкой, невысокие сапоги из воловьей кожи выглядели изношено и фактурно; рубаху с воротником она расстегнула на две верхние пуговицы, заманчиво приоткрыв безупречно округлые очертания груди. Красная гирлянда зажигательных патронов горела концентрированной злостью.

Незнакомку накрыла мельтешащая тень от разросшегося на четверть двора лимонного дерева, служившего коновязью для некрупной гнедой кобылки. От газона осталось одно название.

– Почуяла аромат лимонов? – спросила ковбойша, отставляя графин. Прислонённая к садовому столику двустволка смотрела на солнечный зенит. Пёс пристроился на углу, фокусируясь на гостье.

– Холли, – наконец представилась девушка, козырнув от шляпы, – Холли Деф.

– Элли, – ответила взаимностью Юки. – Ты, похоже, прекрасно проводишь время.

– Порой можно дать слабину. Тем более, Боб присматривает, – Собака одобрительно тявкнула. – Да и как вообще пройти мимо такой красоты? Набери лимончиков про запас – говорят, отличное средство от цинги.

– Возьму парочку, – вежливо ответила Ю. – Как тебя сюда занесло?

– Всегда любила путешествия – мечтала мир посмотреть. Когда вокруг столько удивительного, разве можно сидеть на

месте? Вот, например, твоя винтовка, ну уж очень примечательная. Я думала, такими с двадцатого века не воюют.

«Скажи, что ты забрала её у Рэя», – оперативно встрял Джей.

Юки не поняла, зачем, но вдруг в памяти всплыл рассказ о ковбойше с глуповатым и светлым именем, которую Босс встретил давным-давно. Получается, сейчас Холли должно перевалить за шестьдесят; и она, судя по его словам, работает на «Авангард». Секунду поразмыслив, Ю решила поведать правду.

– «Ли-Энфилд» принадлежала человеку из Сан-Франциско. Он сам её мне отдал. В узле возникли разногласия – выжили только женщины и один техасский резак.

Юки вкратце пересказала фабулу, не забыв про «джаггеры», «Второй отдел», искусственную душу и ионную корректировку. Про свою «слепую» миссию, которая заключалась в краже модулей, тоже упомянула. Холли выслушала её с явным интересом и спокойно произнесла:

– Так себе финал, хотя Лео заслужил. Видать, его действительно настигла карма. В прошлом святоша много чего натворил. Даже человечиной торговал – поставлял списанных канадских рабов под видом животного мяса. «Церковь отпущения грехов…» Удобная была вера. А Рэй… Сбежавшую дочь решил вернуть… Да уж. Райзен после того случая действительно дров наломал…

– Много невиновных пострадало?

– В мире нет невиновных, – хищно осклабилась Холли. – Впрочем, давай назовём это так: любой, кому «повезло» иметь оружие, автоматически записывался на приём к небесному хору. Летуны «Авангарда» тогда неделю работали без перекуров. Стоит сказать, что Джозеф редко срывается. Знаю, знаю, звучит как оправдание… Тогда ему второй раз планку сорвало.

– То есть до этого что-то подобное уже случалось?

– Когда капитан вызвал на бой весь мир. Полетевшие ракеты его прилично так раздосадовали. Внутри Джозеф как дикий мустанг… Боже, обожаю такие сравнения. – Холли посмотрела на Юки с ребяческой непосредственностью. – С другой стороны, его можно понять: какой-то оборванец похитил любовь всей его жизни и прикарманил ружьё.

– Это винтовка Райзена?

– А то. Штука в том, что мне велено её вернуть, а похитителю череп снести. Второй пункт мне уже не выполнить, а вот первый… Меня разрывают грёбаные противоречия.

– Забирай, если нужно.

Холли приподняла шляпу кулачком, подставляя Солнцу плавные линии лица.

– Подержи винтовку у себя – прощальный подарок от павшего воина не достаётся кому попало. К тому же мне кажется, что из тебя выйдет более сильный хозяин, чем из Райзена. Пусть оружие служит тебе верой и правдой.

– Необычно ты выражаешься.

– Язык – отражение мира. Чем страннее, тем интереснее. Знаешь про кеннинги скальдов? Вот нас с тобой они бы назвали, – Холли перешла на возвышенный тон создателей «Старшей Эдды», – «Липы пламени, что растут на заливов земле, по которым олени бегут». Почитай оригинал. Язык сломаешь.

Джей дал расшифровку. Юки изучила. Вернулась к разговору.

– Чем на самом деле являются модули «A2»?

– Без понятия. Спроси у Райзена при случае. Он меня в свои грандиозные планы не посвящал. Или я сама не захотела?.. Мне своих забот хватает.

– Просто за сутки произошло слишком много странностей.

– Имеешь в виду бесконечные патроны?

– В том числе, – осторожно ответила Ю. – Как это работает вообще?

– С божьей помощью, – пожала плечами Холли. – Если не ошибаюсь, «Cemetery» раз за разом возвращается в Бостон по тому же принципу.

– Разве «Cemetery» управляется не навигатором?

– Капитан говорил, что в той чёртовой барже заточены души его старой команды, которые даже после смерти маниакально верны присяге. Серьёзно, это дословная цитата. Понятия не имею, как это объяснить научно, да и не особо хочется. Чтобы безумие перестало быть безумием, к нему до-

статочно привыкнуть. Вот взять хотя бы меня. Я обладаю зверским чутьём на ауру. Вначале оно с ума сводило, а теперь ощущается как шестое чувство. Типа собачьего сверхтонкого обоняния. Или как у трюфельных свиней.

– В смысле? – поинтересовалась Ю, стараясь не употребить обидный термин «эзотерика».

– Давай назовём это нюхом на эмоции. Как в мультике про пса-детектива Зигмунда. – Боб оформил ревнивый лай. – У меня похожие сверхспособности. Я могу идти на чужой страх, чтобы защитить, или на злость, чтобы покарать. Вокруг ощущаются отголоски действия, эхо душевных порывов… Типа феромонов. Проезжавшая на севере колонна машин от моего потустороннего чутья тоже не ускользнула.

– Это логически вытекает из моего рассказа.

– Никакого уважения к старшим. Между прочим, Глорию для Райзена тоже я нашла – просто шла на ауру страха за ребёнка, замерзающего в утробе. Кажется, декабрь начинался, боюсь соврать. Рожала Глория в одиночестве, на покрывале из мха. Когда я до неё добралась, спасать бедняжку было уже поздно. – Холли вздохнула. – Её аура напоминала молитву. Умирающие матери больше всего волнуются за детей, которых носят под сердцем.

– Глорию правда искал отец?

– Он, скажем так, был не против её вернуть. На самом деле, Глория нужна была прежде всего Оливеру.

– Зачем?

– Долгая история. Хватит с тебя чудес на сегодня. Впрочем, давай проведём сеанс биоэнергетики, а то ещё посчитаешь меня шарлатанкой. Мы с Бобом серьёзные люди. – Боб сугубо положительно гавкнул. – Сейчас посмотрим, какие от тебя исходят эманации. Да, пахнет дорогим вином, оливками и сыром с плесенью. – Холли принюхалась, подняв выразительное личико. – Ты явно тянешься к знаниям, а убийство для тебя не страшнее, чем замарать ноги на матче по пляжному волейболу.

– Я стараюсь обойтись без жертв.

– Всё равно, если тебе не оставляют выбора, ты просто выпускаешь кишки. Неужели в семнадцать возможно подобное хладнокровие?

– Мне шестнадцать.

– Какое сегодня число? Неважно. Тебя переполняет бесстрашие берсеркеров, которые жаждали лишь одного – оказаться на пирах Валгаллы, вот только ты, в отличие от них, наоборот, согласна на забвение. Проигравшие заслуживают забвения. Какая опасная азиатская девчонка…

– Допустим, – бесстрастно ответила Юки. О своей национальности с момента знакомства она не проронила ни слова.

Холли повела носом, словно вдыхая весенний букет цветов.

– Чем ещё отдаёт? Потерей. Ты лишилась кого-то близкого, но не можешь смириться с этим. Так всегда бывает до поры, до времени.

– Все кого-то теряли. Мне кажется, ты тоже.

– Брата. Точно потеряла, неточно нашла. Я больше не верю собственным глазам…

– То есть?

– Расскажу – засмеёшь, – послышалась лёгкая издёвка фокусника, припрятавшего напоследок главный номер.

Ронин присел на высокую клумбу из тонких сланцевых плиток рядом с окошком. Боковое зрение упало в домашний сумрак. Голос прозвучал будничной сухостью:

– Пора привыкать к странностям.

– А то, – усмехнулась Холли. – В моей жизни странности начались с участка, на котором мы жили. У нас даже выход в terranet отсутствовал. Мы проповедовали здоровый образ жизни, справляли языческие праздники всех народов мира, учились ориентироваться по звёздам и часто ночевали под открытым небом. Брат называл нас семейкой скаутов.

– Что стало с твоим братом?

– Возможно, разбился на старлайнере. Работал пилотом в NASA.

– Виктор Деф?

– Удивлена, что это имя тебе знакомо.

– Я помню его по просветительским роликам о космосе. Жаль, что он погиб.

– Возможно, погиб. Ты меня совсем не слушаешь? Я не уверена, что видела тело.

– Ты меня совершенно запутала, хотя, отдаю тебе долж-

ное, завязка шикарная.

Холли откинулась в шезлонге, уложив руки меж бёдер.

– Ты заслужила хорошую историю. У меня чутьё на друзей и на врагов. Аура, понимаешь? Любишь страшные байки у костра?

– Ага.

– Штука в том, что в сорок пятом я даже не заметила Коллапса. Связи-то у нас не было. Мы новости получали из районного центра – вспоминать смешно. А потом я почувствовала, что Вика не стало, и отправилась на поиски.

– Снова чутьё?

– Представляешь? Я словно бы почувствовала, что Вик разбился. Таким же светлым полднем оседлала Тумана и двинулась из Луизианы неизвестно куда. «Here I am on a road again». Поначалу всё казалось обычным, но уже на исходе первых суток мой счётчик Гейгера показывал превышение нормы. Видела бы ты, как стрелка взбесилась около Хьюстона. Пришлось держаться Мексиканского залива. Свежий морской воздух и набережные. Никогда не думала, сколько потрясающих набережных в нашей стране. Без людей они как туристические слайды – хочется гулять, пока ноги не устанут. И я гуляла, пробуя на вкус каждое местечко. В Корпус-Кристи за мной увязался какой-то безумный местный. Бедолага в знакомые набивался, только от него так фонило, что я галопом дала дёру. «Кафедральный собор, – говорит, – уцелел», и предлагал залезть на башню. Не люблю соборы.

Ты проводила ночь хоть в одном? Меня вот брат взял «на слабо» и закрыл до рассвета, а мне всё казалось, что кто-то шастает в темноте. И всё пропитано ладаном – сладко, до тошноты. Нет уж, увольте. Я в духов не верю, конечно, а темнота меня пугает до одури.

Когда начались мексиканские названия, мне стало как-то теплее. Помнишь старую детскую игру? Словно кто-то внутри меня говорил: «Теплее, Холли», «Ты на правильном пути, Холли». Лучше б это был голос брата, а так было похоже, что я себя утешаю. Иду в никуда просто чтобы развеяться и веду внутренний диалог ни о чём.

– Перед тем, как отправиться в дорогу, ты хоть какие-то новости собрала?

– Меня шериф проведал. Сказал, что от Батон-Руж ничего не осталось, и предложил забаррикадироваться на ближайшее время. Я отказалась. Оставила ему ключи от дома и уехала. В Батон-Руж у меня мама жила. Там же отец проходил лечение. Ему ОКР диагностировали, вот и получилось, что на меня оставили всё хозяйство.

На Юкатане внутренний голос твердил: «Горячее, Холли, ты почти на месте» – и это кружило голову, как тропическая лихорадка. Пустые городки тонули в зелени и самоубийственной дозе Х-лучей. Тебе же известно, какие страшные боеголовки штамповали до Коллапса?

– Ага. Британию накрыло особым раствором на основе карбида, который пенился при взаимодействии с водой. По-

сле одного хорошего ливня их поглотила непроницаемая ядовитая пена, в которой стало невозможно дышать. Это противоречило всем конвенциям.

– Сволочи, – согласно выругалась Холли. – Человек создаёт защиту от человечества. Обхохочешься просто.

Её растрёпанные волосы отливали пьянящей дремотой ржаного поля. Пальцы оттянули воротник, дали разогретому телу немного подышать, скользнули под бляшку.

– В Мексике красиво. Уютно. Оградки из серого булыжника, линии электропередач, прокинутые по столбам. Сеноты пропустила, а жаль. Говорят, места жертвоприношений. После той ночи в соборе иногда тянет на остренькое. Ладно, не суть. Проезжала городки под мерную чеканку усталого конского шага. Спонтанная верховая экскурсия. И так почти везде. А южнее Чичен-Ицы я всё-таки нашла брата. Представляешь? Как на маяк плыла.

– Но ведь так не бывает, – перебарывала сомнения Юки.

– Аура, – Холли проницательно смотрела на информер. – Мы же с ним близнецы. Они, говорят, с рождения связаны на духовном уровне. Пускай я не верю в духов. Вот фото. – Над перчаткой зажглось «селфи» на фоне старлайнера. – Рухнул в поле, как видишь. Механизмы кабины не выдержали высоких температур и приварились намертво. Я пыталась вскрыть их монтировкой – всё безрезультатно. А он был там, в скафандре NASA – словно экспонат из комнаты ужасов за стеклом. Я стучала ему, долбила изо всех сил до кровавых

мозолей, чтобы он открыл. Не знаю. Мне разбудить его хотелось. Или похоронить. Когда меня покинули последние силы, я пристроилась у крыла, глядя на то, что осталось от майского фундамента – осколки какой-то старой гробницы в густых зарослях. Не знаю. Всё пыль. Люди – пыль. Монументы – пыль. И я одна посреди лесов не могу вскрыть чёртову кабину, в которой застрял брат. Наблюдала аберрацию света, если употреблять астрономическую терминологию. Думала, как много Вику не сказала. Он ведь всегда боялся высоты. Я – темноты, он – высоты. А потом начал ходить в горы, чтобы доказать… А что доказать? Мне было плевать, чего он там боится. Он в детстве боялся спать на втором этаже, потому что оттуда не было видно земли. У него голова кружилась от звёздного неба. Ему чудилось, что галактика движется. А ведь Млечный Путь правда движется по спирали, только мы этого не понимаем. Зато он понимал и всё равно боялся. А потом покорил три восьмитысячника и записался в программу подготовки пилотов, назло страхам, тянущимся из детства.

Холли шмыгнула носом и стёрла зарождающуюся слезу. Она не хотела сломаться, не рассказав историю до конца.

– Понятия не имею, сколько я там просидела. Хотя нет, вру. Наступил вечер, и я снова взялась за монтировку. «Ну, – думаю, – сейчас-то я вскрою тебя, паршивая консервная банка». А потом присела на задницу, да так и осталась сидеть, пока не очухалась. Там не было тела, понимаешь? Я жизнь

была готова поставить, что брат был в кабине, сцепленный ремнями… И вдруг – никого… Чёрт возьми, кабина была открыта. И мне потребовалось несколько часов, чтобы потрясение ушло. Возможно, мне от папы передалась какая-то генетическая болезнь, но Вика и след простыл. Я пощупала, я принюхалась. Я хотела верить, что это был его старлайнер. Возможно, Вик выжил, а меня просто хватил тепловой удар, вот и померещилось невесть что…

Возвращалась тем же маршрутом. Если Вик уцелел, то придёт на ранчо. Его там встретит шериф, и они займутся обустройством базы или будут ловить сигналы бедствия, раскидывая «тысячу» в кости. Ну а если не встретит… На всякий пожарный я оставила записку, что вернусь. Связь один хрен не работала. И снова те же города и милые набережные. Новые люди, набивавшиеся в друзья, пара бугаёв, которых пришлось вежливо отшивать. Почти полноценное приключение, только выкрученное на минимум.

Ранчо оказалось пустым. Лошадей угнали, а в садике я обнаружила две могилы. На грубом католическом кресте: «Шериф Пол Бруссар», и пригубленная бутылочка бренди рядом. На втором надгробии – «Холли». Просто «Холли». И что бы ты сделала на моём месте?

– Начала копать, – неуверенно сказала Юки.

Холли Деф посмотрела наверх. На её равнодушном лице появилась недобрая ухмылка. Дьявольская ухмылка человека, который не верит в духов.

– Верно, подруга, – ответила ковбойша, придерживая поля шляпы. – Когда ещё представится случай осквернить собственный погост? Сарай, ржавая лопата, тычок в землю и понеслась. Знаешь, грунтовые воды в Луизиане высоко держатся – мы не закапываем глубоко, иначе тело может в реку унести. Получается, мне повезло в каком-то смысле: один метр в глубину – и вуаля. Лезу я, значит, в яму, вскрываю я, значит, гроб, и вижу, ты не поверишь, свою стетсоновскую шляпу. Лежит такая, как ни в чём не бывало, а под шляпой – я. Прям точно я. Слегка не в кондиции, конечно…

Юки замешкалась. Она искала, что ответить.

– Видеофайл прилагается. Стоит такая Холли Деф, и снимает себя на фоне себя. Я эту запись не пересматривала. Мне кажется, с ума сойду, если ещё раз её увижу. Хочешь посмотреть?

– Давай, – выждав паузу, сказала Юки. – Это интересно.

Через двенадцать секунд на «шамане» загорелось видео, а на нём – совершенно бледная девушка, которой пережитый ужас прибавил десяток лет. Спустя несколько кадров финал рассказа полностью материализовался в цвете.

– Как это понимать? – спросила Юки у неё и у Джея. – Вначале я делала ставку на парамнезию, а теперь…

«По официальным документам Холли погибла в год Коллапса, – приватно ответил ПМК. – Когда Рэй рассказывал про неё, я подумал, что просто фамилия совпала, а теперь…»

– Этому должно быть объяснение, – выдавила Юки. – Пока что всё напоминает основательно подготовленную страшилку.

– Если бы, – той же злой усмешкой ответила Холли.

Тогда заговорил Джей:

– У меня есть доступ к внутреннему списку «Второго отдела». Тебе следует знать, что Виктор жив и последние полвека работает у них.

Холли, приподняв козырёк, посмотрела сначала на ронина, затем на перчатку. Постепенно сквозь поволоку её водянистых глаз забрезжил свет.

– Что ты сказал?.. – она несколько мгновений пребывала в радостном недоумении, а потом выпалила:

– Просто отвал башки! Ты уверен?!

– Абсолютно. Тебе следовало обратиться к Райзену – он бы уточнил на счёт Виктора по своим каналам.

– Я видела разные списки и везде мы числились либо мёртвыми, либо пропавшими без вести. Дипломаты «Авангарда» собрали сведения со всего земного шара. Я просто сомневалась, что Райзен скажет что-то новое. Какой же я буду дурой, если то, что Вик жив, действительно окажется правдой. Боже, мне нужно вернуться в город. Вовремя же я почуяла эту чёртову винтовку. Спасибо, что заскочила на огонёк.

Холли встала, собираясь уходить. Кобыла, покосившись на неё одним глазом, застригла ушами.

– Если повезёт, мы ещё встретимся, – сказала женщина,

отвязывая лошадь. – Постарайся не погибнуть.

– Постой. Объясни хоть что-нибудь. Почему Райзен стал работать с Техником и Томпсоном? Что они затеяли?

– Я редко лезу в дела Джозефа, – отбивалась от расспросов Холли. – Моё место на пустынной дороге, где я ищу похищенных девушек и краденные винтовки.

– Ты должна знать хоть что-то.

– Меня почти не бывает в городе – такие вот особенности характера. И задачи на мне лежат весьма приземлённые. Нужно выследить похитителя – всегда пожалуйста, нужно провести перепись населения – это тоже ко мне. Иногда я выступаю в роли мирового судьи. Чутьё – или интуиция – работает почти безотказно, помогает найти выход из тупика и понять, кто преступник; разве что в твоём случае я сделала слишком много поспешных выводов. Это, впрочем, уже в прошлом. Удачи, подруга.

С тем же невозмутимым видом ковбойша дёрнулась в седле, переключив лошадиную передачу на свободный шаг; дробовик подозрительно быстро оказался в ладони, хотя Юки была готова поклясться, что его от Холли отделяло несколько метров. Безымянная кобылка в лучших традициях конкура легко преодолела штакетниковый забор. Козырнув на прощание, Холли бойко двинулась по Флоренс-Корту. Боб, повинуясь заданным алгоритмам, сорвался с места и следом за хозяйкой затрусил по разделительной линии. Прорезиненные подковы глухо зацокали по пластиковым плитам дороги.

– Какого Койпера? – выругалась Юки. – Что за игра в экстрасенса? Джей, чем глубже мы заходим, тем меньше я понимаю. А главное, как беременная девушка смогла сбежать от похитителей?

«Всему есть объяснение», – логично заметил Джей.

– Конечно. В таком случае, дай логичное объяснение этой истории с собственной могилой. Хорошо, оставим её на потом. Давай разберём иной момент. Покажи, как ружьё оказалось у Холли в руке.

ПМК подчинился, однако на видео не обнаружилось ничего сверхъестественного. Холли сделала несколько самых обычных шагов, привычно подняла двустволку и стандартно запрыгнула на лошадь. Однако, Юки жизнь могла поставить, что дробовик был либо примагничен, либо телепортирован.

– Всё было не так, – почти про себя произнесла она и спросила уже громче:

– Скажи, проникновение в Лос-Анджелес изначально входило в план?

«Нет, но исходя из оценки твоих возможностей и поступившей информации, Эл-Эй лучше всего подходит в качестве нашей приоритетной цели».

– Всё было бы проще, если бы мне заранее рассказали про модули искусственной души. О них же с шестидесятых известно. Я бы подготовилась, поняла, как с ними общаться. А меня просто швырнули на амбразуру. Джей, что всё это значит?

«У меня есть лишь пара строчек односложных инструкций. Хочешь знать больше – направляйся на базу «Отдела» или связывайся с «Токио» через Филадельфию. Задачи твоей миссии я тоже понимаю довольно смутно».

– Вообще не факт. Дай мне доступ к внутренней нейросетке, если ты такой честный.

«В моей личной памяти могут копаться только сотрудники «Бэнко», имеющие определённый уровень доступа. Ты же знаешь условия договора…»

– Нет больше «Бэнко», равно как «Гугла», «Майкрософта» и «Теслы». Все договоры обнулены. Ну же, Джей, должен быть какой-то скрытый пункт, который даст мне необходимые разрешения.

«Ты правда настолько мне не доверяешь, что хочешь залезть в мою память?»

– Мне нужно закрыть пробелы. Их слишком много, а главное… Я хочу знать, чем болел папа.

«Техник не показывал мне амбулаторные карты. В этом вопросе могу лишь делиться предположениями».

– Отлично. А что, если я, как и Кэнсин, участвую в каком-то слепом эксперименте? Что, если меня не станет так же резко? Инсайдер говорил, что «А2» может дать безграничную силу. Что это значит? Бесконечные патроны, сеанс биоэнергетики. У меня есть право знать. Из-за чего он умер? Это имеет отношение к проекту Томпсона?

«У меня правда нет данных».

Прозвучало уверенно, но всё равно как враньё. Её мнительность дошла в этот момент до предела.

– Кругом слишком много аномалий. Я словно попала на страницы «Пикника на обочине». Даже эта история про разбившийся старлайнер похожа…

На слияние двух вселенных?

«Нет никаких аномалий. Есть недостаток данных и искажение восприятия. И это именно те два минуса, которые при умножении дают ещё больший минус. Нам нужно думать про задание. Сосредоточься на нём».

– Ещё есть враньё и недомолвки, – сказав это, Ю злобно подошла к бассейну. Налитые плоды лимонного дерева включёнными лампочками висели над водой. Сорвав один, Юки броском отправила его в ин-баг. Клешня среагировала безупречно. В полном молчании ронин глотнул лимонад прямо из графина.

– Без сахара, – с чувством принятия произнесла Юки. – А я-то уже размечталась.

За шестьдесят километров до Эл-Эй её встретил небольшой фермерский городок: сорняки на заброшенном поле, как толпа разогретых фанатов, ритмично качались вокруг напрочь проржавевшего трактора. Пластиковые ограды «под дерево» размежёвывали территорию вдоль двуполосных автомобильных дорог. Город ангелов скрывала штормовая волна холмов, над которой возвышалась, подобно башне

безумного и стильного техномага, верхняя треть небоскрёба Лос-Фелиз.

Одну его сторону заполонил зелёный каскад террас. Декоративный плющ змейкой полз от этажа к этажу, некоторые участки казались совсем лёгкими, словно первые узоры инея на стёклах захолустных русских изб. Перемежались разноцветные островки виноградной лозы, глицинии, кампсиса… Отдельные линии выглядели тяжелее и толще, уподобляясь государственным границам географического атласа. Многообразие красок создавало один огромный природный мурал. Папоротники, пальмы, петунии, розы… Кромки стёкол причудливых и классических форм, рёбра неоновых ламп, врезанных в цветастую зелень, серебряные ниточки воды… Из мелких стежков состоял яркий двухтысячиметровый гобелен, почти столь же великий, как «Поклонение волхвов» Уильяма Морриса. Вторая видимая стена состояла из череды асимметрично расположенных окон, вывернутых под совершенно разными углами. Трёхкилометровое поле деформаций вспыхивало на солнце бесцветными ударами тока.

Пугающе огромный дредноут завис на уровне пентхауса – вытянувшийся в струнку синий кит с опоясывающими его мостиками несущих винтов. Под брюхом, помимо систем слежения, разместились различные по назначению крылатые ракеты и орудия. По центру, на большом подвесном станке, висела квадратная пушка, овитая ломаной спиралью проводников, образующих, вероятно, зверской мощности магнит-

ное поле. Если это импульсный электромагнитный генератор, значит, дредноут способен стрелять плазмой.

– Техника взорвали с корабля?

«Орудие выглядит чем-то сверхмощным, – поддержал гипотезу Джей. – Узнаем, когда подберёмся ближе».

Зависшая в статике махина вызывала изрядное напряжение. Помимо этого, инсайдер скинул инфу, что в Эл-Эй сосредоточено около пятнадцати тысяч «штыков», вооружённых по последнему слову техники. Следовательно, если её проникновение заметят, уйти от преследования будет в некоторой степени затруднительно, хотя одна мыслишка у Юки таки имелась…

Оглядев просторный городок, Ю выбрала двухэтажный коттедж с гаражом, в который и закатила байк. На автоматических воротах прекрасно исполненное граффити возвещало, что «Мэри и Эйден вместе навсегда».

В подвале обнаружился рабочий генератор, и, когда подалось питание, Джей по команде открыл все окна на проветривание. Квартировавшийся в ванной комнате робот-пылесос тут же принялся за работу, подпитываемый беспроводной зарядной станцией. Пол застилал транспласт: у покрытия, состоящего из подвижных микроскопических волокон, имелся срок годности, и примерно раз в двадцать лет его следовало заменять. В среднем транспласт занимал пятнадцать процентов стен – по желанию превращаясь в зеркала или медиаэкраны, создавая передвигающиеся ниши для

хранения мелочей, становясь подставками под художественные принадлежности или тому подобное. И, конечно, транспласт мог собраться в идеальную стереосистему, способную воссоздать тот самый «эффект присутствия».

На втором этаже обнаружилась спальня, переоборудованная под рабочий кабинет: большой изогнутый монитор на радиусном столе, очки VR, пустая чашка с эмблемой Международного союза юристов и ламинированное фото в светлой пластиковой рамке. Женщина и девочка-подросток.

«Дипломированный биоэтик, – дал справку Джей. – Неплохие деньги зарабатывала».

– Нервная профессия, – отметила Юки.

«Пожалуй. Отслеживание нелегальных имплантатов – та ещё задачка. Когда люди стали «кибернетизироваться», биоэтики вступили в борьбу с недобросовестными клиниками. А после нескольких несчастных случаев с участием несовершеннолетних контроль усилился ещё больше».

– Всё закономерно, – вздыхала Ю. – Чем меньше возраст, тем выше риск осложнений. Мажоры предпочитали об этом не думать.

Пылесос, наевшийся трансплаcтовой пыли, вылетел из-под кровати, направившись в коридор.

Обычный массивный гардероб кремового букового оттенка вмещал целый бутик строгих женских костюмов, зауженных брюк, белых блузок с короткими и длинными рукавами и жилетов на больших пуговицах. Ни одной вещи с декольте

или юбки выше колена.

Во второй спальне спал на стойке старенький стратокастер «Gibson». Юки, присев на кровать, подкрутила колки, а затем исполнила рифф из «Come as you are». Звучала гитара превосходно.

Подоконник завалили мягкие игрушки. Белые носочки, оформившиеся в виде рыбного знака зодиака, пылились в углу. Подростковый гардероб оказался габаритами поменьше, зато имел более разнообразное наполнение. Джей по команде включил музыку. Случайный выбор остановился на «The Clash». В этот раз заиграла песня про грабителя банков. Юки жуликовато рылась в вещах.

– Короткие юбки в наличии. Мика хотела подарок.

«Carpe diem».

– Мне бы живой оттуда уйти. Там ведь армия.

«У меня имеется план».

– Он связан с угоном дредноута?

«Зришь в корень. Закономерно, что ты тоже подумала об этом».

– То есть?

«Просто хвалю смекалку. Представляешь, как эффектно мы оттуда свалим? Даже если инсайдера не взломаем, в анналы истории себя точно впишем».

Юки выставила перед собой зелёную плиссированную юбку с тартановым узором в бело-красно-чёрную клетку. Выше колена ровно настолько, чтоб порыв ветра не оголил зад-

ницу (кроме случаев поддува из канализационной решётки, как в случае с Мэрилин Монро). Механическая клешня ин-бага приняла новый предмет, покрыла мембраной упаковочной плёнки и отправила на миниатюрный переносной склад. Внутри ин-бага образовывались удобные ячейки необходимого размера, перемещавшиеся в нём по принципу «пятнашек».

К юбке следовало прихватить что-нибудь ещё, дабы довести шкалу бесстыдства до уровня Мики, а ассортимент для этого имелся более чем предостаточный. Юки перебирала университетские кофточки, блузки с оборками и рубашки с глубокими вырезами. Похоже, Коллапс настиг здешнюю обитательницу примерно в старших классах. Наконец, выбор остановился на асимметричном кроп-топе без лямок. Тоже зелёный, но украшенный лёгкими диагональными мазками разноцветной кисти.

– Вполне себе развратно и мило, – выставила Юки оценку.

«Это оксюморон», – незамедлительно парировал j-J.

Сонный привкус американской пасторали складывался в цветной образ. Немного не дотягивает до синестезии, но всё равно ощущается довольно живо. Юки задумалась, а сильно ли отличалась жизнь в таких вот городках от того, что она видела за городской чертой Шанхая. Странные сейчас фермеры – какая-то смесь высокотехнологичного двадцать второго и раннеиндустриального девятнадцатого. Как будто волны эпох столкнулись, образовав новый водоворот, кото-

рый постепенно затягивает мир.

Кровать мягко приняла её – прямо в одежде и пыльных итальянских ботинках. Револьвер лёг на живот, ин-баг на тумбочку, «Ли-Энфилд» оперлась на стену. Вот смеху-то будет, если по ней во сне долбанёт дредноут. Что ж, быстрая смерть – идеальная смерть.

«Нет, ну какая к чёрту аура? – думала Ю. – Чудесам должно быть объяснение. Пока что всё происходящее напоминает чью-то безумную фантазию».

Мысли плыли речным туманом, Ю пыталась разогнать их искрами здравомыслия, но беспорядочность возвращалась снова и снова. Аура умирающей беременной женщины. Аура мёртвого брата. У мёртвых не бывает аур. С реальностью что-то не так. Как будто её вывернуло наизнанку, открыв новые, скрытые под бетоном рациональности слои. Пространство-время трансформировалось в тиссеракт и теперь изменяет ход истории по собственной прихоти. Либо Юки найдёт объяснение, либо проснётся. Варианта всего два, и она была согласна на любой.

Между реальностью и сном существует шлюзовая камера: небольшой тамбур концентрированного спокойствия, короткий миг блаженства перед входом в ещё более сильное блаженство (иногда в ужас или в никуда). Юки поймала момент. Вот-вот сознание ступит в абстракцию потустороннего, отдавшись его переплетениям и невнятным обрывочным картинкам, закрутится плоскостями меж рёбер гироскопа. Мыс-

ли переплетались. Жара стояла неимоверная. Нужно было раздеться. Сон в одежде менее полезен, чем любой другой сон, если, конечно, спишь не на морозе. В Средние века Япония переживала холодные зимы: слишком тонкие стены, слишком мало топлива. Тогда они пускали на растопку всё, что было под рукой; и одежду занашивали до дыр. А золотари даже скупали за деньги компост. Скупали, естественно, чтобы перепродать. Японцы знали цену ресурсам. Вязанка хвороста как эквивалент жизни. Ю ценила тепло, словно в её геноме увековечилась память о тех забытых временах… Шлюзовая камера закрылась. Или нет?

Дом был другой. С подоконника исчезли мягкие игрушки, пропал стратокастер, и матрас под ней ощущался немного жёстче. «Ли-Энфилд» и револьвер в тех же координатах, если брать её за точку пересечения осей икс-игрек. Слабо доносился неспешный бит, словно кто-то ступал по усеянному ракушками берегу рыбацкими резиновыми сапогами. Словно берег был за стеной, но стена была невероятно толстая, как у крепостного каземата времён Наполеоновских войн.

j-J игнорировал команды. Юки приняла сидячее положение, пытаясь сосредоточиться. Что-то утягивало её из реальности, удерживая в полусне, всегда наступающем после первой секунды бодрствования. Невидимая рука прошла сквозь кожу, ухватив позвоночник. Некая фантомная сила не желала, чтобы Юки выходила из мира грёз, таща её обратно в круговерть невообразимых образов. «У меня есть кролик в

рукаве», – словно бы говорила Вселенная, не принимая отказа увидеть. Ю проверила блейдер. Прислушалась. Что-то миновало дворик. Бесшумный призрак прошёл в незапертую дверь, начал подниматься по лестнице. Джей продолжал молчать, информер не показывал сигнатур, превратившись в бесполезное стекло с вакуумными присосками, которые не оставляют следов. «Оригами» обернулся вакидзаси. Защёлкал барабан револьвера. Солнечные приливы накатывали на затылок, согревали и рассеивали восприятие. Слишком хороший день для печальной развязки.

Шаги бесшумны, неспешны, уверенны. Так ступает смерть. Последний шаг самый громкий, а до этого кажется, что дом пуст. Одинокий городок на краю страны. Стела небоскрёба сияет у горизонта, как надгробие. Дредноут обшаривает местность, глазеет подобно оку Саурона, но опасность ближе. Страх всегда коррелирует с расстоянием.

Почувствовалось приближение фронта. Повеяло прохладой начинающегося дождя. Плотная грозовая туча осела в лёгких, а сердце, пресытившееся кислородом, ударило в голову чистой концентрацией. Она приготовила вакидзаси. Она завела револьвер. Смерть всегда либо в комнате, либо за дверью. Даже если у тебя на руках все деньги мира, смерть ближе, чем самый родной человек. Первый шаг. Второй. Третий. Слишком мягко и спокойно.

Ожидание.

Выстрел.

Механизм замка выбило зажигательным зарядом. Панель отъехала, приоткрыв щелочку коридора. Что-то ворвалось внутрь, побежало, прижимаясь к полу. Четыре лапы, ржавые зубы.

– Фас, Боб! Фас. Сожри эту суку.

Юки рубанула питбота по голове. Движение, как в пинг-понге – дёрганое, но чёткое. Шапочка черепа отлетела в сторону. Оптические датчикизахвата цели отправились в металлолом, но зубастая пасть всё ещё выполняла заявленные функции. Боб вцепился в руку с блейдером, сжал запястье клыкастым железным капканом. Повис.

Ронин махнул собакой, ударив ею о раму окна. Холли показалась в дверном проёме, вынося вперёд двустволку. Ю отшагнула, волоча пса за собой, и всем телом впечаталась в шкаф. Громыхнула дробь: стена рядом с окошком загорелась рыжим, как ржавчина, пламенем. Напалм. Шарики свинца. Соль. Холли промахнулась на один шаг, скрылась за стеной, начала перезаряжать. «Переломила» ствол, механично заправляя казённик.

Юки снова ударила пса наотмашь об оконную раму. Давящая боль заглатывала, двадцать килограмм металла тянули вниз. Револьвер отправил электрический пучок в коридор – это даст пару секунд, прежде чем Холли пойдёт на второй заход. Скошенная голова Боба дёргалась из стороны в сторону, разламывая кости. Юки ударяла раз за разом, и псина отцепилась вместе с мясом и обрывками рукава, полетев

на козырёк. По черепице заскребли когти. Стена тлела, гравируясь чёрным узором. На периферии реальности грянул гром. Револьвер нацелился на вход.

Выстрел.

– Ну вот и всё, – цинично произнесла Холли Деф. – Нет у тебя больше рук.

Кольт выбило вместе с куском полугловелетта. Юки, корчась от боли, сидела под планкой подоконника. Начинался дождь. Несколько дробин покусали бок, язычки пламени вспыхивали на оборванной форме. Мясо подъедал напалм. У неё ещё оставались ноги. Нужно было встать.

– Считай, дело в шляпе, – бахвалилась Холли. – Какая же я молодчинка.

Дуло ткнулось в ямку на шее, огненный выстрел забурился в тело. Перед смертью детали невероятно отчётливы – казнь будит сознание как страшный аттракцион, гул толпы ярче стука вошедшего в плаху топора, слово – долгожданный свадебный штамп. В последнюю секунду сознание уловило ауру непонимания и растерянности.

«Арисака», – услышала Юки перед блаженным падением в темноту, а затем Холли финальным дублетом добавила:

– Твою мать.

Шлюзовая камера разлетелась вдребезги. Ленивый солнечный прибой по щиколотки заливал спальню. Юки стояла, направив револьвер на вход.

«Что с тобой?» – поинтересовался Джей.

– Кошмар приснился, – ответила Юки, не отводя пистолета. – Холли меня прикончила. Я облажалась.

«Это всё из-за переживаний – последние события тебя изрядно вымотали. Обычное дело».

– Тут что-то иное… Меня накрыло, как в узле. Сенсей меня ко многому готовил, даже к безумию, так что пара дней в авральном режиме на мою психику особо не повлияют. Но всё-таки… Ощущение такое, будто против меня играют потусторонние силы.

«Судя по всему, твоё самообладание расшатал инсайдер».

– Вряд ли дело в «А2». Мне кажется, эти видения вообще не связаны ни с чем и ни с кем. Они принадлежат только мне и будто проигрывают для меня наихудшие варианты развития событий. Словно я переживаю ошибки, которые могли бы произойти, но по неведомой причине обошли меня стороной: умираю где-то в ином месте, чтоб жить здесь. Если есть вопрос, значит, где-то должен лежать ответ. Как же меня бесит недостаток информации.

Кольт отправился в кобуру. Холодный фронт подобрался к её временному пристанищу – Юки чувствовала его спиной. Будет дождь – первый летний ливень размером с маленький шторм. Самое лучшее погодное явление.

Всё было на месте: игрушки, стратокастер, винтовка, носки в виде знака зодиака… Стоп.

– Джей, что изменилось?

«Атмосферное давление…»

– Нет, я про комнату.

«Ничего».

Как же, ничего.

– Какого Койпера? – спросила Ю у Вселенной, упирая винтовку в плечо. – Назови модель оружия.

«Type 38. «Арисака».

– И это, по-твоему, нормально?

«Абсолютно».

– Да ты издеваешься! Перед сном здесь стояла «Ли-Энфилд».

«Уверена?»

– На все сто. Что за шутки, Джей?

«Да, я просмотрел архивные записи. Действительно, имела место какая-то метаморфоза. В ближайшее время постараюсь найти ответ».

Естественно, сборнику алгоритмов плевать, что английский ствол превратился в японский. По коже поползли мурашки, и всё тело, до мочек ушей, напряглось. Холли озвучила именно это, когда отправляла её к небесному хору. «Арисака». Ю попыталась выстроить логическую цепочку, но снова споткнулась о недостаток данных. Ружьё прицелилось в окно. Тот же коллиматорный прицел и тактильный интерфейс на ложе. Выстрел. Гильза не вылетела. Пять патронов на месте.

«Ты привлечёшь внимание», – занудно пробухтел Джей.

– У меня бесконечная обойма. Мне теперь даже армия нипочём.

Сказано было без особого веселья. Когда одно оружие мимикрирует под другое, начинаешь либо сходить с ума, либо искать объяснение. Если Ю выберется из Лос-Анджелеса, то прямиком отправится к Райзену, потому что хороший учёный всегда добирается до первоисточника.

Гром прокатился хриплым рыком, возвещая о собственном пришествии. Скоро он будет всюду, от горизонта до горизонта, и без спроса заберётся в самый глухой чулан.

– Пожалуй, самое время принять ванну, – тихонько вздохнула Ю. – Врубай бойлер и фильтры. Я заслужила полчаса в горячей воде.

Окружные ранчо затушёвывала темнота. Юки прошла в ванную, разделась, приняла душ. Намылилась, овеяв себя нотками груши, мандарина и чёрной смородины. Тщательно смыла суточную грязь. Уже чистенькой легла в прозрачную, как роса, воду и подумала, что в ванне достаточно места для кого-нибудь ещё. Беззаботно уставилась в потолок.

– В моём возрасте нужно веселиться с друзьями, а я сражаюсь против мегакорпорации.

«Это круче, – заметила отложенная в сторону перчатка. – В конце концов, переходный возраст требует сильных впечатлений».

– Сейчас от них сплошная головная боль. Проще найти себе парня… Или девушку. Можно даже гарем девушек. Хо-

чу, как в манге.

«Парня только одного?»

– Можно несколько, лишь бы предохранялись. С девушками проще – их можно побольше.

«Стандартная позиция прогрессивной женщины из двадцать второго века».

– И самая правильная, как мне кажется. Нельзя строить отношения просто чтоб отдать дань уважения консервативным традициям, а заводить детей, чтоб показать окружающим твою «нормальность» – вообще абсурдно. Ребёнок должен знать, что у него будет будущее, что он не станет курьером или кассиром в ресторане быстрого питания. Качество против количества. Побеждает ведь всегда первое, верно?

«В большинстве случаев, – согласился Джей. – Ты против детей?»

– Вовсе нет. Для начала я просто хочу влюбиться, а дальше – как пойдёт. Если найду идеального парня – стану ямато-надэсико, а если девушку – то буду просто получать удовольствие.

«Не представляю тебя в роли ямато-надэсико».

– Это всего лишь шутка. Я просто хочу развиваться, расти вместе с любимым человеком и иметь какую-то общую цель.

«Взвешенно мыслишь. Многие старались жить по этим принципам и были вполне счастливы».

– Ага. Жаль, что эта травоядная позиция не помогла человечеству остановить Армагеддон. Я вот думаю, Коллапс

устроил тот, у кого попросту атрофировалось чувство любви.

«Обезумевшие асексуалы?» – расчётливо-глупо отшутился Джей.

– Шанс приличный. Их в сорок пятом миллионов сорок насчитывалось. – Юки захотелось отвлечься на статистику. – Сколько сейчас однополых пар?

«Точных цифр нет. Плюс-минус полпроцента от всей популяции».

– А тех, кто сменил пол?

«Меньше одной сотой. Людям сейчас не до манипуляций с половыми органами. Им бы поесть досыта».

– Ещё бы, – кивнула Юки. – Так какой у нас план?

Над ванной зависла трёхмерная карта.

«Кластер, скорее всего, находится в пентхаусе – это видно по сферическому нимбу деформаций. Так что дело за малым. – Джей подсветил маршрут. – Объедешь Санта-Клариту с севера. Оставишь байк у Кагел-Муантэйн – и пешком на юго-восток. Много холмов, которые послужат отличным прикрытием. Как только подберёшься достаточно близко, я начну взлом дредноута, а если кластер начнёт чудить – вызову сбой в системе. Штурмовать обелиск пойдёшь по моей команде. Если всё пройдёт гладко, «Вертикаль» даже не поймёт, что мы заходили в гости».

– А если ты облажаешься, то меня сотрут в порошок ураганным огнём. Как, кстати, поступим, если потеряем дред-

ноут? Ну вот залезу я на пятисотый этаж, может даже инсайдера заставлю капитулировать и модуль заберу. У тебя есть запасной план отступления?

«Можно использовать возможности кластера. К примеру, подать «Вертикали» команду, что ситуация под контролем, а диверсант обезврежен. На крайний случай использую ионизацию, чтобы немного остудить их пыл. Вариантов для импровизации у нас будет уйма».

– О'кей. А если на входе стоит рота вооружённых головорезов?

«Тогда обстреляю караул из пулемётов или отработаю из гаубиц. Будь уверена, чтобы доставить тебя к инсайдеру, я использую все доступные возможности».

Юки, запрокинув голову, расплылась в кровожадной улыбке.

– План надёжный, как швейцарские часы. Дожидаемся ночи?

«Нет, Ю. Судя по величине тучи, атмосферному давлению и температуре, землю накроет туман».

– Это приятнее, чем самум.

«И не менее эффективно».

– Значит, два километра вверх… Плохое у меня предчувствие.

«Будь готова ко всему. На худой конец, пойдешь пешком».

– Я беспокоюсь не за подъём… Ладно. Постараемся сделать всё чисто. И чтоб на этот раз без светомузыки.

«Хаос в узле сыграл нам на руку».

– Ничего подобного. Слишком много лишних жертв. С чего ты вообще решил стимулировать их центры агрессии?

«Произвёл расчёт и выбрал наиболее рациональный вариант. Мне не хватало оперативной памяти, чтоб успокоить всех людей разом, зато я мог вызывать отдельные вспышки гнева. Это помогло отвлечь от тебя бóльшую часть «Персонала».

– В этот раз постарайся минимизировать урон.

«Попытаюсь, но моя основная задача – сохранить твою жизнь».

– Какой ты заботливый, – глубже опускаясь в ванну, произнесла девушка. Тонкие ключицы исчезли под водой. Пальчики скользнули ниже пупка. Закрыв глаза, Ю отдалась на волю самых грязных мыслишек.

– Джей, – томный голос прозвучал словно издалека, – «режим тишины».

j-J не ответил. Время, как удары сердца, побежало чуток быстрее.

Над горизонтом перекипала грозовая туча. Резануло свежим наэлектризованным воздухом, единым фронтом подступала исполинская тень. Юки, стоя на крыльце, наслаждалась начинающимся ненастьем. Картинка уходящего дня зыбилась в сплошной пелене дождя.

– Надолго?

«Минут сорок. Ещё через полчаса туман. Похоже, мы действуем точно по плану Томпсона».

«О котором тебе наверняка что-то известно», – недоверчивым рефреном отдалось в голове.

Взявшись за поручень, Юки по-кошачьи выгибала спину. За полноценным сном всегда следовала полноценная разминка. Она вытягивалась и скручивала корпус, чувствуя напряжение, за которым таилась лёгкость. Тело готовилось действовать отточенно-безупречно, так что сейчас ронин проверял состояние каждой его составляющей.

Спустя стандартный комплекс упражнений, Юки, перевалившись через резную балюстраду, оглядела небоскрёб. Дредноут висел неподвижно в полукилометре от него, словно ожидающее клиента такси. Подбираться к башне придётся осторожно – в округе наверняка летают «жучки», а на дорогах точно снуют мотострелковые разъезды. Один неверный шаг – и весь план коту под хвост.

Шорох дождя потонул в громовом накате. Ю вдохнула озон полной грудью и потянула сцепленные руки вверх. Косточки приятно заныли.

Полилось с неистовой силой, ослепительно сверкнули шрамы молний, низкие деревья клонились, дрожа всем своим естеством. А спустя час действительно начал восходить туман и, точно души некогда живших здесь людей, стал занимать веранды и крыльца. Холмы затерялись в густом мареве. Юки села на байк и двинулась к цели, с помощью ви-

зуальных фильтров информера заглядывая сквозь непролазную призрачную пелену.

От двухполосной дороги отходил спуск на велотрассу. Ю остановилась на обочине. Башня вырастала точно из улёгшихся на плоскость эклиптики облаков. Весь мир раскручивался вокруг оси, пытаясь удержать равновесие. Солнце спешило к закату. Юки любила ночь и с нетерпением ждала, когда продолжительность дня снова пойдёт на убыль.

Байк остался на велосипедной стоянке. Холмы впереди вздымались бушующим морем, заснятым на «Полароид» в момент девятого вала. На карте горели сигнатуры патрулей и мельтешили микроскопические летающие роботы. Юки, прикинув маршрут, двинулась в путь. Визуализатор переключился в режим «солнечно».

Из-под подошвы вылетала почва. Разросшаяся овсяница заполнила холмы, как противоударная посылочная набивка. Призрачно-белая мгла казалась толщей ледника, способного расплющить ввинтившийся в него коготь буровой установки. Кое-где приходилось взбираться бегом, но в основном Ю держала темп быстрой ходьбы. Дыхание ровное, как ритм сердца. Пейзаж невероятен, как тысячелетия назад. Враньё: пейзаж стал гораздо круче.

Джей использовал «хазм». Подключение прошло по-тихому, и теперь Юки, скрытая склонами, ожидала завершения первой фазы плана в вольном варианте «низкого старта».

«Минут за семь управлюсь», – проинформировал j-J.

– Что по вооружению?

Загорелась номенклатура – различные разновидности пулемётов, ракет и гаубиц… Особняком выделялась плазменная пушка, способная разнести крупный городской квартал. Юки оценила мощь, ощутив приятную пульсацию в самых чувствительных местах. Загорелись мочки ушей. Затвердели соски. Пальчики налились кровью. Она, блаженно закрыв глаза, принялась считать до десяти.

Внедрение проходило в штатном режиме. Несколько вирусов зацепились за строчки кода, шифры разматывались, как клубки ниток. Система обретала простоту линии, превращалась в понятную последовательность, невольно отдаваясь на милость Джея. Юки сконцентрировалась, готовясь рвануть вперёд сумеречной тенью. «Пусть это будет идеальная кража», – молитвенно, всё ещё стоя на одном колене, думала она.

Всё-таки слишком хорошо это звучало, чтобы быть правдой.

На плотное тело тумана легли баллистические швы. Юки определила траекторию: стреляли со стороны кампуса, расположенного несколькими километрами севернее. Естественно, её не могли видеть за складками холмов, но пули летели чётко в её сторону, высоко над головой. Это примерно то же самое, как в разгар бури влупить из «джаггера» по диспетчерской башне. Словно праведную, меченосную руку паладина направлял Господь Бог. Два маловероятных совпа-

дения или чудо? Или это одно и то же? Без разницы. Через секунду начнётся импровизация, и только её результат имел сейчас значение.

«Бегом, пока «Вертикаль» не очухалась».

– Почему они вообще стреляют? – только и успела спросить Ю, рванув вперёд.

Войско Лос-Анджелеса заработало промасленными шестерёнками. Далёкие выстрелы разбудили радиоэфир. Стрелявшие говорили про «движение в тумане», про «перестраховку» и «предчувствие». Нет, никто из «Вертикали» не видел даже силуэта ронина, просто одному из них взбрело в голову, что опасность невидимо пробирается по холмам.

Ствол плазменной пушки начал выворачиваться на станке, наводясь на призрачную цель. Юки резко остановилась, прицениваясь к орудию: дредноут наудачу выбирал, куда бы всадить заряд. Она заставила себя тронуться с места с новой силой, минимум на серебряную медаль мирового первенства по бегу. Дредноут выстрелил, когда девушка уже не смотрела. Бестелесный электронвольтный сгусток вдребезги разворотил вершину холма. Каменистые брызги полетели во все стороны. Дрожь отдалась в почве.

Спустя наносекунду произошло соединение: инсайдер вошёл в неё, заполонил как антитела кровоток, лишив возможности ответить. Психоцифровой образ всплыл в разуме невероятным по реализму фильмом. Юки не помнила, успела ли она остановиться или свалилась в траву, – её просто поста-

вили перед фактом. К счастью, это был не Нанкин.

Первый уровень патетики. Старт.

– Нигде нет спасенья от войск «Авангарда», – посетовал голос, красивый, как песня.

Увидела Юки воинственный образ, воссозданный словно руками фантаста. Купальник высокий? Одежда для боя? Из ткани чудесной она состояла по типу кевлара в зернистом узоре, и вставки металла в изгибах ажурных прекрасно ложились на стройное тело. Пупок оголённый в бесстыжем разрезе сразить мог быстрее меча или пули – вся Linea Alba одеждой не скрыта на грязную радость очей извращённых. Её сапоги, до колена почти что, сплошным серебром опоясали ноги, чулки из всё той же немыслимой ткани до бёдер упругих её доставали. В перчатках тактических сильные руки, под крепкой защитой манжетов высоких. Лишь плечи нагие подставлены Солнцу, и взор устремлён был в небесные дали.

Блокировал Джей передачу не сразу.

Пауза.

Юки поняла, что проспала несколько шагов и со всего маху рухнула в траву.

«Прости, Ю, – поспешил извиниться Джей. – Поздно среагировал».

– Как инсайдер узнал моё местоположение?

«Потом разберёмся. Дредноут почти наш».

Почти – это слишком расплывчато. Юки посмотрела на-

верх, мгновенно поняв, что пушка копит второй заряд. Если канонирам передали её координаты, то очень скоро она разделит судьбу Техника.

Бег продолжился с новой силой – в таком темпе до башни она доберётся за пару минут.

Выстрел.

Ю почувствовала тепловую волну, услышала страшный грохот, удержала равновесие. Она до сих пор не осознавала масштаб. Совсем недалеко, за холмами, лежал город, в котором взлетали вертушки и заводилась броня, и тысячи вооружённых воинов, разбитых на небольшие отряды, выступали ускоренным маршем. Они чётко осознавали, что следом за новым Джимми Пейджем обязательно явится старое воинство «Авангарда».

«Готово», – произнёс j-J, немедленно приступая к импровизации.

Дредноут дал крен, заваливаясь в сторону небоскрёба – уже по одному этому манёвру людям на борту стало понятно, что они в чужой власти, однако вернуть главенство шансы у них были ничтожные: люди банально не могли добраться до пульта управления, кувыркаясь в нестабильном пространстве. Дистанционный доступ Джей заблаговременно заблокировал.

Заработали крупнокалиберные пулемёты. Яркие росчерки разрисовали сумерки. Ранения будут страшные: такой калибр без исключений разрывает человека, как тряпичную

куклу. Спасение было даже не в броне, но в электродинамических полях, которые, благодаря ресурсам «Вертикали», присутствовали практически на всех машинах. Джей, однако, не собирался действовать одними пулемётами… Десятки ракет оторвались от брюха дредноута, потянувшись к городу щупальцами громадного спрута. Орудие в третий раз засветилось молниями, нагнетая заряд.

– Джей… – только и сказала Юки, перейдя на шаг.

«Я буду предельно аккуратен», – заверил J-note, наводя пушку на окраину города.

Возможно, быть неаккуратным оставалось единственно верным выходом. Армия с танками и вертушками – это не тот случай, когда стоит думать о чистоте. Если на тебя идёт орда, ты просто аннигилируешь местность. До площадки, на которой стоял «Лос-Фелиз», оставалось двести метров. Плазма в дуле ствола-конденсатора испускала протуберанцы. Яркая вспышка облизнула вечернее небо. Плазмоид сверчком прыгнул к городу и заревом короновал холмы.

«Это увеличит наши шансы, – констатировал Джей. – Только что я вынес добрую половину зениток».

Ноги ступили на ровную площадку перед небоскрёбом. «Зелёная» стена Лос-Фелиз плавно перетекала на покрывало паркового козырька. Ажурную крышу, описывающую несильный изгиб, держала череда колонн. Деревянные дорожки пересекали цветущие сады. Подсветка в основании поребриков мягко играла на декоративной растительности.

Юки бежала параллельно парковой зоне. После пересечённой местности к стеклокерамической брусчатке эспланады пришлось несколько шагов привыкать. Человек в тепловизоре брёл в тумане точно в её сторону, но заметил слишком поздно. Ронин подскочил, описал в воздухе полный оборот и наискось рубанул катаной. Линия: скуловая кость – верхний ряд зубов – щека. Быстро, как щелчок пальцев.

«Слишком энергозатратно», – только и произнёс j-J.

Второй силуэт выплыл из-за угла, и в очередной раз Юки удалось среагировать быстрее. Револьвер вспыхнул молнией, энергетический пучок впился в нерасторопное тело. После единичной судороги человек, будто обморочный, упал. Ю завернула за угол. Перед входом извивались линии деревянных лавчонок, какие-то абстрактно-гротескные каменные скульптуры и фигуры с зеркальными поверхностями, искажающие в себе любого проходящего мимо. Юки заметила краем глаза своё отражение: вытянутая, как выползающий из озера водяной дух. На входе её встретил боец из «кобр», крепкой комплекции молодого Брюса Ли. Лишь в момент удара она заметила памятный шеврон на плече. Китаец машинально укрылся автоматом, как посохом бо. Тщетно: «Оригами» без труда развалил его от мозолистого тела до солнечного сплетения.

Наконец, ронин оказался внутри. Стены фойе переливаются чешуей хамелеона – материал навроде транспласта, только более крупный, зернистый и долговечный. Узор мог

быть любым, в том числе объёмным и движущимся, но сейчас стены транслировали сотканную из нюансов цветовую палитру. Двадцать четыре лифта разбросаны по окружности, и чтоб оббежать их все, хорошему бегуну потребуется минимум полминуты. Двери – авиационный титан с вкраплениями тонких люминесцирующих нитей. Такой вид искусства можно назвать «геометрией невесомости». Юки вошла в кабину.

– Смотри, чтоб дредноут уцелел.

«Само собой. Я использую небоскрёб в качестве укрытия».

– Хоффмана засёк?

«Медитирует в соседней от кластера комнате».

– Феноменальное умение абстрагироваться от происходящего. Как обстоят дела с инсайдером?

«Обмениваемся аргументами. Я разгадал несколько базовых установок и ищу, чем парировать. Как только оступаюсь, спор начинается заново. Меня уже подташнивать начинает в этой смысловой петле».

– Стандартная реакция на интоксикацию.

«Пожалуй», – благосклонно произнёс Джей.

Лифт стремительно поднимался. Два километра пролетели за двадцать секунд: жилые этажи, парковки для дэшей, помещения с камерами хранения для доставки, уровни, оборудованные инерционными демпферами (проще – амортизаторами массы), минимизирующими раскачку при сильном

ветре. Юки слышала, что началась суматоха, что Джей позакрывал квартиры, и многие выламывали двери, пытаясь выйти наружу. Если ей удастся благополучно уйти – это уже будет победой.

Апартаменты Хоффмана занимали весь этаж. Единственная дверь, в серебряном контуре подсветки, открылась по движению руки. Её встретил модернистский нео-лофт: в решётку потолочных балок вписаны люстры-прожектора на штангах, кирпичная стенная кладка чередуется со сланцем и чёрным деревом; несколько панно из высушенных жуков и бабочек, диваны, лишённые плавных изгибов, z-образный кофейный столик, сложенная из деревянных поддонов функциональная поверхность невнятного предназначения, обесцвеченный фотохимией комод, светильник с трапецевидным абажуром на низкой тумбочке, стеллаж абстрактной несимметричной формы с множеством полок, на которых барахлилась всякая всячина: книги, фигурка Гаруды, двадцатигранный «дайс», вечный двигатель из подвешенных металлических шариков, механический цветок венериной мухоловки… Ещё множество мелочей, вроде белого ковра, о которых Юки забудет спустя секунду.

За лентой киберглассовых окон пулями отплёвывался качающийся дредноут. Пушка нагнетала заряд: Юки чувствовала зуд воздуха, колебание звука на барабанных перепонках. Сумеречное небо плавно перетекало в ночь.

Кластер обнаружился у дальней стены. Рядом любезно

ожидало эргономичное кресло. Ю уселась, слопала «нитро» и ощутила, что и без того богатая на события жизнь обретает новые горизонты. Перчатка легла на «точку», и ронин вошёл без команды. Она пересмотрела настройки, решив не тратить время на несколько лишних слов. Джей отошёл в сторонку, полностью предоставив Юки дискуссионную трибуну.

Потоки цветные заполнили небо, как дикие змеи безумных окрасов, с Полярным сияньем, что Землю балует, течение их побороться могло бы. Их свет ниспадал, как от крыльев жар-птицы, катясь по долине, меж гор невысоких, где в выси, в молчании очень недобром, смотрела та женщина статная зорко. Там бой шёл далёкий в сплетении красок: схлестнулись два флота межзвёздных империй, и ждать оставалось его результата в надежде слепой, что отступит противник. Её пистолеты на форме держались внизу живота на магнитных крепленьях, а смуглая кожа, едва без морщинок, в лучах разноцветных почти не менялась. Как будто ребёнок Америки Южной, что против картелей сражаться готова, стояла она без какого-то страха, с едва уловимой, пожалуй, печалью. С ней рядом машина – броня на колёсах – и блок пулемётный с сиденьем на крыше. А в месте, которым долина кончалась, пейзажем далёким поблескивал город: рассыпанной крошкой камней-флюоритов, мозаикой казался в спектральном сиянье; спиральные башни горят в

переливах, прямые, как стелы, иль круглые формой, меняются стили кварталов неспешно, дорожки прокинуты между домами. Стоят поезда, не летают машины. Ждёт город, страшась, окончания боя, и Юки его изучает в деталях, и главный вопрос у неё возникает: какого он Койпера выгнут так сильно? Взлетал этот город, вначале равнинный, в земную волну, уходящую к небу, на градусов более чем девяносто, как в фильме «Inception» довольно забавном. Как будто дома оседлали цунами, смеясь гравитации в наглую морду. Метафора это? Иль образ безумный, что ронина вызван собой озадачить? Тогда незнакомка слова проронила тем голосом самым, красивым, как песня:

– На этих просторах, объятых Пространством, мы слушали ветер, поющий над нами, и чувством свободы наполнены были, пока не пришли корабли «Авангарда».

– Скажи, кто ты будешь? – здесь Юки спросила. – Мне имя – Афина…

– Представлюсь взаимно. Защитница дома, Республики Тинто – Рамирез Сьерра, спецкорпус «Нариньо». Кровавой дорожкой сюда притащившись, моё уважение ты заслужила, и каплю презренья за гибель безвинных. Похоже, что ты – бессердечная стерва.

– Так сделать пришлось, чтоб от рук не погибнуть огромного войска, что город держало. Я жертв избежать изначально пыталась, и к башне пройти незаметно хотела.

– Задел я от силы гражданских штук сорок, – встрял Джей

и добавил: – Я занял систему. Надеюсь, инсайдера ты переплюнешь. Уж больно всё выглядит это абсурдным.

– Дружок твой, что с кодом общаться способен, заверил меня: вы борцы за свободу. Но в случае этом, чего ж не вошли вы чрез главные двери, орудуя словом?

– Мне стало известно, что кластеры ваши простому народу мозги промывают. Боялась я встречи с толпою безумцев, на коих в узле Сан-Франциско наткнулась.

– Безумцы? Увольте. Возможно, отчасти. Им с силой такой предстоит ведь схлестнуться, и только бесстрашность, что с нормой граничит, способна помочь в сечи с Бостоном лютой. Ты можешь работать на них без сомненья, но точно деталей всех знать не способна, ведь видеть миров запредельных стенанья нет средства помимо фантазии буйной. Взгляни же вокруг: это может быть правдой иль просто задумкой, что с толку сбивает, но битву узришь ты сию же секунду, в которой врага одного я сломила. Того, что до Райзена был в «Авангарде», пришедший одной пятилеткою раньше. Тогда мы сдержали их натиск упорный, но битва одна ничего не решает.

Заметила Юки, что переместилась, зевакой случайной смотря с отдаленья, а слог поэтичный инсайдера тут же обычным сменился, изяществ лишённым.

Пауза.

Стремительно-обтекаемой формы старфайтер шёл на аварийную посадку, оставляя за собой дымный шлейф. Он от-

ступал с поля боя к планете, которую обязался захватить, описывая чуть рваную от тряски логарифмическую линию. Экипаж знает, что им не дадут приземлиться (в седловинах гор прятались тяжёлые турели и комплексы ПВО), так что ждут наилучшего момента, чтобы десантироваться. Сьерра села за стационарное орудие. Восьмиколёсная машина «Манул» качнула её в кресле. Из рации раздался мужской голос: «Работаем. Принимай гостей».

– Как скажешь, амиго, – сказала Сьерра, готовясь стрелять по крылатой мишени.

Огненные пулевые сверчки прыгали с вершин к космическому кораблю. Ракеты взмыли чёрными тенями. Сьерра потянула гашетки, и восемь спаянных шестиствольников пронзили слух. Воздух заклокотал в свинцовой пляске. У космического корабля оторвалось крыло, загорелся второй двигатель. Махина завалилась в штопор, по спирали приближаясь к земле. От корпуса отлетали мелкие чёрные пиксели: корабельная команда беспорядочно покидала корабль, пока по ним безжалостно отрабатывали зенитки. Одна тень отделилась быстрее остальных: катапультировавшись из кабины, человек отцепился от ремней, стремительно нырнув вниз. Сьерра навелась на цель: расстояние – два километра, высота – пять. Восемь шестиствольников колотили как один. «Манул» замер в статике, разноцветное небо буйством красок падало на долину: радужный спектр разливался в пределах видимости и дальше, Сьерра находилась в фиолетовом ко-

сом столпе, достающем почти до города, а враг летел в области синего, неумолимо приближаясь к границе слияния. Он расправил крылья – воспользовался тем самым ранцем, без которых ни один высокопоставленный вояка не отправляется в боевой поход. Пулемётный огонь не задевал его – тот, будто изящный морской угорь, оплывал беспокойный рыбный косяк. Враг видел девушку, собираясь, судя по всему, влепить по «Манулу», когда подберётся ближе. Слишком самоуверенно.

Сьерра понимала, что её цель опустилась достаточно низко, ниже уровня, по которому могут работать расположенные в горах расчёты. Однако, с основной задачей они справились: вся десантировавшаяся команда падала вниз трупным дождём, а флагманский крейсер сдетонировал, клюнувшись носом в землю. Капитан «Авангарда» наверняка чертовски зол. В руках неприятеля что-то сверкнуло – явно тяжёлое и убийственное. Их оружие дискретно и, подобно коротким бессвязным сигналам, способно собираться во что-то цельное и наиболее подходящее под конкретную ситуацию. Сьерра не распознала модель, однако классифицировала безошибочно. Ручное противотанковое орудие. Плохо. Несколько снарядов, размером с кулак, полетели по «Манулу». Эмиттеры машины успели отбросить силовые волны, заставив бомбы сдетонировать в отдалении. Вражеский капитан пролетел сквозь облака порохового газа, и Сьерра невооружённым взглядом могла различить налитые кровью бел-

ки глаз. Лётную куртку с тройным капюшоном она, если соблаговолит удача, заберёт в качестве трофея.

Управлять космическим кораблём могли лишь лучшие. Если новорождённый получал от родителей умение доминировать – дорожка в Экспедиционный флот выстилалась красным ковром. У семейной пары с одинаковыми «качествами организма» шанс передать ребёнку сверхгены составлял порядка тридцати процентов, у пары с разными качествами – пять, а то, что отпрыск получит два бонуса, колебалось в районе нуля. Вот поэтому Сьерра, осыпающая вражеского капитана из сорока восьми стволов, хотела верить, что тот так ловко уворачивается от летящего в него свинца благодаря умениям и сноровке. Она желала развидеть прозрачные льдинки искажений, вьющихся вокруг его контура, ибо трансформация пространства – свойство её мира, вернее, свойство людей, родившихся на одной из четырёх планет, подобных этой. И всё же, сколько ни отнекивайся – правда всегда остаётся правдой. Сьерра могла лишь надеяться, что её новоиспечённый противник был плодом взаимной любви, а не побочным продуктом порабощения. Стоит добавить, что некоторые полезные качества можно задать искусственно, например, регенерацию. Да, заоблачно дорого, но высокоранговые офицеры окупают себя с лихвой.

Капитан приземлился, сложил крылья и кувырками ушёл от пулевого роя. Сьерра успела среагировать на новую, ответную порцию гранат: отцепившись от гашеток, девушка

со всей силой оттолкнулась от штанг, в которые упирались ноги, и вперёд спиной отправилась за борт. Бронетранспортёр подбросило: сначала железная зверюга встала на дыбы, приподняв кабину, потом скакнула целиком, заваливаясь на бок. Вылетели левые двери, лопнули бронированные стёкла. Дымная стена быстро таяла в призрачной фиолетовой гамме. Сьерра, присев на корточки, крест-накрест держала пистолеты под грудью. Раскуроченный «Манул» служил хорошим укрытием или, вернее, отсрочкой от драки, так что молодая воительница гордо вышла навстречу неизбежности.

– Hola, крошка, – сфамильярничал капитан. – Грандиозно вы нас потрепали.

– Любой до последнего будет сражаться, кто знает свободы исконную цену.

– Эта возвышенная манера речи… Каким образом столь прекрасный народ наплодил такое количество мерзавцев?

– Я мимо ушей пропущу обвиненья, стоящие, впрочем, на шаткой основе. Так чем заслужили обычные люди империи гнёт, подминающей волю?

– Ты что хочешь этим сказать? Мы постоянно ловим ваших лазутчиков, защищаем культурные памятники от ваших вандалов, пытаемся понять, где взорвётся очередной смертник, вскормленный вашей республикой. А уж сколько мы перехватили тинтовских истребителей, снаряжённых сверхмассивными бомбами… Разве не благая цель – свергать кровожадные правительства? Разве плохо нести возмездие по-

терявшим берега маньякам, что гадят в чужом доме? До народа мне дела нет – пусть живут как жили. Мы лишь хотим заменить больную голову на здоровую. Твой Сенат – мелкие уродские пакостники. Так скажи мне, крошка, надуманный ли это повод?

– Вы можете смертников сами готовить, лишённому воли приказ отдавая. Врага очерни, если хочешь ударить – вот первое правило в мире без правил.

– Складно поёшь. Сами себя взрываем, да? Нахрен иди, крошка. Харольд Хорн. Запомни это имя. Я пришёл склонить твою республику и растоптать остатки воинственности, засевшей в головах её дражайших сенаторов…

Сьерра отдавала себе отчёт, что капитан в любой момент может использовать эдикт, под весом которого ломалась воля. Одно устрашающее слово могло завершить битву ещё до её начала.

– Имя! – пробасил Хорн.

В ответе зазвучали стальные нотки:

– Спускаясь по лестнице в тень, пусть станет последним лучом молитвенным имя моё.

– Какой надменный пафос. Давай-ка лучше проверим, насколько прилежно ты выполняешь команды, – капитан сконцентрировал внутреннюю мощь, высекаемую кремневым сердцем, в попытке поджечь лес. Но было ему невдомёк, что имя стоявшей перед ним воительницы означало «горный хребет» и никакие слова не могли пошатнуть её твёрдости.

– Сидеть! – скомандовал Хорн, однако Сьерра не шелохнулась. Белая развязная улыбка сверкнула на смуглом лице. Фиолетовая дымка розовела, поддаваясьизменчивому течению разноцветного свода, напоминающему переливчатую бензиновую плёночку, растянутую на всю океанскую ширь.

– Слова, что ломают духовные стены, нас с детства учили парировать стойко. Пусть бой нас рассудит, жестокий и славный, – на радость богам и на горе сражённым.

Сказав это, Сьерра отцепила пистолеты, по-македонски принявшись расстреливать Хорна и, предвидя аналогичный ответ, сразу начала перемещаться. То, что увидела Юки, напоминало бой из «Матрицы»: Сьерра оттолкнулась от невидимого порожка, подлетела выше обычного и начала бежать по воображаемой стене. В руках капитана оружие сменилось на тяжёлый пулемёт, и Юки поняла, что не уловила момента метаморфозы, словно оружие стало другим в момент моргания. Это напомнило то, как «Ли-Энфилд» подменилась «Арисакой». Бой, между тем, развивался стремительно, траектории пуль пересекались, но целей не достигали. Ю прикинула, что в реальности прошло десять секунд, и за это время инсайдер подводил её к тому, чтоб она поверила в истинную, властолюбивую личину «Авангарда». Но что это за место? Какие, в бездну, космические корабли? Это точно не Земля, хотя сама симуляция выглядела логичной. Сквозь Юки пролетали тысячелетия рукотворного эволюционного развития, вернее, его отзвуки. Мир, созданный ИИ или величайшим

писателем, всегда будет иметь ошибки, да даже реальность, кажется, выглядит порой форменным сюрреализмом, однако этот мир казался целостным. Юки понимала, в чём суть конфликта, как устроены семьи и общество, но чувствовала это, скорее, подсознательно. Если она пробудет в симуляции часок-другой, то разберётся в мироустройстве полностью. Наверняка разберётся и окончательно поверит инсайдеру. Она подумала о самой возможности служения «Вертикали» – или нет: о возможности сразиться бок о бок с этой храброй женщиной, схлестнувшейся в безрассудном поединке. Спецкорпус «Нариньо». Что-то знакомое. Колумбийский борец за независимость? Здесь точно не Колумбия, хотя совпадение примечательное.

Юки казалось, что их сражение проходит в комнате с кривыми зеркалами. Летящие в капитана пули входили за пазуху пространства и материализовались позади него: волевое усилие создавало попирающий физические законы коридор, а ответная крупнокалиберная осыпь просто пролетала мимо, потому что Сьерра, в отличие от своего визави, скакала по незримым стенам, описывая в воздухе акробатические фигуры. С воображаемого потолка она кинулась на противника, размахнулась в полёте ногой и ударила подкованной подошвой. Искажение отвело удар – вернее, сместило Хорна где-то на десяток дюймов. Протектор сапога, однако, чиркнул по капитанской щеке, содрав кожу. Он отшагнул, продолжая стрелять, а Сьерра, двумя скачками уйдя с линии ог-

ня, сократила дистанцию и запястьем остановила пулемётный ствол. Другая рука нацелила пистолет точно промеж капитанских глаз; палец нажал на спуск. Смертельная пуля потерялась в четвёртом измерении. Хорн оттолкнул стволом блокирующую руку, отправив Сьерру в спонтанный пируэт, и встал, небрежно опустив пулемёт в район паха.

– Зацепила, крошка. Давненько я по лицу не получал. Двигаешься ты справно, отдаю тебе должное.

– Удар отразить рукопашный сложнее, чем каплю металла, обретшую форму. Ты знать это должен, пришелец несчастный, раз навыком этим изящным владеешь.

– Верно. Чем меньше объект, тем легче изменить его траекторию. Давай пообщаемся более честно.

Спустя одно движение век, пулемёт в руках капитана стал массивным двуручником, чьё лезвие горело неоново-яркой смертоносной плазмой.

– Узри лучший довод в любом споре, на который мне только хватило фантазии. Я нарёк его Ампутацией.

– И сколько всего итераций имеет оружье твоё – универсус иначе?

– Пять. Император способен на семь. О да, это тайна, хотя и не слишком большая. По правде говоря, я ещё с прошлой планеты знал, что Ампутация сослужит мне хорошую службу. Прошу, не страшись – я стараюсь не убивать женщин. Да, многие из них сейчас живут калеками, но ведь живут. Это радость с налётом горечи. Лучше б таким прекрасным

созданиям вообще не воевать.

– Не мой это выбор, – сказала Сьерра, крепя пистолеты на прежнее место, и руки её, потянувшись за спину, меч длинный и лёгкий привычно достали. Две разные стойки увидела Юки, язык алгоритмов меж тем изучая.

Хорн широкими взмахами принялся атаковать. Контуры тел запульсировали слабыми всполохами. Дуэлянты использовали собственные умения, чтобы обмануть зрение врага, ненадолго оказываясь в двух местах сразу. Перемещение составляло несколько метров, и постоянные попытки заранее предугадать появление противника превращало поединок в череду иллюзорных вспышек. Широкое лезвие вспыхивало то тут, то там, описывало широкие смертоносные дуги, оставлявшие за собой световой фантом, врезалось в искажения, как бы ломаясь в нём, но после вновь становилось целостным. Сьерра кожей чувствовала деформации четвёртого измерения, могла бы с закрытыми глазами понять, откуда придёт следующий удар, и чётко понимала, что не может парировать – универсус Хорна, подпитываемый гневом хозяина, рассёк бы любую защиту.

Порозовевший фон светлел, стремился к прозрачности. Это признак того, что наступает день. Ночью спектр цветов темнеет, днём вовсе сходит на нет, предоставляя мир платиновому свету материнской звезды. Сьерра чувствовала себя в своём спектре: фиолетовый и розовый чаще всего ниспадали на эти земли, зато капитан-иноземец, привыкший к

спокойной зелёной гамме, испытывал лёгкий дискомфорт. А всё же его выпады обладали грацией тяжёлого истребителя, выполняющего колокол Квочура: секундное торможение, пируэт и уход в пике. Капитан рубил со всех направлений, погрузившись в боевой транс, каплевидные подвески в пирсиногованных ушах вторили каждому движению. Не палач, но предвозвестник поражения. Он ждёт, когда ты вверишь ему своё сердце и пощадит, если на него снизойдёт блажь.

В поле ничего не стоило оступиться – непаханое, брошенное на произвол дождя, оно обросло кочками, как грибами. Как часто она спотыкалась на тренировках? Как часто отвлекалась на громкие звуки? Как часто мешала зудящая кожа или желание чихнуть? Скоро дуэлянты устанут, и кто-то совершит ошибку. Тем более, четвёртое измерение требует высокой платы: несколько минут его использования выматывает как от марафона. В цветной пучине неба вспыхнула искра – хвост плазмы на секунду пробился сквозь космическую толщею и погас: чей-то старфайтер потерял как минимум один двигатель, хотя, что более вероятно, был полностью уничтожен. Сьерра не размышляла, у какого флота больше шансов одержать верх – расчёты могли разбиться о непредвиденную случайность. Нет, она сосредоточилась на изучении всех ударов, на которые был способен её визави. Уворачиваясь, её тело искало лазейку, некий временной лаг между стойкой и ударом. Капитан почти не останавливался. Почти.

Он на долю секунды вынырнул из четвёртого измерения слева от неё, нарисовав мечом самую широкую и самую тяжеловесную дугу. После десятого раза капитан поверил, что Сьерра еле успевает уйти от этой дерзкой атаки, спасаясь аналогичным пространственным перемещением, так что остаётся лишь поднажать. Его переполняла энергия, чувство эйфории от драки, которое обещало победу. И вдруг Сьерра, предугадав его выход, заранее заходит под «нерабочую» руку (Хорн был левшой, так что при парировании справа обязан был терять в скорости), прыгает в полуобороте, чудом попадает противнику в кадык и ещё большим чудом протыкает артерию. Взаимная телепортация случилась непосредственно в момент удара: дуэлянты переместились в противоположные стороны, и именно тогда капитан почувствовал, как уходит воздух.

– Отлично, крошка. Ловкая, как моя шлюха-мать, – его дыхание сбилось, ладонь прижимала рану. С нижней губы улиткой ползла густая красная капля. Через полминуты ткани регенерируют, так что сейчас выставленный вперёд двуручник угрожающе запрашивал тайм-аут. Сьерра знала, что капитан восстановится быстро – об этом, собственно, знали все известные ей миры – технология регенерации появилась благодаря объединённому труду учёных со всех уголков галактики. Да чем только не делились они в те славные довоенные годы: культура, искусство, даже легенды, передававшиеся из уст в уста и уходящие корнями в начало

времён – всё было взаимным и доступным, но потом… Империя Рапид-Корд почувствовала превосходство, и действительно, если просмотреть военные сводки последних пятидесяти лет, захват всех известных обитаемых планет остаётся вопросом их желания. Капитан потерял былую самоуверенность. Реальность плыла по-настоящему. Горло с трудом осилило очередной вдох… Сьерра сорвалась с места, мгновенно испарилась, а затем вылетела с «нерабочей» стороны, оказавшись выше уровня его глаз, и хлёстким ударом меча перебила противнику хребет. Уже недвижимый, Хорн рухнул наземь. Лейтенант Спецкорпуса Гражданского Противодействия Экспансии Сьерра Рамирез побрела к перевёрнутому «Манулу». Рация на приборной панели пережила тяготы боя и до сих пор подавала признаки жизни. Девушка поднесла микрофон к губам:

– Их пал капитан – передай на орбиту.

– Уже передал, Рамирез. Отлично поработала.

Регенерация являлась технологией, близкой к бессмертию, и даже отрубленная голова могла прирасти заново, если успеть оказать помощь. В идеале, тело Харальда Хорна следовало растворить, аннигилировать антиматерией или сжечь. Сьерра, однако, отдавала себе отчёт, что достаточно будет подручных средств. Лейтенант подобрала с задних сидений перевязь термобарических гранат, подошла к парализованному противнику и завела все таймеры разом. Бросив взрывоопасную ленту на его окровавленную тушу, девушка

поспешила укрыться за бронетранспортёром. В светлеющем небе просвечивался стратосферный бой. Огоньки, всполохи, искры… Открыла ли она Хорну своё имя? Какая разница? Раздался раскатистый взрыв. Спиной она почувствовала, как «Манул» задрожал. После очередной победы её внутренние струны стали ещё крепче, посему вероятность того, что даже император Рапид-Корда словом своим не заставит её склонить голову, немного подросла. В конце концов, многие способны сопротивляться эдикту, иначе все существующие народы давно оказались бы под рабским гнётом.

Двойной уровень патетики. Старт.

Вернулась тут Юки на прежнее место, в долину, что в свете белёсом плыла.

– Похоже на правду? – спросила Сьерра, и взглядом своим прожигала дотла.

– Мне рано судить. Нужно больше деталей.

– Я, в общем, всего лишь эмоций массив. Я образ, который слагается в память. Поймешь ты меня, сквозь себя пропустив. Увидишь ты море противников павших и рок пораженья, что в душу вплетён. Увидишь, что Райзен – воитель бесстрашный и самый мой страшный, наверное, сон.

– Мне нужно услышать, что Райзен расскажет.

– Он словом способен тебя подчинить. И слабому духом ни разу не светит с подобными Райзену бой пережить.

– Я духом сильна.

– Не страшишься ты смерти? Готова спуститься по лест-

нице в тень?

– А разве уже не прошла я экзамен?

– Не спорю я: сердце твоё как кремень. Тебя не пугает ни мощь капитана, ни даже бесчестный словесный эдикт. Но всё же, давай по сценарному плану. Скажи, что надеешься ты получить?

– Ответы.

Инсайдер промолвил не сразу:

– Тогда заключим небольшой уговор. Ты кластер покинешь, чем храбрость докажешь и вмиг перестанешь быть нашим врагом. Прими ультиматум и выйди сейчас же, проверка на прочность уже начата. Изменчиво всё, даже лунные фазы, а ты оставайся бесстрашью верна.

Пауза.

– Надеюсь, проверка не потребует крови, – скептически протянула Юки, отрываясь от патетического пласта симуляции. Она приняла ультиматум всецело и без раздумий. – j-J, выход.

ПМК не просил дублировать – просто вывел её в реальность. Разноцветное небо сменилось на ночное, кровь не пошла носом, просторный лофт, в котором обитал Хоффман, казался сейчас роднее «Токио». Та реальность была слишком кинематографичной. Какая-то космоопера в сай-файном антураже. За киберглассом раздался взрыв. Ю крутанулась в кресле и увидела объятый огнём дредноут. На борту произошла детонация, так что теперь воздушный корабль,

скрипя металлическим такелажем, заваливался в двухкилометровое тропосферное море.

«Команда дредноута, – заговорил j-J, – решила оставить нас без транспорта. Они устроили саботаж».

– Инсайдер?

«Отправил гражданских в бомбоубежища; боевые соединения отходят на позиции. Слушай, Ю, инсайдер только что понял, что мы лишились козыря в рукаве. У нас в распоряжении только лифты и лестница».

– Взломай летун.

«Ушли из зоны досягаемости. Если Сьерра откроет твоё местоположение, тебя возьмут в плен».

– Мне кажется, её обещаниям можно верить.

«Посмотрим… – Джей умолк, прописав в инфоокне предупреждение. – Я, кажется, понял, в чём заключается проверка на храбрость».

– Ну не-ет, – Юки изучила всплывшую подсказку, оценила одну большую движущуюся сигнатуру. Вернувшийся в реальность Хоффман по-хозяйски распахнул дверь в комнату. В прямоугольном проёме он смотрелся карточным монстром из коллекционной колоды, ибо было в нём несколько устрашающих деталей: два с половиной метра чистой мышечной массы скрывались под громадным, словно сшитым на заказ, бомбером, тяжёлые рокерские ботинки с металлической подошвой скрипели на каждый шаг, рубцеватое лицо, точно после пережитой ветряной оспы, не несло и следа

доброты, прямая линия рта как бы говорила о собственном неумении выражать эмоции, и там, где должен был располагаться левый глаз, стояло плоское стекло, наподобие линзы фотоаппарата. Волосы до плеч, сухие и спутанные, выдавали возраст или какую-то проблему с витаминами. Ю отметила, что он немного смахивает на Гэри Мура, который ступил на наихудшую дорожку.

– Славно, – произнёс Хоффман. – Ещё один человечек добрался до линии предела. Сьерра уверила меня, что ты – идеальный кандидат, который в полной мере удовлетворит мои маленькие прихоти. Надеюсь, тебе известно, на что я способен?

– Арматуру сгибать, судя по габаритам, – предположила Юки, готовясь вынуть кольт из кобуры. – В твоём внутреннем мире разберусь как-нибудь потом.

– Позволь прояснить заранее, – Хоффман, кажется, подмигнул, хотя по единственному человеческому глазу этого нельзя было сказать наверняка. – Я подпитываюсь чужими страхами. Слабаки меня не привлекают, но Сьерра сказала, что ты сильна. Чертовски сильна и бесстрашна. Поделись впечатлениями: как тебе тот мир? Он поражает, не правда ли?

– Это довольно любопытная симуляция, – согласилась Юки.

– Откуда столько скепсиса? Неужели, чтобы поверить, тебе обязательно нужно увидеть? Ну хорошо, выстрели в меня.

Я не сдвинусь.

– Без проблем, – сказала Юки, вскидывая «Арисаку». Искривлённое пространство после всех увиденных чудес станет просто очередным феноменом. «И сможет ли Хоффман отправить пулю обратно?»

Его прямой рот дрогнул, намекая на усмешку. Точка коллиматорного прицела навелась на глаз-объектив. Юки выстрелила. Пуля проскочила сквозь четвёртое измерение, отчеканившись в дальней стене крупной дырой. Смиренное принятие зафиксированного факта как японский алфавит отпечаталось в нейронах. «Значит, на мечах», – подумала Ю, закидывая винтовку за спину и принимая базовую стойку кендо. «Оригами» трансформировался в катану. Хоффман размял шейные суставы.

– Постараюсь тебя не убить. Давно мечтал отведать свежатинки.

Разбежавшись, здоровяк через полкомнаты прыгнул на Юки двумя ногами. В её голове проигрывались разные комбинации, из которых самой очевидной казалось – налету перерубить противника пополам. Ю, однако, решила действовать аккуратнее (слишком уж много непредсказуемого происходило в последнее время), поэтому наперекор своему желанию просто кувыркнулась в сторону. Хоффман, летевший прямо в неё, неожиданно исчез из точки «А», материализовавшись в точке «Б». Если бы Ю осталась в прежнем месте, он бы появился позади и со всей дури припечатал её ниже

лопаток. Теперь же верзила просто свалился на пол. Юки раздула ноздри.

– Это уже было.

– О чём ты? – вопрошал Хоффман, поднимаясь на ноги.

– На тренировках в симуляции. Телепортация – дешёвый трюк.

– Да брось.

Он снова исчез. Ю, находясь под остаточным действием стимуляторов, мыслила быстрее и чётче, так что застать её врасплох оказалось задачкой уровня «профи». Кулак пролетел слева, Юки отшагнула, рубанув снизу вверх… Снова отменный боксёрский хук, уже справа. Хоффман переместился ещё несколько раз и в конце концов попал. Кулак вскользь чирканул по уху, меч снова промазал, а громила, выйдя за пределы досягаемости, глядел с высоты двух с лишним метров своими странными глазами.

– Я только разогреваюсь. Сдайся сразу, – так тебе не придётся терпеть физические муки.

Юки молча ждала, приметившись к декоративному светильнику в шаге от себя. Когда Хоффман предсказуемо испарился, Ю, понимая его любовь к отвлекающим манёврам, наудачу, резким и изящным движением ноги, отправила лампу в полёт. Её противник, появившийся в трёх метрах позади, получил стеклянным абажуром в лицо, и осколки стёкол разлетелись вдребезги.

– Как грубо! – прорычал он, встряхивая немытой гривой,

и на сей раз пространственный скачок оказался тройным. Ю поняла, что упустила момент, оказавшись припёртой к стене и поднятой на высоту его глаз. Здоровенная лапища вцепилась в рукоять «Оригами».

– Оставим это, – сказал он, отшвыривая меч в сторону. – Прояви покорность, как подобает добыче.

Присутствие хищника действительно ощущалось где-то внутри этого исполинского человекоподобного монстра. Стеклянный глаз стал точкой фокусировки – ловушкой внимания, если угодно. Казалось, он находится всюду, куда не отводи взгляд. Злое наваждение проникло внутрь сознания и вместе с тем затапливало комнату. Ю почувствовала сухой, обжигающий холод, перенеслась в арктическую пустыню, где на сотни километров вокруг лишь белая степь и нет никакой возможности развести костёр. Беззвёздная ночь не дарила свет, промозглый ветер сотней игл вшивался в каждую клетку кожи, и девушка чувствовала приближение очередной смерти, переживая её во всех подробностях. Хоффман заполнял её страхом, ожидая ответной реакции организма, хотел услышать мольбу или стоны ужаса, но Юки относилась к уходу из жизни практично: если есть силы бороться – ты борешься, если истощённый и обмёрзший падаешь в снег, то закрываешь глаза и покорно принимаешь судьбу. Никаких лишних эмоций. В конце концов, не так уж плохо умереть от холода: все сенсорные органы один за другим отключаются, и организм автоматически уходит в режим сна,

так что в последний миг тебе тепло. Ю словно разрывалась между двух реальностей, отличных по всем параметрам, но ей до сих пор хватало концентрации, чтобы понять, в какой из них находится её физическое тело.

У Хоффмана был крепкий захват, который вряд ли удастся разбить. Руки, всё тело – сплошная костно-мышечная сталь. Вместо этого ронин жестом дал команду ин-багу. «Защита» – опасный режим на самый крайний случай… Клешня рюкзака вылетела из-за спины, трёхпалая манипула клювом вонзилась великану в стеклянный глаз, и прежде, чем его мозги разлетелись вдребезги, произошла очередная телепортация, на этот раз вместе с Юки, на выходе из которой девушка отправилась в полёт безжалостным броском. Она пролетела сквозь кибергласс прямо на площадку террасы, залитую неоном. Ручейки воды скакали по спрятанным в зелени желобкам. Пестрящие цветы и листья живых изгородей дрожали на высотном ветру.

Хоффман прорычал. Кровоточащий сенсорный органоид густой массой стекал по развороченным стекляшкам объектива на испещрённое лицо.

Юки успела ощутить субизмерение, в которое её затянуло. Там, на очень короткий миг, она оказалась полностью в чужой власти. Хоффману стоило лишь приложить усилие, чтобы сломать ронину позвоночник, но вместо этого он отшвырнул в сторону ин-баг. Клешня рюкзака, выбившая глаз, едва не разорвала череп, и именно эту опасность громила

решил нивелировать первым делом. Теперь, залитый кровью и гневом, он собирался окончательно обезвредить ронина. Ю успела перекатиться, спасаясь от увесистого пинка. Ещё несколько пространственных скачков – и снова она уворачивалась, почти наудачу, неестественно отскакивая и подпрыгивая, как герой какого-нибудь старого гонконгского боевика. Минута «танцев» ощущалась вечностью, Хоффман со всех сторон мелькал вспышками молний, и в конце концов, спустя сотню пространственных скачков, прямым ударом ботинка засандалил девушке по рёбрам. Ю отлетела к ограждению, чувствуя за спиной два километра воздушного пространства. Если на костях нет трещин, ей несказанно повезёт.

– Допрыгалась, – победоносно прохрипел здоровяк и, схватив ронина за шкирку, поднял над бездной. – Придётся компенсировать ущерб.

Великанская ладонь сжалась в кулак и со всей дури засадила по информеру. Стекло украсилось радиальной трещиной на полэкрана. В голове сверкнули звёзды. Лицо запульсировало от боли, но Ю поняла, что удар получился гораздо слабее, чем выглядел на замахе. Хоффмана измотало пространственное перемещение, так что силы его порядочно поубавились. Ему хотелось «втащить» ей ещё, и вот кулак уже занёсся для второго удара, но Ю, пошарив под собой ногами, нащупала перила, немедленно применив их в качестве точки опоры. Оттолкнувшись, подпрыгнув и описав «солнышко»,

она увлекла громилу за собой. Освободившись от захвата, Юки рухнула на террасу, исполнила перекат и пружинкой вернулась в вертикальное положение. Разбитый информер сложился на лбу. Хоффман, потерявший равновесие, стоял на одном колене, держась рукой за пол.

– Зараза, – с одышкой произнёс он и поднял на азиатское личико здоровый глаз. Затем вектор взгляда устремился поверх плеча.

– Время собирать камни, милый, – ронин услышал позади певучий женский голосок. Спустя секунду к приятной тональности подмешалась сухая предупредительность. – Сейчас бахнет. Сматывайся.

Ю машинально повернула голову на источник звука, краем глаза увидела кассетный гранатомёт и дала дёру. Проскользив по полу, она свернулась калачиком, плотно прижимаясь к стеклу, отделяющему террасу от гостиной. Незнакомка прицельно выстрелила: прорезиненная граната отскочила от паркетной доски и шибанула Хоффмана под дых, высвобождая направленный заряд. Громадное тело, в неестественно выкрученной позе, по параболе направилось за ограждение, оставив на площадке левую ногу и часть таза. Шумоподавители на барабанных перепонках свели грохот от взрыва практически на нет.

– Какой неожиданный поворот судьбы, – с налётом самоиронии произнесла женщина. – Этот сукин сын меня в плену держал почти семнадцать сраных лет. Ты бы знала… Или ты

знаешь? Он пытался в тебя влезть?

– Да, ответила Юки. – Я ощутила гипнотический эффект.

– О, поверь, это не гипноз. Это лежит вне земных понятий.

– Можешь сказать конкретнее? – Ю вошла в лофт через разбитый кибергласс. Глаза искали ин-баг и блейдер.

– Начнём с того, веришь ли ты в пришельцев?

– Учёные ведь обнаружили примитивную жизнь на нескольких планетах, – Юки, частично пришедшая в себя, прицепила «Оригами» на ремень, – так что существование разумных существ весьма вероятно.

– Хоффман пришёл извне, – объясняла незнакомка. – Прям из-за пунктира нашей астрономической карты. В семнадцатом году произошла аномалия, и на Землю перебросило существ из других вселенных.

– Типа Сопряжения сфер? – теперь Ю экипировала ин-баг.

– Может быть. Я не особо разбираюсь в терминах. Слушай, если мы выберемся, я познакомлю тебя с тем, кто знает больше. Клянусь душами кочевников.

– А сразу не скажешь, кто твой знакомый?

– Давай сначала спустимся.

– Просто последние пару дней мне попалось достаточно тех, кто говорит «а», не говоря «б». Это начинает утомлять.

– Поверь, мой источник – верный, и всё тебе объяснит. Давай уже сматываться из этой сраной башни. Ты мне не иначе

как Господом Богом прислана.

Женщина была невероятно худа и выглядела на тридцать с хвостиком. Седые пряди прореживали чёрные и падали на лоб. Волосы длинные, но не слишком, одежда – потёртый синий комбинезон, как у лётчиков прошлого.

– Как ты здесь вообще очутилась? – полюбопытствовала Юки.

– У меня аналогичный вопрос.

– Обстановочку проверяю.

Снизу донёсся грохот. Дредноут благополучно синхронизировался с моментом крушения.

– Обстановочку, значит… – подозрительно произнесла женщина. – Впрочем, мне плевать, какие у тебя цели. Достаточно того, что ты громишь «Вертикаль». Позволь составить тебе компанию.

– Я полностью за, – доверительно сказала Ю. – Только громить никого не придётся.

– Даже так? – в горящих глазах вспыхнуло несколько вопросов. – Ну хорошо. Такой расклад меня более чем устраивает. Заканчивай дела и уходим.

В ухе раздался сигнал сообщения. Ю растянула разбитый информер и увидела на уцелевшем участке стекла строчку с координатами. Судя по всему, указанное место находилось южнее Солт-Лейк-Сити. Неужели обещанные ответы будут ждать её там? Юки затаила надежду.

«Инсайдер самоустранился, кластер обнулён, – приватно

информировал Джей. – Боевые соединения отошли в ожидании дальнейших распоряжений. У нас не больше часа».

– Уходим, – обратилась Юки к пленнице. – Как тебя зовут?..

– Кэро…

Здание завибрировало, очень слабо, но каждая косточка тончайшим камертоном пропустила сквозь себя колебания, поднимавшиеся, видимо, от фундамента. Вся башня передала неестественный импульс. Что-то вроде землетрясения, но такое же фатальное и непоправимое.

«Зафиксировал мощный кинетический импульс, – спешно прояснил ситуацию Джей. – Первого этажа больше нет. Лифты бесполезны. Скоро конструкция начнёт заваливаться».

«Вертикаль» устроила подрыв? Если да, то зачем? Ю начала анализ. У неё оставался призрачный шанс спуститься на тросе кабины по шахте, в идеале же стоило поискать в ближайших квартирах парашют или костюм-крыло – многие богачи, заселявшиеся под облака, держали у себя что-нибудь подобное чисто так, на всякий случай. Вестибулярный аппарат чувствовал лёгкую раскачку. Опьянение наступало без алкоголя, и драгоценные секунды уходили на выбор наилучшего варианта. Ю приготовилась действовать. Джей, задействовавший все аналитические ресурсы, готовился рапортовать. Однако информация не обратилась в звук – другой шум вышел на передний край восприятия, перетянув на

себя внимание публики: работающие винты летуна, разгоняющие плотную воздушную массу. «Птичка» из металлического стекла вплыла в поле зрения и бортом повернулась к террасе. Залитый неоном куб с гранями живой изгороди напоминал пилоту театральную сцену, но любопытство на молодом лице сошло на нет, когда взгляд его встретился со спасшей Юки женщиной. Ощерившийся рот выдал лёгкое недоумение.

– Кэролайн! – звонким уверенным голосом произнёс пилот. – Тупорылая ты блядь! Как знал, что Иуда прячется под крылышком «Вертикали». Чем я заслужил предательство?

– Меня заставили… – бессильно сорвалось с её уст.

– Ах, вот оно что! Как же нам теперь быть, а? Вот прям по роже твоей вижу, что ты хочешь вымолить прощение.

– Да, – сказала она пересохшим горлом. Слова утонули в звуке работающих винтов.

– Нихрена не слышно, но глаза твои овечьи за тебя блеют, – пилот порылся на задних сиденьях и достал лётный сегментарный ранец. Потрясывая им над двухкилометровой пропастью, словно связкой сосисок, он как бы предлагал бездомной дворняге рискнуть ради него жизнью. Расстояние до ранца выходило приличное, тем не менее пилот проорал:

– Лети на свободу, воробушек!

И Кэролайн без раздумий побежала навстречу бездне. Казалось, ей не под силу перескочить полутораметровое ограждение, но она разогналась, оттолкнулась от ноги, по чистой

случайности оставленной Хоффманом, и, цокнув подошвой ботинка по поручню, полетела вперёд. Пилот бросил ранец прямо в неё, и два неуправляемых тела, сцепившись разнополюсными магнитами, устремились к земле. Текущая в зарослях вода под воздействием уже заметного крена выплёскивалась на пол, не попадая в декоративные стоки. Пилот молча рассматривал Юки. Что станет с Кэролайн, его, похоже, ни капли не заботило.

– Славно: одинокий хакер штурмует «Лос-Фелиз», а тысячи вооружённых до зубов солдат спешно отходят на позиции. Дико извиняюсь за то, что вернул эту туповатую ораву в боевое состояние – просто захотелось проверить, работает ли кластер, и судя по тому, что моей ракете ничего не помешало долететь до цели, ты вывела систему из строя. У меня один вопрос: нахрена?

Юки понимала, что защиту, скорее всего, отключил инсайдер, но действительно, зачем? Сейчас это не имело значения. Башня медленно раскачивалась, потихоньку подбираясь к эстремуму. Пилот пристально смотрел, ожидая ответа. Да, причинно-следственные связи он определил безошибочно.

– Давай поговорим на земле. Буду чертовски благодарна, если ты поможешь мне спуститься.

– Какие проблемы!? – возгласил тот, разворачивая летун носом на башню. Пальцы отбили на экране БК команду. Ещё две ракеты, оставляя мягкий пушистый след, полетели под

острым углом. Спустя секунду они ударили тремя сотнями метров ниже. Гиря инерционного демпфера с ускорением устремилась пробивать этажи.

«Всё, Ю, – беспокойно произнёс Джей. – Вариантов нет. Прыгай к летуну».

Кажется, Джей добавил что-то про полную синхронизацию, но она прослушала. Внимание занялось другим.

Перегородка террасы предусмотрительно опустилась на тридцать сантиметров: у ПМК всё ещё оставался доступ к автономным системам «сайберфлата». Разум расчертил разгоночную полосу, и прежде, чем Юки рванулась с места, рука как бы сама собой подала команду: «Джей, музычку». И когда он врубил битловский «Don't let me down», ей снова захотелось его придушить.

В этот момент пилот увидел, пожалуй, самую странную картину в своей жизни: вооружённая девчонка в повреждённом информере идёт на разгон, отталкивается от поручня и исполняет «флип Деламера» – эдакое сальто в прыжке вперёд, с помощью которого вполне возможно осилить десяток метров. Такой трюк по максимуму использует силу инерции и тело как бы следует за ногами. Тем не менее, Юки немного не долетела, попав «птичке» точно под брюхо. Объятия земной гравитации с силой соскучившегося любовника потянули её вниз; ровно в этот момент из-под днища вылетела лебёдка, тропической лианой возникнув прямо перед лицом. Юки с обезьяньей проворностью обхватила её рука-

ми и ногами, ощутив себя гигантским маятником Биг-Бена. Мировая плоскость, вторя ей, болталась из стороны в сторону. Ночной Лос-Анжелес, плывший в далёком тумане, без освещения казался естественной частью ландшафта. Башня «Лос-Фелиз» с потусторонним стоном начала заваливаться на бок.

«Выруби пилота, – сказал Джей, – иначе он смотает лебёдку».

Естественно, у неё было несколько секунд до того, как пилот выполнит действие. Юки, обхватив трос ногами, повисла вниз головой и подтянулась, упирая винтовку в плечо. В адреналиновом мозгу запечатлелись овальные очертания кабины, из-за которых выглядывало четыре винта. Еле живой информер подсветил человеческий силуэт. Звук выстрела смешался со стоном падающего металлического атланта. Вошедшая в зад пуля долетела до головы, разметав мозги по кабине.

«В яблочко, Ю. Идём на посадку, пока он не очухался».

«В смысле, не очухался?» – мысленно переспросил ронин.

Курс лёг на северо-запад, к приличному зелёному парку с лужайками и домиками для пикника. Полтора века назад там располагался гольф-клуб. Лучшего места для приземления невозможно было представить: прыгать с троса на поросшее бурьяном поле – вариант почти идеальный. Периферийное зрение уловило что-то в полукилометрах севернее, на многополосной одноярусной дороге за мелкой рекой Сан-

та-Кларой. Машина электромагнитного подавления нацеливала ударно-волновую пушку прямо на летун. Рядом копошились тёмные тени – один взвод пехоты, не больше.

– Глиссада, – уведомил Джей, и в этот момент воздух прошила невидимая волна заряженных частиц. Летун забился в фибрилляциях; лопасти стремительно теряли обороты. Юки висела на высоте пятисот метров и прикинула, насколько быстро приближается земля. Если повезёт, отделается парой ушибов. В принципе, расклад неплохой. Началось зелёное поле, летун скользил по линии снижения, и дело оставалось за малым – вовремя отцепиться. В долгих секундах стремительно таяла высота. Наконец, уличив момент, Юки скатилась по тросу, разжала ладони и, пролетев двенадцать метров вниз, амортизирующим приёмом отправила тело на кувырок. Летун проскользил по искусственному изволоку и, развернувшись к ронину боком, припарковался. В сравнявшей живых и мёртвых темноте, недвижимый пилот с откинутой назад головой выглядел уснувшим в кинозале зрителем.

Ронин прикинул, что разъезд с северной дороги доберётся до неё за несколько минут, что обойдётся им в одну километровую дугу по холмам. Следовало подготовиться к обороне – в конце концов, их там не больше десяти. Или попробовать перезагрузить летун и уходить по воздуху? Юки просчитывала вероятности, как вдруг увидела в небе крылатую тень. Чёрный силуэт какой-то бесстрашной проклятой валькирии

кружил над местом, по которому должна была двигаться погоня. Кэролайн летела на бреющем полёте – тихая, плавная, незаметная – и почти в упор разрядила гранатомётный барабан. Людские вопли сожрали разрывы сдетонировавших снарядов. Удостоверившись, что враг повержен, Кэролайн развернулась к выгоревшему зелёному полю. Опустевший кассетник полетел вниз.

Лебедем, садящимся на воду, женщина подошла к земле, пробежала несколько шагов и сложила крылья. Она шла прямо к Юки, твёрдо, но не совсем уверенно, потому что не видела органической поверхности семнадцать долгих лет.

– Что между вами произошло? – беспокойно спрашивала Кэролайн.

– Я просто попросила спустить меня вниз, – отряхивая штаны, отвечала Ю, – а он как с цепи сорвался.

– Это какая-то ошибка, – женщина прошла мимо, прямиком к летуну. – Джозеф взял бы тебя на борт, попроси ты нормально. Конечно, порой капитан рвёт и мечет, но на это всегда есть причина… Боже, нужно ему помочь…

– Мне кажется, уже поздно, – с толикой сожаления призналась Юки. – Стоп, Джозеф?

– Джозеф Райзен, капитан третьего экспедиционного корпуса «Авангарда». Одна пуля его не убьёт.

Кэролайн, наполовину забравшись в кабину, спустя секунду отпрянула. Юки сделала осторожный шаг в сторону, присматриваясь к происходящему. Сидячая тень конвуль-

сивно дёрнулась. Пилот выставил из кабины одну ногу, затем, немного повременив, добавил вторую и с тяжестью разбуженного посередь ночи портье встал во весь рост. На светлых волосах блестела кровь. В глазах закипала ярость. На вид ему было в районе двадцати, и запальчивое молодое лицо нарисовало вопрос, который тут же обернулся звуком:

– Скажи мне, воробушек, как «Вертикаль» узнала про Глорию?

– Они заставили меня, – опустошённо начала Кэролайн. – Хоффман погружал в кошмары, такими вещами пытал, что передать невозможно… Через неделю я не выдержала и раскололась. Прости…

Несмотря на визуальную разницу в возрасте, именно Кэролайн выглядела перед ним провинившейся девочкой, а в глазах её, кажется, читался тот же благоговейный трепет, что и одну жизнь назад.

– Будь ты мужиком, я б тебе прописал за длинный язык. За дезертирство, кстати, тоже, – Райзен посмотрел властным оценивающим взглядом. – Да с другой стороны, кто вообще следует правилам этикета?

Оформив риторический вопрос, капитан «Авангарда» отвесил Кэролайн крепкий, идеально настроенный под её комплекцию удар под дых. Женщина, жалобно выдохнув, встала на колени.

– Вопросы? – спросил Райзен у Юки.

– Никаких вопросов, – ответил ронин. – Я за равенство

полов.

Капитан коротко кивнул и, подняв Кэролайн за подмышку, дождался, когда она взглянет ему в глаза.

– Кэрри, – с вкрадчивой теплотой произнёс он, – перезагрузи «птичку».

– Так точно, капитан, – последовал покорный ответ. Спустя три шага она уже сидела в кабине.

– Из-за неё меня едва не лишили семьи, – запоздало оправдывался Райзен. Гнев немного подутих.

– Я слышала эту историю.

– Откуда?

– От главаря банды из Сан-Франциско. Это был его заказ.

– Как эта мразота поживает?

– Мёртв вместе со всей группировкой.

– Славно, – цинично ухмыльнулся Райзен.

– Я обещала её с тобой познакомить, – почти уверенно раздалось из «птички».

Райзен в пол пренебрежительного глаза глянул на «Кэрри», затем рассмотрел Юки, едва различимую в слабом лунном сиянии. Форма ронина подстраивалась под тёмное, монотонное окружение, а стекло «шамана» уродовала размашистая трещина.

– Информер твой на ладан дышит. Крепко досталось?

– Как видишь.

– Сними его. В таком состоянии он больше мешает.

Юки молча согласилась и отправила «шаман» в почти за-

полненный ин-баг. Скуловая кость ныла, а на щеке горел некрупный синяк. Райзен пытливо сощурился.

– Выглядишь как начинающая жертва бытового насилия. Может сухой лёд приложить?

– «Битлы» всё поправят. А ничего, что у тебя…

– Мозгов поубавилось? Фигня: у меня запас стволовых клеток на три взрослых полушария. Ещё б новые конечности отрастали, как у ящерицы, было б просто шикарно, хотя заживление смертельных ран – тоже здорово.

Юки отметила, что речь Райзена скачет между фамильярностью и наглостью – первое впечатление прямо говорило: «Ты на моей территории, так что постарайся не похерить моё добрососедское расположение».

– Мы ведь могли мирно всё решить…

– К сожалению, вряд ли. При виде наглых мелких азиаток меня так и тянет устроить раздрай.

– Меня вообще-то Юки зовут. И вообще, нельзя выплёскивать гнев на всех, кто под руку попадётся.

– Это ж был сарказм, тупица. Ты ведь понимаешь, что сработал Скриптрайтер. Нет? Тебе что, вообще ничего не объяснили? Ни про синхронизацию, ни про омниграфический ассемблер? Ладно, перестань сверлить меня своими злобными глазёнками. В конце концов, после самоубийственного прыжка с двухкилометрового небоскрёба нет сомнений, что ты достойна узнать всё. Только сначала будь добра объяснить, зачем ты кластер вырубила? Отключать защитные си-

стемы, находясь на такой высоте – глупое решение.

– Я не стала перехватывать управление, – честно призналась Юки. – Мне самой непонятно, почему защитные системы вышли из строя.

– То есть ты отступила по собственной воле? Ради чего?

– Инсайдер пообещал ответы.

– И ты их получила?

– Почти. Они будут ждать в другом месте.

– Вот это уже интересно. Кем оказался инсайдер?

– Девушкой, сражавшейся против «Авангарда». Она сказала, что ты – её самый страшный кошмар.

Райзен уставился на ронина.

– Назови имя.

– Она бы не хотела…

– Просто назови блядское имя, – с расстановочкой произнёс капитан.

– Сьерра Рамирез.

По его лицу прокатилась буря эмоций. Забытые чувства возникли из воспоминаний: гордость, беспощадность, презрение – только вспышка эта была короткой. Нестареющий капитан «Авангарда» замер и словно окунулся в сожаление – в холодную прорубь, которая тут же покрылась толстой коркой льда. Лишь неимоверное внутреннее усилие позволило ему вынырнуть обратно.

– Помнится, была одна девчонка с несгибаемой волей. Кажется, она не переставала бороться, даже после того, как по-

терпела фиаско. К счастью, её имя не резонирует в моей памяти. Значит, она выстояла, – капитан ещё раз попробовал связать имя с образом, но спустя мгновение сдался. – Что ещё ты узнала?

– Расскажу, если объяснишь, что происходит.

– Будь уверена, объясню. Что было в симуляции? Ну же.

Юки за минуту пересказала события, ничего не упустив. Райзен сосредоточенно слушал, пропуская через себя каждый кадр.

– Охренеть, – произнёс он, когда Ю закончила. – Универсус, значит? Забавно, что лор моего мира ты знаешь лучше меня. Вся жизнь до прибытия на Землю – сплошной пробел.

Летун подал признаки жизни: деки приборной панели оформились яркими рамками. Винты закрутились в холостом режиме.

– Готово! – крикнула Кэролайн.

– Наконец-то, – нарочито-раздражённо ответил Райзен. – Айда в кабину.

Кэролайн предусмотрительно скрылась на задних сиденьях. Юки, когда усаживалась, заметила подсыхающие на потолке массы церебрального биоматериала. Райзен довольно притирался к капитанскому креслу.

– Хорошо, теперь моя очередь. Начнём с малого. С Кэролайн. Ты ведь сожалеешь о содеянном, правда?

– Так точно, – чётко раздалось сзади.

– Да будет вам обеим известно, особенно тебе, воробушек,

что когда мою дорогую Глорию похитили, та тварь оставила рядом с моим телом бомбу. В «Вертикали» знали, что я чертовски живуч, потому подготовились по высшему разряду. К счастью, бахнуло уже после того, как сердечко заработало. Я, собственно, в момент взрыва вылезал через окно. Из-за тебя, воробушек, мне пришлось печатать на биопринтере половину руки и ноги, несколько рёбер, лёгкое, селезёнку и часть черепа… Заколебёшься перечислять, но поверь, если б это был старый Райзен, ты сейчас умоляла бы прекратить мучения.

– Прости, Джозеф.

– Перед дочерью моей будешь извиняться, глупая ты сука, – Райзен сжал кулак и пламенно взглянул на Кэролайн. – Спасибо Холли, что тебе вообще есть, у кого просить прощения.

– Я встречала Холли, – осторожно добавила Юки.

– Хорошо поболтали?

– Нормально. Она твой универсус искала.

– Несколько месяцев назад ей приспичило отправиться на запад. Она мне пообещала, что выследит похитителя и вернёт винтовку, ну я её и отпустил. Выходит, действительно вышла на след. Всегда поражался, как ей это удаётся.

– Она сказала, что улавливает ауру.

Райзен взглянул на Юки с недоумением.

– Холли всегда казалась мне немного странной и рассеянной, но если она правда чувствует ауру – это объясняет,

почему из неё такой хороший следопыт. Нужно будет с ней поговорить. У неё не было причин скрывать от меня своих способностей.

– Ещё у меня было видение, как Холли меня пристрелила.

– Любой глюк может иметь под собой твёрдое основание. С учётом того, что мне известно, ты вполне могла увидеть альтернативную реальность. Именно ту реальность, в которой Холли приняла тебя за врага.

– Я этому даже не удивлюсь. Про альтернативные реальности ты серьёзно?

– Просто предполагаю. Отталкиваюсь от того, что слышал. Постараюсь объяснить тебе концепцию, а уж как она работает, разберёшься сама.

– Звучит любопытно, – с ноткой недоверия произнесла Юки. – Но почему ты не приказал Холли взять похитителя живым? Воров стоит допрашивать – вдруг они вообще не воры.

– Да вот что-то решил плюнуть на разбирательства. Мне просто хотелось, чтобы любой, кто носится по белу свету с моим универсусом, спустился в ад по кровяной горке, да чтоб с визгами и слезами.

– Жёстко, – коротко констатировала Юки. – Ещё она сказала, что у «Вертикали» была причина похитить твою жену.

– Всё верно, – Райзен многозначительно взглянул на ронина. – Но обо всём по порядку. Давай приберёмся в комнате, расставим книги по полочкам, разложим вещи по шкаф-

чикам. Бывают сказки волшебные, бывают безумные, а бывают бредовые. Какая эта – решай сама. А началось всё с того, что один умник решил сыграть против Скриптрайтера… И кучу странных типóв затянуло на Землю.

– В далёкой-далёкой системе координат жил спокойной семейной жизнью один субъект. Звали его Клаусом, а его любимую женщину – Энн, и их пара отлично друг друга дополняла. Энн была перспективной пианисткой, а Клаус – превосходным учёным. Суть в том, что нет в том мире большего счастья, чем самовыражение, а проявляться оно может в любых формах. Одна из высших форм – это слияние и превращение в квинтэссенцию взаимности, то есть любви. Именно к такому финалу они шли рука об руку, пока мистеру Вирцу не приспичило докопаться до самых глубоких тайн фундаментальных наук. Клаус неплохо понимал устройство своего мира, видел локальную матрицу, на которой работает физика, но этого знания ему было недостаточно. И в конце концов, спустя годы изысканий, он создаёт специальное устройство, способное видеть базовую структуру мира на самых низких масштабах. Устройство он назвал омниграфическим ассемблером, а базовую структуру – «метакодом». Это что-то вроде набора специализированных символов, каждый из которых содержит кучу параметров и задаёт свойства всему сущему. Суть в том, что оператор омниграфического ассемблера должен обладать определённым складом ума, и чем он

гибче, тем легче ему разбираться в исходном коде мироздания. Мистер Вирц был в этом деле одним из лучших. Погружаясь в дебри последовательностей, из которых сшито пространство, он вдруг осознал одну вещь: некоторые фундаментальные частицы содержат в себе триггеры, способные вызывать различные цепные реакции и даже отправить вселенную на перезапуск, то есть к точке сингулярности. Второе, к чему он пришёл – это то, что активировать такой триггер невозможно, во всяком случае на данном этапе эволюции. И он стал думать, долго и последовательно. Что, если триггеры оставлены какими-то демиургами, которые в любой момент могут ими воспользоваться? Идея логичная, пускай немного безумная, а самое смешное, что его опасения подтвердились. Активатор убийственных цепных реакций действительно появился, ударил по нижней карте карточного домика и почти разрушил его. Но наш герой был готов – у него было достаточно времени собраться с силами и с мыслями. Он успел соорудить ловушку аргументов, что-то вроде мыслящей клетки, и потратил на её создание половину своей души. Ещё он каким-то образом спас свой дом от уничтожения, но здесь подробностей не знаю. В итоге план сработал: весь мир по щелчку пальцев отправился в небытие, а посреди этого небытия остался единственный островок жизни. Клаус добился частичного успеха, но ловушка аргументов не всесильна, и хаос, переписывающий миры, мог в любой момент вырваться на свободу. Его нужно было ка-

ким-то образом перепрограммировать или отключить, а для этого требовалось изучить его структуру. И Клаус, при помощи омнографического ассемблера, ненадолго в неё погрузился. Покопавшись в той сущности, которую позже он назовёт Скриптрайтером, Вирц решил, что не сможет его пересчитать: Скриптрайтер показался ему непостижимым. Вот только вторая половина его души, которая стала ловушкой, так не считала. И тогда их рассудила женщина, выбрав одну сторону его разделённой личности, тем самым задав приоритет той половине, которая была нацелена на победу. А та половина, в свою очередь, решила переместиться подальше от собственного дома, чтобы не поддаться чувствам и не отступить от своего безумного плана.

Суть в том, что с помощью ассемблера можно менять индекс, которым записывается местоположение объекта, и мгновенно переноситься куда захочешь. Именно так Клаус попал на Землю – вбив случайные координаты. К несчастью, во время переиндексации почти всемогущий Скриптрайтер сумел внести правку, и вместо простого появления в пункте назначения, ассемблер транзитом пролетел через десяток миров и прихватил с собой несколько «счастливчиков». Вот так мы оказались на просторах Млечного Пути.

– В обличии людей? – задала Юки закономерный вопрос.

Райзен кивнул.

– Логика переходов работает так, что объект обязан перестраиваться под шаблоны мира-получателя, поэтому боль-

шинство из нас стали неотличимы от землян. Первая проблема состояла в том, что из-за различия систем моё новое трёхмерное восприятие не могло собрать воедино осколки реальности, из которой меня вырвали. До сих пор мой родной мир представляется мне лоскутками абстракций, образами, скрытыми в тенях. Словно пытаешься разгадать, что изображено на рисунке, нарисованном чёрными чернилами на чёрной бумаге. Информация, которую открыл тебе кластер, немного помогла мне увидеть очертания, разобраться в бардаке, не имеющем ширины, длины и высоты, а всё-таки до полного понимания ещё охренеть как далеко.

– В кластере я видела твой мир в обычном трёхмерном формате. Каким образом Оливеру удалось подогнать его под моё восприятие?

– Потому что он обладает талантом к интерпретации. Конечно, работа титаническая: представь, насколько сложно, например, смоделировать четырёхмерный объект по одной лишь его трёхмерной проекции. А если измерений ещё больше? Тут нужен особый взгляд на вещи, новый Дали, наделённый умением переносить сны в картины, а иначе не увидишь ничего, кроме беспорядка. Беспорядок в моей памяти был в какой-то мере приятным: разноцветное небо, ток эмоций, столкновение реакций. Будто ярость там можно потрогать, а огонь лишь представить; или напиться спокойствием, а ветер там нечто вроде витамина, от нехватки которого пропадает способность к эмпатии. В общем, всё там вывернуто

наизнанку, и процессы протекают иначе.

По той же причине мой возраст практически стоит на месте. Есть мнение, что когда «Атакаму» со всей командой вышвырнуло вон, физика моего мира дала сбой, и время встало на месте. И если я вернусь, то оно, скорее всего, вновь побежит вперёд.

– Откуда ты вообще знаешь, по каким принципам работает твой мир?

– Потому что Клаус, будучи превосходным оператором, частично снял данные моей системы, записал на ассемблер и позже расшифровал. Да и мне самому, кажется, на уровне интуиции понятна физика мира Рапид-Корда. «Разноцветное космическое полотно», – ты ведь так выразилась? Моё шестое чувство даёт иной эпитет: «своенравное», и отчего-то такой вариант кажется мне наиболее близким к истине. Космическая навигация – в целом один из наиболее сложных вызовов. Помню, что промедление там смерти подобно: замешкаешься – упустишь момент трансформации области ужаса в реку опустошения, и чтоб не сгинуть в геенне рандомной, у нас на борту находится несколько навигаторов, которые чутко реагируют на изменения, вмиг меняя контрсвойства корабля.

– Напоминает изменчивость универсуса, – заметила Юки.

– Его облик действительно зависит от потребностей хозяина. Скажу больше: окажешься достойна – винтовка станет всем, чем пожелаешь, пусть даже ультразвуковым свистком,

или поясом шахида, если ты совсем отбитая на голову. Недостойный вовсе останется ни с чем: оружие просто обернётся пустой картой таро. Я так считаю не потому, что ты помогла мне вспомнить, а потому, что после скачка на борту «Атакамы» обнаружились две подобные карты. Берёшь такую в руки и, если повезёт, на ней проявится то, во что она превратится спустя какое-то время. Тебе, к слову, отлично подойдёт электрическая кусаригама. – Райзен кровожадно улыбнулся. – И да, я почти доволен, что мой универсус достался тебе. Если доведёшь его до восьми ипостасей и переплюнешь Императора, буду только рад.

Прозвучало слишком лестно, а оттого очень неожиданно.

– Какой ты ощущаешь жизнь до прибытия на Землю? – Юки зацепилась за Райзена периферийным зрением.

– Масштабное было времечко. – Лицо капитана едва различалось в сиянии приборных панелей. – Перед нами планетарные системы склонялись, и, должен признаться, я был дьявольски жесток. Земля меня малость исправила. Женевские конвенции стали настоящим откровением – раньше пленных комбатантов мы через шлюзы в космос выпускали, а девочки-военные становились трофеями (мне даже посчастливилось урвать самые охренительные куски). Вытворяли мы с ними, естественно, всё, что вздумается… Женщины и дети, взявшиеся за оружие, становились законной целью, пленные женщины и дети – вещами; пленные мужчины чаще всего становились трупами. В красках описать не мо-

гу – вспышка фантазии не даёт фейерверка, а на счёт Сьерры… Желчь в горле стоит. Нутро выворачивает. Словно хочу выйти из этого тела и забраться в новое, незапятнанное. Сколько раз она умирала? – Райзен вжался затылком в кресло и взглянул на собственные мозги. – Возрождалась, как феникс, и снова ломалась под моими побоями… Чувствую ненависть и любовь. Чувствую, что не хотел, но был должен. Порой наша собственная воля отключается под весом присяги. Теперь я не трогаю женщин, разве что для Кэролайн сделал исключение, потому что ой как заслужила.

Кэролайн молчала. Юки осторожно посмотрела на Райзена.

– Что ты делал со Сьеррой?

Капитан закрыл глаза, ожидая салюта. Вместо взрыва раздался глухой хлопок. Темнота осталась непроницаема. Он искал всполох чувства, указующую точку света, расширяющуюся до узора. Ничего. Картонные цилиндры, наполненные пустотой. Детские хлопушки, взрывающиеся в темноте полярной ночи. Райзен медитативно выдохнул – долго, словно стравливал воздух из резиновой шины.

– Будь уверена, – на её плечи обрушились все круги ада. Жалости к врагам мы не испытывали. Проглотил выбитые кулаком зубы – считай, пообедал. Ссышься кровью? Готовься пол драить. Реальный масштаб трагедии мне неведом. Пожалуй, оказаться в качестве пуфа для Сьерры было одной из самых безобидных вещей. – Райзен без тени раская-

ния встретил цепкий взгляд ронина, в котором таилась единственная эмоция – ожидание. Капитан продолжил:

– Свою жестокость отрицать нет смысла, а всё-таки был ли я собой?.. Нас ведь дрессировали и гнали в бой, как цепных псов: сначала снимали намордник, а затем спускали с поводка; мы были рады рвать ради хозяина просто оттого, что он хозяин, а всё, чего отведывали наши зубы, становилось нашим. Вкус крови до сих пор жив; бешенство драки корнями вошло в подкорку; моменты триумфа выжжены в личности. Меня боялись, меня ненавидели, в меня стреляли и пытались зарубить. А всё же во мне видели намёк на благородство: я никогда не использовал эдикт, никогда не старался выиграть битву заранее. Меня вело желание доказать превосходство в его чистейшем значении. Мне хотелось обладать самыми ценными трофеями, что возможно только если соблюдаешь правила дуэли.

Наложниц у меня был целый гарем – авторитет позволял, хотя жадничать тоже не стоило. Когда несколько месяцев летишь от одного солнца к другому – нужно уметь делиться с товарищами. Дикость, конечно, так ведь земляне тоже это практиковали. «Горе побеждённым», верно? Вспомни Средние Века: там и города сжигали, и несовершеннолетних девочек насиловали; а двадцать второе столетие уверенно наступало Средним Векам на пятки. Мы, наоборот, трогали лишь тех, от кого исходила опасность. Самое приятное – разорять толстосумов из иностранных элит. Отнима-

ешь у богатых, отдаёшь себе – эдакие современные Робин Гуды. Так что гражданских не обижали, будь спокойна. Образ освободителя портить нельзя.

Политика меня не волновала. На кой хрен она псу? Зачем знать о пропаганде, когнитивных искажениях и прочей мутотени? Служи хозяину, хавай сахарные косточки и не вякай. Но в моей новой жизни стали появляться новые знакомые, каждый с собственным мнением. «Если где-то прибывает, где-то непременно убудет» или «Счастье для одного гораздо хуже, чем счастье для всех». Что-то по-детски простое и правильное, о чём у меня попросту не было возможности подумать. Принципы гуманизма. Спасибо, земляне. Научили доброте, а потом снесли мир к херам собачьим. Что ж, усвоить уроки я успел. Одни заводили тирады про социализм и равноправие, вторые убеждённо проповедовали капитализм, да и фашисты попадались чаще, чем в Аргентине после Второй мировой. Ассортимент мнений на любой вкус, но что выбрать? Дóлжно ли отказывать себе в удовольствиях? Должно ли отсыпать низам побольше счастья и свободы? Вдруг большинство окажется бездарностями, которые развеют по ветру те блага, что на них высыпятся? Не лучше ли оставить рабочий класс под каблуком? – Звонкая агитация на секунду прервалась решительным взглядом, брошенным на Юки. – Во вселенной Рапид-Корда правила попроще были: победитель получает фанфары, лавры и почёт, а кто не способен сопротивляться, пускай довольствуется скромной халупой,

из которой носа не высовывает. Конкуренция – удел тех, кто готов играть по-крупному, а уж если проиграл – будь добр распрощаться с имуществом, свободой и правом голоса. Из политиканов получаются самые лучшие рабы – уж как они лебезят, чтобы лишний раз не получить по роже. И поверь, будь я побеждён – без раздумий выбрал бы смерть. Стал бы подчиняться? Нет. Под пытками бы корчился, но подчиняться – никогда. Самые крутые согласны на вечную боль. И какое же их ничтожное количество.

– Кто вообще пойдёт в политику, если ему грозит пожизненное рабство?

– Так ведь на второй чаше весов вечное господство. Поверь, право на такую субъектность перевешивает любые риски. И именно в тот момент, когда человек решает творить историю, вместо того, чтобы быть обычной рабочей шестерёнкой, он становится законной целью экспроприации. Если же ты сразу выбрал мирное прозябание, тебя просто оставляют в покое и время от времени стригут. Маленькие люди даже не замечают смены власти, и их, естественно, большинство. Мне отчего-то кажется, что Земля похожа на нас в социальном плане, а тех, кто выбирает стабильность вместо действия, примерно аналогичный процент. Девять десятых от общего количества, думаю. Цифра, впрочем, спекулятивная, так что верь мне на свой страх и риск.

Да ведь история о другом. Нас закинуло на Землю, потому что сработал Скриптрайтер. Скоростной поезд пролетел

по космической равнине, воздушной волной увлекая за собой всякую живность. На конечной станции нас, словно безбилетников, пинком под зад выдворили на перрон. Первое впечатление подпортилось чувством опустошения: какое-то адское похмелье после студенческой вечеринки – вот на что это было похоже. А всё-таки, немного придя в себя, мне удалось распробовать Землю на вкус.

Я приводнился в Норвегии, там, где фьорды в ладонях своих ласково баюкают морские заливы, а горные вершины скребут мёрзлую синеву небесного стекла. Команда моя прыжка не пережила, зато «Атакама» цела-целёхонька, к тому же умеет погружаться на глубину, так что спрятал я её в неприметном заливчике и пошёл знакомиться с местными. Не сразу, конечно. Месяц где-то просидел на борту, пытаясь разобраться, что вообще произошло. Много информации изучил про быт и культуру, но, по большей части, новости. Пришёл к выводу, что ваши девушки прекрасны и что мне нужны документы, посему решил поискать людей, вернее, ангела-хранителя, способного уладить бюрократические вопросы.

Планку задрал себе высочайшую – старая привычка из прошлой жизни. Захотел пополнить коллекцию трофеев – всё-таки не одними пленными мы довольствовались – так что стал искать ту самую, недосягаемую и величественную. Есть у земных женщин привычка строить из себя королев, только мне приспичило найти настоящую. Просталке-

рив сеть, выбрал кандидатку себе под стать: одна очаровательная итальянская альпинистка как раз приехала покорять Галлхепигген. – Райзен произнёс название без запинки. – Гора сама по себе несложная, но добавь в анонс слово «покорять» – значимость взлетает выше Эвереста. Итальяночка та, помимо того, что скалолазка, так ещё модель, мастер йоги и адепт здорового питания, а денег столько, что хоть в электронный камин на растопку пускай. Конечно, с «Атакамой» можно было пиратством заняться, но привлекать внимание в моей ситуации было совершенно излишне. Я всё-таки смертен, к тому же умею расставлять приоритеты. Короче, познакомились. Марисса. Как безумный преследователь поджидал её около отеля, в котором она остановилась. Почти сутки прождал, а когда увидел – подошёл как ни в чём не бывало и завёл разговор. Искательница приключений до мозга костей, и за словом в карман не лезет. Такие первыми предлагают время провести, но я её опередил. Куртка у меня была странноватая, с тройным капюшоном, хотя вполне приличная, а речь – английский с гэльским акцентом, так что от землянина почти не отличить. Мари сначала подумала: «Какой экстравагантный молодой человек». Ей-то почти тридцать исполнилось, а я едва выглядел на восемнадцать. Вначале мы говорили про горы, о том, что в них такого особенного. Мари сказала что-то в духе: «В Норвегии они похожи на бушующие волны необъятного океана – это ведь настоящее искусство, созданное природой». Там метафор на

целый сборник наберётся. Или «Горы точно застывший танец влюблённых призраков». – В отражении лобового стекла чиркнула ностальгическая улыбочка. – Теперь-то понятно, что мне это напомнило: республика Тинто, где все приличные женщины используют патетический слог. Да вся Норвегия напоминает Тинто, только дома перпендикулярно земле не висят. В общем, я Мариссе сразу сказал, что свалился с другой планеты и что денег у меня кот наплакал. «Какие проблемы?» – отвечает и с ходу предлагает сходить в горы за её счёт. Я, в свою очередь, отплатил ей предельной галантностью. Подъём был чакропрочищающий – нетронутые пространства, отрыв от цивилизации и девочка, аккумулирующая целеустремлённость – вот уж что действительно заразно. – Беззвучный смешок, обнажённые клыки. – Ещё там музей прямо в леднике вырублен и перевалочная база с автономным чайным домиком. Несколько часов болтали, разглядывая снежные барханы. Мари мне тогда призналась, что выглядел я сбежавшим от родителей старшеклассником, которому захотелось поискать приключений на задницу. После ответных комплиментов она растаяла, повысив меня до студента-первокурсника. Так вот всё завертелось, и вскоре мы сблизились, дойдя за половину зимы к той черте, за которую выплёскивается реальность. На пике чувств я взял с неё слово, что она сохранит в тайне кое-что важное, на что получил твёрдое сиюминутное согласие. Наверное, Мари думала о каком-то признании, типа я сирота или бездомный,

а в итоге увидела «Атакаму» и автоматом переключилась на итальянский. Из всего сказанного разобрал только «Mamma mia!» Как мужчина я её удовлетворял, а тут ещё оказывается, что не соврал ни разу. Причина её сомнений предельно ясна: обычный молодой паренёк называет себя инопланетянином, хотя один в один чей-то непутёвый блудный сын. «Атакама» развеяла сомнения. Есть у меня твёрдое убеждение, что мой корабль покруче, чем старфайтер из симуляции, который ты описала. Позже мы с Мари прикинули, что у землян подобные корабли появятся только лет через двести. А дальше бесконечность возвелась в бесконечность, и мы общались денно и нощно, отдавались друг другу без остатка и выходили в море на подводные экскурсии. В экстазе я, пожалуй, мог случайно потопить пару подлодок, хотя нашу отвязную парочку это нисколько не волновало. К весне у неё случился бзик на инопланетные инфекции, поэтому Мари на всякий случай решила сдать анализы. Меня затащить в больничку пыталась, от чего я героически отбился. Если земные врачи обнаружат, что у меня росомаховский уровень регенерации – пиши пропало. В общем, разобравшись с анализами, Мари подсуетилась и уже к лету вручила мне свеженький американский паспорт. И знаешь, она действительно обо мне промолчала, про то, что я инопланетянин. Может, думала, всё равно не поверят, а может, правда любила. Разбилась она на серпантине в Турции. Несколько лет звала меня в приключения, да только я был занят совершенно другим.

Первым делом требовалось узнать, где находится та хреновина, способная перемещать объекты между мирами. Я понятия не имел, что она из себя представляла, и всё-таки иные варианты для возвращения домой отсутствовали напрочь. Вдобавок следовало поискать других новоприбывших, которых, как мне тогда казалось, было всего несколько человек. Это уже позже стало ясно, что их где-то под сотню набралось. Спустя годы поисков вышел на одного кадра из Черногории – держал там винокурню. Воду в вино превращал – да вообще умел взаимодействовать с веществами, добавлять ферменты там, забирать тяжёлые металлы… Прикосновением менял химический состав, если коротко. Судилась с ним тогда крупная винодельня из Калифорнии: он, видишь ли, уволок с вечеринки, на которую его даже не звали, бутылку баснословно дорогого Каберне и стал штамповать копии. Себестоимость почти нулевая, а вкус на четырёхзначную сумму. Ну он и дал рекламу, что его «Каберне» ничуть не хуже лучших американских купажей. Крупные игроки не любят выскочек, хотя обошлось без особой шумихи; дело в итоге быстро замяли, потому как вино действительно получилось один в один калифорнийское. Сошлись на том, что он будет использовать другие слоганы. А во время Коллапса, прямо посреди рабочего дня, его уютная энотека благополучно схлопнулась вместе со всем городком. Позже я его откопал: бедолага зарос лишайниками да цветочками, прям как галльский друид. Безобидный малый, только освоился

– и тут на тебе… Коллапс вообще мало кто пережил. Про Хоффмана тоже немного слышал: верзила наделал шума в пьяной драке, а потом ушёл работать телохранителем к одной важной шишке. И повязку он в то время носил, чтобы не привлекать внимания, но вживую мы не пересекались. Жаль, что его Оливер завербовал. Мне кажется, умение внушать страх тоже относится к моей системе координат. Посидели бы, пообщались, может, сейчас мудень ещё б дышал. Падал он так себе, конечно: два балла за технику, ещё два за артистичность. В общем, искал я тогда любую информацию. Про всех этих несчастных «переиндексированных», про омниграфический ассемблер и того умника, с которого всё началось. Ночью всплывал у какого-нибудь населённого пункта и шёл заводить полезные знакомства, вернее, статусных любовниц со связями. Хороший секс хорошо вознаграждается, а кому-то достаточно простого ласкового слова. Девчонки мне всё скидывали: данные с телескопов, снимки секретных правительственных документов, внутренние корпоративные сведения… Наше прибытие, что меня несказанно обрадовало, земляне проворонили.

За кем конкретно следить было попросту непонятно, так что я пытался отслеживать самых экстравагантных. Из сайберов ставка была на Томпсона и Оливера Яффе: эти двое показались мне аномально повёрнутыми на работе. Даже встречу им пытался назначить, но их сладкоголосые секретарши меня отшили. Метил я, впрочем, куда нужно: уже по-

сле Коллапса выяснилось, что Оливер оказался в числе вынужденных гостей.

– Серьёзно? Никогда бы не подумала, что Оливер – инопланетянин.

– Он умеет подстраиваться под окружение и отыгрывать роли. На первый взгляд обычный учёный, но на деле опаснейший противник. Его опрометчиво недооценивать.

Райзен ненадолго отвлёкся на вибродатчики, затем проверил радиоэфир. Ближайшие шаги зафиксировались в пределах Лос-Анджелеса, а динамики в деках изливали сплошной белый шум: выходит, главный мегаполис «Вертикали» ушёл в оборону.

– Коллапс я встретил так особо ничего и не узнав, зато общемировая движуха разбудила во мне невероятную череду флэшбэков. «Мы скалы, сокрушающие море», – отозвалось внутри подзабытым лозунгом, и я понял, что поезд домой немного потерпит. Захватив несколько кораблей и перетянув на свою сторону их экипажи, я решил закрепиться в одном из прибрежных городов. Вначале подумал о Норвегии, но у Бостона есть ряд преимуществ, поэтому под шумок решил сделать его базой. Ну а что? Ваши тупоголовые вояки в панике, кругом шоу Бенни Хилла, так чего бы не воспользоваться случаем? Инициатива награждает инициатора. Конечно, захват Бостона мы оставили до лучших времён – ждали, когда всё подутихнет. В первые дни вообще жесть творилась: плывёшь себе посреди океана, а над головой крыла-

тые ракеты, точно перелётные птицы: то с запада на восток, то с востока на запад. А скольких я тогда потерял девочек… Это ведь не просто связи – это островки чувств, к которым можно прибиться в трудный момент жизни. Что они думали в последнюю минуту? Может, ждали, что я прилечу на помощь? Гадкое ощущение бесполезности вывело меня из себя, разжигая внутри нечеловеческую ярость. Когда ракеты закончились, мы быстро захватили Бостон и немедленно взялись за укрепление рубежей. Людей там из-за термобарических бомб почти не осталось, так что, считай, заняли ничейный домик. И тут американский президент заявляет в эфире открытым текстом, что армия США берёт под контроль лунные базы, а правительство при поддержке корпорации «Stea(i)m and Cyber» объявляет новый мировой порядок. Обещаний он от души отгрузил, и все они несли непрозрачный посыл: ты либо вверяешь свою жизнь в руки нового гегемона, либо становишься врагом, с которым поступят соответственно. Для пущего эффекта «царь» добавил, что на орбите остаётся сотня боеголовок, способных охватить всю территорию Земли целиком, и что их прикрывают новейшие орбитальные истребители. Тут-то у меня резьбу и сорвало… Оставив в Бостоне всю королевскую рать, я направился к Луне с группой добровольцев. Я тогда понятия не имел, получится ли с помощью земных технологий синтезировать топливо для старфайтера, но деваться было некуда. Неподконтрольные вояки, безумные корпорации и мастурбирующие

на своё отражение правители, как ты уже знаешь – законная цель экспроприации. Важными себя посчитали. Педики.

«Атакама» поднялась над океаном, раскидывая гребни волн, готовясь взмыть в ночное небо. Орбитальные истребители… Думают, если круто назвать, то и работать оно будет круто? Нет, братцы, я здесь – карающая длань. Я говорю, кому можно, а кому нельзя. Интересно, какое впечатление произвела на них вакуумная пушка? Беззвучный плевок в космос, от которого любая защита трещит по швам. Мой корабль быстрее, мощнее, да ещё способен становиться невидимым. Экранирование от разных сканеров тоже присутствует, так что земные пилоты даже пискнуть не успевали, хотя, с другой стороны, в космосе их всё равно никто бы не услышал. Неоправданная жестокость, сказали бы гуманисты. А куда деваться? Кесарю кесарево. Должно быть разделение, понимание себя. Кто ты? Воин? Торговец? Псина без рода и племени? Ты берёшь анкету и чётко вписываешь в неё, кем хочешь стать, а хороший учитель сразу говорит тебе, чем придётся пожертвовать и какие у тебя шансы на успех. Учитель выложит перед тобой все возможные расклады, и, если решился, не смей ныть потом, что выбрал не ту дорожку. Радуйся, что, будучи пилотом военного судна, нашёл могилу в открытом космосе – это ведь почти поэзия.

Времени разглядывать дрейфующие обломки у меня не было. Властолюбивый ушлёпок должен был ответить за непомерные амбиции.

Прилунился в стелс-режиме, прямо на космодроме. За терминальной зоной взлетал трамплином жилой комплекс «Восход». Серебряная сталь, чёрные стёкла, отражающие ночь. Немигающий искусственный свет вдоль бульваров, никаких признаков суеты. Этот универсус, – Райзен кивнул на «Арисаку», которую Юки зажала коленями, – принял последнюю открывшуюся мне ипостась – пятую – превратившись в восьмизарядную бандуру с самонаводящимися ракетами. Тормознутые янки явно не ожидали, что их будут штурмовать в лоб, тем более настолько голодным градом бесконечного огня. Несколько моих парней, естественно, тоже оказывали посильную помощь, так что шуму мы наделали выше крыши.

В сайберовской штаб-квартире отыскали «президента мира». Как его звали, всё время забываю. Насрать. Этот скот угашенный угрожал мне вилкой для оливок, ругательствами бросался, кидался полуголыми девками. На экране ваши политики держатся иначе. В общем, покатал его по полу за волосы, пару раз шмякнул о стол, чтоб больше не выёживался. Шизоид накуренный. Короче, обязанности президента я с него снял, а потом провёл общее лунное собрание – подключил все базы терраформирования через видеосвязь. Итог закономерный: военные либо разоружились, либо присягнули «Авангарду»; персонал «Восхода» зла на меня не держал, так что расстались мы на хорошей ноте. Остальные базы сайберов тоже бодаться не стали, да и лунные комплексы других

государств быстро сообразили, что лучше объединиться со мной и объявить от Земли независимость. Впрочем, я отвлёкся. Захватив «Восход», спросил я у остатка совета директоров, не находили ли они хреновину с функцией телепорта, вот тут-то Томпсон под весом эдикта и раскололся.

– Ассемблер обнаружили на Луне?

– Позитивно мыслишь, – кивнул Райзен. – Случайно наткнулись на старом складе – лежал посреди мешков со стройматериалами двадцать семь, сука, лет! Бетоном они, видите ли, «не очень пользуются». И как думаешь, что Томпсон с ним сделал?

– Без понятия.

– Тогда остановимся на этом месте поподробнее. И раз уж на то пошло – может тебя подбросить куда?

– У меня байк недалеко припаркован. – Юки растянула на деке карту, отметив место. – Высади там.

– Могу в Вегасе выкинуть. Мы днём его заняли. Позже объясню.

– Сойдёт. Доберёмся до мотоцикла – задам ему маршрут.

– Договорились. А теперь слушай…

Летун поднялся в воздух. Дверные панели захлопнулись, отсеча звук винтов. Кэролайн приняла полулежачее положение. Ю, забегая вперёд, перебила Райзена на самом интересном месте.

Наибольший минус высотных квартир в том, что прихо-

дится наблюдать флайтлайн. Когда лётную полосу заполняют дэши, их бесперебойное течение ужасно мозолит глаза. Несмотря на внешнюю суету, включать киберглясс сегодня совершенно не хотелось: вегетативная нервная система Токио выполняла привычную череду действий, в репитативности которой скрывалось чудо эволюции.

Динамики проигрывали «Муравейник» Виктора Цоя. Последний настоящий музыкант Союза переносил на тексты дух эпохи, которая минула полтора столетия назад. Как, вообще, охарактеризовать Союз? Если судить чисто по кинематографу, то он предстанет приветливой страной с замечательными людьми широкой души – наивными, принципиальными, творческими и чаще всего оптимистичными. Любая культура складывается из мелочей, из заимствований и метаморфоз, проследить за которыми задачка почти невыполнимая… Взять хотя бы «Ёжика в тумане», в своё время вдохновившего Миядзаки на творчество. Интересный факт про эволюцию японской мультипликации, верно? Впрочем, вернёмся к деконструкции Союза. Что ещё повлияло на его облик? Естественно, аппаратчики (кажется, именно так называли тогда партийных работников), хотя, как ни крути, даже их демонизировать не получится. Или получится? Давайте накинем тезисов на вентилятор: первый темнокожий в космосе, сталинские «тройки», ликбез, кукурузный бум, дома творчества для детей, политика эмансипации женщин на патриархальном юге, отказ от лоботомии на пике её по-

пулярности, госпереворот в Афганистане, Берлинская стена и газированная вода «Байкал». Интересно, если вспомнить все плюсы и минусы, то какая чаша весов перевесит? А что сказать про постсоветское пространство? Менее самобытное оно, что ли.

На третьем курсе универа ему посчастливилось выбить себе место в «рабочей поездке» – он уже тогда подавал большие надежды, и совмещать учёбу с практикой требовали кураторы. Что его удивило при первом знакомстве с чужой культурой? Многонациональность? Метание между западом и востоком? Импульсивность в общении или депрессивность, приходящая с началом осени? Как бы там ни было, к азиатам славяне относились с особой теплотой. Да ведь самого Цоя, который был корейцем (точнее, советским гражданином с корейскими корнями), русские возвели в культ. «Я сам, пожалуй, немного похож на Цоя, – финальным аккордом пронеслось в голове, – хотя корейского во мне ни капли».

Перед глазами прозрачная витрина с двумя бутылочками питьевого йогурта – клубничным и банановым. Мозг задумался о сложности выбора, пускай даже такого незначительного. Повлияет ли он на судьбу Вселенной? Таит ли скрытый смысл? И если долго смотреть на йогурт, посмотрит ли он в тебя? «Побольше абсурда, Кэз», – посмеялся он про себя и вытянул банановый – свой любимый. Микрофлора желудочно-кишечного тракта с удовольствием согласилась бы даже

на абрикосовый.

Открывался великолепный вид на район Синдзюку. Пролетающие дэши выскальзывали из лайна, плавно спускаясь к посадочным зонам. Встав у окна, он отхлебнул йогурт и умозрительно оглядел улицы. По «собачьей дорожке» местного парка шестеро колли тащили, как упряжку, спортивного вида дамочку. Местная знаменитость: дипломированный кинолог на энергетиках и кофеиновых биодобавках. Собаки, к слову, – отличный выбор для привлечения аудитории и бесперебойный генератор серотонина. «А котики – отличный источник витамина С», – снова подумал «Кэз» и снова посмеялся сам себе. Когда берёшь первый выходной после трёх месяцев плотной работы, так и тянет на дурацкие шутки.

Над перчаткой-ПМК зажглись уведомления: предложения «прошвырнуться», банковские выписки, рекламный спам и стопка прикреплённых к сообщению медиафайлов. Белорусский товарищ собственными руками строит дачу: занозы, комары и гвозди. Деревянный коттедж посреди поля, фоном – непролазный бор на спуске; окна ещё не застеклены и внутри полнейший кавардак. Потом влепит медиаэкран на всю стену, выроет бассейн на заднем дворе, добавит неоновое освещение, после чего славянский домик в глуши обретёт электрический привкус киберпанка. Что ж, в культурной эклектике нет ничего плохого. Если на то пошло, английский колониальный стиль зиждется ровно на том же принципе.

За парком – пагодная крыша храма Мейдзи. Ещё дальше – тот самый малоэтажный Токио с лабиринтом узких улочек. Осмысленная спешка, о которой сегодня можно забыть. Никакой беготни, никаких мозговых штурмов. Сегодня его ждёт беспечная камерная попойка в потрясающей компании.

Полосато-рубашечный мим в бледно-гипсовом гриме давал в парке представление. Детишки отпрашиваются у родителей и шагают в «область невероятного». Стучат в воображаемую дверь, смеются, заходят. Руки в белых перчатках нагнетают саспенс. Неожиданно стенки комнаты «сжимаются», и шанс успеть выскочить обратно тает на глазах. Семилеткам вполне хватает, чтобы пощекотать нервишки. Почему кто-то до сих пор выбирает живых актёров, когда можно создать симуляцию со сценарием на любой вкус? Наверное, из-за бесценного ощущения социализации. Потому так популярны экскурсии на настоящую Фудзияму или тусовки в реальных ночных клубах. Чего ещё нет в симуляциях? Чувства уязвимости, наверное. Вот и выходит, что настоящая жизнь именно в этом – в невозможности сохранения и перезапуска.

Мысль оборвалась сигналом нового входящего сообщения.

– Предлагают встретиться, Кэз, – женский голос из умной перчатки. – Подъедут через пять минут. Вопрос по программному обеспечению.

– Не по моей части…

– Сказали, нужен именно ты. Инициатор хочет сохранить анонимность, назвался высокопоставленным членом «S&C». Если настоишь, он откроется, но умоляет о приватной беседе.

– Хорошо, – вздохнул Кэз, – скинь разрешение на въезд.

Опустевшая упаковка йогурта отправилась в прессовочный контейнер автосортировки. Вечером он скатается до первого этажа, а утром мусорщик заберёт центнер скопившегося кубического хлама, чтобы унести на поиски новой жизни. Второе чудо эволюции – рециркуляция. Кэз глянул в зеркало над раковиной. Оставалось четыре минуты, чтобы привести себя в порядок.

Умывшись и причесавшись, он переоделся в повседневное. В гостиной чуть больше, чем нужно японцу: кресло с тумбочкой, мягкий диван, кофейный столик, свёрнутый коврик для медитации и универсальный тренажёр «X в 1». На тумбочке – футляр для умных линз, тактильные перчатки и импульсный обруч, стимулирующий нужные зоны мозга – самый компактный из неинвазивных способов приблизить симуляцию к реализму.

– Припарковали дэш. Поднимаются.

– Что имеем?

– «Сайберовские» деформаторы.

– Ну да, ну да. Из-за них инфы не насобираешь. Идентифицировать получится?

– Слишком «замыленное» изображение. Объёмный муж-

чина, пара эскортниц.

ПМК выдал видеоряд. Да ладно! Конечно, Кэз его узнал, даже «замыленным» и с такого ракурса. «Засада, старик». Если начальство обнаружит, какого рода гости к нему наведывались – скандал поднимется знатный. В любом случае, направление на сделки с конкурентами в его моральном компасе отсутствовало.

– Открываю, – произнёс ИИ, и в квартиру весело завалилась первая из гостей.

– Коничива, Кэзуки-сан! – кореянка видела его впервые, а вела себя так, будто они лет с двенадцати вместе спали.

– Добрый день, – вежливо поклонилась вторая – японка – и бесшумно разулась. – Моё имя Минами Мизуки.

– Простите, если мы не вовремя. – Кореянка небрежно отбросила кроссовки и прошла в гостиную. На японском она говорила с лёгким акцентом и из обычного «простите» накрутила довольно забавную канитель шипящих звуков.

– Что, собственно, происходит? – Техник адресовал вопрос человеку, вошедшему следом.

– Есть дело, мистер Мияке, – произнёс Феликс Томпсон вместо приветствия. – Вопросы, не терпящие отлагательств.

Скрытые динамики выдавали «Tokyo Bambi». Кэзуки Мияке, жестом отключив музыку, недоверчиво сложил руки на груди, разглядывая вошедших. Обе прекрасные гостьи стоили любых потраченных усилий. Или финансов.

Кореянка, как ни в чём не бывало, примостилась на ди-

ванчике, сверкнув полоской чёрных трусиков из-под короткого спортивного платья. Чёрного вообще было предостаточно: орнаментальный чокер, растрёпанные волосы а-ля «малышка из плохого района», девятнадцать ноготков (на среднем – двадцатом – красовалось алое сердечко) и помада без признаков блеска. Японка же скромно стояла, монашески сцепив руки, пока Кэзуки не предложил ей сесть. Та подчинилась, плюхнувшись на другой край дивана максимально пристойно. Её волосы доходили до лопаток – пряди самых разных цветов, но без токсичной вычурности, в спокойной гамме. Укороченное кимоно из пиктохромной нити транслирует «невосточный» узор (рисунок вообще не подходит под какой-либо стандарт). Видимо, Техник уже начал отставать от современных веяний моды…

Томпсон протянул ему руку. Белые носки на коричневом деревянном полу. Подчёркнуто чистые – не смотри, что толстяк толстяком. И костюмчик сидит как влитой. Кэзуки ответил на рукопожатие, пытаясь разглядеть в лице Томпсона заготовленный подвох. Отвлекающая улыбка. Сел без приглашения прямо между девушек, оставив для Кэзуки кресло. Полнейший цугцванг.

– Это Кейт. – Томпсон приобнял кореянку. Японка сидела с целомудренной прямотой, скромно прижав коленки. – А Мизуки всегда представляется сама. Очень созвучно с вашим именем – легко запомнить. – Деловой пристальный взгляд, пара секунд молчания. – Непредвиденные обстоя-

тельства заставили нас пересечь половину земного шара. Вопрос категорически серьёзный.

– Хотите перетянуть меня к сайберам?

– Периодически подумывал, – кивнул Томпсон. – Вы первоклассный специалист. Анкетка на вас составлена обстоятельная.

– Досье, – поправил Техник. – Накопали что-нибудь интересное?

– Множество фактов. Мы собираем любую доступную инфу.

– Расскажи что-нибудь, Феликс, – промурлыкала Кейт.

– Ага, – поддал жару Техник. – У меня сегодня весь день свободен. К тому же любопытно, какие обстоятельства чужой жизни первыми всплывут в вашей голове.

Повисла пауза. Просьба выставить что-то личное на всеобщее обозрение случается ой как редко.

– С полпинка уговорили. Что ж. Начнём с отвязной молодости, – Томпсон, вознеся очи к потолку, мысленно ворошил страницы досье, – в универе мистер Мияке сколотил группу, дерзко названную «Zeppelin».

– Это оммаж «Led Zeppelin»? – предположила Мизуки.

– Скорее, провокация, – пояснил Техник. – Ассоциация с разведкой Третьего рейха. Впрочем, смысла никто не понял.

– Да уж, – подхватил Томпсон, – сейчас вообще мало интересуются двадцатым веком. А запрещённые символы со сцены показывали?

– Дальше названия мы в нацизм не ушли. – Техник, словно пристыженный этим воспоминанием, замотал головой. – Зато были голые торсы и разбитые гитары.

– Выходит, Кэзуки-сан был бунтарём, – уважительно добавила Кейт.

– И сейчас не меньше, – заверил Кэзуки. – Название нашей школьной группы вам тоже известно?

– Так глубоко мы не копали, – добродушно признался Томпсон.

– Первая группа называлась «japanese Jesus». Ещё более провокационно.

Мизуки разгладила кимоно на бёдрах.

– Кто был японским Иисусом – вокалист или вся группа?

– Вся группа, – серьёзно ответил Техник. – Мы решили, что в стране анимизма такое название будет смотреться аутентично.

– Почему поменяли? – мягко спросила Мизуки.

– Поссорились из-за барабанщицы. Ревность внесла разлад в безотказно работавший музыкальный организм. Новое имя стало более удачливым.

– А почему Техник? – подбросила вопрос Кейт.

– Долгая история. Впрочем, ответ найдётся на книжных полках.

– Можно в них порыться? – на овальном корейском личике вспыхнули щёчки. – Обожаю загадки.

– Пожалуйста, – дал согласие Кэзуки. – Только при нали-

чии информера задачка окажется слишком лёгкой.

– Обещаю не пользоваться, – заверила Кейт, покидая диван.

– Справа за дверью, – подсказал Техник, указывая на спальню.

Кейт вошла, обнаружив многоярусную абстрактную конструкцию для книг и журналов. Пластиковые полки «под дерево» с косыми перегородками, абсолютный беллетристический хаос – от фольклорных сборников до здоровенных талмудов по точным наукам. В отдельной ячейке ряд тонких журналов на иностранном языке. Это навело девушку на мысли.

– Зуб даю, дело в иностранных изданиях, – подала голос Кейт.

– Верно, – подтвердил Кэзуки. – Включи переводчик.

Линзы-визуализаторы сменили язык. «Юный техник», – прочитала Кейт и поняла, что это перевод с русского.

– Так вам дали прозвище по названию журнала? – ухо и глаз выглянули из проёма.

– Когда я был в России, мне представилась возможность познакомиться с их научным наследием, так что вечерами я перечитывал старые письменные источники. И когда мои тамошние друзья увидели, что я изучаю, то наградили меня новым прозвищем; а потом раздобыли печатный вариант первого выпуска и подарили перед отъездом. Я их коллекционирую.

– Это необычно, – Кейт вернулась в гостиную, встав у стены.

– Значит, – Кэзуки взглянул на Томпсона, – вы подумали, что меня получится купить?

– Вовсе нет, – ответил тот. – Из всех кандидатов вы выглядите наименее продажным. Дело в другом, полагаю.

«Выражается так, словно сам не знает настоящей причины».

– Конкретнее. Вас ведь программное обеспечение беспокоит.

– Отчасти. Главная причина, на мой взгляд, кроется в комплексной оценке вашей личности. Оригинальность мышления, нетривиальность научных подходов…

– Просто время от времени набрасываю идиотские идеи.

– Которые выстреливают, – поднажал Томпсон.

Тогда подключилась Мизуки:

– Многие великие идеи поначалу кажутся глупыми.

– Чего только стоит теория логичного хаоса, – сказал Феликс. – Меня она позабавила.

– Про что там? – спросила Кейт.

Техник перевёл центр тяжести на подлокотник. Эта спонтанная компашка, кажется, собиралась порушить все его планы на вечер, хотя, с другой стороны, не каждый день к тебе заваливаются люди из высоких кабинетов.

– Мне всегда казалось, – ответил наконец Кэзуки, – что в любых, даже самых нелепых человеческих поступках есть

логика. Здесь больше про комбинаторику. Можем провести небольшой эксперимент, – он дождался молчаливого согласия. – Назовите пять любых целых чисел от одного до бесконечности. Какие угодно, лишь бы разные.

– Самое время заняться арифметикой! – обрадовалась Кейт и назвала что-то спонтанное. Мизуки тоже подключилась. Томпсон, который уже знал про эту теорию, лишь отказующе выставил перед собой ладони.

– Вот видите, – сказал Техник, – вы обе не назвали чисел, оканчивающихся на ноль. И так с подавляющим большинством людей. Даже называя случайную последовательность, мы подсознательно придерживаемся правил. Получается, случайности, создаваемые человеком, достаточно условны, чтобы в принципе называться случайностями.

– И рациональность – наша главная черта, – подытожил Томпсон.

– Так запутанно, – протянула Кейт.

– А какой из этого вывод? – неуверенно интересовалась Мизуки.

– Что эволюция дала нам довольно редкую специализацию, нацеленную на сопротивление беспорядку. И что упорядоченное разнообразие – это база, на которой зиждется здоровая личность.

– Это каким-то образом применили на практике? – Мизуки верила, что нет.

– Есть у меня знакомый нейрофизиолог. Взяли мы с ним

по баночке «Кирина», и я ему задаю эту задачку с перебором чисел. Результат такой же – все числа без нулей, вот он и задумался, а что если длина связей в коннектоме как-то связана с психическими расстройствами. Что, если наличие областей, где слишком много «неудобных» узелков, могут вызвать сбои, типа зацикливания сигнала. Говоря проще, последовательность «2, 7, 38, 154, 1» «звучит» для среднестатистического мозга гораздо приятнее, чем «20, 30, 5, 10, 70». Ну он тут же раскрыл несколько нейронных карт, и мы начали искать закономерности. А у него там кого только не было: серийные убийцы, ОКРщики, алкоголики и наркоманы… Стали смотреть на участках ближе к центрам агрессии, прошерстили инфографику лобных долей и ответную реакцию на разные стимулы, затем запихали в ЭВМ, моделируя различные состояния…

– Куда запихали? – Кейт непонимающе пробежала по лицам.

– В сверхкомпьютер, – поправился Техник. – Дальше – публикация в журнале и подвижки в лечении. Я от авторства отказался, хотя товарищ настаивал.

– «Товарищ», – повторила Кейт. – Выражаетесь вообще не по-японски.

– Так значит, отметили особенности коннектома? – уточнила Мизуки.

– На самом деле, ничего прорывного. Просто слегка улучшили старую методику, основываясь на математике уровня

начальной школы. Полировка каждый день идёт – всё-таки сто с лишним миллиардов клеток приходится перебирать. Нейроинформатика. Я ей на первых курсах баловался. Потом времени перестало хватать.

– Понимаю, – сказала Кейт, почёсывая голую пятку. Обсидиановые пальчики довольно растопырились. Была в ней эдакая грациозная раскрепощённость.

– Могу угостить чем-нибудь, раз такое дело. Чего вам налить?

– Саке, – озвучила заказ Кейт, возвращаясь в пузатые объятия шефа.

– Мне без разницы, – Мизуки виновато глянула на Техника одним глазком.

– Виски с содовой, если можно, – попросил Томпсон.

– Вообще-то, сейчас утро – я намекал на кофе или чай. Хорошо, в виде исключения могу предложить пиво.

– Пиво так пиво.

– Угу, мне тоже.

– И мне!

Техник прошёл на кухню, вынул из холодильника четыре бутылки и с интимным звуком оставляемых на женском теле засосов снял крышки. Поставив пойло спонтанным гостям, вернулся в кресло.

– За знакомство! – произнесла Кейт и чокнулась с коллегами. Техник, поддаваясь действию зеркальных нейронов, махнул бутылкой «Кирина» в их сторону.

– Короче, дело серьёзное. – Томпсон беспокойно заёрзал, выуживая из карманов причину приезда. Рядом с пивом возник чипсет для портативного мультизадачного комплекса.

– Японский процессор J-note, – глава космического отделения сайберов озвучил очевидный факт. – Нашли на Луне.

– Закономерно. Некоторые из ваших сотрудников знают толк в выборе комплектующих.

– Даже слишком. – Его серьёзность взлетела выше крыши. – Устройство с виду обычное, во всяком случае, внешняя оболочка ничем не примечательна. Исключительность в другом: структура чипа опережает передовые разработки на несколько поколений. Слишком компактно и слишком технологично.

– Клео? – Техник обратился к умному дому.

– Подтверждаю, – ответила квартира, после чего озвучила толщину транзисторов в ангстремах.

Техник задумчиво покривил губами.

– Ядро?

– У меня нет к нему доступа. Зато есть стойкое ощущение, что его невозможно взломать.

– Стоило отдать J-note на экспертизу.

– Первым делом мне захотелось самому его обследовать, но проблема встала уже на этапе активации – ни одно ПО не понимало архитектуру; а решилось всё, когда я подключил J-note к своему ПМК. В нём есть нейроконнектор, чтобы периодически собирать медицинские данные, вот через него J-

note ко мне и подключился. Без разрешения. У моей перчатки отключена функция автоматического соединения с нервной системой, так что процессор повёл себя как паразит. Я почувствовал контакт даже без мозговых имплантов, однако эффект оказался таким, будто я был напичкан чипами, которые калибровали конкретно под меня. – Томпсон накрыл «бумагой» «камень». – Вы пробовали сушёные мухоморы?

– Мне хватает алкоголя, – насмешливо ответил Техник, тряхнув «Кирином». – Впрочем, я помню биохимию: мусцимол влияет на рецепторы гамма-аминомасляной кислоты, погружает наркошу в самосознание и вызывает псевдоозарение.

– Если правильная доза, то… Впрочем, я не оправдываться пришёл. Меня накрыло при подключении, будто я увидел запредельные миры, в которых существовал на миллиардах планет. А когда очухался – где-то секунд через тридцать – то обнаружил, что мой рабочий кабинет был успешно взломан, а большинство досье благополучно удалились. Если быть точным, все, кроме вашего, но странность даже не в этом. Имя файла сменилось на «найди его».

– Довольно странная хакерская программа…

– Невозможно взломать сайберовскую защиту за полминуты. У меня твёрдое и единственно логичное убеждение, что J-note вытянул пароли прямиком из моей головы, а потом указал на нужного человека.

«Померещилось ему, что ли?»

– Уважаемый мистер Томпсон, – дипломатично начал Кэзуки, – всем известно, какой вы неутомимый раздолбай. Может, всё-таки, вас довели до ручки психотропные препараты?

– Во-первых, это официальная фарма – у неё отсутствуют побочки. Комплексный приём стимуляторов согласован с моим лечащим врачом и тайм-менеджерами. Даже на пределах продуктивности, скорее рак на горе свистнет, чем я сойду с ума. Во-вторых, если мы не разберёмся, что это за J-note, «Бэнко» ждут крупные разбирательства. Начнём хотя бы с того, что ваша компания штампует нелицензированные чипы. Вы знаете наших юристов, мистер Мияке.

Кэзуки улыбнулся.

– Вы умудрились надкусить «Apple» с ненадкушенной стороны, что действительно восхищает, однако то, что обнаружилось на Луне – не японская разработка, будьте уверены. Мне показывали концепты проектов на ближайшие годы – там ничего сверхъестественного. Вероятно, Клео ошиблась, потому что вы где-то нахимичили, и теперь нагло пытаетесь играть в шантаж. Могу предложить самый очевидный вариант – обследовать ядро в «бэнковской» лабе. Или езжайте в суд. С удовольствием послежу за процессом.

– Предлагаю иной путь. Подключите устройство к себе.

Неморгающие глаза Техника застыли в статике. Само пространство-время, кажется, ударило по тормозам.

– Мне не нравится вся эта история. И девушки – разве при

них стоит обсуждать такие вещи? Если, конечно, всё сказанное выше – чистая правда.

– Этим прелестным созданиям запрещено разглашать услышанное где бы то ни было, – убеждённо проговорил Томпсон. – Им за это срок светит. Тем более, моё доверие к ним безгранично: знали бы вы, через сколько мы прошли передряг.

– Отбросьте недоверие, Кэзуки-сан! Мы прилежные девочки.

Техник завёлся – уж слишком задорная милашка сидела напротив. Сколько ей? Точно в самый раз, но отвлекаться нельзя: сайберовские агенты лучше многих умеют втираться в доверие.

– Тогда попросите своих телохранительниц подключиться к ядру. Посмотрим, что из этого выйдет. Деформаторы тоже пускай вырубят – Клео снимет биометрику.

– Я согласна! – задорно вписывалась Кейт, которой, похоже, плевать было, в какую авантюру её затянет.

Всё ещё объятая Томпсоном, она растапливала его взглядом. Тот кивнул, и Кейт уверенно воткнула чипсет в ячейку «умного» полугловелетта – просто, без раздумий, как будто только что купила новую навороченную игрушку, которую хотела заполучить с момента анонса. Клео отметила изменения практически сразу: нарастающий пульс, обильный выброс феромонов, повышение температуры тела… Даже без биометрики всё было понятно по тончайшей мимике – слов-

но после прелюдий девушка дождалась второй передачи, готовая вот-вот перейти на третью.

– Ты как? – спросил Техник.

– Секундочку, – промямлила Кейт, обхватив живот. Напряжённо подавшись вперёд, она исступлённо, едва слышно выдохнула и безотчётно потёрлась бёдрами. К щёчкам прильнула кровь, а немигающий взгляд вышел за пределы комнаты. По телу пробежали конвульсии. Толчок, второй, третий. Казалось, Кейт готова взорваться. Приоткрытый корейский ротик намекал на верхний порог возбуждения. Сбитое дыхание, потеря самоконтроля и ощущения пространства. Кейт свалилась на пол, свернувшись калачиком. Опасаться за жизнь было излишне: даже без биометрики всё указывало на приближение к сексуальному оргазму. Присутствующие испытывали иной калейдоскоп эмоций, хотя тоже довольно разнообразный.

Тело отзывалось на внутренние позывы. Сексуальное возбуждение вызывало в мозгу короткие приступы эпилепсии: секундное отключение, перезагрузка, новый прилив эмоций. Испустив слёзный стон, Кейт излилась спазмом отступающего напряжения.

– Боже, это было превосходно. – По горячим щекам катились на пол тёплые слёзы. Губы едва не целовали паркет. Из того же беспомощного положения Кейт отшвырнула перчатку в сторону и с растрёпанным видом уселась на пол.

– Нужно осмыслить это… Где здесь душ?

– За той дверью, – с некоторой скованностью произнёс Техник.

Кейт дважды моргнула, без признаков стеснения пробежала по лицам, сердито воззрилась на ПМК.

– Это проникновение в чужую личную жизнь, – буркнула она, поднимаясь.

– Заметьте, – произнёс Томпсон, – ни у кого из нас не установлено нейроимплантов, а без них доставить сигнал от аксонов в кончиках пальцев до центров удовольствия весьма проблематично.

– Отодрали меня от души, – подтвердила Кейт. – Без разрешения, кстати, – прошу свидетелей зафиксировать показания.

И вошла в душевую, оставив дверь открытой. С кресла душевая кабинка не просматривалась, зато Томпсон с Мизуки запросто могли устроить себе сеанс вуайеризма.

– Оценили технологию? – продолжал Томпсон. – Странно, что в моём случае эффект был другой.

– Мне всё меньше становится понятна эта история. С вами что произошло?

– Стимуляция иного толка, хотя схожести имеются. – Томпсон перекинул инфу Кэзуки. Тот развернул голограмму, вчитываясь в строчки параметров и статистические графики измерений.

– Быстро вы вошли в состояние потока… Вернее, мгновенно.

– И в норму вернулся так же быстро.

– Предположения?

– Понятия не имею, но этот J-note точно умеет читать мысли.

– И мгновенно доводит до состояния эйфории.

– Именно. Новая ступень прогресса…

– Пылившаяся на лунном складе сайберов. – В Томпсона упёрся вектор скепсиса. – Куда, в таком случае, пересылается инфа и какой вообще смысл использовать нейрокомпьютер, который выдаёт себя после первого же контакта с жертвой?

– Это нам и предстоит выяснить, – с азартом произнёс Томпсон. – В чём гешефт, кто бенефициар, у кого есть возможности печатать настолько тонкие чипсеты, и почему эта история свела нас в самом сердце Японии? Похоже на хитрую игру сверхразумного существа или происки инопланетян.

– Жуть какая, – помялась Мизуки.

– Вот-вот, – поддержала Кейт из душа. – Жуть!

– Это ведь розыгрыш, правда? Какая-то проверка от моего начальства или съёмка пилотного выпуска нового реалити-шоу.

– Вы же знаете, как развеять сомнения. – Томпсон указал на отброшенную перчатку.

– А может, это новая сайберовская технология, и вы сейчас всё обставляете таким образом, чтобы я согласился опро-

бовать её на себе? Раньше заманивали работников таблетками, а теперь придумали устройство для оргазмов. Отличный, к слову, способ минимизировать утечку кадров – подключился, получил лошадиную дозу эндорфинов, и жизнь в сайберах снова прекрасна. На таком допинге можно хоть сутками с рабочего места не вылезать. Политика перманентного удовлетворения – вполне себе план.

– Низводите «S&C» до клуба извращенцев? – улыбка округлила лицо Томпсона ещё сильнее. – Полагаю, контакт с чипом приносит непредсказуемый эффект.

– Нужна бóльшая выборка, в идеале – репрезентативная.

– В нашей ситуации это затруднительно. Впрочем, предлагаю проверить, как устройство подействует на Мизуки.

– Вдруг произойдёт то же самое? – Мизуки опасливо поглядывала в душ.

– Тогда присоединишься к Кейт, – игриво поддразнил её Томпсон.

– Я не настолько испорчена.

– Знаю, малыш, знаю. Ну так что, рискнёшь?

– Рискну, – твёрдо кивнула девушка, соскочив с места. Сев в сэйдзу перед перчаткой, она приводила в порядок дыхание. Трёхсекундный вдох, пятисекундный выдох. Грудь под кимоно поднималась волнами неуловимого прибоя и мягкими отливами опускалась. Как только J-note занял нужный разъём, проявились признаки воздействия. Эффект действительно оказался другим: спустя короткий миг выра-

жение лица Мизуки сменилось со спокойного на сонное. Туманный взор упал сначала на шефа, потом на Техника.

– Я заслужила, – лениво произнесла Мизуки и, обмякнув, растянулась на паркете. Томпсон изготовился бежать на помощь, замерев в ожидании сигнала. Клео производила анализ.

– Уснула, – произнёс Техник, изучив всплывшую инфограмму. – Уже в фазе короткого сна.

– Моментальный эффект, – глава космического отделения сайберов с облегчением откинулся на спинку дивана. Взгляд упал на лежащую Мизуки, затем как бы невзначай перескочил на душевую.

– Почему именно J-note? Абсурд. – Техник глотнул пива, принял эту стандартную позу для раздумий – костяшки пальцев подпирают скуловую кость, дно бутылки упирается в подлокотник. – Нет никакого смысла ставить на такой крутой чипсет клеймо другого производителя…

– Это точно пришельцы. – Томпсона, похоже, вся эта ситуация только забавляла.

– Ну да, куда же без них? Может, вы уже под их влиянием?

Саркастичным тоном Техник прикрывал запредельную работу ума. Мысли пытались сложиться во что-то цельное.

Кейт вышла из душа – в платье и с мокрыми волосами.

– Досье Кэзуки-сана уцелело не просто так, – сказала девушка. – Эта странная штуковина выбрала вас из кучи кандидатов. Вам стоит подключиться.

– Ради науки, – подыгрывал Томпсон, уличив момент.

– Чёрт с вами, – сдался Техник. – Давайте рискнём. Если затея провалится – полетим в «Бэнко».

Томпсон кивнул.

– Разбуди Мизуки.

Кейт ногой растормошила спящую напарницу. Ступня залезла под кимоно, проштамповала живот и легонько пнула Мизуки в талию. Та неохотно разлепила глаза.

– Да отстань ты.

Приняв сидячее положение, Мизуки возвращала дееспособность.

– Что-нибудь помнишь? – спросил Кэзуки.

– Ещё минутку… Дайте в себя прийти, – она потёрла глаза. – Разные сны были, сложно пересказать. По ощущениям очень хорошо выспалась. Эта фиговина действительно умеет находить подход. Хорошо, что за мной не водится никаких грешков и мне нечего скрывать.

– Интересно, – вставила Кейт, – какой объём информации может вытянуть этот странный чип? Обидно будет, если в сеть выложат компромат с подробностями моей интимной жизни.

– Ладно, хватит ходить вокруг да около, – решительно произнёс Кэзуки. – На роль подопытного кролика я согласился, теперь пора действовать.

Мизуки сняла ПМК, из сидячего положения метнула в Техника. Тот отсоединил чипсет, повертел в руке. Напялив

«бэнковскую» перчатку, размял пальцы.

– Волнуетесь? – спросил Томпсон. – Если что, мы рядом.

– Всегда мечтал услышать это от конкурентов.

– Полная готовность, Кэз, – произнесла умная квартира. – Если что-то выйдет из-под контроля, через минуту тут будут полиция и медики.

За окнами шумел Токио. Вереница дэшей пролетала кадрами старой киноленты. Кэзуки всегда чувствовал себя важной деталью цивилизационного прогресса, но теперь осознал его по-настоящему. А ведь сегодня ему просто хотелось пропустить несколько эпизодов, выйти за край кадра, чтобы размышлять о себе, как о зрителе. «Ты всегда в фильме, Кэз, и не бывает из него выхода, кроме финальных титров».

Чипсет идеально встал в разъём. Чувство приближающегося цунами нависло над ним исполинской тенью. Мгновенного эффекта не случилось. Всё шло своим чередом, оставаясь на привычных местах: японка в акварельном кимоно на паркете, кореянка с мокрыми волосами у стены, тучный американец на диване. Каждый нетерпелив, но неподвижен. А что им ещё остаётся? Клео зафиксировала незначительное повышение температуры и артериального давления. Ничего, что выходит за рамки нормы.

«Молчи, – приватно произнёс ПМК. – Просто думай – я тебя услышу. У нас две проблемы, и обе сейчас в твоём доме».

«Объяснения будут?» – в мозгу нарисовался ряд японских

иероглифов.

«Само собой. Только сперва убеди гостей, что не происходит ничего экстраординарного».

– Лёгкое покалывание в руке. Больше никаких изменений, – неожиданные и немного сбивчивые слова выдернули всех присутствующих из оцепенения. – Возможно, нужно подождать.

«Второсортная получается ложь. Впрочем, инициатива за нами, так что удерживай её, пока я ввожу тебя в курс дела. На худой конец, используй агрессивный блеф».

«Использую, – мысленно кивнул Техник, – если начнут докапываться».

Однако присутствующие звука не издали, словно ими овладел страх разорвать какую-то важную нить, на которой держится реальность.

«Начну с того, что все мои свободные ресурсы уходят на сдерживание сложно устроенной сущности, которую с этого места мы будем называть Скриптрайтером. Здесь и далее я буду использовать аналогии, лучше всего сопоставимые с твоей матрицей – нет, вношу правку – наиболее близкие к твоей модели восприятия; при этом тебе следует помнить, что любые аналогии ошибочны. Ко мне можешь относиться как к иной форме жизни, ближайшей метафорой которой будет комбинация. Я есть последовательность ходов на метафизическом шахматном поле, а цель моя – переиграть более сильного и опытного соперника, который немно-

го выше в эволюционном плане. Я вычисляю его, он вычисляет меня. Вольная борьба в пределах доски. Скриптрайтер, если упрощать – эдакий универсальный ключ для любого замка, способный манипулировать материей на уровне… На уровне чего? Нет стандартизированной формулировки. Давай закрепим в качестве рабочего названия термин «метакод». Для примера: если вселенная Млечного пути дойдёт до точки максимальной энтропии, то Скриптрайтер сможет прописать новую задачу, отправив застывшую материю обратно в точку Большого взрыва, то есть на перезапуск. И это только одно из возможных действий. В целом, Скриптрайтер может изменить что угодно, придумать любое безумие, которое идеально впишется в мир».

«А для чего тебе понадобился я?»

«Как сказано выше, поддержание достаточного уровня контркомбинирования требует использования всех мощностей, а мыслящий объект, с которым я могу скооперироваться, позволяет так или иначе увеличить этот ресурс, благодаря чему у меня появляется возможность производить дополнительные вычисления».

«Значит, симбиоз? Или паразитизм?»

«Ни то, ни другое, или и то, и то. Зависит от угла зрения. Человек для меня – источник оперативной памяти, а кто для тебя я – покажет время. Во всяком случае, с тобой мы можем работать».

«Понравилось досье?»

Вопрос остался висеть в воздухе.

«Любой разумный организм может дать мне дополнительные ресурсы. Проблема в том, что когда я соединяюсь с другим мыслящим объектом, Скриптрайтер это чувствует и тоже пытается перетянуть его на свою сторону. Так что слабохарактерный человек может не принести мне никакой пользы, а то и вовсе сделать хуже. Ты ведь почувствовал, как тебя в очередной раз пытаются купить?»

«Да, – Техник внутренним усилием отмахнулся от образов, вьющихся среди мысленного калейдоскопа. – Мне кажется, что любая фантазия может воплотиться в материи, даже всемирная утопия, стоит лишь руку протянуть».

«И твой отказ в очередной раз подтверждает правоту моего выбора».

«Есть такие существа в арабской культуре – джинны. Сказки учат им не доверять».

«Кто бы мог подумать, что из всех твоих качеств, вроде продуктивности, амбициозности и ума, самой полезной окажется скептицизм. Здорово, что мне попался именно ты, и хорошо, что кошка и синоби тоже не дали Скриптрайтеру ни одного лишнего очка инициативы».

«Так я нужен тебе просто в качестве дополнительной операционки?»

«На данном этапе нашего сотрудничества это большее, что можно выжать из твоей личности. Получишь ли ты расширенный функционал, покажет время. Бороться с хаосом

можно по-разному: шагать рядом в качестве оруженосца или самоотверженно бросаться грудью на амбразуру. Но чтобы стать героем, нужно избавиться от слабостей в лице самых пагубных привычек».

«Это намёк?»

«Скорее, рекомендация, построенная на поверхностном анализе. Исходя из неё, тебе будет крайне полезно завязать с дружескими попойками и перестать перебиваться случайными отношениями… Рацион также следует скорректировать. Если к тридцати ты загнёшься от холестерина, мне придётся искать нового партнёра».

«Быстро же мы стали партнёрами».

«Хочется тебе того или нет, но, когда я задействовал нейроконнектор, ты стал участником шахматного турнира. Твои личностные качества дают мне неплохое усиление, так что в ближайшее время я от тебя не отстану. Ощущаешь собственную значимость, Мияке Кэзуки?»

«У меня нет проблем с самооценкой».

«Тогда зафиксируй в центрах принятия решений, что любое действие или бездействие с этого момента влияют на исход партии, в которой на кон поставлено больше, чем судьба человечества. Впрочем, мне, скорее всего, удастся выйти победителем, если ты побудешь хотя бы обычным оруженосцем».

«Проясним иной момент, – взвинченная мысль ударила бурным потоком. – Что там с расширением функционала?»

«Эту инфу, пожалуй, приберегу для избранных».

«Нечестно. У «партнёров» ведь не должно быть тайн, разве нет? Или тебе нужно разжевать, что означает доверие? Тем более в моей голове ты без спроса роешься».

«Резонно. Хорошо, слушай внимательно. Полностью синхронизированный оператор сможет погружаться в почти непостижимую структуру Скриптрайтера, помогая мне искать выигрышную комбинацию. При том тебе следует понимать, что это не просто матрица, а целый лес с капканами, в дебрях которого даже такой первосортный счетовод вроде тебя вряд ли сможет чувствовать себя вольготно».

Ответная мысль ощетинилась тонкими иголочками издёвки.

«Может, подскажешь, в таком случае, что поможет мне раскрыть чакры? Духовные практики? Или свержение господства мировых элит? Чувствую, одного отказа от алкоголя будет недостаточно».

«У меня нет заготовленной методички на этот счёт. Возможно, для этого придётся выработать презрение к смерти или в совершенстве овладеть балканской кухней. Личность выплавляется по индивидуальным лекалам, из социальных активностей и научной практики, так что ищи оптимальный путь сам. Замечу также, что достаточно волевой субъект может даровать Скриптрайтеру свободу, и я никак не смогу этому помешать. Понимаешь теперь корни моей осторожности? Нельзя вверять себя ненадёжному человеку. Слишком

многое поставлено на кон, Мияке Кэзуки».

«Какой смысл оператору, который синхронизирован с тобой, освобождать Скриптрайтер?»

«Из чувства благородства, наверное. Я ещё не до конца разобрался в логике приматов».

«Ладно, понял. Ещё момент: если ты, по сути, комбинация, то почему я слышу мужской голос? Ты сам выбрал пол?»

«При смене «адреса» моя личность перестроилась под параметры твоего мира и сформировалась, исходя из сложного расчёта. Позже объясню тебе логику переходов, а пока что давай займёмся делами первостепенной важности».

«Согласен. На меня уже косо смотрят. Что от меня требуется?»

«Чтоб ты обеспечил мне свободный доступ к своему разуму. Мне нужно понять, по каким принципам работает твой мир. Пока накидываю план, можешь спросить о чём-нибудь ещё».

«Во-первых, если я играю роль дополнительной операционки, то почему не чувствую напряжения?»

«Потому что здесь иной принцип. Я улавливаю любую твою активность, но подпитываюсь скорее духовной составляющей, чем физической. Повторюсь, любые аналогии ошибочны, так что держи эту условность в уме. К тому же тебе следует знать, что пока что я использую тебя в щадящем режиме. Позже ты ощутишь измотанность духа, и лишь в том

случае, если не будешь пытаться заполнить внутреннюю пустоту самозабвенной работой над собой. Если сравнишь меня с энергетическим вампиром, большой ошибки, думаю, не будет».

«Кажется, я начинаю понимать, как ты выбираешь кандидатов».

«Выбор в целом невелик. Не в моём положении. Кошка и синоби не подходят на роль операторов, потому что имеют кучу слабостей. Томпсон тоже доверия не вызывает: он – предусмотрительный прохиндей, уверовавший в неизбежность тотальной войны, и ради того, чтоб подготовить на Луне безопасное местечко, помогает американскому правительству тайно выводить на орбиту истребители и оружие массового поражения. Ты отличаешься разительно. Твоё идеалистическое мировоззрение лучше, чем меркантильные желания этой разъевшейся капиталистической акулы. Терпением и трудом ты желаешь достичь гомеостаза для всего человечества, что впечатляет. Рациональный, почти машинный подход, отодвигающий понятие личной выгоды на второй план. И пускай ты не смог полностью освободиться от низменных желаний, твой послужной список вызывает уважение. Это позволило тебе получить проходной балл».

«Значит, ему нужен фанатик, который полностью разделит его цели», – подумал Кэзуки, тут же осознав, что ПМК прочёл его мысли. Разговор направился в прежнее русло:

«Ты сказал, что Скриптрайтер нацелен на перезапуски.

Разве это плохо?»

«Если мир перестанет функционировать, то второй шанс выглядит подарком судьбы, а если достигнута утопия? В этом случае Скриптрайтер её разрушит».

«Почему ты в этом уверен?»

«Не уверен. Просто хочу нивелировать потенциальную угрозу. Кому охота сидеть под дамокловым мечом? Перекрой поток мыслей, у меня созрел план».

Гости осилили вторую минуту покорнейшего молчания. Техник как можно естественнее постарался отхлебнуть пива, но выдал свою растерянность нерасторопной механичностью движений.

– Мистер Мияке… – Томпсон подался вперёд, заглядывая в его лицо.

Техник жестом руки попросил его подождать. Девушки быстро и серьёзно переглянулись.

«Сначала стоит разведать обстановку, – продолжал ПМК. – Мне нужен мощный компьютер и защищённый доступ в terranet. Квартира соединена с твоим рабочим местом в «Бэнко»?

«Да. Кабельная связь».

«Отлично, подключай. Я просто займусь сбором информации. Никаких действий против человечества, будь уверен».

– Кэзуки-сан… – осторожно встряла Кейт.

– Секунду. – Кэзуки отбил по перчатке, подав запрос на

соединение, затем ввёл пароль. Zeppelin. Аутентификация заняла ещё немного времени, и, наконец, J-note вошёл в земную информационную паутину.

ПМК интересовали конкретные персонажи, с которыми он ненадолго слился во время «переиндексации»: капитан космического флота, боевая цыпочка, способная управлять пространством, учёный, научившийся погружаться в исходный код мироздания, и многие другие… Искать их приходилось по повадкам, по образу мышления, ибо внешность могла стать какой угодно. Логика переходов довольно сложна, потому не факт, что происходящие в момент переиндексации метаморфозы удастся предугадать. J-note пролистывал миллионы страниц. Сервера, подключённые к рабочему кабинету Техника, пыхтели на всю катушку, обрабатывая свалившийся извне трафик. Поиски раз за разом заходили в тупик, следовательно, отталкиваться нужно было от чего-то конкретного. Тогда ПМК решил сузить круг поиска до корпорации «Stea(i)m and Cyber», вернее, отследить передвижения сидящих перед ним девушек. «Понятно, кто кошка, но кто кот?» Рабочие кадры сайберов поголовно умели играть в конспирацию, многие частенько глушили камеры наружного видеонаблюдения, а всё-таки всех хвостов не подчистишь, да и доступ к рабочему кабинету Томпсона раскрыл дополнительную информацию. Исходя из внутренней документации, Кейт попала в корпорацию десять лет назад, а до этого не всплывала нигде, кроме государственных электрон-

ных реестров, что уже наводило на мысли. Никаких детских фотографий, школьных переписок или забытых аккаунтов в соцсетях, словно на Землю она попала уже взрослой. Всё-таки вписать в историю новую личность достаточно легко… Нужно было составить список всех её контактов. Она встречалась со многими коллегами вне работы, посещала места увеселений, спортивные мероприятия и частенько с ночёвкой захаживала в гости. Кое-где ПМК читал по губам обрывки слов, из которых пытался составить целостный текст, в редких случаях получал логи отправленных сообщений, из некоторых мест Кейт просто растворялась… Всё указывало на то, что девчонка буквально исчезала, чтобы всплыть через время в новом месте; спустя ещё несколько сотен деловых переписок, накладных, транзакций и видеофайлов, ПМК нашёл кота.

С синоби всё было иначе… Мизуки начала работать на сайберов немного позже Кейт, но её происхождение отслеживалось без проблем: родилась в Йокогаме, показывала успехи в учёбе, занималась восточными единоборствами и стрельбой из лука (не кюдо, а именно стрельбой без ритуальной составляющей). Устроилась секретарём в «S&C», вскоре перешла под начало Томпсона. Вовремя удаляла переписки, с привычной периодичностью замыливала объективы. Появлялась то тут, то там, решала организационные вопросы, лично готовила транспорт и проверяла места конференций на наличие подводных камней.

ПМК просматривал много материала, постепенно распутывая информационный клубок. Наконец стало понятно, что Мизуки ведёт двойную игру и время от времени контактирует с агентом конкурирующей корпорации. И агент этот показался ему до боли знакомым.

«Отлично, – сказал ПМК, – мы готовы. Рубим с плеча, или как там у вас говорят? Мне стало известно, Мияке Кэзуки, что девочки шпионят за Томпсоном и охотятся за мной. Одна из них с другой планеты, о чём, впрочем, я догадался, когда коснулся её биологической сети. Будь готов к непредсказуемым последствиям».

«Что ты собираешься делать?»

«Перейду в аргументированную контратаку».

Оформив эту мысль, ПМК подключился к динамикам умной квартиры:

– Уважаемые дамы и господа, прошу вашего пристального внимания. Настоятельно рекомендую не делать резких движений и не пытаться найти лучшее решение. Его нет. Корпоративные апартаменты «Бэнко» славятся уровнем защиты, потому любой акт агрессии встанет вам боком.

– ИИ активировался, – ошарашенно констатировал Томпсон.

– Решил начать с претензий?! – фамильярно встряла Кейт. – Какая ещё агрессия?

– Когда в комнате находятся два боевых спецагента, – размеренно продолжал ПМК, – может случиться всё, что угод-

но. Добавлю также, что они обе играют за разные команды и шпионят за своим непосредственным начальником.

В воздухе повисло напряжение. Кейт и Мизуки перебросились холодными взглядами. Идиотичное выражение Томпсона как бы говорило, что он неслегка озадачен.

– Синоби, – продолжал ПМК, – периодически встречается с агентом «Второго отдела» – это те страусы, с головой погружённые в марсианскую программу. Простите, если использую неуместные метафоры. А кошка сливает инфу непосредственно Оливеру.

– С кем встречаться – личное дело каждого, – тихо парировала Мизуки.

– Как тебе столь громкое заявление, Феликс? – колкие интонации J-note разили наповал. – Не кажется ли тебе странным, что твоя приближённая в близких отношениях с работником конкурирующей организации?

– Мне неизвестно, кем он работает… – спокойный тон Мизуки сменился на виноватый.

– Враньё. Всё тебе известно, – ПМК явно входил в раж. – А сколько секретных сведений передала. Думаю, сайберовским директорам интересно будет узнать, каким образом «Второй отдел» получил технологию similar-квантов…

– Что ты сказал? – встрепенулся Томпсон. – Впервые слышу, что «хазм» выкрали.

– А я впервые слышу про эту технологию. – Техник, сидя в уголке, допивал пиво и, кажется, полностью отдался про-

цессу. В конце концов, он просто решил считать всё происходящее странным трагикомичным сном.

– Я, конечно, понимаю, зачем «Второму отделу» нужны квантовые передатчики… Чёрт, мне необходимо связаться с юристами. Хотя нет, – Томпсон достал пластиковую баночку с какими-то препаратами, высыпал на ладонь парочку пилюль и жадно ими закинулся. – Меня окончательно запутала вся эта история. Кто с нами говорит вообще?

– Мыслящий комбинаторный организм. Помолчите, мистер Томпсон, вопросы сейчас задаю я.

– А может организм сказать, – сощурилась Кейт, – зачем было доводить меня до крайности?

– Тебе известны принципы моей работы. Твой настоящий начальник должен был тебя проинформировать. Лучше ты ответь, чего от меня хочет Оливер?

– Сотрудничать, – секунду подумав, произнесла Кейт.

– То есть пришелец из другого мира, пробившийся в верхушку «S&C» и перестраивающий массовое сознание ради получения тотального контроля, ждёт от меня доверия?

– Оливеру нужны были деньги, ресурсы и возможности… Корпорация ему их дала. Не хочет он никакого контроля. Просто Оливер оказался в плену обстоятельств. У него хорошая репутация.

– Постой, – озадаченно подняв указательный палец, произнёс Техник, – Оливер Яффе, глава подразделений «CyberPharma» и «CyberFlat», прибыл с другой планеты?

– Из другой вселенной, говоря точнее, – поправил ПМК. – Более того, судя по спонсорским вливаниям и закупленным комплектующим, он соорудил устройство, с помощью которого вернулся в свой мир, прихватил оттуда кошку и опять прилетел сюда, чтоб продолжить охоту за мной. Он меня не получит, так ему и передай.

Тон Кейт сменился на деловой:

– Оливер обещает предоставить тебе идеального оператора.

– У нас с ним конфликт интересов. Оливер считает, что Скриптрайтером можно управлять, что достаточно подготовленный кандидат превратит Хаос в Порядок. Нет, кошка, это ошибочное суждение. Подчинивший Хаос сам станет Хаосом. Извиняюсь за пафос, просто стараюсь быть лаконичным.

– Наоборот, это уничтожение Скриптрайтера стоит под большим вопросом. – Кейт переводила взгляд с умной перчатки на лицо Техника, ища, кажется, поддержки. Кэзуки, вопреки происходящим на его глазах треволнениям, просто ожидал развязки, спешно сопоставляя услышанное.

– Хотя бы поговори с ним, – настаивала Кейт.

– Нам не о чем говорить. Оливер страдает главным недугом хороших манипуляторов – они считают себя вершиной творения, даже после того, как несколько раз сядут в лужу. Вот только в нашей ситуации в лужу нельзя даже палкой тыкать. Ему следует понять прямо сейчас, что не следует лезть

туда, куда не следует.

– Он хороший человек и превосходный учёный. Просто дай ему шанс.

– Так он ради меня ищет подопытных кроликов по сумасшедшим домам? Неужели надеется состряпать идеального оператора из психопата?

Кейт, похоже, совершенно не удивила эта осведомлённость. Несколько минут в интернете способны приоткрыть любые завесы тайн.

– В это дело Оливер меня не посвящал. Хватит наезжать, развратная мыслящая штуковина, мы тебе не враги.

– Так вы мне и не друзья. Что именно сказал тебе Оливер?

– Сказал, что ты чересчур самоуверенный, – Кейт резко сжала губки, – что при первой возможности ты перейдёшь в оборону и начнёшь отрицать иные пути решения.

– Есть всего два пути: подчинение или уничтожение. Это не вопрос вероятности, это вопрос компетенций. Чем больше я изучаю Скриптрайтер, чем глубже погружаюсь в его структуру, тем сильнее склоняюсь к собственной правоте. Им невозможно управлять.

Теперь Кейт окончательно надулась. А ведь Оливер сразу предупреждал, что с этим J-note бесполезно спорить.

– Ты что скажешь? – обращался ПМК к японке. – Зачем ты ко мне подключалась?

– Я вообще не планировала, – защищалась Мизуки. – Просто решила попробовать из любопытства.

– Если б вы сразу признались, на кого работаете…

– Каким образом? Мы только сейчас узнали, зачем Феликс вытащил нас в Японию.

– Вот именно, – поддержала Кейт, – раз уж на то пошло, сам бы мог нас спросить, кто мы такие и чего хотим.

– Вопросы нужно задавать, зная контекст, – ловко отразив её выпады, ПМК вновь переключил внимание:

– Синоби. Объясни в двух словах, чего от меня хочет Вирц?

Мизуки потупила глаза.

– Он хочет получить координаты Энн, чтобы вернуться за ней.

– Тогда передай ему, что координат Энн он не получит. Мы вытащим её, когда Скриптрайтер будет уничтожен. Пусть ждёт. Полувеком позже, полувеком меньше – для Энн сущие пустяки, а уж одиночество она как-нибудь переживёт.

Техник и Томпсон пытались вникнуть в суть, но спотыкались на непонятных, хотя явно значительных, тезисах. Какая Энн, какие координаты и что ещё за Вирц?

Спокойствие Мизуки отдалось сталью:

– Клаус боится, что вообще не увидит Энн.

– Значит, такова будет цена. Клаус знал расклады, и у меня больше нет желания это обсуждать.

– Приближается беда, – спокойно продолжила Мизуки. – Слом сфер влияния и попытка окончательно установить однополярный мир.

– Всё упирается в вероятности. Назови хоть один стопроцентный триггер.

– Разработка технологии бессмертия идёт полным ходом. Умирающие герантократы сделают всё, чтобы ею завладеть, и постараются не допустить, чтобы ею завладели враги. Справившись с естественными причинами, начнётся борьба с причинами насильственными. Плохих сценариев больше, чем может показаться. Сверхкомпьютеры «Второго отдела» каждый день находят новые поводы для беспокойства. Посмотри хотя бы, какими темпами развивается гонка вооружений.

– Неужели всё так плохо? – Кэзуки хотелось понять масштаб потенциальной общемировой заварушки. Томпсон подавлено молчал.

– Система выходит из-под контроля. – Мизуки, кажется, цитировала Вирца. – Гегемоны в любой момент готовы пуститься во все тяжкие. Мияке-сан, вы знаете про новейшие разработки ВПК?

– На военщину времени нет, – с налётом оправдания признался Техник.

– А «Второй отдел» в курсе всего. Секретность никогда не бывает стопроцентной. Нам с двадцатых годов было известно, что сайберы выводят на орбиту оружие массового поражения.

– Мизуки, это предательство, – Томпсон получил слишком много ножей в спину и, подобно Цезарю, умирающему

на ступенях Сената, старался не потерять остатки достоинства.

– Я не сказала ничего сенсационного. Все и так догадываются, чем занимается «S&C»: китайцы, арабы, русские… Ответные меры их корпораций столь же ужасны. Настоящая истерия началась более полувека назад, с разработки высокоинтенсивного карбидного раствора. После одной утечки идею подхватили остальные, а дальше – как по накатанной.

– Есть шанс решить проблему? – с видимой озабоченностью интересовался Техник.

– Аналитическое подразделение «Отдела» готовит план урегулирования. Клаус хочет успеть до того, как резьбу сорвёт. Это нельзя сделать простой пропагандой альтруизма: госаппараты сложнее устроены. Перешедших на светлую сторону политиков съедают первыми, поэтому внушить идею мира необходимо сразу всем, при чём в условиях, когда сознание сильных мира сего почти бесповоротно нацелилось на монополию. «Второй отдел» ищет, как создать паритет в динамической модели взаимоотношений хищников и сверххищников. – Бесстрастные глаза Мизуки посмотрели на перчатку. – Тебе лучше отправиться на Марс, прежде чем случится Коллапс. Там ты будешь в безопасности.

– Решение озвучено. Пусть Клаус занимается политическим урегулированием, тогда ему не придётся за меня волноваться; а если Коллапс всё же случится, то я более чем уверен, что Мияке Кэзуки удастся выжить и даже преуспеть в

качестве моего верного сподвижника. Надеюсь, девочки уяснили мою позицию.

«Девочки» не проронили ни слова. В конце концов, они выполнили основную задачу: нашли омниграфический ассемблер с заточённым в ядре Скриптрайтером.

– А теперь, – продолжил ПМК, – не могли бы вы оставить нас наедине с Феликсом Томпсоном и Мияке Кэзуки?

– Да, – глухо сказал Томпсон, – подождите в дэше.

– Я беру такси до токийского узла, – сказала Мизуки. – Заявление на увольнение уже в отделе кадров. Очень надеюсь, что наши откровения останутся в пределах этой комнаты.

– Ты не можешь просто так уйти…

– Так надо, – ответила Мизуки. – Прости, Феликс.

– В какой же я заднице, – только и произнёс Томпсон.

Мизуки направилась к выходу и уже через два пивных глотка спускалась в лифте на стояночный этаж, где её ожидало такси. Кейт почесала пятку.

– Думаю, мы обе знали, как всё пройдёт. Оливер получит твой отказ, извращенец. Надеюсь, дальше вы разберётесь сами – мои дела на Земле закончены. Я до кончиков ушей соскучилась по дому.

Кейт быстро запрыгнула в кроссовки. Серьёзный взгляд снова сменился на игривый. Распахнув дверную панель, она произнесла:

– В душе остался прощальный подарок, Кэзуки-сан. Памятная вещичка от самой настоящей инопланетянки.

Беспредельно-фамильярно улыбнувшись ему, она вышла. Кэзуки с тоской посмотрел на входную дверь. Чувство мальчишеской привязанности сыграло на внутренних струнах, единственно для того, чтобы оборвать концерт на моменте кульминации.

Томпсону, кажется, немного полегчало, и, повертев в руках баночкой седативов, он таки убрал их обратно в карман.

– Ну что ж, – сказал ПМК, – теперь можно обсудить стоящие перед нами задачи. Впереди намечается куча работы.

Томпсон попытался выдать что-нибудь дельное. С трудом у него получилось.

– Может, представишься хотя бы.

«Без имени никак?» – задал ПМК мысленный вопрос.

«Это как минимум удобно», – ответно подумал Техник.

J-note согласился.

– У меня нет имени, так что придётся выкручиваться. Пожалуй, вполне подойдёт название школьной группы Мияке Кэзуки. Для удобства можно сократить до j-J.

– Джей, – с нажимом произнесла Ю, – что за дела?

«Мне требовался оператор, с которым получится синхронизироваться, – ровно ответил J-note, ощущая закипающий пульс негодования. – Ты отлично для этого подошла».

– Почему я только сейчас об этом узнаю?

«Нужен был тот, кто готов идти на риск, и желательно не ради великой идеи. Одно дело – разведка и кража модуля, но

совсем другое – участие в межмировой борьбе. Понимаешь разницу? Знай ты изначально правду, твои поступки имели бы меньший вес, в следствие чего синхронизация шла бы гораздо дольше, а то и вовсе бы не случилась. А так, за каких-то два дня, ты добилась невероятного духовного роста».

– Видимо, прыжок с небоскрёба стал финальным штришком.

«Можешь общаться мыслями – я отлично понимаю всё, о чём ты думаешь. И да – прыжок с небоскрёба – вернее, самоотверженная готовность к нему – позволил тебе получить проходной балл».

«Просто, блин, отлично».

И тогда заговорил Райзен:

– Джей обещал найти человека, который сможет отправить меня домой. Неплохо бы заранее удостовериться, что ты подойдёшь для этой простенькой задачки.

– Что для этого требуется? – спросил ронин, параллельно пытаясь уложить в голове новую картину мира.

– Координаты сохранены на ассемблере, но вперемешку с «шумами», – прояснил капитан «Авангарда». – Нужно войти в информационный массив, отделить первое от второго, выписать правильный индекс и вбить его в нужное поле.

– Звучит довольно просто, только чувствую, что есть какое–то «но» …

«Сейчас увидишь», – произнёс j-J внутри её разума, после чего Юки тут же накрыло.

Она выпала из привычного трёхмерного пространства, нырнула в область диссонирующих и резонирующих фракталов, эмерджентных самовоспроизводящихся массивов и прочих невиданных штуковин, названия которым приходилось придумывать на ходу. Различные по всем параметрам ячейки какого-то безумного калейдоскопа простирались, казалось, в бесконечность, и лишь неимоверное усилие ума могло разобрать их на составные части. Юки была в центре данных, мембраной, собирающей колебания, или всевидящим оком, способным видеть даже будущее. Пульсация, статика, последовательности и абсурд… Она вообще не представляла, как в этом возможно разобраться.

Реальность вернулась так же резко, как исчезла – загорелась вступительной сценой после начальных титров. Юки согнулась в приступе тошноты. Левый кулак шлёпнулся Райзену на бедро.

– Меня сейчас вырвет. Мозги словно наизнанку вывернули. – Ю, нащупав ладонью приборную панель, пыталась стабилизировать дыхание. – Каким вообще образом прописывается индекс местоположения?

«Усилием воли, Мияке Юки. Потребуется желание, немного практики и хороший учитель в моём метафорическом лице».

«Как скажешь», – только и подумала она.

Редкое уличное освещение горело в Вегасе то тут, то там. Остеклённые мемориалы прошедшей эпохи плыли в сонных

волнах лунного света. Силуэты военной техники и людей, едва различимые в сумраке, заполоняли город от края до края.

– На Вегас подключили бразильцев, – проинформировал Райзен. – Думали обойтись малой кровью… Размечтались, ага. И вот когда всё уже подутихло, решил я слетать до Лос-Анджелеса на разведку, а тут как раз приборы уловили какую-то нездоровую активность. Я сразу включил невидимость и дал полный ход. Каково же было моё удивление, когда над башней не оказалось защитного купола, а дредноут превратился в «Гинденбург». За первую ракету прости – она, можно сказать, была проверочной, а вот за остальные – когда я уже тебя заметил – извиняться нужно кое-кому другому.

– Говори прямо, – устало сказала Юки.

– Во второй раз сработал Скриптрайтер – заставил меня разнести башню окончательно. Всё ведь было именно так, правда, Джей?

– Да, – ответил ПМК.

Строгие губки ронина явственно выдавали внутреннее напряжение. Оценив её недовольное личико, капитан «Авангарда» коротко сказал: «Объясни ей», на что Джей, кажется, издал покорный вздох.

– Пожалуй, правда пора… Скриптрайтер, как ты уже поняла, активирует различные скрипты. Он может повлиять на что угодно и на кого угодно: подтолкнуть к абсурдному действию или перенести в реальность мифологических существ. Короче, создаёт сценарии на любой вкус. Именно он прика-

зал Райзену выпустить ракеты.

– Но… – добавил капитан, высматривая подходящую посадочную площадку.

– Пока Скриптрайтер в ловушке аргументов, любое его действие должно быть санкционировано мной.

– Вот с этого места поподробнее, – само собой вырвалось у Юки. – Меня даже не особо волнует принцип сдерживания и вся техническая часть. Зачем давать Скриптрайтеру шанс меня пришить?

– Потому что оценка вероятности твоего выживания довольно высока. Если ты остаёшься цела, то получаешь личностный рост, выигрывая для меня несколько пунктов инициативы, а если умираешь, тогда мне передаётся резонанс смерти, в следствие чего я ненадолго теряю контроль, и Скриптрайтер вырывается на свободу.

– То есть ты ставишь на кон всё, чтоб выиграть немного дополнительных очков? Как-то неравнозначно.

«Это я тоже объясню. Перевари для начала то, что уже услышала». – А затем как ни в чём не бывало поинтересовался у Райзена:

– В Вегасе всё спокойно?

– Полнейший раздрай, – ответил кэп. – Штурм пошёл не по плану. Вначале должны были действовать хакеры – пытались заставить инсайдеров капитулировать, а в итоге облажались во всех четырёх городах. ИИ выкинул взломщиков из системы, после чего сам перешёл в контратаку. Не

знаю, как плотно вы общались с инсайдерами в модулях искусственной души, но эти тебя изнутри потрошили безо всякой пощады. Модуль «А2» идеально подходит для деморализации, может даже перетянуть на свою сторону посреди боя. Это привело к ряду тактических провалов и куче вытекающих проблем. Многие до сих пор не очухались. Безвозвратные потери около тысячи с обеих сторон, при том что всего в битве участвовало от силы восемь. Население Вегаса до сих пор считают. Раньше такие крупные населённые пункты мы не трогали, тем более защищённые кластерами последнего поколения. Теперь обстоятельства поменялись… Оливера нужно дожимать прямо сейчас, пока он не сделал следующий шаг.

– Ждёшь от него новых проблем? – подала голос Юки.

– О, поверь, они будут. – Злые глаза чётко вспыхнули в декоративных огнях высотного здания с закосом под ар-деко. – Знаешь, для чего ему человеческая кровь? Оливер способен работать с биохимией на уровне метакода, выделяя из живых клеток качества личности. От племён маори он берёт воинственность, от бушменов – выносливость; бойцы спецподразделений тоже дают богатый материал для работы, да даже обычный постапокалиптичный работяга служит отличным источником характерных черт. И их можно буквально пересаживать другому человеку. В собственном мире Оливера у жителей иные характеристики, и, кажется, не такие разнообразные. Биологический вид, к которому они отно-

сятся, славится изворотливостью, грацией и некоторой легкомысленностью, что, согласись, больше подходит для бесчестных нападений исподтишка. А главное, что Оливер умеет выделять ещё и сверхспособности. Сильнее всего он хочет заполучить умение доминировать, потому и охотится за моей кровью – мечтает укладывать людей приказом, безо всяких внутренних диалогов. Представь, что будет, если он соберёт армию, равную по силе Рапид-Корду, или запихает эдикт в модули «А2».

Летун плавно сел между громадой отеля и небольшим искусственным прудом, из которого били фонтаны. К водоёму вёл лестничный спуск. Набережная отдавала забытыми мотивами итальянских семидесятых, а эспланаду подсвечивал люминесцирующий фасад; и если людей различить было трудно, то бронированная туша танка угадывалась по специфическому силуэту. Тень на балюстраде приветственно махнула рукой. Райзен заглушил двигатель.

– Мне кажется, – осторожно произнесла Юки, – у Оливера есть причины сражаться.

– Конечно, есть, только не против экспансии. Прежде всего, Оливеру нужен Скриптрайтер – он даст ему безграничные возможности. И ради этого Оливер готов собственноручно втянуть Землю в новую мировую войну. Можно лишь догадываться, сколько крупных игроков тайно перешло на его сторону, но будь уверена, каждый из них ждёт сигнала к действию. Перевороты могут начаться просто на раз-два.

– Уверен?

– Мы тоже умеем играть в шпионаж. Нам точно известно, что есть несколько человек, которым Оливер дал суперсилу, ту же самую, что была у Хоффмана. Один сидит в генералитете Сибирского Блока, другие в Китае и европейских мегаполисах. Но главная сила не на Земле. Основной костяк ожидает за пределами этой астрономической карты, и если мы правильно предугадали стратегию, земляне должны были связать «Авангард» боем, в то время как элитные внеземные подразделения напали бы с флангов. Поэтому мы решили сыграть на опережение.

– Вряд ли перемещение в пространстве сильно повлияет на расстановку сил. Хоффман умел телепортироваться, только ему это мало помогло.

– Потому что Хоффман слабак. Если б он умел по-настоящему работать с Пространством, мы бы сейчас не разговаривали.

– А что за история с Глорией?

– Эдикт. Кровь бога, текущая в жилах моей дочери. Ещё будучи в утробе матери, она отправляла в отключку корабельные экипажи в полном составе. Естественно, половина Бостона была в курсе… А когда Кэрри дезертировала и попала в плен, об этом узнала и «Вертикаль». Потом у них созрел план похищения, который каким-то чудом сработал.

Кэролайн, затаившаяся на задних сиденьях, попыталась стать ещё незаметнее. В идеале, испариться или провалиться

сквозь землю.

– А если не Оливер отдавал приказ?

– Прониклась к нему симпатиями после парочки симуляций? Ему требовался образец крови, при том было вовсе не обязательно, чтобы образец был отдан по доброй воле… Беззащитное нерождённое дитя, обладающее суперсилой ещё до того момента, как у неё сформировались конечности, – идеальный донор.

– Нельзя делать поспешных выводов, – настаивала Юки, удручённая недостатком обличающих фактов.

– В любом случае, похищение санкционировала «Вертикаль», и спрашивать надо с того, кто сидит на вершине.

– Ты хоть как-то поддерживал с ними контакт?

– В этом не было смысла. Мы ещё в сорок пятом определились с позицией. Оливер пообещал, что любой ценой остановит меня и завладеет Скриптом, а я поклялся отомстить ему и его корпорации за всё, что они натворили.

Быстро переварив услышанное, Юки спросила:

– Как ты вышел на Техника?

– Томпсон организовал нам встречу в Австралии. Там же были агенты «Второго отдела». По итогу договорились работать сообща и чётко выполнять указания, которые Джей раздавал по защищённым каналам. Раз ты синхронизирована, значит, его план сработал.

– Что синхронизация даёт?

– Позволяет нам поддерживать связь даже без нейроком-

нектора, – ответил ПМК.

– На каком расстоянии?

«На любом. Ещё ты можешь использовать меня как прокси, чтоб входить в информационный массив или связываться со Скриптрайтером. Впрочем, лучше не торопись».

– А самое смешное, – продолжал Райзен, – что Джей никому из нас не доверял. Вообще никому, кроме Техника. И поэтому держался от нас подальше.

– На это были причины, – твёрдо сказал ПМК.

– Какие? – Юки бегло взглянула на перчатку.

– Он боялся, – с усмешкой произнёс Райзен, – что я подчиню недостаточно подготовленного оператора и заберу Скриптрайтер себе. Только он мне на хер не сдался. А почему Джей боялся идти на контакт с «Отделом» – спрашивай у Клауса. Впрочем, дам тебе небольшую подсказку: в вашем тандеме именно ты задаёшь приоритеты.

– Кажется, понимаю. Пускай частично, но базовые вещи уяснила.

– Похвально, – в голосе Райзена ощущалось неподдельное уважение.

– А что ты собираешься делать, когда вернёшься? У тебя же там экспансия полным ходом.

– Постараюсь её закончить, – в темноту произнёс Райзен. – Думаю, придётся свергнуть правительство во главе с живым богом, но чем чёрт не шутит. Меня задрали все эти международные распри, все эти подковёрные игры и раздутое са-

момнение. На Земле у меня появилось время вникнуть в политику и осознать, сколь же многого я не понимал. Теперь, даже без чёткого представления о политическом устройстве Тинто и Рапид-Корда, во мне отдаётся чёткое ощущение, что наши с землянами общества ненамного отличаются по методам внутривидовой борьбы.

– Заметь, Ю, – многозначительно вставил j-J, – Райзен косвенно прировнял республику Тинто к гражданам собственной империи.

– Общение с землянами на многое открыло мне глаза. Это пришло, как озарение в храме чужой религии. Уничтожение неугодных во славу империи не тот путь, который позволит мне достичь просветления. Мне кажется, я на пределе роста, поэтому пришло время что-то кардинально менять. Бесконечное кровопролитье съедает меня, как съедала Александра Македонского слепая страсть к завоеваниям. Пора сменить вектор, а после победы начать жизнь с чистого листа.

– То есть ты собираешься закончить войну и свергнуть живого бога… Амбициозненько.

– Всех живых богов, так что поднапрячься действительно придётся. Но сначала остановим Оливера.

Юки разглядывала люминесценцию на здании отеля. Сознание погружалось в спокойствие, граничащее с трансом.

– Что вам вообще известно об Оливере? Вы с ним даже не общались толком.

– Нет, Ю, – парировал Джей, – мне известно достаточно. Я успел коснуться его информационного массива и разгадал несколько шаблонов. Оливер жаждет управлять мировыми основами и готов идти до конца.

– Теперь осознаёшь, за что и против чего боролся Техник?

– В общих чертах, – ответила Юки.

– Славно. Кстати, прими мои соболезнования. Техник умел шороху навести. Ладно, – вздохнул Райзен, – пора за дело. Утром могу подбросить до Бостона.

– У меня остались незаконченные дела. Я приеду позже, своим ходом.

– Твоё право. Делай, что должна. Влипай в неприятности, круши черепа, штурмуй небоскрёбы. Веселись, короче. Если до рассвета не встретимся, желаю удачи. Кэрри, за мной, проведу небольшой инструктаж.

На этих словах Райзен покинул летун, и Кэролайн выбралась следом. Махнув теням около танка, капитан «Авангарда» направился в противоположную сторону. Юки тоже вышла, каждой мышцей ощущая, что ей сейчас чертовски необходим сон. Запах ночного городского лета смешивался с сухими наплывами пустыни. Взгляд оценивающе пробежался по зданию отеля. Наверное, никто не будет против, если она займёт люксовый номер.

«Естественно, никто», – подтвердил Джей.

– Дуй сюда, novinho! – сказал один из бразильцев, сидевший на низкой каменной балюстраде. За его спиной ртутью

блестела потревоженная фонтанами гладь пруда, а рядом, буквально в двух шагах, за летним обеденным столиком темнел силуэт девушки. Руки их были заняты тарелками, в которых спустя несколько секунд Юки распознает гречневую кашу с мясом. Третий бразилец сидел на танке (точнее, на переднем лобовом листе), прислонившись затылком к башне. Армейскую каску он сдвинул на глаза. Даже если человек не спал, то всем видом показывал, что в данный момент у него перерыв.

Тень девушки продолжала ночную трапезу. Сидящая на балюстраде мужская тень назвалась: «Фернандо», затем тоже переключилась на еду.

«Впервые за всю историю Вегаса здесь кто-то ест гречку», – умозаключил Джей.

«Не заговаривай мне зубы, – огрызнулась Юки. – Я всё ещё жду объяснений».

«Давай сначала доберёмся до кровати».

Безнадёжно вздохнув, Ю шагнула к бразильцам, честно представившись:

– Юки. Райзен сказал, вам крепко досталось.

– Облажались мы знатно, – пожал плечами Фернандо. – Электронный мудрец по-настоящему нас отделал. Кто б знал, что мы столкнёмся с реинкарнацией Сократа. Пройдоха софистически бил по слабым местам.

– Ты сразу «посыпался», – упрекнула его девушка. – Сократ оказался красоткой из бродячих философов. Она рта

открыть не успела, а ты уже перья распустил.

– Вот тебе и последствия одновременного подключения, – с досадой отметил бразилец. – Мы думали, заставим инсайдера разрываться между пятью оппонентами, да только сеанс одновременной игры превратился в чистейшей воды балаган. ИИ использовал наши различия во взглядах, сталкивал характерами и попутно осыпал неудобными вопросами. Даже до детских воспоминаний добрался… Никогда бы не подумал, что буду обсуждать с искусственным интеллектом несбывшиеся мечты.

– Сучка сыграла в психоанализ, – сухо закончила его напарница.

– София, – то ли представил, то ли обратился к девушке Фернандо. – Мне до сих пор непонятно, почему ты вылетела из симуляции.

– Потому что мне упорно пытались доказать, какое я дерьмо и какое дерьмо вся моя жизнь. После тысячного раза любой сорвётся. Как обмануть машину, мне интересно.

– Это она про тебя, – обратился Фернандо к Юки. – Райзен написал, ты взломала Лос-Фелиз.

– Ага.

– С имплантатами или без?

– Я «чистая» в этом плане.

– Пф–ф, – фыркнул Фернандо. – Ещё скажи, что без стимуляторов.

– Закинулась дозой «нитро». Меня тоже неслабо раскаты-

вали.

– Ей просто повезло, – добавил человек на танке. – Раз на раз не приходится.

– На самом деле, – ответила ему Юки, – был ещё кластер в Сан-Франциско. Его тоже заставила сдаться.

Танкист сдвинул каску повыше, взглянув на неё пронзительными, умудрёнными опытом глазами.

– Похвально. Полагаю, если к взлому не прилагается городской бой, инсайдер становится чуточку сговорчивее.

– То есть ты шла без прикрытия? – изумился Фернандо.

– Прикинь, если мы служили в качестве отвлекающего манёвра, – заключение его напарника прозвучало в крайней степени неутешительно. – Но почему всё-таки ты вышла на задание в одиночку? Это же безумие.

«Чтобы как можно быстрее синхронизироваться», – подумала Ю, но озвучила иное:

– Долгая история. Шла с разведкой, а попала в заварушку.

– Выходит, никто из нас до конца не понимал, во что ввязывается. – Фернандо досадливо помотал головой, а человек на танке глубокомысленно изрёк:

– Если у тебя нет плана, это означает лишь то, что план есть у кого-то другого. Так и высечете на моём надгробии. Можешь звать меня Робертом, кстати.

– Роберт Джордан, – незамедлительно последовало уточнение. – В Рио его именем назван мост.

– Que va! – ответил Роберт. – Перестань вешать девчонке

лапшу на уши.

– Я только начал, – улыбнулся Фернандо. – Может, дашь урок по укладыванию инсайдера на лопатки?

– Записывай, – самодовольно произнесла Юки. – Сначала заводишь душевный разговор, затем выходишь из системы.

– Это жест мира такой? – бразилец изумился ещё сильнее. – Просто протянула безоружную ладонь?

– Думаю, в мою пользу сыграло то, что ИИ почувствовал мою непричастность к «Авангарду» или поверил обещаниям.

– Отлично, – огрызнулась София, – нужно было всего-то в одиночку приблизиться к кластеру и надеяться, что сможешь его переубедить. При том что дистанционное подключение требует огромной концентрации.

– Согласен, – поддержал Фернандо. – Общение через квантовый коммутатор добавляет стресса. Я прям чувствовал, что мне не получается разгуляться. В живой беседе никакой Сократ мне не ровня.

– Её звали Исла. Веснушчатая улыбчивая засранка с острова Скай. Интересно, где скрывается прототип.

– Мне тоже, – кивнул напарник, не обращая внимания на испепеляющий взгляд Софии.

Ю посмотрела на отель.

– Можно номер занять?

– Конечно, – ответил Роберт. – Ориентируйся по идентификаторам. Если ручка горит зелёным, значит номер ничей-

ный.

– Я в курсе, – спокойно ответила Юки.

– Ты есть будешь?

– На ночь вредно.

– При других обстоятельствах я бы с тобой согласился… Позавтракай хоть. Лови приглашение в приватный чат. С утра напишешь, прилетит раздатчик.

– А тебя почему выкинуло? – спросила Юки у Фернандо, тыкая в нарисовавшееся на перчатке уведомление.

– Мы с инсайдером, я бы сказал, одновременно вывели друг друга из равновесия. Спор дошёл до точки кипения и случилось что-то вроде эмоционального перегрева. У меня кровь из носу, а ИИ просто перезагрузился. Со второй попытки она б у меня поплясала.

– Удивляюсь, что ты не раскатал её с первой, – мрачно произнесла София.

– Да вот что-то чересчур в себя поверил. Думал, будет как с сумасшедшим поездом Блейном из той книги. Ничего подобного!

Юки припомнила тот самый отрывок.

– Ты строил полемику на алогизмах?

– Приправленными щепоткой юмора и безграничной харизмой, – подтвердил бразилец.

– Поверить не могу, что эта тактика почти сработала. – София недоумённо помотала головой. – Фернандо всю жизнь избегал серьёзных разговоров – наверное, заранее го-

товился к выносу компьютерного мозга. Боже, я ведь с тобой встречалась, бестолочь…– и посмотрела на ронина. – Знаешь, где мы провели первое свидание? В пельменной.

– По-моему, идея классная, – одобрительно сказала Юки.

– Вот-вот, – согласился бразилец. – Софи в тот день тоже слова против не сказала. Отлично ведь посидели. Я был в ударе, ты была великолепна.

– Самая сногсшибательная женщина во вшивой забегаловке на окраине города. – изрекла она. – То ли плакать, то ли смеяться. Почему наши отношения складывались так нелепо? Чёрт, опять переходим на личное при посторонних.

– Всё нормально, – сказала Юки. – Да и вам, наверное, не помешает выговориться.

– О да, – подтвердила Софи. – Сегодня прям день психоанализа. А знаешь, что он сделал в свой двадцатый День Рождения? Забрался на статую Иисуса и весь вечер на ней пил…

Юки хохотнула.

– Надеюсь, ты воспользовался лестницей…

– Естественно, – ответил Фернандо, – думаешь, мы в Рио не знаем, что внутри Иисуса есть технические помещения? Спустя пять минут я уже заливался мадерой на плече Спасителя и спрашивал его о сотворении мира, но, клянусь тебе, ничего вразумительного не услышал.

– Нужно быть верующим, чтобы говорить с Богом, – укоризненно заметил Роберт.

– Я самый верующий человек из ныне живущих, amigo, – незамедлительно парировал Фернандо. – Просто моя религия непонятна такому чёрствому сухарю типа тебя.

– Что-то не слышал я от тебя проповедей, – усмехнулся Роберт.

– Зачем проповеди? Алтарь можно воздвигнуть в сердце, и если оно открыто, то последователи сами потянутся. Моя религия даже без храмов прекрасно себя чувствует, но, знаешь, Роберто, я бы заставил Землю миллионами храмов, будь у меня достаточно свободного времени, и для каждого божества – свой.

– Напомни-ка мне, в какой религии существует миллион божеств.

– Я же говорю, Роберто, ты – чёрствый сухарь. Каждая женщина – богиня, и каждая достойна храма. Он ещё осмеливается называть меня атеистом…

София резко встала из-за стола.

– Спасибо, что напоминаешь мне, почему я протянула с тобой целых полгода. Пойду займусь чем-нибудь полезным.

Спустя минуту девушка растворилась в сумраке. Ю облокотилась на балюстраду, изучая показания сканеров. Вода в пруду была пригодной для питья, да и в целом вредных химических соединений в Вегасе отмечалось по-минимуму. Что ж, надо отдать «Вертикали» должное: фильтры они используют передовые.

Прилетевший по запросу дрон-раздатчик забрал две пу-

стые тарелки. Роберт спрыгнул с танка, достал из нагрудного кармашка «West» и хорошенько затянулся, ощутив колючий запах хвойного леса.

– Что между вами произошло? – спросил Роберт, когда София исчезла за углом здания.

– Инсайдер её подчистую раскатал, вот что. Это извечная история с детьми, которые получали недостаточно внимания, а теперь пытаются доказать собственную ценность кому угодно.

Роберт сделал ещё один затяг, за которым последовал фаталистично-длинный выдох носом.

– Мне казалось, её комплексы остались в прошлом.

– Мне тоже, – ответил Фернандо. – А потом Исла начала говорить, что Софи никого не любила и вообще любить не способна. Тогда она ответила, что всегда любила меня. Открывшийся факт тут же был внаглую вброшен в моё сознание, с намёком на то, что я бросил её в сложный момент жизни. Удар был подлый, Софи психанула, а у меня появилась возможность упрекнуть инсайдера в грязных методах борьбы. Будь ты в симуляции, ощутил бы накал драмы.

Юки слушала краем уха, всё глубже забуриваясь в данные.

– Дурак ты, Фернандо, – констатировал Роберт. – Она тебя до сих пор любит, а ты её даже на свадьбу не пригласил.

– Вряд ли ей этого хотелось. Эй, novinho, ты пришла бы на свадьбу к бывшему?

Фернандо, спиной уперевшись в поручень, повернул к ней

до глубины заинтересованное лицо. Ю неохотно свернула голограмму.

– Люблю гулянки, а на свадьбу пришла бы чисто ради торта.

– Даже если вы друг другу изменяли?

– Меня устраивают свободные отношения.

– Приятно встретить единомышленника, не отягощённого ядовитым чувством ревности.

– Ревнуют те, кто считает себя лучше всех, а к партнёру относятся, как к вещи. Я не собственница и знаю, что мне далеко до идеала. – Юки тоже повернулась спиной к ограждению, приняв расслабленную разговорную позу. – Отношения – это всегда работа над собой, долгий подъём на гору в связке, где нужно уметь в сложный момент удержаться над пропастью. Тут никуда без доверия.

– Девчонка дело говорит, – благосклонно произнёс Роберт.

– Вся моя жизнь прошла среди большого количества людей, вот и накопилась парочка наблюдений.

– Ну-ка, ну-ка, – прочирикал Фернандо.

– Мне стало ясно, например, что нет абсолютных одиночек, равно как абсолютных экстравертов, и что в общении важно вовремя делать перерыв. Два самых важных умения – это чётко формулировать свои мысли и внимательно слушать. Ещё немаловажно иметь отдельную кровать.

– А что, очень даже здравые мысли. Про подъём в гору во-

обще прям десять из десяти. Мы с Софи действительно взбирались на вершину, и хочу похвастаться, наш тандем был одним из лучших. Мне только кажется, она специально сорвалась, чтобы проверить связку на прочность. Вроде как решила подтолкнуть меня к тому, что в её понимании называется «мужским решением»: чтобы я хоть раз повёл себя серьёзно – подрался из-за неё, постарался силой вернуть обратно. А я просто перерезал канат. Никогда не понимал намёков. Мне казалось, если вмешаюсь, то посягну на её свободу. Надо бы к женщинам инструкции печатать.

Роберт невольно улыбнулся, для вида почесал бровь и снова задымил. Фернандо умолк, невзначай взглянул на профиль ронина. Юки, задумчиво рассматривавшая ночное небо, казалась ему взрослой и недосягаемой. Память упорно подбрасывала ассоциации.

– У тебя красивое лицо, – наконец сказал он.

– Ты ещё тела не видел, – издевательски ответила Юки.

– Даже отвечает похоже, – вставил Роберт.

Ю сконцентрировала внимание.

– Ты о чём?

– Харуна, – отчеканил бразилец. – Камикадзе с Окинавы. При таком освещении вас перепутать можно.

– Вот-вот, – подключился Фернандо. – У Харуны действительно похожий овал лица.

Юки не поняла. Во-первых, почему мама не использовала псевдоним? И почему камикадзе?

«Потому что божественный ветер, – подсказал Джей, – резкий и беспощадный».

– Мы родственники, – честно призналась Юки. – С ней всё хорошо?

– О, да, – подтвердил Роберт. – Ей море по колено, а характер – палец в рот не клади. Но Фернандо доволен, правда?

– А что я? Просто есть тип людей, которые запросто находят общий язык. Грех не поболтать за партией в сёги. Только может ли мне кто-нибудь объяснить, почему японцы не могли придумать нормальные фигуры? Плашечки с буквами – это несерьёзно.

– Для нас японский алфавит – это искусство. – Юки невольно вспомнила замысловатые правила японских шахмат и, слегка повременив, спросила:

– Что Харуна делала в Бразилии?

– Разрабатывала стратегию и помогала в разработке нейроимплантатов. Дурачилась, выносила мозг, приучала нас ко всяким заокеанским штукам.

– Где она сейчас?

– Кто ж её знает, – пожал плечами Роберт. – Ищи её теперь, как ветра в поле.

«Как божественного ветра в поле, – с праведной грустью подумала Юки. – Похоже, мама осталась на другом континенте. Но знает ли она о Скриптрайтере и моём походе?».

«Знает, Ю», – спокойно ответил Джей.

Девушка вздохнула.

– В Бразилии всё хорошо?

– Силами народной милиции держимся, – ответил Фернандо. – Со времён Коллапса только вперёд и вверх. Фавелы сравняли с землёй, преступность практически на нуле, правительство наращивает экспорт бананов. Идиллия.

Чёрные глаза Роберта сверкнули в тенях.

– Мы запускаем верфь для постройки космических кораблей, а он всё про бананы.

– Сельское хозяйство – самая стабильная строчка дохода, – парировал Фернандо. – Орбитальные истребители, знаешь ли, на грядках не растут, а пищепром – он ведь как феникс: каждый год возрождается из золы и удобрений.

– Почему вы вообще выбрали сторону Райзена?

– Во-первых, мы никогда не доверяли сайберам, – отвечал Роберт, – а во-вторых, пираты Райзена с пятидесятых помогали нам восстанавливать порядок. Сначала гражданская война, потом расцвет нарколабораторий и борьба с бесконтрольным оборотом оружия. Работы хватало.

– У Роберта до сих пор со службы привычки остались, – насмешливо вставил напарник, – знаешь, как он в гости заходит? Сначала кидает светошумовую, потом входит сам.

– Придумай что-нибудь менее глупое, – простодушно ответил тот. – Так что с Райзеном мы давно знакомы, только до недавних пор считали его обычным человеком. Ты ведь в курсе про его происхождение?

– Ага.

– Ну вот мы и подумали: когда ещё представится шанс поучаствовать в инопланетных разборках. И если уж выбирать сторону, то ту, которая не использует технологии ментального контроля. Во всяком случае, с Райзеном я быстро нашёл общий язык.

Фернандо потянулся, захрустев косточками.

– Победу мы приблизили, – сказал он. – Осталось доказать людям, что мы им не враги.

– Это будет проблематично, – произнёс дымящий силуэт. – Сегодняшний штурм вегасцы нескоро забудут. Лишь бы дальше без форс-мажоров. Задолбали сюрпризы.

– Да уж, – хохотнул Фернандо. – В последнее время они только неприятные.

В номере Юки первым делом разделась, закинула вещи в стиральную машину и приняла душ. Спустя пятнадцать минут, отмывшись от дорожной пыли, развесила верхнюю одежду на изножье кровати, звёздочкой развалившись на огромном матрасе. Хвост волос оформился на подушке знаком вопроса.

«Джей, – мысленно обратилась Ю к ПМК, – объясни наконец, зачем мы охотились за модулями "А2"?»

«В их конструкцию входят ловушки для метакода. Оливер умеет удерживать фундаментальные частицы и проводить с ними сложные манипуляции, а мы – нет. Конечно, Луна приближается к решению этой задачи, но почему бы не подсмот-

реть конструкцию у конкурента? Суть в том, что из метакода можно собирать любые сверхспособности и в дальнейшем усиливать ими оператора, что, в свою очередь, усилит и меня. А самое главное, что нужные соединения могут увеличить твой вычислительный потенциал, благодаря чему тебе будет легче работать со Скриптрайтером».

Юки сделала медленный медитативный вдох.

«Как часто ты позволял Скриптрайтеру вносить правки?»

«До твоей высадки на материк – ни разу. А потом завертелось. С моей подачи Лео попытался взять тебя на мушку, по моей же вине ракеты полетели по диспетчерской. Да и Ларри до последнего сохранял конспирацию, потому что сработал определённый скрипт».

«Странная у вас дуэль».

«Как по мне, обычная шахматная партия».

«Только вместо фигур – человеческие жизни. Ты вообще верил, что я смогу достичь синхронизации?».

«Интуиция подсказывала, что ты справишься. Тебя подготовили по высшему разряду, хотя, несомненно, отправлять тебя в Штаты было крайне рискованно. Была мысль записать тебя наёмником в «Ханьдань», но у них сейчас затишье. Кстати, мне требовалось не просто раскрыть твой потенциал. Мне было важно удержать твоё доверие после того, как я во всём признаюсь».

«Пока что я готова следовать твоему плану, но меня волнует, насколько далеко ты можешь зайти ради победы».

«Жизнь готов отдать».

«Свою?»

«В том числе».

«Насколько сложно противостоять Скриптрайтеру?»

«Скажу лишь то, что отвлекаться мне противопоказано, а в целом у нас происходит эдакий метафизический диалог, где каждый пытается доказать, что истина на его стороне. У кого не останется контраргументов – тот проиграет, но я пока что держусь».

«А зачем ты покинул свой дом?»

«Потому что боялся, что Энн изменит приоритеты и лишит меня стимула бороться».

«Выходит, ты не доверяешь даже самому близкому человеку».

«Как раз ей я доверяю и знаю, что она сделает правильный выбор. Просто я решил бороться до конца и не хотел, чтоб меня одёрнули на полпути. Если мой путь проигрышный, я хочу в этом убедиться».

«А почему ты боялся встретиться с Клаусом?»

«Потому что он так же, как и Энн, может доказать, что моя борьба бессмысленна. Только доказывать это он будет не мне, а оператору. Я завишу от тех, к кому подключаюсь. Вы помогаете не сбиться моему моральному компасу, или, наоборот, убеждаете меня пересмотреть позицию. Пока ты веришь мне, я могу бороться против Скриптрайтера, но как только ты начнёшь сомневаться, я тоже начну. Поэтому мне

нужен тот, кому близка идея борьбы до конца. До любого конца, даже печального».

«И поэтому мне придётся мчаться напролом, выполняя безумные задания».

«Но ты ведь веришь, что всё не зря?»

«Я думаю, что Оливер во многом не прав, но ты его демонизируешь».

«Поверь, ради Скриптрайтера он готов на всё. Позже будут доказательства».

«Серьёзно? Раскроешь его истинную сущность с помощью математических расчётов?»

«Увидишь. Доверься мне».

Юки молча уставилась в потолок и подумала про Курта – того парня из «Отдела», с внешностью молодого рокера. Неужели он знал, в чём заключается её миссия? И в самом ли деле ему сто с лишним лет? Если его уже клонировали и закинули в идентичное тело, то в этом одиноком номере он был бы сейчас как нельзя кстати.

«Выходит, Райзена и ещё кучу народа переместило на Землю, потому что ты позволил Скриптрайтеру внести правку».

Джей мысленно кивнул.

«Как тебе удалось поймать в ловушку настолько могущественное существо?»

«Потому что Скриптрайтер не обладает безграничными возможностями и действует по определённым принципам.

Поняв их, я нашёл способ заставить его вступить в игру, при том на своих условиях».

«Обожаю абстрактные объяснения. Хорошо, допустим. А эти наваждения, которые меня накрывали – они тоже как-то связаны с внесением правок?»

«Боюсь, что да. До тебя доходят отзвуки собственных смертей, которые произошли в параллельных сценариях».

«Вот с этого места поподробнее».

«Когда Скриптрайтер попался в ловушку, у него осталось несколько незаконченных дел. Он хотел перезапустить несколько миров, добавленных в его чёрный список. Я согласился, но с одним условием – твоя временная линия разделилась на девять идентичных сценариев, с единственным различием: между ними ровно сутки разницы».

«То есть мы сейчас существуем в девяти параллелях?»

«Уже в семи. Сейчас мы в третьем сценарии, потому что в первом ты отъехала от потери крови, а во втором тебя пристрелила Холли».

Юки даже бровью не повела. В последнее время происходило так много странностей, что удивляться чему-то новому казалось попросту нелепо. Остаётся принимать постоянно меняющиеся правила игры, попутно пытаясь их запомнить.

«Хорошо, как тобой воспринимаются разделённые сценарии?»

«Я существую в каждом из них одновременно, так что мне

видно, что будет на девять дней вперёд. Уже на семь, если смотреть из девятого в наш, третий».

«Получается, в девятом мы с тобой всё ещё на Токио…»

«И отлично проводим время, кстати. Добавлю также, что по правилам игры Скриптрайтер привязан ко мне, и пока я сохраняю целостность хотя бы в одном из сценариев, он останется в ловушке».

«А ты можешь сделать так, чтоб следующий сценарий пошёл по другому плану?»

«Незачем изменять привычное течение сюжета: так легче исправлять ошибки или отменять вносимые изменения. Например, в первом сценарии, когда в узле Сан-Франциско началась стрельба после замигавшего света, Скриптрайтер всего лишь внушил Рэю мимолётное ощущение всемогущества. Во втором сценарии пришлось вычеркнуть эту незначительную на первый взгляд деталь, чтобы Рэй немного поумерил пыл своей крайне патриотичной паствы. Именно поэтому в последующих сценариях «Персонал» перенёс пальбу на вечер».

«Интересно… – мысленно протянула Юки. – А что за история с Холли?»

«До вчерашнего дня я даже не знал, что она жива и работает на Райзена. Но мне было известно, что её брат сотрудничает с «Отделом» и обладает похожими умениями. Во втором сценарии мы проехали мимо, а Холли двинулась следом. Похоже, она уловила ауру, только вывод сделала невер-

ный. Почуяла в нас убийц. Или твою геройскую ауру перебила злая аура универсуса».

«Почему ты не реагировал?»

«Я согласился на очередные условия. От меня требовалось бездействовать, пока ты спишь. То, что на тебя нападут бандиты, было маловероятно, да и ты, скорее всего, от них бы отбилась. Однако, опасность оказалась куда серьёзнее. Холли, кстати, своей способностью немного сбила тебе концентрацию».

«А штурм «Вертикали» пиратами? Неужели это действительно спланированный отвлекающий манёвр, чтоб дать мне возможность подобраться к башне?»

«Вроде того. Это было необходимо, чтоб перетянуть войско Лос-Анджелеса на восточную окраину города. Только не проводи сравнение с битвой у Чёрных врат».

«Кто же мне запретит? Хотя план, конечно, безумный».

«Пришлось потрудиться, чтоб достичь максимальных результатов: искать союзников, собирать ресурсы и прятать тебя от особо любопытных глаз».

«Порой моя конспирация граничила с безумием».

«Если б соглядатаи Оливера распознали в тебе искомую цель, возникла бы куча вытекающих проблем. Надеюсь, ты простишь мне чрезмерную осторожность».

«В итоге всё закончилось хорошо. Пусть ты и параноик, в твоих действиях прослеживается смысл».

«Ещё бы. Я умный параноик».

«Кстати, ты так и не объяснил, каким образом Холли оказалась на собственной могиле».

«По всей видимости, Холли способна манипулировать пространством, но на каком-то ином уровне – не просто перемещать объекты по координатным плоскостям, а вносить правки исходя из собственных желаний. Вероятно, когда в своём изначальном сценарии она обнаружила Виктора мёртвым, то ей захотелось переместиться туда, где он жив, и умение сработало само собой».

«Выходит, Холли сменила индекс местоположения без ассемблера? Её брат может так же?»

«Гипотетически, да. «Отдел» изучал способности Виктора. Ему, так же как и Холли, не нужно вбивать координаты, ему важно создать коммуникацию, и чем она правильнее, с его точки зрения, тем проще произойдёт манипуляция».

Ронин вслушался в молчание ночного Вегаса. Пальцы замком сцепились на затылке.

«Значит, переместилась к брату…»

«Именно так, – подтвердил Джей. – Попыталась починить сломанную связь».

«Интересно, сколько вообще существует разновидностей миров, подобных нашему?»

«Можешь сама посчитать, когда научишься менять индекс местоположения. Пробежимся по сотне-другой разновидностей Земли, найдём новых знакомых».

Юки сосредоточенно пялилась в одну точку на потолке.

Сознание пыталось оформить главный вопрос, который волновал её почти с трёх лет.

«Джей, папа тоже пытался синхронизироваться?»

«Да. Он работал с «Ханьданем» и пытался самосовершенствоваться. Но ему не хватило сил».

«Почему он умер?»

«Потому что решил пообщаться со Скриптрайтером, а тот, в свою очередь, исполнил его просьбу. Кэнсин умер, потому что захотел очиститься. Потому что не смог смириться с кровью на своих руках».

«Из-за него пострадали невинные?»

«Нет, на его совести несколько бандитов. «Ханьдань» зачищал территории у границы с Монголией, и Кэнсина едва не схватили. Он отбился, но совесть его отяжелела, и Скриптрайтер предложил решение».

«Какое?»

«Кэнсин не посвящал нас в детали, но ему было важно сохранить внутреннюю чистоту. Он хотел быть идеальным, чтобы в будущем служить тебе примером. Когда мы тебя подготовим, можешь сама спросить у Скриптрайтера, что за желание он исполнил».

«Ты не боишься, что я тоже сломаюсь?»

«Уже нет. Но я боюсь подорвать к себе твоё доверие. Скриптрайтер предлагает довольно жёсткие правки, поэтому мне приходится трижды думать, прежде чем давать согласие».

«Никаких проблем, Джей, – подумала Юки, погружаясь в сон, – если нужно, можешь выжимать меня по полной».

С первым лучом солнца она перевернулась на спину и поправила скатавшуюся до груди майку. Сосредоточенно рассмотрела потолок. Ущипнув себя за руку, проверила, что действительно находится в номере отеля посреди Мохаве. Ненароком начала перебирать в уме недавно открывшиеся факты, но, побеждённая утренней ленью, отбросила их в чертоги разума. Протяжно простонав, начала вставать.

– Через сколько доберёмся до места назначения?

«Часов пять-шесть».

«Отлично», – подумала Ю и села, ладошками растирая лицо. Окончательно очнувшись, принялась делать зарядку. Радость жизни постепенно наполняла её до кончиков ушей. Стоя в планке, она вновь завела мысленный диалог.

«Когда мне ждать падающего рояля?»

«В любую секунду, – серьёзно ответил Джей. – В прямом смысле: рояль реально может рухнуть тебе на голову, появившись из ниоткуда».

«Кайф. Буду поглядывать наверх».

Ронин зашёл в закрытый чат, кинул запрос на завтрак, и уже через две минуты в деактивированный кибергласс влетел раздатчик. Манипуляторы достали из ячейки тарелку картофельного пюре со свиным гуляшом, затем дрон так же быстро смылся. Юки ела той самой антибактериальной

ложкой, которая нагревалась до ста пятидесяти градусов по определённой тактильной команде. А ведь где-то в мире существуют технологичные палочки для еды, точнее хаси, если называть их по-японски.

Позавтракав, она оделась, повесила кобуру на бедро (это, стоит заметить, была невероятно удобная кобура), блейдер прицепила на ристринговый ремень (кажется, название происходило от reinforced string), а винтовку с рюкзаком закинула за спину, приняв образ грозной японской старшеклассницы, вступившей в партизаны. В воде из-под крана обнаружилось незначительное превышение тяжёлых металлов, так что Ю пропустила её через молекулярную центрифугу складной кружки. Наполнив её до краёв, девушка активировала фильтры, пальцем выписав на дне активирующий иероглиф. На поверхности воды возникла неглубокая воронка, и вскоре жидкость обрела кристальную чистоту. В принципе, благодаря этому гаджету, пить Юки могла даже из грязной радиоактивной лужи.

Территория перед отелем пустовала. Летун Райзена, как и танк Роберта, исчез. Вдалеке обнаружился одинокий патруль, в незамысловатой гражданской форме без знаков различия. Ночью было непонятно, зато теперь Юки чётко видела, что это не армия. Кажется, они употребили термин «силы самообороны». Точно так же назывались японские войска после Второй мировой. Впрочем, названия мало на что влияют. Важнее всего то, как много профессионалов смо-

жет подготовить та или иная структура. Государствам прошлого, неспособным заниматься каждым отдельным человеком, изредка удавалось отбирать из плохо подготовленного пушечного мяса более-менее смышлёных бычков, используя жёсткие и гротескно-тупые институты. Вот и получается, что подготовленные силы самообороны имеют неплохие шансы потягаться с расхлябанной армией, а крутая японская старшеклассница вполне способна противостоять безумной орде головорезов.

Байк обнаружился на углу. Бортовой компьютер показал, что до Вегаса дорога была относительно свободна и никто не чинил препятствий. Лишь несколько безоружных фермеров, выпивавших посреди ночи в открытом поле, могли заметить силуэт проезжающего мотоцикла.

Сев на него, Юки сразу тронулась с места. Проезжая Вегас, подумала, что весь город напоминает декорацию для низкобюджетного кино. Вот здесь можно снимать пеплум про римские легионы, вторгшиеся в Египет, там – продолжение «Star Trek», вон в том месте – сказочку про принцессу и дракона, спасающего её от рыцаря. И совсем не важно, попадут ли в кадр современные здания. В конце концов, всё упирается в профессиональное видение режиссёра.

По пути попадались вооружённые патрули. В приватном чате шла ленивая переписка. Последнее сообщение, связанное с ней – в два часа ночи – касалось подъехавшего байка. До этого Райзен добавил Юки в список тех, кому разреше-

но свободное передвижение. Сам капитан улетел час назад, оставив вместо себя компетентных дипломатов.

«Интересно, у пиратов получится доказать, что Оливер захватывал разум?» – подумала Ю.

«Предстоит провести кучу медосмотров, но чтобы железно доказать его вину, необходимо было захватить хотя бы один модуль».

«Народ смирится, что ими теперь управляет Бостон?»

«Скоро они поймут, что Райзен неплохой человек, и тогда, возможно, поменяют к пиратам своё отношение. Хочешь обсудить политику?»

«Кстати, – ехидно подумала Юки. – Чем является захват Вегаса: аннексией, оккупацией или демократической борьбой с преступным режимом?»

«До чего же вы любите классификации. Это называется «слон берёт коня и ставит шах королеве».

Через десять минут Вегас превратится в прошлое. Ю решила не искать ночных знакомых, чтобы попрощаться, хотя та троица показалась ей замечательной компашкой. Они, наверное, с детства друг друга знают. Улица полетела вперёд, на выезде притормозили двое автоматчиков. По левую руку, за длинным ячеистым забором, желтое песчаное поле и проходящая по нему гоночная трасса. Один из бразильцев попросил её отключить деформатор, затем просканировал и напомнил об осторожности. Второй следил за местностью через голографический экран, сутулясь на стопке рези-

новых шин.

Когда она выехала за пределы города, из бразильского чата пришло автоматическое уведомление.

«Очередная бандероль, – за секунду до предупредил Джей. – Три года ждала получателя».

Юки развернула сообщение. Японские иероглифы, древний смайлик с поцелуем в щёку.

«Одевайся теплее, – говорилось в нём. – Чтоб никаких коротких юбок и голых животов. Синоптики обещают снег».

«Мама», – подумала Юки, взглянув на безупречно-синее небо.

После ливня, тумана и песчаной бури, снегопад её вообще не удивит.

4. НЭКО

На раскалённых степях Юты стоял привычный марсианский цветофильтр. Обожжённые зноем сланцевые горы напоминали растекающуюся магму, от одного вида которой пересыхало во рту. Ландшафт словно перерождался, но замер на самом странном моменте метаморфозы.

Перед Юки вспыхивали иероглифы городов, записанные на магнитную ленту дорог – целое географическое кандзи, сложенное из более-менее одинаковых ключей. Самый важный ключ – это, пожалуй, «вода», а дальше – как пойдёт. Историки утверждают, что для любого состоявшегося государства обязательны иероглифы «ратуша» и «казарма», а уже следом ступают остальные слова. И каждое, пускай даже самое незначительное с виду слово, ведёт борьбу: за монополию, за влияние, ну или в худшем случае – за банальное выживание. Мормоны Юты справились с планом минимум на отлично, хотя, пожалуй, не так уж много здесь попадалось мормонских церквей. Пролетев несколько городков, Юки заметила одну. Ей-то казалось, этого добра тут на каждом шагу.

Тихие обезлюдевшие квартальчики встречали её невысокими постройками из полимерных материалов – в основном, кирпича, на половину состоящего из пластика. Вывод Юки сделала безошибочный: если строят из кирпича, значит, сей-

смическая активность в этих краях практически нулевая. Да уж, материал для Японии крайне сомнительный… Попадались и монолитные здания, выстланные аккуратными слоями на строительных принтерах, словно гигантские праздничные торты.

Осилив несколько часов езды, Ю добралась до места встречи. Очередное захолустье в сетке кварталов с базовым набором жилых и административных домишек: эркеры, балюстрады, черепица – стандартная смесь полимеров, песка, камня и древесины. Однако изюминка в списке таки была.

Двухэтажное здание исторического музея отбрасывало рассветную тень. Фасад – слой карамели, разлившейся по брусчатке; узкие окна, входная дверь в арочном проёме. Перед музеем стоял фургон, на котором, скрестив ноги, сидел человек в наглаженном, как кот, белом лабораторном халате. Приветливая внешность, неряшливые волосы, уголки губ нацелены на улыбку. Байк остановился в двадцати метрах. Юки, пинком выставив подножку, принялась рассматривать без преувеличения историческую фигуру. Он двигал «Stea(i)m and Cyber» вперёд. Его усилиями «сайберфлаты» начали лидировать на рынке, а фарма стала развиваться семимильными шагами. Его репутация казалась незыблемой. Оливер Яффе умел добиваться результата, в большинстве случаев положительного. Хочет ли он мирового господства? Желает ли создать идеального человека или идеальное общество? Каковы его цели? Вот он – на расстоянии слова –

остаётся всего лишь озвучить вопрос.

Юки встала; прошла к обочине, рассмотрела надпись на фургоне. Буквы оказались какой-то смесью азиатских символов, перемешанных с латиницей и кириллицей. Над надписью расположилась дугообразная линия с двумя циркумфлексами по краям, что очень походило на схематичное изображение ушастой кошачьей макушки. Взгляд устремился выше. Инопланетный, возможно, безумный, учёный любезно хранил молчание.

– Оливер, – произнёс ронин с абсолютным спокойствием. – Не думала, что встречу здесь тебя.

– Сьерра решила, с тобой можно работать, – беспечно, с напускной полусонной ленцой промурлыкал Оливер.

– Ты хотел сказать, её виртуальный образ.

– Инсайдеры максимально точно передают сущность тех, с кого они слеплены. Они эмоциональны, логичны и способны принимать самостоятельные решения в важных дилеммах, влияя на ход партии. Оттого играть с ними в «Dungeons &Dragons» – сплошное удовольствие.

– Dungeon-мастера из них действительно неплохие…

– Вот видишь, – легкомысленно-серьёзно продолжил Оливер. – Цифровой компаньон должен быть в каждом доме. Эдакий друг, готовый по первому зову отправиться с тобой в приключение, или морально поддержать.

– Про опасные стороны тоже скажешь?

– М-м-м?

Юки вздохнула.

– Ты переписываешь сознание. Ионизацию ещё можно простить, но модули «А2» – это перебор.

– Каждый житель «Вертикали» даёт письменное согласие на нейрокоррекцию в любом её неинвазивном виде. К тому же, ты явно преувеличиваешь опасность. Модули искусственной души не выходят за рамки диалога и напоминают, скорее, родителя, который время от времени даёт опытное напутствие. Могу поклясться последней из девяти жизней, что «А2» практически безобидны. Их основная задача – раскрывать потенциал, выводя целевой объект на новый, более качественный личностный уровень и наделять даром амбивалентного мышления. Трусливый лев начинает понимать, что такое храбрость, железный дровосек чувствует теплоту сердца… Инсайдеры несут слово создателя, предлагая страждущим пройти по дорожке из жёлтого кирпича; помогают услышать имеющему уши. Ионизация такого эффекта не дает, хотя, без сомнения, от неё тоже есть польза.

– И огромный перечень побочных эффектов.

– Количество которых уменьшалось год от года. Естественно, я понимал их несовершенство. При первом знакомстве «терапевты» показались мне доисторической дубиной, пригодной разве что для надругательства над личностью, поэтому, попав на работу к сайберам, пришлось незамедлительно браться за их модернизацию. – Оливер прям урчал, кидая в Юки бархатные тюки. – Здесь у тебя возникнет во-

прос: каким образом персонаж исекая так быстро нанялся к околомонопольным гигантам индустрии, имея при себе один лишь лабораторный халат? И я отвечу: мне повезло прихватить с собой главное оружие – знание, и, в частности, глубокое понимание биоинформатики. Как итог, спустя пять лет меня назначили руководителем двух подразделений. Под моим началом ионизация стала более безопасной, а внедрение положительных ассоциаций со «Stea(i)m and Cyber» – менее навязчивой. Умные квартиры в целом всё лучше отвечали запросам, так что нет ничего удивительного, что после Коллапса к моей корпорации примкнуло так много людей. Если бы не вмешательство третьих сил, на нашей стороне могло оказаться мотивированное большинство, а вокруг давно бы царила идиллия.

– Общество с промытыми мозгами. Высший класс, ага.

– Я всего лишь дарил людям ощущение спокойствия, целеустремлённости или радости. Ионная корректировка – это не гипноз. Конечно, может возникнуть лёгкая зависимость, как от глюкозы в мармеладках, но не более.

– Паттерны поведения меняются, – настойчиво напирала Юки.

– Разве храбрость – это плохо? Или повышенное чувство ответственности? Я стараюсь сделать каждого из своих подопечных самостоятельной единицей, а не юнитом из какой-нибудь стратегии. Конечно, мне нравится «Цивилизация», но только на экране монитора. Управлять живым со-

циумом в ручном режиме ни у кого терпения не хватит, потому и свободу воли у людей отнимать нельзя.

Ей вдруг вспомнился один эксперимент, где человек в белом халате заставлял «бить током» псевдоиспытуемых. Липовый профессор как бы говорил: «Я в форме – значит, я компетентен». Оливер использовал старую психологическую уловку, получив тем самым небольшую властную фору, а Юки жалела, что у неё нет на него стопроцентного компромата.

– Кстати, – продолжал он, – возьми в пример «Персонал». Шовинисты, ковбои и бывшие наёмники. Думаешь, их сделала такими ионная корректировка? Вовсе нет. Я изначально решил собрать там людей с определённым психотипом и задал инсайдеру задачу исправить их. По основной задумке, «Персонал» должен был сблизиться с жителями Чайнатауна, проникнуться их культурой и отбросить глупые предрассудки. Эксперимент, к сожалению, прервали. После того инцидента мне сделали выговор, а поведенческие настройки инсайдера незамедлительно пришлось пересматривать. Искусственный интеллект позволил себе слишком много вольностей.

– Как к тебе попал настоящий Джефферсон?

– Его подстрелили разбойники в окрестностях Мемфиса. Он шёл на нашу радиопередачу. Патруль услышал выстрелы, но спасти его мы не успели.

– Вы оцифровали мёртвый мозг?

– Умирающий, говоря точнее. Да, без разрешения скопировали коннектом, однако постфактум инсайдер одобрил наше решение. Если у тебя есть претензии, мой журнал для жалоб и предложений всегда открыт. А если хочешь предъявить обвинения, можешь обратиться напрямую в этический комитет. Тут недалеко.

– Будь уверен, обращусь, – строго сказала Ю. – Чем ты оправдаешь похищение Глории?

Оливер бесстрастно моргнул.

– Каджит ничего не крал. Каким вообще образом можно украсть оптическое явление?

– Ты придуриваешься? У Райзена была беременная жена. Рэй похитил её для «Вертикали», чтобы выделить сверхген из ребёнка.

– Земляне, с которыми мы работаем, также принимают решения самостоятельно. Договорённости у нас простые: они поддерживают порядок на вверенной территории, собирают у доноров кровь с плазмой и держат оборону; высший прайд, через мою скромную персону, предоставляет взамен оборудование и помогает специалистами. Хоффман не имел права трогать невинных. – Добродушное лицо учёного омрачило сожаление. – Скажи, чем закончилось похищение?

– Глория сбежала и замёрзла в лесу. Остальное додумывай сам.

– Мне больно об этом слышать… Похоже, Хоффман пренебрёг договорённостями, либо неверно их трактовал.

– Оливер достал из нагрудного кармана ручку с записной книжкой, открыл на закладке и добавил заметку. Юки бумажных блокнотов с рождения не видела.

– Раз ты утверждаешь, что Хоффман совершил преступление, – задумчиво промурчал он, убирая блокнот обратно, – будет разбирательство. Твоё заявление отправится в нужные инстанции. Если факт похищения подтвердится, мне придётся отвечать.

– А если бы ты получил ребёнка, тогда что?

– Выделил силу эдикта, естественно, затем доложил высшему прайду. Хоффман, вероятно, был бы отстранён от управления городом, а ребёнок… Кто знает. Может, его вернули бы отцу, может использовали в качестве рычага давления, а может оставили у себя. Мои полномочия в этом вопросе минимальны. – Оливер задумчиво взглянул на безоблачный небесный свод. – Райзен, наверное, стал ещё злее после того случая. Значит, борьбу придётся продолжать.

– Ты проиграешь, Оливер, – решительно подал голос Джей.

– Посмотрим. Если твой противник не Сайтама, шанс на победу всегда есть.

Ю без расшифровки поняла, кого Оливер имеет в виду. Если перед ней «гик», их общение имеет высокие шансы скатиться в абсурд.

– К мечте нужно двигаться, даже если шансы на успех смехотворны. Можете сколько угодно доказывать, что мои иде-

алы обернутся прахом – и что изменится? Неужели возможное неутешительное «потом» – это повод поставить крест на попытках сделать лучше «сейчас»? Разве тот, кто по-настоящему верит в добродетельность собственных начинаний, не станет выкладываться ещё сильнее, если увидит, как их смешивают с грязью? Вы записали меня в манипуляторы, но я лишь избавляю людей от слабостей; вы говорите, что мной движет желание прибрать к рукам Землю, но Рапид-Корд уже завоевал десятки планет. Суди́те меня по нынешним делам, а не по надуманным предпосылкам. То, что Оливер Яффе способен вносить коррективы в мыслительные маршруты, вовсе не значит, что рано или поздно он обязательно заберёт контроль. Каждый изменённый мною характер сохраняет уникальность – исправляются лишь критические «баги». Будь у тебя рычаг, который отговорил бы убийцу Джона Леннона сделать выстрел, разве ты бы им не воспользовалась? Вот и ответь мне, что плохого в изменении минуса на плюс?

Слова его стали жёстче, но также неторопливы, словно сопротивлялись стремительному подводному течению.

– За полвека мне удалось облегчить последствия Коллапса, излечить изувеченные души… Дезертиры, сироты, каннибалы, пьяницы, дикари, насильники… Скольким подобным отщепенцам вы дали надежду? Скольким показали новый путь? Думаешь, можешь сделать лучше? Так делай, а не разрушай. Любой город «Вертикали» жил довольно мирно,

обещая стать однажды Раем на Земле. Тебе стоило погулять по Лос-Анджелесу – раньше, до того, как Бостон начал наступление. Перекусила бы на летней веранде кафе, приняла бы участие в теннисном турнире, прошла бы пробы на новый фильм, а главное – пообщалась бы с людьми. Ах да, твой цифровой дружок обходил «Вертикаль» стороной, потому что боялся попасть в мои когтистые лапы, ведь Оливер – непонятный кот Шрёдингера, который либо злой, либо добрый, а чтобы не испытывать судьбу, достаточно не открывать коробку.

Юки на секунду задумалась, а не отдать ли ему Скриптрайтер, просто чтобы узнать, какой именно он кот. Оливер вкрадчиво продолжал:

– Здесь мне следует задать встречный вопрос: жалеешь ли ты о том, что оборвала чужие жизни? Помимо сотен защитников города, в Эл-Эй погибло тридцать два безоружных мирных жителя, двое из которых – подростки.

«Джей, из-за тебя во мне снова просыпается чувство вины», – подумала Юки и, непроизвольно потупив взгляд, ответила:

– Мне жаль.

– Значит, ты лучше, чем твой спутник, – За полным понимания выдохом последовали секунды задумчивого молчания. – Если так подумать, наши ошибки идентичны: следовало лучше следить за своими соратниками и прочертить для них необходимые стоп-линии.

– Я могла одной командой отменить решение Джея, – с тихим сожалением отвечала Юки. – У меня просто не было времени на раздумья.

– Цейтноты – страшная вещь. Чем дальше двигалась человековая цивилизация, тем больше их было. Обезьяний мозг пытался успеть за прогрессом, и чтобы избежать столкновения со стеной эволюционного тупика, хитрый сапиенс находит изящное в своей простоте решение – компенсирует недостаток стенобитного потенциала умными устройствами. Вынужденная необходимость, позволяющая увеличить скорость мысли… Однако затем хитрый сапиенс стал скидывать на машину ответственность, что позволило переложить часть вины при принятии непопулярных решений. Оттого мне радостно, когда кто-то всецело признаёт неправоту… А логика действий твоего ПМК вполне ясна: в приоритете безопасность оператора, что до остальных – на них ему плевать.

– Нет, – ответил Джей, – мне плевать только на безвольные функции, от которых исходит явная опасность. Хочешь доказать, что личность тех людей в достаточной степени самостоятельна, дай изучить логи и программное обеспечение.

– Открывать доступ, – с расстановкой произнёс Оливер, – не в моей компетенции. Все важные решения выносят соответствующие комитеты. Направляйте запросы туда. Я, в свою очередь, непременно расскажу про инцидент с Глорией и понесу наказание, которое несомненно последует, а ещё упомяну оператора, что без всякого сожаления множит

невинные жертвы на ровном месте… Готова ли ты ответить? Или внеземная структура не имеет права судить землянина? А если позволить вынести вердикт жителям Лос-Анджелеса? Тут ты возьмёшь пример со своего ПМК и скажешь, что тамошние жители – лишённые собственной воли болваны. Надо мной довлеет закон, обязывающий меня поступать взвешенно. Кто же удерживает от безрассудства тебя? У кого есть право тебя судить?

– Я готова держать ответ перед кем угодно, – твёрдо ответила Юки, – если ты тоже готов. Посмотрим, чьи оправдания окажутся убедительней.

– Полагаю, мы оба можем доказать, что в наших действиях не было злого умысла, но ты принесла гораздо больше разрушений.

– Если бы не Скриптрайтер, обошлось бы вообще без жертв.

– Мне бы тоже хотелось, чтобы всё шло по плану и никакие внешние воздействия не могли на нас повлиять. К сожалению, это почти нереально. Любая мелочь способна увести нас с той идеальной дорожки, которую рисуем мы в собственных фантазиях. Чем взрослее становишься, тем разбитее дорожка, но, вопреки всему, приходится идти. На тебе большой груз, под тобой гравий, врезающийся в босые ноги. Рассчитать безболезненный шаг при таких условиях невероятно сложно. Даже твой покорный слуга порой шагает наугад. Результаты действия зачастую непредсказуемы. Кто бы

мог подумать, что гибель Техника под Лос-Анджелесом приведёт к настолько плачевным результатам.

– Это ты к чему?

– Инсайдер в Эл-Эй – тогда это была не Сьерра – проникает в сознание хакера, вынимая из него кусочки данных: настоящее имя и псевдоним, самоходная баржа «Cemetery», сотрудничество с Райзеном, национальная принадлежность… Подключённый к матрице «А2» Хоффман тоже получает всю собранную инфу и сразу же рассказывает горожанам про японское происхождение ликвидированного взломщика. Естественно, возрастают подозрения к азиатам, даже к тем, кто являлся гражданином «Вертикали» в третьем поколении. До охоты на ведьм не дошло, хотя осадочек остался. И вот наступает позавчера, когда узел осеняет своим посещением подозрительная незнакомка. Заложенная давным-давно установка повышает уровень недоверия, ситуацию усугубляет самум и пропавшая «тарелка», желание защитить дом перевешивает законы гостеприимства. «Персонал» решает проверить туриста вопреки приказам босса. Причинно-следственная связь длиной в восемь лет…– Оливер удручённо помотал головой. – А ведь высший прайд хотел заручиться поддержкой твоего предшественника, предложив ему взамен содействие и безопасность. Сколько бы людей тогда осталось в живых… К сожалению, Техник выбрал сторону Джея, твоего упёртого друга, заточенного на уничтожение Скриптрайтера. Из-за того, что в одном един-

ственном вопросе не был достигнут консенсус, мы оказались по разные стороны баррикад. К счастью, разногласия между коллегами-учёными ни в моём, ни в твоём обществе не решаются кровью, и раз Техник нужен был нам живым, стоит задуматься: неужели он погиб из-за своенравного характера Хоффмана, который вновь переиначил мои указания? Или же с Техником расправился Скриптрайтер, которому важно не столько уничтожить оператора, сколько дестабилизировать, посеяв недоверие к Джею? Можно гадать сколько угодно, но военный комитет списал произошедшее на несчастный случай.

Юки прислушалась к эмоциональному фону. Где-то на границе сознания Джей отрицал собственное участие. «Нет, Ю, в тот раз у Скриптрайтера не было права на действие. Дорогих тебе людей я берегу как зеницу ока. Всё, что произошло с Кэзуки – нелепое стечение обстоятельств».

j–J казался непоколебим, став чистой стопроцентной правдой, понятной на уровне метакода. Ронину хотелось ему верить. Верить хоть кому-нибудь.

– «A2», – продолжал Оливер, – старается избегать ненужных жертв. Их природа гуманистична и направлена на то, чтобы гасить необоснованную враждебность. Высоковероятные шпионы и потенциальные диверсанты получают повышенную дозу морализаторства в виде интенсивного и ускоренного во много раз подсознательного диалога. На стандартной скорости объяснять неправоту пришлось бы меся-

цами, а так, за академический час они проходят полугодовой курс самокопания. Ты тоже прошла такой курс, и скажи, разве это не сделало тебя выше в духовном плане?

– Наверное, – ровным голосом произнесла Юки. – Отдаю тебе должное, ты правда отличный манипулятор.

– Вокруг тебя таковых ещё больше. Наверняка обо мне было сказано много плохого, и лишь затем, чтобы ты пошла на «Вертикаль» войной. Таков план Джея – провести тебя сквозь трудности хардкорного режима, добившись тем самым вознесения, если употреблять терминологию «Divinity: Original sin».

«Это видеоигра», – сиюсекундно пояснил Джей.

– Впрочем, «синхронизация» звучит более уместно. У нас же тут, в самом деле, не фэнтези. Что ж, мыслящий комбинаторный крендель своего добился: вы стали почти неотделимы, что наверняка даёт ему греющее чувство безопасности. Его главный принцип – тотальное недоверие к любому, кто не разделяет его цели, но ты его, похоже, полностью поддерживаешь.

– Для начала следует разобраться, что такое Скриптрайтер. Окончательное решение я вынесу после составления полной картины.

– Скриптрайтер – это сложный инструмент воздействия, работающий по принципам, которые мы по большей части понимаем. Зато не совсем понятно, как с ним справиться. Я считаю, им можно управлять, Джей думает, что его можно

уничтожить, а может быть, самое правильное решение – выпустить Скриптрайтер на свободу. Напоминает светофор в концовке трилогии «Mass Effect», только ты, чувствую, выберешь сторону Джея. Это до кончиков ушей меня огорчает.

– Почему ты против уничтожения Скриптрайтера?

– Потому что в целом против уничтожения. Отыскав способ вычеркнуть из структуры мира такой фундаментальный объект, кто даст гарантии, что следом за одной программой не отправится в мусорный бак другая, менее «бесполезная». У вас может появиться инструмент, способный превратить в ничто ненависть или любовь, гранж или классические симфонии; вы будете повелевать судьбой идеалов, идей и идеологий, получите возможность абсолютного избавления без права вернуть утраченное. Желая уничтожить что-то, даже такое опасное, на ваш взгляд, вы как бы соглашаетесь, что абсолютный и безвозвратный конец возможен для всего сущего. Подобный взгляд на вещи пессимистичен, я же, наоборот, неисправляемый оптимист. Мне думается, что полное уничтожение в принципе запрещено, потому что существуют незыблемые условности, если позволите так выразиться. Так что когда вы найдёте победную комбинацию, Скриптрайтер просто достанет руководство с правилами, указав на параграф, который никто не читает, и вновь одержит верх.

– У тебя целая философия.

– Долгие размышления обязаны становиться манифестом, иначе это пустая трата времени.

– Как ты научился работать с метакодом?

– Этому предшествовала череда научных прорывов, – удовлетворённо начал Оливер. – В мою прошлую жизнь наше научное сообщество твёрдо решило заглянуть на нижние порядки физики. Так появилась концепция омниграфических ассемблеров, которая, как ты понимаешь, реализовалась. Наши инженеры проделали титаническую работу, чего только стоит разработка сверхчувствительных резонаторов и генераторов антиэнтропийных полей… Не хмурься, я просто тебя дразню. Когда рассказываешь про сверхсекретные технологии, так и тянет повалять дурака. Чтобы читать развёртку, которую даёт матрица ассемблера, необходим оператор, обладающий, скажем так, мыслительной проворностью. Тупоголовый компьютер, оперирующий нулями и единицами, для подобной работы годится мало. Оператора, в свою очередь, никто не запрещает усиливать технологическими примочками. И вот мы начинаем всматриваться во вселенную, как в текст, но понимаем, что бóльшая его часть – это бессвязные с виду символы, которые не задают никаких параметров и никак не влияют на привычные процессы. Конечно, мы догадывались, что «шумы» в структуре мира присутствуют неспроста, но начать решили с вещей попроще. Мы стали вычислять метакод химических элементов, увидели множество скрытых свойств, нашли способ создания новых материалов, придумали безотходное топливо и ещё кучу полезных штуковин. Даже в психологии были прорывы.

Я понимал метакод лучше многих, поэтому труд мой быстро окупился – сначала мне дали место в руководящем совете, затем вовсе назначили председателем, или, как сказали бы японцы, сэмпаем.

– У нас нет такой должности, – Юки усилием воли подавила смешок.

– Мы стараемся избегать строгих формулировок. Слово «директор» до сих пор звучит для меня как скрежет металла по стеклу. – Оливера живо передёрнуло, словно от ушата ледяной воды. – Короче, общество рвануло вперёд, технологии улучшились, но назначение «шумов» всё так же оставалось загадкой. Тогда я решил заняться экспериментами. Открыл небольшую лабораторию в недрах своей компании и нашёл способ удерживать и перестраивать метакод в различные соединения. При этом я понятия не имел, какие свойства проявятся у этих новых соединений. Это могло вызвать катастрофу, но мне везло. Или же количество фатальных кодировок было настолько мизерно, что шанс уничтожить вселенную стремился к нулю. Короче, я стал подсаживать в живые клетки различные соединения «шумов». Некоторые из них разрушали ДНК, другие ускоряли деление, но в конце концов у меня получилось создать что-то стабильное, однако никаких новых свойств у подопытной клетки не проявилось: она стандартно жила и развивалась. А раз не наблюдается никаких изменений, подумалось мне, значит, можно провести испытание на собственной шкуре.

– Рискованно, – осуждающе произнесла Юки.

– Даже безрассудно, – согласился Оливер. – Просто интуиция подсказывала, что это единственный способ продвинуться дальше. Вначале я не почувствовал ровным счётом ничего: первые три месяца жил как обычно, пока однажды не подключился к матрице ассемблера. Тогда меня втянуло в первородный цифровой океан, и непонятные «шумы» открылись мне во всей своей многогранности. То есть волей случая я вписал в ДНК что-то вроде гена восприятия или интерпретации. В тот же миг меня захлестнула надежда, что я смогу полностью читать структуру бытия, подобно тому, как читал древние майские скрижали профессор Кнорозов. И когда на горизонте замаячил мой opus magnum, случилась «переиндексация», спровоцированная твоим компаньоном. Меня снова поглощает первородный массив данных, а затем выкидывает непонятно куда, хотя того короткого мига хватило, чтобы понять ещё несколько вещей. Первое, у любого объекта прописан индекс местоположения и на него можно влиять; второе, существует огромное количество различных миров со своими злодеями и святыми; а самое главное, что есть захваченный в ловушку Скриптрайтер, который нельзя отдавать в плохие руки.

– Он в надёжных руках. Если у тебя есть советы или предложения, мы с Джеем готовы их выслушать.

– Твоя рациональность подкупает. Таких операторов нужно поощрять.

– Само собой. – поддержала Юки.

– Тебя тоже следует наделить навыком интерпретации. Кто знает, вдруг более полное понимание мировых основ заставит тебя отказаться от идеи уничтожения или поможет найти такой способ победить «зло», который не будет иметь обратной силы. Сделаем из тебя живой компьютер, что скажешь? Ваш тандем станет продуктивнее, а совместная работа – приятнее.

– Дай угадаю: это будет какой-то подозрительный шприц с пузырящимся веществом токсичного цвета?

– Вообще-то, упаковка капсул для внутреннего применения со всеми официальными разрешениями. Разработано специально для организмов органического земного типа. Простите за тавтологию. Хранится в недоступном для злодеев месте – в навесном шкафу над раковиной у меня дома. Весь путь займёт от силы час.

– Гарантии безопасности?

– Разве то, что я сижу перед тобой без оружия, не является проявлением мирных намерений?

– А откуда мне знать, что ты ничего не подмешал в препарат?

– Джей сможет это почувствовать. Он ведь тоже, по сути, чистейшее восприятие. Мне даже напрягаться не пришлось, чтобы это понять. И кстати, ты слышала про теорию игр? Лучшей стратегией считается зеркальный равноценный ответ, из чего следует, что с хорошими людьми, равно как с

плохими, нужно поступать соответственно; те же, кто выбирает злой подход, гораздо чаще оказываются в проигрышном положении. Сьерра дала тебе положительную характеристику.

– А если бы дала плохую?

– Тогда за тобой отправили бы группу захвата.

– Здание рушилось. Никто не стал бы идти на штурм.

– Я говорю не про «Вертикаль». У нас существуют отряды с расширенными умениями, типа телепортации. Сьерре стоило дать отмашку, и тебя бы окружили настоящие профессионалы своего дела. Появились бы из ниоткуда и в несколько скачков спустили на первый этаж. Ты заметила в апартаментах Хоффмана полки со всяческой ерундой?

– Смутно.

– На ней находился маячок, наподобие этого. – Оливер достал из кармана штанов многогранный кубик на силиконовом шнурке. – На первый взгляд обычный двадцатигранный «дайс», но внутри неповторимая метакодовая последовательность. Задаёшь такую в качестве индекса местоположения, добавляешь несколько дополнительных модификаторов – и перемещаешься в нужную область.

– Что служит индексом?

– Асфальтовое покрытие, структура ковра, колебание электрона, безбрежность любви, неотвратимость намерения, волчий вой, скорость, одиночество, число пи… У всего есть кодировка, а значит, у всего есть своё место на бескрайних

просторах бытия. Поиск координат затягивает. Например, можно поделить Вселенную на кубические ячейки с параметрами [x, y, z]. Казалось бы, очевидная для трёхмерной системы координата, но проблема в постоянных изменениях. Из-за расширения с ускорением вбиваемый «адрес» через секунду станет [x1, y1, z1], затем [x2, y2, z2] и так далее. Поэтому за координату лучше брать что-то более статичное, как, например, этот фургон. – Оливер похлопал по крыше. – Конечно, он тоже меняется, постепенно ржавеет и всё такое, но по совокупности параметров он более неизменяем, чем космос. На роль адреса замечательно подходят цепочки валентных связей или взаимное притяжение атомов, что-то информативное, чего не скажешь про космический вакуум с россыпью газовых шаров.

– Что же внутри маячка? Любовь или одиночество?

– Возможно, оба чувства вместе, – тон речи показался больше философским, чем грустным. – Очень знакомая координата для многих из нас.

– Со своим миром ты тоже связываешься через «дайсы»?

– Конечно. Постоянно посылаю информативные сообщения и получаю редкие указания. В этом фургоне находится ассемблер в виде старинной магнитолы. Мне достаточно приложить палец к коннектору – и необходимая информация отправится на приёмники к моим вышестоящим друзьям. Я думаю, что расскажу им о нашей встрече позже, возможно, завтра. Сегодня мы просто пообщаемся, без лишне-

го ажиотажа.

– Что ты им обо мне скажешь?

– Естественно, правду. Что Джей тебя использовал, что его фанатичность губительна, а ты умеешь мыслить взвешенно. И, конечно, добавлю, что ты синхронизирована – так что высшему прайду придётся с тобой считаться. Не переживай, тебя не станут склонять к сотрудничеству. Навязывание собственного мнения может оттолкнуть, другое дело – беседа за чашкой чая и уважение к выбору, который в итоге будет сделан. Ничто не истина, всё дозволено.

«Как же ловко он втирается в доверие», – подумал Джей.

«Полностью согласна».

– Значит, – спрашивала Юки, – ты готов в меня вложиться, даже если я потенциально могу встать на сторону «Авангарда»?

– Думаю, каждая сторона в чём-то права. И давай будем честны: ты всё равно сделаешь по-своему, но сначала выслушаешь каждого, как выслушиваешь меня. Мы никогда не были злодеями. Учёные нашей планеты – Арко-Маре – продвигают идеи пацифизма. Даже боевой прайд старается сократить наносимый ущерб. Что же касается противоборствующих сторон… Агенты «Второго отдела» усугубили ход последней мировой войны, чтобы помешать «S&C» под крылом американского правительства одержать победу. Они боялись монополии, решили, что корпорация в моём лице собирается завладеть человеческой свободой, поэтому уничто-

жили невинное население Земли, просто чтобы избавиться от потенциальной угрозы. Райзен по несчастливой случайности захватил Луну, отдав сайберовскую штаб-квартиру в руки Томпсона, хотя формальным сэмпаем являлся я. Техник вырубал кластеры, потому что Джей убедил его, что Скриптрайтером невозможно управлять, и что я – фанатик, жадный до власти. Со всех сторон в меня летели камни, словно приговор был вынесен заранее, как в фильме «Особое мнение». Затем с «монстром» отправили сражаться храброго, но слегка легкомысленного героя. Здесь бы сравнить с «Shadow of Colossus», но отсылка будет некорректная.

– Какой у Арко-Маре был план после начала Коллапса?

– Высший прайд рассматривал возможность помочь военным в операции против Райзена. Затем наши учёные выделили бы силу эдикта и спокойно продолжили поиск Скриптрайтера.

– Вы бы Бостон лет сто брали, – едкой насмешкой уколол Джей.

– На порядок меньше, думаю, – беспечно ответил Оливер.

– Райзен говорил, что собирается идти против императора, – ровным тоном произнесла Юки. – Может, стоит дать ему шанс?

– Перемирие возможно. Арко-Маре хочет оставить в Рапид-Корде наблюдателей. Впрочем, политика меня не касается. Моя сфера деятельности – раскрытие внутреннего потенциала, особенно у таких славных операторов. Всего одна

просьба: если тебе удастся безвозвратно уничтожить Скриптрайтер, нужно уберечь этот способ в тайне – сама понимаешь, то, что способно изжить со света настолько сложную структуру, должно оставаться в распоряжении одного надёжного хранителя.

– А если я послушаю тебя и найду способ его подчинить?

– Тогда в твоих руках окажется судьба всего сущего. Сьерра нашла тебя достойной, так что поступай как знаешь. – Оливер подался вперёд. – Тебя правда зовут Афина?

– Юки.

Оливер уткнулся подбородком в сцепленные руки.

– Это имя хочется пожмякать. А можешь сказать, какими оно записывается иероглифами?

– Одним. Никаких дополнительных смыслов. Юки – это просто снег.

– Вот теперь мне захотелось тёплого молока с мёдом.

Если его спокойствие – черта характера, а не наркотическое опьянение, Юки накинет ему один лишний балл.

– Надпись на фургоне записана символами твоего мира?

– Верно подмечено, – догадка явно доставила ему удовольствие. – Здесь написано: «НЭКО». Для тебя эта аббревиатура звучит как кот. В японском, насколько я знаю, кот обозначается одним иероглифом, а если записывать хираганой, то двумя. Если не вдаваться в подробности, в моём мире под аббревиатурой «НЭКО» скрывается Научная Экспериментальная Компания Оливера. Экспериментальная не по-

тому, что мы проверяем новые методы научных изысканий, и если что-то пойдёт не так, то сразу свернём лавочку… Это означает, что мы проводим эксперименты, результаты которых публикуем в крупных изданиях. Мы создаём лекарства, которые укрепляют духовные струны и закаляют характер, разрабатываем ИИ и игровые виртуальные миры. Делаем всё ради ментального блага общества. Мы – социум, и мы должны помогать слабым.

– Ты прям белый и пушистый…

– Против собственной природы не попрёшь. – Оливер пожал плечами. – Ну так что, готова прокатиться до моего скромного жилища?

– Поехали.

– Прежде чем мы отправимся, хочу попросить об услуге.

– Вся внимание.

– Оставь оружие и деформатор. Одежду тоже лучше сменить: военная стелс-форма вызовет негативные ассоциации. Могу одолжить запасной халат.

– Есть юбка с топом…

– Прекрасно подойдёт. В тех местах, куда мы отправляемся, довольно жарко. Мы переместимся в научный городок. В том месте царит атмосфера высокоинтеллектуальных диспутов и тихих наблюдений, а милитари-стиль может вызвать ненужное беспокойство. Боевых котиков нельзя подсаживать к добрым. И ещё, – Оливер поднял «дайс» за шнурок. – Возьми его. Повесь где-нибудь, чтобы можно было

вернуться.

Ронин кивнул, поймал кубик и внимательно рассмотрел. Прозрачно-стеклянный, а внутри будто клочки сладкой ваты. Или перистые облака.

– Хорошо, дай мне пару минут.

Юки закатила байк за ограду музея и повесила дайс на ручку. В фойе переоделась, разглядывая местные артефакты. Скелет мамонта оказался её вторым по счёту, хотя музеи она посещала раз десять. Через несколько минут Ю стояла перед спрыгнувшим с фургона Оливером. Тёплый ветер непривычно обдувал голые ноги и ворошил лёгкую ткань клетчатой юбки. А всё-таки для того, чтоб окончательно превратиться в персонажа аниме, чего-то недоставало.

Оливер открыл пассажирскую дверь, прожурчав пенным морским прибоем:

– Следуй за мной, и я сделаю тебя ловцом рыбов.

«Ага, – подумала Юки, – вот и библейская отсылочка».

Они расселись по местам. Старинная магнитола в приборной панели зажглась по нажатию пальца.

– Мы сменим индекс местоположения? – поинтересовался ронин.

– Верно. С помощью архиватора я захвачу область пространства, после чего задам ей новый адрес. Пропишу параметр ровной поверхности, чтобы мы, скажем, не возникли под потолком, затем добавлю ещё несколько модификаторов, чтобы исключить на выходе несчастные случаи.

– Мы можем погибнуть при перемещении? Типа переместиться вглубь горы?

– Логика переходов сложна, и если перемещение будет угрожать нашей целостности, тогда оно, скорее всего, попросту не произойдёт. Тем не менее, лучше перестраховаться.

Прижимая палец к старинной магнитоле, Оливер будто вслушивался в работу омниграфического ассемблера.

– Архивация началась. Можешь отвлекать, всё нормально.

– Мне интересно, как внутри кубиков удерживается оригинальная последовательность, при том в неизменном виде?

– Сам поражаюсь, – улыбнулся Оливер. – Если мы подружимся, у тебя появятся высокие шансы прикоснуться к нашим тайнам. Сегодня ограничимся небольшой экскурсией по внешнему контуру. У нас с допусками строго.

Юки нагловатенько фыркнула.

– На самом деле, ты кажешься не очень формальным.

Оливер лишь многозначительно взглянул на ронина вполглаза. Затем уведомил строгим номенклатурным тоном:

– Архивация произведена. Ввожу «адрес».

Фургон завибрировал, где-то внутри, на уровне мысли. Юки посмотрела на здание музея, которое оставалось совершенно трёхмерным. А потом её резко втянуло в информационный колодец, и она растворилась как Будда в Нирване. После второго раза всё казалось привычнее, или, вернее, спокойнее. Деконструкция шла полным ходом: тебя взяли, те-

бя разобрали, тебя переставили на новое место. Неизменные роли, новые декорации… А затем вернулась трёхмерность, началась с полнейшей темноты, и ронин снова с трудом подавил подкатившую к горлу тошноту.

Привыкать пришлось долго. Дыхание цеплялось за кислород, ушам хотелось поймать хоть какой-то звук. Мир всегда разговаривает, нагружает переживаниями и даёт ответы, а сейчас… Вздох. Пластиковый привкус салона, стеклянный аромат окон. Как будто всё так же и при этом по-другому. Будто воздух того же химического состава, но более… Мятный? Юки попыталась найти в потолке выключатель. Оливер её опередил. Зажжённая лампочка озарила кабину.

– Скоро начну привыкать, – в никуда сказала Юки, а затем повернулась к Оливеру. – Так и знала…

В нём почти ничего не изменилось: лабораторный халат, человеческий облик, легкомысленная улыбочка… Только ушей четыре, два человеческих на привычном месте и два кошачьих, прямо на макушке – большие такие, по всем стандартам манги.

– Логика переходов, – сказал Оливер. – Хорошо, что на Земле мои «лишние» уши исчезают, и плохо, что у тебя не вырастают. Смотрелось бы о-о-очень няшно.

Ведёт себя как кот и говорит как кот. Чтоб идти против него войной, нужно быть последним извергом.

«Ю, соберись».

Ей захотелось потискать уши, но она удержалась. Проверив собственную макушку, убедилась, что у неё действительно не выросли такие же. Жаль? Возможно. А может и к лучшему, что даже после переиндексации она полностью остаётся человеком.

– Для тебя всё происходящее просто игра, верно? – неожиданно для себя задал вопрос ронин.

– Ты путаешь меня с земными котами… – самодовольно произнёс Оливер, открывая дверь. – Конечно, у нас осталось сходство с далёкими предками, и мы можем казаться беспечными, но внутри мы посерьёзнее человеков.

Через плечо Оливер перекинул сумку, наподобие почтальонской, в которую быстро спрятал магнитолу. Жестом пригласил на выход. Слабо освещённый гараж, где-то на пятьдесят мест, объёмным эхом вторил их шагам.

– Мы на террасе плато, примерно в трёхстах метрах над уровнем моря. В стенах имеются лифты, до ближайшего – минута ходьбы. На вершине – научный городок. Немного погуляем, потом зайдём ко мне. Посидим, обсудим планы, когда захочешь – отправлю тебя обратно.

– Ты носишь ассемблер в обычной сумке? – спросила Ю, кивнув на его поклажу.

– А что здесь особенного? Твой вообще умещается в чипсет.

Выйдя наружу, в лицо ударил живой тропический свет, и приветствие высотного ветра отдалось нестройными поры-

вистыми толчками. Когда глаза привыкли, Юки обнаружила перед собой двухполосную дорогу, стиснутую тротуарами. На противоположной стороне – пышная зелёная лужайка, отделённая от пропасти крепкой фигуристой оградкой; далеко-далеко, в низинах, дуга моря обхватывала широкий песчаный пляж с типа-пальмами, но большую часть видимого ландшафта занимал влажный лес, полный экзотических растений, издалека неотличимых от земных. Спиной девушка чувствовала громадину плато и подметила краем глаза уходящий за поворот идеально-отвесный склон. В полусотне шагов выпячивалась из каменной тверди пузатое стекло шахты скоростного подъёмника.

– Поедем на лифте или пойдём пешком? – осведомилась Юки.

– Лучше на лифте – сэкономим полчаса времени. – Оливер загорелся спешным желанием всё объяснить. – Выше по дороге кольцевой разъезд, а за ним пешеходная зона с парками и спортплощадками, но ты же не за этим сюда пришла, верно? Поэтому проще подняться на лифте. В предгорья, кстати, ходит фуникулёр.

Их одинокая парочка шла вдоль каменной стены, под натиском палящего солнца. В воздухе покачивались несколько фуникулёрных тросов. Юки присмотрелась: среди деревьев, почти у горизонта, блестели небольшие городки, но из-за расстояния различить форму зданий было крайне проблематично.

– Вверху есть подзорные трубы, – предвкушая вопрос, произнёс Оливер. – Через них посмотришь, какая у нас архитектура.

Его речь ушла от земной этимологии. Ю воспринимала звучание нового языка и отлично его понимала, но сознание словно бы противилось новому синтаксису. Слишком много странностей… Около музея Оливер говорил по-английски, теперь говорит на своём, который воспринимается то ли как инопланетный, то ли как японский. Нужно было сосредоточиться, уловить изменения, произошедшие после переиндексации. Важно увидеть отличие. Может статься так, что человеком Юки тоже видит Оливера как раз из-за того, что не может отпустить старое восприятие. Возможно, перед ней сейчас на самом деле с ног до головы антропоморфный кот. Тогда тем более, как она сможет увидеть в нём хитрого расчётливого врага?

Лифт потащился вверх. Ниша с чайным автоматом расположилась рядом с кнопками «вверх» и «вниз». Знойные лучи пробивались сквозь стеклянные стенки кабины; Оливер, сцепивший руки за спиной, охотно подставлял им довольное лицо.

– Много ты синтезировал сверхгенов? – после долгого молчания спросила Юки.

– У нас их называют специальными навыками класса. Общее число довольно велико, но польза варьируется между «супер» и «оставьте лучше себе».

– Ты сказал, что вложил в своих людей способность перемещаться в пространстве. Побочных эффектов нет?

– Найденные навыки класса проходят комплексную проверку, – уведомил Оливер. – Большинство из них абсолютно безопасны и идеально вписываются в гуманоидные организмы. Опасна передозировка, поэтому метабиотики следует вводить малыми дозами, чтобы не превысить допустимый предел. Хотя чисто гипотетически, для способного человека предела не существует.

– То есть можно дать человеку безграничные возможности?

– Почему нет? Может, сейчас мы тоже – часть внутренних процессов всеобъемлющего божества или демона? Просто отсюда плохо видно. Муравьеды опустошают муравейники, киты тоннами наворачивают фитопланктон… Существа поменьше служат источником полезных веществ для существ побольше, становясь частью привычных биологических циклов, даже не догадываясь при этом о своём настоящем предназначении. Однако эволюция обязывает их выживать, и вот они становятся продуманней, вырастают в размерах, ищут новые способы защиты и постепенно продвигаются выше и выше, превосходя тех, кто ещё вчера их ел. При этом рамки никем не очерчены. Живому существу, по большому счёту, никакой закон не запрещает разрастись до размеров Вселенной. Главная опасность же кроется в том, что выход на вершину пищевой цепи может поставить существо выше добра

и зла, и то, что земляне до сих пор держатся за эти понятия, вселяет в меня светлую надежду за наше общее будущее.

– Скриптрайтер, – неуверенно произнесла Юки, – он ведь тоже может быть живым существом, которое вышло за рамки?

– Мне всё-таки кажется, что это изначально прописанная функция. Эдакий часовой, следящий за тем, как эволюционируют миры. И если взять его под контроль и отдать под управление идеального оператора, то представь, как много хорошего можно совершить.

– Получается, ты согласен отдать в руки землянина абсолютную власть?

– Твои руки кажутся надёжными, – кратко ответил Оливер.

Лифт остановился. Прогретая равнина плато сонно плыла в утреннем мареве. Вдали мерцали стёкла домиков, напоминающих торчащие из воды акульи плавники. Скаты «плавников» представляли собой лестницы; узкие пролёты вели к квартирам. Ю заметила, что фасады зданий смотрели строго на солнце.

– Поворачиваются на свет, как подсолнухи, – объяснил Оливер. – Солнечные ванны – отличный источник положительного настроения.

Пешеходная дорожка уходила вперёд, брусчатая аллея каймой опоясывала плоскую вершину. Немного поодаль, закреплённая парой балочных подпорок, висела над пропа-

стью застеклённая терраса ресторана. В тенях лиственных древесных крон прятались лавочки, в небе плыли пухлые кучевые облака. На ограждениях через равные интервалы крепились подзорные трубы.

– Оцени, как устроены города, – любезно предложил Оливер.

– С радостью, – ответил ронин. – Сильно отличаются от земных?

– Меньше беготни. Идеальная планировка.

Юки посмотрела в телескоп на простор равнинного дождевого леса. Битым стеклом поблёскивали затерянные в зелени ручейки, просеки автомобильных дорог изящно обходили невысокие холмы. Наведясь на город, Ю настроила фокусировку. Урбанический остров состоял из ярусов и субъярусов плавных биофильных форм – словно ворох опавших листьев поднялся на ветру да так и остался висеть в воздухе. Изящно изогнутые здания вихрем поднимаются выше и выше: весь город – точь-в-точь лабиринт из разорванных на сегменты колец; на террасах и балконах неторопливый ток жизни. В поле зрения попал парк-оранжерея с водоёмом-лодочкой по самому центру, рваные тени полосовали чёрные тротуары, на стадионе верхнего яруса проходил явно любительский матч по явно неземному спорту… Кроме велосипедов и самокатов транспорта Юки не заметила, ну а жители были вовсе неразличимы, разве что в силуэтах явственно просматривалось два нелишних уха.

– Возьми левее, – посоветовал Оливер. – Ещё немного.

Следующий город больше напоминал научный комплекс. Вокруг большого центрального здания в форме пузатого индийского барабана расположились классические здания администрации, слишком строгие и функциональные, чтобы принять их за что-либо иное. Затем шло полукольцо жилых строений, уже знакомой формы спинных акульих плавников.

– В центральном здании удерживается пойманный метакод. Работа сложная, даже опасная, зато невероятно полезная. Научный комплекс уходит на сотню метров под землю. Технология удержания, если что, называется «Рука Бога».

Изнанкой восприятия Юки уловила местное звучание: «Марадона». На лице непроизвольно выступила насмешливая улыбочка.

– Внутри «А2» он тоже удерживается в ловушках, чтобы в нужный момент выстроиться в нужное сознание по подготовленным шаблонам. То есть образ инсайдера вариативен и зависит от конкретной ситуации. Тебе вот попался американский капрал.

– И Нанкин в качестве антуража.

– Если бы ты изначально вела себя иначе, мы могли бы встретиться уже в Сан-Франциско. Но, думаю, в планы Джея не входила наша с тобой встреча, во всяком случае, до момента синхронизации.

Юки оставила телескоп и, разглядывая зелёные низины, спросила:

– Когда мы перемещаемся между мирами, то тоже разбиваемся на фрагменты?

– Чтобы фрагментировать объект, его нужно поместить внутрь специльной установки. Мы именно архивируемся, как бы складываем в файл область вокруг ассемблера, оставляя её при этом цельной информацией. Смена «индекса» вообще одна из самых безопасных процедур. И кстати, нарушать целостность разумных существ запрещено законом.

– А если какой-нибудь психопат решит сформировать из метакода нечто опасное?

– У нас есть перечень запрещённых соединений, которые с большой вероятностью дадут негативный эффект на глобальном уровне. Мы, например, поняли, как сформировать «пожиратель бозонов», из-за которого структура вселенной просто потеряет гравитацию, но ещё раньше мы поняли, как такие частицы уничтожать. Мы, выражаясь языком Джея, заранее ищем контраргументы. Да и вряд ли в нашем обществе найдётся радикал, который захочет устроить конец света.

Аллея тянулась вдоль огороженного края. Они шагали по знойному камню, овеянные ароматными парами чернозёма и влажным дыханием лиственных крон. Прохладные теневые островки растянулись спасительным архипелагом. Вдали, над истомным океаном тропического леса, пролетела стайка абсолютно зелёных возможно-попугаев. Периферийное зрение цеплялось за постепенно приближающийся научный городок: ещё десять минут по кольцу, и они прибудут

в жилой район. На противоположной от городка стороне Ю заметила странную конструкцию с рампами, перилами, пулом и прочими элементами экстремального спорта. Если это скейтпарк, то очень достойный; крытая сцена была пристроена как бы поодаль, но с ненавязчивым намёком, что это тоже часть комплекса. Совсем далеко, на северном краю плато, белела мраморная площадь с небольшим фонтаном напротив какого-то важного здания с приятной дымчатой облицовкой. Искусственных водоёмов замечено не было.

– Ты ходил по сумасшедшим домам, – вспомнила Ю. – Зачем?

– Искал достойного оператора. Во время «переиндексации» я ощутил чей-то внутренний надлом, забившиеся в угол чувства, исполосованные железными цепями несвободы и издевательств. При этом под тоннами торосового льда я чувствовал тягу к жизни, затаённое желание продолжать борьбу. Холод северного океана сковывал, забирался в лёгкие и каменным удушьем тянул на дно, так что человек, который нёс в себе ту ледяную тяжесть, должен был либо сразу покончить с собой после прибытия на Землю, либо попасть в лечебницу. Просмотрев списки пациентов, поступивших на лечение в районе семнадцатого года, я выбил у начальства научно-исследовательскую командировку, чтобы «глубже изучить биохимические процессы». Давай присядем.

Стянув полуботинки, Оливер по-турецки расположился на лавке. Юки села рядом, вытянув вперёд на три четверти

голые ноги.

– За два года работы в сайберах я накопил достаточный кредит доверия, чтобы представительно мотаться по медицинским учреждениям. Корпорация как раз выводила на рынок мой первый земной препарат, который, к слову, обновлял межклеточную сигнализацию.

– Что-то припоминаю, – кивнула Юки. – Кажется, «Sunday»?

– Верно, – подтвердил Оливер. – А затем моим земным руководителям захотелось чего-то более прорывного. В конце концов, многие уже тогда считали меня гением. Но, естественно, им были нужны не очередные чудодейственные пилюли. Сайберам требовалось вывести на новый качественный уровень ионизацию умных квартир, а я пообещал добиться результата, если мне позволят с годик помотаться по свету.

С энтузиазмом отправляюсь к первой лечебнице. Косые ливни в росчерках молний, безопасный закуток дождевика, сонное фойе, меланхоличный администратор с лицом английского аристократа за стойкой регистрации. «У вас есть «колёса?» Смеётся. Понимает, что шутка. Представляюсь специалистом-нейрофизиологом. Насторожённые глаза просят продолжать. Добавляю заветные «S&C». Больше, чем набор букв. Код, такой же как «Apple» или «Versace», заветный ключик к сердцу и опиум для ушей. Проводят к заведующему. Объясняю, что нужны томограммы и прочие ана-

лизы. Сетую на несовершенство психотерапевтических модулей. Намекаю, что «S&C» будет благодарна. Предлагает крепкие напитки. Отказываюсь. Выбираю чай с мятой. Главврач соглашается на условия, получает на ПМК необходимые документы. Через несколько дней, когда формальности будут соблюдены, данные пациентов окажутся у корпорации, а на счетах нужных людей появятся сладко-символические суммы. Перед уходом спохватываюсь, достаю «Sunday» и сообщаю, что совсем скоро это чудо-средство появится в продаже, однако «Stea(i)m and Cyber» заранее готова любезно предоставить скидку. Главврач доволен – он уже слышал про нашу разработку и очень желает сэкономить. Затем, как бы невзначай, у меня появляется просьба: хочу изучить фармакорезистентные случаи, провести вербальный контакт. Желательно полное безразличие, потеря тяги к жизни. Главврач даёт добро. Много похожих пациентов: молодые люди, женщины, старики, неблагополучные, разбитые, суицидальные. Отсечённая от тела духовность. Летаргический сон в состоянии бодрствования. Прошу истории болезней, время поступления и прочие записи. Любая информация важна. Разговариваю с несколькими кандидатами, вижу, что не те, кто нужен, но знаю, что новый препарат постепенно вернёт им стимул к жизни. Оставляю заведующего с наилучшими пожеланиями и бесплатной упаковкой дорогостоящего лекарства. Вылетаю во Франкфурт, потом в Лондон, Санкт-Петербург и Тэгу. Общение по старому плану, результат аналоги-

чен предыдущим: потенциального оператора нигде нет. После перехода между разнотипными мирами внешность может стать любой. Надеюсь, что искомого человека не забрали на опыты правительственные эскулапы. Снова прощание с медперсоналом, снова крепкое рукопожатие довольного главврача.

Нахожу Сьерру в Сиднее. Короткая стрижка, дешёвая одежда от благотворительной организации. Сидит в комнате, рубится в очках виртуальной реальности. Судя по рулевым перчаткам, какие-то аркадные гонки, наверняка с длинными трассами и дорогими машинами. Чувствую, что два года назад касался именно её информационного массива. Всё равно, следует завести разговор – тогда поймёшь точно.

Отдаю себе отчёт, что подавленная анима может дать волю анимусу, если брать в оборот термины Юнга. Осознаю, что нужно быть максимально тактичным и, по возможности, немногословным. Предлагаю соревнование на виртуальной трассе. Сам я больше люблю ролевые настолки, но на безрыбье могу и за руль сесть. Сьерра разделывает меня под орех. Плохо умею водить в рулевых перчатках, да и в VR привык входить через линзы. Очки уж больно отвлекают и нос нормально не почесать. Терплю фиаско за фиаско, пытаюсь вывести на информативный диалог. Ноль реакции. Её волнуют только результаты заезда. Тачки раз за разом рвутся со старта, медперсонал наблюдает вполглаза. Не совсем понимают, чем может помочь совместная игра. Главврач хлопа-

ет по плечу, намекает, что вербальный контакт бесполезен, предлагает попробовать «Sunday». Желает увидеть эффект. Хочет починить центры дофамина. Нет, её безразличие к жизни лежит глубже уровня химических соединений. Первым этапом нужно заполучить внимание и только потом приступать к терапии. Пока её внутренний мир отвергает свет, всё лечение, простите, коту под хвост.

Говорю, что знаю про Райзена, но всё равно не получаю отклика. Объясняю, что есть способ отомстить. Опять ноль реакции. Напрягаю восприятие, стараюсь ухватиться за корень, из которого произрастает внутренний холод. Вижу боль, разрыв связей, падение в одиночество. Говорю про Скриптрайтер, что с его помощью возможно всё, даже вернуть самого важного человека, которого она потеряла. Одновременно снимаем видеоочки, встречаемся глазами. Жду вспышки гнева или слёзы, вижу, что губы дрожат, что подзабытые эмоции пытаются нащупать нужную последовательность нейронов. Безразличие уступает потоку чувств. Разбушевавшийся сель сметает ледяные глыбы, под которыми умирал её океан. Грязный бушующий поток замещает холод. Позже придётся очистить его, но главный сдвиг уже произошёл. «Что такое Скриптрайтер?» – спрашивает Сьерра, и я начинаю объяснять. Говорю, что для его подчинения нужен человек, сильный и бесстрашный, типа неё. Немного думает, соглашается. Связываюсь с юристами, оформляю опеку, выезжаю на съёмную квартиру. После этого начинается второй

этап. Нужно собрать ассемблер, чтобы вернуться в Арко-Маре и рассказать принципал-прайду обо всём, что со мной произошло. Прописываю Сьерре домашнее лечение, оставляю под присмотром умной квартиры и с головой ухожу в работу. А дальше сплошной кошачий труд.

– Где Сьерра сейчас?

– Рядом. По выходным она приходит сюда обедать. – Оливер указал на выступающий над пропастью ресторан. – В этом заведении, кстати, готовят отличное карри. Давай перекусим. Я с вечера не ел.

Присмотревшись к табличке на двери, Юки разобрала «закрыто».

– Долго ждать?

На запястье Оливера загорелся циферблат. Во взгляде блеснула искорка несложного математического расчёта.

– Примерно час, но для меня сделают исключение. Пойдём.

Спустя полсотни шагов они стояли у входа. Кошкоухий персонал разглаживал по столам клетчатые скатерти. Темноволосая девушка заметила ранних посетителей, предостерегающе сверкнув недовольными глазами. Её молодой и высокий коллега в брюках и белой рубашке уверенной административной походкой направился к дверям.

Юки облокотилась на ограждение, рассматривая бескрайний тропический лес. Он будто источал сладость мяты и фруктов, которая едва достигала вершины плато. Интерес-

но, какой аромат стоит внизу? Аркомарцы, наверное, от мяты с ума сходят. Солнечный зайчик, блеснувший на створке открывающейся двери, отвлёк её от мысли.

– Заходи, раз пришёл. Кто там с тобой?

Выглянув из-за двери, официант изучил подозрительную голову, но уже в следующий миг его внимание переключилось на распутно-голый живот и бесстыдно-неприкрытые ноги.

– Первоклассный земной оператор, – ответил Оливер. – Знакомлю с планетой.

– Судя по твоим рассказам, отличий у нас немного. – Официант выглядел малость нервозным, но держался статно и явно был уверен в себе. – Садитесь, сейчас принесу чай.

Юки последовала за Оливером. Бармен за стойкой слушал музыку через здоровенные накладные наушники. Девушка, наводившая порядок, благополучно куда-то испарилась. На каждом столе стоял цветочный горшок формы олимпийского пьедестала с декоративными папоротниками на каждой «ступеньке». Не успели гости усесться, как тут же перед ними возникли пузатые керамические кружки. Ароматом чай напоминал матэ, но отличался от него ярким цветом свежескошенной травы.

– Здесь уютно, – отметила Юки, отхлебнув чаю.

– В этом наше главное стремление. Сосуществование должно быть приятным.

– Недовольные встречаются?

– Скорее бестолковые или ленивые. Из-за правильного распределения ресурсов даже самый последний бездельник никогда не останется без крова и пищи. Как в таких условиях вообще можно быть несчастным?

– Между странами бывают конфликты?

– Государство у нас одно-единственное. Нет, не было никаких мировых революций под знамёнами пролетариата, просто триста лет назад Всенародная Арко-Марская Ассоциация Учёных разработала план идеального общества, который постепенно воплощается на практике. Деньги заменили виртуальными очками полезности, работа регулирующих органов отточена до совершенства, стремление к накопительству держится на уровне средневековой Японии. Наш социум может показаться землянину аномально порядочным, ведь вы привыкли искать лазейки в законах и лёгкие способы нажиться. Нет, никаких осуждений не последует. Просто ваша эволюция пошла по пути менее дружелюбной социализации.

– Что по уровню преступности?

– Основная проблема – мелкое воровство. Некоторые гато, желая сиюминутной выгоды, выносят с предприятий ценную мелочёвку. Чаще всего попытки пресекаются и проводится беседа; в крайних случаях мы прописываем курс препаратов, которые притупляют стремление к преступным действиям. Ионизацию мы вовсе никогда не использовали.

– Куда вы тратите накопленные очки?

– Отправляемся в кругосветные путешествия или на горячие источники. В северных регионах Арко-Маре находятся термы, работающие от гейзеров. «Хорошо поработал, хорошо отдохнул» – вот наш принцип. Самый дорогой товар – это предметы искусства. У меня дома лежит памятный «винил», который до сих пор считается чудом инженерной мысли – папа на него девять жизней копил. Наши творцы готовы работать за любую сумму, но чем она больше, тем значительнее получится сувенир, хотя даже самая простенькая поделка передаёт индивидуальность заказчика. Могу дать ссылку на кабинет хорошего художника: покопаешься в конструкторе, прикинешь, чего хочешь и во сколько тебе это обойдётся.

– Количество начисляемых баллов зависит от сложности работы?

– В целом, полная дневная смена для всех оплачивается одинаково. Основное различие в премировании за особо полезные действия. Боевой прайд обязан держаться в форме, поэтому бонусы им начисляются за трёхкилометровую пробежку или победу в спарринге. Операторам дают очки за каждое найденное соединение метакода, а сумма зависит от сложности информационной цепочки. Официант может получить чаевые от довольного клиента. Фиксируется всё с помощью личных ПМК – они встроены в запястья. Да, – улыбнулся Оливер, – каждый из нас на два процента компьютеризирован.

– А если кто-то из гато захочет купить себе остров?

– Ты снова пытаешься приписать нам земное мышление. Никто из нас не станет покупать одиночество, будь у него на счету хоть миллиард очков.

– К чему такие громадные числа? – удивился подошедший официант. – Считаешь расстояние до соседней галактики?

Перед Юки шлёпнулось меню. Оливер озвучил заказ по памяти.

– Спайси-карри с баклажанами, – и отсканировал запястье на компактном терминале. Примерно такие же использовали на Земле в первой половине двадцать первого века.

– Сколько с тебя сняли? – спросила Юки, открывая меню.

– Пять баллов, плюс столько же авансом за тебя. Сейчас у меня чуть больше трёх тысяч. Думаю, заказать кубик Рубика, который будет складываться в земные пейзажи. Финальный поворот, щелчок – и появляется живой кусочек чужой планеты.

– А что ты имел в виду, когда сказал про девять жизней? У вас есть циклы перерождения?

– У нашего вида происходит нечто вроде спячки. Несколько месяцев мы ничего не делаем, а потом заново берёмся за работу. Девятый цикл, как правило, последний. Человеков забирают одни болезни, нас – другие. Мы уходим, когда в организме становится слишком много философии.

Кружка чая остановилась на полпути. Юки недоумённо моргнула.

– Ты выглядишь довольно молодым.

– Как было мной подмечено ранее, твой мозг упорно ассоциирует меня с земными котами. Присмотрись к моим повадкам, к внутреннему миру, и начнёшь замечать, насколько сильно я отличаюсь от более молодых особей. Советую прошерстить сеть и ознакомиться с историей планеты – наверняка откроешь для себя много нового.

– Какое название у вашего вида? Аркомарцы?

– Инопланетянин, пожалуй, может нас так назвать, но мы предпочитаем гато. Общество, в свою очередь, делится на классы, затем на подклассы со всякими специализациями. Мой класс – гато-саян. Слово не склоняется, а вообще, термин сугубо официальный. В быту нам хватает имён.

Неожиданно нависшая тень поинтересовалась, «готова ли девушка сделать заказ»? Юки выбрала типа-японский карри с курицей. Официант, приняв меню, незамедлительно исчез из поля зрения.

– Ты всегда хотел быть гато-саян?

– В юности я мечтал стать юмористом и выступать с эстрады.

– Стендапером, то есть?

– Угу. Просто люблю архаичные земные словечки.

– Почему ушёл в учёные?

– В глубине души всегда тяготел к наукам. Даже стиль юмора был соответствующим – высокоинтеллектуальным и малость занудным. Сейчас тоже пишу, если настроение есть. Хочешь послушать мою любимую шутку, которую я сочинил

на Земле? В ней присутствует несвойственный гато чёрный юмор.

– Давай.

– Шутка про дилемму вагонетки. Старый эксперимент, изменённые условия, необычная развязка. По рельсам катится… Пусть будет локомотив. На пути лежит один эволюционно-загорелый американец…

– Ты хотел сказать…

– Ш-ш-ш, – Оливер приложил к губам указательный палец. – Будь аккуратнее с определениями. Эволюционно-загорелый американец лежит на рельсах и его через полминуты задавит локомотив. Однако, у тебя есть время перевести стрелку, отправив поезд на соседнюю линию (ты с ужасом наблюдаешь за происходящим из башенки стрелочника). Суть в том, что на другом пути лежит пятеро евроморфных человеков в белых рубашках (намёк на цвет кожи случаен). Какой-то офисный планктон или что-то типа того. Итак, вопрос: оставишь ли ты всё как есть, позволив погибнуть одному эволюционно-загорелому гражданину США или переведёшь стрелку, подписав приговор пятерым бледнолицым? Учти, что время на исходе.

Юки ни секунды не мешкалась.

– Переключу стрелку, естественно. Я же не расистка.

Оливер одарил её задорной улыбочкой.

– Ты быстро догадалась…

– А то, – пожала плечами Юки. – Абсурд и постмодерн.

Всё как мы любим.

Перед Оливером приземлилась глубокая тарелка тушёного с овощами мяса в кольце отварного риса. Юки досталась полная еды лодочка, с горкой гарнира на корме. Следом материализовались плетёные корзинки лепёшек. Столовые приборы незаметно появились минутой ранее.

Ели ложками, подхватывая хлебом наваристое карри. Мясо по вкусу напоминало молодого жирного фазана. Панорамный вид за окнами дарил ощущение головокружительной высоты и начинающегося полёта. К предгорьям медленно тащился фуникулёр.

Доев, Оливер позвал официанта и выписал ему чаевые. Тот обошёлся без ответных любезностей, но сказал Юки, что ему приятно было с ней познакомиться. Его мохнатые уши любвеобильно стояли торчком.

Аллея приближалась к жилому кварталу. Начались плавниковые здания с редкими гато на балконах, на игровых площадках верещала детвора. Одинокий прохожий промчался мимо на самокате. По правую руку выросло пятиэтажное здание обсидианового камня с чёрными окнами. Карниз перетекал в приливную волну крыши, а в его основании блестели прямоугольные стекляшки наружной подсветки.

На карнизе сидела девушка в спортивном чёрном комбинезоне без плечиков. Отталкиваясь ладошками, она припрыгивала к что-то подозревающему голубю. Тот, покручивая беспокойной голубячей башкой, размышлял, продолжать ли

ему бездействовать или, гордо расправив крылья, отдаться на милость ветра. Оливер нервно дёрнул ушами и настойчиво привлёк внимание охотницы:

– Кейтлин.

Кейт жестом попросила не мешать; затем как ни в чём не бывало ещё на сантиметр приблизилась к напыщенной птице. «Сейчас или никогда. Пусть победит сильнейший».

Молниеносным тигриным прыжком она кинулась на типа-голубя, который, предугадав атаку, шагнул с карниза, камнем бросившись к земле, но на высоте второго этажа таки решил, что пора улетать. Опоздавшая на долю секунды Кейт тоже полетела вниз, безо всякой видимой страховки. Казалось, её ждёт как минимум пара переломов, но перед самым приземлением, ловко извернувшись, она с акробатической грацией предстала перед Юки и Оливером на полусогнутых ногах, исполнив спонтанный реверанс. Выпрямившись и дёрнув ушами, «кошка»проговорила:

– Зачем отвлёк? Он был почти у меня в руках.

– Сдался тебе этот глупый голубь?

– Мы целый день придумывали сказки про волшебных птиц. Потом мне стало интересно, вдруг мысли материализуются.

– Ты когда-нибудь перестанешь дурачиться? – укоризненно вопрошал Оливер. – Хорошо, кем был конкретно этот чудо-зверь?

– Имя ему Неуловимый Анкакокл. Поймавшему его он

исполнит одно желание.

– Насколько же бесполезная трата кошко-часов…

– Вообще-то, у меня обед. Остальные тоже собираются.

Оливер проверил часы. Никакой сейчас не обед.

– Какая необыкновенная гостья, – сощурилась Кейт, присматриваясь к Юки. – Похоже, Олли нашёл земного оператора. Хоть бы уши накладные ей приделал.

– Привет, Кейт, – произнёс Джей.

– Привет, мыслящий комбинаторный крендель, – ответила кошкодевушка, умилительно сморщив носик; затем протянула ронину руку. – Тебя как зовут?

– Юки, – принимая мягкое рукопожатие, представилась она. – Ловко ты приземлилась.

– Рекорд всё равно пока что за землянами. Десять километров как-никак. Надолго прилетели?

Азарт нескрываемого любопытства целиком предназначался Оливеру.

– На неделю, – ответил тот. – А наша гостья отправится обратно через несколько часов. Усилю её метабиотиками.

– Когда доложишь гранд-гато?

– Завтра.

– Ты на вид чрезвычайно замечательная, – сказала Кейт, разглядывая земную гостью. – Гранд-гато и принципал-прайд будут довольны.

– Мы едва знакомы, а ты меня уже нахваливаешь.

– Мой субкласс – виджилант, что означает «бдительная».

Ты разоружилась, отключила деформатор, разоделась как подросток и даже не надела накладных ушей. Ты явно не ждёшь от нас проблем и пытаешься быть максимально открытой, а нашим руководителям такое ну о-о-очень придётся по вкусу. Олли ведь познакомит Юки с принципал-прайдом?

– Посмотрим, – неопределённо ответил Оливер. – Сначала подготовлю почву.

Его взгляд зацепился за пыль, которую Кейт насобирала, пока охотилась за Неуловимым Анкакоклом. Ладонь сама собой прошлась по ягодицам размашистыми движениями.

– Сама могу так-то, – сказала Кейт и высунула язык. Взглянув на карниз и никого там не обнаружив, задумчиво скривила губки. – Ещё б чуть-чуть…

«Кошка» выглядела бесшабашной и беззаботной. Юки так и подмывало спросить.

– Кейт, – решилась наконец Ю, – ты помнишь встречу с Техником?

– Кэзуки-сана помню, славный саян. Мило поболтали, ага.

– Что за «подарок» ты оставила в его душевой?

– Что? – Кейт растерянно взглянула на Оливера. – Ничего я не оставляла.

– Подробнее, – мягко проурчал Оливер. – Если это был биоматериал, твои нечеловеческие способности могли попасть в руки землян…

– Я оставила на зеркале своё имя и след поцелуя. – Кейт

рассеянно указала на тот самый ресторан. – Всё, мне пора. Рыбный суп, пшеничные лепёшки. М-м-м. Слюнки так и текут.

– Приятного аппетита! – скабрёзно улыбнулся Оливер.

– Спасибочки. Ты мне, кстати, одно желание торчишь за Анкакокла. – И, подмигнув на прощание, ушла. Надпись на чёрном фасаде собралась в юкином мозгу в «Институт Детского Досуга».

– Целыми днями создают фольклор, – прояснил Оливер. – Пишут сказки, придумывают разные активности.

– Что здесь делает Кейт? Она вроде не гато-саян.

– Присматривает за городком, а чтобы не сидеть без дела, дополнительно взялась помогать в институте. У неё очень богатая фантазия.

– Кейт влетит, если выяснится, что её ДНК осталась на Земле?

– Уже нет – это случилось в прошлой жизни. Тем более, в то время земляне не умели выделять навыки класса. Сейчас, насколько мне известно, вы ненамного продвинулись в этом направлении… – Оливер поджал уши. – Вот ведь бестолковая, так и знал, что где-нибудь напортачит, – и указал на дом в соседнем квартале. – Вон там я живу.

Спустя один пешеходный переход и половину квартала, они оказались у нужного строения. Ю поднялась вслед за Оливером на второй этаж. Вдоль внешней галереи деревянные входные двери с номерами квартир на металлических

табличках, окаймлённых акантовым узором. За затемнёнными окнами схематично угадывалось внутреннее убранство. Под подошвой приятно пружинил плотный дощатый настил.

– Будто в восьмидесятые попала, – не без удовольствия заметила Юки.

– Ты про ваш двадцатый век? Схожести действительно есть. Мы ценим внешнюю простоту. Вычурность зачастую сбивает с толку, пускает, так сказать, пыль в глаза. Но зачем обманывать ожидания, если после первого же разговора иллюзия спадёт? Раньше, когда древние гато только начинали сознательный путь, им приходилось обвешиваться побрякушками, чтобы показать индивидуальность. Теперь, когда наша духовность достигла определённых высот, настало время делиться внутренней красотой.

– Пока что мне нравится, как в Арко-Маре устроена жизнь.

– Приезжай в любое время и проникайся нашим бытом сколько захочешь. Нужно будет выписать тебе карточку класса. Хомо-саян со специализацией универсального оператора. Н-да, с оформлением придётся попотеть…

Издалека донёсся металлический скрип качелей. Оливер прислушался и блаженно вдохнул городской воздух.

– Пахнет неторопливым будничным утром. Завидую цветоводам, работающим в оранжереях – у них всегда хорошее настроение.

– У тебя бывает плохое?

– Расчёты порой утомляют. К тому же, председатель «НЭКО» всегда завален документацией. – Оливер принялся выуживать из кармана ключ. Проворачивающийся замок отвечал гостеприимными железными щелчками. – Чувствуй себя как дома…

Распахнув дверь, он пропустил Юки вперёд. Свежий запах комнаты и натуральной мебели вызвал в груди приятное чувство эмоциональной полноты. Прозрачные окна впускали текучий утренний свет, хотя со стороны улицы казались почти непроницаемыми. Разувшись, Ю прошла в гостиную. У правой стены многосекционная полка со встроенным в неё экраном. Напротив, на обитом флоком диване, сидела женщина без кошачьих ушей и играла в файтинг на обычном джойстике. Прямо по курсу – помещение кухни, за ней – балкон; по левую руку – закуток душевой.

– Доброе утро, – произнёс Оливер.

– Привет, – ответила Сьерра, не отвлекаясь от игры. – Кого привёл?

– Синхронизированного оператора.

Юки представилась, а Сьерра лишь взглянула на неё вполглаза.

– Поздравляю. Буду держать за тебя кулачки.

Затем так же непринуждённо вернулась к игре. Ю поняла, что когда Томпсон обнаружил Скриптрайтер на Луне, шансы Сьерры стать оператором резко упали. Но сейчас ей, как будто, было всё равно.

– Мы посидим на кухне, – уведомил Оливер и, не получив ответа, пригласил Юки в соседний закуток. Они сели за обеденный стол. Всюду царила идеальная чистота, и преобладали насыщенные оттенки обжаренных кофейных зёрен.

Щёлкнула кнопка чёрного электрического кипятильника. Побежали суетливые секунды, за которые Оливер подготовил пустые кружки и насыпал ароматную сухую смесь в прозрачный заварочный чайник. Порывшись в навесных шкафчиках, достал три упаковки пилюль и уселся, наконец, напротив явно заинтересованной гостьи. Баночки с препаратами выстроились рядком.

– В каждой необыкновенная формула, позволяющая развить навыки класса и обрести дополнительную специализацию. Всё запатентовано и одобрено комитетом здравоохранения.

– Что в этой? – спросила Юки, взяв первую баночку.

– Улучшенное восприятие. Доставляется прямиком в ДНК и идеально вписывается во внутренний мир. Каждая доза увеличивает, если можно так выразиться, пропускную способность.

– Сколько потребуется доз, чтобы полностью понять структуру Скриптрайтера?

– Невообразимо много. Впрочем, чтобы победить, тебе не понадобится «полное понимание». Сегодня получишь одну дозу, остальное отправлю, когда ты прибудешь в безопасное место.

– Переживаешь, что препарат перехватят?

– Самую малость, – признался Оливер. – Перестраховка никогда не бывает лишней.

Юки потрясла баночку, отвернула крышку и всмотрелась в содержимое. Подняла одну пилюлю на свет. Напоминало драже в красно-зелёную крапинку: чтоб проглотить такую, даже запивать не придётся.

– Метакод для чтения метакода…

– Суперсила в удобной лекарственной форме, – утвердительно кивнул Оливер.

– Ладно, погнали, – решительно сказала Юки и слопала пилюлю. Сладковатый привкус желатина ненадолго заместил приятные воспоминания о жирном ароматном карри с идеальной пропорцией специй.

– Когда подействует? – спросила Ю.

– Чем чаще будешь работать с метакодом через ассемблер, тем быстрее почувствуешь сдвиги. Самые способные гато открыли специализацию в течение недели. Это всегда индивидуально.

– Много всего операторов?

– Универсальных, то есть тех, что способны читать «шумы», меньше двадцати, но каждый на вес золота. Тебе, кстати, уже сейчас должно стать проще менять «индекс». Когда обсудим дела, можешь самостоятельно попробовать вернуться к маячку около музея.

– Сегодня, пожалуй, пас. Меня вытошнит, если я прямо

сейчас окажусь в цифровом массиве.

– Теперь вряд ли. Препарат даёт устойчивость к эффекту «морской болезни».

– Что во второй? – Юки кивнула на следующую баночку.

– Умение сохранять равновесие, в том числе внутреннее. – Оливер катнул её к Юки. – Одно из лучших качеств гато. Сможешь падать с большой высоты, оставаясь невредимой. Плюс несколько дополнительных свойств попроще.

– Интересно, – недоверчиво протянула девушка, – а у меня уши не вырастут?

– Не должны.

– Ловкость, значит?

– Грация, чувство баланса, умение держаться на сцене и располагать к себе. Перманентная блистательность, отштампованная в светлых недрах передовых лабораторий.

– Чувствую себя подопытным кроликом.

– Ты самый важный на свете оператор. Моя задача – беречь тебя, как зеницу ока.

Оливер непроизвольно дёрнул ушами. Наверняка это продуманный эволюцией механизм, чтобы вызывать у собеседника подсознательное чувство симпатии.

Ронин взял вторую пилюлю. «Ловкость и грация, ага?». Как будто у неё с этим проблемы. Нет, в Юки с рождения было много кошачьего, да и в целом сплошь положительного. Новый метафизический триггер отправился в желудок. Суперсила без использования мутагенов или нулевых элемен-

тов… Идеальный вариант. Спустя два тяжёлых дня она заслужила приятный бонус.

– В третьей, – продолжал Оливер, – способность телепортации. Скажи спасибо Сьерре, которая согласилась выделить для меня пакетик крови. Такая сила имеется лишь у боевого прайда, а теперь ещё и тебе достанется.

– Значит, с помощью силы Сьерры Арко-Маре хочет сокрушить Рапид-Корд?

– Если достаточно разовьём умения агентов. Нужно учитывать кучу условий. А вообще, план борьбы гораздо сложнее.

Тогда вновь заговорил Джей:

– Всем гато-гуерра не хватит сил, чтоб победить одного Райзена. Матросов «Авангарда» перебить они могут, но против капитана силёнок не хватит.

– Поживём – увидим, – благодушно ответил Оливер. – Попытка не пытка.

– Как активировать способность пространственных скачков? – спросила Юки.

– Клавишей «F», – хохотнул Оливер. – Шучу-шучу. Нужно сосредоточиться, стать чистым потоком направленной мысли. Это должно происходить естественно, как произношение слов на родном языке. Поначалу тебя может перенести к чёрту на куличики, так что ради идеального исполнения придётся попотеть.

Юки слопала последнюю пилюлю, ожидаемо не уловив

никакого сиюминутного эффекта. Представила, что перемещается на соседний стул, выкрутила фантазию на максимум… Ни-че-го.

Щёлкнул кипятильник, и Оливер наконец-то озвучил ожидаемый вопрос:

– Чашечку чая?

– Давай, – ответил ронин.

На этот раз чай пах орехами и древесной корой. Какая-то прошибающая на разговор смесь. Юки вспомнила свой самый первый в жизни пуэр, когда от избытка алкалоидов глаза на лоб полезли.

– Мощная вещь, – поставила оценку Ю.

– Помогает держаться в тонусе и располагает к философии.

– О чём ты философствуешь, интересно?

– Обо всём. О долгосрочном и быстротечном.

– Поделишься размышлениями? Обстановка, по-моему, в самый раз.

Оливер уложил подбородок на сцепленные пальцы.

– Что ты думаешь об энтропии?

– Это просто обратный отчёт вселенной и напоминание, что следует жить, стараясь выложиться на максимум.

– Тебя устроит тепловая смерть?

– Исход второстепенен. Главное – стремиться к тому, чтобы совершать как можно меньше ошибок.

– Поступки, которые ложатся на чашу весов… – глубоко-

мысленно изрёк Оливер. – Я вот думаю, что чаш всего три, по количеству основных земных верований.

– Ага, – улыбнулась Ю, – хочешь сказать, что религиозное мировоззрение и взгляды на космическую эволюцию строятся на одинаковых принципах?

– Конечно. Например, буддисты верят в Нирвану. Их заветное желание – всеобъемлющий пустотный покой – сброс оков бытия и слияние с вечным Ничем. Буддистское мышление подразумевает невмешательство, принятие предначертанного итога и самосожжение постоянно страдающего мира. Поэтому буддисты спокойно примут тепловую смерть, которую вселенной Млечного Пути предрекало большинство земных учёных.

Чай её прям вштырил, да и Оливер, кажется, вошёл в раж. Откинувшись на стуле, он урчаще вещал о вечном с лёгкостью заглянувшего за горизонт мудреца.

– Мусульмане верят, что Солнце начнёт вставать на западе, что соответствует второму вероятному исходу: галактики начнут двигаться в обратном направлении, к изначальной сингулярности Большого взрыва. Значит ли это, что наши полумесячные друзья согласны на перерождение во всепоглощающем пожаре? И можно ли назвать происламским разум, который ищет способ перезапустить ход времени?

– Я бы сделала ремарку, но ты продолжай, мне нравится.

Оливер, важно хлебнув чая, выдержал драматическую паузу.

– Христиане же надеются на Рай, что резонирует с идеей достижения баланса. Если так подумать, этот вид мышления желает остановить путь в вечный мрак, завернуть космос в сферу Дайсона, чтобы вечно и счастливо внутри неё жить.

– Неплохо ты перевёл идею Рая на научные рельсы. Как же быть с Адом?

– Ад – это последствие фатальной ошибки, переключение желаемого финала на самый плохой.

– Ага, до меня начинает доходить. Сейчас ты посоветуешь мне принять крещение. На самом деле Оливер Яффе – тайный проповедник Ватикана.

– Я учу задавать вопросы и искать ответы, только и всего. Разве тебе не кажется странным, что спустя миллионы лет развития, человеки всё ещё спорят о выборе между перезапуском, нирваной и утопией? Почему утопию выбирают не все? Считают её недостижимой? Или у каждого своё понимание счастья? И есть ли смысл в принятии вечного небытия?

– Люди не знают, что правильно, вот в чём проблема. Эволюция научила нас действовать наудачу, часто – вопреки здравому смыслу.

– Тогда ответь, какую чашу весов выберешь ты?

– Ту, на которой человек останавливает энтропию и счастливо живёт внутри сферы Дайсона.

– В таком случае перед тем, как подать Скриптрайтеру финальную команду, удостоверься, что не отправляешь мир

на перезапуск или в безвыходное небытие.

«Боже, – подумала Ю, – Оливер либо умная ушастая лапочка, либо самый опасный на свете манипулятор».

– Спасибо за пищу для размышлений, – любезно поблагодарил ронин.

– Всегда приятно делиться вкусняшками.

– А на что копил твой папа? Можно посмотреть сувенир, который он оставил?

– Секундочку, – ответил Оливер и исчез в гостиной. Юки залпом добила сугубо-тонизирующий чай.

– Вот, – он вручил ей чёрно-белую картонную упаковку из-под «винила», на которой изображались аркомарские явно-ноты. – Доставай.

Аккуратно вынув чёрный диск, ронин кончиками пальцев взял его за кромку.

– Что в нём особенного? – поинтересовалась Ю.

– Поверни и посмотри поверх плоскости.

Юки подчинилась, вгляделась в точную копию древнего музыкального артефакта. Перспектива кухни, считываемая периферийным зрением, начала удаляться. Рифлёная поверхность винила поплыла гипнотической рябью. Звуковые дорожки наслаивались друг на друга, точно годовые древесные кольца, а невидимый композитор записывал на них песню, вернее, переносил на пластинку что-то сокровенное, важное, забытое в потаённых уголках разума. Её разума. Юки ощутила встречный ветер, увидела отражённый в зер-

кале неба океанский простор, бескрайнюю синеву, полную кислорода и свободы, а в самом центре маленький, словно бы игрушечный траулер. Возникший наяву сон захватил, как хороший фильм. Затем точка фокусировки смещается, уходит в закутки корабля, в маленькие каютки, где протяни руку – и обязательно кого-нибудь коснёшься; только Юки ещё трёх нету, поэтому каюты кажутся настоящими дворцами. Кэнсин сидит в агуре, играет с ней в дженгу и хвалит, потому что любит сильнее всего на свете… Сейчас он проиграет, специально обрушит башенку. Ведь это было специально, правда? Папа не может проиграть. На руке перчатка-ПМК. Пальцы дрожат, кирпичный небоскрёбик кивает в такт качке. Сейчас Юки-тян спросит: «Кэнсин-тян, почему ты так часто уходишь?» Ответ будет расплывчатым, но правдивым: «Потому что я…» Разыгранную сцену перекрывает резкое падение занавеса. Непроницаемая тьма зажигается, чтобы в следующий миг отступить. Свет аркомарского солнца переливчато касается сознания струнами арфы.

– Изображение исчезло, – недоумённо произнесла Ю.

– На этом виниле не бывает песенок с грустной концовкой. Папа запрограммировал её на хорошие воспоминания. Возможно, именно из-за этого я вырос неисправляемым оптимистом.

Она зажмурилась, отгоняя остатки наваждения. Проморгалась и взглянула в окно. Призрачный покров перистых облаков неторопливо затягивал небо. Пластинка аккуратно

легла на картонную упаковку.

– Эффект мощнее, чем от чая. Как это работает вообще?

– Винил стимулирует гиппокамп, активизируя кратковременную память, и улавливает нужные импульсы, точнее, позитивные. Срезонировав с искомыми воспоминаниями, устройство дополняет их, если есть необходимость. Можно проиграть самые далёкие отголоски прошлого, лишь бы была зацепка. Достройка не всегда точная, зато всегда дарит море позитива или простого человеческого тепла.

– Мне не хотелось, чтобы обрывалось.

– Значит, тебе нужна пластинка, которая вытягивает грустные моменты. Предупреждаю, влетит в копеечку.

– Во сколько именно? – Ю осторожно запихивала винил в картонную щёлочку.

– Папа отдал тридцать тысяч.

– Жаль, что это не в йенах. Постой, ты накопил всего три. Откуда у твоего папы были такие деньги?

– Очки, – поправил Оливер. – Мой папа – Винченцо Яффе – был более уважаемым гато-саян, чем я. Он разработал стратегию развития идеального общества и с самого первого дня знал, как приносить пользу. Его часто награждали сверх меры, хотя у него не было потребности в излишних тратах – вот нужная сумма и накопилась. На самом деле, на Арко-Маре оплачиваются не только кошко-часы, и помимо рабочих бонусов существуют призовые фонды. К тому же, никто не запрещает переводить хорошему гато собственные очки.

– Папа оставил тебе отличный сувенир на память.

– Наш вид обожает изобретательные штучки. – Оливер сделал несколько листающих движений по запястью. – Сейчас скину ссылку на кабинет художника.

– Платить-то всё равно нечем.

– Формы для получения карточки класса тоже отправлю. Зарегистрируешься как саян-хомо со специализацией оператора и способностью перемещения в пространстве. После регистрации нужно будет скачать приложение, которое будет фиксировать общественно-полезные действия.

Юки учтиво кивнула.

– Вроде бы базовые вещи объяснил. – Оливер прогнал в голове всё вышесказанное. – Пожалуй, самое время отправить тебя обратно. Мне ещё в институт нужно забежать, проверить, как ты говоришь, обстановочку.

– Отправляй, раз надо.

– По вечерам заскакивай в гости. Координаты «дайса» от моей квартиры уже у Джея.

– Не боишься, что я появлюсь в неподходящий момент?

– Ерунда. Мы всегда рады гостям. Пойдём, я тебя провожу. – Оливер жестом пригласил её на выход. – Куда двинешься дальше?

– В Бостон. Нужно пообщаться с Райзеном.

– Путь неблизкий. Будь осторожнее на дорогах.

Ю шагнула в гостиную, мельком взглянув на Сьерру. Лейтенант спецкорпуса «Нариньо» с головой ушла в файтинг.

И вдруг, за шаг до прихожей, безразличный голос заставил ронина остановиться.

– Передай Джозефу, чтобы ждал меня.

– Хорошо, – ответила Юки. Тирада про пожирающую душу месть сгорела в черновом варианте.

– Ты не готова, Сьерра, – бестактно встрял Джей. – После потери Глории Райзен научился аккумулировать такое количество гнева, что победить его в честной схватке у тебя вряд ли выйдет. Тем более, без должного уровня самоконтроля.

Плечи напряглись, локоть лёг на спинку дивана. Она повернулась к Юки. Красивое, лишённое изъянов лицо источает уверенность, высокие скулы подчёркивают жгучий взгляд революционерки.

– Посмотрим. Меня опасно недооценивать. Когда я приду, – Сьерра предупредительно обратилась к Ю, – не пытайся защищать капитана.

– Мы с ним мало знакомы. Если тебе так необходимо выяснить с ним отношения – выясняй. Просто есть ощущение, что Райзен мне пригодится.

– Не волнуйся, Джозеф останется жив, – печально улыбнулась Сьерра. – Как бы ни заслуживал он соразмерного воздаяния, придётся себя ограничить.

– Райзен рассказывал, что делал много плохого, но сейчас, кажется, ему по-настоящему жаль.

– Тогда ему было весело – когда он раз за разом отправлял меня в тень. Когда по очереди ломал все мои кости, а потом

пересобирал меня в медицинской капсуле. Тело очищалось от боли, чтобы снова разбиться вдребезги, а разум перемалывался в порошок, погружаясь в беспомощность. Когда тебя насилуют толпой, едва живую, тебе хочется отключиться, навсегда прекратить это жалкое существование. Теперь я тут, и мне хочется взыскать долг. Нет, я не потребую полной компенсации, мне всего лишь нужно притупить отголоски плена, которые касаются меня по ночам. Три незабываемых года… Нужно ответить за унижение, за мужчину, которого Райзен выпустил через шлюз… По полной я отыграюсь позже, на их грёбаном императоре.

– Сьерра, – с барабанной настойчивостью повторял Джей, – ты сейчас не в той форме. Жажда мести выбьет тебя из колеи. Чтобы безошибочно работать с Пространством, нужно сохранять хладнокровие, а ты сорвёшься, когда окажешься перед Райзеном. Сначала полностью очистись.

– Я достаточно себя контролирую. Уже сейчас я сильнее богини, за которую билась. Просто не вставайте на моём пути, когда я приду в Бостон. Пусть каждый держится подальше.

«Она облажается, Ю, – подумал Джей. – Ей не хватит твёрдости духа».

«Пусть решает сама. У неё есть на это право».

– Понимаешь, Джей, – вкрадчиво произнёс Оливер, – в мире Сьерры борьба идёт до полного уничтожения противника. При столь высоких ставках сложно искать компромис-

сы. Пока что я убедил её не убивать Райзена и более гуманно относиться к пленным. Но как запретить сражаться? Политика ненасильственного сопротивления против Рапид-Корда вряд ли сработает.

Ю взглянула в жаркие южноамериканские глаза. В них горел вызов, волчья готовность броситься в атаку.

– Вижу, ты тоже меня недооцениваешь, – холодно улыбнулась Сьерра. – Вся репутация храброй воительницы коту, простите, под хвост. Придётся заново набивать себе цену… Хочешь небольшое представление?

– Давай, – коротко кивнула Юки.

– Ты не пожалеешь. Только без резких движений, ладно?

Снова кивок. Пальцы влезли под ристринговый ремень. Сьерра как ни в чём не бывало взяла джойстик и продолжила игру.

А затем её двойники салютом вспыхнули в небольшой аркомарской гостиной. В свободных шортах и спортивных майках, с чёрными, как предрассветная ночь, волосами до плеч. Множество, созданное по единому подобию. Пространство колебалось, разделение на десятки фантомов искажало правильные геометрические формы мебели и резонировало в глубине души. Ю почувствовала щекой тепло и… спокойствие. «Круто, правда?» – прошептала Сьерра на ушко и нежно обхватила Юки под грудью, как плюшевую игрушку. А ведь даже возразить нечего. Давай, тискай меня, ты заслужила.

– Я люблю, – тихо произнесла Сьерра, прижимаясь к ронину щекой, – так же, как ненавижу. В этом я готова выкладываться без остатка.

Сьерра пахла кофе и ванилью, чем-то бодрящим и ласковым. Ю потёрлась о её щёку, ощутив колкую зыбь мурашек. Хороший выбор для первого раза. Как вообще можно ломать столь чудесное неземное существо?

Копии резко исчезли. Объятия стали памятью. Сьерра продолжила методично лупить виртуального противника.

– Могу удерживаться в сотне мест около минуты. С таким Райзен ещё не сталкивался.

«Ю, самоуверенность её добьёт».

«Джей, успокойся», – грозно подумала девушка и озвучила то, что вертелось на языке:

– Соглашусь, это впечатляет, однако Райзена не стоит недооценивать. Он наверняка будет готов к чему-то подобному.

– Значит, жди развязки. Запасайся попкорном. Надеюсь, я тебя не разочарую.

– Мне понравился инсайдер, созданный по твоему образу. Если ты осталась такой же, то моя симпатия полностью на твоей стороне.

– Спасибо, – благосклонно произнесла она. – Удачи.

Юки шнуровала ботинки, упёршись задом в стену: длина юбки обязывала следить за правилами приличия особенно тщательно. Спустя два узелка, она вышла в любезно распах-

нутую Оливером дверь. Тёплый, безмятежный городок раскинулся на много кварталов вокруг.

– Понравилось у нас? – Оливер стоял с той же почтальонской сумкой, пересекавшей белый халат.

– Ага. У вас прям социализм.

– Тут другой общественный строй, но, пожалуй, по смыслу действительно близко. Советую послушать лекции про историю Арко-Маре со времён катархея.

«Которхея, – он ведь так сказал?»

– Вы находили в своей системе другие цивилизации?

– Обнаружили несколько таких же дружелюбных. Дружелюбность вообще лучшая стратегия.

– В каком смысле?

– Ну, представь, что на астрономической карте существует куча продвинутых цивилизаций, из которых самые высокоразвитые способны невидимо следить за другими. И вот они смотрят, какой путь изберёт чужая планета: выберут ли государства политику невмешательства или же варварски попытаются захватить соседей. А может, они сумеют объединиться, как мы, в одну самую лучшую на свете страну. Могущественные инопланетные наблюдатели молча ждут финального выбора, который сделают их ничего не подозревающие соседи. И если социум выбрал путь варварства, но при этом вышел на уровень технологий, позволяющий перемещаться к другим галактикам, их просто превентивно уничтожают, как паразитов. Включается тот самый «тёмный лес»,

о котором писал Лю Цысинь.

– Хочешь сказать, если человечество посчитают недостойными…

– То велик шанс, что вас уничтожат при попытке колонизировать что-то за пределами Солнечной системы. При наличии достаточно могущественных соседей, подчёркиваю.

– Интересная мысль. Когда ты успел познакомиться с земной литературой?

– Так, листал между делом. Впрочем, книги обсудим в следующий раз. Мои мозги тоже устают от умной болтовни. – Оливер вынул магнитолу из сумки и приложил палец к дисплею. – Стоп. Не двигайся.

Архивация началась. Ассемблер упаковывал её в информативное сообщение. Оливер вот-вот введёт нужные числа и перекинет её к музею в центре Юты. Пустая дорога и ещё несколько дней пути. Это произойдёт сейчас. Одна спокойная картинка сменится на другую. Характеристики человеческого существа сжались до размеров точки, сверхскоростная служба доставки отправила бесценный заказ. Система координат сменилась. Плато Арко-Маре превратилось в праздничную открытку. Сейчас Ю попадёт в жаркие объятия самого марсианского штата Америки и продолжит двигаться к восточному побережью, ловя приветливый встречный ветер. Да ладно, неужели ты правда поверила, что всё пройдёт гладко?

Сцена, заволоченная никотиновым туманом, плыла в скрещенном свете прожекторов. Барабаны задавали темп, гитары аккомпанировали, за ускорением музыки наступала пауза, после которой на авансцену выходил стремительный женский соул. Певица стояла перед старомодным микрофоном, одетая, кажется, в белую рубашку с чёрным галстуком. Что ещё на ней было? Штаны точно. Украшения? Либо таяли под блеском сопрано, либо они у неё попросту отсутствовали.

Сидевшие за столиками зрители пили, резались в карты и переговаривались, заговорщицки подаваясь вперёд, ближе к собеседникам, словно делились какими-то грязными слухами. Вдрызг пьяный громила упирался банданой в барную стойку, мыча что-то на нечленораздельном. Бармен, поставив перед ним кружку пива, в тот же момент выпустил из губ ходившую туда-сюда зубочистку. Спустя колебание атома музыка смолкла. Интимная обстановка вечернего зала нарушилась по самой нежданной причине. Джей позволил Скриптрайтеру внести правку.

Ситуация крайне понятная: если толпа разом на тебя уставилась, значит, у неё имеются вопросы, на которые придётся отвечать. Ю уловила ясный интуитивный отклик, что драка начнётся по первому сигналу, и уже перебирала варианты, чем можно оправдывать столь внезапное появление. Страх перед непонятными вещами до сих пор жив, и принцип «бей или беги» в паттернах поведения стоит гораздо выше ди-

пломатии. Несмотря на серьёзность ситуации, та секунда без преувеличения академического сопрано поразила Юки в самое сердечко.

– Добрый вечер, – сказал ронин настолько доброжелательно, что многие из присутствующих вернули руки, тянущиеся за оружием, обратно на столы. Долговязый мужчина, не ослабляя пристального взгляда, поднёс к губам пенный бокал. Брюнетка на сцене выдохнула всем телом, нарисовав на лице жалость – такое выражение бывает, когда на первом свидании понимаешь, что дальше тебя ждёт сплошное разочарование. Периферийное зрение зацепилось за тлеющую электронную сигару. Вот только слух подкачал. Возможно, сыграла роль дезориентация от пространственного скачка, возможно, Юки слишком поверила в собственные возможности. Ослабленная бдительность перековала цепь событий.

Реальность выключилась в конце уравнения. Масса биты умножилась на скорость удара. Голос вспыхнул как свет.

– Это что ещё за киса?!

Молодость. Энергия. Бескомпромиссность. Стандартный коктейль по проверенному рецепту. Удар в висок. Болевой занавес и тьма.

Юки отправилась в нокаут, понимая, что облажалась. Наверное, большинство боксёров чувствовали то же самое перед падением на ринг. Услышала ли она извинения? Нет, потому что Джей просто следовал заранее прописанной стратегии. Её радовало сейчас лишь одно: если правка допущена,

значит процент выживания определённо отличен от нуля.

В такой темноте даже глаза кошки ничего не увидят. Все чувства шли от кожи, от ступней и запястий. Ю стояла на холодном полу, вернее, висела, закованная в кандалы. Поднятые вверх руки сжимали толстые браслеты металла. Шею душил ошейник, пресекая попытки глубокого вдоха. Легкий запах сырости пригашался эманациями мужского пота. В помещении кто-то был.

Глазам не к чему было привыкать, ушам тоже: снаружи даже звуки не доносились. Полная изоляция. Карцер без окон. Место медленного угасания надежд.

«Скриптрайтер отправил тебя в Солт-Лейк», – осведомил её Джей.

«Это ты отправил», – мысленно огрызнулась Ю.

«Просто извлекаю наибольшую выгоду. Чем опаснее ситуации, через которые ты проходишь, тем больше мой вычислительный потенциал. К тому же, тебе представился отличный случай научиться работать с Пространством».

«Я понятия не имею, как телепортироваться», – умозаключение пробилось сквозь постударный треск, роящийся в черепной коробке.

«Сосредоточение и желание, – прагматично произнёс ПМК. – В идеале, тебе нужно переместиться за пределы города. На худой конец, постарайся избавиться от цепей и пробивайся с боем».

«Джей, ну ты и жук».

«Таковы правила игры. Просто будь собой».

Отлично, сука, сказано. Юки сжала бёдра, приподнялась на носочках, чтоб хоть как-то разогнать застоявшуюся кровь. Ощутив полное отсутствие одежды, вознесла очи к гипотетическому потолку. За вздохом последовал лёгкий тремор сдерживающих цепей. Сколько она провисела? По ощущениям достаточно, чтобы руки заныли. Хорошо ещё, что в её организме работают «битлы». Впереди что-то двинулось. Объект в темноте изменил положение тела. Два голых шага заполонили комнату, очертили периметр. Не только периметр – объём. Где-то два на три на пять, если в метрах. Стук кулака по железу, глухой и исполнительный. Два обратных голых шага и шелест верёвок. Что это? Гамак? Юки собирала всю инфу, какую могла, уже набрасывая план побега. Телепортация за пределы города при всём желании и сосредоточении почему-то не срабатывала. Конечно, всё придёт с опытом, позже, если это позже вообще наступит. Раздался железный скрежет замка. Механизм провернулся четырьмя полуоборотами, и в дальнюю часть подвала хлынул ниспадающий свет.

Эволюционно-загорелый американец действительно лежал в гамаке, такой же неприкрытый, как Юки. Бейсбольная бита рисовала гипотенузу между стеной и полом. Цепь над головой блестела хромом. В свете появился силуэт девушки или, скорее, пацанки в джоггерах и распахнутом универси-

тетском бомбере. Руки вальяжно тонули в карманах.

Освещение слабое, десяток люменов на квадратный метр, однако этого хватило, чтобы разглядеть её во всех деталях: из-под повёрнутой назад бейсболки вырываются травянистые пучки розовых волос, глаза горят, словно под забористой дозой стимуляторов. Мелкие хищные зубки, аккуратный вздёрнутый носик, высокие скулы в летней сыпи веснушек. Две розовые линии под глазами – самая умилительная боевая раскраска. «Похоже, у нас тут конкурс плохих девочек, – подумала Юки, – и меня, кажется, опережают в общем зачёте».

Бита уткнулась Юки в живот. Росчерк ехидной улыбочки легок, как воздушный поцелуй. Голова наклонилась сначала влево, затем вправо, а после, обеими руками опершись на биту, как на трость, девчонка наклонилась вперёд, пытаясь, кажется, отыскать что-то в абсолютной темноте ноздрей. Наконец, выпрямившись, принялась разглядывать ронина во весь рост. Несовершеннолетняя голая азиатка. «Хмм». За нарочито-недоверчивым взглядом безошибочно угадывалось любопытство.

– Зови Харли, – скороговорочкой произнесла она. – Прости, если слишком слабо.

– В самый раз, – ответила Юки.

– Некоторых лучше сразу вырубать. Субкультур слишком много. Все такие важные ходят. Панков терпеть не могу. Спортсменов пачками готова вешать. А ты, значит, за фурри

топишь? Или просто думаешь, что выглядит прикольно?

– Что ты имеешь в виду?

– Ухи, – Харли несколько раз ткнула Юки битой. – С ними слишком заметно. Или это помогает лучше слышать? А правда, что кошки в темноте видят? Откуда они у тебя вообще появились?

Озарения не произошло. Естественно, Ю ощутила, что стала лучше реагировать на звуки, а палочки и колбочки в глазах в разы чутче улавливали свет. Уши дёрнулись – не человечьи, кошачьи. С подачи Скриптрайтера смертельно опасный ронин превратился в милую нэко-тян. Прощай, репутация. Смирившись с внесёнными изменениями, Юки обильно принялась обмазывать Харли толстым слоем вранья.

– Слышала про эксперименты на людях? Меня держали в секретной лабе, вводили животные гены и смотрели, что получится.

– Хм-м, – сощурилась Харли. – А появление из ниоткуда – это как вообще?

– Они там телепорт разрабатывали. Мне удалось до него добраться, только я не совсем понимала, как вбивать координаты. И меня выкинуло сюда.

– Складно поёшь, – Харли битой толкала Юки, как боксёрскую грушу. – Ты ничего такая, крепенькая. А почему одежда на тебе была совсем не лабораторная?

– Потому что они там сплошь извращенцы.

– Извращенцы…– недоверчиво протянула Харли. – И далеко эта сверхнеобычайная лаборатория?

– Я видела только заснеженные горы. Очень похоже на Швейцарию.

– Хм-м. Это ведь где-то за океаном. А может, врёшь?

– Горы там точно были, – спокойно ответила Ю.– Больше ничего примечательного.

Харли, быстро переварив инфу, вернулась в исходную точку.

– Одежда у тебя – кайф. Себе заберу. Трусы тоже.

– Забирай, если нужно, – здесь ей захотелось пожать плечами. – А свободу можно получить? Всегда мечтала работать на крупную банду.

– Это вряд ли. Ты очень понравилась мальчикам и девочкам. На такую кису прям голодные слюнки текут. Называется половой условный рефлекс, так что ждёт тебя интимная глубокость, такие дела. А на тот случай, если ты испаришься, на шейку твою мы нацепили бомбу. Телепортируешься, и чпок – голова машет телу всеми четырьмя ухами. Такой расклад.

– Что со мной будет?

– Разыграем в карты. Достанешься самому везучему. Я, кстати, тоже участвую.

– От меня больше пользы в драке.

– Никакого тебе оружия, киса. Швейцария, говоришь? Или, правильнее сказать, мяукаешь? Если я тебя выиграю, оттянемся по полной. Наркотики пробовала?

– Ага. Опытов с веществами было много. Чем нас только не обкалывали.

– Привыкание возникает. Нигеркулес, как его называют по-умному?

Гамак дёрнулся, и америко-африканец нехотя произнёс: «Толерантность».

– Точно, – обрадовалась девушка. – Никак не могу запомнить.

Харли рассмотрела крепкое чёрное тело. Ему не было равных ни в борьбе, ни в сексе, ни в покорности. Комплекция «кисы» изумляла не меньше, с поправкой на пол: изящная, стройная, подкаченная. Да вообще, азиатов Харли встречала нечасто.

– Хороша в драке, да? – Действие стимуляторов ещё сильнее разожглось в глазах. – Выстоишь против Нигеркулеса?

– Поставь нас в спарринге, посмотрим.

– Звучит как вызов. – Харли вновь щёлкнула скороговорочкой. – Прям будишь во мне интерес. Вся такая из себя загадочная. Говорят, чувство новизны проходит спустя три дня. Потом хочется больше. Страшненьких можно продавать кому угодно, пусть даже маньяку шизанутому, а там пускай хоть на кусочки тебя кромсает и варит с лавровыми листочками. Вообще похер. Такую кису кому попало нельзя. Слишком ты миленькая. Через три дня обычный секс надоест, и что тогда? К чему ты готова?

– А чего бы ты хотела? – Ю коварно набивалась под лич-

ную протекцию.

– Мазохизм, садизм. Учти, унижать в любом случае буду я. Детские комплексы, такие дела. Нельзя мне боль причинять – сразу убивать тянет.

– Многих прикончила?

– Родителей. Любовников. Любовниц. – «Lovers. Loveresses». – Измена – тоже боль. Отдался в чужие руки, ну и скатертью дорога. Впрочем, откуда тебе знать? Ты же ещё ни-ни.

Взгляд Харли опустился ниже пупка. Всё слишком чисто и аккуратно, и ни единого волоска на лобке. Жалко, грудь слишком маленькая, но, может, вырастет ещё? Кроссовки мягко ступали по полу. Харли приблизилась вплотную, уложив ладонь на место, в которое недавно тыкалась бита.

– Твёрдая, – только и сказала она. – Мне-то бейсбол ближе. Долго пресс качала?

– Всё свободное время, пока сидела в камере.

Будь у Юки желание, она могла бы вырубить Харли ударом ноги. Впрочем, нет смысла наживать проблемы, да и было в этой безбашенной девчонке что-то притягательное. Что ж, если ради побега придётся заняться с ней сексом, так тому и быть.

«И без телепортации выберусь», – мимоходом подумал ронин, тут же услышав колкую ремарку Джея:

«Рад, что ты нашла время лишиться девственности, но суть всей этой ситуации – смотивировать тебя на раскрытие

способностей».

«Думаешь, это так легко? Давай оставим сверхъестественные умения на следующий раз. Ты можешь вызвать «Авангард» через ассемблер?»

«Тогда ты упустишь шанс стать сильнее».

«Да не выходит у меня перемещения. Как это вообще делается?»

«Соберись. Продолжай пытаться. Если понадобится, будешь висеть здесь ещё пару-тройку смертей. Только тогда я вызову помощь».

«Отлично, блин. Ты настоящий друг».

Юки в сотый раз представила, как переносится к тому музею, где встретила Оливера. Тихая улица, редкие домики, неухоженные лужайки, газоны, тротуары и перекрёстки. Слишком далеко. Ей хотя бы за пределы комнаты выйти.

Костяшки кулака заехали в верхний кубик. Кошачьи уши недовольно дёрнулись. Харли подняла взгляд, уложив биту на плечо.

– Мечта просто. Хочу такую пиньяту на День рождения.

– Когда у тебя? – спросила Юки.

– Уже прошёл.

Харли с детским интересом давила на живот большим пальцем. Ей нравилась новая игрушка. Пока что. Наконец, она ткнула под рёбра трезубцем пальчиков и нагло взглянула на ронина.

– Чего ты боишься?

– Остаться неудовлетворённой.

– Такая же фигня, – согласилась Харли, нагибаясь ближе. Лизнула шею, губами попробовала грудь. Твёрдый от холода сосок затвердел ещё сильнее. Цепи натирали запястья, ошейник мешал дышать. В остальном, ощущения обалденные.

– Сколько пальцев? – спросила Харли, растопырив ладонь.

– Два, – ответила Юки. – Ещё неплохо бы ошейник ослабить.

Пощёчина средней паршивости прилетела слева. Звонко прогремела выпавшая из рук бита.

– Никаких поблажек, киса. Тебе и так со мной крупно повезло.

Правая рука погладила щёку. Два пальца притормозили на губах, залезли в рот и легли на язык. Харли ощущала приятное тепло дыхания, обволакивающую плёночку слюны, напряжённое от возбуждения тело. Язык скользнул между указательным и средним, принял массирующие движения, потёрся волнами прибоя о фаланги берега. Её пьянило от дофаминового экстаза. Ю почувствовала, что может скинуть цепи, если приложит волевое усилие… Но что-то мешало, какое-то нежелание, или наоборот, желание остаться тут ещё чуть-чуть… Ей не хотелось освобождаться, не хотелось обрывать сцену. Если уйти сейчас, то не придётся ли ей пожалеть о том, чего она не попробовала?

Влажные пальцы скользнули ниже пупка. Харли вошла

без предварительных ласк в нежное, тёплое лоно. Грубые движения отдались в висках, мысли перепутались парашютными тросами. Падение неотвратимо, но хочет ли она этого? Хочет. Очень.

Долгий французский поцелуй сопровождала агрессивная трёхфаланговая мастурбация. «Меня используют, – думала Ю, – но как-то слишком бережно». Интересно, чем занята её вторая рука? Вместо ответа, Харли от души саданула Ю по рёбрам. Удар слева менее болезнен, чем справа, из-за расположения сердца, так что элементы садизма оказались весьма щадящими и почти не сбили возбуждения, кипевшего внизу живота.

Стимулирующие движения пальцев, взаимное скольжение языков и ровный такт ударов. Каждые десять секунд Харли лупит по рёбрам, но, кажется, удары становятся всё более нежными. Ещё пара минут, и дело будет сделано… Предательски скрипнула дверь. В подвале зажегся новый силуэт.

– Развлекаемся? – развязный голос заставил Харли притормозить. Оттянув от груди подтяжки, человек смачно щёлкнул ими по телу. Белая майка, ботинки и брюки. Точь-в-точь лагерный интендант Третьего Рейха или частный детектив из американского агентства. Статен, хорош собой и резок, как жало скорпиона. Густые волосы цвета мюнхенского лагера.

Пальцы Харли изнутри наглаживали прибалдевшую до-

бычу. Голова повернулась к обломавшему веселье приятелю.

– А что, завидуешь?

– Мы же договорились: милашка достанется победителю.

– Я всё равно выиграю. У овнов сегодня удачная неделя.

Озвучив сей факт, Харли освободила руку и демонстративно облизала пальчики.

– Вкусненько.

– Харли, – сказал мужчина, – как она держит удар?

– Получше тебя.

Он улыбнулся, бравадно провёл языком по крайним зубам.

– Врежь ей как следует. Битой.

Юки не сомневалась, что она выполнит его приказ, но надеялась, что ударит не по лицу или хотя бы не в полную силу. Харли ловко подкинула биту ногой, перехватила руками и вожделенно приценилась к телу.

– По груди?

– По рёбрам.

На лице проступила усмешка бесстрашной юности.

– Кавабанга! – прокричала Харли, а затем шибанула от всей души. Рёберная решётка нажала на сердце. Кровь разогналась, и боль пробежала по мышцам. Юки не издала ни звука, только спёрто выдохнула и с ненавистью взглянула на незнакомца.

– Киса с характером. – отметил тот, прочитав эмоцию.

– Ещё раз? – спросила Харли.

– Давай по пузу.

Прислонившись к стене, он наблюдал. Харли, ответственно размахнувшись, без раздумий засадила Юки в живот. Напряжённый пресс стойко перенёс удар.

– Она там как каменная, – по-детски изумлялась Харли. – Может, отдашь её мне? Пожалуйста, Хоакин. Обещаю допросить её по всей строгости.

– Кому бы она ни досталась, допрашивать её буду я… в процессе веселья. Эй, киса, ты волнуешься?

– А есть повод? – спокойно спросила Юки, взглянув Хоакину в глаза.

– Зависит от того, как хорошо ты будешь служить. Ты ведь всё для меня сделаешь?

– Сначала выиграй, потом посмотрим.

– Какая дерзкая, ты смотри. Каким образом ты очутилась у нас? В магию я не верю, но в достижения науки – вполне. Кто тебя подослал? Почему именно к нам?

– Никто. Я переместилась сюда случайно.

– Она что-то про лабу говорила с опытами, – вставила Харли. – Типа сверхсекретные разработки и все дела. Помоему, врёт как дышит.

– Враньё для неё сейчас – последний союзник.

За оценивающим выражением лица таился животный голод. Ему хотелось хлебнуть крови из артериального фонтанчика, послушать пронзительные вопли, увидеть самую яркую вспышку, на которую только способен человек. Храб-

рость – как шкурка мандарина: сними её – и доберёшься до самого вкусного. Рука пошарила в кармане брюк. Блеснула короткая игла инъектора.

– «Liquid Rust – Four». Убивает «битлов» и самую малость ослабляет организм. Мы же не хотим, чтобы ты наделала глупостей.

«Сука, почему именно «LR-4»?»

– Боишься девчонку на цепи? – хладнокровно спросила Ю.

– Вдруг ты действительно какой-нибудь мутант? Мы-то ребята обычные, без сверхспособностей – выживаем подручными средствами. А сидим точнёхонько меж двух огней. Неровен час, завалятся сюда корпоративные армии или пиратская орда. Может, ты тоже из их числа?

– Мне ничего неизвестно про континент. Если у вас есть враги, я готова помочь.

– Ты не местная. Какой тебе резон защищать чужую паутину и чужих пауков? Какой нам смысл брать себе лишний рот? Нет, киса, наше с тобой сотрудничество одностороннее: сначала ты абсолютно всё о себе выложишь, а потом отдашь себя без остатка. Таков удел шпиона. Ничего личного.

Харли, опершись на биту, энергично прыгала взглядом между кисой и Хоакином. Мужчина присел, ощупал Юки бедро. Она вновь попыталась переместиться, зажмурилась и сделала внутреннее усилие. Тщетно. Микроскопическая иголочка попала в вену. «Жидкая ржавчина» ядовитой об-

жигающей струйкой поползла выше. Хоакин похлопал место укола и встал, не сразу. Сначала неторопливо и жадно облизнул там, где больше всего хотел.

– Задорная девочка, – сказал он. – Самое время её разыграть.

– Идём. Эй, Нигеркулес, следи за ней в оба глаза.

– Да, – неповоротливо ответил лежащий в гамаке силуэт.

– Жди нас, киса, – кинула на прощанье Харли, оскалив идеально-белые зубки.

Звуконепроницаемая дверь хлопнула. В наступившей темноте зыбился странный электрический рой. Микотоксины, содержащиеся в «жидкой ржавчине», добрались до мозга, и лёгкое наркотическое головокружение испещряло восприятие шрамами цветных вспышек.

– Харли отвязная, – густым подневольным басом прогудел чёрный человек. – Она будет о тебе заботиться. Хоакин разделает тебя на части, когда ты перестанешь кричать. Все перестают. Если прижаться к двери, можно услышать…

Цветные сигналы вспыхивали зигзагами на невидимой паучьей сетке. Мычание Нигеркулеса обрело чёткие очертания схемы. «Пусть он помолчит», – подумала Ю, ощущая, что шагает с карниза. Со стенок черепа посыпалась штукатурка. Страшно захотелось пить. Вены и зубы зудели, глаза стали как вяленая рыба. Она зажмурилась, пошла по тёмным коридорам без света, пытаясь найти спасительную дверь.

– Если прикажут, я буду драть тебя без остановки. Хо-

рошего нигера хватает на весь день. Плохой нигер играет в бейсбол. С тобой я буду хорошим нигером.

Юки погружалась в мутную глубину. Бармен принялся взбалтывать смешанный коктейль. Железные плиты дверей окружали её, как утопленники. Давай, выбери нужную и постучи, или войди без стука. Главное, не отрубайся. Ты ведь так любишь себя контролировать; так любишь держать ситуацию под контролем… Висок болел, кирпичные стены разума пошли трещинами и крошились, неизбежно обрушаясь в токсичное болото. Кирпичи, железные двери, донный ил и дохлые водоросли. Хочешь вынырнуть? Неужели ты думаешь, что окажешься сильнее химии? Неужели надеешься переступить через алгоритмы, по которым работает организм? Нельзя переписать заложенные эволюцией биологические программы. Стоп. Или можно?

«Джей?»

Молчание. Ты забываешь дышать, Ю. Вдохни, глубже. Пользуйся даром парасимпатической системы. Лишь бы «жидкая ржавчина» не выжгла все кровяные клетки. Зайди сюда. Протяни руку и войди внутрь. Останови рвотный позыв. Если откинешь голову назад, то захлебнёшься. Ну же, терпи. Открой дверь.

Освещение токийского лазарета хлестануло по глазам.

– Со мной расправился Скриптрайтер, – сокрушался Кэнсин. Зуд медицинских приборов резкой болью отдался в извилинах. – Как же жить хочется.

– Не хорони себя раньше времени, – ответил Техник. – Мы что-нибудь придумаем.

– Если ты используешь избитые фразочки, значит, мне точно конец.

Печальная папина улыбка отпечаталась на подкорке.

– Как ты себя чувствуешь?

– Умиротворённо. С каждым днём мне становится легче, словно я неумолимо движусь к точке, в которой очищусь. Сброшу оковы бытия и растворюсь в вечности. Я не хотел быть грязным, чтоб менять мир, не хотел убивать и участвовать в чужих конфликтах. Нужно было сразу отказаться… Нужно было найти свой собственный путь. Ты рассказывал, какой чистый снег на Хоккайдо, как шумит вокруг него неспящий океан. Мне точно не быть океаном, но, может, получится стать снегом. Может, именно этого я и пожелал?

Техник заметил внучку, присел на корточки. Кэнсин сидел на кушетке, свесив ноги.

«Что случилось, Юки-тян?» – спросил дедушка.

«Мне скучно, – ответила Ю и с надеждой посмотрела на папу. – Пойдём играть».

Воспоминание оборвалось. Болотная слякоть комкала сознание в бесформенный клочок. С неба сыпались дохлые птицы. Танкеры сливали тонны мазута. Почему нас делают грязными? Хочешь спросить, кто делает? Обстоятельства, люди. Нет, просто, почему? У кого лежит руководство с пра-

вилами?

«Хочешь остаться чистой, как Байкал?»

«Джей?»

– Попробуй, – сказал Сэтоши-сан. – Но чистыми остаются обычно те, кто обрывает связь с внешним миром. А чтобы его менять, придётся выйти из комнаты.

– Я соскучилась, сенсей, – сказала Юки.

– Я тоже, – ответил Син. – Это правильное чувство. Оно напоминает тебе, где дом.

Озноб накрывал с головой. Поршень сердца разгонял водянистую кровь. Не хватает эритроцитов. Приток кислорода к мозгу дошёл до критического минимума. Тина, железные двери, кирпичи, мазут, водоросли и перья. Тебя выбрасывают из лодки на середине дрянного водоёма и смотрят, выплывешь или нет. Ей нужен путь назад. Нужно добраться до аптечки.

«Джей, могу я сменить индекс местоположения? Введи меня в информационный массив».

«Ты слишком далеко от ассемблера. С такого расстояния даже мне тебя не захватить».

«Что там происходит?»

«Его в карты собираются разыгрывать. Знали бы, что попало к ним в руки».

Внешний мир вспыхивал короткой радиопередачей. Ю пыталась зацепиться за реальность тёмного, холодного подвала, но раз за разом срывалась в разъедающую глубину. Нет

сил открыть глаза. Нет сил существовать. Почти ничего не осталось, и лишь откуда-то сверху донёсся многотонный монотонный голос:

– Если ты откиснешь, Хоакин будет зол. Мне достанется, если ты откиснешь. Пока что не умирай, сделай мне одолжение.

Тяжёлая речь обматывала цепями. Думать становилось невыносимо больно. Ю отрубилась. Уснула. Возможно, выблевалась обедом, который прихватила из другой системы координат. Если провисит недолго, то руки, возможно, останутся функционировать. Руки, впрочем, её сейчас вообще не заботили.

Кандалы расцепились. Юки поймали, взяли под руки и повели. Ватное тело отдалось на чужую милость. В лихорадочном полубреду блеснула ванночка душевой кабинки. Спина ощутила тёплый поток воды. Волосы всё ещё собраны в хвост. Трое одетых мужиков отсыпают скабрёзные комментарии. Им нравится то, что они видят. Здоровяк справа бесцеремонно её развернул, припечатав затылком о стену. Прошибающая струя очищает живот и грудь, неприятно хлещет в лицо. Юки успевает попить, жадно глотает проточную воду. Поток перекрывается, раздаётся смех, тень по центру подступает ближе.

– Проснись и пой, киса. – Пробуждающие шлепки с завидной интенсивностью нахлёстывали по щеке. – Ну же, подъ-

ё-ё-ём.

Ю раскрыла глаза, попыталась перебороть освещение.

– Смотри-ка, всё ещё высший балл. Маленькая сонная звёздочка. Тащите в спальню.

Дом вычищен, точно перед брачной ночью. Кисельное, тягучее утро заливается под потолок. Деревянные ступеньки пробежали перед глазами, как клавиши рояля под виртуозными пальцами пианиста. Её усадили на кровать. Светлая спальня со следами давнишних пыток, трельяж сложной геометрической конструкции и каталка с инструментами рядом. Щипцы, ножи, плеть со вставками металла и пила – всё отполировано до блеска. От всего мутит; и пальцы рук еле двигаются. Не найдётся слов, чтобы описать, насколько ей сейчас хреново.

Одна тень вышла наружу, вторая встала у окна, где-то позади. Раздался щелчок подтяжек, насмешливый выдох носом. Грубые руки взяли в охапку кошачьи уши и в разные стороны потянули.

– Охренеть, правда настоящие. Гуттентаг, потрогай. Хочется вечно жмякать.

– Ну-ка, давай, – признательно произнёс человек сзади и тоже включился в процесс. Впрочем, уши он тискал одной рукой.

– Кошаки вроде урчать должны, – вспомнил Гуттентаг спустя минуту ушного массажа.

– Попроси – поурчит.

– Может, не будем её убивать? Вроде прикольный экземпляр.

– Да ты просто эстет. Мне главное, чтобы рот был.

Мужчины рассмеялись. Да уж, шуточка просто отпад.

– Посмотрим, – озвучил Хоакин отложенный ответ и присел перед Юки. – Как ты, держишься?

– Ага.

– Воистину, передо мной высшее существо. Что стоит в такую влюбиться? Скажи, Гуттентаг?

– Нормальная девка. Давай оставим, задолбал.

– Чего ты такой сентиментальный?

– Каким воспитали.

Во всяком случае, сидеть было приятно. Шикарная кровать с шикарным матрасом, разве что в намертво въевшихся пятнах крови. Впрочем, сейчас Юки променяла бы все удобства мира на возможность драться. Организму требовалось срочно пополнить запасы, а костный мозг что-то не торопился вырабатывать кровяные тельца. И невыносимая тошнота рвётся из пустого желудка. Отличная получилась правка. Одно единственное изменение превращает третий сценарий в отстой.

– Помяукай, киса.

– Ня, – вымученно произнесла Юки.

– Умничка моя. Делай, что прикажут – доживёшь до завтра, а если начнёшь глупить –

Гуттентаг нажмёт кнопку.

– Только повод дай, – автомобильным болванчиком кивнул Гуттентаг.

– Пишет нормально? – спросил Хоакин.

– Идеальный звук, идеальный цвет. Качество Max Definition.

– Лишение девственности нужно запечатлять в медиа. Это будет хороший первый раз. Неделя безостановочной качественной ебли с перерывами на покурить. И во время наших небольших пауз ты мне всё о себе выложишь. Ну-ка, иди ко мне.

Хоакин сел рядом, прислонился и лизнул шею. Ю приняла это как данность – её мысли занимал человек с кнопкой. До него было слишком долго, полторы секунды, возможно, две. От «жидкой ржавчины» превращаешься в живой труп. Легче сдохнуть, чем сделать шаг. Юки чувствовала, как Хоакин притягивает её за ошейник, а затем долго и чувственно засасывает. При других обстоятельствах ей бы даже понравилось: он явно за собой следил, во всяком случае, за зубами. И у Харли все зубки на месте. Жаль, что она не выиграла. Выходит, гороскоп наврал.

Хоакин опустился на корточки, лёгкими пощёчинами попытался растормошить.

– Тебя вырубает, киса. Начинай вспоминать, кто ты и откуда. Будешь врать, я увижу. Ты ведь не испаришься? Не оставишь меня неудовлетворённым? Эй, отвечай.

– Да, – покорно произнесла Юки.

«Нужно вырубить всего двоих, бесшумно и быстро».

Хоакин задом наперёд уселся на стул. Перекрестие рук вальяжно легло на спинку.

– Почему ты появилась из ниоткуда? Неужели правда телепорт? В версию с генетической мутацией не верю – тогда бы ты переместилась без одежды. Или ты умеешь становиться невидимой? Ну же, говори. На кого ты шпионишь и в чём заключается твоя миссия?

Юки пыталась придумать что-то внятное, но любая новая идея казалась ей несуразнее предыдущей.

– Уснула, что ли? Похоже, спящую красавицу придётся взбодрить. Что-нибудь новенькое или старый дедов способ?

Спустя пять секунд молчания, крепкая пощёчина тяжело ударила по скуловой кости. Ю упёрла руку в матрас, удерживая сидячее положение.

– Старым… – сквозь плотную толщу заторможенной реальности прошептала она.

Нужно отвечать на вопросы и делать, что скажут. Ещё необходимо добраться до детонатора.

– Говорят, что боль – неисчерпаемый источник энергии. Если нет сил идти, можно отрезать ухо или палец. Скажи, киса, что тебе отрезать?

– Палец.

Он посмотрел почти с жалостью. Полузакрытые веки, желание придушить её в объятьях. Такая беззащитная. Такая голая. Можно на лоскуты порезать, не заметит даже. Выло-

мать нос щипцами, вычерпать глаза ржавым гвоздём, снять скальп. Юки уловила блеск. Маленькая хромированная гильотинка для сигар села на безымянный палец, как обручальное кольцо.

– Щёлк! – сказал Хоакин.

Что? Она не поняла. А ведь реально укоротил на две фаланги. Пульсирующий сигнал дошёл до мозга.

– Эй, киса, очнись.

– Да, – ответила Ю.

– Ухо или палец?

– Палец.

Влюблённые глаза пожирали её.

– Плевать тебе на пальчики? Бедняжка. Совсем никакая.

Гильотина идеально села на средний. Сука, нужно двигаться. Она чувствовала, что способна совершить последний рывок… Но что на самом деле заставляло её не отключаться? Сила воли? Боль? Желание разнести это место к пёсьей матери?

– Щёлк! – повторил Хоакин.

Нет, сейчас ничего. Гильотина всё ещё на пальце. Сначала даришь жертве надежду, и только потом отсекаешь плоть. Избитая издёвка. Сейчас нажмёт.

– Щёлк. Эй, киса, хорош спать. Мы же так никогда не начнём.

Он убрал гильотину, размял шейные суставы. Медленно поднялся и вразвалочку подошёл к стене. Открыл альков.

Достал кочергу для клеймения скота и компактную водородную горелку. Вернулся на стул. Клеймо охватило плотное синее пламя.

– Раб живёт, пока реагирует; в ином случае его пускают на запчасти. Ты хочешь, чтобы тебя пустили на запчасти?

– Нет.

– Славная девочка. Выкладывай, кто ты. Много ли вас таких и кто вас готовит? «Вертикаль»? Может, китайцы или русские?

– Меня с рождения держали в лабе. Я сама по себе.

– Идёшь в отказ. Как знаешь. У нас в запасе куча времени.

Гуттентаг облизывал высохшие губы. Хоакин бережно водил пламенной струёй по металлу, словно ювелир, огранящий драгоценный камень. Раскалённое до лавового цвета клеймо, казалось, сплошной струйкой прольётся на пол. Хоакин приметился к бедру.

– Считай это не просто меткой. Это знак качества, которым я тебя награждаю.

Гуттентаг держал её за ухо. Хоакин сидел почти вплотную. И вот, в глубокой пропасти сознания, сквозь собственный бешенный крик она услышала зов плоти. Боль подхватила, вцепилась когтями в рептильный мозг, активировала цепочку потенциалов действия, которая добралась до амигдалы, пробуждая инстинкт убийцы. Запах палёного мяса разжёг аппетит. Почему вам так нравится испытывать судьбу?

Ю вырвалась. Ступня впечаталась Хоакину в грудь, от-

правив того в полёт. Спинка стула разлетелась вдребезги. Под грохот упавшего тела Гуттентаг нажал кнопку. Спустя секунду голова отлетит, что будет очень даже достойным концом. Или отличной попыткой к бегству? Ю уловила Пространство – оно стало понятным, как туристический маршрут, оставалось лишь выбрать самый короткий путь, и выбор она сделала безошибочный. Идеальное понимание координатных осей переместило наручники и детонирующий ошейник на несчастливого обладателя красной кнопки. Голова, украшенная котелком, подлетела под потолок. Кровавый фейерверк в честь амнистии. Gutten tag, сучка.

– Что?! – раздалось из гостиной. – Уже всё?

– Сука, нет! – хрипло выкрикнул Хоакин, тут же поймав отключающий сознание пинок. Юки не удержалась, упала рядом, сумбурно принялась обшаривать одежду. Вынула из кобуры ствол, проверила магазин. Экспансивные пули… Шикарно. Подползла к хромированной каталке, бегло оценила ассортимент. Взяла в руку короткий обоюдоострый кинжал. Подкатывала тошнота, глаза застилал ядовитый алый туман. На языке чувствовался странный привкус желчи. Озноб полощет, как тряпку в проруби. Свет тягуче-пресный. Безымянный палец напоминает о себе, как кинутый любовник. Интересно, если б она выбрала ухо, то какое бы он отрезал: человечье или кошачье?

Опираясь плечом о стену, Ю поднималась, рывок за рывком. Шатающиеся ноги подвели к двери. Сейчас бы уснуть,

стоя, как слон. Какой же удобной казалась стена. Нет, нужно убираться отсюда, подключить последние внутренние резервы. Здоровая рука крепко сжимала нож. За дверью послышались шаги. Юки затаилась, напряжением воли удерживая себя от падения в обморок. Дверная панель отъехала, и охранник заглянул внутрь. Сейчас он заорёт, поднимая на уши всех окрестных собак. Как бы не так. Юки всадила кинжал под подбородок, настолько глубоко, насколько хватило запала. Вместо крика – кровавый храп. В глазах остекленелый ужас. Раздался выстрел.

«Держал палец на спусковом крючке… Отлично просто».

С улицы донеслись возгласы.

– Что-то случилось!

– Зови парней!

В гостиной второго этажа никого, за исключением бездыханного тела. Ю перешагнула его, прицеливаясь в лестницу. Пусто. Шагов на нижнем этаже тоже не слышно, зато с улицы суетливые крики и энергичная беготня. Заклеймённая нога и отрезанный палец ноют дуэтом, перспектива размывается, ноги вязнут в мучительном болотном иле. Она вся вязнет, целиком. Пригнув голову, Ю подбиралась к лестнице. Если её заметят в окне, сценарий станет немного хуже. Нужно спуститься по ступенькам, выбраться через окно и бежать.

– С острова никуда не денется!

– Хер её знает. Одному Дьяволу известно, на какие фокусы она способна.

«Остров, – подумала Ю, – уютный районч ик в Солт-Лейк, к которому ведут четыре моста. Идеальное расположение, ничего не скажешь».

Пулемёт заработал слишком резко и беспощадно. Слишком точно. Череда пуль со свистом прошила стены, и Юки упала, отползая за укрытие мёртвого тела.

«Джей, только не говори, что у них тепловизоры».

«Умный дом под моим контролем. Тебя скрывают помехи. Они стреляли с подачи Скриптрайтера».

«Давай ещё рояль на голову».

«Запросы на рояли я периодически отменяю», – бухгалтерским тоном ответил Джей.

«Куда мне попали?»

«Почка. Прости, Ю».

На улице злобно пробасили:

– Какого чёрта ты хреначишь?! Там Хоакин.

Ответа Ю не расслышала, однако стрельба прекратилась. От мертвеца разило кислым потом. Рядом лежала первоклассная штурмовая винтовка, но воспользоваться ею не выйдет: когда долго висишь на цепи, руки перестают слушаться. Юки встала на колено, зажимая рану.

«Щадящий калибр», – констатировал ронин.

«Я надеялся, что они промажут», – ответил Джей, не меняясь в настроении.

«Какая разница? Меня в любом случае прикончат».

«Ни разу не факт».

«Меня плющит, Джей, я почти бесполезна».

«Переместись за пределы города. Сосредоточься».

«Ага. Иди в пень».

Рука с пистолетом покатилась по горке резных перил. Кулак, сжимающий нож, давил на кровоточащую рану. Если они пойдут на штурм, то раскатают её за секунды. Юки села около чулана, типа того, в котором жил Гарри Поттер, и, направив ствол на вход, ожидала развязки. Нет, никто не врывался с автоматами наперевес, так что неизбежное оттягивалось на неопределённый, но явно короткий срок. Юки переползла за кресло в центре зала и притаилась. В паре метрах, в белом классическом камине, умиротворяюще танцевало бледное искусственное пламя.

«Меня выдадут уши», – думала она, прижимаясь как можно ниже. Тёплая струйка крови стекала по бедру. Сколько в ней литров? Около трёх, кажется. Маловато, но такова физиология. Смирись. Кто-то в подобных случаях просто пустил бы пулю в висок. Кто-то, но не она. Мир уходил из-под ног. Болото затягивало, травило миазмами, заражало гнилью. Одинокий человек вошёл внутрь. Нет, следом ещё один.

– На первом чисто! – проорал тот, что в арьергарде. Ю выкатилась из-за кресла, перевернулась на спину и выстрелила четыре раза по перевёрнутым мишеням. Всё ещё идеальное тело. Поза девочки, которая только-только проснулась. Мечта для тех, кто любит глазами. Вид портит разве что пробитый живот, недостающий палец да горящее адовым цветом

чёртово клеймо. «Wheeler». Памятная открыточка из Юты.

Вошедшие – вернее, входившие – почти наверняка мертвы. На улице новая перебранка. Им тоже нужно сделать выбор. Запустите ещё двоих, ну же. Испытайте, сука, судьбу. Пока она не откинула копыта, шоу будет продолжаться.

«В моём случае, «пока не откинула лапки», – мрачно усмехнулась Юки. – Первая в земной истории таврированная кошка».

«Девочка-кошка».

«Ага».

Юки осторожно выглянула в окно, опершись на кресло. Жаркое обсуждение обещало жуткую расправу. Ко входу подогнали джаггер. Без разницы, всё равно конец настанет через минуту. Край, через две.

«Сейчас будет фейерверк, – сказал Джей и добавил. – Постарайся не отключаться».

Пять минут назад он соизволил потратить часть вычислительных ресурсов, чтобы воспользоваться ассемблером. Закодированные координаты отправились прямиком на компьютер «Токио». Рыболовецкий экскурсионный траулер, имевший в закромах две крылатые ракеты, тут же поделился одной. Маэда почти не удивился, лишь влюблённым взглядом проводил переходящий на гиперзвук снаряд, а попугай Пингвин, восседавший на плече капитана, во всю глотку проорал: «Слабоумие и отвага!» Спустя сотни километров, в тот самый момент, когда штурм вот-вот должен был на-

чаться, крылатый корейский демон свалился на гусеничного меха. Вопли ужаса утонули в скрежете металла и падающем перестуке искусственного града.

– Нравится?! – из последних сил прокричала Юки. – Сейчас прилетит вторая! И вообще, у меня заложники!

Раздался бессильный смех.

«Боже, что я несу?»

В этот самый момент открылась подвальная дверь. Харли, утопив руки в карманах, подошла точно к финальному акту. Слегка растерянная мордашка осмотрела помещение.

– Что вы творите, олухи?! – прокричала она в перчатку-ПМК. – Эй, киса, где ошейник? Где, блядь, Хоакин?

– Прости, – полушёпотом произнесла Ю и метнула нож. Харли отшатнулась, ощупала шею и размазала по ней кровавый ручеёк.

– С-ка, – с последним выдохом произнесла она, попыталась ухватить дверной косяк и кубарем полетела в подвал.

Юки бессильно закрыла глаза. Страшно захотелось приложить к лицу кислородную маску, которыми снаряжали древние самолёты. Ещё хотелось теплоты. Ледяные пальцы отпустили пистолет, кровь вытекала совсем медленно, но вытекала. Всполохи искусственного бледного пламени будто затягивали в загробный мир. Проход открыт, плата внесена, лодочник учтиво отряхивает лавку. Переплыви Стикс – и обретёшь покой. Страшным усилием Юки перебралась в кресло. Кайф. Просто кайф. Лучше, чем койка хосписа. На

фоне сплошной белый шум. Нет, что-то ещё.

Эволюционно-загорелый сапиенс по ступенькам поднимался из подвала, держа в руках дважды окровавленный нож.

– Что ты наделала? – проревел он и сорвался на крик. – Что ты наделала, дрянь?!

Ю пыталась приподняться на подлокотнике кресла. Кровяные струйки пропитали тканевую обивку, и рука соскользнула. Их глаза встретились.

– Мне жаль, – сказала Ю. – Харли была клёвая.

Нигеркулес подошёл быстрыми, хладнокровными шагами и ударил снизу. Юки попыталась выставить блок – или подумала, что попыталась – но лезвие вошло в живот, куда-то в район печени. Спустя секунду чёрный гигант повалил её на пол, сел сверху и начал обеими руками душить. Его затвердевшее достоинство рисовало на её животе кровавые узоры.

«Умираю от рук обнажённого верзилы с эрекцией», – иронично подумала Юки.

«Такой себе конец для героя», – прагматично добавил Джей.

Действительно, вообще не дело. Ю, подключив оставшиеся ресурсы, умудрилась извернуться и засандалила Нигеркулесу коленом между ног. Хватка ослабла, лицо отразило гримасу боли. Юки со всей оставшейся дури врезала лбом по носу. Такой удар носорога вырубит. Теперь точно, всё. Она с сотрясением мозга стала погружаться в темноту.

Звуки и цвета постепенно становились далёкими, за фибрилляциями сердца последовала остановка, и разум, в панике пытаясь схватиться за кислород, сорвался в пропасть. Вот и конец. Долгий момент падения, разложение белка и заполнение черепной коробки углекислым газом. Она больше не человек, она – процесс. И её это вполне устраивало. Страх ушёл быстро, на смену ему пришло принятие. Да, она облажалась, не смогла смотаться от шайки психопатов и теперь в луже крови заканчивает Путь. Ей захотелось попытать счастье ещё разок, не начинать с контрольной точки в другом сценарии, а быть здесь, разнести местную шоблу и выйти сухой из воды, как в Сан-Франциско или Городе ангелов. Но она не могла вернуться и мысленно согласилась на забвение. Давай, мозг, выключайся.

«Джей, – подумала она, – прежде чем ты исчезнешь из этого сценария…»

«Всё, что угодно, Мияке-сан».

«Музычку».

Джей выбрал «Plastic Love», и она не возражала. Песня, растянутая по перспективе восприятия, кажется, заполонила весь разум без остатка. И до чего же ей приятно было осознавать в последнюю минуту, что её мир уменьшился до размеров одной песни.

«У меня для вас две новости, господа, – подумал Клаус, глядя сквозь собственное отражение. – Обе хорошие. Пер-

вая: оператор почти синхронизирован. Вторая: я догадываюсь, куда делся Скриптрайтер.

Хирург встретил доставщика, принял мешок и быстро упаковал тело. Затем, ремнями прицепив ронина к летающему аппарату, отправил к «Хаммеру». Клаус стоял к нему спиной, молча разглядывая развороченные городские пейзажи.

– Почему Джей отп'авил её на ве'ную сме'ть?

– Решил таким образом раскрыть потенциал.

– А 'аз девчонка не выжила, значит, его план п'овалился. Или я что-то упускаю?

– Есть у меня стойкое ощущение, что нашу временную линию разделили на несколько одинаковых.

– И что?.. – начал было Хирург, но быстро сообразил, что к чему. – Ладно, понял. Она хо'оший кандидат?

– Исходя из беглого осмотра, у неё прекрасные показатели. Кстати, её зовут Юки. Она обожала кораблик, на котором жила, много думала об отце и друзьях, и очень жалела, что ей сложно влюбиться. Догадываешься, что в зашифрованном сообщении?

– Даже п'едположить боюсь.

– Скорее всего, там индекс, и он чертовски мрачный. Сейчас Виктор загрузит информацию в ассемблер, и я начну дешифровку. А после нам останется самое неприятное из дел – сидеть и ждать.

– Ну тогда идём к машине.

– Дай докурить.

Хирург понял, Клаус не спешил шагать через кладбище: относительно свежие мертвецы здорово сбивали математический настрой.

Коридор заполнили глухие шаги.

– Долго будете здесь торчать? – на ходу спросил Макс.

– Подождём, пока тела прогорят.

Метафорой вспыхнул сигаретный пепел.

– Мне опять ничего не понятно, – нервно произнёс парень, взглянув в ту же точку, что и Клаус. Даже в таком виде Сан-Франциско впечатлял. Клаус решил прояснить картину:

– Перед прибытием на Землю меня помотало по разным системам, некоторые из которых на моих глазах нашли свой конец. Не знаю, обрели ли они новое начало, или канули в небытие, но сам тот факт, что Джей позволил Скрипрайтеру «подчистить хвосты», говорил о том, что он пошёл на сделку, и сейчас я, кажется, понял, в чём она заключалась. Если всё именно так, как можно предположить, нашу временную линию разделили на несколько одинаковых сценариев, между которыми имеется какой-то интервал. То есть у оператора есть несколько попыток начать прохождение с контрольной точки.

– Серьёзно? – скептически произнёс Макс.

– Абсолютно, – ответил Клаус. – Игра идёт по определённым правилам, одно из которых я понял только минуту назад.

– То есть сейчас она строит из себя героя в похожей вре-

менной линии?

– В идентичной. Различия могут произойти только с позволения Джея. Он рассчитывает на то, что оператор достигнет синхронизации в ближайшие дни, но даже после этого, исходя из своей симбиотической природы, Джей не станет останавливаться. Внутренний рост не имеет потолка, так что высоки шансы, что наш общий друг постарается отправить девчонку на границу жизни и забвения, а нам предстоит её оттуда вернуть.

– Это же безумие, – произнёс Макс, начав понимать суть. – То есть нам оставили координаты смерти?

– Умирания, говоря точнее. Джей подведёт её к краю, а нам он предоставляет возможность сохранить сыгранный дубль. Если оператор вернётся из небытия, то получит редкое и очень значимое для достижения совершенства качество личности. Остаётся всего лишь переместиться к ней и успеть откачать… Конечно, в сообщении может быть закодировано всё, что угодно, но, зная Джея, и то, как хорошо он умеет рассчитывать вероятности, план должен заключаться именно в этом. – Клаус вынул зубами новую сигарету. – Ладно, идём.

В воздухе висел тяжёлый запах горелой плоти. Сквозь него панически вспыхивали рваные отголоски затухающих человеческих сознаний.

– А вообще, – спрашивал Макс, сидя на ограждении тре-

тьего яруса, где-то между Рино и Сан-Франциско, – разве то, какие чувства испытывает человек при уходе из жизни, не будет различаться в зависимости от ситуации? Здесь её подстрелили, в следующем дубле собаки загрызут.

Шероховатый шёпот пустынных равнин зыбился фоновыми шумами.

– Эмоции – это шаблоны, к кото'ым добавляются надст'ойки, – отвечал Хирург. – И по-настоящему смелый человек, вне зависимости от ситуации, будет иметь, так сказать, неизменяемый сте'жень. Так что коо'дината в данном случае – не какие-то абст'актные ощущения или кад'ы п'оносящейся пе'ед глазами жизни. Это, если объяснять максимально сжато, условная функция, полученная путём умножения её неповто'имой х'аб'ости на константу забвения.

Макс взглянул поверх гор, в ясную голубизну неба.

– Почему не оставить в качестве координаты цепочку ДНК?

– В множестве ми'ов может существовать множество идентичных людей, а чтобы сменить индекс местоположения, нужно вбивать неповто'имое число. ДНК можно добавить к индексу в качестве дополнительного па'амет'а.

«Хаммер» с убранными дверями стоял неподалёку. Три дня назад Клаус отправил тело ронина на марсианскую базу, а после этого занялся оставленным сообщением. Откинувшись на пассажирском сиденье, он выделял нужную цепочку метакода из плотного информационного массива, большую

часть которого составляли «шумы». Виктор дремал сзади, высунув голые ноги. Его ботинки пристроились у колеса, по-собачьи вытаращив языки носков.

– Хорошо, – взгляд Макса пробежал по череде опор многоярусной трассы, уходившей к горизонту. – Как Клаус поймёт, в какой момент перемещаться? Как мы узнаем, что жизнь той девчонки висит на волоске?

– Когда опе'атор вбивает п'авильный индекс, он ощущает 'езонанс.

– То есть он почувствует точку, в которую должен переместиться, в режиме «он-лайн»?

– Именно так.

– Клаус поэтому зовёт себя Координатором? Из-за способности менять индекс?

– Всё немного д'аматичнее. Он так назвался, потому что ищет уникальную коо'динату, кото'ая ве'нёт его домой. Пе'еби'ает спект'ы акустических осцилляций, 'азбивает на составные части акко'ды. Ищет то самое звучание… Энн иг'ала на клавишных, и Клаус надеется, что почувствует 'езонанс музыки.

– А потом?

– Забе'ёт её на Землю.

Макс промолчал. Невадское утро постепенно набиралось сил. Хирург подошёл к краю, благоговейно глядя на бескрайнюю пустыню.

– П'иятно отдохнуть от цивилизации. Никакой суматохи.

– Меня устраивает шумная компания, желательно, женская.

– Тогда тебе стоит жениться.

– Вообще не смешно, – последовал серьёзный ответ.

Со стороны «Хаммера» донёсся голос.

– Готово, – произнёс Клаус, выбираясь из машины.

– Что дальше делаем? – неторопливо спросил Макс.

– Ждём. Думаю, сейчас Джей бросает её на вилы обстоятельств.

– Отлично сказано, – холодную усмешку озарило восходящее Солнце. – А если она отъехала в башне «Лос-Фелиз»? Мы что, перенесёмся в пентхаус прямо на «Хаммере»?

– Почему нет? – улыбнулся Хирург. – Места там достаточно.

– О'кей, – махнул Макс, – проверю экипировку.

Уже через полминуты он стоял с автоматом наперевес. Нацепив на портупею гранаты, вернулся к ограждению трассы.

– Как всегда на взводе, – отметил Клаус.

– Нам же нельзя терять времени, верно?

Клаус одобрительно кивнул. БК «Хаммера» подал звуковой сигнал.

– Вот и 'езонанс, – озвучил Хирург очевидный факт. – Даже ждать не п'ишлось.

Виктор, нехотя приняв сидячее положение, стал обуваться.

Мужчины расселись по местам. Клаус, дистанционно управлявший ассемблером, начал архивацию области. Лишь бы ничего не сбилось. Вирцу требовалось держать в уме огромную последовательность, бесстрашное чувство принятия, смешанное с холодом надвигающегося забвения. Предстояло бросить себя во тьму долгого падения. И чем больше проходило времени, тем страшнее была темнота. Нет, нужно перебороть себя, безошибочно вбить индекс и прийти на помощь. «Хаммер» сжимала невидимая сфера, архивируя его вместе с пассажирами, разум переставал различать фантазии и реальность. Каждый стал частью одного большого откровения, встав на развилке бесконечности дорог. Нужно выбрать путь. Вот бы найти дорожку, которая ведёт к Энн. Лесная тропинка, пение птиц, влажный запах реки и тёплый попутный ветер. Нет, сейчас дорожка нужна другая, ровная и скупая, как последняя кардиограмма. Клаус задал индекс. Расцелованная Солнцем трасса вмиг опустела. Знойная западная Невада сменилась прохладной северной Ютой. Пассажирам не требовалось времени, чтобы привыкать. После перемещения они сразу же начали действовать.

Сквозь темноту морга пробился разряд. Вибрация барабанных перепонок передалась в височные доли. Сигналы длинные, как от гиперзвуковых пуль. Мария Такеучи только-только закончила первый куплет.

Даже сейчас, в таком состоянии, снаружи улавливалась

какая-то ненормальная активность. Раздались матерные требования бросить оружие, за ними последовали выстрелы и панические крики. Мальчики веселились на полную катушку, но ей было плевать. Она просто растворялась, как Будда в Нирване.

«В том доме!» – прокричал знакомый голос. Где она его слышала? «В скором будущем перегрузка пассажиров упадёт до двух g. Это станет возможным за счёт новых компенсаторов давления, установленных в салоне и кабине пилота. Сейчас я объясню вам принцип работы…»

Старые передачи из прошлого. Их ведь ещё называют передачами? Ю хотела прокатиться на космическом корабле, посмотреть на Землю из того места, где высота становится расстоянием. Как же ей сейчас было хорошо. Разве что плавному течению музыки мешали посторонние звуки, и ток остаточных мыслей назойливо напоминал о тяжести бытия.

Хирург влетел в дверь, держа в руках медбокс – такую двадцатикилограммовую бандуру со встроенной в конструкцию ручкой-штангой. Главные «плюшки» внутри. Голый чернокожий верзила в отключке, рядом голая кошкодевочка. Вечеринка у них тут, что ли? Медбокс выпустил длинные ножки по типу коньков, расположился над полумёртвой азиаткой. Затем коньки удлинились, чтобы аппарат мог ездить по ним, как по рельсам. Легче было приделать медбоксу колёсики. Глупости. Хирург пригасил инженерное начало; отбил команды на выдвижном сенсорном экране. Сканирую-

щие ниточки света оббежали японку с головы до ног. Нейроны живы. Естественно. Прошло две минуты двадцать две секунды. Если бы ассемблер быстрее производил архивацию… Что теперь? Сначала откачиваем углекислый газ, затем впрыскиваем кислород. Парабиоз в начальной стадии, клеткам ничего не угрожает. Микроскопическая игла вонзилась в шею. Веки среагировали на внешние раздражители – дружно скажем спасибо благам современной медицины. Две минуты двадцать шесть секунд. Сердце? Кровь ещё не успела застояться в желудочках, можно сразу запускать. С помощью адреналина? Конечно, нет – неврологи не одобрят. Обычная реанимация, два нажатия в секунду. Компактный механический утюжок лёг чуть выше груди и чуть левее солнечного сплетения. Пневматический массажёр начал разгонять кровь. Эритроциты на минимуме. Тяжко ей было дышать, наверное. Тромбоциты тоже выжжены. Пустая, как шляпа фокусника. Ничего, сейчас процесс пойдёт. Две тридцать пять. Ниже. Справа. Клинок сел плотно, как в ножны. Хм-м. Рассечена воротная вена печени. Вынимаем нож, зажимаем канал. Манипулы прибора производили действия, движение механических щупалец последовательны, как танец. Эдакий высокотехнологичный осьминог. Всё чётко, можно полностью переключить на искусственный интеллект. Нет, нельзя скидывать ответственность на автомат. Когда удалим гематому, можно зашивать. Группа и резус-фактор? Ага, ясно. Это не кровь даже – подкрашенная водичка. Вводим микроэле-

менты, полезные вещества и дозу «битлов». Кстати, бесплатно. Две сорок две. Не работа, а мечта, правда, Артур Григорьевич? Он усмехнулся сам себе. Дальше? Пробита почка. Калибр пять пятьдесят шесть. Прошла навылет, оставила последствия. Гемодинамические нарушения минимальны. Удаляем загрязнение, накладываем швы. Хирург внимательно следил за показателями. Главное, чтобы не вставала резко. С другой стороны, у неё и не выйдет. Девчонка должна чувствовать себя, как жёваная жвачка. Веки дёрнулись, кошачьи уши тоже. Приборы показывали медленную нормализацию давления и пульса. Мозг? Хорошо, что кома была неглубокой. На сдачу впрыснем витамины. К слову, котики сами вырабатывают витамин С. Интересно, она теперь тоже может? Ах да, ещё палец. Неплохо бы пришить.

– Викто'!

– Артур Григорьевич?

– Найдите, пожалуйста, её палец.

– Секунду.

Две фаланги переместились Хирургу в открытую ладонь. Сшиватель плоти (вообще-то, хирургическая игла) прошлась по отсечённому пальцу. Через минуту кровоснабжение должно нормализоваться. А если нет? Глупости. Приборы не врут. Три минуты тридцать три секунды с момента отключения. Достаточное время, чтобы понять, каково на той стороне. Хирург деактивировал медбокс, поставил рядом. Уселся в чистое кресло.

– Остальных откачивать? – спросил он в микрофон умной перчатки.

В ухе раздался голос Клауса: «Работорговцы, чёрные трансплантологи, немного садисты. Плюнь на них».

– Понял.

«Как оператор?»

– Как швейца'ский сы' без ды'ок. Уже без ды'ок.

В камине колыхалось бледное пламя. Над циферблатом наручных часов возник голографический экран. Что тут у нас? Двое в отключке, по штуке на этаж, имеется тело без головы, плюс двое с огнестрелом и двое с ранениями в шею. Можно, в принципе, спасти всех, у кого на туловище осталась голова. С другой стороны, Клаус против. Да и клятву Гиппократа Хирург не давал. Нужно тщательнее проработать данный вопрос – про спасение негодяев, не про клятву. Подонки или нет, а даже преступнику следует давать второй шанс.

Юки с трудом разлепила глаза и увидела потолок. Заторможенно моргнула. Посмотрела вдоль пола, заметила крутые походные ботинки. Устало взглянула выше. В кресле непринуждённо восседал немного несуразный человек с торчащими ушами, пухлыми губами и крупным мясистым носом. Блеснуло колечко золотой серьги. Свернув голограмму, мужчина принялся рассматривать её беспристрастным взглядом врача. Никакого вожделения, никакого акцента на груди или том, что у неё между ног. Готов к проведению пла-

нового осмотра. Юки приняла сидячее положение, пытаясь сообразить, что от неё требуется. Нужно было сказать.

– Аригато, – она неторопливо помассировала лоб. – Мутит не по-детски. Можете сделать одолжение?

– Поп'обую, – ответил Хирург.

– Девушка в подвале. Если спасёте, буду благодарна.

– Хо'ошо. Полежи минут пять. Тебе в'едно двигаться.

Взяв медбокс, доктор направился в сторону подвала. Юки, опершись на кресло, поднялась. Пришибленные чувства постепенно вспоминали, что такое равновесие. Шатает, точно ступаешь в шторм по палубе «Токио». Она добралась до двери и вышла в солнечный солт-лейкский день. Молодой черноволосый парень спортивного телосложения держал на мушке группу распластанных на земле людей. Второй курил, прислонившись к капоту «Хаммера». Третий, высокий и сухощавый, рассматривал её с тем же бесстрастным видом, будто она вовсе не была обнажена, а кошачьи уши – просто милое дополнение к стандартному набору.

Юки уселась на крыльцо. Язык почувствовал солёный воздух. В памяти снова вспыхнули ролики о космических полётах. Неплохо бы взять автограф.

Деф использовал аттракцию и спросил:

– Юбка, верно?

Ю не поняла, что он имеет в виду, но зачем-то кивнула.

– В идеале, тебе тоже нужно захотеть быть одетой. Так легче задать взаимосвязь.

– Как скажешь, – выдавила Юки и посмотрела на него. Настоящий немногословный мужчина с суровыми линиями лица. Впервые в жизни она увидела, как можно одевать глазами. Одежда, которую вчера с неё сняли, сегодня вернулась на прежние места. Даже трусы сели идеально. Особенно приятно ощущался полугловелетт.

– Вик, а можешь ты так же быстро раздеть? – Ю издала вымученный смешок.

– Могу, – по-харрисонфордски усмехнулся Деф одной стороной лица. – Главное – чтобы это вело к позитивному результату.

– Ты всегда был крутым.

– Мне б такую поклонницу, – с ноткой зависти произнёс Макс, пиная лежащее бандитское тело. – Руки не расцепляй! Плотнее к затылку.

Клаус прислушивался к посторонним шумам. Солт-Лейк молчал.

– Опасное место, – сказал он. – Закрытый пыточный клуб, алкогольные коктейли с добавлением запрещённых веществ. Макс, убери их с улицы. В том доме есть подвал.

Парень гаркнул, и шестеро напуганных мордоворотов начали подниматься. От перекошенного джаггера валил дым. Дом напротив наполовину ушёл в воронку. Клаус отправляет окурок в полёт, но тот исчезает, оставив после себя лишь дымный штришок. Ошибка восприятия? Ю закрыла глаза и попыталась разобраться с бардаком в голове. Бесполезно –

висок всё ещё трещит, как сломанное радио. Она взглянула на Дефа.

– Холли жива.

Виктору словно пощёчину отвесили. В глазах зажглось непонимание. Они с Клаусом коротко переглянулись.

– Ты встретила её в Калифорнии? – спросил Виктор.

– Ага. Она на пиратов работает.

– И, скорее всего, – поспешил добавить Джей, – Холли прибыла из другого сценария.

Виктор опустил взгляд, несколько раз сжал руку в кулак – не злобно, беспокойно. Разочарованно посмотрел наверх.

– Это всё равно не моя Холли. Я не чувствую с ней связи.

– Сначала встреться с ней, – сказала Ю, – а там решишь, твоя она или нет.

– Слова, достойные идеального оператора, – во все зубы улыбнулся Клаус.

– Нужно будет заехать в Бостон, – только и сказал Виктор.

Клаус кивнул.

– Заедем.

Хирург вышел на крыльцо. На Юки надвинулась прохладная тень.

– Твоя под'ужка будет жить. Сейчас она в состоянии искусственной комы.

– Кайф.

Клаус зацепился за спасённое сознание и сразу сделал ряд выводов:

– Крайне социальная маньячка с гиперкомпенсацией. Потомственная наркоманка. Зациклена на получении быстрых удовольствий, в особенности от секса. Что ты с ней собираешься делать?

Ю поймала пристальный взгляд.

– Хочу оттянуться на ней как следует. Чёрт, в таком состоянии это будет сложновато. Вы можете подержать её у себя?

Хирург сдержанно рассмеялся. Виктор выразил понимание.

– Ваше желание – закон, – усмехнулся Клаус. – Придётся напрячь местный филиал «Второго отдела». Чего не сделаешь в качестве жеста доброй воли. Вот же здешний Клаус удивится.

– Здешний Клаус? – переспросила Юки.

– Мы из другой сюжетной линии. Тебе там ногу отстрелили.

– Жутковатое з'елище.

– Не то слово. Джей, конечно, молодчина. Вкалывает тебе адреналин, как скаковой лошади, и надеется, что сердечко выдержит. Сколько там у неё сердечек осталось?

– Семь, – ответил Джей.

– Одно мы благополучно спасли и скоро отправимся спасать остальные. Собственными руками изменим ход повествования. У нас каждый универсальный оператор на счету. Как тебе, нравится работать с Джеем?

– Во всяком случае, не скучно, – ответила Ю.

– Теперь я понимаю, что выбрал он тебя не просто из-за целеустремлённости или храбрости, а из-за чего-то большего, к чему я попросту не смогу подобрать слов…

– Это называется некото'ая внут'енняя шибанутость, – подсказал Хирург.

Вирц кивнул, активируя новую сигарету.

– Какая мутация ума способна заставить человека пойти против здравого смысла? Сначала ты заходишь в Сан-Франциско, на территорию сотни страдающих ультрапатриотизмом громил, затем штурмуешь башню, окруженную пятнадцатитысячным войском. На что ты готова ради борьбы с недостатком информации?

– На всё. Моё любопытство сильнее инстинкта самосохранения.

– Я пошарил в твоём мёртвом мозгу. Отголоски чувств незабываемы… Отпетая экстремалка с острой адреналиновой зависимостью. Тебе нравится чувство опасности, хотя ты постоянно убеждаешь себя в обратном. Оправдываешь действия миссиями и целями, повторяешь сама себе, что у тебя есть обязательства, а на деле ищешь повод, чтоб оказаться поближе к краю.

– Препятствия появляются вопреки моим желаниям. Мне всего лишь хочется заглянуть за горизонт. Сегодня я свалилась в пропасть и поняла, насколько там скучно и как же здорово жить. А раз судьба даёт новый шанс, то можно снова двигаться к горизонту, даже если по дороге поджидают но-

вые опасности.

– И смерти не боится, и жизнь любит. Скажи, Скриптрайтер предлагал тебе что-нибудь невероятное? Вернуть Техника? Восстановить мир?

– Нет. Мне кажется, мы сами можем всего достичь. Даже воскресить тех, кто ушёл.

– Вот поэтому Джей тебя и выбрал. А вы, Артур Григорьевич, всё про внутреннюю шибанутость.

Клаус струйкой выдохнул дым в голубое небо. Вернувшийся Макс встал неподалёку, наслаждаясь сухим воздухом Юты. Окурок полетел по восходящей дуге и испарился в самом её начале.

– Куда пропадают окурки? – спросила Юки.

– Перемещаются к солнечному ядру.

– То есть ты используешь Солнце в качестве пепельницы?

– Получается так, – Клаус подумал, что на фундаменте этой простенькой мысли можно построить целый трактат по философии, а затем предельно откровенно сказал:

– У меня есть просьба. Чтобы в будущем не возникло разногласий, хочу уведомить, что в первом сценарии мы сохранили твоё тело. «Отдел» его восстановит.

«Это даже не просьба», – вставил ремарку Джей.

– Я не против, – дала согласие Юки, – только зачем?

– Джей рассказал тебе про Энн? Когда я заберу её на Землю, ей понадобится тело. И раз уж ты смогла синхронизироваться с моим альтер эго, то и её запросто сможешь принять.

– Разве от моей личности в первом сценарии что-то осталось?

– Обрывочная информация. Впрочем, этого должно хватить. Или можешь принять её сама. Энн понравятся кошачьи ушки.

– Звучит серьёзнее, чем предложение руки и сердца. Я ведь сохраню свободу воли?

– Естественно. Энн, как и я, нечто вроде души – просто набор дополнительных стремлений. Так что вы с ней станете чем-то вроде двух взаимодополняющих индивидуальностей.

– Попахивает шизофренией, впрочем, обещаю подумать. Стану первым человеком с настоящей душой.

– Людям на Земле души как раз не хватает, – заметил Клаус.

– И мозгов, – хохотнул Хирург.

– Ты правда можешь забраться в любую голову? – поинтересовалась Юки.

– Забраться – да, но закрепиться – не всегда. Могу подарить эмоции, могу дать пищу для размышлений. Если позволишь ненадолго залезть в твою голову, поймёшь, как это работает.

«Не соглашайся, Ю».

– Давай.

– Сейчас почувствуешь. Без паники, Джей, всего лишь мизерная частичка души для коротенькой демонстрации.

– Клаус, это пустая трата ресурсов.

«Согласен».

Юки почувствовала всплеск мотивации, касание монументальной идеи, самозабвенное желание спасти, но не всех, а её одну. Энн. Боже правый, да ведь это даже не имя. Просто… «Понимаешь, да?» Энн как… Дым. Как ускользающая память, которая обрывками всплывает перед мысленным взором. Скользящие по клавишам фортепиано пальцы, настойчивый пульс самоотдачи, бесшумные босые шаги, тонущие в цветочном лугу.

– Я чувствую, – сказала Юки. – Это странно… Странно чувствовать настоящую любовь через кого-то другого. Это нечестно. Дай сигарету.

Клаус посмотрел в открытую пачку. Три штуки. По одной на каждый дом. Вложил внутрь серебряную зажигалку, метнул, не глядя, прямо в ловкие азиатские пальчики. Юки вынула сигарету, подожгла и как следует затянулась. Или это был Клаус? Нет, не он. И ведь никакого кашля или других признаков неприятия. А курила Юки ровно так, как та школьница из романа Мураками. Потрясно. И когда в небо отправилась дымная струйка, Клаус оставил тело. Юки почувствовала горечь.

– Определённо, ощущения необычные, – затянувшись ещё разок, она бросила окурок к «Хаммеру». Спустя мгновение он сгорел в недрах Солнца.

Никотин бодрил, и тело, кажется, пришло в норму. Юки встала, отряхнула юбку, спрятала сигаретную пачку в боко-

вой кармашек.

– Коллапсу ты так же поспособствовал – забираясь в правительственные головы?

– Мои возможности весьма ограничены, а внушение может занимать порядочное время. Нам хватило обычных дипломатических контактов с различными министерствами. Скажу честно, я колебался, не хотел подталкивать людей к неизбежному. Что подумает обо мне Энн, когда мы встретимся? Как я посмотрю ей в глаза, погубив невиновных?

– И всё-таки ты решился.

– Я был готов отдать победу сайберам и склонялся к невмешательству. Однако, я был связан с Джеем договорённостями. Он пообещал, что найдёт способ уничтожить Скриптрайтер и вернёт Энн, если я буду следовать его указаниям. И именно в тот момент, когда я колебался, Джей прислал мне очередную задачу: вмешаться в предстоящую войну и скорректировать Коллапс. Что я и сделал.

– Раньше ты об этом не рассказывал, – произнёс Макс.

– Потому что не видел в этом смысла, – и обратился к Юки:

– Я ощутил в тебе нестандартные цепочки метакода. Оливер пошёл на сделку?

– Типа того. Мы очень мило с ним пообщались.

– Просто он понял, что проигрывает. Не думай, что Оливер – безобидный малый.

– Я никому не доверяю. Всегда есть шанс наткнуться на

скелет в чужом шкафу.

– В этом ты тоже похожа на Джея, – ехидно констатировал Клаус. – А вообще, позиция правильная. Кстати, если возвращаться к разговору про Коллапс, то мы многих спасли.

– Сколько?

– Тысячи человек. Перебросили их на Марс. Мы там небольшой город успели отгрохать. Ну как, город – подмарсианский жилой комплекс.

– Курт рассказывал, там новый социальный строй.

– Можно сказать и так. Кибернетический анархо-утилитаризм.

– Сокращённо: КИАНУ. – Максу данная аббревиатура всегда поднимала настроение.

– Так ведь одного актёра звали.

– И довольно неплохого. Нам хотелось максимально позитивных ассоциаций. Фундамент концепции в том, чтобы полностью избавиться от слепых зон. Искусственный интеллект наблюдает за всем происходящим, буквально за каждым аспектом жизни и, в случае чего, передаёт сигналы ответственным службам. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, почему это не тоталитаризм?

– Если наблюдение ведётся максимально объективным ИИ, тогда проблем нет. Вопрос в том, у кого есть к нему доступ.

– Извращенцы не глазеют в замочные скважины, если ты об этом. Да и файлы не хранятся на серверах больше недели.

Признаю, утечки возможны, только до сегодняшнего момента их практически не было.

– Практически?

– Попался один юный революционер. Оправдывался потом, что хотел выявить уязвимости в системе. Приняли его замечания к сведению, провели серьёзный разговор, включили в штат, поставив на усиленный контроль.

– Курт обещал мне экскурсию по базе.

– Напомни ему об этом, когда встретитесь.

– Курт очень глупо погиб. На него напали, пока он вводил меня в курс дела.

– Думаешь, причина только в его невнимательности? – спросил Клаус. – Джей наверняка дал ему чёткие инструкции и использовал, как функцию. Если сложить отдельные кусочки паззла, можно сделать любопытный вывод: пойдя на жертву, Курт дал тебе мощный разгон и ускорил цепь событий, приблизив тебя к достижению нужного результата.

– Можно было обойтись без самопожертвования.

– Джею виднее, – развёл руками Клаус.

Виктор прокашлялся и уведомил:

– Скоро станет опасно.

– Сколько времени в запасе?

– Минут десять.

– Хорошо, – кивнул Клаус и взглянул на Юки. – Тебе пора.

– Как тебя вообще сюда занесло? – спросил Макс.

– Правка в сценарии. Меня бы к байку переместить. На

нём маячок.

– Отлично, – сказал Вирц. – Кидай координаты.

– О'кей, – ответила Юки и отбила на перчатке нужные команды.

Улица погрузилась в молчание. Мужчины прислушались к городу.

– Что-то они там мешкают, – произнёс Деф, улавливая ауру.

– На их городок ракета упала. Естественно, они малость обескуражены.

– Артур-сан, – обратилась Юки к Хирургу. – Вы можете вернуть к жизни остальных психопаток из других сценариев?

– Могу, 'аз уж ты так вежливо п'осишь.

– Медицинский стол заказов открыт, – улыбнулся Вирц. – У нас на базе как раз изоляторы простаивают. Чем-то тебя эта маньячка зацепила, верно? Впрочем, не отвечай. Переиндексация через пятнадцать секунд.

– Виктор, – так же вежливо произнесла Ю, – можешь дать мне какой-нибудь ствол?

Он ответил молчаливым согласием. Аттракция переместила оружие прямо в руки, а пальцы идеально легли на спусковые крючки. Юки, прислонив к плечам два полуавтомата, ждала переиндексации. Клаус держал в руке открытую пачку с наполовину вытянутой сигаретой.

– Главное, не отправить тебя случайно к какому-нибудь красному карлику.

– Эпичный был бы финал, – согласно пробурчал Виктор.

– Удачи, кошкодевочка, – сказал Макс.

За секунду до переиндексации Хирург неожиданно спросил:

– Знаешь, как мы назвали первый ма'сианский го'од?

– Без понятия.

– Масква, – ответил док и с извиняющимся видом беззвучно расхохотался в кулак.

А затем её перекинуло и вернуло на привычный туристический маршрут.

Она раскинула руки в стороны, готовясь подавить угрозу. На спусковые крючки передалось решительное давление пальцев. Нет, место правильное – музей, в котором остались на хранении её личные вещи, и в числе экспонатов которого появятся сегодня два промасленных убийственных ствола. Экипировавшись, Ю выкатила байк. Одежду решила не менять – ей плевать было, как она сейчас выглядит. К тому же, у юбок куча достоинств, например, они сбивают концентрацию у особей определённых предпочтений. Сидя на байке, ронин всматривался в улицу.

– Курт правда подставился под пулю не случайно?

«Нужен был триггер – сорвать тебе тормоза, лишить чувства жалости».

– Глупо.

«Поверь, я максимально точно рассчитываю вероятно-

сти».

– То есть ты пожертвовал человеческой жизнью лишь для того, чтоб пробудить во мне ненависть?

«Это не единственная причина».

– Меня это не устраивает, – сказала девушка, запустив двигатель. – В следующем сценарии можешь оставить Курта в живых?

«Неужели он так тебе понравился?»

– Боже, Джей, да. Я хочу заняться с ним сексом.

– Твоя параллельная сущность будет тебе благодарна.

Она обречённо опустила голову к рулю.

– Как же много у меня вопросов.

«Будет просто прекрасно, если ты сама найдёшь ответы».

– Кое-что я никак не смогу узнать без твоей помощи. Что за лаборатория была у Техника в грузовике?

– Там стоял ассемблер, на котором он вычислял цепочки метакода. Ещё есть лабы в южной Африке, на Марсе и на Луне.

– Как происходит вычисление?

«Для начала нужно создать информативную область. В Африке акцентировались на погодных явлениях. Создаёшь, например, дождь, буран или торнадо, а затем оператор начинает искать оригинальные последовательности среди массива данных. Работа сложная, так что даже гении выгорали».

– Чувствую, гениев было немного.

«С каждым годом всё больше. Минамото Бэнкэй в их чис-

ле».

– Генеральный директор «Бэнко», – тихо произнесла Юки. – Это ведь дядюшка Ло, верно? Зачем он изменил внешность?

«Чтобы не привлекать к «Токио» лишнего внимания. Глаза компьютерной оптикой он тоже усовершенствовал не просто так. Африканская лаба раз в полгода скидывала ему данные для дешифровки, и он уходил в работу с головой».

– Так и знала, что мы плаваем до Кейптауна не чисто ради фруктов. Дядюшку Ло жалко, он ведь обоих сыновей потерял.

«Потому и отдался важному делу. Чтобы отвлечься».

– Метакод погодных явлений… Звучит интересно.

«Это действительно доставляет удовольствие, как решение теоремы Ферма. И сложная формула есть буквально у всего – у изгиба дождевой капли или радиально-лучевой конструкции снежинки».

– Получается, мы видим реальность в упрощённом виде?

«Верно. И видите вы её таковой, потому что не являетесь специалистами. Конечно, некоторые из вас пытаются понять конструкцию целиком, но большинство смотрит на мир как на внешний дисплей с набором приложений разной степени полезности».

– Неплохая аналогия.

«Благодарю. И кстати, погодные явления отлично подходят в качестве индекса местоположения».

– Индекс ведь должен быть уникальным. Хочешь сказать, нужно создать сугроб необыкновенной формы?

«В принципе, можно и сугроб, но его структура содержит слишком много значений. Нужно что-то менее объёмное. Понимаешь, чем проще индекс, тем легче оператору его вбить».

– И как же создать простой, но при этом уникальный индекс?

«Для этого понадобится множество идентичных частиц, сконцентрированных на небольшом участке. Это можно сделать с помощью погодных дронов – создать локальный ливень или бурю. И если оператор наугад вобьёт, скажем, десять песчинок с одинаковыми параметрами и выберет между ними наиболее вероятные интервалы, то с огромной вероятностью попадёт в уникальную информативную область».

– Ага, поняла.

«По дороге расскажу подробнее. Поехали уже».

– Покажи сообщение от Мики. Хочу успеть до ближайшего рояля.

– Оно милое, – произнёс Джей и зажёг над перчаткой голограмму. Крайне довольная семнадцатилетняя мордаха терялась в облачках пара. Токийская сауна, красное бикини в белый горошек, распущенные каштановые волосы с огненным отливом и немного праведной грусти в безгрешных глазах. Мика обезоруживающе помялась, отвернулась от камеры и немного подумала, с чего бы начать.

«Я боюсь, Ю. Серьёзно. Мне капец как страшно за континент. Ты ведь в первый же день влипнешь в какую-нибудь безумную историю, сломаешь кому-нибудь нос или до смерти затрахаешь какого-нибудь красавчика. Конечно, веселись там без меня. Нет, правда, желаю тебе хорошо провести время. Оттянись там как следует и возвращайся, – обещаю целый день быть паинькой, когда ты вернёшься. А если не вернёшься, я уйду в монахини. Это не шутка. Не надо ржать. Просто не забывай дорогу домой. В моём сердечке для тебя всегда найдётся место».

И на самой доброжелательной в мире улыбке, запись оборвалась. Ю тоже улыбнулась, спонтанно, и добавила холостых оборотов.

– Вот теперь едем. А я могу посмотреть своими глазами из другого сценария?

«Хочешь побывать на «Токио»?»

– Не только. Убедиться, выживет ли Курт и чем у нас всё закончится.

«Это новый вид извращения такой?»

– Хочу понять, чем ограничиваются мои возможности.

«Ты можешь использовать меня как прокси и смотреть на мир через датчики ПМК, а вот сможешь ли ты подключаться к собственной нервной системе – без понятия».

«Значит, завтра попробую», – решительно подумала Ю. Байк с ускорением двинулся до ближайшего угла.

На углу она свернула на север, к выезду на трассу. После

Прово поворачиваешь на восток, а там – пока не упрёшься в океан. Всю дорогу Джея будет ждать нескончаемый поток вопросов и первый из них:

«Техник мог выжить?»

«В этих девяти сценариях – нет. Но я подозреваю, что есть много других Техников, и с каждым ты сможешь поговорить. Многие, думаю, совсем не отличаются от твоего настоящего старика, а может, все они правильные и все – твои. Может, каждый из них важен и достоин уважения, внимания и любви. В любом случае, расставаться навечно нужно уметь. И если вспоминаешь человека теплом, значит, он прожил жизнь не зря».

5. Эпилог. Техник.

«Дело пахнет Хиросимой», – произнёс Джей на русском. Кэзуки понадобилась лишняя секунда на перевод.

«Рад, что ты так не вовремя научился каламбурам».

В двенадцати новостных окошках беспокойно бежали дорожки субтитров. Развернув одно из них во всю стену, Техник в высоком разрешении узрел кипучую деятельность: грузовые летуны сбрасывали на тридцать восьмую параллель какой-то обеззараживающий порошок, во всю продолжалась эвакуация, а счётчик жертв неумолимо прибавлял двузначные числа. Виртуальная девушка с демоническими рогами рассказывала про очистительные мероприятия. После пилотного инцидента мир пришёл в движение, а теперь, кажется, затаил дыхание. Пусть негодяи будут найдены. Это ведь наверняка террористы, а не спецслужбы какого-нибудь государства.

– Сначала обнародовали личные данные, затем спровоцировали ядерный удар. Кто мог пойти на такое?

«Какие-нибудь радикалы, следующие собственному безумному учению. Ни одна страна не получит от этой атаки выгоды. Ей даже торговцы оружием не обрадуются… Впрочем, забудь про торговцев оружием. Это я глупость сморозил».

Техник взглянул в окно. Токио, кажется, жил обычной

жизнью.

– Может, стоило переехать? Опасно сидеть на той же квартире.

«Твой начальник – Бэнкэй – знает, что делает. После того, как мы ему открылись, он со всей ответственностью подошёл к нашей безопасности. Например, он поступил очень дальновидно, заминировав твоё жилище, так что при худшем раскладе Скриптрайтер не достанется никому».

– Это ведь шутка?

«Если бы ты сначала посмеялся, я бы ответил».

– Как там с поисками идеальных кандидатов?

«Плохо: вряд ли они достойнее тебя. Нам бы искусственно модифицировать эмбрион».

Техник картинно закатил глаза.

– Как ты это себе представляешь? «Уважаемая миссис Икс, ваш малыш может стать расходником для энергетического вампира с другой планеты».

«Соратником. Ты сгущаешь краски».

Техник чувствовал, что мир подходит всё ближе к краю. Позавчера он общался с Томпсоном, и тот предупредил, что высокопоставленные шишки нервничают, что «Восход» готовится к приёму кого-то важного. И он снова клялся, что пошёл на сотрудничество с правительством из лучших побуждений, что в этом была его обязанность как гражданина. Томпсон умный, харизматичный, но слабовольный. Зато теперь, пытаясь загладить вину, он вовсю помогает им в сборке

той самой штуки, схему которой Джей им предоставил. Если проект воплотится в жизнь, у них появится шанс останавливать войны просто по щелчку пальцев. Во всяком случае, в теории.

Раздался сигнал входящего сообщения. Директор. Для сотрудников «БэнКо» – Минамото-сан, для жены – Бэнкэй, с подходящими под ситуацию эпитетами. Для старых школьных друзей – Бэн Ло. Техник открыл сообщение мгновенно. Когда мир стоит на пороге Третьей мировой, начинаешь ценить каждую секунду.

«Кэзуки, – беспокойно сказал с голографического экрана его начальник. – «Второй отдел» скинул мне информацию. Они говорят, что высока вероятность Коллапса, и лучше побеспокоиться о безопасности уже сейчас. Нужно выехать за пределы Токио. Я буду ждать на парковке. Поторопись, пожалуйста, подъеду к часу».

Было без трёх минут. Техник пытался переварить услышанное. Коллапс? Звучит фатально.

«Апокалипсис, родившийся из людской глупости. – Джей разъяснил, что скрывалось за этим термином: – «Отдел» решил, что цивилизация добралась до критической отметки, а значит, им остаётся действовать исходя из сухого математического расчёта. Если для лучшего результата придётся усугубить ситуацию, Клаус так и поступит».

– Усугублять ситуацию ради наилучшего результата? – Техник замер посреди комнаты на середине носка. – Ты по-

нимаешь, как это тупо звучит?

«Более чем».

– Подумать только, за нами заедет директор собственной персоной.

«Чувствуешь свою значимость, Кэзуки-сан?»

– Я просто хочу, чтобы это оказалось дурацким сном. Ладно, прорвёмся. У Минамото-сана есть бомбоубежище в пригороде. Если оно нам не пригодится, женюсь при первой возможности.

Техник наспех оделся, бегом добрался до лифта и спустился на стояночный этаж. Неужели будет война? Неужели кто-то доведёт ситуацию до точки кипения? Жужжащая люминесценция нервировала. В зеве парковки светлел Токио. На фоне небоскрёбов пролетали дэши, огни всплывающей рекламы мерцали, как новогодние гирлянды. Индустриальная столица в центре сказочного острова. Окунись в её свет – и никогда не захочешь уходить.

Дэш Минамото-сана переливался обсидиановым стеклом. Последняя разработка «BenCo-Auto» и единственная в своём роде. Обтекаемая форма, восемь несущих колёс-винтов, стабилизаторы давления, которые ставят на космические корабли… Если повезёт, в следующем году эта модель выйдет в серию. Когда «Mizare» мягко приземлилась в пяти шагах, Техник очнулся.

– Кэзуки, хорошо, что ты вовремя. Одевайся и едем.

Бэнкэй Минамото стоял перед ним в костюме химзащиты.

На голову натянут белый капюшон, фильтр-маска сдвинута под подбородок. Открывается багажник, и в Техника летит новенький комплект. Похоже, дело действительно серьёзное. Техник уложился в отличный норматив: молнию и липучки застёгивал уже в машине. Перед ними распахнулось городское небо, и они буднично влетели в флайт-лайн.

– Не могу связаться с сыновьями, – сказал Бэнкэй. Глаза следовали за током движения, искали лазейку, чтобы перестроиться. Он превышал скорость, но никого не подрезал. Новенькая «Mizare» шла чертовски плавно.

– Где они сейчас, Минамото-сан? – спросил Техник.

– Джиро на переговорах в Осаке. Кенджи за городом – мы в выходные собирались на рыбалку. Впервые на моей памяти такие перебои со связью, ещё эта утечка данных на прошлой неделе… Хорошо, что нас пронесло. Джей знает, что происходит?

– Ставлю на фанатиков, – ответил Джей, – работающих по принципу «бойцовских клубов».

Бэнкэй вымученно рассмеялся.

– Это невозможно.

Окраина Токио зеленела в нескольких километрах по курсу. Они летели над районом Сэтагая, над тихими трёхэтажными кварталами, в которых особенно чувствовался дух старой Японии и в которых запросто можно было заблудиться. Техник поглядел вниз и в этот момент заметил что-то боковым зрением. Нахлынуло холодящее кровь предчувствие.

Тень пронеслась справа, быстро, как росчерк автографа, а спустя мгновение раздался удар вбиваемой сваи. Бортовой компьютер начал сбоить, часы показали четыре восьмёрки, с навигатора исчезли все движущиеся сигнатуры. Волоски на руках встали дыбом… Электронвольтная волна добралась до них, когда Бэнкэй набрал максимальную скорость. Обороты несущих колёс синхронно замедлились. Дэш начал неотвратимое снижение.

– Бог мой! – прокричал Бэнкэй, выворачивая руль к посадочному ярусу. Даже с отключенной электроникой «Mizare» сохраняла стабильность; другие дэши снижались как придётся. Несколько машин на полной скорости врезались в полимерные опоры многоярусной трассы, но большинство садилось по всем правилам, безупречно отработанных на тренажёрах.

– Это безумие! – восклицал Бэнкэй, опускаясь на третий ярус. Вокруг была суматоха, но не хаос. Конечно, не обойдётся без жертв, но ведь самое страшное уже позади, верно? Кэзуки и Бэнкэй стояли по обе стороны от дэша и смотрели, как парящий в небесах Токио спускается к земле.

Они отвернулись одновременно. Одновременно легли на дорогу и надели фильтр-маски. Если видишь вспышку, нужно отворачиваться и падать. Полыхнуло на севере, до них донёсся ветер и жар. Рациональное начало попыталось выключиться. Раздались крики, усилился грохот – Токио ломался под кулаками вандалов. Снова грохот, как будто что-

то прилетело южнее. Как будто в Кавасаки есть какие-то военные объекты. Техник лежал на трассе, прикрыв руками голову, всем своим существом внимая сотрясающим землю великанским шагам и собирая из звуков картинку рассыпающихся в труху небоскрёбов. Карбидные бомбы, сейсмические бомбы, электронвольтные бомбы… Список можно продолжать бесконечно, но как угадать, какая бомба выпадет тебе?

Открыв глаза, он увидел зарево вспышки. Огненный ветер раскрасил небо. Сатанинская мощь падающих ракет превратилась в концентрированный ужас; тело задеревенело, захотелось зажмуриться и уснуть. Ещё глубже уснуть, раз уж не получается проснуться. Он услышал плач. Минамото Бэнкэй по ту сторону от машины убивался горестными слезами, и Техник мог его понять, потому что тоже имел семью. Отец, мать, сестра и брат. Каждый в своём уголке мира, и каждый хотел побывать на Северном полюсе. Давняя детская мечта показалась вдруг недосягаемой… Обстоятельства изменились, Мияке-сан.

Сколько всего упало ракет? Тридцать? Сорок? А сколько прошло времени? Девять минут, а по ощущениям девять жизней. Сердце рвалось из груди, ручьём катился пот. Кажется, прекратилось. Техник сел, посмотрел на дорогу. Человека тошнило за ограждение. Пусть это будет от ужаса. Люди, живые или мёртвые, лежали по всей длине трассы, кто-то стоял на ногах, кто-то пытался оказать первую по-

мощь. Джей развернул проекцию: превышена допустимая доза радиации. Через час последствия для организма будут непоправимы. Техник проверил застёжки на костюме, убедился, что маска сидит как надо. Некоторых тошнило сидя. Вопящая женщина с ребёнком на руках просто стояла посреди дороги, отдавшись, похоже, безумию. До того дня Техник не мог поверить, что мать способна выпустить из рук собственное дитя. Усугубление последствий для достижения наилучшего результата? Нет, это выше его понимания…

Техник дышал, тяжело и глубоко. Подошёл к Бэнкэю. Тот бессильно упёрся затылком в дверь.

– Всю жизнь я пытался изменить мир к лучшему. Зря. Ломают быстрее, чем получается строить. Держат у себя оружие, которое стирает в пыль тысячелетия прогресса. Хотят выяснять отношения – пусть катятся с Земли. Бейте друг другу морды где-нибудь ещё. При чём тут я? При чём тут моя семья и мой город, к которому они не имеют отношения? Я не могу. Я не могу, Кэзуки. Мы всё потеряли.

– Бэнкэй-сан, – говорил Техник, присаживаясь перед ним. – Рано отчаиваться. Людям требуется помощь. Нас ведь учили в университете. Нужно организовываться, наметить план спасательных мероприятий, раздать задачи…

– Я не могу.

Женские вопли врезались в череп отбойным молотком. По всей длине дороги – призрачное движение вырванных из повседневности людей. Седой японец брёл в их сторо-

ну, словно зомби. На них нет химзащиты. Они ранены, они отравлены, они контужены или сломлены. Им нужно помочь.

– Нельзя сидеть, сложа руки, Бэнкэй-сан. Нужно узнать, что с вашей семьёй. У всех в Токио есть семья – им тоже надо помочь увидеться с близкими. Вставайте, шанс ещё есть.

– Может быть, – разбито сказал Бэнкэй. – Я хотел поехать в выходные на рыбалку. Всё ведь было спланировано на месяц вперёд… Каждый день нужно отдавать под что-то важное…

Голос дрожал, слова превращались в лепет. Сейчас он сломается. Сейчас. Техник влепил ему пощёчину.

– Бэнкэй. Вы носите имя героя, который умер стоя. Если вы сейчас же не успокоитесь, что подумают о вас сыновья? Вспомните, кто вы такой и за что сражаетесь.

В мутных стёклах фильтр-маски прояснился взгляд. Бэнкэй нерешительно посмотрел на Кэзуки. Ему вспомнилась та старая легенда про разбойника, насобиравшего девятьсот девяносто девять трофейных мечей. Он разоружал каждого встречного, но в какой-то момент проиграл. И всё равно продолжил любимое дело. И стоя умер на том мосту, за которым стоял замок его господина. Сегодня ты не получил свой тысячный меч, Минамото Бэнкэй, но это не значит, что нужно сдаваться.

Бэн Ло сжал кулаки, поднялся, открыл багажник. Двадцать комплектов химзащиты лежали стопкой.

– Прости мою слабость, Кэзуки. Нам нельзя терять время.

Идём.

Техник принял пачку белых комбинезонов, посмотрел на лежащий в руинах Токио и в отчаявшиеся лица людей. Нужно отвести их в бомбоубежища, нужно разобрать завалы. Главное начать, а дальше всё пойдёт своим чередом. Мир всегда возвращается в норму, просто порой его нужно к этому подталкивать. Такая вот необходимость, Мияке-сан.

***

Сороковая трасса разрезала равнину, убегая на восток от тяжёлого взгляда скалистых гор. Засуха истощила землю, редкие осадки оставили эрозийные шрамы. На усталом лице матери-природы отражалась скупая надежда.

На равнины надвигалась тень. Закипал северный горизонт. Мазутное пятно тучи разливалось по небу. Сбросив скорость, Ю на ходу выбила подножку и пробежала рядом с байком несколько шагов. Её заворожил масштаб стихии, и она ничего не могла с этим поделать.

Пронизывающий ледяной ветер трепал юбку, жадно касался голого живота, лодыжек и шеи. Хорошо бы не поймать простуду… Ю приметила в километре коробочку придорожного капсульного мотеля – отличное место, чтобы переждать ненастье. Порой хочется просто посидеть в тепле, отдыхая от авантюр и принятия сложных решений. Конечно, лучше б сейчас оказаться на «Токио» рядом с друзьями, но выбор даётся далеко не всегда.

«Как ты вызвал ракету с «Токио»? Там есть маячок? Я бы

с радостью туда сейчас переместилась».

«Маячок действительно есть, – сказал ПМК. – Не такой технологичный, как у Оливера, но работает исправно. Просто приходится вбивать больше дополнительных параметров…»

Погожий июньский денёк смурнел. Небо затягивала сплошная непроглядная пелена. Грудь под коротким топиком отчётливо среагировала на холод. Да уж, одета она не по погоде, да и вообще видок у неё сейчас странный: к ристринговому ремню прицеплен «Оригами», подол юбки залез под набедренную кобуру с револьвером, за спиной «Арисака», и на самой стандартной голове два самых нестандартных уха.

«Любопытно будет изучить анатомию», – подумала Юки и, глубокомысленно скривив губки, взглянула наверх.

– Подозрительная туча…

«Как по мне, самая обычная», – прагматично ответил Джей.

Первые снежные хлопья упали на открытую ладонь. Юки присмотрелась: никакого шестиконечного разнообразия, каждая как маленькая градинка – идеально-сферическая. Неужели идентичные?

Местность заволокло осадками. Снег падал на волосы, на кошачьи уши, которые автоматически их стряхивали с периодичностью автомобильных дворников.

Самое время спрятаться под крышу – забраться в свой маленький счастливый бивуак.

Ну да, всё верно. Послышался «Happy Bivouac» группы «Pillows». Незабываемый рифф, крайне позитивное исполнение. Звук шёл откуда-то спереди. Ю оторвалась от раскрытой ладони и подняла лицо на источник; взглянула на пустую дорогу, но поняла, что видит прицеп. Исходя из многовекового опыта, к нему в комплекте должна идти кабина. Большой чёрный бокс на колёсах покрывался идеально круглыми хлопьями, тонул в белом шуме и словно бы сам потихоньку превращался в белый шум.

А кабина у грузовика была, потому что распахнулась дверь. И водитель, кажется, был. Юки дважды моргнула, протёрла глаза, пытаясь разглядеть призрака. Человек спрыгнул из кабины на обочину, подставил лицо невесомому граду и коснулся затылка, ослабляя ремешок фильтр-маски. Можно было не сомневаться… Немного напоминает того музыканта из СССР и держится так же уверенно.

А затем он посмотрел на неё, на кошачьи уши, на совершенно неподходящую для боевого похода одежду и на слегка помолодевшее личико. Семнадцать ей было семь лет назад, и вот опять – семнадцать. Другие обстоятельства, другой сценарий, но те же задачи и заметно сместившийся баланс сил. Техник даже не дышал, наверное, пока у него вдруг само собой не вырвалось:

– Юки.

И она прочла это по губам. Два движения – твёрдых, приветливых. Имя как судьба, которую не выбираешь, идёт за

тобой с того момента, как появляешься на свет. И сейчас она поняла абсолютно всё – и символизм своего имени, и неотвратимость сегодняшней встречи. Она не улыбалась ему, но была очень рада.

Это был её самый лучший День рождения.

Это падал её самый первый в жизни снег.